В. Л. Вихнович

2000 ЛЕТ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ РОССИИ

(*От начала новой эры до современности*)

Санкт-Петербург
2012

ББК 63.3
В41

Вихнович В. Л.
В41 2000 лет истории евреев России. — СПб.: Академия исследования культуры, 2012. — 608 с.
ISBN 978-5-94396-117-5

Книга посвящена истории евреев в России — теме, неизменно вызывающей в нашем обществе интерес и порождающей многочисленные дискуссии. И интерес этот не случаен, ибо историческая судьба еврейского народа тесно переплелась с судьбами других народов России.

Прослеживая историю еврейского народа на территории исторической России от времени появления иудейских общин на берегах Северного Причерноморья в начале новой эры и до наших дней, автор представляет ее читателю как смену разноязычных этнических общностей («эдот»): греческой, хазарской, древнерусской, ашкеназской, русской. В книге затрагиваются и темы советской истории — евреи в политических партиях, в революции, Гражданской войне, в период становления СССР, в Великой Отечественной войне, «Дело врачей» в конце правления Сталина, Сталин и создание государства Израиль, распад СССР и массовая еврейская эмиграция, евреи в современной России. Описание исторических событий в книге чередуется с образным изображением в отдельных очерках некоторых значимых событий и лиц.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся еврейской и русской историей.

ББК 63.3

На первой странице обложки: Картина М. Шагала «Пурим» (1916–1918). Художник помещает празднование этого еврейского праздника в типичную русскую деревню. Дети носят угощение в подарок друзьям, семье и соседям.

На последней странице обложки: М. Шагал. Изображение Колена Иуды из витража «12 колен Израиля».

ISBN 978-5-94396-117-5

Оглавление

Введение 5

Глава 1. НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ 10

Глава 2. ГРЕЧЕСКАЯ ЭДА 18

Глава 3. ХАЗАРСКАЯ ЭДА 28

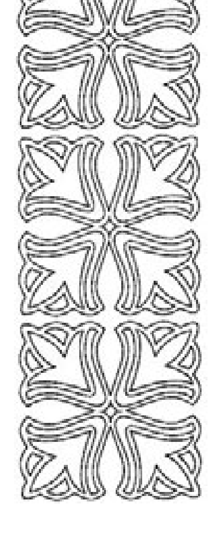
Глава 4. ДРЕВНЕРУССКАЯ ЭДА 41
4.1. В Древней Руси .... —
История в событиях и лицах 53
1. Евреи страны Кедар .... —
2. Ица из Чернигова в XIII в. 58
4.2. В Западной Руси (в составе Великого княжества Литовского) 64

Глава 5. АШКЕНАЗСКАЯ ЭДА 68
5.1. В Польско-Литовском королевстве .... —
5.2. В России до разделов Польши 74
История в событиях и лицах 75
1. П. П. Шафиров и его потомство (к генеалогии русской аристократии) .... —
2. Полузабытая книга об «Изумленном капитане» 85
5.3. В России в царствование Екатерины II 93
История в событиях и лицах 98
1. Евреи и жиды .... —
2. О династии баронов Штиглиц (К истории русской дворянской фамилии еврейского происхождения) 106
5.4. Царствование Александра I 115
История в событиях и лицах 120
1. «ОЗЕТ» императора Александра I (Первые еврейские земледельцы в России) .... —
2. Евреи и Отечественная война 1812 г. 148
5.5. Царствование Николая I 174
Еврейская рекрутчина 175
Общие последствия царствования Николая I для евреев России 192
История в событиях и лицах 194
1. Еврей в остроге Императорской России .... —
2. Светлейший князь М. С. Воронцов (1782–1856) 204
3. Иудаизм в казачьих станицах 209
4. Авраам Яковлевич Гаркави (1839–1919) 218
5. Даниил Авраамович Хвольсон (1819–1911) 227

5.6. Россия: от эпохи Великих реформ до крушения империи (1861–1917) . 233
Общее положение евреев ... —
Антиеврейское и погромное движение ... 246
Еврейский мир в эпоху радикальных перемен ... 256
История в событиях и лицах ... 267
1. Евреи в Императорской армии после отмены рекрутчины ... —
2. Русско-еврейская книга для русско-еврейской интеллигенции ... 281
3. С. М. Дубнов как представитель русско-еврейской интеллигенции . 289
4. В. Е. Жаботинский — пророк, поэт и солдат раннего сионизма ... 296
5. Партия русских националистов в Государственной думе (100 лет тому назад) ... 307

Глава 6. СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ЭДЫ ... 317
6.1. Революция и гражданская война (1917–1922) ... —
История в событиях и лицах ... 320
1. Евреи Белой России (История любви невзаимной) ... —
2. Заблуждения, сомнения и прозрения Василия Шульгина ... 334
3. Джойнт и его добрые дела ... 353
6.2. Становление СССР и Великая Отечественная война (1922–1945) ... 363
История в событиях и лицах ... 371
1. Валентин Ольберг — жертва двух мифов (Эпизод эпохи большого террора) ... —
2. Странная карьера Льва Мехлиса ... 379
3. Операция «Барбаросса» («Крестовый поход против русских, коммунистов и евреев») ... 408
4. Антисемитская тема нацистской пропаганды в блокаде Ленинграда ... 428
5. Судьба «Ветви засохшей» (Еврейство Польши между Первой и Второй мировыми войнами) ... 445
6.3. Послевоенная эпоха (1945–1953) ... 458
История в событиях и лицах ... 461
1. Рядовое судебное дело конца эпохи И. В. Сталина (Из моих воспоминаний об отце) ... 461
2. Судьба караимов и «Дело о Крыме» ... 476
3. Незабываемый день 1948 года (по страницам газеты «Ленинградская правда») ... 492
4. И. В. Сталин и возникновение государства Израиль ... 500
5. «Дело врачей» по материалам Израильской миссии в Москве. Свидетельство Н. Н. Месяцева ... 527

Глава 7. РУССКАЯ ЭДА В СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ... 549
О перспективах с осторожностью ... 550
История в событиях и лицах ... 557
1. Путешествие в Сибирский Тель-Авив ... —
2. Исследователь Еврейской Библии Клавдия Борисовна Старкова — великий человек и ученый (1915–2000) ... 595

ВВЕДЕНИЕ

Советский Союз и современная Российская Федерация являются прямыми наследниками великого Российского государства, существование которого насчитывает более тысячи лет. На этой огромной территории Восточной Европы и Северной Азии сложилась особая российская цивилизация. Как и всякая цивилизация, она в широком этнографическом смысле слагается из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества. Истоки возникновения этой духовно богатой цивилизации можно проследить по крайней мере с начала новой эры, и, конечно, она впитала в себя культурное наследие многих народов, издревле населявших ее землю. Среди этих народов были и евреи, или, как их также называли по религии, — иудеи.

Непостижимые исторические судьбы сложились таким образом, что с землей будущей России у еврейства установились глубокие и прочные связи еще до отделения от иудаизма первых христиан, т. е. примерно 2000 лет тому назад. Появившись до новой эры в греческих городах-колониях в Северном Причерноморье и Крыму, иудейство стало распространяться среди греческого и разноплеменного местного населения. Через несколько веков эти земли включаются в состав многонационального государства, раскинувшегося между Волгой и Днепром, — Хазарского царства. С ним соперничали и одновременно стремились привлечь на свою сторону две другие могущественные державы того времени — христианская Византия и мусульманский Багдадский халифат. Однако Хазария в качестве господствующей религии принимает иудаизм.

Со временем в состав еврейских общин вовлекаются и славяне, бывшие многочисленными подданными Хазарской державы. Поэто-

му после создания на значительной части территории, подвластной ранее Хазарии, Древнерусского государства евреи предлагают князю Владимиру принять иудейскую веру. Но на Руси в отличие от Хазарии, победили христианские византийские проповедники. Однако в Киеве, Чернигове и других местах продолжали существовать славяноязычные иудейские общины. Благодаря их духовной активности, на Руси появляются прямые, без языка-посредника, переводы иудейской духовной литературы на древнерусский язык. Более того, в русской литературе того периода обнаруживаются талмудические сюжеты.

На протяжении последующих веков существования Российского государства отношения властей к евреям складывались по-разному в различные эпохи его истории. Важно отметить только то, что к последней трети XX в. произошел полный переход подавляющего большинства евреев страны на русский язык, а бывшая ранее традиционной культура на языке идиш безвозвратно ушла в прошлое. Сформировалась особая этническая общность — «русские евреи». Для ее представителей характерно полное усвоение русского языка и русской культуры, но при этом сохранение особого этнического самосознания, в которое иудаизм входит только в качестве одного из компонентов. К этому надо добавить, что за годы советской власти широкое распространение получили межнациональные браки, особенно между евреями и русскими. По данным за 1988 г., практически две трети браков с участием евреев в РСФСР были межнациональными.

Весьма большой интерес представляет отношение основной массы населения России к «русским евреям». Этому вопросу было посвящено обширное социологическое исследование, проведенное в 1993 г., т. е. в самый разгар тяжелейшего экономического и политического кризиса, произошедшего после распада СССР. Оказалось, что и тогда среди 15 % участников опроса, высказавших антиеврейские настроения, как и полагали исследователи, только 5-7 % являлись убежденными антисемитами. Для сравнения можно привести данные аналогичного исследования, проведенного в США (ноябрь 1993 г.), в результате которого было выявлено, что по крайней мере 20 % жителей США являются антисемитами.[1]

Подобные настроения жителей России в отношении евреев подтверждаются и результатами недавнего исследования социологов

[1] *Рывкина Р.* Евреи в постсоветской России — кто они? М., 1996.

Всероссийского центра изучения общественного мнения. (ВЦИОМ). Согласно ему, только у 2% (!) опрошенных евреи вызывают неприязнь.[2] И это несмотря на то, что в условиях безграничной свободы слова некоторые экстремистские средства массовой информации и даже ряд писателей и публицистов, в том числе и именитых, стали на путь оживления прежних, казалось бы, уже давно забытых, антиеврейских мифов и наветов. Иногда речь даже идет о повторении дореволюционной погромной пропаганды, а также того, что распространяли на временно оккупированной территории СССР нацистские власти и их пособники

Такое положение весьма изумляет многих западных исследователей. Но всё объясняется изначально многонациональным составом не только населения, но и правящей элиты Российского государства. Это привело, в частности, к отсутствию в массовом российском народном сознании характерного для населения стран Европы представления о «народе — хозяине страны» и «народах-гостях».

В свою очередь, согласно тому же исследованию 1993 г. оказалось, что большинство евреев России в основном рассматривают ее как свою родину, а Израиль — просто как промышленно развитое государство. Показательно и то, что большая часть «еврейских» эмигрантов из СССР и России старались попасть в более благополучные страны, прежде всего в США, а в Израиль стали выезжать только после введения Америкой строгих ограничений. Поэтому неудивительно то, что, согласно официальной израильской статистике, среди прибывших из бывшего СССР эмигрантов неевреи составляют от половины до двух третей, и нередко встречаются эмигранты с фамилией Иванов и подобными ей. Иначе говоря, эту эмиграцию правильнее называть не еврейской, а еврейско-русской.

Точные данные относительно общей численности эмигрантов по «еврейской визе» довольно приблизительны, но по разным оценкам речь идет о цифре, превышающей полтора миллиона человек. Наглядной иллюстрацией к последствиям этого исхода может служить пример Ленинграда — Санкт-Петербурга. В период массовой эмиграции с 1989 по 2002 г. численность еврейского населения города сократилась со 106,1 тыс. до 36,6 тыс. человек, т. е. почти в три раза. Любителям статистики предоставляется возможность подсчитать,

[2] Для половины россиян национальность важнее гражданства // Известия. 15 авг. 2005.

какой ущерб понесла вся страна, учитывая хотя бы стоимость воспитания и подготовки высококвалифицированного специалиста, без которого невозможно не только развитие, но и просто жизнь современного общества. И это не говоря о потерянных для страны талантах. Ведь на протяжении десятилетий среди лауреатов Сталинских, Ленинских и Государственных премий за достижения в науке и культуре процент лиц еврейского происхождения в несколько раз превышал их долю в общем составе населения страны.

В общем, есть основание полагать, что эмиграционная волна 1990-х годов, сравнимая с эмиграцией после революции и гражданской войны, является одним из тяжелых последствий геополитической катастрофы XX в. — распада СССР. Есть основания также полагать, что потеря родного языка, культуры, неизбежная утрата социального статуса, разрыв многих родственных и дружеских связей оказались тяжелым испытанием для многих и многих эмигрантов.

Прошедшие после 1993 г. особенно трудные для России двадцать лет не минули бесследно и для еврейского населения страны. Поэтому особый интерес представляет опубликованное Р.В. Рывкиной уже 20 лет спустя другое капитальное исследование на ту же тему (*Рывкина Р.В.* Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен. М., 2005). Содержащиеся в нем результаты показывают наличие достаточного количества проблем и негативных явлений. Более подробно они будут затронуты в конце данной книги. Однако общие концептуальные выводы в целом подтвердили данные исследования 1993 г. Отметим пока только вопрос о причинах массовой еврейской эмиграции прошедших лет. Рывкина приводит результаты состоявшейся в декабре 2001 г. в Москве международной конференции «Советское еврейство вчера, сегодня, завтра», организованной одной из главных еврейских организаций России — ФЕОР (Федерация еврейских общин России). Участниками конферецации были и активисты еврейских организаций (71 человек). По данным социологического опроса, на поставленный вопрос: «Что, по-вашему, является сегодня главной причиной, побуждающей евреев эмигрировать из России», — ответы оказались следующими:

Экономические, материальные трудности — 45%
Опасения смены политического курса — 14%
Желание воссоединиться с близкими — 9%
Желание жить полнокровной еврейской жизнью — 4%

Антисемитизм, недоброжелательное отношение к евреям — 3 % (выделено мной. — *В. В.*)[3]

Не знают — 24 %.

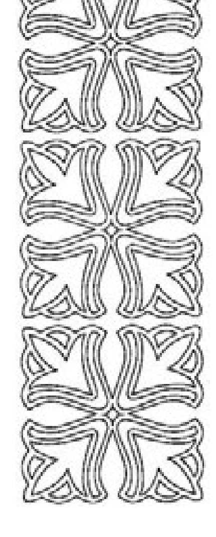
Представляется, на мой взгляд, показательным, что, несмотря на огромные социальные проблемы прошедших десятилетий и попытки националистической пропаганды со стороны отдельных лиц и движений, антисемитизм практически не фигурирует в качестве причины для эмиграции.

Можно добавить также вполне обоснованное мнение исследователя: «Думаю, что уезжавшие в 1990-е годы из России сотни тысяч евреев ехали не за “еврейской жизнью”. Достаточно напомнить, что Израиль для них был «меньшим злом»: подавляющее большинство выезжавших мечтали о других странах — Канаде и Америке (Германия тогда еще не принимала)».[4]

Однако сейчас обстановка в России резко изменилась. Как отмечает Рывкина, «эмиграционный бум закончился», и некоторые эмигранты уже начинают возвращаться. Поэтому насущными задачами на сегодня являются созидание, взаимопонимание и объединение всех тех, для кого наша страна была и остается Родиной. Целью этой книги является стремление показать достоверную историю евреев, населяющих пространство исторической России с древнейших времен. Естественно, что она неотделима от развития общих судеб страны.

[3] Удивительное совпадение: «По данным опроса ВЦИОМ лишь три процента россиян считают себя антисемитами, — подчеркнул генеральный секретарь Евроазиатского Еврейского конгресса Михаил Членов во время обсуждения этой темы в Независимом пресс-центре» (Народ мой. Санкт-Петербург. № 57 (501). 15 сент. 2011. С. 2).

[4] *Рывкина Р. В.* Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен. М., 2005. С. 331–332.

Глава 1

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

По проблемам этничности, наций и национализма существует большое количество научной и популярной литературы и проведено множество специальных социологических исследований. Особенно много споров и дискуссий ведется вокруг вопроса о историческом месте евреев среди народов мира. Привести хотя бы малую часть предлагаемых подходов к этой исключительно сложной проблеме никоим образом не входит в наши намерения. Остановимся только на освещении основных понятий концепции еврейства (как особой цивилизационной общности), которая положена в основу этой книги.

Подобная постановка вопроса была вызвана прежде всего стремлением разобраться, что, собственно, собой представляют евреи в общей этнической картине современного мира. В средневековом обществе, до эпохи Нового времени, такого вопроса не возникало. Тогда все человеческие коллективы были строго разделены по различным сословным и групповым интересам (причем во многих странах Востока элементы такого положения сохранились до нашего времени). В такой ситуации евреев в христианских и мусульманских странах, независимо от отношения к ним, рассматривали как особую корпорацию приверженцев иудейской религии. Христиане полагали иудеев остатком древнего Израиля, по упрямству или невежеству не поверившим в родившегося в их среде Иисуса Христа. В мусульманском мире евреи находились под защитой и покровительством последователей Пророка как «люди Писания», которое якобы было предвестником истинной веры. Как христиане, так и мусульмане надеялись, что со временем иудеи поймут свои заблуждения обратятся в последователей Иисуса — или, соответственно, Магомета.

В свою очередь, сами члены иудейских общин полагали себя потомками «избранного Богом народа», которому первому было дано Священное Писание, против чего, собственно, не возражали христиане и мусульмане. Однако, в отличие от них, сами евреи полагали себя наказанными Богом за свои грехи — нарушение Божественных заповедей. Этим они объясняли свое рассеяние (по-еврейски «галут») по всему миру из Святой Земли. Но у них была твердая вера, что наступит день Божественного Избавления, явится Посланец Божий, Мессия из рода царя Давида, все изгнанные сыны Израиля возвратятся чудесным образом в Сион, восстановленный Иерусалим, и в мире утвердится царство праведных.

Кризис подобных представлений начался с общим кризисом средневекового европейского общества и его идеологии. В еврейской среде «первой ласточкой» был пример философа Б. Спинозы. В 1656 г. он был за вольнодумство отлучен от иудейской религиозной общины г. Амстердама, но при этом не перешел в христианство.

В середине XVIII в. возникает движение еврейского Просвещения (по-еврейски «Гаскала»), начало которому было положено работами еврейско-германского просветителя философа М. Мендельсона. Хотя это не входило в намерения просветителей, объективно их деятельность привела к ослаблению в еврейской среде сугубо религиозного взгляда на мир. Еще большее влияние на преодоление внутренней замкнутости иудейских общин оказала правовая эмансипация евреев после Великой французской революции. Со временем эти процессы распространились по всему миру. С ослаблением роли иудаизма как прежней корневой сущности связи иудеев мира возникло даже представление об исчезновении еврейства.

Действительно, отход от религии как бы разрушает единственное представление о евреях как едином народе. Ведь только религиозный подход позволял считать всех евреев мира потомками библейского патриарха Иакова, получившего после борьбы с ангелом Божьим имя «Израиль», призванного исполнять Библейские заветы. Оказалось также, что к евреям всего мира не применимы признаки единого народа — единство территории, языка, бытовой культуры, образа жизни. Помимо этого, сам по себе принцип единства «крови», даже если предположить, что он мог иметь место в течение тысяч лет, недостаточен для этнического единства. Кстати сказать, о том, насколько он не соответствует действительности, можно судить по населению современного государства Израиль, сформи-

ровавшегося из представителей еврейских общин всего мира. Разнообразие лиц прохожих на улицах его городов настолько велико, что напоминает антропологический музей. В связи с этим понятно стремление лидеров еврейского Просвещения отказаться от этнической составляющей еврейства и считать себя англичанами, немцами, французами, поляками и т. д. «Моисеева закона». С таким взглядом борется возникшее в конце XIX в. политическое движение сионистов, поставившее своей целью создание нового еврейского государства — Израиля. Как это ни покажется странным, такого же взгляда придерживались и власти СССР, признавшие евреев, в том числе и нерелигиозных, особым народом, и даже попытавшиеся создать для них особую Еврейскую автономную область.

Но вместе с тем, признавая все это, нельзя не отметить несомненный, признанный как друзьями, так и врагами уникальный характер еврейства — прежде всего необычайную долговременность его существования (почти четыре тысячи лет) и его большое влияние на окружающий мир в религиозной, идеологической и духовной сфере, при весьма незначительной численности самих евреев.

В связи с этим, естественно, напрашивается вывод, что еврейство нельзя рассматривать просто в понятиях единого народа; иначе говоря, это общая структура, охватывающая различные этнические группы и культурные традиции. Такие явления, собственно говоря, не являются уникальными и называются цивилизациями. Согласно определению Э. Б. Тайлора, «…цивилизация в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества».[1] При этом в рамках этого общего понятия могут существовать различные социальные и культурные формы человеческих коллективов. (Во избежание путаницы отметим, что это же слово (от латинского *civilis* — «гражданский, государственный») часто употребляется для обозначения более высокого состояния культуры, т. е. более высоких достижений человеческой деятельности.)

Первым сформулировал эту идею, как и вообще представление о цивилизациях, русский ученый Н. Я. Данилевский.[2] Он полагал, что в основе категории «цивилизация» лежит вся духовная жизнь

---

[1] *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М., 1989. С. 18.
[2] *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1995. С. 400–401.

определенной общности людей, охватывающая все стороны проявления исторической народной деятельности. В этой связи он подчеркивал, что только в еврейской цивилизации религия выделилась как нечто особенное и стала ее всепроникающим началом. Только в цивилизации еврейской (Данилевский именовал ее культурно-историческим типом) религия выработала особое отношение человека к Богу — понятие людей о своих судьбах как нравственно неотделимых от общей судьбы человечества и Вселенной. При этом народное мировоззрение в еврейской цивилизации являло собой твердую религиозную веру, составляющую живую основу всей духовной жизни человека. Признавая, разумеется с серьезными оговорками, этот подход, следует, на наш взгляд, использовать сегодня и понятие «еврейский мир», включающее в себя и нерелигиозные (секуляризированные) формы еврейской цивилизации, особенно активно проявившиеся в последнее столетие.

Уже после Данилевского, в XX в., представление о мировой истории как о взаимодействии различных цивилизаций получило развитие в трудах знаменитого английского историка А. Тойнби. В этом контексте он посвятил еврейству свою работу «История и перспективы еврейства».[3] Он справедливо отметил в иудаизме сочетание национального и вселенского характеров. По его мнению, иудаизм был первой миссионерской религией Средиземноморья. Говоря о современности, он полагал ошибочным путь иммиграции евреев в современное государство Израиль для сохранения еврейства. Наоборот, они должны, как он считал, завершить свою миссионерскую деятельность, включив неевреев в еврейскую религиозную общность.

В свою очередь представление о еврействе как цивилизации признали и еврейские исследователи, как религиозные, так и нерелигиозные. К первым принадлежит М. Каплан, предлагавший признать еврейство только как постоянно развивающуюся иудейскую религиозную цивилизацию. Показательно здесь, что даже он отказывается от прежнего упрощенного представления о собственно этнической сущности еврейства, полагая в основу религиозный принцип.

Были предприняты также попытки сформулировать и научные представления еврействе как цивилизации. В частности, А. Айзен-

[3] *Тойнби А. Дж.* История и перспективы еврейства // Цивилизация перед судом истории. М., 2002.

штадт полагал, что в еврейской цивилизации иудаизм является только одним из компонентов еврейства, хотя и неотделим от него. Работы в этом направлении ведутся многми исследователями.

Однако в наиболее завершенном виде на данный момент научный подход к проблеме еврейской цивилизации изложен в важной работе видного отечественного этнолога и специалиста по основным отраслям иудаики (науки об истории и культуре евреев) московского профессора М. А. Членова «Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса)».[4] Вот основные положения его концепции.

Понимаемое как цивилизация, еврейство сразу теряет свою уникальность и, как справедливо полагает Членов, вполне сопоставимо с западно- и восточнохристианской, исламской, индийской и китайской цивилизациями. Членов, правда, считает необходимым подчеркнуть наличие в каждой из развитых цивилизаций особого, зафиксированного письменно, комплекса культовых текстов.

Главными характерными признаками для каждой цивилизации, по его мнению, являются:

- длительность существования;
- влияние на общее развитие культуры, превышающее влияние этнической общности;
- наличия особого языка священных текстов, общих для всех человеческих коллективов цивилизации;
- полиэтничность и прозелитизм, т. е. стремление вовлечь в свой круг людей и целые коллективы, не входящие в эту цивилизацию.

О долговечности еврейской цивилизации и ее влиянии на мировую культуру уже было сказано выше. Язык священных текстов этой цивилизации также хорошо известен — это язык Библии, древнееврейский.Остановимся на стремлении к прозелитизму и полиэтничности.

Сегодня в иудаизме господствует утверждение об отсутствии стремления к миссионерской деятельности среди неевреев. Потенциального прозелита полагается сегодня даже активно отговаривать от этого шага. Однако такое положение могло сложиться только после установления жесткого господства в странах проживания евреев других монотеистических систем — христианства и ислама, где пере-

[4] *Членов М. А.* Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // Диаспора. М., 1999. № 1.

ход в иудаизм стал считаться серьезным преступлением. В древности обращение в иудаизм в некоторые эпохи не только имело место, но и принимало широкий характер. Например, в конце библейской Книги Есфирь сказано о массовом обращении в иудаизм жителей Персидского царства. Источники свидетельствуют о многочисленных случаях обращения в иудаизм в античном мире на рубеже старой и новой эры. В Средние века иудаизм стал даже господствующей религией в Йемене и Хазарии. Несмотря на строгие запреты, были отдельные случаи перехода в иудаизм и позднее. В этом отношении характерен пример русской секты «субботников», приверженцы которой — этнические русские крестьяне и казаки — презрительно именовались царскими властями в XIX в. «жидовствующими». Сегодня довольно распространено принятие иудаизма в индивидуальном порядке, в частности в США, где особенно привлекает сторонников иудаизм реформистский.

Несколько менее очевидной является полиэтнический характер еврейской цивилизации. Конечно, в самой еврейской среде хорошо сознавалось наличие отдельных этнических общностей ,именуемых по-еврейски «эд***а***» (множественное число «эд***о***т»). При самосознании общей принадлежности к иудейской традиции, эдóт (эды) резко отличаются одна от другой по антропологическому типу, разговорному языку, территории расселения, бытовой культуре и некоторым религиозным обрядам. Но, разумеется, это не всегда полностью осознавалось как представителями других цивилизаций, так и самими евреями-иудеями. У последних в самосознании вероисповедная принадлежность преобладала над этнической. (Подобная тенденция присуща и другим цивилизациям — например, сегодня люди разных национальностей исламской цивилизации нередко полагают себя прежде всего мусульманами.) Представители же еврейской цивилизации искренне полагали себя включенными в род потомков Авраама — семитического народа, возникшего на Святой Земле, — и придерживались религиозной традиции, изложенной в Танахе (Ветхом Завете) и затем в Талмуде, хотя при этом еврейский язык оставался только священным языком богослужений. Однако, по современным представлениям, есть все основания считать эду эквивалентом народа в других цивилизациях, что также подтверждается достаточно коротким по сравнению с цивилизацией временем существования каждой эды.

Обобщая сказанное, профессор Членов указывает, что в древнейший период, примерно до I тыс. до н. э., в среде древнееврейского этноса складываются основы культуры, послужившие фундаментом еврейской цивилизации. После этого начинается процесс формирования еврейской цивилизации, завершившийся к середине I тыс. н. э., когда еврейство полностью оказалось в рассеянии, где и возникла в окончательном виде идеологическая система еврейской цивилизации — раввинистический иудаизм. Кризис этой цивилизации наступает с возникновением движения Гаскала. С этой точки зрения, в современном Израиле происходит формирование новой еврейской этнической группы, по есть новой эды, использующей в качестве разговорного языка иврит — современную версию древнееврейского языка Библии.

Концепция, предложенная профессором М. А. Членовым, несомненно, не является свободной от критики. В этом отношении весьма интересна полемическая статья ректора Еврейского университета в Москве профессора А. Ю. Милитарёва.[5]

Продемонстрировав обширную эрудицию в области всемирной истории и лингвистики, автор с некоторыми оговорками признает соответствие еврейской цивилизации цивилизациям христианской и исламской, однако вместе с тем указывает на несходство ее, по его мнению, с цивилизациями восточными и древними. Признавая в целом работу Членова одной из самых интересных попыток найти объяснение еврейской уникальности, он все же заканчивает свою статью крайне пессимистически, указывая на неразрешимость этого вопроса, т. е. как бы выводя его за рамки науки.

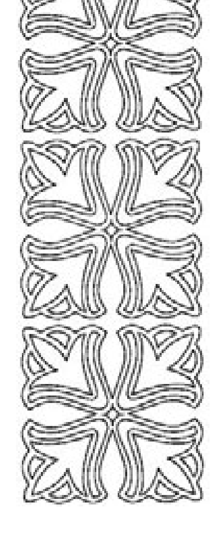
Несомненно, когда речь идет о столь сложных и фундаментальных явлениях человеческой истории, любая классификация не является идеальной, и предложенная М. А. Членовым в этом отношении не является исключением. Однако разработанный им научный подход в целом весьма плодотворен. Согласно ему, история еврейства в течение двух тысяч лет на интересующей нас территории России предстает как история еврейской цивилизации и проявляется в смене эдóт.

Первой была *эдá греческая*, возникшая в эллинистических городах-колониях Крыма и Северного Причерноморья (время ее ак-

[5] *Милитарёв М. Ю.* К проблеме уникальности еврейского исторического феномена (решает ли ее концепция еврейства как цивилизации) // Диаспоры. М. 2003. № 3.

тивного существования — I–VI вв.), когда иудейские общины стали интегральной частью греческих городов-колоний. В период великого переселения народов ее сменила *хазарская эда́* (VII–X вв.), когда иудаизм стал господствующей религией Хазарского царства, занимавшего в период расцвета пространство между Волгой и Днепром. С формированием Киевской Руси возникает *древнерусская эда́*. Славяноязычные иудейские общины способствовали активной творческой деятельности по переводу религиозных текстов непосредственно с еврейского языка на древнерусский. После разрушительного монгольского нашествия в XIII в. славяноязычные иудейские общины сохранялись более 100 лет на территории Литовского княжества, захватившего земли Западной Руси. После объединения Польши и Литвы в одно королевство в XV в. возникает *ашкеназская эда́*. В иудейских общинах главным языком общения становится возникший в Германии немецко-еврейский язык *идиш*, на котором создается особая религиозная и светская культура. Она сохраняется и после перехода большей части Польско-литовского королевства в конце XVIII в. под власть российских императоров. На рубеже XIX–XX вв. возникает уже в среде ашкеназской эды еврейская культура на русском языке. Этот процесс продолжался в течение всего XX в., особенно в советский период. Он привел в настоящее время к практически полному переходу евреев с идиша на русский язык и усвоению ими русской культуры, что означает возникновение *русской эды*. Следует сразу указать, что мы останавливаемся на главных доминирующих племенных группах иудеев. Вполне возможно существование наряду с главной эдо́й других, более малочисленных. Например, наряду с ашкеназской на территории Российской империи существовали эда́ горских иудеев, эда́ иудеев среднеазиатских и эда́ иудеев грузинских.

Описанию всех этих исторических процессов и участия иудеев с давних времен в жизни окружающих сообществ и особенно общероссийской жизни, посвящена настоящая книга. Остается добавить, что рассказ почти о каждой эде́ иллюстрируется очерками о некоторых выдающихся людях и событиях соответствующего ей периода.

ГЛАВА 2

ГРЕЧЕСКАЯ ЭДА

Греческая эда́ еврейской цивилизации возникает на территории юга будущей исторической России не позднее начала новой эры. Очагом ее зарождения и развития были возникшие на берегах Керченского пролива, Азовского моря, Крыма и западного Причерноморья города и государства, в которых греки и представители местных племен создали обширное сообщество эллинистическо-восточной культуры. Однако дальние истоки этого сообщества относятся к началу освоения эллинами берегов Черного моря.

Греция по праву считается родиной античной цивилизации, науки, философии, театра, изобразительного искусства и современной демократии. Однако на родине Платона и Аристотеля, в отличие от других великих цивилизаций древности — Египта и Месопотамии, было мало плодородной земли и вообще природных богатств. Но зато в малоплодородной гористой стране не было и основы для создания огромных империй во главе с правителями, наделенными неограниченной властью. Вместо этого в долинах между горными цепями на юге Балканского полуострова возникли города-государства (полисы), где в управлении всеми делами решающую роль играло собрание граждан города, именуемых «демос» — народ. Такой образ правления и получил наименование «демократия» («власть народа») — слово, пережившее века и тысячелетия и вошедшее в словари всех народов современного мира.

Уже в глубокой древности выяснилось, что бедная по своим природным условиям страна не может прокормить растущее население полисов.

Очень рано греческие мореплаватели в судах под парусами и с веслами проникают через узкие проливы Дарданеллы и Босфор в Черное море. Уже в VII в. до н. э. они не только познакомились

с благодатными берегами Крыма и Северного Причерноморья, но и стали основывать там свои поселения. Особенно активно заселялись берега современного Керченского пролива, который греки именовали Боспор Киммерийский. По тогдашним представлениям, он разделял Европу и Азию. Первым в VI в. до н.э. на европейском берегу, на месте современной Керчи, был основан город Пантикапей (иногда его называли просто Боспором). Затем к югу появляются другие города — Тиритака, Нимфей, Киммерик и др.

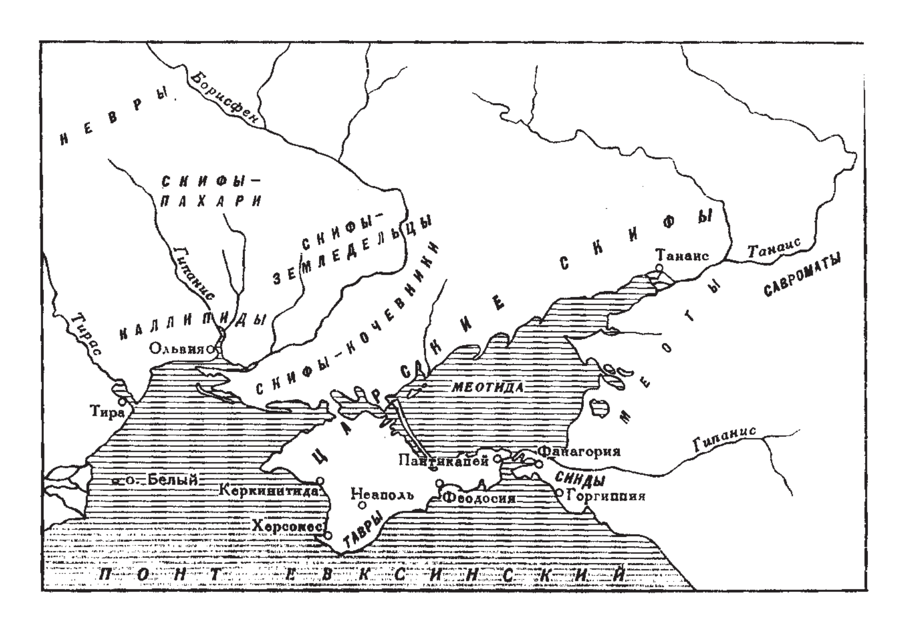
Практически одновременно осваивался и противоположный берег пролива — современный Таманский полуостров. К VI в. до н.э. относится основание выходцами из греческого города Теоса Фанагории. Название это явно связано с предполагаемым вождем первых переселенцев — Фанагором. Рядом, на месте современной Тамани, возникает город Германасса, основанный выходцами с острова Лесбос и ставший потом хазарской Таматархой и русской Тмутараканью. Южнее, на месте современной Анапы, основан город Горгиппия. Крайней северной точкой греческой колонизации был сравнительно небольшой город Танаис в устье реки Дон, также называемой греками Танаис. Наряду с крупными городами возникали и более мелкие населенные пункты.

Осваивались греческими колонистами и берега Крыма и Западного Причерноморья. У современного Севастополя находятся развалины важного центра античного и средневекового времени — города Херсонеса, основанного в V в до н.э. эмигрантами из Гераклеи Понтийской. Еще один важный центр античной культуры — город Ольвию — милетцы создают в VI в. до н.э. на берегу Днепро-Бугского лимана.

В обмен на высококачественные товары местные властители в огромном количестве поставляют зерновой хлеб, скот, пушнину, соленую рыбу, рабов. Особое значение приобрели города на берегах Боспора Киммерийского, в частности Пантикапей (Боспор) и Фанагория. Этому во многом способствовало изобилие рыбы, особенно осетровых пород, в прибрежных водах Азовского и Черного морей, а также наличие соляных залежей, где добывалась соль для ее засолки.

Появление иудеев в этих греческих городах-колониях еще до начала новой эры связано с важными изменениями во всем регионе Средиземноморья и Западной Азии.

В конце IV в. до н.э. в результате завоеваний Александра Македонского создается огромная держава, протянувшаяся от Египта до

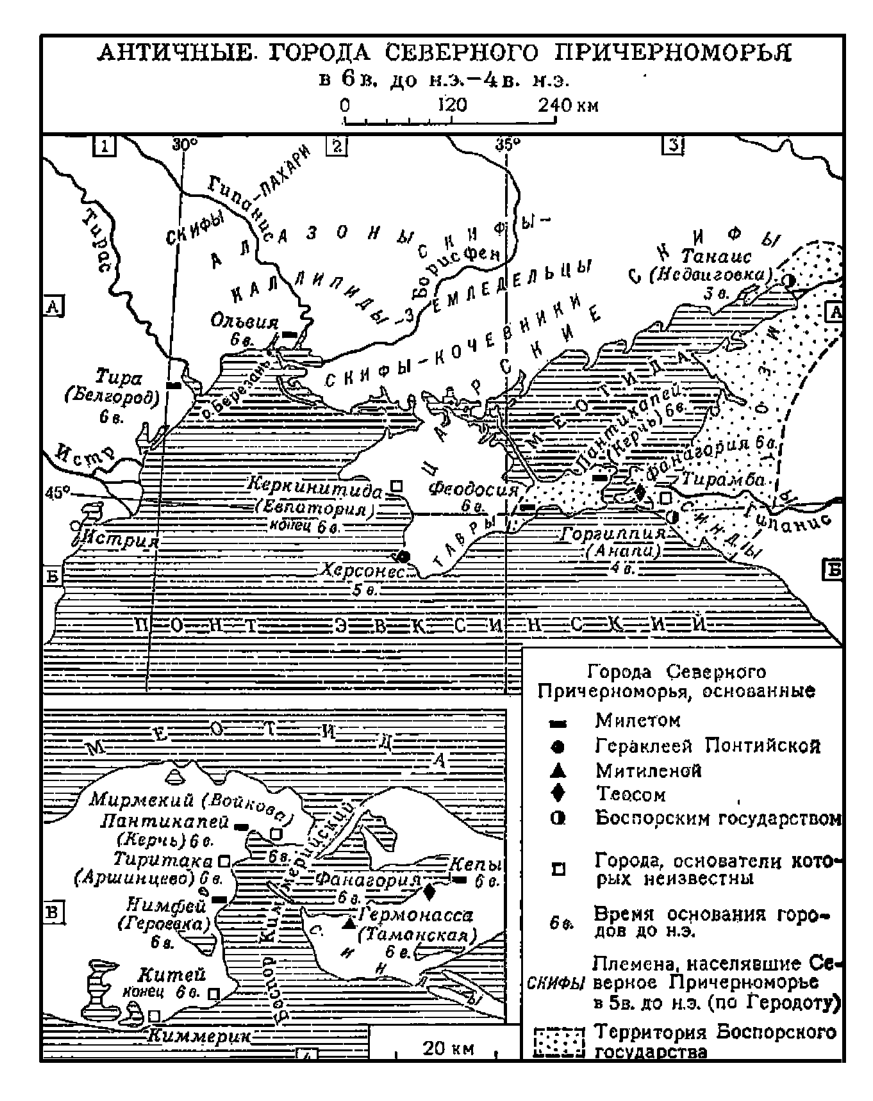

Северное Причерноморье VI–II вв. до н. э. (из книги: *Шелов Д. В.* Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975)

Индии. Население античных городов Причерноморья и раньше пополнялось воспринявшими греческую культуру представителями местных племен. Теперь же туда охотно переселялись также выходцы из обширного государства Селевкидов, возникшего на основе азиатской части империи Александра Македонского. Здесь надо указать, что заметную часть населения этого государства составляли иудеи, которым покровительствовал Александр, а с начала II в. до н. э. в его состав входила и сама Иудея. (Независимое Иудейское царство было восстановлено после восстания Маккавеев в 142 г. до н. э. и просуществовало до завоевания римлянами в 63 г. до н. э.) Возможно, что уже тогда первые иудеи появляются в городах Причерноморья, хотя прямых свидетельств об этом пока не имеется.

В 47 г до н. э. Юлий Цезарь подчинил города Боспора Римской державе.

Римский диктатор, подобно Александру Македонскому, покровительствовал многочисленному иудейскому населению на подвластной Риму территории.Достаточно указать, что города, где были влиятельные иудейские центры, одновременно являлись главными

Античные города северного Причерноморья в VI в. до н. э. — IV в. н. э.
(из книги: *Шелов Д. В.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956)

культурными и политическими центрами — Александрия Египетская, Милет, Эфес, Фессалоники, Коринф и, конечно, сам Рим.

По установлениям Цезаря запрещалось мешать иудеям собирать денежные средства на отправление своего культа, а также пересы-

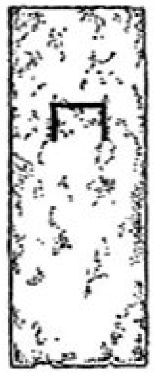
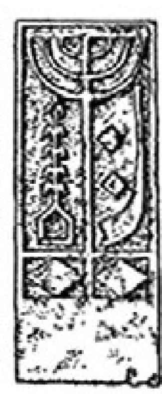
Апостол Андрей и основание Киева (миниатюра Радзивилловской летописи)

лать их в Иерусалимский Храм, или еще каким-либо образом препятствовать иудеям выполнять свои религиозные предписания. После убийства Цезаря в 44 г. до н. э., особенно горячо оплаканного, по свидетельству римского историка Светония, иудеями города Рима, положение не изменилось. Его преемник император Август подтвердил все привилегии иудеям империи.

Боспор переживает в I в. н. э. экономический подъем, несомненно связанный с включением в общую экономическую жизнь Великой Римской империи. Особенно тесные связи у городов Причерноморья, и в первую очередь Боспора, сложились с восточными провинциями, где проживало много эллинизированных иудеев. В этой связи не удивительно, что именно к началу новой эры относятся первые прямые свидетельства существования иудейских общин в городах Северного Причерноморья, Крыма и Кавказа.

Упоминание о них встречается в различных источниках. Например, древнерусская летопись «Повесть временных лет» сохранила предание о посещении берегов Северного Причерноморья — Скифии — апостолом Андреем, братом апостола Петра, по происхождению иудейским рыбаком с Тивериадского озера. Он проповедовал — «учил» — в Херсонесской общине. Далее сказание сообщает, что он поднялся по Днепру и предсказал создание великого города (Киева).

Однако только благодаря неустанным трудам нескольких поколений археологов и историков (в частности, работавших в конце XIX — начале XX в. А. Е. Люценко и В. В. Латышева) удалось собрать

Иудейские надгробия из Фанагории
(из книги: *Pletnjowa S. A.* Die Chasaren. Leipzig, 1978)

достоверные сведения об иудейских общинах, существовавших там в древности. Надежно датируют существование иудейских общин в городах Северного Причерноморья каменные надгробия с высеченными на них еврейскими надписями на греческом и еврейском языках и символами иудаизма. Этими символами являются изображение «меноры» — семисвечника; иногда рядом изображается священный рог для трубления — «шофар», и пальмовая ветвь — «лулав». Найдены также каменные стелы, на которых на греческом языке вырезаны так называемые *манумиссии* — документы об освобождении рабов под покровительство иудейских общин. Они обнаружены на всем широком пространстве Северного Причерноморья, Крымского побережья и на обоих берегах Керченского пролива (территория Боспорского царства). Многие из них плохо сохранились, поскольку зачастую использовались во вторичных постройках, и не все хорошо читаются.

Но тем не менее собранный корпус материалов достаточно информативен, особенно манумиссии. Хотя самой древней можно полагать с трудом читаемую фанагорийскую надпись, датированную 19 г. н. э. (!), все же самой содержательной является манумиссия из Фанагории, опубликованная Д. И. Даньшиным.[1] Надо сказать, что греческая надпись на блоке из светло-желтого зернистого мрамора

[1] *Даньшин Д. И.* Фанагорийская община иудеев // Вестник древней истории. М., 1993. № 1. С. 59–72.

сохранилась чудом, поскольку блок неоднократно использовался в последующих постройках, о чем свидетельствует обработка оборотной его стороны.

Надпись манумиссии гласит: «В царствование царя Котиса, 348 года (= 51 г. н. э), месяца Ксандрика, 1-го числа. Психарион, (а также) Сог и Ан — его дети. Кариец Сандан и кариец Аг и Метроним отпущены при молельне, гарантированными от захвата, беспрепятственными (в проживании), при условии усердного посещения и почитания молельни, и стали свободными под опекой общины иудеев».

Эта надпись надежно свидетельствует о наличии в Фанагории уже к середине первого века н. э. явно давно сложившейся общины иудеев со своей молельней (синагогой). Члены ее, отпускающие на волю рабов («манумиссоры») носят греческие имена и пользуются греческим языком. Мрамор, на котором написан (точнее, вырезан) документ, был тогда недешевым импортным товаром, а сам факт владения рабами, уроженцами далекой Карии (провинции на юго-западе Малой Азии), — свидетельствует о достаточно высоком уровне экономического положения этих членов иудейской общины в Фанагории.

Практика манумиссий была принята в античном мире, но, безусловно, усвоение греческого языка и обычаев требует достаточно долгого времени, так что имеются все основания полагать, что первое появление иудейской общины относится ко временам до начала новой эры, когда еще существовало иудейское государство в Палестине. Однако самым примечательным является прямое свидетельство вовлечения отпущенников в члены иудейской общины. Интересно то, что согласно этой манумиссии трое членов иудейской общины привлекают ряды ее членов троих бывших рабов нееврейского происхождения.

Подобные иудейские манумисии примерно того же периода найдены не только в Фанагориии, но и в других городах Боспора, особенно в столице царства — Пантикапее. Интересно отметить, что из пяти манумиссий, пока найденных в Пантикапее, четыре являются иудейскими.

Увеличению численности иудейских общин на этой окраине античного мира явно способствовали последствия кровопролитного подавления восстаний в Иудее. Эти восстания в значительной степени вызывались внутренними социальными противоречиями в самой Иудее, при этом свою роль играл и произвол римских чи-

новников. Однако восставшие вдохновлялись в своей смертельной схватке с пособниками и ставленниками римлян религиозными мессианскими идеями. Для них была нестерпима сама мысль, что верховным владыкой на Святой Земле является языческий император в далеком Риме. Первое восстание, в ходе которого римлянами был разрушен Иерусалим и уничтожено главное святилище иудеев — Иерусалимский храм, произошло в 66–73 гг. н. э. Второе восстание, под предводительством Бар-Кохбы, длилось со 132 по 135 г. н. э. Естественно, что иудеи старались спастись бегством от ярости победителей. Некоторые из них были обращены рабов и выселялись на северные черноморские границы империи для строительства укреплений. Об этом свидетельствуют надгробия, найденные в Керчи и датируемые II–III в. н. э. Одно с изображением меноры и греческой надписью, содержащей еврейское имя Шимон (в тексте «Симон»), а другое — также с изображением меноры и греческой надписью: «Здесь покоится Самуил, сын Севера» (т. е. второе имя римское).[2] Возможно, они принадлежат бывшим иудейским рабам — вольноотпущенникам

О достаточно большой численности иудеев Боспора может свидетельствовать то, что только в Фанагории и соседних с ней местах Таманского полуострова найдено около ста (целых и в обломках) надгробных надписей с изображением семисвечников и греческими, а также еврейскими надписями. При этом количество находок постоянно увеличивается, а последние археологические раскопки на Тамани, производимые, в частности, петербургским археологом С. В. Кашаевым, позволяют предполагать, что впереди новые открытия.

Не меньше перспектив обещает и археологическое исследование на территории Пантикапея (современной Керчи) на месте бывшей Павловской батареи. Даже случайные находки подтверждают, что на этом месте было большое кладбище иудейской общины. Найденные в этом районе шесть надписей, опубликованные в «Корпусе боспорских надписей» (М., 1965 г.; альбом к нему — М., 2004) датируются II–V вв . Особый интерес представляет надпись под № 736 — двуязычная греческо-еврейская надпись (билингва), верхняя часть написана по-еврейски, а нижняя по-гречески. Оба текста предположительно означают: «В этой могиле покоится Исаак, память о котором до будет блаженна … юноша … Да пребудет его душа в мире».

[2] Там же. С. 12–13.

Важным центром иудаизма в Крыму был также город Херсонес, сыгравший столь важную роль в христианизации Древней Руси. Как известно, эта греческая колония-поселение была основана на юге Крымского полуострова в VI в. до н.э. и в течение почти 2000 лет была центром сначала греко-римского, а затем и византийского региона Таврики (Крыма). Найденная в 1935 г. известковая плита из развалин базилики, возведенной в V в. н.э., с вырезанным на ней изображением меноры послужила толчком к изучению присутствия иудейской общины в городе. В последнее время были расшифрованы процарапанные на обломках штукатурки надписи на греческом и еврейском языках, из развалин той же базилики. В еврейской надписи говорится об Анании из Боспора и об Иерусалиме. Исследователи пришли к выводу, что базилика была построена на месте синагоги IV в. н.э.[3]. Как показали М.И. Золотарев и Д.Ю. Коробков на основании сравнительного изучения церковного рассказа «Страдание святых священномучеников и епископов Херсонесских» (о приобщении Таврики к христианской вере) и археологических данных, полученных при раскопках вышеуказанной базилики, — в 300 г. при попытке христианского епископа утвердиться в Херсонесе произошли бурные события. Только при поддержке воинского отряда епископу Капитону удалось справиться с сопротивлением горожан — иудеев и неиудеев. В результате иудейская синагога перешла во владение христианской общины. В дальнейшем она была перестроена, причем был сохранен план здания. Далее авторы полагают, что «в христианском храме долгое время сохранялись блок с менорой и надписи на иврите. Вероятно, в состав христианской общины вошла большая группа верующих, посещавших ранее иудейскую молельню, продолжавших и теперь оказывать почтение некоторым прежним реликвиям, но уже в качестве символа “истинного Израиля”»[4]. На наш взгляд, это почтение можно объяснить и тайной приверженностью насильственно обращенных в христианство к старой вере. Но даже если согласиться с толкованием авторов, это показывает весьма тонкую грань, разделявшую в глазах тогдашних верующих иудаизм и христианство, причм даже на уровне чисто культовом.

Возвращаясь к поселениям на берегах Босфора Киммерийского (особенно Фанагории), следует отметить, что именно на его берегах

[3] *Маклелан Р., Оверман Э., Золотарев М.И.* К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического //Археологія. Киев. 1997.

[4] *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю.* Новое о епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV в. // Церковная археология. Вып. IV . СПб., 1998.

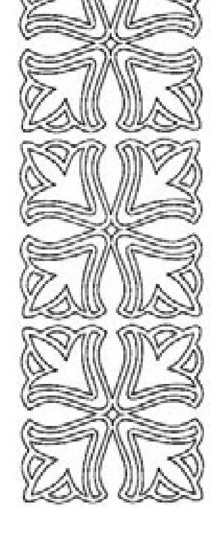
сложилась греческая иудейская эда, которую не смогло уничтожить даже падение Боспорского царства под напором «варварских» племен. Более того, есть основания полагать, что иудаизм рапространялся и на представителей местных племен. Об этом свидетельствует то, что на оборотной стороне некоторых надгробных памятников из Фанагории с иудейской символикой прорисована «тамга» — племенной знак местных племен. На одном надгробии, написанном на еврейском языке, прочитывается сарматское имя Балокос (сарматы — родственный скифам ираноязычный народ).

Надо добавить, что иудейское влияние не ограничивалось только членами иудейских общин. На территории Боспора в I–III вв. был широко распространен особый культ Бога Высочайшего, включивший черты иудейского культа. Его приверженцы явно не входили в число лиц, связанных с иудейскими общинами. Но изучение найденных там многочисленных надгробных и других надписей показало, что начиная с I в. в этом регионе наблюдается поразительный рост количества личных посвящений Богу Высочайшему, а в одном из городов Боспорского царства, в Танаисе, этот культ становится даже доминирующим.[5] Поскольку самая ранняя найденная надпись датируется 16 г. н. э., то, несомненно, появление приверженцев этого культа с использованием иудейских мотивов (в науке они именуются «квазипрозелитами») можно отнести к I в. до н. э. Это, кстати сказать, является лишним доказательством, что собственно иудейские общины там появляются в тот же период или даже насколько ранее.

Столь широкое распространение приверженцев культа Бога Высочайшего, воспринявших хотя бы частично идеи эллинизированного иудаизма, во многом объясняет быстрое распространение христианства на Боспоре и в соседних регионах.

Боспорские города и селения, особенно на Таманском полуострове, в позднеантичный и ранний средневековый периоды неоднократно переживали тяжелые времена. Страшные последствия имело нашествие в III в. германского племени готов, а затем еще большие разгром и разрушение принесли пришедшие с границ Китая орды гуннов. Археология прослеживает упадок экономики, в частности, почти не встречаются богатые захоронения. Однако сложившаяся в регионе греческая (точнее, грекоязычная) эда сохранилась. Но со временем Фанагория по своему значению уступает соседнему городу Германассе — Матархе, Таматархе, Тмутаракани.

[5] Там же. С. 201.

ГЛАВА 3

ХАЗАРСКАЯ ЭДА

В отличие от греческой, хазарская эда еврейской цивилизации возникает и развивается в совершенно особых условиях. Иудаизм становится господствующей религией мощного многонационального государства, территория которого в период расцвета включала обширные пространства между Волгой и Днепром, а также Северный Кавказ и большую часть Крыма. Оно просуществовало почти 300 лет (со второй половины VII в. до середины X в.) и в это время было, наряду с Византией и Арабским халифатом, одной из сильнейших держав.

Для нашего изложения важно, что самые подробные сведения об этом государстве содержатся в письме хазарского царя Иосифа, адресованном знатному еврейскому вельможе при дворе халифа мусульманской Испании Хасдаю ибн Шапруту. Этот вельможа ранее узнал от византийских посланцев о существовании в 15 днях пути от их страны иудейского царства хазар, которые, по их словам, «обладают военной силой и могуществом, полчищами и войсками» и «выступают на войну по временам». Заинтересовавшись этим сообщением, Хасдай предпринимает несколько неудачных попыток доставить хазарскому царю письмо с просьбой рассказать о неведомом иудейском царстве. В конце концов это удалось двум еврейским ученым, и письмо, написанное на еврейском языке, через Германию и Венгрию было доставлено в Хазарию. Письмо хазарского царя Иосифа, дошедшее до нас в краткой, а также в пространной редакциях, было ответом на это послание. Эта переписка и связанные с ней документы были собраны, переведены на русский язык, прокомментированы и изданы в 1932 г. академиком П. К. Коковцовым.[1]

---

[1] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

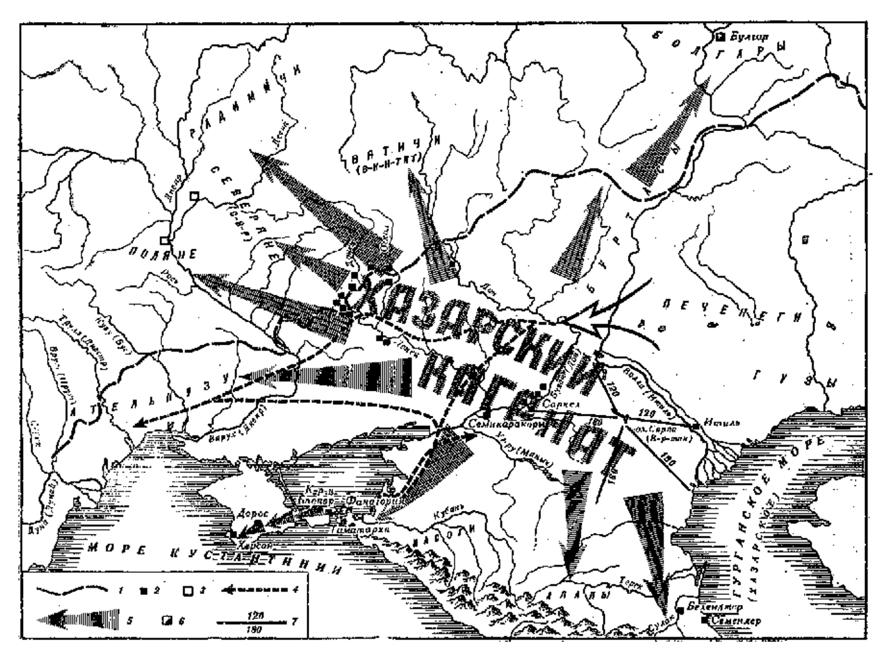
Хотя эта переписка датируется примерно 60-ми годами X в., т. е. временем накануне падения царства, царь (хазарский титул его — каган, хакан; позднейшая форма этого титула — хан) Иосиф в своем послании сообщает ценные сведения, относящиеся к происхождению хазар, их истории, принятию ими иудаизма; также здесь можно найти информацию о границах царства, его экономике, укладе жизни и т. д. Правда, надо отметить, что сведения о границах и о подвластных хазарам народах относятся к прежним временам расцвета царства, а не к периоду его упадка.

Как истинный иудей, царь Иосиф старается увязать происхождение хазар с библейской традицией. Он утверждает, что хазары являются потомками сына Ноя Иафета, а именно Тогармы. Седьмого сына Тогармы звали Хазар, от него и произошел весь народ. Надо сказать, что к потомкам Тогармы средневековая еврейская литература относила кочевников Евразии. Согласно Иосифу, хазарам удалось удалось победить многочисленное племя, имя которого Иосиф передает еврейскими буквами: В-н-н-т-р.

Благодаря китайским, арабским, персидским, сирийским историческим источникам, а также данным археологии, удалось в достаточной степени прояснить полулегендарные сведения письма Иосифа.

В середине IV в. н. э. жители Римской империи с ужасом узнали о вторжении двинувшихся с пределов далекого Китая полчищ кочевого племенного союза гуннов. В состав этого племенного союза первоначально включались тюркско-монгольские племена. В причерноморских степях они столкнулись с местными ираноязычными племенами аланов, а также с осевшим там народом германского происхождения — готами. Гунны частично подчинили названные народы и включили в свою орду в качестве вассалов. Их походы в Европу были настолько опустошительны, что само имя «гунны» стало синонимом дикого и варварского разрушения и убийства. Так продолжалось до 451 г., когда римлянам и их союзникам удалось нанести поражение в битве на Каталаунских полях (современная Франция) войску гуннов под водительством Атиллы. После этого Атилла отступил и обосновался на территории Паннонии (современная Венгрия), откуда управлял своими огромными степными владениями.

После смерти Атиллы в 454 г. ранее подвластные ему кочевые народы империи основали в степях Восточной Европы свои государства и племенные объединения, часто враждовавшие друг с другом.

Хазарский каганат (из книги: *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1976)

Среди них были два близких друг другу тюркоязычных народа — хазары и болгары (во избежание путаницы болгарские ученые именуют их «протоболгары»). Согласно современным представлениям, следы их древнего языка прослеживаются в языке чувашей.

Во второй половине VI в. хазарские племена населяли прикаспийские степи Северного Кавказа и входили в состав сильного, но недолговечного государства — Тюркского каганата, возглавляемого правителями из рода Ашина. После длительных походов в Закавказье, в которых главной ударной силой были хазары, примерно в 630 г. каганат распался. Как это обычно бывает, началась ожесточенная борьба за его наследие. «Главным призом» в этой борьбе было созданное в 635 г. племенным вождем болгар Кубратом государство Великая Болгария со столицей в ранее упомянутом нами городе на берегу Керченского пролива — в Фанагории. Оказалось, что после гуннского погрома IV в. город постепенно восстанавливался и, как показала археология, стал застраиваться каменными зданиями.

Вот тогда и наступил звездный час хазар и произошло то, что царь Иосиф описывает как разгром народа «В-н-н-т-р». Хазарское войско, возглавляемое предводителем из рода Ашинов, одерживает решительную победу над болгарами. Часть их во главе с ханом Аспарухом уходит за Дунай (современная Болгария). Там они захватили власть над местным славянским населением, но скоро сами полностью славянизировались, передав местным славянам свое родовое имя. Другая часть болгар двинулась на север в Среднее Поволжье, где образовалось государство Булгар (Волжская Булгария).

Однако значительная часть тюркских болгар, этнически близких хазарам, подчинилась хазарскому кагану. Таким образом, захват прежних городов древнего Боспора, по свидетельству царя Иосифа, стал ключевым для начала возвышения Хазарского каганата. Причину этого можно легко понять из письма, адресованного Хасдаю хазарским царем. В нем цитируются слова византийских посланников об экономических отношениях между Византией и иудейской Хазарией: «Корабли приходят к нам из их страны и привозят рыбу и кожу и всякого рода товары». Надо отметить, что в то время культурная Византия обычно вынуждена была подкупать северных варваров. Здесь же явно наблюдаются взаимовыгодные экономические отношения. Неудивительно, что затем византийцы сообщают Хасдаю: «они (хазары) с нами в дружбе и у нас почитаются». Очень показательно при этом, что перечень товаров близок тому, который существовал между Боспором и Грецией в античные времена — это продукты рыболовства и животноводства. При этом зерно прямо не упоминается — видимо, роль его в экономике региона снижается. Это вполне объяснимо включением прибрежных городов региона в полукочевую державу, где преобладало производство продуктов животноводства. Ну а изобилие рыбы в прибрежных водах Азовского и Черного морей превращало рыболовство в источник богатства края.

Этнический состав населения городов бывшего античного Боспора, ставших частью Хазарской державы, судя по изменению характера зданий города и самих способов строительства, за прошедшие века серьезно поменялся. Но при этом имеется достаточно свидетельств, что приверженцев иудейской традиции, во всяком случае в регионе Фанагории, осталось очень много, возможно, даже больше, чем представителей других религий. Это подтверждается сообщением византийского хрониста Феофана, писавшего в 671 г.: «…восточной части на прибрежии (Черного моря) при Фанагории

Хазарский воин — лучник (из книги: *Плетнева С. А.* Очерки Хазарской археологии. М., 1999)

и окрестностях, около живущих там евреев находятся также и многие другие племена».[2]

Конечно, здесь под наименованием «евреи» следует понимать иудаизированное население бывших торговых городов по обоим берегам Керченского пролива. Оно, несомненно, пополнялось представителями болгаро-хазарских племен. Это подтверждается находками в районе Фанагории иудейских надгробных памятников с высеченными на них тамгами кочевых племен. Обнаружены также памятники с иудейской символикой и на противоположном берегу пролива — в Керчи (древний Пантикапей), принадлежавшей Хазарскому царству.

Закрепление Хазарии на берегах Черного моря укрепило ее экономическую базу настолько, что позволило сильно расширить пределы царства. Как было указано выше, его границы в период расцвета простирались от заволжских степей до Днепра. На юге ему принадлежали б**о**льшая часть Крыма, Северный Кавказ, Дагестан. Столицей был великий город Итиль (в районе современной Астрахани), где проживали великие цари Хазарии. В состав Хазарского царства входили десятки племен и народов, в том числе и славян, на чем подробно остановимся далее. Точнее говоря, термин «хазары» уже становится не только названием народа, но и общим именем подданных хазарского царя.

Естественно, что столь сильная держава столкнулась с интересами своих могущественных соседей. С православной Византией сложились достаточно добрососедские отношения, хотя тайные интриги против Хазарии со стороны византийцев имели место. Как со-

[2] Регесты и надписи // Свод материалов для истории евреев в России. Т. 1. № 139.

общили Хасдаю византийцы, «между нами и ими постоянный обмен посольствами и дарами». Гораздо сложнее складывались отношения с могущественным Арабским халифатом, устремившимся после завоевания Закавказья на север. Но тут арабы столкнулись с сильным многочисленным войском Хазарии, в состав которого входили представители всего ее многонационального населения.

Хазарский воин — всадник (из книги: *Плетнева С. А.* Очерки Хазарской археологии. М., 1999)

Арабо-хазарские войны длились с переменным для каждой стороны успехом с 654 по 730 г. При этом надо отметить, что хазары оттягивали на себя лучшие арабские войска, угрожавшие Византии. Благодарность последней была так велика, что византийский император Лев Исавр в 732 г. женил своего сына на сестре хазарского кагана Чичак (по-тюркски «цветок»), принявшей после крещения имя Ирина. Позднее ее сын стал императором Византии под именем Лев Хазар.

Для нашего изложения важно, что в то время как главные могущественные соседи добивались распространения среди хазар религий, главными носителями которых они себя считали (Византия — христианства, а Арабский халифат — ислама), Хазария выбрала самую древнюю монотеистическую религию — иудаизм. После этого и происходит формирование *хазарской эды*. Поэтому весьма интересны время и место иудаизации хазар. Подробный анализ источников, проведенный А. П. Новосельцевым, показывает, что это событие можно приурочить к правлению багдадского халифа Харун ар-Рашида, вступившего на престол в 786 г.[3] Но здесь, конечно, речь идет об обращении в иудаизм элиты хазарского общества, посколь-

[3] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

ку собственно иудейская традиция существовала задолго до этого времени. В дошедших до нашего времени хазарских документах имеются различные версии обращения хазар в иудаизм. В письме царя Иосифа Хасдаю это обращение никак не связано с какой-либо миссионерской деятельностью иудейских миссионеров-пропагандистов. По его словам, однажды к хазарскому царю Булану (по-тюркски «Олень, Лось»), человеку «мудрому и богобоязненному», после победы над болгарами в Приазовье явился ангел Божий, предсказавший ему и его царству удачу и величие, если он будет соблюдать Божьи заповеди и законы. Затем он призвал построить храм во имя Бога. Вдохновленный этими словами царь совершает успешный поход (судя по неясно понимаемым наименованиям местностей, наиболее вероятно, на Кавказ). За счет захваченных трофеев он основывает, подобно Моисею, святилище в шатре (скинию), где устанавливаются ковчег с рукописью Торы (Пятикнижия Моисеева), светильник, стол, жертвенник и священные сосуды.

Далее следует повествование о том, как христианские миссионеры из Византии и мусульманские из халифата, по поручению своих царей, прибыли для того, чтобы склонить хазарского царя каждый к своей вере.

Однако царь пригласил для диспута с ними «мудреца из израильтян», т. е. иудейского раввина. Когда дискуссии ни к чему не привели, царь вызвал к себе христианского проповедника и спросил его, какая вера, по его мнению, лучше — иудейская или мусульманская. В ответ христианин стал восхвалять веру иудеев — народа, которого Бог называл «мой первенец». Нынешнее незавидное положение иудеев он объяснил наказанием Божьим иудеям за их грехи. Затем христианский проповедник высмеял веру мусульман. Аналогичная беседа состоялась у Булана с мусульманином. Проповедник ислама ответил, что «иудейская вера — это истинная вера», и хотя иудеи согрешили и теперь Бог их наказал, но в конце концов смилуется, и они будут спасены. Далее следовали осуждающие слова в адрес христиан. В результате Булан провозгласил своим гостям, что выбирает иудаизм как, по общему признанию, лучшую веру.

Далее в письме Иосифа говорится, что «он совершил над самим собой, своими рабами и служителями и всем своим народом обрезание (обряд обращения в иудаизм — *В. В.*), и (затем) направил посланцев и доставил к себе изо всех мест мудрецов израильских, и те объяснили закон (Моисея) и изложили ему в порядке заповеди».

После этого произошло возвышение Хазарского царства, поскольку «бог Израиля подчинил им (хазарам) всех их врагов и ниспроверг всякий народ и племя, живущее вокруг них».

Затем в письме говорится, что потомок Булана, хазарский царь, носивший уже еврейское имя Обадия, «выстроил дома собрания и дома учения и собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили (ему) 24 книги (Священного Писания), Мишну, Талмуд и сборники праздничных священных молитв».[4] Приводится также перечень хазарских царей. Все они принадлежат к династии древнего рода Ашина и носят еврейские имена — Езекия, Манассия, Ханукка, Исаак, Завулон, Моисей, Нисси, Аарон, Менахем, Вениамин.

Существует, однако, и другой рассказ о принятии хазарами иудаизма. В тексте, именуемом «Кембриджский документ», опубликованном в вышеупомянутой книге Коковцова под заголовком «Отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X в.», говорится, что иудеи бежали из Армении от ига огнепоклонников к хазарам. Там они смешались с ними настолько, что забыли многое из своей веры, помня только завет обрезания и празднование Субботы. Затем один из потомков пришельцев отличился как великий воин и полководец, и хазары избрали его своим царем. Со временем он вернулся к вере отцов, что обеспокоило царей Византии и арабов. Далее кратко повторяется рассказ из письма царя Иосифа о состоявшемся диспуте проповедников мусульманских, христианских и иудейских. Как и в письме Иосифа, побеждают иудеи, и в результате князья и люди хазарские принимают иудаизм.[5]

Эти рассказы, скорее всего, отражают разные традиции обращения, существовавшие в то время. Отметим только, что общим является сюжет о выборе вер, предложенных иудейским, мусульманским и христианским проповедниками. Очевидно, это является «кочующим» сюжетом, нашедшим впоследствии отражение и в описании выбора вер князем Владимиром. Отсюда, правда, можно сделать вывод о том, что будущее вероисповедание могущественного языческого государства весьма интересовало его соседей — как христианскую Византию, так и мусульманский Арабский халифат. Интересно и то, что из обоих рассказов явствует: еще до официального обра-

[4] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка… С. 97.

[5] См. новое исследование документа в книге: *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997.

щения в иудаизм в среде хазар были сторонники этой веры. В связи с этим можно определить и главное место иудаизации Хазарии.

Ответ на этот вопрос можно найти, проследив некоторые особенности истории Хазарского каганата с середины VIII в., после тяжелых войн с арабами на территории Дагестана и Северного Кавказа. К этому времени экономический центр Хазарского государства смещается на Северо-Западный Кавказ и в Крым. Очевидно, доминирование хазар в этом регионе было настолько велико, что арабо-персидский географ IX в. Ибн-Хордадбех даже называет Черное море Хазарским.[6] Другой арабский автор, уже X в., — Ибн ал-Факих — обозначает Азовское море как «залив хазар».[7] Показательно также наблюдение Новосельцева, что в пространной редакции письма хазарского царя Иосифа перечислено большинство городов на берегу Черного моря, принадлежащих (принадлежавших в прошлом?) Хазарии. На побережье Крыма это почти все города, за исключением Херсонеса, а на Таманском полуострове — важный, ключевой в отношении Керченского пролива город-порт «Смркц», идентифицируемый с Таматархой византийских источников и будущей русской Тмутараканью. Важно то, что арабский автор конца IX в. Ибн ал-Факих называет этот город («Самкуш» в его написании) еврейским (по-арабски «ал-йахуд»).[8] Это подтверждает продолжительность существования иудейских общин в этом регионе и прекрасно дополняет приведенное выше свидетельство Феофана, относящееся к 671 г.

Следовательно, особую роль в истории иудаизации хазар сыграл Северо-Западный Кавказ. Именно в многоэтничной западной части Предкавказья и районе Керченского пролива сформировалась так называемая Малая Хазария. Центром Малой Хазарии на долгие годы становится Таматарха, называемая и через 200 лет «иудейским городом». Нет сомнений в том, что именно здесь иудаизм оказал самое сильное влияние на вождей хазарского царства. С этим согласуется и сообщение Иосифа о том, что обращение Булана в иудаизм произошло после захвата Северо-Западного Кавказа, т. е. именно тех мест, где еще с античных времен было особенно сильно влияние иудейской традиции.

---

[6] *Ибн Хордадбех.* Книга Путей и Стран. Баку, 1986. С. 125.

[7] *Калинина Т. М.* Арабские источники о славянах // Древнейшие государства Восточной Европы в X в. М., 1994. С. 218.

[8] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство… С. 109–110.

Со временем центром иудейской Хазарии становится город Итиль, лежащий в районе устья Волги. По описанию арабского географа Масуди, это был огромный административный и торгово-промышленный центр, в котором проживало множество жителей разного вероисповедания. Он также сообщает, что в столице Хазарии существовало отдельное судопроизводство для приверженцев каждой религии. Там было двое судей для иудеев, двое для христиан, двое для мусульман и даже один для язычников.[9] Но, хотя в Хазарии и Итиле была обеспечена веротерпимость и правосудие для всех, все же Хазарский каганат стал убежищем для многих иудеев, преследуемых в Византии и в мусульманских странах. Когда же мусульмане разрушили в своих владениях синагогу, каган приказал немедленно снести минарет мечети в Итиле и казнить муэдзинов. Только из опасения дальнейших репрессий против иудеев в исламских странах он воздержался от разрушения самой мечети.

Следует указать на широкое распространение иудаизма среди самых разных слоев населения Хазарии. Разумеется, высокий уровень понимания религиозного учения существовал только в крупных городах Хазарии, прежде всего, в столице Итиле и, конечно, в упомянутом выше «еврейском Самкуше» — Таматархе и Керчи. Вместе с тем есть все основания полагать, что широкие слои населения придерживались примитивного народного понимания иудаизма, сводящегося в основном к культовой символике. Например, в массовом захоронении кочевнического типа IX в. хазарского племени кабаров обнаружены 70 обломков кирпичей с грубо процарапанными на них менорой и другими символами иудейской религии[10]).

Но если иудеи греческой эды оставили о себе память только в виде высеченных на камнях иудейских символов и надписей (в основном на греческом языке), то об иудеях Хазарии, т. е. эды хазарской, сохранились не только сообщения арабских, еврейских, персидских, византийских, европейских и древнерусских источников. В их среде возникли и письменные тексты — упомянутые выше письмо царя Иосифа, дошедшее до нас в двух редакциях, и «Отрывок из письма хазарского еврея». Они написаны на общем в то время для всех об-

[9] *Pritsak O.* The Pre-Ashkenazic Jews of Eastern Europe in relation to the Khazars, the Rus and the Lithuanians // Ukrainian — Jewish Relation in Historical Perspective. Edmonton: Canadian of Ukranian Studies University of Alberta, 1988. P. 6–7.

[10] *Эрдели И.* Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // Советская археология. 1983. № 4.

Один из многих обломков кирпичей с иудейскими символами из хазарского могильника (из книги: *Scheiber A*. Jewish inscriptions in Hungary. Budapest; Leiden, 1983)

щин иудеев еврейском языке Библии (метаязыке еврейской цивилизации), хотя, конечно, языком общения иудеев Хазарии мог быть хазарский тюркский язык, что, естественно, не исключало использование местных языков.

Среди приближенных иудейского хазарского царя были выходцы из славянской среды, также иудеи по вероисповеданию. Это вполне объяснимо: славяне составляли значительную часть населения Хазарской державы. Надо сказать, что проблемы расселения восточнославянских племен на территории Восточной Европы к настоящему времени изучены достаточно хорошо. Особую ценность представляют собой археологические материалы[11]. Обобщенные данные по этому вопросу содержатся в статье ведущего специалиста по истории хазар, академика М. И. Артамонова[12]. Для нашей темы важно отметить, что согласно археологическим данным, приводимым Артамоновым, возникшая в VII в. Хазарская держава, при расширении своих пределов на запад до Днепра, столкнулась с другим родственным хазарам племенным объединением тюрко-болгар — кутригурами. В результате кутригуры были оттеснены далее на запад, вероятно, с помощью славян, поселения которых находились тогда к западу от Днепра. Победа над кутригурами позволила славянам занять их территорию. Поскольку же славяне овладели Средним Приднепровьем с согласия хазар и при их содействии, то, поселившись здесь, они оказались данниками Хазарского каганата. По сообщению русской летописи, платили дань хазарам поляне, северяне, радимичи и вятичи, т. е. те группы славян, которые расселились на земле, захваченной у кутригуров, или в ближайшем соседстве с их землей.

[11] См.: *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Л., 1968; *Русанова И. П.* Славянские древности VI–VII вв. М., 1976; и др.

[12] *Артамонов М. И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещениии // Советская археология. 1990. № 3.

Характерно наличие археологических памятников, содержащих одновременно следы славянской и салтово-маяцкой культур, что явно свидетельствует о мирном сожительстве славян с носителями культуры, считающейся характерной для Хазарии. Об интенсивном расселении славян на территории Хазарии свидетельствуют и письменные источники. Согласно информации арабского автора конца IX — начала X в., во время хазаро-арабской войны арабский полководец Марван ибн Мухаммед, преследуя в 737 г. хазарского кагана, дошел до «реки славян» — как видно из контекста, Волги. Двигаясь в сторону излучины этой реки, Марван разграбил поселения славян и соседних с ними «неверных» и захватил в плен 20 тыс. семейств. Славяне выделены здесь особо, что говорит об их многочисленности. Как обоснованно полагает автор публикации тюрколог С. Г. Кляшторный, это прямое свидетельство существования славянских поселений даже в районе Нижнего Поволжья.[13] Славяне явно были естественными союзниками хазар, что подтверждается и судьбой пленников Мервана. По сообщению другого арабского автора — ал-Белазури (Аль-Баладури), они взбунтовались и пытались бежать, но были истреблены арабами.[14]

То, что «славяне составляют войско царя и его прислугу»,[15] отмечает и арабский автор X в. Масуди. Говоря современным языком, славяне становятся «товарищами по оружию» в борьбе хазар сначала против арабов, а затем против наступавших с востока орд кочевников. Более того — о том, что славяне попадали даже в элиту Хазарии, свидетельствует один факт из вышеупомянутой «Хазарско-еврейской переписки» (естественно, на еврейском языке). Если в письме испанского еврея Хасдая Германия называется, как это принято в средневековой еврейской литературе, «страна Ашкеназ», то в ответном письме хазарского царя Иосифа она указана как «страна Н-м-ц», т. е. используется славянское обозначение страны германцев. Коковцов приводит мнение известного отечественного гебраиста А. Я. Гаркави, что это «первое известное в средневековой еврейской литературе славянорусское слово».[16] Еще более интерес-

---

[13] *Кляшторный С. Г.* Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории Юго-Восточной Европы. М., 1964. С. 18.

[14] Сказания мусульманских писателей о славянах и русских / собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. СПб., 1870. С. 92–93.

[15] Там же. С. 130.

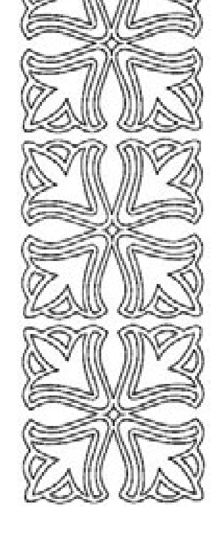
[16] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка… С. 62, 72.

ные сведения по этому сюжету содержит источник, рассказывающий о связанной с Хазарией иудейской общине древнего Киева,— так называемое «Киевское письмо». Текст его был опубликован недавно гебраистом Норманом Голбом и тюркологом Омельяном Прицаком.[17] Он представляет собой обращение членов Киевской еврейской общины к другим святым (иудейским) общинам с просьбой о содействии выкупу из долгового заключения некоего Якова бен Ханукки. Для нашей темы представляет интерес анализ имен в документе. Всего в тексте содержится одиннадцать имен, из которых шесть — не еврейские. Из них три идентифицируются как хазарские. Но три оставшиеся Торпусман убедительно истолковал как славянские: Гостята, Северята, Купин.[18] Гостята — хорошо известное из новгородских берестяных грамот XI–XII вв. славянское имя. Именная формула этого человека, приведенная в «Киевском письме», — «Гостята бар Кабар коген» — представляет особый интерес, потому что Кабар — наименование хазарского племени, а коген — почетный титул евреев, потомков рода священников, родоначальниками которого были Аарон и Моисей. Такое сочетание наглядно показывает полиэтническое происхождение члена иудейской общины древнего Киева. Подробнее на этом документе мы остановимся в следующем разделе.

Пока что только отметим, что он может считаться, с одной стороны, документом хазарской эды, но с другой стороны — свидетельствует о начале появления уже новой, древнерусской эды в городе, ставшем позднее «матерью городов русских».

[17] *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в.

[18] *Торпусман А. Н.* Антропонимия и межэтнические контакты народов Восточной Европы в Средние века // Имя — Этнос — История. М., 1989. С. 48–51.

ГЛАВА 4

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЭДА

4.1. В Древней Руси

Возникновение древнерусской эды еврейской цивилизации связано со становлением в IX–X вв. Древнерусского государства в районе Киева и Левобережья Днепра, где хазарское влияние было ранее особенно сильным.[1] Именно там, на территории, освобожденной от подати хазарам, возникает государство, именуемое в летописях «Русская земля». Более того, первым самостоятельным действием Руси был поход на Византию в IX в. До этого, несомненно, была прекращена выплата какой-либо дани хазарскому кагану. Уже через 100 лет киевский князь Святослав окончательно сокрушил Хазарский каганат, и новая, уже славянская, держава — Киевская Русь — стала исторической преемницей былого мощного государства. Русские князья даже переняли титул царей Хазарии — каган (хакан), который сохранялся киевскими князьями вплоть до Ярослава Мудрого. Кроме того, титул ближайших сподвижников князя — боярин («болярин»), упоминаемый в летописи под 911 г., также тюркского происхождения.[2]

С именем Святослава связано усиление иудейского присутствия в Киеве и в других городах Киевской Руси. Один из первых русских историографов В. М. Татищев (1686–1750) в своем труде «История Российская с самых древнейших времен», основываясь на летописных источниках, пишет, что после разгрома хазарских городов в 965 г. «при нем (Святославе) многое число их (хазар) в Русь переведены и по разным городам поселены, частью сами от печенег

---

[1] *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси в IX–XI вв. М., 1995. С. 115.

[2] *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

терпя или для сохранения (!) “жидовства” в Русь переселились».[3] Это, безусловно, было временем становления новой эды еврейской цивилизации — древнерусской, точнее, славяноязычной. (Следует указать, что наименование «жид» происходит от древнеславянского произношения слова «иудей», возможно, от итальянского «джудео». Оно не только не носило оскорбительного характера, но и применялось к положительным библейским персонажам. Например, в древнерусской «Повести временных лет» говорится о библейском пророке Моисее, которому Бог даровал 10 заповедей: «родися Моисей во **жидех**». Другой пример — волхвы, пришедшие благоговейно поклониться новорожденному Иисусу, вопрошают: «Где есть рожийся царь **жидовескъ**?» [4] (выделено мной. — *В. В.*). Более того, это наименование являлось нередко самоназванием еврея в славянских странах Восточной Европы. Характер оскорбительной клички для еврея в России и в русском языке оно приобрело только в конце XVIII в. В польском и чешском языках «жид» считается общепринятым наименованием еврея и сегодня. Подробнее см. в очерке «Евреи и жиды», с. 92 наст. изд.)

О новом источнике, повествующем об иудейской общине древнего Киева, — так называемом Киевском письме — мы уже сообщали в предыдущем разделе. Содержание его в контексте исторических событий того времени позволяет представить Киевское письмо последним памятником хазарской эды и одновременно документом начала новой эды — древнерусской, поскольку, как было уже сказано, среди авторов этого письма есть лица, носящие древнерусские имена. Литературный анализ еврейского текста Киевского письма показывает настолько высокий уровень образованности и знания средневековой литературы написавших его, что представляется невозможным его составление в столь отдаленном от центров еврейской учености городе, каким был Киев к X в.

Принимая во внимание высокий стиль письма и проявленные его составителями глубокие познания в еврейской раввинистической литературе, можно полагать, что письмо, оказавшееся в Каире, было составлено именно в иудейской Матархе на Таманском полуострове, ставшей столицей русского Тмутараканского княжества. Столица Египта в то время была высококультурным и богатым го-

[3] *Татищев В. Н.* История Российская. Часть I // Татищев В. Н. Собр. соч. М., 1994. Т. 1. С. 328–329.

[4] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 66, 71.

родом с большой и процветающей иудейской общиной. При таком положении вещей не приходится удивляться, что просьба единоверцев из далекого Киева была выполнена и само письмо было отправлено в генизу (хранилище еврейских рукописей).

Письменные источники убедительно показывают, что иудеи русской Тмутаракани в дальнейшем были тесно связаны со славяноязычной еврейской эдой Киевской Руси. Прежде всего, рассмотрим известное сообщение летописи об испытании вер, где говорится о том, как пришли к князю Владимиру в 986 г. «жидове козарьстии».[5] Это, конечно, могли быть жители Киева из квартала «Козаре», в частности те, кто попал туда во времена Святослава.

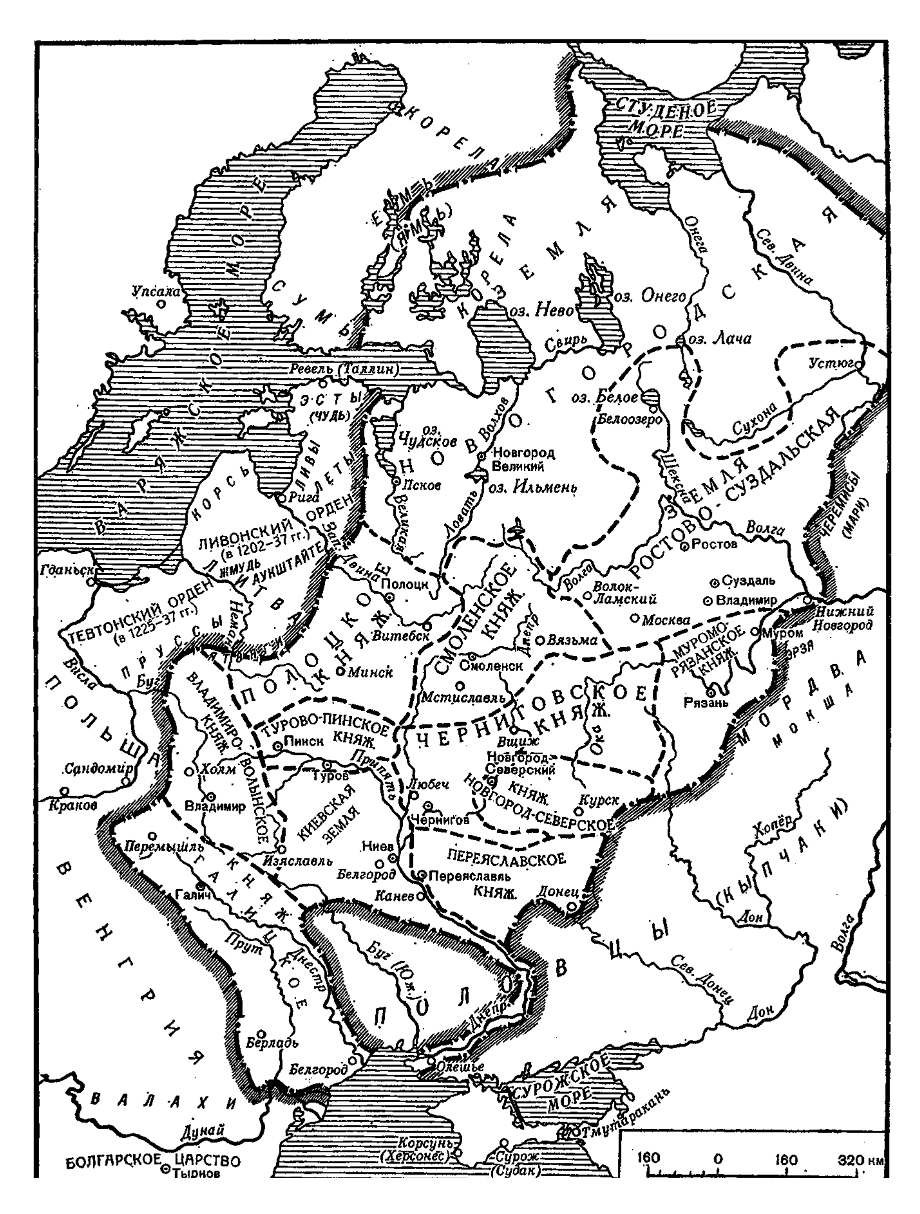
Включение Тмутараканского княжества в состав Киевской Руси и распространение там древнерусского языка, безусловно, способствовало усилению влияния иудейского элемента, прежде всего в самом Киеве. По-видимому, это влияние достаточно беспокоило церковных иерархов. Это наглядно отразилось в сочинении пресвитера придворной церкви св. Апостолов, поставленного в 1044 г. митрополитом Русской церкви, — «Слове о законе и благодати». В нем первый русский по происхождению церковный иерарх выступает с острой критикой иудаизма и восхвалением христианского закона. Знаменательно то, что он знает все иудейские нападки на личность Иисуса, в частности то, что он «от блуда рожен». Как отмечал еще в позапрошлом веке Малышевский, Иларион не выступал против какого-то далекого, абстрактного иудейства, а критиковал иудейство близкое, существовавшее рядом с ним в живой современности и при этом стремившееся повлиять на сторонников христианства.[6] В этом Малышевского поддерживал выдающийся современный исследователь интересующей нас темы Н. А. Мещерский, который не сомневался в том, что автор «Слова» мог непосредственно полемизировать с иудеями-талмудистами, жившими в Киевской Руси в его время.[7]

---

[5] Повесть временных лет. Т. 1. С. 60.

[6] *Малышевский И.* Евреи в Южной Руси и Киеве в X–XII вв. Киев., 1878. С. 59.

[7] *Мещерский Н. А.* Язык «Слова о законе и благодати» // Мещерский Н. А. Избранные статьи. СПб., 1995.

Древняя Русь в XII–XIII вв. (из книги: *Толочко П. П.* Древняя Русь. Киев, 1987 г.)

Князь Владимир и иудеи (миниатюра из Радзивилловской летописи)

Один пассаж из сочинения Илариона представляет особый интерес. Иларион утверждает, что «…крещение благодатное терпело обиды от обрезания законного. И даже не принимала в Иерусалиме христианская церковь епископа необрезанного, потому что старейшины были обрезанными».[8] Насколько нам известно, такого рода упрека в отношении иудеев церковная литература не содержит. Иларион явно откликался на какие-то события своего времени. Речь идет о переходе в ряды христиан и даже христианских иерархов выкрестов из иудейской среды.

Примером этого могла служить судьба современника Илариона, второго епископа Новгородского Луки Жидяты. Он был поставлен Ярославом в 1034 г. (по другим данным — в 1035 г.) и может даже считаться первым на Руси епископом из местных уроженцев и притом автором первого русского сочинения — «Поучения». Его имя означает «происходящий из евреев», «жиденок». По мнению Малышевского,[9] судя по его прозвищу, а главное, по его поучению, явно повторяющему особенно характерные для иудеев наставления 10 заповедей Моисея, он происходил из иудеев, обращенных в христианство при Владимире. Здесь хотелось бы привести интересное

[8] *Иларион, митр.* Слово о законе и благодати. М., 1994. С. 39.
[9] *Малышевский И.* Евреи в Южной Руси и Киеве… С. 53.

наблюдение академика А. М. Панченко о том, что в летописной «речи философа», в сюжете об испытании вер, у проповедника христианства «нет буквально ни слова о христианской нравственности, ни слова о десяти заповедях…»[10]. Еще более примечательным является тот факт, что на миниатюрах Радзивилловской летописи все епископы, даже не причисленные к святым, изображены с нимбами — знаками святости. Исключением является только Лука Жидята, хотя он и причислен к святым.[11] В этом можно увидеть согласие со стороны заказчиков летописи с упреком Илариона в адрес «обрезанных».

Но, видимо, некоторые обращенные не были тверды в вере, тайно сохраняя приверженность к иудейству. Именно к ним относится сообщение Нестора в «Житии преподобного Феодосия Печерского» о том, что тот во время своего игуменства (1057–1074) ходил в город и «многажды в нощи встая, отай всех исхожаще к жидам, тех же о Христе препирая, коряще и досажаше».[12] Ясно, что тайно по ночам ходить в еврейский квартал города у «Жидовских ворот», будить его обитателей, чтобы вести с ними дискуссии, не было никакой необходимости. Речь здесь может идти о тайных приверженцах прежней веры — возможно, даже среди монастырской братии.

О том же свидетельствует рассказ из Киево-Печерского патерика «О Никите Затворнике, который потом был епископом Новгорода». Там сообщается, что к будущему иерарху церкви даже в затвор являлся некий «дьявол», смущавший затворника. «И никто не мог соперничать с ним в знании Ветхого Завета, так как Никита знал его наизусть: Бытие, Исход, Левит, Числа, Книгу Судей, Книгу Царств и все пророчества по порядку, и во всех книгах иудейских хорошо разбирался. Евангелия же и Апостола, этих святых книг, переданных нам в благодати на наше утверждение и исправление, он никогда не хотел ни видеть, ни слышать, ни читать, ни говорить о них с другим. И поэтому ясно всем, что прельщен Никита дьяволом»[13]. Скорее всего, таким «дьяволом» мог быть христианин, в душе преданный иудейству, возможно, даже обращенный иудей. Под упоминаемыми в тексте «книгами иудейскими» явно подразумевается полный свод

---

[10] *Панченко А. М.* Красота Православия и крещение Руси // Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 327.

[11] *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический памятник. М., 1944. С. 35.

[12] *Малышевский И.* Евреи в Южной Руси и Киеве… С. 65–68.

[13] Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 141.

библейских книг. Отсюда можно заключить, что иудеям в Киеве был известен и славянский их перевод.

В результате появления работ многих исследователей имеются прямые доказательства наличия в Киевской Руси значительной творчески активной древнерусской эды. Первым о распространении русского языка среди евреев Древней Руси писал А. Я. Гаркави. На основе анализа славянских слов, встречающихся в еврейских средневековых рукописях, он писал, что факт употребления некогда евреями [Древней Руси] славянской речи как родного им языка более чем вероятен.[14] В связи с этим он указывает на наличие у евреев славянских областей Восточной Европы славянских дохристианских имен, особенно женских: Бела, Злата, Слава, Слове. Торпусман добавляет к этому списку имена Бадане, Хволе, Жви.[15]

Важным открытием, на наш взгляд, было доказательство прямых еврейско-русских литературных связей в книжности домонгольской Древней Руси. Важная работа по этой теме, написанная в 1942 г. в блокадном Ленинграде, принадлежит выдающемуся гебраисту и семитологу А. Я. Борисову. В этом исследовании ученый блестяще доказал наличие в древнерусских рассказах о премудрости царя Соломона прямого заимствования из еврейской книжности. Вот только один из сюжетов, распространенных в древнерусской литературе: «У человека родилось двое сыновей: один — с двумя головами, а другой с одной головой. После смерти отца дети заспорили перед Соломоном о разделе наследства. Двуглавый требовал раздела по головам, а одноглавый — поровну. Соломон приказал выпить уксус одной из двух голов. Когда одна выпила, то другая поморщилась. Соломон сказал: “раз ты чувствуешь другую голову, то надо делить поровну”». Борисов доказал, что это точный перевод из талмудического трактата и что он был заимствован непосредственно из еврейского источника, минуя язык-посредник. Более того, исследователь приходит к удивительному выводу: несмотря на тесные исторические связи, в древнерусской литературе отсутствуют прямые ана-

[14] *Гаркави А. Я.* Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей (Из исследований по истории евреев в России). СПб., 1866.

[15] *Торпусман А. Н.* Антропонимия и межэтнические контакты народов Восточной Европы… С. 48–51.

логии с иранской, тюркскими, арабской и, что особенно странно, с единоверными грузинской и армянской литературами.[16]

В этой области науки особенно большая заслуга принадлежит выдающемуся филологу-слависту Н. А. Мещерскому. Весьма примечателен один сюжет. Мещерский изучал тот фрагмент «Повести временных лет», датированный 1110 г., где летописец повествует о походе в Иерусалим Александра Македонского. Блестящий анализ, проведенный исследователем, убедительно показал, что этот летописный рассказ представляет собой прямой перевод из средневекового еврейского исторического сочинения «Иосиппон».

С рукописью этого сочинения связана весьма примечательная история, описанная в письме еврейского сановника, найденном в Каирской генизе. Известный по хазарской переписке испано-еврейский вельможа Хасдай ибн Шапрут послал некоего еврея Мар Самуила в Южную Италию, примерно в 940–945 гг., для копирования этой книги, написанной там в начале X в. Тот потратил на ее переписку 9 месяцев и с огромным трудом, подвергаясь опасностям, доставил рукопись в Испанию.[17] Тем более поразительно, что уже примерно через 100 лет отрывок из нее в прямом переводе с еврейского оказался включенным в русскую летопись! Это доказывает, во-первых, наличие на Руси переводчиков с еврейского языка, а во-вторых, тесные культурно-литературные связи между иудейскими и христианскими общинами. Возникает вопрос, где это могло произойти? Как известно, активное участие в составлении русского летописного свода принял игумен Киево-Печерского монастыря Никон, будучи автором «свода Никона».[18] Однако Никон с1061 по 1067 и с 1073 по 1078 г. проживал в городе Тмутаракани, бывшем «иудейском Самкуше». Как было указано, этот портовый город был теснейшим образом связан с торговыми городами Византии и Средиземноморья. Поэтому именно там Никон мог познакомиться с сюжетами из русского перевода этой книги. Позднее было доказано, что извлечения из перевода попали в различные хроники.

Мещерскому принадлежит также честь доказательства того, что Книга Есфирь была переведена на древнерусский язык с еврейского еще в домонгольский период. Он полагал, что автором перевода был

---

[16] *Борисов А. Я.* К вопросу о восточных элементах в древнерусской литературе // Палестинский сборник. Л., 1987. № 29.

[17] *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. СПб., 1997. С. 112–113.

[18] *Приселков М. Д.* Нестор-летописец. Пг., 1923. С. 44–45.

литературно подготовленный русский, знакомый с еврейским языком в его живом произношении того времени.[19]

Перевод Книги Есфирь (по-еврейски «Эстер») показателен тем, что этот текст особенно необходим для чтения при богослужении в иудейский праздник Пурим. Такие переводы на языки, понятные местным общинам, называются по-еврейски «таргумы» и широко используются в синагогальной практике.

Продолжателем дела Мещерского стал его ученик А. А. Алексеев. Он подтвердил правоту выводов своего учителя о переводе Книги Есфирь и обнаружил также древнерусский перевод с еврейского оригинала Книги Песни Песней Соломона. Алексеев плодотворно исследовал еврейские темы в древнерусском апокрифическом цикле «История царя Соломона», переводы библейских текстов с еврейских оригиналов, а также еврейских апокрифов. Для нашей темы важны выводы Алексеева о том, что указанные переводы представляют собой плоды религиозной активности иудейской общины, так называемые синагогальные таргумы. Более того, оказалось, что в 17 из 20 (!) сохранившихся древнерусских списков Пятикнижия Моисеева имеются деления по числу недель в году. Это соответствует иудейской практике деления всего текста Пятикнижия (по-еврейски Торы) на недельные чтения («парашиот»). На полях списков содержатся отдельные слова из еврейской Библии, написанные русскими буквами. Все это отражает использование древнерусских переводов Пятикнижия в синагогальной практике.

Из летописи видно, что иудеи были и среди окружения Андрея Боголюбского — это Ефрем Моизич и Анбал Ясин. Они также принимали участие в заговоре против князя. Анбал Ясин, которого верный слуга убитого Андрея прямо именует «жид», судя по имени, был выходцем из племени ясов (алан). Имеются сведения, что под влиянием хазар часть алан приняла иудаизм. Слуга Андрея, оплакивая своего господина, говорит, что о погибшем князе плачут все, в том числе и «жиды». Такой же мотив содержится в сказании летописца о смерти в 1288 г. волынского князя Владимира Васильковича: «жидове плакахуся аки во взятье Иерусалима, егда ведяхуться во полон Вавилонский».

---

[19] *Мещерский Н. А.* Переводная письменность Киевского периода // Мещерский Н. А. Избранные статьи. СПб., 1995. С. 290.

О широком расселении иудеев свидетельствуют и древние географические названия на территории Киевской Руси, собранные И. Берлиным и опубликованные им в 1919 г.: Жид — речка в Киевском уезде, Жидова — речка в Овручском уезде, Жидячин — село в Луцком уезде, Жидичев — город в Киевской области, упоминаемый в летописи под 1257 г., Жидовцы — село Бердичевского уезда, Жидовчик (Жидовики) — село Таращанского уезда, Жидоставы (Жидовские Ставы) — село Киевского уезда; Жидовский остров — урочище около Коршева, Жидовцы — село Сквирского уезда, Киевское предместье Жиды, Жидовская улица во Владимире Волынском. Можно указать также Козарград в Козельском уезде на реке Остре, Казаровичи (Козаревичи) — в Киевском уезде, Козаровичевская волость, Козара — в Галиции[20].

Еврейский путешественник Вениамин Тудельский, современник Андрея Боголюбского, также сообщает о живущих в стране славян евреях, причем особо упоминается великий город Киев. Примерно в то же время современник Вениамина, еврей из германского города Регенсбурга, путешествовал через Прагу в Киев, а затем, минуя Крым и Кавказ, на Ближний Восток. Там в половецких степях (стране Кедар) он встретил славяноязычных иудеев.

Надо сказать, что сохранилось достаточно сообщений о посещении Киева и других древнерусских городов евреями из стран Западной Европы, причем с самыми разными целями. Не в последнюю очередь этой целью была торговля. Торговые сношения западных евреев с Киевом получили значительное развитие в XI и XII вв., особенно во время Крестовых походов, когда прекращалась посредническая роль Багдада и Византии. Сохранилось, например, свидетельство рабби Элеэзера сына Натана из прирейнского города Майнца (XII в.), что «древние, путешествующие в Русию, брали, бывало, платья и товары, не имеющие определенной цены, в долг, чтобы заплатить за них по прошествии определенного времени».[21] С другой стороны, обычным делом было направление юношей из Киева для обучения в талмудические академии северной Франции. Известен, например, Моисей из Киева, учившийся у знаменитого французского раввина Якова Тамма (ум. 1170).

[20] *Берлин И.* Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Петроград, 1919. С. 150.

[21] *Гаркави А. Я.* Русь и русское в средневековой еврейской литературе. СПб., 1882. С. 246–247.

Можно отметить, что посещавшие Русь еврейские авторы упоминают Киев, Чернигов, Владимир и Перемышль. Но, кроме того, они свидетельствуют, что там существует много маленьких и бедных общин, которые вынуждены объединять в одном лице должности раввина, учителя, резника скота и хазана (руководителя молитв). Путешественники XII в. указывают также, что у русских евреев есть много обычаев, неизвестных на Западе. Мы можем отсюда заключить, что в Киевской Руси большинство еврейского населения было местного происхождения, имело свой язык и свои обычаи, а западные переселенцы составляли незначительное меньшинство.

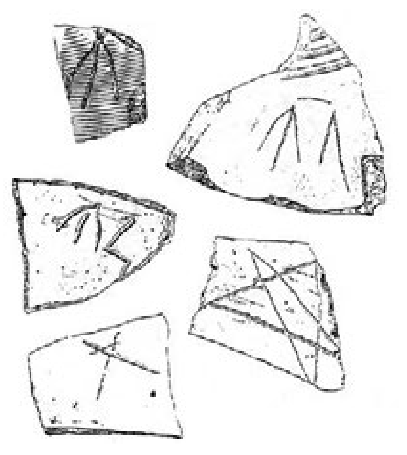
Следует особо отметить, что столь высоко эрудированный автор, как Бруцкус, введший в научный оборот много новых источников, прежде всего еврейских, не отметил в древней православной Руси случаев гонений евреев на религиозной почве, столь обычных в то время в Западной Европе.[22] Это может служить своеобразной иллюстрацией к размышлению А. М. Панченко о том, что «Русь создала свой вариант Православия, терпимый и открытый, создала сложную и “равновесную” культуру. Эта одушевленная оптимизмом культура породила выдающиеся памятники искусства, создала непреходящие ценности».[23] Такое мнение в общем подтверждает и немецкий исследователь Г. Подскальски. В своем капитальном исследовании он приходит к аналогичному выводу: «отношение к иудеям и латинянам, равно как и армянам, то было беспроблемным, то осложнялось взглядом на них как на еретиков. И те, и другие во многих древнерусских городах располагали собственными общинами, включавшими купцов и ремесленников. Скандальных конфликтов на религиозной почве в раннее время не было, и церковным соборам не приходилось заниматься проблемами, связанными с этими группами населения».[24]

Вообще надо указать, что иудеи воспринимались местными жителями именно как иноверцы, а не как инородцы (в местных русских источниках совершенно не упоминаются связанные с евреями «чужие» в узко этнографическом смысле черты, кроме пищевых ограничений).

[22] *Бруцкус Ю. Д.* Истоки русского еврейства // Еврейский мир. Ежегодник на 1939 г. Париж. С. 25–26.

[23] *Панченко А. М.* Красота Православия и Крещение Руси. С. 335.

[24] *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 81–82.

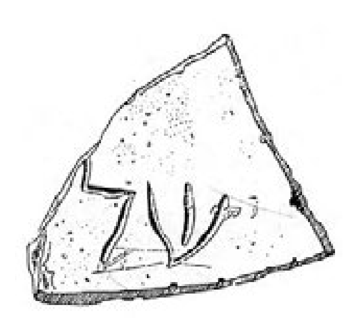

Рис. 1 *Рис. 2*

Обломки амфор, найденных при раскопках храма XI в. в усадьбе Художественного института в Киеве. Рис. 1 — их воспроизведение в книге археолога М. К. Каргера. Рис. 2 — идентифицированный нами обломок с нацарапанными на нем еврейскими буквами «шин» и «ламед» (справа налево). Они могут означать начальную часть имени владельца амфоры — «Шломо» (Соломон) (из книги: *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1961)

Указанный в летописи (1113 г.) эпизод волнений в Киеве с грабежом иудеев не носил характера конфессионального или национального конфликта. Это видно хотя бы из контекста сообщения летописи. В ней говорится, что после отказа князя Владимира Мономаха занять киевский княжеский стол киевляне обратились к князю с таким предупреждением: «знай, что не только Путятин (Путята — тысяцкий города, высшее должностное лицо — *В. В.*) двор или сотских (более низких городских чиновников — *В. В.*), или евреев пограбят, а еще нападут на невестку твою и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят и монастыри». Под евреями здесь, несомненно, понимаются проживавшие в еврейском квартале города влиятельные богатые люди. Не следует забывать, что Киев был тогда важным центром международной торговли, и, конечно, среди еврейского населения города были и преуспевающие купцы, тесно связанные экономическими интересами с городскими властями.[25] До нас даже, возможно, дошло имя одного из них. В 1947 г.

[25] *Pritsak O.* The Pre-Ashkenazic Jews of Eastern Europe in Relation to the Khazars, the Rus and the Lithuanians P. 11–12.

при раскопках[26] расположенного недалеко от еврейского квартала Древнего Киева — «Жидовских ворот»[27] — храма второй половины XI в. был найден использованный при кладке его сводов обломок амфоры, на котором процарапаны две еврейские буквы של (справа налево — «шин, ламед»), что позволяет восстановить еврейское имя владельца сосуда — שלמה (Шломо, т. е. Соломон).

Несомненно, религиозные и духовные связи между представителями различных эд в тот период безраздельного господства религиозного сознания весьма способствовали формированию торговых караванов купцов-единоверцев.

При этом, однако, источники также свидетельствуют, что значительная часть иудейского населения Древней Руси тогда не принадлежала к торгово-промышленному городскому сословию. Например, еврейский путешественник XII в. Петахия Регенсбургский встретил в степях южнее Киева славяноязычные иудейские общины, занимавшиеся земледелием.

Остается отметить, что массовый переход евреев СССР — России в XX в. с идиша на русский язык можно истолковать в известном смысле как возвращение к ситуации, существовавшей 1000 лет тому назад.

История в событиях и лицах

1. ЕВРЕИ СТРАНЫ КЕДАР

Уроженец имперского города Регенсбурга Петахия путешествовал в период между 1175 и 1185 гг. по маршруту Регенсбург — Прага — Киев — Крым — Кавказ — Ближний Восток. К сожалению, до нас дошла лишь отрывочная и краткая запись его рассказа. Сообщается, что через 6 дней после отъезда из Киева Петахия переправился через Днепр и вступил на землю Кедар. Это название произошло от слова «кедары», которым в средневековых еврейских источниках обозначались бедуины и вообще кочевники. Далее говорится: «Совершенных (по еврейскому тексту «завершенных, настоящих», т. е. ортодоксальных — *В. В.*) евреев нет в стране кедаров, а живут там только одни минеи (еретики). Когда рабби Петахия спросил их, по-

[26] *Каргер М. К.* 1) Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951; 2) Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1961. С. 426–427.

[27] Ипатьевская летопись. 6664 (1146), 6659 (1151).

чему они не веруют словам и понятиям мудрецов, они отвечали: «потому что этому отцы нас не учили». Накануне Субботы они нарезают весь хлеб, который едят в Субботу впотьмах и сидят весь день на одном месте. Молитва их в этот день состоит из чтения псалмов, и когда рабби Петахия прочел им наши молитвы и молитву после пищи (установленные Талмудом), то им это очень понравилось, причем они сказали, что никогда не слыхали и не знают, что такое Талмуд».[28]

Остается неясным: на каком языке вели столь содержательные религиозно-философские беседы «евреи страны Кедар» и Петахия? Даже в Хазарии, которая была разгромлена за 150 лет до этих бесед, знание священного еврейского языка было явно привилегией узкого круга ученых раввинов, и совершенно невероятно сохранение этого знания в изолированной общине среди тюркоязычных кочевников-язычников. С другой стороны, очевидно, что используемый язык должен был быть достаточно развит для передачи сложных религиозных текстов — псалмов, молитв, талмудических поучений — и хорошо знаком самому Петахии или его спутникам. Конечно, это не мог быть какой-нибудь не имеющий в то время богатой письменной традиции тюркский, в частности половецкий, а тем более древний уже тогда хазарский.

Изложенное ранее не оставляет сомнения, что таким языком мог быть только восточнославянский (древнерусский), а «евреи страны Кедар» представляли собой славяноязычные иудейские общины, возникшие еще в те времена, когда все обширное пространство от Волги до Днепра так или иначе входило в состав региона, находившегося под влиянием Хазарской державы. Следует отметить одну характерную деталь. Петахия особо отмечает, что, в отличие от самих кочевников-кедаров, «евреи страны Кедар» употребляют в пищу хлеб, что предполагает занятие земледелием в этой изолированной общине.

Оседлое славянское население начало расселяться там в VII–VIII вв., после установления власти хазар. Доминированием славянского языка в этом регионе объясняется поездка Кирилла в Хазарию в 862 г., представляющая собой в реальности миссию в Приднепро-

[28] Путешествие рабби Петахии Регенсбургского // Труды еврейских путешественников XI и XII столетия. Эльдад Данит, р. Вениамин Тудельский, р. Петахия Регенсбургский (еврейский текст с русским переводом) / пер., примеч. и карты П. Марголина. СПб., 1881. С. 4–5.

вье, закончившуюся первым крещением славян и славянизированной руси (варягов). При выполнении этой миссии Кирилл доставил туда переведенные им на славянский язык книги Священного Писания — вероятно, Евангелия и Псалтырь.[29] Последняя книга особенно интересна для нас, о чем будет сказано ниже.

Конечно, низкий уровень учености в изолированных иудейских общинах не должен удивлять. Даже в самой Древней Руси он был достаточно высок только в самом Киеве и, может быть, в Чернигове. До нас дошло уникальное свидетельство рабби Элиэзера из Праги, побывавшего на Руси одновременно с Петахией в период между 1170 и 1180 гг. В письме к выдающемуся парижскому ученому, комментатору Талмуда Иуде Хасиду он с огорчением сообщает, что «во многих местностях Руси … из-за стесненных обстоятельств нет лиц, изучающих Тору, и приходится нанимать случайных людей, которых только можно найти и которые выполняют обязанности одновременно кантора, раввина и учителя». Иногда в этой роли выступали евреи из Европы и соседних славянских стран.[30] Справедливости ради следует указать, что и в хазарский период характер исповедуемого иудаизма зависел от многих обстоятельств, в том числе и от притока еврейских эмигрантов из соседних стран. Например, в письме хазарского царя Иосифа особо сообщается о приглашении в Хазарию при его предке Обадии знатоков Талмуда и его толкователей.[31] Представляется, однако, что приезжие законоучители вряд ли могли серьезно влиять на общины, находящиеся вне центров государства. Иллюстрацией к тому, насколько своеобразно и широко понимали тогда в народе религиозные доктрины, может служить сообщение арабских авторов Ибн Русте и Гардизи о людях области Сарир, ходивших по пятницам, как мусульмане, в мечеть, по субботам, как иудеи, в синагогу, а по воскресеньям, по христианскому закону, — в церковь.[32]

Как можно заключить на основании рассказа Петахии, «евреи страны Кедар» сохранили только воспоминания о некоторых традиционных иудейских обычаях (например, о почитании Субботы), но, ввиду отсутствия контактов с учеными-талмудистами, исполь-

[29] *Ламанский В. И.* Славянское житие св. Кирилла. Петроград, 1915. С. 181.

[30] *Берлин И.* Исторические судьбы еврейского народа на территории русского государства. С. 173.

[31] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка… С. 97.

[32] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. С. 150.

зовали в качестве молитв тексты псалмов. В связи с последним стоит вспомнить, что Псалтырь в славянском переводе была одной из первых книг, доставленных Кириллом во время его миссии в Приднепровье в 862 г. В качестве сопоставления можно указать на то, что другие изолированные иудейские общины сохранили такое же или даже меньшее знание, точнее говоря, память о своем иудаизме. Поскольку же поучения Петахии были с радостью и благодарностью встречены его собеседниками, то следует остановиться на вопросе о возможности знания путешественником или кем-то из его спутников славянского языка. Как представляется, нет оснований сомневаться в положительном ответе на этот вопрос. Регенсбург, родной город Петахии, лежал на великом торговом пути «из немец в хазары», включавшем в себя маршрут Регесбург — Краков — Прага — Киев. В самом Регенсбурге колония еврейских купцов складывается уже в начале X в., и именно она играла значительную роль в торговле со славянскими землями.[33] Как обоснованно показал А. В. Назаренко в своем исследовании, такое положение продолжало традиции трансъевропейской торговой магистрали «от Пиренейского полуострова до Хазарии, столь живо обрисованное … информаторами кордовского министра Хасдая ибн Шапрута».[34] К этому следует добавить, что Ибн Хордадбех, сообщая о корпорации еврейских купцов, пользовавшихся этим торговым путем в X в., особо указывает, что одним из языков, которым они владели, был славянский.[35] Еврейские источники также подтверждают наличие давней традиции торговых связей с Русью. Например, Гаркави в своем исследовании приводит следующее свидетельство: «Элиэзер бен Натан из Майнца (XI в.) сообщает, “что древние, путешествующие в Русию, брали, бывало, платья и товары, не имеющие цены, в долг, чтобы заплатить за них по прошествии определенного времени”».[36] Конечно, столь давние торговые связи не могли иметь места без знания языка страны. Что же касается лично Петахии, то его связи со славянским миром могли быть особенно тесными, если вспомнить о его брате — раввине в славянской Праге. Отметим, что именно через этот центр славянства, где в то время положение евреев было особенно

[33] *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы в Средние века. М., 1994. С. 33–34.

[34] Там же. С. 27.

[35] *Ибн Хордадбех.* Книга Путей и Стран. С. 123.

[36] *Гаркави А. Я.* Русь и русское в средневековой литературе… С. 246–247.

благоприятно,[37] Петахия прибыл в Киев и туда же(в Прагу) вернулся после своего странствия, чтобы сообщить брату список мудрецов, похороненных в Вавилонии (Месопотамии).

Таким образом, несомненно, что путешественник встретил в земле Кедар, где-то в южнорусских степях, членов славяноязычной иудейской общины и беседовал с ними на их родном языке. О судьбе этих общин, как и вообще славянского населения земель бывшей Хазарии, не вошедших в состав Киевской Руси, можно строить различные гипотезы. Несомненно, что после разгрома территории Хазарского каганата в X–XI вв. войсками Святослава и печенегами, а также занятия ее потом половцами, культурный и экономический уровень оседлого населения там снизился. Однако, по сведениям восточных историков, приведенных А. Н. Поляком, пределы «Хазарской Руси» уже на пороге монгольского нашествия «простирались полосой, пересекавшей Волгу и включавшей на севере земли Приволжской возвышенности, а на юге земли вблизи Ахтубы».[38] Примечательно, что примерно через 60–70 лет после посещения Петахией страны Кедар какая-то часть местного славянского населения («бродники») присоединилась к войску татаро-монголов.[39] Это обстоятельство может служить указанием на определенные различия — возможно, и религиозные — между Киевской Русью и славянским населением бывшей Хазарии. Несомненно одно — память о когда-то великом Хазарском царстве и религии ее правителей долго сохранялась в народе. В качестве наглядного примера этого может служить былина из цикла сказаний об Илье Муромце, где повествуется о борьбе героя где-то в южных степях с могучим богатырем Жидовином.[40] Нелишне отметить, что тот же Петахия называет «Хазарией» Таврию и Крым. Такое название эти места сохранили до позднего Средневековья.

Не предлагая наличия каких-либо непосредственных связей с вышеизложенным, представляется интересным указать, что имен-

[37] *Галямичев А. Н.* XIII век в истории еврейской общины в Праге // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Средние века — начало Нового времени. М., 1993. С. 11.

[38] *Поляк А. Н.* Новые арабские материалы позднего Средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 46.

[39] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда. М., 1941. С. 140–141.

[40] Песни, собранные Н. В. Киреевским / изданы обществом любителей российской словесности. М., 1852. № 14.

но в Подонье и Поволжье получила распространение в XVIII в. секта «жидовствующих». При этом следует особо подчеркнуть, что на этих землях, некогда управлявшихся хазарскими каганами, в то время не было западных евреев-ашкеназов, что исключает какой-либо прозелитизм.

2. ИЦА ИЗ ЧЕРНИГОВА В XIII В.

Небольшая, но весьма важная работа российского семитолога и гебраиста А. Я. Гаркави (1839–1919) «Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей»[41] является первым серьезным опытом исследования истории еврейских общин на территории России в домонгольский период.

Особый интерес и сегодня вызывает следующее сообщение в этой работе Гаркави: «В письме из Парижа от 8 марта н. ст. Адольф Нейбауэр сообщил мне одно место из упомянутого выше Сефер га-Шогам, которое он списал во время своей бытности в Оксфорде, и где говорится об Ице из Чернигова. Вот это место: «Сказал мне Р. Ица из Срнгоб (Чернигова), что в *Тирасе,* т. е. Русии, соитие называется יבום. Этим он хотел объяснить глагол יבם (Кн. Бытия, гл. 38, ст. 8 и Второзак., гл. 25), значение которого еще не разгадано. Книгу Сефер га-Шогам, время составления которой мне положительно не известно, я отнес к XIII в. на основании следующего соображения. Ранее XIII в. Моисей Насия писать не мог, потому что у него, по свидетельству Когена, в каталоге книг Оппенгеймера, Гамбург, 1782, стр. 4 (рукопись Сефер га-Шогам, хранящаяся ныне, как мы заметили выше на стр. 11, в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде, принадлежала прежде Оппенгеймеру), часто приводится Р. Моисей Кимхи, живший в XIII в. Начиная же с 1290 г. до половины XVII в. евреям не дозволено было пребывать в Англии. Думать, что Сефер га-Шогам составлен был после половины XVII века, невозможно, потому что в каталоге прямо сказано, что это — древнее сочинение) ספר (ישן)».

В примечании к вышеприведенному пассажу Гаркави высказал следующее пожелание: «Любопытно было бы знать, находятся ли еще в Сефер га-Шогам какие-либо места с объяснениями на русском языке».[42]

[41] *Гаркави А. Я.* Об языке евреев, живших в древнее время на Руси… СПб., 1866.
[42] Там же.

Надо указать, что выдающийся ориенталист и представитель еврейской науки XIX в. Адольф Нейбауэр (1831–1907), как сообщает Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона, «в 1864 г. был командирован в Петербург для ознакомления с приобретенной незадолго перед этим Императорской публичной библиотекой коллекцией Фирковича; в1868 г. вступил на службу в Бодлеянскую библиотеку в Оксфорде для приведения в порядок и составления каталога еврейских рукописей, затем стал помощником библиотекаря и преподавателя (с 1884 г.) по кафедре раввинской литературы».[43] Таким образом, Нейбауэр хорошо представлял научные интересы Гаркави и немедленно сообщил ему о своем наблюдении.

Сведения об авторе книги Сефер га-Шогам (евр. «Книга оникса») приводятся в статье вышеупомянутой энциклопедии: «Моисей бен Исаак Ганессия — английский грамматик и лексикограф конца XII и начала XIII в. Его матерью была комитисса (графиня) из Кембриджа, отсюда и прозвище Ганессия (по еврейскому титулу женщины). В молодости он написал произведение, ныне утерянное, о еврейской грамматике, … ссылка на это сочинение находится в его “Sefer ha-Schoham (Сефер га-Шогам)”; это произведение, часть которого опубликована в Оксфорде в 1882 г., обнаруживает в авторе некоторое знание арабского языка, а также знакомство с произведениями Моисея Кимхи».[44] Что касается характера самой интересующей нас книги, то, как указано у Гаркави, это «рукописный словарь еврейского языка».[45]

Надо отметить, что знакомство Моисея Ганессии с творчеством Моисея Кимхи свидетельствует о его большой эрудиции. Члены семьи Кимхи, знаменитые своей ученостью, проживали с начала XII в. в Испании, Провансе, а затем в Италии, Сирии и Англии и были известны своими работами в области еврейской филологии и лексикологии. Это не должно удивлять, поскольку в родном городе Ганессии — Кембридже — еврейская община была одной из самых значительных общин Англии до изгнания евреев из страны в 1290 г. Несомненно, этот город по разным причинам привлекал евреев из других стран тогдашнего мира, одним из приехавших, очевидно, был Ица (Ицхак, Исаак) из далекого Чернигова.

---

[43] Нейбауэр А. // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб., 1908–1913. Т. 11. Стб. 652–654.

[44] Моисей бен Исаак Ганессия // Там же. Стб. 201–202.

[45] *Гаркави А. Я.* Об языке евреев, живших в древнее время на Руси…С. 11.

Надо сказать, что этот черниговец не только показал себя знатоком еврейской словесности, с которым обсуждал тексты Танаха сам Моисей Ганессия, но и продемонстрировал знание бытовой лексики русской речи родного Чернигова, которая сегодня трактуется как сквернословие. По известным причинам тогдашнего этикета Гаркави, видимо, воздержался от подробного обсуждения этой темы, хотя само по себе оно представляет определенный исторический интерес.

Обсуждаемый еврейский глагол יָבַם (в переводе «левиратный брак») читается, как (yābặ´m),[46] что естественно показалось русскоязычному человеку созвучным форме известного на Руси глагола, обозначающему соитие (активное совершение полового акта), — «ебать». В современной русской речи это слово является грубо-простонародным и относится к русской сквернословной брани — «матерщине», табуированной до недавнего времени даже для филологов России. Исключением может служить издание полного Толкового словаря живого великорусского языка В. Даля под редакцией проф. И. А. Бодуэна де Куртене, где в соответствующей статье указано:

> «**Ети**, еть, наст. вр. ед. 1. ебу, 3 — ётъ, мн. 3 — утъ, повел. ед. 2 еби, прошед. ед. м. ёбъ, ж. ебла, мн. ебли. Вульг. Совокупляться, употреблять женщину, coire. Пошлая брань (ругань): *Еби твою мать. Ёбъ твою мать. Мать твою ети. Мать твоя ети. Ебёна мать. Убирайся къ ебен† матери, убирайся къ чорту*. Возвр. еться, совокупляться. Ебецъ, род. Ебца, м., fututor. Ебля, действіе по гл. (actio). Ебня, явление этого действія (phaenomen). Сложные глаголы: выеть, заеть, поеть, распроеть, распроёбъ».[47]

Однако до последнего времени подобная лексика приводится только в специальных словарях речи уголовного мира.[48]

Вместе с тем, как указывают В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина[49], этот глагол является очень древним праславянским (*jebti, jebati*), а также известен всем славянским языкам. Более того, он имеет параллели в индоевропейских языках: ср. др.-инд. *jábhati* — «со-

[46] См.: Langenscheidt's Pocket Hebrew Dictionary to the old Testament. *Hebrew-English*. // by *K. Feyerabend.* London, 1963.

[47] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртене. Т. 1. СПб., 1903. Стб. 1304.

[48] *Мильяненков Л. А.* По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира. СПб. 1992.

[49] *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Русское сквернословие. М., 2008. С. 75.

вершить половой акт». Авторы полагают, что первоначальное его значение, вероятно, было «бить, ударять». В отношении же толковавшегося черниговцем Ицей еврейского глагола особое значение имеет важное наблюдение русиста профессора А. А. Алексеева, высказанное автору. С благодарностью привожу его полностью: «По-видимому, этот еврейский глагол значит как “ебём”… Никакой другой формы я подобрать не могу. С точки зрения истории русского языка, это крайне интересный факт. Он говорит о раннем переходе в сфере бытовой некнижной речи е > о [ср. несем > несём], который обычно датируется XV–XVI в. Следует обязательно указать, что данный факт действительно подтверждает мнение Гаркави о том, что бытовым языком евреев Киевской Руси был местный славянский диалект (русский). Это значит, что и в самой общине говорили на нем, тогда как еврейский изучали мужчины и некоторые из них могли читать что-то в синагоге».

Стоит добавить, что найденные недавно в ходе раскопок в Новгороде берестяные грамоты, относящиеся к домонгольскому периоду, также дают основания полагать, что подобная «ненормативная» ныне «словесность» была частью бытовой лексики в древней Руси. Но сохранилась она до нашего времени только в вышеуказанной роли.

Дело объясняется языковой ситуацией в Древней Руси. Исследователь этой проблемы историк и славист Б. А. Успенский показал, что « … матерная ругань широко представлена в разного рода обрядах явно языческого происхождения — свадебных, сельскохозяйственных и т. п. — т. е. в обрядах, так или иначе связанных с ПЛОДОРОДИЕМ, матерщина является необходимым компонентом обрядов такого рода и носит безусловно ритуальный характер. … Одновременно матерная брань имеет отчетливо выраженный антихристианский характер, что также связано именно с языческим ее происхождением. Соответственно, в древнерусской письменности — в условиях христианско-языческого двоеверия — матерщина закономерно рассматривается как черта бесовского поведения».[50] Однако несомненно, что в XII–XIII вв. это двоеверие было широко распространено на Руси.

[50] *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избр. труды. Т. II. Язык и культура. М., 1994. С. 57–58.

В связи с этим сюжет с Ицей из города Чернигова, который посетил в XIII в. еврейскую общину Кембриджа в Англии и общался там со светилами учености, позволяет высказать следующие соображения. Прежде всего, надо указать, что в то время Чернигов был центром важного и богатого Черниговского княжества в Левобережье Днепра. Как отмечает Толочко, уже во второй половине XI в. оно было «крупнейшим русским княжеством. … Черниговская земля была покрыта густой сетью населенных пунктов. … Среди городов наиболее значительными были: Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Курск, Брянск, Стародуб, Любеч. Располагаясь на крупнейшей артерии земли — р. Десне и ее притоках, они играли важную роль в историко-культурной, экономической и политической жизни не только Черниговского княжества, но и всей Руси».[51] Чернигов был уничтожен в ходе монгольского нашествия в 1239 г., и о былом его величии свидетельствует только великолепная Пятницкая церковь конца XII в. Следовательно, вышеупомянутый Ица мог посетить Кембридж не позднее первой трети XIII в.

О многом может свидетельствовать и сама личность черниговца. Прежде всего, он настолько сведущ в области еврейской словесности, что способен обсуждать с ведущими филологами и грамматиками в далеком Кембридже — естественно, на еврейском языке — сложные вопросы библейской лексики. Несомненно также, что такой человек не мог существовать в далеком русском Чернигове в одиночку. Конечно, он был членом достаточно большой иудейской общины города, способной не только создать необходимую для поддержания еврейской учености интеллектуальную среду, но и поддержать ее экономически. Познания же даже такого талмудиста в русской народной словесности могут свидетельствовать о полноценном включении членов этой общины в окружающую общегородскую жизнь русской среды.

В этой связи для нашего сюжета особое значение приобретает тот факт, что к Черниговскому княжеству с 1026 г., т. е. со времен правления князя Мстислава Владимировича, относилась Тмутаракань — большой город на Тамани и международный порт в Керченском проливе. Вместе с тем, Тмутаракань была крупнейшим экономическим, культурным и религиозным центром иудейской Хазарии, именуемым также «иудейский Самкуш». Несомненно, что переселенцы

[51] *Толочко П. П.* Древняя Русь. Киев, 1987. С. 85.

из него вполне могли способствовать возникновению и развитию иудейской общины Чернигова и других мест. Можно полагать, что, как и иудейская община древнего Киева, о существовании которой свидетельствует еще летописная традиция,[52] иудейская община богатого Чернигова была русскоязычной и полиэтнической по происхождению своих членов.

Нет основания также сомневаться и в том, что путешествие Ицы из Чернигова в Кембридж было связано с общей ролью еврейских общин Руси, в том числе черниговской, в тогдашней международной торговле. Как обобщает свои исследования этой проблемы Ю. Бруцкус: «Торговые сношения западных евреев с Киевом получили значительное развитие в XI и XII вв., особенно во время крестовых походов, когда прекращалась посредническая роль Багдада и Византии… Путь еврейских купцов в XII в. хорошо описан у рабби Петахии, который проехал из Регенсбурга в Прагу, Краков и Киев, затем прошел через половецкие степи в Тамань, а оттуда морем в Трапезунд, а далее в Низибис и Багдад. Следы западных евреев мы можем найти в Киеве, где в 1124 г. составлен был комментарий к Библии в духе французских тосафистов. В 1181 г. мы находим в Киеве раввина Моше, учившегося у рабби Там в Ромеро (во Франции). Киевский раввин передает через купцов запросы западных раввинов к главе Багдадской Академии Самуилу бен Эли. Из числа общин Киевской Руси еврейские авторы упоминают Киев, **Чернигов** (выделено мной. — *В. В.*), Владимир и Перемышль и, кроме того, говорят, что в России существует много маленьких и бедных общин, которые вынуждены объединять в одном лице должности раввина, учителя, резника и хазана. Путешественники XII в. указывают также, что у русских евреев есть много обычаев, неизвестных на Западе. Мы можем отсюда заключить, что в Киевской Руси большинство еврейского населения было местного происхождения, имело свой язык и свои особые обычаи, а западные переселенцы составляли незначительное меньшинство. Купцов и переселенцев из России мы находим в XII в. в Кельне, Регенсбурге и даже в Лондоне (правильно: Кембридже — *В. В.*) некий Исаак из Чернигова приводит русские слова для объяснения библейских корней»[53].

[52] *Вихнович В. Л.* От Киева до Тмутараканя (Иудаизм в Древней Руси) // Verbum et Calamus. Helsinki, 2004.

[53] *Бруцкус Ю.* Истоки русского еврейства // Еврейский мир. Ежегодник на 1939 г. Париж. С. 25–26; *Brutzkus J.* Trade with Eastern Europe, 800–1200 // The Economic His-

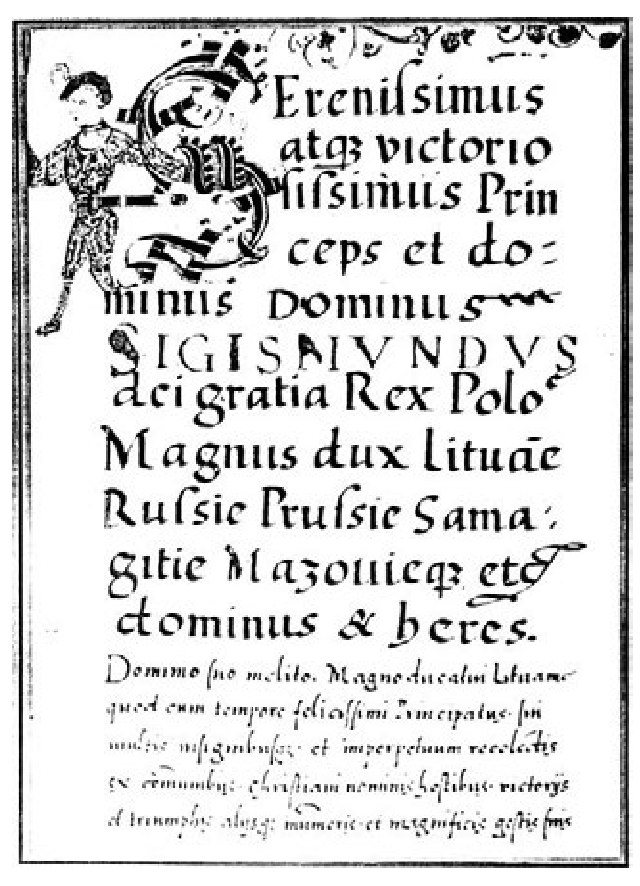
4.2. В Западной Руси (в составе Великого княжества Литовского)

Следы «славянской» (точнее, древнерусской) эды прослеживаются до позднего Средневековья. К XIV в. на землях бывшей Киевской Руси сложились два государства — Московская Русь и Великое княжество Литовское (Западная Русь). Большая часть земель Древней Руси (территория современных Украины, Белоруссии и частично России) после падения монгольского ига переходит под власть литовских князей, а затем и польских королей и магнатов. На северо-западе складывается и крепнет Московское княжество, но там освобождение от власти Орды затянулось еще на столетие. Меняется и облик еврейского мира.

В начальный период существования Великого княжества Литовского, во главе которого стояли литовские князья, еще приверженные древним языческим верованиям, сохранялись в основном представления и порядки прежней Древней Руси.[54] Ее культурное влияние было настолько сильным, что русский язык (в тогдашнем смысле этого понятия, до начала разделения на собственно русский, украинский и белорусский) вплоть до XVI в. оставался фактически государственным языком княжества, поскольку до этого не существовало литовской письменности. Соответственно, русскоязычными оставались и члены еврейских общин. Об этом наглядно свидетельствуют документы. Жалованная грамота великого князя Литовского Витовта (Витаутаса) от 1388 г. составлена на понятном им русском языке. Известный исследователь истории евреев Литовского княжества С. А. Бершадский на основе тщательного изучения административных и судебных документов показал, что все жалобы, прошения и заявления властям евреи писали на этом же языке. Более того, уже в 1578 г. евреи княжества, получив грамоту на латыни о предоставлении им привилегий уже от польского короля Стефана Батория, просят перевести ее текст на понятный им русский. Весьма красноречивы и личные имена евреев. В документах 1486 г., указывает Бершадский, «мы встречаем евреев: Зубца, Рябчика, Ольшейку, Глухого, Момотливого (заику), Кравчика (портного), Самотыку,

tory Review. Vol. XIII, № 1–2. 1943. London. P. 31–41; *Бруцкус Юлій.* Перші звістки про євреїв у Польщі та на Русі // Науковый збірник за рік 1927. Т. XXVI. С. 1–11; *Шушарин В. П.* Современная буржуазная историография древней Руси. М., 1964. С. 74–83.

[54] *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского. СПб., 1993.

Serenissimus
atque victorio
sissimus Prin
ceps et do
minus Dominus
SIGISMVNDVS
dei gratia Rex Polo
Magnus dux Lituaie
Russie Prussie Sama
gitie Mazouieque et
dominus & heres.

Привилегия евреям литовского князя Витаутаса Великого, 1388 г. (на латинском языке)

Рижка и т. д.». Согласно документам переписи 1566 г., имена тамошних евреев не менее характерны — «Кисло, Конь, Лиса, Коза, Сирота, Пророк, Брода, Брова, Шпак, Козак, Бородавка».[55] К сожалению, у нас нет точных данных о численности еврейского населения княжества в начальный период. Вместе с тем можно определенно говорить о том, что вплоть до полного объединения с католическим Польским королевством нет свидетельств о корпоративном отделении членов

[55] *Бершадский С. А.* Литовские евреи. СПб., 1883. С. 395.

иудейских общин княжества от окружающего населения. Как сообщает польский писатель Мацей из Мехова в сочинении «Трактат о двух сарматиях», относящемся уже к 1517 г., на Руси (Западной) евреи «не являются ростовщиками, как евреи в христианских землях (т. е. евреи-ашкеназы в католических странах — *В. В.*), но *ремесленниками, земледельцами* (выделено нами — *В. В.*) и оптовыми купцами, которым часто дается откуп на собирание таможенных пошлин и государственных налогов».[56] Вполне вероятно, что под властью языческих литовских князей имели место смешанные браки и, конечно, иудейский прозелитизм. Во всяком случае, в Западной Руси продолжались переводы религиозной литературы с еврейского языка. В конце XV в. появились так называемая «Псалтырь Феодора Еврея (сборник иудейских молитв)», сочинения знаменитого еврейского религиозного философа Моисея Маймонида, ряд библейских книг и астрологических сочинений. Язык переведенных текстов носит явный отпечаток западнорусского (белорусского) происхождения и ряд исследователей связывает их с возникшей в это же время так называемой новгородской ересью «жидовствующих». История возникновения и развития этого движения представляет важный эпизод в ходе становления российского государства уже московского периода — эпизод, затронувший самые высокопоставленные духовные и светские круги. В известном смысле это был первый случай возникновения пресловутого «еврейского вопроса» в России. Не вдаваясь в изложение этой истории, отметим только тот удивительный сам по себе факт, что «зловредными» идеями была затронута заметная часть новгородского духовенства. Даже сам царь Иван III пригласил лидеров движения — Дионисия и Алексея — стать протопопами Успенского и Архангельского соборов в Москве. Затем их идеи нашли своих последователей не только среди влиятельных и образованных людей того времени, но и в широких кругах народа. Как с негодованием писал церковный обличитель ереси И. Санин, «толико прельстиша и в жидовство отведоша, яко ни исчести можно … они хулили Сына Божия и пречистую Его Богоматерь и ругались святым иконам, а величают жидовскую веру, а нашу православную веру хулят…» Санин утверждал, что ересь возникла после появления в Новгороде при князе Михаиле (1475–1476) некоего еврея Сха-

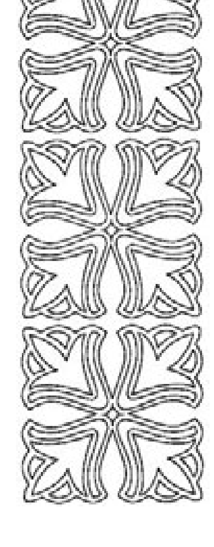
[56] Матвей из Мехова (Меховита, Меховский) // Трактат о двух сарматиях. М.; Л., 1936. С. 96 (русский перевод).

рия (Захарии), приехавшего из Киева и прельстившего Дионисия и Алексея. Его проповедь развили прибывшие из Литвы (Литовского княжества) другие «жидове» — Осиф Шмайло, Скорявей, Мосей Ханум, которые совместно «учили жен и детей», иначе говоря, вели массовую пропаганду своих идей.[57] Надо отметить при этом, что обращение к народу предполагает прекрасное знание живого русского языка. Многие исследователи высказывают обоснованные сомнения в справедливости обвинения всех участников движения в «жидовстве». Для нашего изложения важно то, что сам характер имен и прозвищ евреев-проповедников, а также их «русскоязычность» свидетельствует о происхождении из Западной Руси, что вполне соответствует характеру идеологической активности еврейства славянских областей Литвы. Движение было жестоко подавлено, но породило у высших кругов Московского царства страх перед угрозой иудейского прозелитизма. Царь Иван Грозный мотивировал отказ польскому королю в разрешении евреям торговать в России, в частности, тем, что «росиян они от христианства отводили».[58]

---

[57] *Жиганков О.* А. Еретики, или люди, опередившие время. Заокский: «Источник жизни», 1996. С. 19, 33.

[58] Регесты и надписи. Т. 1. СПб., 1899. № 470.

Глава 5

АШКЕНАЗСКАЯ ЭДА

5.1. В Польско-Литовском королевстве

К XVI в., как справедливо, на наш взгляд, полагает Бруцкус, возникает народность, которую мы называем русско-польским еврейством. Она состоит главным образом из амальгамы двух элементов: во-первых, из западноевропейских евреев. убегавших в XIII и XIV вв. из Германии, где их сжигали целыми общинами, с женщинами и детьми; во-вторых, из евреев древнего Киева, где преобладали «жидове козарские», а западные переселенцы были в меньшинстве. И далее: «Если судить по индексу крови, то можно даже предположить, что первые (здесь автор имеет ввиду туземное еврейство — *В. В.*) составляют около одной трети всей смеси».[1] (В настоящее время имеются более точные генетические методы анализа. Пока установлено, что для евреев Восточной Европы, ашкеназов, характерны некоторые наследственные болезни, не свойственные другим группам евреев, в частности, евреям-сефардам).[2]

Формирование этой народности, которое можно определить как ашкеназскую эду, происходило в условиях создания нового мощного государства Восточной Европы — католического Польско-литовского королевства. После провозглашения Кревской декларации об унии Великого княжества Литовского с Польским королевством в 1385 г. литовский князь Ягайло благодаря династическому браку становится польским королем, а католицизм провозглашается государственной религией Литвы. С этого времени судьбы еврейского населения Польши и Западной Руси становятся нераздельными.

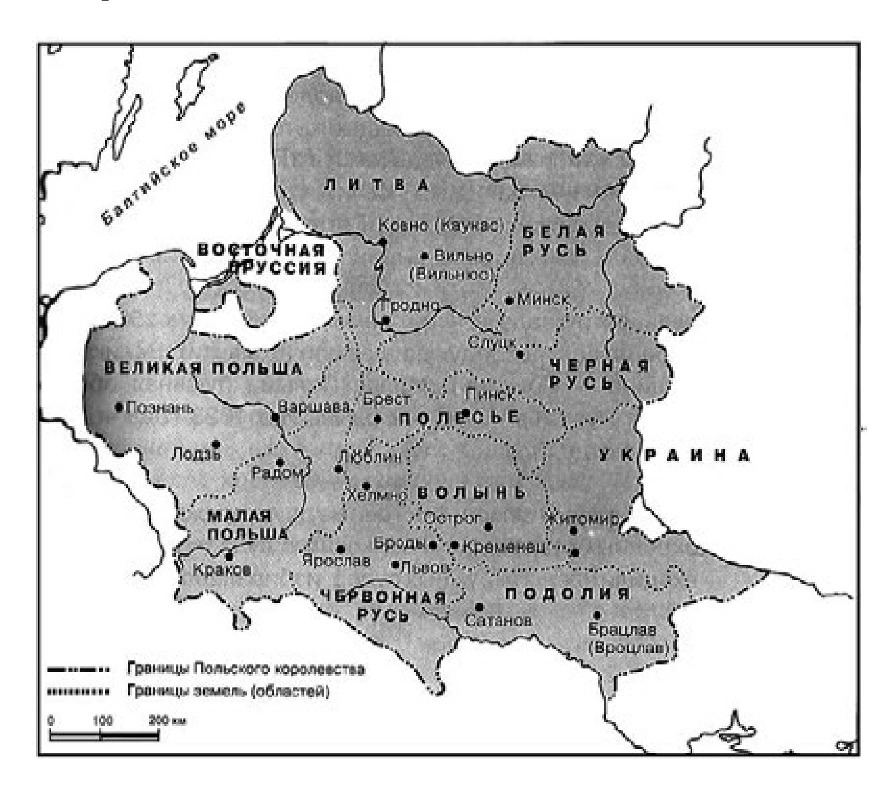
[1] *Бруцкус Ю. Д.* Истоки русского еврейства. С. 29.

[2] Еврейский народ. Генетика решила все загадки // Народ мой. СПб. № 15. 17 сент. 2010. С. 6.

В заметном числе евреи переселяются в пределы польского королевства, как было уже указано выше, в начале второго тысячелетия из Германии.

В то время польские короли и владетельные князья были заинтересованы в создании торгово-промышленного и ремесленного сословия в крестьянской стране, недавно вступившей в круг европейских государств (христианство было принято в Польше в 966 г.). Поэтому правители охотно принимали полезных пришельцев независимо от вероисповедания и предоставляли им различные привилегии. Приток еврейских иммигрантов в Польшу из Западной Европы резко усилился в XIV в. во время эпидемии чумы, погубившей треть тогдашнего населения континента. Видимо, в силу строгих законов иудаизма о ритуальной чистоте еврейское население пострадало меньше. Среди охваченных ужасом христиан распространился слух о виновности иудеев в распространении смертельной болезни. Несмотря на опровержение этой клеветы со стороны папы Климента VI, по Европе прокатилась волна жестоких погромов. Волны евреев-ашкеназов (в средневековой еврейской литературе Германия именовалась «страной Ашкеназ») проникали и в объединенное с Польшей Литовское княжество. Кратковременное, с 1495 по 1503 г., изгнание евреев из Литвы в Польшу привело к усилению культурного влияния ашкеназов, ассимилировавших представителей славянской эды. Этот процесс протекал довольно продолжительное время, но результатом его было формирование ашкеназской эды. Принесенный из Германии разговорный еврейско-немецкий язык идиш к XVI в. стал общеупотребительным в еврейских общинах государства от Познани до Смоленска. Этот язык возник в XI–XII вв. на основе верхне- и средненемецких диалектов со значительной примесью слов из древнееврейского языка. Позднее восточный вариант этого языка воспринял много славянских слов. Филологи полагают, что его лексический запас состоит на 75 % из слов немецкого происхождения, на 15 % — древнееврейского и на 10 % — славянского. Следует указать, что особенно много слов негерманского происхождения в том варианте идиша, на котором говорят «литваки», потомки евреев — жителей Великого княжества Литовского (нынешних Литвы, Беларуси и части России и Украины). Грамматика идиша немецкая, а алфавит — еврейский. (Надо отметить также, что в настоящее время имеются и другие гипотезы о происхождении восточноевропейского варианта языка идиш. Например, профессор

факультета лингвистики Тель-Авивского университета Пол Векслер на основе тщательного анализа обширного корпуса филологических, исторических, археологических и этнографических источников источников полагает даже возможным отнести идиш к славянским, а не германским языкам.[3]).

Еврейские общины Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.).

В феодальном Польско-литовском государстве евреи образовали как бы особое сословие, находящееся в стране под личным покровительством короля, объявлявшего об этом в особых грамотах. Впервые юридический статус евреев был определен хартией короля Ка-

[3] *Wexler Paul.* Yiddish — The Fifteenth Slavic Language // International Journal of the Sociology of Language. 91, 1991.

зимира в 1367 г. В ней были сформулированы гарантии их личных, религиозных и экономических прав. По ее образцу была составлена и жалованная грамота литовского князя Витовта. По мере ослабления королевской власти, усиливается влияние польско-литовского дворянства (шляхты и особенно ее верхов — крупных магнатов). Это сословие безраздельно владело массой бесправных крепостных и предъявляло к еврейским общинам свои корыстные притязания. Чаще всего евреи были ремесленниками, торговыми и финансовыми агентами, арендаторами мельниц, мелких питейных заведений, постоялых дворов, мелкими торговцами. Как правило, они проживали в особых кварталах больших и малых городов. Постепенно усиливается конкуренция со стороны мещанских слоев христианского населения, а католическая церковь усиливает антиеврейскую пропаганду. Возникают периодические обвинения в употреблении христианской крови. Впервые этот навет опубликован в книге на польском языке, напечатанной в Кракове в 1598 г.[4]

Обращение за покровительством к властям всегда требовало значительных средств. Такое положение привело к созданию строгой общинной организации. Всеми делами общины руководил особый совет — «кагал». Члены совета избирались посредством голосования, видимо, носившего достаточно формальный характер — выбирались всегда наиболее богатые члены общины или члены их семей. Кагал возглавляли 3 или 4 председателя («роши»), несколько ниже их стояли почетные особы («тувы»), судьи («даяны»), попечители и старосты различных благотворительных учреждений («габаи»). Кагал руководил всеми сторонами жизни рядовых членов общин, сбором государственных податей, распределял все виды повинностей, ведал кладбищами, синагогами, школами и благотворительными учреждениями, регистрировал акты гражданского состояния, оформлял купчие на движимое и недвижимое имущество, коммерческие сделки, вел судебные разбирательства между членами общины. Последними занимались даяны и раввины. Высшими органами еврейского самоуправления в Польше и Литве были объединения всех общин государства — «Ваады» (Советы). Много внимания уделялось религиозному воспитанию юношества. Это, как правило, было обязанностью раввина. Обычно он возглавлял высшую талму-

---

[4] *Гессен Ю. И.* История еврейского народа в России. М.; Иерусалим, 1993. С. 29.

дическую школу — «талмид-тору» или «ешиву» (в крупном городе), и начальную религиозную школу — «хедер».

Такая общественная система довольно успешно функционировала вплоть до середины XVII в., когда в Польско-Литовском государстве разразился национальный и социальный кризис. Сильнейшие удары нанесли королевству восстание украинских крестьян и казаков, тяжелые и не слишком удачные войны с Россией, Швецией и Турцией. Во время этих потрясений и особенно казацко-крестьянской войны, которая велась под религиозными лозунгами защиты православия, сильно пострадали евреи. Согласно оценке израильского историка Ш. Этингера, из проживавших во время восстания на Украине 51 тысячи евреев погибло или навсегда бежало около 30–35 тысяч, а во время последующей войны со шведами, уже на польской территории, по данным американского исследователя Б. Вейнриба, погибло или умерло от голода и эпидемий еще 40–50 тысяч евреев (20–25 % еврейского населения страны).[5] Кроме того, на Украине имели место также случаи присоединения к восставшим перешедших в православие социальных низов еврейского общества.[6] Уцелевшие общины были разорены и вся старая кагальная система так и не смогла оправиться от постигших польско-литовское еврейство бедствий. На протяжении большей части XVIII в. в условиях разваливающейся шляхетско-феодальной и клерикально-католической государственной системы Польского королевства подавляющая часть еврейского населения оказывалась беззащитной перед произволом шляхты, восстаниями угнетенного православного крестьянства, а также антииудейской пропагандой католического духовенства. Одновременно шел процесс моральной деградации кагальной верхушки. Как писал во второй половине XVIII в достойный раввин Иегуда Марголиот, «Главари общины злоупотребляют своей властью; забывая Божии повеления, они заботятся лишь о собственных интересах. В страхе они держат всю общину … поедом едят бедняков; себя они освобождают от всяких налогов и все тяготы возлагают на других. Никого не щадили они поборами, и горемычные бедняки, совершенно бессильные бороться с общинными заправилами, покорно дают, сколько бы с них ни требовали, хотя налоги, ими уплачиваемые, значительно превосходят взносы бога-

[5] Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1996. Т. 8. С. 1180 (Ст. «Украина»).

[6] Еврейские хроники XVII столетия / иссл., пер. и коммент. С. Я. Борового. М.; Иерусалим, 1997.

чей… Бесполезно также обращаться за помощью к раввинам, ибо и они заискивают у сильных; заодно с заправилами общины служат они оплотом насильникам и хищникам…».[7]

Внутренний кризис еврейских общин способствовал возникновению новых идейных движений и направлений. Появляются сторонники лжемессианской секты Якова Франка (1726–1791). Позднее франкисты порвали с иудаизмом и перешли в католичество. Возникает интерес к сторонникам немецко-еврейского философа Моисея Мендельсона, пытавшегося соединить традиционный иудаизм с европейским Просвещением. Однако главным в религиозной жизни еврейского населения погибающего государства был конфликт между хасидами и их противниками «митнагдимами». В основе хасидского движения лежал протест обездоленной еврейской массы против официального руководства кагала, его сухой, книжной учености, зачастую сводившей веру к почти автоматическому выполнению внешних обрядов. Напротив, основатель хасидизма Израиль Бешт (1700–1760) учил, что единения со Всевышним можно достичь путем восторженной горячей молитвы, ясновидения. Он утверждал, что важнее всего чувство, а не внешний обряд. Его последователи провозглашали, что посредником между Богом и людьми может служить харизматический праведник («цадик»), а не только официальный знаток Талмуда.[8]

Новое движение быстро распространилось на Украине, в Польше, и Белоруссии. Оплотом противников хасидизма стала Литва и особенно Вильно (Вильнюс). По инициативе великого ученого-талмудиста, идейного вождя митнагдимов Ильи Виленского (1720–1797), прозванного за ученость Гаоном (Великим), хасиды были объявлены вероотступниками и на них было наложено проклятие («херем»). Хасидские синагоги закрывались, а хасидские сочинения сжигались. В свою очередь, хасиды не скрывали радости по поводу кончины Ильи. В дальнейшем конфликт принял еще более острую форму.

---

[7] *Цинберг И.* Предтечи еврейского Просвещения в России // Евреи в Российской империи XVIII–XIX веков. М.; Иерусалим, 1995. С. 217.

[8] *Дубнов С. М.* Возникновение хасидизма //Евреи в Российской империи XVIII–XIX веков. М.; Иерусалим, 1995.

5.2. В России до разделов Польши

Правящие круги России формально продолжали разделять взгляд Ивана Грозного на иудеев и в последующие времена, хотя в реальной исторической жизни случалось самое, казалось бы, неожиданное. Например, отец первого российского царя из династии Романовых Филарет (Федор) Романов стал патриархом в Тушине, в ставке Лжедмитрия II, бывшего, по сообщениям источников, крещеным евреем по имени Богданко, бродячим учителем из белорусского города Шклова.[9] Есть достаточно свидетельств о пребывании позднее в России евреев, взятых в плен во время войн с Польшей, выкрестов и просто скрывших свое вероисповедание. Австриец Иоганн Корб, посетивший Москву в 1698–1699 гг., высказывает по этому поводу такое наблюдение: «Иудеев не терпят в Московии иначе как крещеных. Московцы сами приводят объяснение этого, именно им представляется несообразным, чтобы разнились от них в религии те, в нравах которых проявляются и выражаются одинаковая с ними замечательная хитрость и способность к самым искусным обманам».[10] Есть основания полагать, что это мнение разделяли многие европейцы. Однако в Россию лица иудейского вероисповедания официально не допускались даже при Петре Великом, и это несмотря на то, что Петр открыл страну для иностранцев и ему приписывается знаменательная фраза: «По мне будь крещен или обрезан — едино, лишь будь добр человек и знай дело». Между тем среди его ближайших сподвижников были выкресты, например, дипломат барон Шафиров и первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга граф Девиер. Среди потомков Шафирова можно указать музыкантов братьев Виельгорских, государственного деятеля С. Ю. Витте, поэта П. А. Вяземского, семью Самариных, философа князя С. Трубецкого и других. К дворянским родам России относились и потомки выкрестов Веселовских.

Тем не менее, реальные потребности жизни брали свое, и после присоединения левобережной Украины евреи приезжали на территорию империи и даже проживали там. Можно указать, например, «обер-гофкомиссара» Липмана — финансового агента герцога Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны. Однако в 1737 г.

---

[9] *Скрынников Р. Г.* Третий Рим. СПб., 1994. С. 178.

[10] *Стоклицкая-Терешкович В.* Евреи в России при Петре Великом и его ближайших преемниках // Вестник еврейского университета в Москве. 1994. № 1(5). С. 175.

власти были обеспокоены призраком возрождения ереси «жидовствующих». Оказалось, что в иудаизм обратился отставной капитан-поручик флота Александр Возницын, о чем донесла его жена. После тщательного следствия офицер и его «совратитель» купец Борох Лейбов в 1738 г. были публично сожжены в Санкт-Петербурге. Затем последовали строжайшие императорские указы о высылке всех евреев с территории России. На прошение Сената разрешить еврейским купцам приезжать в Ригу и Малороссию с товарами «для приращения … высочайших интересов и распространения коммерции» императрица Елизавета Петровна в 1743 г. ответила следующей резолюцией: «Я не желаю выгоды от врагов Иисуса Христа».[11]

История в событиях и лицах

1. П. П. Шафиров и его потомство (к генеалогии русской аристократии)

Как свидетельствует справочник, Шафировскому проспекту в Санкт-Петербурге «название дано в 1903 году в двухсотлетний юбилей города, по фамилии сподвижника Петра I — Петра Павловича Шафирова (1669? — 1739), русского государственного деятеля, вице-канцлера и дипломата, автора исторического сочинения о Северной войне 1700–1721 гг.».[12] Остается только пожалеть, что эта не очень впечатляющая магистраль, практически на окраине современного города, сегодня известна подавляющему большинству петербуржцев как скорбный путь к месту последнего упокоения — крематорию. А между тем, большой интерес представляет не только сам барон Шафиров, но и поразительно обширные и глу-

Барон П. П. Шафиров

[11] *Гессен Ю. И.* История еврейского народа в России. С. 19.
[12] *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Почему так названы. Л., 1985.

бокие генеалогические связи его потомков с самыми выдающимися аристократическими родами Российской империи.

Но сначала коротко о самом Петре Павловиче.Конечно, описание его жизни и трудов заслуживает серьезного исторического труда; многое было уточнено исследователями последнего времени. Это положительно сказалось, в частности, на обширной статье о Шафирове в Краткой еврейской энциклопедии на русском языке (Иерусалим, 2001).

Семья будущего барона оказалась в России не по своей воле во время русско-польской войны 1654–1667 гг. В то время существовала массовая практика уводить население захваченной территории в Московию и обращать в холопов (крепостных) того военачальника, войско которого захватило пленников. Среди них было и значительное число евреев. По документам установлено, что отец будущего барона — Шафиров-старший — был захвачен шестилетним ребенком (вероятно вместе с семьей) в 1659 г и сделан холопом окольничего Б. М. Хитрово. Впоследствии он был окрещен и вместо прежнего имени «Шая Сапсаев» стал именоваться Павлом Шафировым. Есть основание полагать, что фамилия Шафиров является искажением популярного еврейского (иврит) наименования «Шапиро» («благообразный»). Впоследствии он, видимо, будучи одаренным человеком, стал переводчиком в Посольском приказе (тогдашнем министерстве иностранных дел Московского государства). Его сын Петр также с детства отличался большими способностями, особенно в знании языков, и с молодых лет продолжил дело отца, работая с 1691 г в том же Посольском приказе.

Карьера Петра Павловича началась с участия в Великом посольстве Петра в Западную Европу в 1697–1698 гг., где он своими познаниями и природным умом обратил на себя внимание царя. Надо прежде всего указать на его редкие лингвистические способности: он в совершенстве владел польским, немецким, голландским, французским, английским и даже турецким языками. Это объясняет и быстрый взлет Шафирова на внешнеполитическом поприще. Он активно участвует в дипломатической подготовке русско-датско-польской антишведской коалиции в 1701 г. В ходе этой деятельности Шафиров сближается с руководителем дипломатии Петра — канцлером Гавриилом Ивановичем Головиным, с которым впоследствии и породнился, выдав свою дочь за сына канцлера. С 1703 г. Петр Павлович уже становится тайным секретарем канцле-

ра, а с 1709 — вице-канцлером и, по совместительству, управляющим почтами. Шафиров сопровождает Петра во время Полтавского сражения 27 июня 1709 г., а в 1710 г. первым в Российской империи получает титул барона. Этот необычный для России титул, видимо, связан с его еврейским происхождением.

Однако звездный час новоиспеченного барона наступил в роковом 1711 г. Опуская подробности, отметим, что опьяненный действительно великой победой под Полтавой Петр опрометчиво вторгся в пределы Бессарабии, находившейся тогда под властью Османской империи. Его надежды на обещанные ему восстания местных христиан против турок оказались тщетными. У реки Прут 22-тысячное русское войско было окружено огромной турецкой армией, во много раз превосходящей его по численности. Об отчаянности положения можно судить по инструкции царя посланному для переговоров с турками Шафирову. Там есть такие слова недавнего победителя Карла XII: «…ежели подлинно будут говорить о миру, то стафь с ними на фсе, чего похотят, кроме шклафства (рабства)». Барону удалось, казалось, невозможное: 12 июля мир с турками был подписан. Конечно, денег на взятки турецким пашам и самому визирю было затрачено очень много, в дело пошли даже личные драгоценности супруги Петра Екатерины, находившейся также при войске. Конечно, договор был исключительно тяжелым для России — в частности, были срыты с огромным трудом и жертвами созданные города и крепости — Азов, Таганрог и другие городки в Приазовье. Но благодаря дипломатическому искусству Шафирова России удалось сохранить свои завоевания в Прибалтике и даже Псков, на уступку которых царь разрешал пойти своему посланцу. У находившегося тогда в Турции после поражения под Полтавой Карла XII такие условия Прутского договора вызвали приступ бессильного бешенства.

Однако сам Шафиров вынужден был находиться в качестве посла и одновременно заложника в Турции, где пробыл до 1714 г. Положение его резко ухудшилось при новом обострении русско-турецких отношений. Султан собирался даже объявить войну России, а Шафиров и все остальные члены посольства были брошены в тюрьму. Тем не менее, до войны дело не дошло, и в 1713 г. он был освобожден и возглавил русскую делегацию на переговорах о мире. Опять-таки благодаря его дипломатическому искусству 13 июня 1713 г. был заключен Адрианопольский мирный договор, в основном на условиях прежнего Прутского договора. Об этом договоре советский историк

Н. Молчанов в книге «Дипломатия Петра Первого» (М., 1984) писал: «Если верно, что дипломатия — это искусство возможного, то в данном случае наши дипломаты достигли невозможного». Такой мир позволил Петру успешно довести Северную войну со шведами до победного конца. Этому также во многом помогла дипломатия барона Шафирова, сыгравшего большую роль в заключении союзных договоров России с Польшей, Данией, Пруссией и Францией, способствовавших дипломатической изоляции Швеции. С 1717 г. Шафиров, уже в качестве вице-президента Коллегии (по современной терминологии — министерства) иностранных дел, принял активное участие в подготовке статей Ништатского мира 1721 г., завершившего победную для России Северную войну. Следует отметить, что еще до того заслуги его были отмечены самой высокой наградой Российской империи — 30 мая 1719 г. он стал кавалером ордена Андрея Первозванного.

Петр привлекал способного сотрудника к другим важным делам. Шафирову принадлежит сочинение апологетического характера о Российском императоре под названием «Рассуждение, какие законные причины его величество Петр Великий к начатию войны против Карла XII Шведского имел», напечатанное в 1722 г. огромным по тем временам тиражом — 20 тысяч экземпляров. Большой вклад внес барон в составление Духовного регламента, заложившего основу коренной реформы церковного управления.

Однако деятельность искусного дипломата и публициста не ограничивалась внешнеполитическими и другими делами государства. Подобно другим «птенцам гнезда Петрова», прежде всего Александру Даниловичу Меншикову, он небезуспешно пробовал силы в коммерции, особенно связанной с внешнеторговыми оборотами товаров, и действовал достаточно успешно. Например, в 1717 г. Шафиров и тайный советник П. А. Толстой учредили первую в России фабрику по производству «всяких шелковых изделий и парчей», для чего им позволялось в качестве привилегии приглашать французских мастеров. Эта компания получила от правительства в пользование навечно (!) помещения в Москве и Петербурге. Со временем компания приобрела не только монополию на производство этой продукции, но и (с 1719 г.) право беспошлинного импорта тонкого шелка из Китая. Принимал Шафиров активное участие в рыбных промыслах на Белом море, в добыче на экспорт в Европу китового и трескового жира, а также китового уса.

В предпринимательских делах он преуспел настолько, что, уже после смерти Петра, с 1725 по 1727 и в 1733 г. возглавлял Коммерц-коллегию, ведавшую торговлей в России. Сподвижником барона в подобных делах был его младший брат Михаил Павлович. В 1702 г. он в возрасте 20 лет направляется на учебу в Европу, по возвращении в 1706 г. зачислен переводчиком в Посольский приказ, а в 1713 г. производится в секретари. Еще через семь лет он уже советник Ревизион-коллегии, отвечавшей за работу финансовых органов, а в 1722 г. служит в Берг-коллегии, ведавшей промышленностью. С 1733 г. М. П. Шафиров возглавлял московскую контору Коммерц-коллегии. Несомненно, что такая деятельность давала основания для личного обогащения братьев, как законного, так и за пределами закона, от чего они явно не уклонялись.

Надо сказать, что мздоимством грешили почти все соратники великого преобразователя России, однако страшен был гнев царя, когда тот, осознав масштаб казнокрадства, начинал бороться с тем, что сегодня вежливо называется «коррупцией». Попался под горячую руку и барон Петр Павлович, не поладивший с главным казнокрадом России — «полудержавным властелином» Меншиковым и его сторонником обер-прокурором Скорняковым-Писаревым. Красочный рассказ знаменитого русского историка Н. Костомарова о ходе этого дела показывает нравы того времени даже в кругу приближенных императора. В 1722 г. « громче всего было дело о подканцлере Шафирове, человеке, давно пользовавшемся доверием государя. Возникло дело о том, что Меншиков , владея в Малороссии местечком Почепом, населил у себя много лишних людей и захватил в свое владение лишние земли. Шафиров в сенате был против Меншикова, вместе с Голицыным и Долгоруким. Обер-прокурор сената Скорняков-Писарев был за Меншикова против Шафирова. Вскоре этот человек, злобясь на Шафирова, придрался к нему по другому делу, в котором Шафиров покушался учинить незаконное постановление ради своих интересов: Шафиров хотел, чтобы его брату Михаилу при переходе с одной службы на другую выдали лишнее жалование, и подводил его под закон об иноземцах. Скорняков-Писарев колко заметил ему, что Шафировы не иноземцы, а жидовской породы, и дед их был в Орше «шафором» (домоуправителем), отчего произошло их фамильное прозвище. Колкое замечание раздражило Шафирова, а враг его, озлобившись пуще, через несколько дней опять зацепил его. В сенате слушалось дело о почте, — почтою

управлял Шафиров. Обер-прокурор потребовал, чтобы Шафиров вышел из сенатского присутствия, когда слушаются дела, касающихся до них самих или их родственников. Шафиров не послушался, обругал Скорнякова-Писарева вором, а потом наговорил колкостей канцлеру Головкину и Меншикову. Тогда оскорбленные сенаторы вышли из заседания сами и затем послали мнение, что Шафиров за свои противозаконные поступки должен быть отрешен от сената. Царя в это время не было; он находился в персидском походе, а, возвратившись в январе 1723 г., назначил в селе Преображенском высший суд из сенаторов и несколько высших военных начальников. Суд этот приговорил Шафирова к смертной казни, и 15 февраля ст. ст. приговор должен был совершиться в Москве. Однако, когда в назначенный день осужденный положил голову на плаху, тайный кабинет-секретарь Макаров провозгласил, что государь, в уважение прежних заслуг Шафирова, дарует ему жизнь и заменяет смертную казнь ссылкою в Сибирь. (По другой версии, топор палача по предварительному приказу вонзился в плаху рядом с головой барона. — *В. В.*)

Позор эшафота расстроил Шафирова до такой степени, что хирург должен был пустить ему кровь. «Лучше бы, — сказал тогда Шафиров, — если бы пустил мне кровь палач и кровью истекла моя жизнь».[13] Вскоре ссылку в Сибирь заменили на проживание в Нижнем Новгороде, где Шафиров жил вместе с семьей в бедности под строгим надзором. Имущество его было конфисковано (в частности, его великолепная библиотека легла в основу будущей Библиотеки Академии наук). Правда, опального барона поддерживали материально и духовно многие иностранные и русские вельможи. Однако, царь решительно отвергал все ходатайства о помиловании, исходившие даже от его супруги Екатерины. В ссылке Шафиров прожил вплоть до смерти Петра и воцарения Екатерины I в начале 1725 г.

Здесь стоит обратить внимание на то обстоятельство, что сторонниками Шафирова были представители старой аристократии — Голицыны и Долгорукие, с которыми он установил через своих дочерей родственные связи, а врагами являлась «новая знать» волею царя — Меншиков, Скорняков-Писарев и другие. Характерно, что

[13] *Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Петр Великий. СПб., 1874. С. 752–753.

главный обвинитель Шафирова обер-прокурор Скорняков-Писарев также был впоследствии отрешен от должности и лишен пожалованных ему деревень.

Если учесть, насколько свиреп был царь к коррупционерам, надо сказать, что Шафирову очень повезло. Показательно в этом отношении наказание обер-фискала Нестерова, ведавшего сборами и налогами государства. Долгое время он исправно служил государю, пресекая все злоупотребления, но неожиданно и сам был уличен в злостном взяточничестве. Петр приказал подвергнуть Нестерова страшной и мучительной казни — колесованию — на площади у здания Двенадцати коллегий (ныне здание Санкт-Петербургского университета). Царь не только лично наблюдал казнь, но приказал всем чиновникам в качестве предупреждения смотреть на мучения Нестерова и других девяти мздоимщиков. Зрелище было настолько страшным, что сам всемогущий Меншиков в страхе повинился перед императором в своих противозаконных делах, униженно прося «милостивого прощения и отеческого рассуждения». Однако Петр хорошо знал своего давнего соратника, о котором говорил: «Он в беззакониях зачат, во грехах родился и в плутовстве скончает живот свой», и «полудержавный властелин» отделался только огромным штрафом.

После воцарения Екатерины I Шафиров был возвращен из ссылки, ему была возвращена большая часть конфискованного имущества и он был назначен президентом Коммерц-коллегии. Однако после смерти Екатерины I в короткое царствование Петра II, явно благодаря интригам его врага Меншикова, он был отправлен в отставку, где и пребывал до 1730 г. Затем, уже в царствование императрицы Анны Иоанновны, был возвращен на дипломатическую службу. В 1730–1732 гг., будучи послом в Персии, Петр Павлович принимал участие в заключении Рештского договора о совместных русско-персидских действиях против Турции. В последний период жизни, с 1733 вплоть до своей кончины 1 марта 1739 г., он состоял главой Коммерц-коллегии.

Семейные связи и потомство Шафирова не менее интересны и показательны, чем его собственная биография. Как указывалось ранее, евреи попадали в Россию в допетровское время в качестве пленников, однако при заключении в 1667 г. Андрусовского мира между Польшей и Московией было не только записано обязательство России выдать Польше пленных евреев, но и указано, что те ев-

реи, «которые б из них похотели в сторону его царского величества добровольно отдаться, то им вольно имеет быть». Таких было достаточно, поскольку возвращаться в бушевавшую казачьими восстаниями и разоренную войной польскую Украину было крайне опасно. Даже в «Сказке (списке) иноземцев, состоявших в детях боярских в Верхотурье» на северном Урале, составленной в 1680 г., имеется подпись еврейскими буквами на русском языке некоего Шмуля Вистицкого. Однако большая часть бывших пленных, чаще всего после крещения (формального или искреннего), оставалась в Москве, поселяясь в немецкой слободе. На дочери одного из таких лиц, Степана Копиева (Копьева), Анне Степановне был женат барон П. П. Шафиров. Интересно отметить, что по некоторым свидетельствам, в семье Шафировых не употребляли в пищу свинину, вероятно, помня о своем происхождении. Семья была многодетной — один сын и пять дочерей. Мужская линия была несчастливой: у сына Исая Петровича (1699–1756) было восемь детей, но все сыновья его умерли в младенческом возрасте и род баронов Шафировых пресекся.

В противоположность этому судьба потомства Шафирова по женской линии оказалась настолько интересной, что привлекла внимание специалистов-генетиков. Этому вопросу было посвящено исследование Ю. Б. Нелидова[14]. Автор в своей работе приводит подробную генеалогию потомства Шафирова по женской линии на протяжении восьми поколений, т. е. двух веков, и пытается сделать обобщения научного характера. Он указывает, что это потомство насчитывало к началу XX в. около 1000 человек. Не беремся судить, насколько его наблюдения полезны для коллег исследователя. Но даже для неспециалиста весьма интересен большой список выдающих людей среди потомков Петра Павловича и Анны Степановны Шафировых. При этом Нелидов сразу указал, что он сознательно избегал выделять лиц, сделавших блестящую служебную карьеру, «ибо в данном случае требовалось бы тщательное исследование для точного определения, в какой мере эта удачная карьера обусловливалась действительно природными дарованиями, а не являлась следствием счастливо сложившихся внешних обстоятельств».[15]

---

[14] *Нелидов Ю. Б.* О потомстве барона Петра Павловича Шафирова // Русский евгенический журнал. 1925. Т. III. Вып. 1. С. 61–65. Перепечатка в сборнике В. Бобкова: Заря генетики человека. М., 2008.

[15] Там же. С. 348.

Уже при заключении брачных союзов баронесс Шафировых как бы был поставлен своеобразный «генетический эксперимент»: их мужьями стали представители самых выдающихся русских аристократических фамилий — князь А. М. Гагарин, князь С. Г. Долгоруков, князь В. Н. Хованский, граф А. Г. Головин.

Среди потомков Шафирова прежде всего выделяется граф Сергей Юльевич Витте (1849–1915), с 1903 по 1906 гг. возглавлявший правительство Российской империи. С его именем связаны многие начинания, выполнение которых, возможно, могло бы спасти Империю и монархию, если бы они были реализованы. Граф, как и его предок барон, выдвинулся прежде всего самыми разнообразными способностями. На всех ступенях своей карьеры он проявил себя выдающимся администратором, великолепным дипломатом (особенно при заключении Портсмутского мира с Японией после неудачной для России русско-японской войны), высококвалифицированным финансистом, сумевшим провести в России важную денежную реформу, и проницательным политиком. Как и его предок Шафиров, Витте прекрасно владел пером и оставил три тома воспоминаний, ставшие подлинным шедевром русской мемуаристики. Но, конечно, нельзя обойти молчанием тот факт, что графу были присущи и недостатки его предка, среди которых первое место занимает некоторая неразборчивость в средствах для достижения цели.

Среди потомков Шафирова было много лиц, обладавших большими литературными дарованиями. Среди них прежде всего надо отметить князя Петра Андреевича Вяземского (1792–1878) — знаменитого поэта, публициста, философа, близкого друга А. С. Пушкина, оказавшего на последнего большое влияние. Можно вспомнить также известную в свое время романистку Елену Андреевну Ган (1814–1842) и ее знаменитую дочь Елену Петровну Блаватскую (1831–1891), стремившуюся создать новую религию на основе индийской мистики. Родной брат Елены Андреевны Ган — генерал Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883), отличившийся во время Кавказской войны, — был выдающимся военным писателем, теоретиком в области социологии и геополитики, труды его актуальны и сегодня. Кстати сказать, он приходился дядей графу Витте.

Потомком Шафирова является и князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914), публицист консервативно-монархического направления, основатель и редактор газеты-журнала «Гражданин», издававшегося в Санкт–Петербурге с 1872 г. Идейный контраст ему

составляет другой потомок того же предка — автор романа «Хождение по мукам», «советский» граф Алексей Николаевич Толстой (1882/3–1945).

Особо выделяются члены семейства князей Трубецких — религиозный философ Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905), профессор и первый выборный ректор Московского университета; его брат Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) —философ, правовед, общественный деятель, а также сын Сергея Николаевича Трубецкого князь Николай Сергеевич (1890–1938), выдающийся лингвист, профессор Ростовского университета, с 1920 г. — в эмиграции, основатель Пражского лингвистического кружка.

Среди других деятелей культуры можно отметить ряд семей, вокруг которых собирались представители культуры, искусства и науки, — семью графов Виельгорских, семью графов Строгоновых, давшую целый ряд покровителей наук, искусств, литературы, собирателей и коллекционеров художественных сокровищ. Продолжает этот список семья Самариных во главе с Юрием Федоровичем Самариным (1819–1876), выдающимся публицистом и общественным деятелем славянофильского направления.

Остается указать, что среди потомков Шафирова есть еще один известный аристократ — организатор и участник убийства Распутина князь Феликс Феликсович Юсупов (1887–1957), он же граф Сумароков-Эльстон, женатый на племяннице Николая II. Но вообще, как делает вывод Нелидов, «все потомство было в полной мере законопослушно: государственные и общественные деятели и публицисты были в основном большинстве строго консервативно-национального и церковного направления. Редкие исключения не шли далее ограниченной монархии, как, например, граф Павел Александрович Строгонов, личный друг и сотрудник Александра I в начале его царствования».[16]

Стоит отметить, что, кроме вышеупомянутого Р. А. Фадеева, нельзя указать ни одного военного стратега или даже тактика. Управляющий морским министерством адмирал С. С. Лесовский не участвовал ни в одном сражении, но получил высокую должность за свои таланты администратора. Приходится только удивляться, что таланты потомков в общем соответствуют склонностям самого родоначальника династии.

[16] Там же. С. 352.

Можно также сделать вывод, что генеалогия барона Петра Павловича Шафирова свидетельствует об особом характере формирования аристократии Российской империи, способной воспринимать в свою среду представителей разных национальностей и даже недавно крещеных евреев, что было совсем не типично для европейской аристократии.

2. ПОЛУЗАБЫТАЯ КНИГА ОБ «ИЗУМЛЕННОМ КАПИТАНЕ»

Писатель Леонтий Иосифович Раковский (1896–1979) был хорошо известен в не столь уж далекие времена. Его произведения часто переиздавались и охотно читались, особенно теми, кто интересовался биографиями российских военных деятелей. Уроженец Украины, он учился уже в советские времена на гуманитарных факультетах Киевского и Ленинградского университетов. С 1924 г. проживал в Ленинграде и даже успел частично опубликовать мемуары.[17] Я не литературный критик и не берусь обсуждать его биографические романы о российских полководцах Суворове, Кутузове, адмирале Ушакове, советском маршале Тухачевском. Могу только отметить, что они написаны, с одной стороны, достаточно добротно, чтобы привлечь к себе внимание читателей, а с другой — идеологически «правильно», чтобы не вызвать нареканий со стороны тогдашних властей, внимательно следивших за историческими описаниями даже событий давно минувших дней.

Тем более неожиданной была встреча с романом Раковского «Изумленный капитан», написанным в 1934–36 гг. и изданным в Ленинграде в 1938 г. Роман больше не переиздавался и сохранился, вероятно, лишь в немногих библиотеках — в том числе, как могу засвидетельствовать, в Российской национальной библиотеке. Не исключено, что и сам автор книги старался публично не вспоминать о ней, особенно в долгие недобрые времена, начавшиеся с эпохи борьбы с «безродными космополитами». Оно и понятно, ведь «изумленный» капитан — это офицер российского флота Александр Возницын, публично сожженный в Санкт-Петербурге в 1738 г. по обвинению в отпадении от православия и переходе в иудаизм. Жертвой этого российского «ауто да фе» был также его «совратитель» — купец из Смоленска Борох Лейбов.

[17] Нева. 1969. № 9.

Однако прежде чем перейти к дальнейшему изложению, необходимо напомнить хотя бы некоторые исторические реалии начала XVIII в., когда в городе произошло столь трагическое событие. Реформы и преобразования Петра Великого, превратившие Московское царство в могущественную Российскую империю, коснулись и области религиозной. В отличие от московских царей, Петр проявлял полную терпимость к инославным христианам (католикам и протестантам), но при этом строго относился к своим православным подданным. Не допускался выход из православия, преследовались, хоть и не столь жестоко, как ранее, старообрядцы. Правда, последние должны были платить двойные налоги и носить специальное оскорбительного характера платье. Хуже всего было положение приверженцев иудаизма. Но на перешедших в христианство ограничительные законы не распространялись.

В соседней Польше, граница с которой проходила у Смоленска, положение было иным. К началу XVIII в. в уже склонявшемся к упадку польском королевстве евреи составляли не только национально-религиозное, но и социальное сообщество. Они занимали своеобразную экономическую нишу в феодальном государстве, зарабатывая на жизнь торговлей, в основном мелкой розничной, ремеслом, содержанием постоялых дворов, извозом, оказанием различных услуг.

После присоединения к Российской империи левобережной Украины реальные потребности жизни брали свое, и евреи появлялись в пределах Империи, особенно когда в их услугах нуждались влиятельные особы. Постепенно возникали человеческие связи, заканчивавшиеся иногда и трагически, как это произошло с капитаном Возницыным.

Сразу же отметим, что фактическая сторона дела капитана Возницына достаточно хорошо известна. Сущность его становится ясна из собственноручной резолюции императрицы Анны Иоанновны от 3 июля (ст. ст.; стиль и орфография оригинала по возможности сохраняются, напомним также, что наименование «жид» не носило тогда сугубо оскорбительного характера — *В. В.*): «Понеже оные, Возницын в богохулении на Христа Спасителя нашего и в отвержении истинного Христианского закона и в принятии жидовской веры, а жид Борох Лейбов в превращении его через прелестные свои увещания в жидовство, сами повинились; и для того, больше ими розыскивать не в чем, дабы далее сие богопротивное дело не про-

должилось, и такие, богохульник Возницын и превратитель в жидовство жид Борох, других прельщать не дерзали: того ради, за такие их богопротивные вины, без дальнего продолжения, по силе государственных прав, обоих казнить смертию, сжечь, чтоб другие, смотря на то, невежды и богопротивники, из Христианского закона отступать не могли, и таковые прелестники, как и оный жид Борох, из Христианского закона прельщать и в свои законы превращать не дерзали …» Императрица, как видно, на идейные способы борьбы за души православных подданных не рассчитывала.

Согласно этой резолюции Юстиц-коллегия объявила «во всенародное известие: понеже сего 15-го дня, т. е. в субботу, по указу Ея Императорского Величества, имеет быть учинена над некоторым против Истинного Христианского закона преступником и превратителем экзекуция на Адмиралтейском острову, близ нового гостиного двора (в районе современного кинотеатра «Баррикада» — *В. В.*), того ради публикуется сим, чтоб всякого чина люди для смотрения той экзекуции сходились к этому месту, означенного числа, по утру с 8 часа». В назначенный день и час все было исполнено в точности.[18]

Разумеется, Раковский предлагает читателю литературную версию трагической судьбы своего героя, пользуясь законным правом автора исторического романа. Действие начинается в конце царствования Петра Великого. Молодой гардемарин Александр Возницын несет суровую царскую службу в неуютном, только что на скорую руку отстроенном Петербурге. Молодых и не очень молодых дворян со всех концов России царский указ собрал для трудной учебы морским «экзерцициям» в академии Морской гвардии, размещавшейся тогда в мазанковых домиках у Невы. Мерзли гардемарины в караулах и нетопленых избах, где квартировали, скудно питались, тайно роптали: «Согнали на край света, а чего тут не видали? Пусть по морю тот и носится, у кого своей земли мало, а у нас слава те Господи?» Но хоть и плача, приходилось постигать науку у иностранных учителей Академии, тем более, что грозный и неумолимый царь Петр, победив шведов, готовил свой заморский поход в Персию. Среди гардемаринов был и будущий злой гений Возницына, бессовестный негодяй, выпивоха на чужой счет, сластолюбец князь Масальский.

[18] Все материалы дела опубликованы в Приложениях к журналу «Пережитое»: 1910, т. 2; 1911, т. 3; 1913, т. 2.

Вторая линия романа завязывается в Московском монастыре. Монастырь богатый, игуменья Венедикта управляет огромными монастырскими вотчинами — московскими, смоленскими, петербургскими, нижегородскими, киевскими, где проживает почти 15 тысяч крепостных. Но и платить государю на его войны приходится много, да тут еще и обязали кормить солдатских женок и отставных солдат. Содержатся в монастыре в подвале и колодники. Автор красочно и живо описывает повседневную жизнь монастыря, больше похожую на быт крупной помещичьей усадьбы с многочисленными приживалками и самодурами-хозяевами. При монастыре выросла и крепостная графов Шереметьевых, молодая красивая девушка Софья, поражавшая всех смуглым, нерусским обличьем. Ее мать вместе с нею пленными много лет тому назад вывез Шереметьев из похода в Польшу, обратив по обычаям того времени в своих крепостных. Автор явно намекает на еврейское происхождение Софьи. Мать девочки вскоре умерла, а ее саму графиня отдала в монастырь в ученье. И вот теперь девушку отправляют в Петербург наставницей к детям капитана первого ранга Мишукова.

Еще один узел завязывается в пограничном тогда с Польшей городе Смоленске. Там, предложив властям большую цену, выиграл право «продажи питий», т.е. питейный откуп, пятидесятилетний еврей Борох Лейбов, пять лет державший до этого откуп в большом селе Зверовичи. Естественно, против него затаил злобу местный кулак и конкурент Герасим Шила. Конечно, некрещеного врага можно выжить только обвинив его в ругательстве над православной верой и совращении православных в свою веру. В то время архиепископом Смоленска был грек Филофей, переводчиком которого был ловкий интриган Галатьянов, обрусевший грек. Он помогает составить донос, в котором и вице-губернатор смоленский князь Василий Гагарин обвинялся в том, что «допустил в кабацкие и таможенные откупа и всякие торги в тое Смоленскую провинцию из-за литовского рубежа жидов, которые с женами и детьми меж христианского народу размножились и, живучи в Смоленском и в уездах той провинции, старозаконием своим чинят в простом народе смуту и прельщение». Особенно страшное обвинение направлено против Бороха. Он-де, «ругаясь над нашей христианской верою, учинил препятствие и спор в правоверности, построил в селе Зверовичи близ церкви Николая чудотворца свою жидовскую школу, в которой свою басурманскую веру отправляют». Последнее было явной

клеветой, поскольку евреи снимали для совместной молитвы часть сарая у местного жителя.

На страницах романа писатель причудливо сплетает судьбы Александра Возницына, Софьи, Бороха, а также их врагов Масальского и Галатьянова. Хороший роман, особенно столь богатый историческими реалиями, безусловно, пересказать немыслимо, он вполне заслуживает того, чтобы быть прочтенным. Но для общего знакомства проследим хотя бы основные его линии. Софья в Петербурге случайно знакомится на прогулке с Возницыным, перед самым его отъездом в Астрахань для участия в Персидском походе Петра. Молодые люди полюбили друг друга, и это взаимное чувство образует своего рода романтический стержень всего повествования. Однако в Петербурге героине пришлось завести и недобрые знакомства. По дороге в город она решительно отвергла домогательства Галатьянова, едущего в столицу с вышеупомянутым доносом.

Затем действие переносится в Астрахань, главную базу петровского похода. Возницын, хотя и любил учиться и вообще был книгочеем, все же морского дела не любил, но вынужден вместе с другими товарищами по учебе, ставшими, как и он, морскими офицерами, участвовать в далеком и трудном походе. В Астрахани пришлось задержаться на добрых четыре года, пережив Петра Великого. Там Возницын занимает должность чиновника в канцелярии порта. Софья также оказывается в Астрахани вместе с семьей капитана Мишукова. После необычайных злоключений она едва не утонула в Волге, спасаясь от западни, в которую ее заманил негодяй Масальский. В последний момент девушку спасают и приносят к дежурному, которым оказался сам Возницын. Влюбленные решают соединить свои судьбы по возвращении в Петербург. В Астрахани же смертельными врагами Возницына и Софьи становятся Масальский и оказавшийся там же вышеупомянутый грек Галатьянов.

В это время в далеком Смоленске происходят странные события. Донос на Бороха Лейбова оказал, казалось бы, свое действие. Первое время откупа были у него отняты и переданы доносителю. Но вдруг у еврея оказываются неведомые высокопоставленные покровители в Петербурге, и поступает распоряжение о восстановлении его прав. Даже приказ о немедленной высылке «жидов» из России, изданный 26 апреля 1727 г., его не коснулся. Он только занялся, говоря современным языком, экспортно-импортными операциями со столь важными тогда товарами — льном, пенькой и поташом. Более того, он

получает высочайшее разрешение, подписанное всесильным тогда князем А. Д. Меншиковым, не только оставаться в России, но и ездить по торговым делам в Москву и Петербург. Враги его негодуют, но ничего пока поделать не могут.

Далее действие романа переносится в Москву, куда Возницын приезжает в отпуск в свое имение. В Москве он встречает Софью и с ужасом узнает, что она должна надолго уехать с семьей хозяина за границу. Разлука длится слишком долго — почти шесть лет. Однажды его, пребывающего в глубокой депрессии, женят на дочери соседских помещиков Алене. Разочарование в семейной жизни наступает быстро. И тут одним из утешений является его знакомство, а затем и дружба с Борохом Лейбовым, прибывшим в Москву вместе с родственницей Возницына, смоленской помещицей Помаскиной.

Между тем Софью судьба приводит обратно в Россию, хотя в Европе она свободная дама, а на родине снова превращается в бесправную крепостную Шереметьевых. Несчастья преследуют Софью одно за другим. Приютившись в старом своем монастыре, она снова сталкивается с Масальским, назначенным по произволу тогдашних властей … главой женского монастыря. Невероятно, но тогда даже такое самодурство было вполне возможно. Софью спасает неожиданная встреча с Александром, но даже перебравшись с его помощью в Петербург, она как крепостная злой и самоуправной графини Шереметьевой не находит покоя. Хуже того — управителем у графа стал ее давний преследователь Галатьянов.

Теперь она, с помощью уже друга ее возлюбленного Бороха Лейбова, должна скрыться в Смоленской губернии. К ней приезжает и Возницын, твердо решивший порвать с Аленой и навсегда соединить свою судьбу с Софьей. Однако скрыться от ревнивой жены не удается. Алена также прибывает в Смоленск, и там уже давние враги Бороха Лейбова убеждают ее, что именно этот «жид» своими проповедями отвратил ее мужа своими «прелестными» речами от истинной веры. Оскорбленную недалекую женщину убедили написать соответствующий донос в Синод православной церкви, посулив, что неверному мужу грозит только временное заключение в монастырь. Но случилось непоправимое. Донос попадает к Масальскому, ставшему уже во главе московской конторы Канцелярии Тайных розыскных дел. Он приказывает немедленно арестовать Бороха и Возницына. Первое время арестованный офицер не может понять, в чем его обвиняют и даже отклоняет предложение влия-

тельного друга бежать. Затем в Москву доставляют под караулом Бороха Лейбова.

Дело принимает совсем страшный оборот, когда донесение об арестованных поступает императрице Анне Иоанновне. Раковский сочными красками рисует облик грубой, невежественной и злобной помещицы, какой была тогдашняя самодержица, всецело находившаяся под властью своего фаворита Бирона. Прочитав донесение о том, что отставной капитан-лейтенант Александр Артемьев сын Возницын оставил православную веру и перешел в иудейский закон, она вспомнила, что в свое время этот офицер уклонился от государевой службы, представившись «изумленным», т. е. потерявшим рассудок. Она приказывает доставить арестованных в Петербург в распоряжение страшного начальника Тайной канцелярии графа Ушакова, наводившего ужас на всю страну.

В дальнейшем судьбы арестованных складываются по-разному. Оказалось, что Борох Лейбов является доверенным агентом обер-гоф-фактора еврея Исаака Липмана, богатого купца и ювелира, проживавшего при дворе императрицы. В свое время Липман оказывал важные услуги царице, снабжая деньгами в бытность ее герцогиней бедного Курляндского герцогства. Когда же она стала императрицей, то Липман оказался при ее дворе и вместе со всесильным фаворитом Бироном и другими придворными вершил при участии английского посла различные финансовые операции, связанные с вывозом российских товаров в Англию. Конечно, допрос с пристрастием Бороха мог бы вскрыть многое из того, что высокопоставленные участники не желали предавать гласности. В результате сложных интриг Бороха удалось, в отличие от Возницына, избавить от розыска под пыткой. Несчастный Возницын больше всего боялся назвать под пыткой имени Софьи, что ему удалось, хотя и с большим трудом.

Однако, несмотря на то, что Борох избежал розыска, надежды на спасение у него не было. Согласно тогдашним законам Империи он за совращение православного в свою веру подлежал смертной казни через сожжение. Тогда действовало Уложение царя Алексея Михайловича, в частности гласившее:

«А будет кого бусурман какими-нибудь мерами насильством или обманом русского человека к своей бусурманской принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить, сжечь огнем безо всякого милосердия».

Императрица пожелала также предать этой же участи и его друга Возницына, хотя первоначально его как дворянина предлагали сослать в монастырь. Их сожгли публично в деревянных срубах. Последним словом Бороха было «Адонаи», а «изумленного капитана» — «Софьюшка».

Сама Софья делала все, чтобы помочь возлюбленному. Рискуя быть разоблаченной в качестве беглой крепостной графа Шереметьева и подвергнуться самой свирепой расправе, она прибывает в Петербург и через влюбленного в нее мелкого чиновника Синода узнает о всех подробностях дела Возницына. Основательно рассчитывая, что ему, как дворянину, грозит только ссылка, она придумала выдать себя за немецкую еврейку Шарлотту Мейер, желающую принять православие, получить соответствующее свидетельство и с ним поехать в место ссылки возлюбленного. План почти удался. Но тут пришло сообщение о казни. Затем судьба нанесла ей еще один удар. Неожиданно Софью находит управляющий Галатьянов, угрожает ей местью барыни и гнусно оскорбительно говорит о ее уже покойном любимом. Обезумевшая от горя Софья убивает негодяя ударом ножа.

Как видим, трактовка событий, данная автором делу Возницына и Бороха Лейбова, отличается от того, что мы знаем по историческим источникам. Однако искусно завязанная интрига, талантливо выписанные картины мрачного начала петербургского периода России, включая и положение евреев, конечно, заставляют признать книгу незаслуженно забытой (представляется даже, что она так и просится быть воплощенной в телевизионном сериале). Помимо этого, история искренней и верной дружбы одного из первых русских интеллигентов отставного капитана флота Возницына с представителем гонимого тогда племени Борохом Лейбовым, несомненно, тронет вдумчивого читателя до глубины души. Хотелось бы надеяться, что переизданием книги заинтересуются прежде всего петербургские издательства. Ведь написана она была здесь, автор был жителем этого города, да и трагическая кончина героев его романа представляет собой неотъемлемую часть трехсотлетней истории северной столицы России. И, конечно, заслуживает установки памятный знак на месте гибели этих жертв деспотизма и религиозной нетерпимости.

В заключение полагаю нелишним напомнить, что даже в гораздо более либеральные времена согласно Уголовному положению Российской империи 1903 г. «обращение в нехристианскую веру хри-

стианина лицом нехристианского вероисповедания» каралось тюремным заключением.[19] Серьезное наказание грозило и выкрестам, открыто пожелавшим вернуться к вере отцов.

5.3. В России в царствование Екатерины II

Бедственное положение еврейских общин Польского королевства способствовало тому, что с надеждой на лучшие времена могли быть восприняты слова плаката о переходе Белоруссии в 1772 г под власть Российской короны: «…собою разумеется, что и еврейские общества, жительствующие в присоединенных к Империи Российской городах и землях, будут оставлены и сохранены при всех тех свободах, коим они ныне в рассуждении закона и имуществ своих пользуются, ибо человеколюбие Ее Императорского Величества не позволяет их одних исключать из общей всем милости и будущего благосостояния под благословенною ее державою, доколе они с своей стороны, с надлежащим повиновением яко верноподданные жить и в настоящих торгах и промыслах по званиям своим обращаться будут».[20]

Екатерина II

Помимо этого, установление прочной и стабильной власти вело к созданию безопасных условий жизни в крае. Еще до разделов Польши действующие на ее территории русские войска предоставляли евреям и полякам защиту от украинских повстанцев — гайдамаков. Характерен ответ подполковника желтого гусарского полка на требование гайдамаков выдать спасавшихся у него беглецов: «тех жидов и поляков, потому, что оные … находятся у нас под защитой, отдать невозможно».[21]

[19] *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961. С. 48.
[20] *Гессен Ю. И.* История еврейского народа в России. С. 47.
[21] Там же. С. 21.

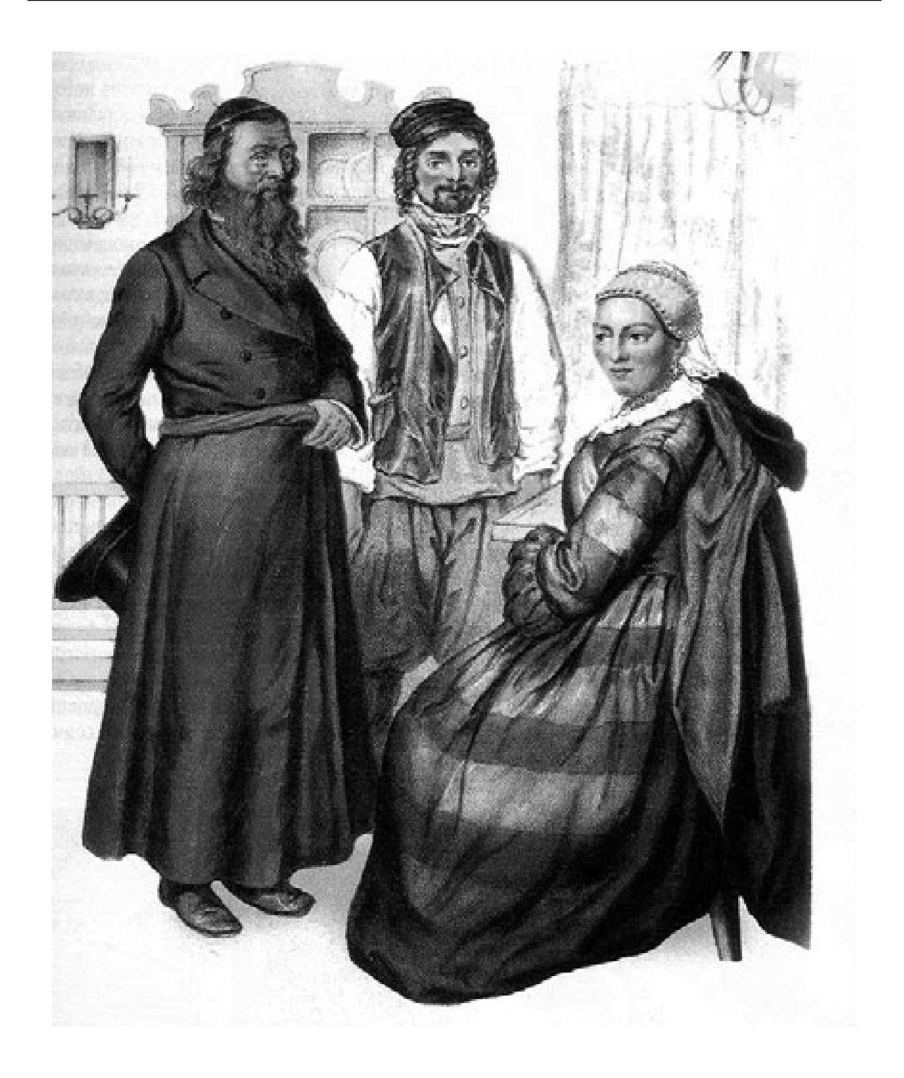
Нет никаких оснований сомневаться в искренних стремлениях просвещенной императрицы улучшить условия жизни ее новых подданных. Конечно, учитывая обстоятельства ее восшествия не престол, она не могла открыто отменить резолюцию Елизаветы Петровны. Однако Екатерина неофициально разрешала евреям приезжать по делам в Россию и даже в Санкт-Петербург. Более того, евреев, под прозрачным псевдонимом «новороссийских купцов», ее правительство поощряло поселяться в только что присоединенной Новороссии, в том числе и недавно основанной Одессе, где уже в 1794 г. они составляли 10 % всего населения. Наиболее радикальными в отношении правового положения еврейского населения были ее законодательные меры в белорусских губерниях. Наряду с подтверждением кагальной системы, евреям было разрешено наряду с христианами записываться в купеческое или мещанское сословия. Тем самым они выводились из-под юридической и финансово-фискальной власти кагала, включались в общегражданскую жизнь, приобретали право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления. Такие выборы состоялись в Белоруссии в 1783 г. При этом императрица, во избежание всяких сомнений, указала белорусскому губернатору, что если «евреи, в купечество записавшиеся», выбраны будут на какие-либо должности, то «не могут они удержаны быть от вступления в действительное возложенных на них должностей отправление».[22] Правовое и гражданское значение этого было исключительно велико. По понятиям того времени, причисление к сословным группам населения, купечеству и мещанству, означало признание евреев равноправными в сословном отношении гражданами государства, а предоставление им избирательного права было вообще исключительным явлением в тогдашней Европе. По точному определению американского историка Р. Пайпса, для тогдашнего христианского, особенно католического окружения «участие еврея в выборах было не менее отвратительным, чем негр, ставший избирателем после Гражданской войны между Севером и Югом в Соединенных Штатах».[23] Еще более показателен ответ императрицы на жалобы еврейских обществ по поводу произвола местных властей, недобросовестности выборов, запрещения евреям — как, впрочем,

[22] *Гессен Ю. И.* История еврейского народа в России. С. 58.

[23] *Локшин А.* Реферат на статью: Пайпс Р. Екатерина II и евреи: происхождение черты оседлости // Вестник еврейского университета в Москве. М.; Иерусалим, 1994. № 2.

и всем купцам и мещанам — проживать вне городов, заниматься винными промыслами и ограничения власти кагала. При направлении прошения в Сенат она повелела секретарю объявить генерал-прокурору, что «Ее Величество приметить указала, что когда означенные еврейского закона люди вошли уже на основании указов Ее Величества в состояние, равное с другими, то и надлежит при всяком случае наблюдать правило, Ее Величеством установленное, что всяк по званию и состоянию своему долженствует пользоваться выгодами и правами без различия закона и народа».[24] На основании этого указания 21 января 1786 г. было дано соответствующее решение Сената. Как справедливо замечает Пайпс, фактически оно на 5 лет предвосхитило Декларацию французского учредительного собрания о предоставлении евреям гражданского равноправия. Следует отметить, что в отличие от французского акта, в решении Сената речь идет о равноправии не только религии, но и народа. Несомненно, однако, что в условиях крепостнического государства, безраздельного господства аристократии и церкви, бесправности основной части населения — крестьянства — и крайней слабости торгово-промышленного класса России, эти начинания не могли быть проведены в жизнь и о вышеупомянутом Указе Сената больше не вспоминали. Поскольку в России только дворянство с 1785 г. получило право свободного выбора места проживания, то отказ еврейским купцам записываться в купечество Смоленска и Москвы не носил специфически антиеврейского характера. Только после французской революции возобладали причины политического характера, усилившие влияние прежних реакционных и ксенофобских традиций. В результате 23 июня 1794 г. был обнародован Указ, более чем на столетие определивший судьбу российского еврейства. Он подтвердил прежние территории, открытые для проживания лиц иудейского вероисповедания, и открыл три украинских — Киевскую, Черниговскую, Новгород-Северскую, и затем две литовских. Кроме того, евреи-купцы были должны платить двойную по сравнению с христианами подать. От этих ограничений была освобождена небольшая (всего несколько тысяч) группа «евреев-караимов», приверженцев иудейской секты, отрицающей Талмуд, при том условии, что они не будут принимать в свою среду других евреев. Поскольку ранее их правовое положение не отличалось от основ-

[24] *Гессен Ю. И.* История еврейского народа в России. С. 71.

Евреи-талмудисты

ной массы еврейского населения, это дает основание полагать, что первоначально причина антиеврейских ограничений не была чисто религиозной. В последующие десятилетия обоснование этих ограничений приняло совсем другой характер. Следует указать на одно чисто психологическое, но весьма важное нововведение правительства Екатерины: из официальной лексики исчезает слово «жид»,

Евреи-караимы

хотя оно ранее не носило характера только презрительной клички (этноним происходит от понятия «иудей» и, например, в польском языке и сегодня имеет вполне нейтральный характер) и заменяется более уважительным словом «еврей». В дальнейшем, особенно во второй половине XIX в., слово «жид» в России превращается в ругательство. В общем, несмотря на то, что намерения императрицы

остались в основном на бумаге, именно в ее царствование произошло начало включения, точнее возвращения еврейского мира в общероссийскую жизнь.

История в событиях и лицах

1. ЕВРЕИ И ЖИДЫ

Наименование «еврей» происходит от еврейского глагола «авар» («пересекать, переходить»): согласно библейской традиции, все спутники патриарха Авраама, переправившиеся через реку Евфрат, направляясь по призыву Всевышнего в Святую Землю, считались «пересекшими, перешедшими (реку)», людьми «иври», в русском произношении — «евреями». Отсюда пошло, что «евреи» — это все потомки родоначальника народа, патриарха Авраама. Такое название стало «родовым». Однако та же традиция определяет, что Божественный Завет передался не всем потомкам Авраама, а только, соответственно, через его сына, патриарха Исаака, внуку — патриарху Иакову (другое его имя — Израиль). В связи с этим для избранного, согласно той же библейской традиции, Богом народа возникает новое название — «сыны Израиля», или израильтяне. Формально оно является видовым относительно более широкого наименования «евреи», однако впоследствии такое различие забылось и эти имена стали синонимами. Отметим попутно, что ситуация радикально изменилась после создания современного государства Израиль, поскольку его гражданами могут быть и не евреи, а с другой стороны, большинство евреев мира не являются гражданами этого государства, т. е. они, в гражданском смысле, «неизраильтяне».

У патриарха Иакова-Израиля от четырех жен, как повествует книга Бытия, было 12 сыновей; потомки каждого составили особое колено (род). После исхода из Египта эти роды расселились в Святой Земле, расположенной между берегами Иордана и Средиземным морем. Удел, полученный коленом четвертого сына Иакова-Израиля Иуды, был расположен в южной части страны, и столицей его стал священный город Иерусалим. Имя «Иуда» является русской формой передачи древнееврейского имени «Иехуда», буквально — «Тот, Кого хвалят, превозносят» (имеется в виду, разумеется, Бог). В дальнейшем в этом уделе сформировалось государство Иудея, а после исчезновения в результате угона в ассирийский плен в 722 г. до н. э. осталь-

ных колен Израиля, только жители Иудеи оставались преемниками духовного наследия патриархов. Они пережили вавилонское пленение, восстановление и падение второго иудейского царства, разрушение римлянами в 70 г. н. э Иерусалима и Иерусалимского храма. Поэтому еще в древности иудеями стали называть всех приверженцев религии Моисея — иначе говоря, «иудеи» стало как бы третьим именем народа наряду с именами «евреи» и «сыны Израиля». В начале новой эры на греческом языке еврейская религия именовалась «иудаисмос» (отсюда современное русское «иудаизм»). По-латыни иудей произносится как «иудеус», а по-гречески «иудайос». Кстати сказать, христианство, возникшее в недрах иудаизма, восприняло многие еврейские библейские имена, причем наряду с широко распространенными Иваном, Захаром, Марией, Анной и другими можно указать также и Абрама (Авраам), Исаака (Исаакий), Иуду. Последнее имя было весьма популярно в древности. Так, среди первых учеников основателя христианства были два Иуды: один предатель, а другой верный последователь Иисуса (Иисус — латинская форма передачи еврейского имени Иошуа). От имени Иуды произошла русская фамилия Юдины, а, к примеру, одного из приближенных генералов последнего русского императора звали Николай Иудович Иванов. Поскольку в еврейской среде вплоть до эпохи Просвещения , начавшейся для нее только в конце XVIII в., господствовало сознание неразделимости понятий религии и народа, то имя «иудей» стало самоназванием народа. Однако в разных языках оно, естественно, произносилось по-разному: в английском приняло форму «джу», во французском — «жюиф», в итальянском — «джудео»; тюрки произносят его как «джигут», молдаване — «жидан», немцы — «юде» (отсюда «ид» в идише), финны — «юталайнен»; для курьеза укажем китайское обозначение иудея двумя иероглифами «дао цзянь», что означает «нож и жила» (имеется в виду обрезание) и наименование еврея по-японски — «юдая джин». В славянских странах оно произносились как «жид». Среди славистов распространено мнение, что славяне, в особенности на Балканском полуострове, восприняли это наименование из Италии. В древнейших памятниках славянской письменности, в частности, в первых переводах книг Библии и в древнерусском летописном своде «Повести временных лет» в разных местах встречаются наименования «еврей» и «жид», при этом второй вариант названия явно не носит пренебрежительного оттенка. Например, в «Повести временных лет» проповедник христи-

анства, излагая князю Владимиру священную историю, так говорит о рождении Моисея: «В си же времена родился Моисий въ жидехъ … Ту абье повеле царь ражающая дети жидовьские въметати в реку», но несколькими строками ниже: «Моисий же, убив еюптянина, обидящего евреянина».[25] Далее, по словам этого миссионера, будущий «царь жидовескъ» Иисус родился «въ Вифлевоме жидовьстемь».[26] Таким образом, наменование «жид», «жидовский» применяется к святым для христианина понятиям и именам Библии. В древнерусских былинах также упоминается «Жидовин — могуч богатырь». Наименование «евреянин» используется значительно реже. Такое положение сохранялось в славянских странах и в последующие века. Более того, документы польско-литовского государства, включавшего тогда территории современных Украины, Белоруссии, Литвы и, частично, России, показывают, что слово «жид» использовалось евреями как самоназвание. Многие знатные шляхтичи называли их таким словом, сопровождая его самыми уважительными эпитетами. Характерный пример: польский воевода Ян Заберезиньский 4 января 1519 г. письменно заверяет, что должен «*пану* Айзаку Езофовичу, *жиду* берестейскому» определенную сумму денег, которую обязуется возвратить «*его милости*» в известный срок (курсив наш — *В. В.*). В России положение начинает меняться в XVIII в. Если в Библии на славянском языке, напечатанной в г. Остроге (Украина) в 1581 г., апостол Павел говорит, что он *жидовин* из Тарса (Деяния Апостолов, 21:39), то в славянской Библии, изданной в 1753 г. («Елизаветинская Библия») в Петербурге это слово заменено на *иудеянин,* хотя в остальных местах слово «жид» оставлено без изменения. Как писал в 1913 г. известный переводчик Талмуда на русский язык Переферкович, это является первым документальным свидетельством приобретения словом жид оскорбительного значения, или, говоря языком современной науки, «отрицательной *коннотации*».[27]

Начиная с царствования Екатерины II наименование «жид» удаляется из всех официальных документов Российской Империи и заменяется словами «еврей» или «лицо иудейского вероисповедания». Уже в обращении императрицы о переходе Белоруссии в 1772 г. под власть российской короны говорится, что «*еврейские* (курсив

[25] Повесть временных лет. Т. 1. С. 66.
[26] Там же. С. 70.
[27] *Берлин И.* Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. С. 169 (курсив наш — *В. В.*).

ВОПЛЬ

ДЩЕРИ ІУДЕЙСКОЙ.

Сочиненіе

ЛЕЙБЫ НЕВАХОВИЧА.

Съ Указнаго дозволенія.

Санктпетербургъ,
печатано въ привиллегированной Брейткопфовой Типографіи,
1803 го года.

Л. Невахович. «Вопль дщери иудейской». Первое еврейское сочинение на русском языке

наш — *В. В.*) общества, жительствующие в присоединенных к Империи Российской городах и землях, будут оставлены и сохранены при всех свободах, коими они ныне в рассуждении закона и имуществах своих пользуются».[28] Первый еврейско-русский публицист Л. Невахович в своем сочинении «Вопль дщери иудейской», посвященном

[28] *Гессен Ю. И.* История еврейского народа в России. С. 47.

Александру I, восхвалял его бабушку «премудрую Екатерину» за то, что «прежнее название, учинившееся толико презрительным и поруганным, уже отменяется … и украшается почтенным нарицанием еврея».[29] В России тогда началась трансформация, аналогичная с переосмыслением в наше время наименования афроамериканцев в США. Но, разумеется, вытеснение слова «жид» из официальной лексики не означало его мгновенного перехода в ненормативную. В быту, да и в русской литературе неофициального характера, оно употреблялось наравне со словом «еврей». Сразу же следует отметить, что нашей целью является только проследить изменение эмоциональной окраски этнонимов «жид» и «еврей» в России, а не анализировать взгляды русских писателей по национальному вопросу. Укажем только, что, хотя у Пушкина встречается и то, и другое слово, вряд ли стоит спешить зачислять его в антисемиты. В эпиграмме на Булгарина есть строка «будь жид, и это не беда», его же перу принадлежит чудесное начало поэмы «В еврейской хижине» и т. д. Но, безусловно, поэт не был свободен от предрассудков своей эпохи и социальной среды. Другой гений русской поэзии, М. Ю. Лермонтов, в своей романтической драме в стихах «Испанцы», наполненной горячим сочувствием гонимым испанской инквизицией евреям, уже гораздо чаще использует по отношению к своим героям слово «еврей», хотя, правда, встречается и «жид». Ему же принадлежит прекрасное стихотворение на библейские мотивы — «Еврейская мелодия», на тему псалмов Давида.

Ограничиваясь только этими примерами и не вдаваясь в подробное обсуждение вопроса, надо, однако, указать, что в пореформенное время российское прогрессивное общественное мнение начинает все резче реагировать на употребление слова «жид». Уже М. Ф. Достоевскому приходилось оправдываться: «Уж не потому ли обвиняют меня в “ненависти”, что я называю еврея “жидом”? Но … я не думаю, чтоб это было так обидно»…[30] Перед революцией слово «жид» рассматривалось российской публицистикой, кроме откровенно погромной, уже как элемент ненормативной лексики. Иным было положение у писателей малороссийских (украинских) или связанных с Украиной. Тут надо указать, что к началу XX столетия в Великороссии, т. е. вне «черты оседлости евреев», согласно

[29] *Невахович Л.* Вопль дщери иудейской. СПб., 1803. С. 62–63.

[30] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 г. Глава вторая: Еврейский вопрос // Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 25. Л., 1983. С. 75.

тогдашнему законодательству было разрешено проживание 320 тыс. евреев, в достаточной степени усвоивших русский язык и культуру. Среди них были богатые купцы, банкиры, лица с высшим образованием, квалифицированные ремесленники, отставные солдаты, отслужившие при Николае I длительный срок солдатской службы, а в Сибири и других весьма отдаленных местах — ссыльные революционеры. Основная масса (около 5 млн человек) традиционного еврейства, говорящего на языке идиш, оставалась в пределах «черты оседлости» — на Украине, в Белоруссии, Литве, Польше, т. е. на территориях, входивших, как было указано выше, до конца XVIII в. в состав польско-литовского государства. Там языковая ситуация практически не менялась и повсеместно продолжалось использование слова «жид». Характерны примеры из произведений Гоголя, написанных на украинском материале. В повести «Тарас Бульба» евреи сами именуют себя «жидами», а герой повести Тарас так обращается к варшавским евреям с мольбой о спасении своего любимого сына от казни: «Слушайте, жиды!» — сказал он, и в словах его было что-то восторженное, — «Вы все на свете можете сделать, выкопаете хоть из дна морского … Освободите мне моего Остапа!..»[31] Очевидно, что в таких положениях не употребляют оскорбительных наименований для тех, у кого просят содействия. Наверняка такой великолепный стилист как Н. В. Гоголь, независимо от своего отношения к евреям, не допустил бы такой оплошности, если бы существовало другое наименование в ту эпоху. Кстати, он сам в той же повести при упоминании лица красивой женщины пишет «еврейка» — т. е. он уже чувствует некоторый оттенок пренебрежительности в слове «жидовка» для русской публики. Однако совершенно ясно, что в польско-украинской среде оно по- прежнему не носило оскорбительного характера.

Разумеется это относится и к творчеству тогдашних украинских писателей, в частности, Т. Шевченко. Характерен в связи с этим скандал, разразившийся в 1861 г., когда выходивший в Петербурге малороссийский (украинский) журнал «Основа» употребил слово «жид». Это вызвало бурю возмущения и негодования со стороны русской публицистики, и редакции пришлось долго объяснять, что это слово в украинском языке не имеет бранного характера. Известный русско-украинский историк и публицист Костомаров, за-

[31] *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба // Гоголь Н. В. Собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 130.

щищая позицию «Основы», обиженно писал: «за иудеев восстает на нас вся литературная Великороссия. Врагов у нас много, враги сильны!»[32]

При советской власти, особенно в период гражданской войны, слова «жид» и «жидовская власть» стали расхожими в антисоветской пропаганде белогвардейцев. Естественно, советскими властями наименование «жид» воспринималось и тогда, и после гражданской войны как контрреволюция со всеми вытекающими отсюда, часто весьма тяжелыми, последствиями. Характерен анекдот того времени: человек на трамвайной остановке сообщает, что он подъ*евреи*вает трамвай, намекая на небезопасность употребления слова «под*жид*ает». Во время Великой Отечественной войны геббельсовская пропаганда и ее местные пособники пытались использовать слово «жид» уже в явно издевательских целях, характеризуя правительство СССР как «жидовское», что еще больше усилило отрицательную эмоциональную окраску этого слова. Правда, высшее руководство страны все же полагало необходимым считаться с вражеской пропагандой. В этой связи показателен один случай из неопубликованных воспоминаний маршала К. К. Рокоссовского. В ходе Сталинградского сражения он регулярно докладывал Главнокомандующему положение дел на вверенном ему Сталинградском фронте. Во время одного из таких докладов речь зашла о командующем 66-й армией генерале А. Жадове. Далее по тексту воспоминаний : «Настоящая его фамилия была Жидов (! — *В. В.*), а сменил он ее при следующих обстоятельствах Однажды Сталин, выслушав мой доклад о причинах медленного продвижения войск 66-й армии, спросил меня, что представляет собой командующий. В ответ на мою положительную оценку тут же поручил лично переговорить с Жидовым о замене его фамилии на Задов. Я поначалу не понял Сталина, а потому крайне удивился такому предложению. Сказал, командарм не принадлежит к тем, кто пятится задом. … Сталин на мое возражение заметил, что я его, по-видимому, не понял. Никаких претензий к Жидову как к командующему он не имеет, но в армии некоторую роль играет и то обстоятельство, как звучит фамилия военачальника. Потому-то мне следует уговорить Жидова сменить фамилию на любую по

[32] *Костомаров Н. И.* Иудеям // Костомаров Н. И. Русские инородцы. М., 1996. С. 282–300.

его усмотрению. После переговоров командующий 66-й согласился стать Жадовым».[33]

Все это постепенно привело к устранению наименования «жид» также из украинского литературного языка и замене его на «еврей». Изменение настолько укоренилось, что вряд ли на возврат к прошлому сегодня решатся даже самые ярые борцы с «москальским» наследием. Правда, на территории Западной Украины, находившейся до 1939 г. в составе Польши, процесс такого переосмысления начался только с включением этой территории в состав СССР. В своих мемуарах Н. С. Хрущев вспоминает один эпизод из посещения им в качестве Первого секретаря Украины в 1940 г. Львова, главного города области: «Когда мы собрались на митинг во Львовском оперном театре, то пригласили туда и украинцев, и поляков, и евреев, в основном рабочих, хотя пришла и интеллигенция. Выступали там среди других и евреи, и нам странно было слышать, когда они говорили: "Мы жиды и от имени жидов заявляем..." Потом в кулуарах я спрашивал: "Отчего вы так говорите о евреях? Вы произносите «жиды», ведь это оскорбительно"! Мне отвечали: "А у нас считается оскорбительным, когда нас называют евреями"».[34] С подобной ситуацией столкнулся и уроженец Польши, впоследствии премьер-министр Израиля, Менахем Бегин, попавший в 1941 г. в лагерь в Воркуте. Там он встретился с репрессированным видным советским коммунистом, евреем по происхождению, по фамилии Гарин. Между ними часто происходили споры на идеологической почве. Бегин вспоминает: «Однажды Гарин отчитал меня за "постыдное унижение" перед антисемитами. Он слышал мои разговоры с поляками и обратил внимание, что мы пользуемся словом "жид". "Жид, — сказал Гарин, — это оскорбительное слово, которое употребляют только антисемиты, и в Советском Союзе оно запрещено". И вот я — сионист, гордящийся якобы своим еврейством, не только позволяю полякам говорить "жид", "жидовский", но и сам в разговоре с ними без зазрения совести произношу это антисемитское ругательство. Я как мог объяснил Гарину,

---

[33] *Турченко С.* Верховный нажим // Труд. 2002. № 19. Перепечатка: «24 часа». 2002. № 25. Несколько удивляет непонимание существа вопроса К. К. Рокоссовским, поляком по отцу и бывшим узником ГУЛАГа. Что касается генерала, носителя столь странной фамилии, то впоследствии его карьеру можно назвать вполне благополучной, если не блестящей. Закончил он её в должности Первого заместителя командующего сухопутными войсками СССР.

[34] Мемуары Хрущева Н. С. // Вопросы истории. М., 1990. № 7. С. 91.

что если в России слово “жид” звучит оскорбительно, то в Польше оно является обычным словом и польские антисемиты, желая высказать свое презрение, говорят “еврей”. Гарин выслушал меня, но не согласился. “Это талмудизм, — сказал он. — Слово “жид” является антисемитским во всех языках…»[35]

Подобное значение в отношении слова «жид» сохраняется и сегодня в Польше, Чехии и Словакии. Еврейская боевая организация, поднявшая восстание в Варшаве в 1943 г., называла себя по-польски «жидовска организация бойова», на памятнике павшим бойцам варшавского гетто написаны по-польски слова «народ жидовский», а в Праге имеется старое еврейское кладбище, называемое по-чешски «жидовским».

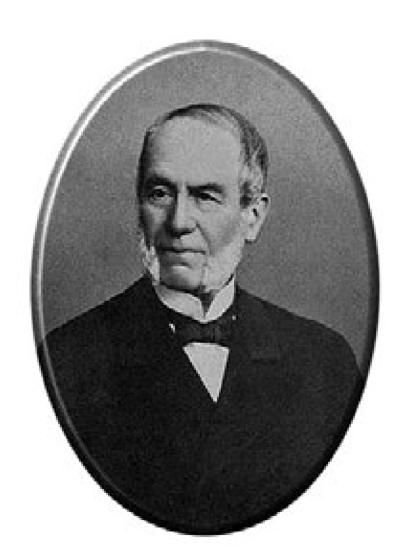
Возвращаясь к российско-советской действительности, следует указать, что отношение к слову «жид» как относящемуся к ненормативной оскорбительной лексике сохранялось в течение советского периода, несмотря на все зигзаги реальной политики. Иногда его эмоциональную функцию выполняло словесное клеймо «безродный космополит», а позднее уже чисто политическое понятие — «сионист». В бытовой лексике сегодня слово «жид» иногда искренне, а чаще всего лукаво применяется для обозначение еврея «жадного, плохого, наглого, вороватого плута и обманщика», противопоставляемого еврею «хорошему и умному».

2. О ДИНАСТИИ БАРОНОВ ШТИГЛИЦ (К ИСТОРИИ РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ФАМИЛИИ ЕВРЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

Во время царствования Екатерины II в Российской империи появляются еврейские выходцы из Германии — братья Штиглицы (Стиглицы), со временем ставшие родоначальниками новой российской дворянской фамилии. Заслуги перед отечеством одного из представителей этой династии, барона Александра Людвиговича Штиглица, последнего придворного банкира Российской империи, были недавно торжественно отмечены российской общественностью. В частности, по случаю 130-летия со дня основания им в Петербурге Центрального училища технического рисования (ныне Санкт-Петербургская Художественно-промышленная академия) этому высшему учебному заведению было торжественно возвраще-

[35] *Бегин М.* В белые ночи. Иерусалим; М., 1991. С. 220–221.

но имя Штиглица. Таким образом, есть повод обратиться к истории становления этой династии.

Барон А. Л. Штиглиц

Начало ее относится ко временам «очаковским и покоренья Крыма», т. е. к концу XVIII в., когда Россия в результате побед над Османской империей окончательно вышла на берега Северного Причерноморья. Тогда перед страной стала весьма трудная и важная, но одновременно увлекательная и благодарная задача освоения теплого, благодатного края. В какомто смысле это было подобно освоению сто лет спустя американского Дальнего Запада. Разумеется, эта задача привлекла самых талантливых государственных и военных деятелей, таких как князь Г. А. Потемкин-Таврический, будущий генералиссимус А. В. Суворов, адмирал Ф. Ф. Ушаков, граф (позднее князь) М. С. Воронцов, француз на русской службе герцог Ж.-Э. Ришелье, и многих других. Под их руководством в провинции, названной Новороссией, необыкновенно быстро возникали и развивались города: Одесса, Николаев, Херсон, Симферополь, Севастополь; распахивалась плодородные степи, процветали международная торговля и всевозможные промыслы. Поэтому вполне естественно, что императрица Екатерина II всячески поощряла приезд в Новороссию предприимчивых людей, независимо от происхождения. Хотя официально евреи (точнее, иудеи) не допускались в Россию, находчивая царица в секретном письме в Ригу генерал-губернатору Броуну от 29 апреля 1764 г. разрешила въезд в Новороссию купцов без различия вероисповедания. Как известно, в России чиновничество всегда понимало высшее начальство с полуслова, и приезжим легко выдавали паспорта, особенно если они были людьми небедными.

Весть о возможности попытать счастья в Новороссии разнеслась по Европе и достигла городка Арользена в маленького немецком Вальдекском княжестве. Об этом княжестве Еврейская энциклопедия сообщает следующее: «Вальдек (Waldeck) — самостоятельное

княжество в северо-западной Германии. В середине XVIII в. здесь проживало несколько еврейских семейств. В начале XIX в. число евреев стало расти, но это вызвало в 1810 г. репрессивные меры. Положение евреев оставалось тяжелым до 1848 г.».[36] Отсюда вполне понятно, почему сыновья врача-еврея из Арользена не стали столь долго дожидаться улучшения положения и отправились за лучшей долей в далекую Россию.

О первых шагах братьев в новой стране сохранились в доступных нам источниках, к сожалению, только отрывочные сведения. Например, в Еврейской энциклопедии сообщается, что в России поселились в конце XVIII в. братья Николай и Людвиг, а согласно книге Б. В. Ананьича в Россию переселились братья Бернгард и Николай Штиглицы.[37] Далее у Ананьича сказано, что Николай «основал в Петербурге торговый дом, а второй занялся винными откупами в Херсоне и Кременчуге. Братья поддерживали деловые связи с известным откупщиком и еврейским общественным деятелем Абрамом Перецем». Однако в исследовании Н. Н. Голицына подтверждаются сведения Еврейской энциклопедии о том, что именно Николай стал херсонским купцом.[38] Гораздо позднее, в 1802 г., в Россию переселился третий брат Людвиг, отец вышеупомянутого знаменитого барона Александра Людвиговича Штиглица, о чем будет сказано далее. Один из братьев — Генрих Штиглиц — остался в Германии и стал известным поэтом, так что семья, несомненно, была разносторонне одаренной.

Как было указано выше, одним из главных партнеров Николая был упомянутый выше Абрам Перец. Этот уроженец Галиции, входившей тогда в состав Австрийской империи, прибыл, как и Штиглицы, в качестве «новороссийского купца». Он известен не только благодаря своим деловыми успехам, за которые получил от императора Павла I звание «коммерции советника», но и тем, что стал активным участником учрежденного Александром I в 1802 г. «Комитета по составлению законодательства о евреях».

Особенно Перец был близок к знаменитому государственному деятелю александровской эпохи графу Михаилу Михайловичу Сперанскому (1772–1839). Сотрудничество еврейского купца и всесильного императорского министра было настолько тесным, что при-

---

[36] Вальдек // Еврейская энциклопедия. Т. 5. Стб. 292–293.

[37] *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России, 1860–1914 гг. М., 2006. С. 18.

[38] *Голицын Н. Н.* История русского законодательства о евреях. СПб., 1886. С. 368.

нимавший участие в работе Комитета сенатор и знаменитый поэт Г. Р. Державин с раздражением отмечал: «Сперанский совсем был предан жидам через известного откупщика Переца, которого он открытым образом считался приятелем и жил в его доме».[39] В 1813 г. Перец крестился и был принят на государственную службу. Его старший сын, офицер Григорий Перец, был замешан в деле декабристов и сослан в Сибирь, став таким образом первым русским революционером еврейского происхождения.

Не совсем ясно, каким, говоря современным языком, первоначальным капиталом располагали партнеры по бизнесу; видимо, он был достаточен, чтобы получить от местного начальства выгодные казенные подряды. Известно, что по Высочайше утвержденному императором Павлом докладу Сената от 4 марта 1801 г. «херсонским купцам» Штиглицу и Перецу было предоставлено право в течение 8 лет «довольствовать» Белорусскую, Минскую, Литовскую, Подольскую и Волынскую губернии крымской солью из находившихся у них на откупе озер. Открыв контору в Одессе, Николай успешно занялся винными откупами. Видимо, он делал это весьма успешно и выгодно для правительства, потому что 10 декабря 1801 г. был пожалован чином коллежского асессора «за бытие им при торгах об винном откупе». Поскольку его иудейское вероисповедание этому не препятствовало, Николай решил обзавестись и крупной недвижимостью. Вот как описывает эту сделку бывший тогда генерал-прокурором Г. Р. Державин: «князь Потемкин, будучи человек сильный и властительный, не весьма любил повиноваться законам, а делал все по своему самоправию. Нашел через бывшего прежде купца, потом любимца его Фалеева способ согласить князя Вяземского на свою сторону через отданные ему на Днепре в бывшей Запорожской Сечи знатные земли с населенными запорожцами более 2000 душ, которые проданы князем еврею Штиглицу, несмотря на законы, что жидам деревни покупать запрещено».[40]

Купчая крепость на покупку имения из 9640 десятин (десятина приблизительно равна гектару) с залежами каменного угля, совершенная петербургской гражданской палатой, не была утверждена местной екатеринославской властью. Но тем не менее, когда после смерти Павла действие вышеупомянутого подряда было при-

[39] *Державин Г. Р.* Записки. М., 2000. С. 211.
[40] Там же. С. 87.

остановлено, тот же Державин, по его словам, «соблюдая святость закона, сильно противоречил против сего насилия в общем собрании, состоящем около 40 человек, говоря, что при первом шаге нововоцарившегося государя опасно нарушать общественную доверенность».[41] В результате решением Александра подряд на поставку соли был восстановлен.

Как было сказано выше, в 1802 г. в Россию прибывает Людвиг Штиглиц (1777/78–1843). В отличие от брата Николая, упорствовавшего в иудействе еще десятилетие, Людвиг был в этом отношении более покладистым: известно о его венчании в 1803 г. в Евангелической церкви Санкт-Петербурга с Ангелиной Христианой Амалией Готшальк. В том же году он записывается в первую гильдию купечества Петербурга.[42] Людвиг энергично включается в дела брата Николая, постепенно они пошли более успешно, чем даже у самого Переца. Репутация Штиглицев была настолько безупречна, что, как указано в исследовании Голицына, именно через них император Александр переводил за границу «на расходы лично ему известные, еще в 1809 году 13 200 000 рублей», и далее там же: «в 1811 г. Штиглиц просил разрешить ему ввозить колониальные товары транзитом через новоприсоединенную Финляндию. В эти времена его фирма покровительствовала евреям. В 1812 г. к нему перешел на службу еврей Карштейн, бывший прежде управляющим у Капниста в Малороссии, и сделавший убыток в 300 000 рублей. Он (Капнист) предупреждал Державина не брать его к себе: “не вверяйтесь ему и откажите начисто. Получив от нас отставку, прослужил он у г-на Стиглица, но о нем не сожалею, ибо и он жид”».[43]

Во время войны 1812 года Штиглицы и Перец успешно выполняли большие подряды для русской армии и тем самым много способствовали ее победе над Наполеоном. Надо сказать, что, в отличие от евреев Польши, еврейское население западных губерний России получило за свое поведение во время войны 1812 г. официальный документ, где было сказано от имени Александра I: «его Величество соизволил выразить еврейским кагалам свое милостивейшее расположение».[44] В этой связи показателен рассказ о поведении генерал-губернатора Санкт-Петербурга, героя Отечественной войны

[41] Там же. С. 223.
[42] *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России… С. 18.
[43] *Голицын Н. Н.* История русского законодательства о евреях. С. 988.
[44] *Гессен Ю. И.* История еврейского народа в России. С. 177.

графа М. А. Милорадовича, приведенный в исследовании Голицына. Милорадович «охотно подписывал евреям проживать в Петербурге, и когда чиновники говорили ему о незаконности этого, он отвечал: “эти люди суть самые преданные слуги Государю, *без них мы не победили бы Наполеона* (так в тексте. — *В. В.*), и я не был бы украшен этими орденами за войну 1812-го года”». Когда полиция пожаловалась Милорадовичу на устройство евреями кущей (временных палаток в праздник Суккот. — *В. В.*), последний сделал распоряжение о сносе их в течение *восьми* (так в тексте. — *В. В.*) дней (т. е. после окончания праздника)».[45]

Примерно в это время Николай Штиглиц крестился, устранив тем самым препятствие для поступления на государственную службу. Став уже Николаем Ивановичем, он превратился в значительного чиновника в министерстве финансов при графе Канкрине. Его трудами была создана и затем работала особая комиссия по погашению государственных долгов. Скончался он бездетным в 1827 г., и по завещанию его состояние перешло его брату Людвигу Ивановичу Штиглицу.

С Людвига Ивановича начинается дворянская династия Штиглицев. Разбогатев во время Континентальной блокады Англии и войны с Наполеоном, он возглавляет Петербургскую биржу и становится придворным банкиром. Постепенно его финансовая и торговая деятельность приобретает европейскую известность. По Высочайшему повелению 22 августа 1828 г. Людвиг Иванович был возведен в потомственное баронское достоинство Российской империи и затем записан в дворянскую родословную книгу Санкт-Петербургской губернии. Как отмечает Ананьич, «в 1830-е годы он мог уже равняться богатством с известным гамбургским банкиром Соломоном Гейне (дядей великого поэта Генриха Гейне — *В. В.*). С именем Штиглица связано учреждение первого в России акционерного страхового общества. К началу 1830-х гг. банкирский дом «Штиглиц и К°» стал вести основные международные расчеты империи, связанные с погашением внешнего долга, расходами на содержание миссий и консульств, разного рода закупками для Министерства двора, Морского и Военного министерств, Главного управления почт. С помощью вексельных операций Штиглицы обеспечивали поездки художников за границу, обучение студентов из России в европейских универси-

[45] *Голицын Н. Н.* История русского законодательства о евреях. С. 986–987.

тетах, присутствие российских кораблей в международных водах».[46] К этому добавляется введение судоходства между Петербургом и Ригой, а также основание в 1833 г. Невской бумагопрядильной мануфактуры (впоследствии комбинат им. С. М. Кирова) и участие в учреждении «общества Нарвской Мануфактуры». В 1843 г. барон Людвиг Иванович скончался, передав все дела и состояние своему наследнику Александру Людвиговичу Штиглицу.

Александр Людвигович — самый известный из Штиглицев. Ему в начале жизни не пришлось испытывать унижений и преодолевать препятствий, связанных с иудейским происхождением предков. Он уже не просто подданный Российской империи, но по рождению принадлежал к дворянству, его отец и дядя были обласканы милостью императора и хорошо послужили России на поприще финансов и экономики. Александр родился в Санкт-Петербурге в 1814 г. и учился в немецкоязычном Дерптском (Тартуском) университете. В 1840 г. он поступает, по стопам отца, на государственную службу — в Министерство финансов на должность члена Мануфактурного совета, и после смерти отца становится придворным банкиром. Подробное описание результатов его трудов на этой ниве содержится в обстоятельной статье Б. В. Ананьича в первой главе его уже цитированной книги, озаглавленной «Частный банкирский промысел в России до середины XIX в. А. Л. Штиглиц — последний банкир». Нам остается только пересказать основные его положения.

Исторически сложилось так, что российское правительство по разным причинам всегда нуждалось в иностранных займах. Поэтому очень высоко ценилось умение Штиглицев получать их на выгодных условиях. При их содействии с 1820 по 1855 г. правительство Российской империи получило 13 займов на нарицательный капитал в 346 млн рублей. Уже в начале своей карьеры за труды по размещению 4% займа на строительство железной дороги Петербург — Москва, начатые его отцом в 1843 г., Александр Людвигович награждается орденом Св. Владимира 4-й степени и затем получает в подарок от императора золотую табакерку. Самые значительные суммы были получены на выгодных условиях при участии барона во время Крымской войны.

Много и успешно занимался Александр Людвигович и предпринимательской деятельностью. В Нарве в 1847 г. он основал сукон-

[46] *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России… С. 18.

ную фабрику, а в 1851 г. — льнопрядильную, в 1880 г. они были преобразованы в Товарищество нарвской суконной мануфактуры. На месте принадлежавшего ему высокодоходного сахарного завода он построил большую Екатерингофскую бумагопрядильню. Большие коммерческие и организаторские способности и таланты барона были признаны повсеместно, и в 1846 г. купечество Петербурга избрало его председателем Биржевого комитета (переизбирался на этот пост в течение 13 лет). До самого конца 1850-х годов через банкирский дом Штиглица поддерживались все деловые отношения с ведущими банкирскими домами Амстердама, Парижа и Лондона. Как писала в 1859 г. газета «Вестник промышленности», «имя его пользуется такой же всемирной известностью, как имя Ротшильда, с векселями его можно было объехать всю Европу, побывать в Америке и Азии. Нет городка в Европе, где бы не приняли его векселя, и с ними можно было ездить везде как с наличными деньгами…».[47]

Понимая насущные задачи развития России, Александр Людвигович выступил в 1857 г. в качестве одного из учредителей Главного общества российских железных дорог, целью создания которого было строительство и эксплуатация железнодорожных путей общей протяженностью 4000 верст. Намечалось соединить главные сельскохозяйственные районы России с Петербургом, Москвой, Варшавой и основными портовыми городами Балтийского и Черного моря. Успешному выполнению планов этого общества способствовало активное участие крупных банкирских домов.

Однако Штиглиц, будучи одним из самых богатых людей в России, щедро жертвовал и на общественные нужды. В 1857 г. за свой счет он построил Петергофскую железную дорогу с ответвлением на Красное Село, за что был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени. В 1854 г. за предоставление правительству из собственных средств на нужды ведения Крымской войны 300 000 руб. серебром он был возведен в чин статского советника, а через два года — действительного статского советника. Но главным делом Александра Людвиговича, на все времена прославившим его в истории русской культуры, было создание Центрального училища технического рисования.

На его средства по проекту архитекторов А. И. Кракау и Р. А. Гедике на территории бывшего Соляного городка для Училища было

[47] Там же. С. 21.

построено великолепное здание, ставшее ныне Государственной художественно-промышленной академией, которой по случаю 130-летия со дня основания было возвращено имя барона А. Л. Штиглица. Он и в дальнейшем тратил огромные средства на субсидирование работы училища.

Вместе с тем ошибочно полагать, что жизнь и карьера барона были совсем безмятежны. Разразившийся в конце 1850-х годов финансовый кризис серьезно подорвал его влияние. Недоброжелатели стали обвинять его в неоправданно высоких комиссионных за банковские операции и в других финансовых нарушениях. Последовавшее за этим реформирование всей банковской системы снизило значение частных банков, в том числе и банка Штиглица. Но создание 31 мая 1860 г. Государственного банка неожиданно укрепило положение Александа Людвиговича, назначенного первым его управляющим. После этого назначения он добровольно ликвидировал свои частные дела, по современной терминологии — «бизнес», приносивший ему около 3 млн руб. ежегодного дохода, и полностью посвятил себя новым обязанностям. Надо сказать, что главной и постоянной проблемой для всех российских правительств тогда и в последующие времена были поиски средств для поддержания бюджета. Во многом его стараниями необходимые средства посредством различных финансовых операций были изысканы, за что в 1862 г. Штиглиц был произведен в тайные советники. В 1866 г. Александр Людвигович ушел в отставку с поста Управляющего Государственным банком «по домашним обстоятельствам», но до своей кончины оставался в составе членов Комитета финансов и являлся почетным членом Совета торговли и мануфактур. В 1881 г. он был произведен в действительные тайные советники, что соответствовало генеральскому званию.

Александр Людвигович скончался 24 октября 1884 г. и был похоронен в Нарве, в православном храме, построенном для рабочих его фабрики. Оставленное им состояние было огромным — 38 млн руб. Большую часть своего состояния барон завещал приемной дочери Надежде Михайловне Половцовой и ее семье. Крупные суммы (от 7 млн 300 тыс. до 50 тыс. руб.) были завещаны его многочисленным родственникам и друзьям. Не были забыты и различные служащие и прислуга, когда-либо работавшие под началом покойного.

В заключение было указано, что все оставшееся А. Л. Штиглиц, «не имея потомков и желая навсегда связать свое имя с общеполез-

ным для Российской империи», оставляет Петербургскому училищу технического рисования, также носившему его имя. Надо сказать в заключение, что прямой потомок еврейских искателей счастья из немецкого городка Арользен правильно оценил подлинную ценность всего совершенного им в России.

Свою весьма содержательную статью Ананьич заканчивает следующим пассажем: «Одним из вновь образованных банкирских домов, пришедших на смену А. Л. Штиглицу, был дом "И. Е. Гинцбург". "Вестник промышленности" еще в 1859 году называл его в числе возможных преемников ликвидировавшего свое дело А. Л. Штиглица. Впрочем, о преемственности здесь можно говорить можно лишь условно, ибо с падением А. Л. Штиглица … фактически прекратил свое существование институт придворных банкиров». При всей обоснованности последнего замечания исследователя, стоит, тем не менее, указать, что династия Гинцбургов также достигла больших успехов в финансово-промышленной сфере и также была возведена в баронское звание. Но при этом ее представители, в отличие от своих предшественников Штиглицев, не только не порвали с верой предков, но много сделали для еврейской культуры в России.

5.4. Царствование Александра I

Короткое царствование императора Павла I (1796–1801) не привело к ухудшению положения еврейского населения. При нем, правда, впервые в России произошло обвинение евреев в ритуальном убийстве. До тех пор в стране не было случаев кровавого «навета», такого рода клевета распространялась только в католических странах, в том числе В Польше. По поручению императора разобраться в этом деле в Белоруссию был командирован сенатор, знаменитый поэт Г. Р. Державин. Все обвиняемые были оправданы. Кроме того, Державин расследовал жалобу местных евреев на самодурства бывшего фаворита покойной императрицы Зорича. В результате появилось постановление Сената, что евреи принадлежат к мещанскому и купеческому сословиям, и с ними нельзя обращаться как с крепостными. В правление Павла выдающийся философ Шнеур-Залман из белорусского местечка Ляды, проповедник нового мистического направления в иудаизме — хасидизма, был обвинен сторонниками прежних традиций митнагдимами в государственной измене, по их доносу арестован, доставлен в Петербург и помещен в Петропавлов-

Александр I

скую крепость. В результате объективного изучения дела Шнеур-Залман был из под стражи освобожден. До сих пор хасиды празднуют день его освобождения и рассказывают о доверительных беседах своего учителя с самим императором и высшими сановниками империи, а также о чудесах, которыми он их поражал.

Еще более обнадеживающим для еврейского населения было начало царствования императора Александра I. В ноябре 1802 г. был учрежден специальный «Комитет по благоустройству евреев», целью которого было улучшение социального и экономического положения еврейского населения империи, достигшего к тому времени численности 1 млн человек. Одним из экспертов выступил упомянутый выше Державин. На основании своих белорусских наблюдений он признал бедственным материальное положение как основной массы евреев, так и местных крестьян. Однако, будучи сам крупным помещиком, он обвинил евреев в спаивании крестьян, хотя в частном письме писал, что доход от продажи крепких напитков поступал к дворянам-землевладельцам, у которых евреи были только арендаторами. Сенатор и поэт предлагал принудительно расселить евреев по всей Белоруссии для занятия земледелием, а излишек еврейского населения переселить на «пустопорожние» земли Новороссии и Астраханской губернии. Помимо того, что этот проект был жесток, несправедлив и нереален для исполнения, он содержал огульные обвинения евреев в корыстной эксплуатации крестьян, что сделало труд Державина одним из литературных источников антисемитизма. К счастью, комитет старался руководствоваться другими принципами. В журнале заседаний было отмечено, что «…в образовании евреев (следует) предпочесть средства тихого одобрения, возбуждения их собственной деятельности и пресечения только тех препятствий, кои зависят непосредственно от правительства и сами пресечься не могут». Более того, в столицу были приглашены представители еврейских

общин. Когда они прибыли к лету 1803 г. в Санкт-Петербург, там уже существовала еврейская община, насчитывавшая несколько десятков человек. Датой ее возникновения считается 1 (13) марта 1802 г., когда на Волковском кладбище ей был отведен отдельный участок.

9 декабря 1804 г. император подписал разработанное Комитетом «Положение о устройстве Евреев».

Надо сразу отметить, что в Документе содержались поразительные для того времени положения:

«О просвещении

1. Все дети Евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех Российских народных Училищах, Гимназиях и Университетах.

2. Никто из детей Еврейских, быв в Училище во время его воспитания, не должен быть ни под каким видом отвлекаем от своей религии, ни принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может.

…

6. Если, невзирая на все сии побуждения, Евреи не захотят отдавать детей своих в общие народные Училища, тогда установить на счет их особенные школы, где бы дети их были обучаемы, определив на сие, по рассмотрению Правительства, нужную подать. Между предметами их учения необходимо должен быть один из языков: Русский, Польский или Немецкий.

…

II. О разных состояниях и промыслах евреев и преимуществах

11. Все Евреи разделяются на четыре класса. А) Земледельцы. Б) Фабриканты и ремесленники. В) Купечество. Г) Мещанство.

…

13. Земледельцы из Евреев, так же как Фабриканты, Ремесленники, Купцы и Мещане, могут в Губерниях Литовских, Белорусских, Малороссийских, Киевской, Минской, Волынской, Подольской, Астраханской, Кавказской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической, приобретать покупкою незаселенные земли, продавать их, закладывать, дарить и завещать в наследство.

…

18. Никто из Евреев насильно не будет принуждаем к переселению, но те, кои переселятся, свободны будут от всех податей на 10 лет, кроме земских повинностей, и получат на заведение заи-

мообразную ссуду, которую они возвратить обязаны в известное число лет, соответственно правилам, на коих колонистам иностранным ссуда всегда чинится.

…

20. Все роды фабрик дозволяется заводить Евреям в Губерниях, где им жить дозволено, на том же основании, как и всем подданным Российским.

…

23. Ремесленникам из Евреев дозволяется в означенных Губерниях упражняться во всех промыслах, законом не запрещенных, и никакая ремесленная или цеховая Управа ни под каким видом не должна им в том препятатвовать, причем предоставляется им свобода вписываться в цех, если то не будет привилегиям, особенно некоторым городам присвоенным.

III. О обязанностях Евреев по вышеозначенным их состояниям.

30. Никто из Евреев нигде в России терпим быть не может, если он не будет записан в одном из сих состояний. С Евреями, кои не предъявят в том письменного законом установления, будет поступаемо, как с бродягами, по всей строгости законов.

…

IV

…

Никто не может притеснять, ни даже беспокоить их в отправлении веры и в общей гражданской жизни ни словом, ни делом; жалобы их на обиды, какого бы рода они ни были, принимаются в Присутственных местах и удовлетворяются во всей строгости законов, вообще для всех подданных Российских установленных».[48]

Надо признать, что еврейское население Российской империи получило больше прав, чем находившиеся в крепостной зависимомсти крестьяне — большинство тогдашего бесправного населения государства. Хотя была подтверждена включающая 13 западных губерний черта оседлости, все же, согласно Положению, в ее границы вошли также Астраханская и Кавказская губернии. Для поощрения

[48] Евреи в современном мире. Т. II. М., 2006. С. 146–148.

предпринимательства отменялась двойная подать с евреев фабрикантов, ремесленников и земледельцев. Купцам, ремесленникам, фабрикантам и художникам с семьями разрешалось приезжать во внутренние губернии России по делам. Хотя для этого требовалось получение специальных паспортов, все же такое разрешение послужило началом формирования еврейских общин в столицах империи и в других собственно русских городах. В России не был установлен ценз (имущественный или возрастной) для вступления евреев в брак, что выгодно отличалось от регламента, действовавшего в соседней Пруссии. Надо добавить, что в немецких землях еще долго сохранялся страшный закон о строгом ограничении числа еврейских браков.

Была проведена реформа еврейского самоуправления. Кагальные старшины должны были утверждаться властями. Кагалы не имели права вводить новые налоги, раввинам запрещалось прибегать к наказаниям религиозного характера, преследовать своих оппонентов, в частности хасидов. Вместе с этими благими мерами предполагалось принудительное запрещение традиционных еврейских промыслов, которыми евреи занимались, находясь на службе у местных помещиков — в частности, это были производства и продажи крепких напитков. Не подкрепленные экономически, эти меры лишали огромную часть еврейского населения средств к существованию, поскольку крепостнический уклад не мог предоставить новых занятий для переселяемых. Отменить же исключительное право помещиков на винокурение дворянское государство не могло да и не желало.

Надо сказать, что еврейское население также недовечиво отнеслось с новому законодательству. Например, правом обучать детей во всех российских училищах, гимназиях и университетах, при гарантии свободы вероисповедания, тогдашнее религиозное еврейское население не желало воспользоваться десятки лет. Не нашло массовой поддержки обязательное использование во всех гражданских актах русского, польского или немецкого языка, а также требование носить при исполнении выборных должностей «немецкое» платье.

Вместе с тем нельзя не отметить, что именно в царствование Александра I были предприняты пусть не массовые, но достаточно успешные попытки создания первых земледельческих поселений при государственной поддержке.

Отечественная война 1812 г. показала, что общий патриотический подъем, охвативший российское общество, в равной степени

затронул и еврейское население. Это имело оборонное значение, поскольку военные действия развертывались в пределах черты оседлости евреев. Глава хасидов Шнеур-Залман призывал своих сторонников активно бороться с французами, не щадя собственной жизни, что и было ими исполнено. В 1817 г. императорским указом было запрещено обвинять евреев на основании предрассудков в умерщвлении христианских детей.

В конце своего царствования все более проникавшийся мистическими настроениями Александр основывает «Общество израильских христиан». По его уставу, члены общества — евреи, принявшие одну из христианских религий, а также их потомство — получали большие экономические и правовые льготы. Они навечно освобождались от всех гражданских, военных и иных повинностей. Но, как оказалось, даже столь большие привилегии не смогли привлечь сколько-нибудь заметного количества достойных людей, и уже в царствование Николая I (в 1833 г.) общество было закрыто.

История в событиях и лицах

1. «ОЗЕТ» ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I (ПЕРВЫЕ ЕВРЕЙСКИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ В РОССИИ)

Начало

В 1924 г. в СССР по инициативе правительства возникло «Общество земельного устройства трудящихся евреев» (ОЗЕТ), деятельность которого хорошо известна. При этом мало кто знает, что подобное движение уже было организовано примерно за 120 лет до этого администрацией императора Александра I, разумеется, в совсем других условиях и на других принципах.

Надо отметить, что на протяжении многих веков до XIX в. высказывание «еврей-земледелец» в Восточной Европе воспринималось лишь как забавная шутка. Это было легко объяснимо, поскольку в аграрных странах региона тогда основную массу производительного населения составляли крестьяне, находившиеся в крепостной, точнее, полурабской зависимости от крупных и мелких землевладельцев, являвшихся правящим классом этих государств. Евреи же, подвергавшиеся в христианском обществе жестокой правовой дискриминации, допускались только к сугубо несельскохозяйственным занятиям, прежде всего в сферу посреднической деятельности, ре-

месла и обслуживания интересов землевладельцев, торговли, преимущественно мелкой. Такая социальная роль не только не могла быть стабильным источником пропитания, но и становилась просто бедственной для подавляющего большинства евреев в условиях политических и социальных кризисов.

Это положение сложилось и сохранялось до исчезновения с политической карты некогда могущественного польско-литовского государства с самым многочисленным тогда еврейским населением Европы. Большая часть территории этого государства — Литва, Белоруссия, Украина — оказалась к началу XIX в. под властью российских императоров. К этому же времени в состав империи вошли обширные малонаселенные плодородные причерноморские степи, на которых возникла новая российская провинция — Новороссия. В результате именно там по инициативе императорских властей и формируются первые земледельческие колонии евреев.

Трудную, иногда даже трагическую, но все же в целом успешную историю их возникновения изучал по материалам архивов Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, архива попечительского комитета поселенцев Южного края России и другим источникам выдающийся историк Саул Яковлевич Боровой (1903–1989). Результатом этих трудов явилось блестящее (к сожалению, малоизвестное сегодня) исследование,[49] материалы которого использованы в данном очерке. Разумеется, мы сможем затронуть только самые интересные для современного читателя темы.

Как справедливо отмечает Боровой, в последние десятилетия независимой Польши положение восточноевропейских еврейских общин резко ухудшилось, прежде всего ввиду планомерного вытеснения евреев местными торгово-промышленными сословиями. Это, в свою очередь, привело к переселению еврейского населения в деревню, где оно вынуждено было заниматься арендаторством, т. е. управлением на правах аренды у землевладельцев отдельными частями поместий и особенно шинками — питейными заведениями. Дело доходило до того, что, например, на востоке Украины примерно 39 % евреев добывали себе пропитание шинкарством. Надо сказать, что экономические условия занятия и этим промыслом постоянно ухудшалась. Как точно сказано в исследовании Борового, «доста-

[49] *Боровой С. Я.* Еврейская земледельческая колонизация в старой России. М., 1928 (далее в этой главе ссылки на книгу приводятся в тексте с указанием только страниц).

точно известна фатальная роль, которую сыграл в судьбах польско-украинского еврейства арендатор-шинкарь. Единственный почти представитель денежного хозяйства на селе — еврей-арендатор — был “когтями”, какими польская шляхта обдирала крестьянина… К концу XVIII в. после кровавых опытов гайдамачины в среде самой шляхты поднимается агитация против евреев-арендаторов. Еврей-арендатор обострял отношения между помещиком и крестьянином. А антиеврейский взрыв, естественно, переходил в борьбу с паном» (с. 7).

Именно тогда в Польском королевстве появились различные проекты замены евреев-арендаторов арендаторами-христианами (евреям при этом предлагалось найти себе пропитание при помощи других профессий). Однако из-за протестов христианских ремесленников и торговцев города не могли ничего предложить огромной массе изгоняемого из деревень полунищего еврейского населения, и тогда возникла идея превратить евреев-арендаторов в земледельцев. В условиях Речи Посполитой для этого существовало непреодолимое препятствие — отсутствие свободных земель. Более того, в 1764 г. в Польше был принят закон, по которому даже новообращенным христианам из евреев запрещалось приобретать земли, а уже купленные они должны были продать под страхом конфискации (с. 8). Тем не менее, бесплодное обсуждение этих проектов продолжалось в различных кругах польского общества вплоть до окончательного раздела Польши в 1795 г., когда большая часть этого государства, где проживало наиболее обездоленное еврейское население, оказалась под властью Российской империи.

Первые же донесения российских чиновников показали, сколь неблагополучным было это наследство. Например, по свидетельству Киевского губернатора Панкратьева, «из числа (еврейского населения) почти 20 000 никак не меньше двух третей находится в таком состоянии, что не только платить не могут положенных на них казенных податей, но с величайшим усилием находят они теперь дневное пропитание». Ему вторит первый еврейско-российский публицист Нота Ноткин: «От наложения платить двойную подать (которой были обложены евреи. — *В. В.*) за прошедшие годы накоплялись большие недоимки; ибо бедные, лишившись способа к жизни, и сами нищие и увечные, находясь не в состоянии оную платить, то к очистке таковых недоимок члены кагалов, к коим все евреи приписаны, быв строго от начальства побуждаемы не токмо секвестром

имения, но и содержанием под арестом, располагали оные на зажиточнейших; из сего произошло, что в несколько крат, а не двойную подать принуждаемы были платить. Время от времени число бедных размножается, которые к поправлению своему способов не имеют, а зажиточные неминуемо в худое приходят состояние и разоряются» (с. 12–13). Следует напомнить, что существовавший в Польше как орган общинного управления «кагал» выполнял и в Российской империи задачи фискального порядка, отвечая перед правительством за различные подати и налоги. В источниках того времени сохранилось много сивдетельств, что верхушка кагала старалась как можно больше тягот возложить на рядовых членов, тем самым улучшив за их счет свое благосостояние.

Но, как отмечает Боровой, хотя российская власть усвоила взгляд польской публицистики на евреев как главных эксплуататоров крестьянства, она все-таки не пошла по пути прежней польской администрации, выделившей евреев в особое сословие. Евреи были превращены в мещан и купцов, и тем самым они, как и все подданные соответствующих сословий, лишились права проживать в сельских местностях. Как и в Польше, возник неразрешимый в густо населенной стране вопрос: куда девать удаляемых из деревень евреев. Однако, как было сказано ранее, Российская империя только что приобрела огромные степные пространства Новороссии, куда помещиками переводились на поселение крепостные крестьяне и активно приглашались иностранные колонисты. Более того, только Новороссия была открыта для жительства евреев, неофициально в 1764, а официально в 1769 г. Поэтому возникло предложение предоставить выселяемым из деревень евреям право создавать земледельческие колонии на «пустопорожних» землях этой области. Такую идею в полной мере поддержал в 1800 г. в своем проекте реформы положения еврейского населения Г.Р.Державин. В его проекте было сказано буквально следующее: «Поелику евреи народ вольный, и никто из них никому не принадлежит, то, не делая никому из помещиков обиды, можно их разделить на купцов, ремесленников и хлебопашцев». Далее он продолжал: «Те же, которые не занимаются ни торговлей, ни художествами, должны непременно упражняться в хлебопашестве. И в обширной империи Российской нет недостатка в земле. Дабы те евреи не могли быть утесняемы от помещиков, то можно им позволить поселиться и заниматься хлебопашеством и в казенных имениях, уделяя им потребную часть земли» (с. 18). Интересно, что,

по мнению Державина, еврейский земледелец должен именоваться «хозяин», поскольку «наименование крестьянина по сходству со словом христианина они терпеть не могут, и от сего одного в состоянии разбежаться или никогда не быть хлебопашцами» (с. 20).

Державину принадлежит и указание Новороссии как места для расселения еврейских переселенцев. Как полагает Боровой, такое решение было предложено при содействии вышеупомянутого Н. Ноткина, который ранее был «польского двора надворным советником», крупным подрядчиком из Шклова, а затем стал петербургским купцом, сумевшим завязать влиятельные связи в высших кругах Российской империи. Именно он первым представил генерал-прокурору князю Куракину «проект о переселении евреев в колонии на плодородные степи для размножения там овец, земледелия и прочего» (с. 23). Характерно для аристократа того времени и завершение длинного доклада Державина: «Таким образом, евреев род строптивый и иззуверный (так в тексте. — *В. В.*), враги христиан, хотя по определению вечных судеб и останутся в непременном своем рассеянии, донеже угодно Всевышнему, но и в своем печальном состоянии получат образ благоустройства. А Павлу Петровичу (Павлу I. — В. В.) представится незабвенная слава, что он первый из монархов российских исполнил сию великую заповедь: «Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас» (с. 25).

Важное значение для этого начинания имели решения учрежденного молодым Александром I в 1802 г. Комитета по организации жизни евреев (Еврейский комитет), который выработал к 1804 г. «Положение об устройстве евреев». В нем содержалось решение запретить с 1 января 1808 г., якобы для защиты крестьян, евреям проживать в деревнях и держать там какие-либо аренды. Однако вместе с тем в Положении содержались и меры либерального характера — в частности, евреям предоставлено право как покупать земли, так и селиться на помещичьих и казенных местах в губерниях Черты оседлости евреев. При этом был особо отмечен добровольный характер перехода евреев к занятию земледелием, а также уравнение евреев-земледельцев в отношении льгот и пособий с иностранными колонистами.

Как это часто бывает в российской истории, начали с самой простой и, как полагали, не требующей затрат меры — насильственного выселения евреев из деревень. Однако первые же шаги в этом направлении показали полную невыполнимость данного решения.

Прежде всего, некуда было девать толпы совершенно обездоленных людей, изгоняемых неизвестно куда. Во-вторых, замена евреев христианами не улучшала положения крестьян, но при этом вызывала недовольство помещиков, лишавшихся доходов от аренд, и к тому же требовала отвлечения от крестьянского труда многих тысяч людей. Общий протест был настолько силен, что правительство, в условиях приближавшейся войны с Наполеоном, отложило исполнение этого решения на неопределенный срок.

Несколько по-другому обстояло дело с планом правительства по приобщению евреев к земледелию. Особых прокламаций не было издано, а обещания льгот для переселенцев были изложены в обнародованном в декабре 1804 г. «Положении» в крайне неопределенных выражениях, да еще на мало распространенном тогда среди евреев русском языке. Однако слухи о возможности переселиться в «благодатную Новороссию» распространялись повсеместно, а льготы представлялись иногда неимоверно преувеличенными. В 1806 г. появились и первые активисты переселенческого движения — Израиль Ленпорт и Нохим Финкельштейн, представлявшие 36 семейств Чериковского повета Могилевской губернии. Поскольку центральные власти не удосужились предупредить местные о предстоящем начинании, при содействии Могилевского губернатора Финкельштейн отправился в Петербург, где был принят министром внутренних дел графом Кочубеем. Указав на крайнюю бедность переселенцев, ходатай попросил графа сообщить о размере и характере пособия переселенцам. В ответ Финкельштейну посоветовали отправиться в Екатеринославскую опекунскую контору, чтобы на месте выбрать земли и уточнить другие подробности.

Только тогда Кочубей распорядился информировать тогдашнего наместника Новороссии герцога де Ришелье о предстоящем «нашествии» еврейских земледельцев и предложил выделить им «несколько участков, вместе лежащих, дабы евреи могли селиться особенно от других поселян для сохранения пользы евреев в рассуждении их веры, да и иметь над ними со стороны начальства лучший надзор» (с. 43). Опускаем приводимый Боровым рассказ о преодолении огромных трудностей, связанных с бюрократической волокитой, скудными пособиями и собственной нищетой «искателей счастья». Скажем только, что переселенцам во главе с такими энтузиастами и лидерами как Финкельштейн все же удалось начать новую жизнь в 1807 г., который может считаться годом начала еврейской земле-

дельческой колонизации. Тогда в районе реки Ингулец переселенцами из различных мест Украины и Белоруссии были организованы колонии Бобровый Кут (могилевские переселенцы), Израилевка (черниговские переселенцы), Сейдеменуха (название от ивритского «сде менуха» — поля отдыха) и Доброе. Всего новых земледельцев было 294 семейства — 1951 душ. В последующие годы наплыв переселенцев усиливается, и в 1809 г. были основаны колонии Ингулец, Камянка, Нагартав («нахор тав» — хорошая река), и Ефенгар («яфэ нахор» — красивая река). Общее население колоний составляет уже 645 семейств — 3618 душ (с. 45) Таким образом, можно считать, что императорское правительство почти на 120 лет опередило программу «Общества земельного устройства трудящихся евреев» в Советской России.

Однако в отличие от будущего советского опыта первые земледельцы-евреи были организованы как единоличники, т.е. каждой семье был нарезан участок земли, который она должна была обрабатывать самостоятельно. Поднимать целину в девственной степи, пусть и плодородной, в непривычном климате было трудной задачей даже для потомственных земледельцев. По свидетельству писателя Н. Лескова, «наши помещики … делавшие большие заселения степных земель, поддерживали переселенцев на новых местах от 5–7 лет» (с. 64). Нельзя сказать, что и еврейские колонисты не получали обещанного пособия властей на приобретение скота и сельскохозяйственных орудий, но все это выделялась, вопреки обещаниям, в меньшем объеме, чем для иностранных колонистов. Например, немцы, поселяемые одновременно с евреями, получали по 350 руб. на семью, члены голландско-немецкой протестантской общины меннонитов — даже по 500, а евреи — только по 250. Особенно было разительно неравенство с переселенцами из меннонитов. Им, помимо более высокой суммы вспомоществования и более крупных наделов земельных участков, разрешалось «по праву владения курить вино и варить пиво, уксус и т.д., и продавать эти напитки и зелья в отведенных обществу землях» (с. 65). Все это категорически запрещалось евреям-колонистам. Кроме того, нередко часть отпущенных средств «прилипала» к рукам чиновников, а сами пособия выделялись не вовремя. Например, семенной материал нередко выделялся слишком поздно для посева и не натурой, а деньгами. Правда, от казнокрадства и нерасторопности властей в части обещанного снабжения страдали не только евреи, но и другие переселенцы.

Но, конечно, главной трудностью была абсолютная неопытность первых еврейских земледельцев в сельскохозяйственном труде, да еще в непривычном климате. Посещавшие колонии чиновники первых лет видели ужасные картины. В 1813 г. чиновник Лифанов писал, что прожил в колониях около месяца «в холодных и крайне сырых избах, питался одним хлебом с водою и только иногда яйцами и коровьим маслом, присылаемыми ближайшими помещиками, поелику в самих колониях ничего найти не мог». Как признавали сами колонисты, «не быв в земледелии хозяевами, не привезли с собой орудия, а здесь хотя и купили, но по необходимости все оное употребляя, поломали и безвременно растратили; … о посеве можем верно утвердить, что, не быв в настоящей практике землепашества, показывается нам, что все так делаем как русские крестьяне, видим посев и урожай одинаков, но до рук наших не доходит. … стало быть евреи должны выучиться самонужнейшему хозяйству» (с. 58–59).

«Учеба» проходила в крайне тяжелых условиях, и только недостаток места не позволяет привести здесь жуткие картины бедственного положения колонистов, описанные Боровым. Следует также отметить, что тогда у колонистов не было садов и огородов и земледельческих доходов, кроме как от землепашества. Поэтому неудивительно свидетельство чиновника-смотрителя о колонистах в 1814 г.: «Немалое число их ходило в рубищах, без обуви, а питалось просяным с ячменною и прочею мукою смешанным хлебом» (с. 64–65). Но тем не менее даже при такой нужде, в 1814 г., хотя количество семейств несколько сократилось, составив 606, общая численность колонистов все же возросла и составила 3852 души. Поразительно, что в самые трудные голодные годы (1808–11) только 92 семейства оставили земледельческую деятельность.

Это можно объяснить тем, что, хотя власти упорно отказывали просьбам еврейских колонистов уравнять их в правах с иностранными, у евреев неожиданно нашелся свой источник выживания. Среди них нашлось большое количество ремесленников, которые зимой оставались без работы в течение нескольких месяцев. Между тем, как писал еврейский историк и публицист И. Оршанский, в Новороссии и Бессарабии «города только зарождались … промышленного и ремесленного населения почти не было, и оно только образовывалось. Очень естественно, что евреи, переселившиеся сюда для занятием земледелием, увидев перед собой такое широкое и необработанное поле промышленной деятельности, бросились на

сродные и любезные им занятия, обещавшие более обильную жатву в городе, чем ту, на которую они могли рассчитывать в качестве земледельцев» (с. 66). Однако колонисты тогда могли покидать поселения только с разрешения правительственного смотрителя колоний и старосты поселений — «шульца». Поскольку даже временный отпуск поселенцев формально противоречил правительственной политике «обращения евреев в землепашцев», получение разрешения обставлялось всякими препятствиями. Однако со временем все формальности стали улаживаться весьма быстро, поскольку заработавший на стороне отпускник не только помогал своей семье, но, конечно, имел чем «отблагодарить» и начальство. Доходило до того, что в 1815 г. отхожими промыслами занимались 1627 человек, в то время как только хлебопашеством — 1514. (с. 68)

Вот характерный рассказ «отходника» Лейзера Черняка из колонии Бобровый Кут: «Со времени прибытия моего в Новороссийский край для поселения в земледельческом звании, я, за постигшими разными несчастными со мной приключениями, не быв в возможности устроить порядочно в колонии своего дому, сперва жительствовал в оной соседски у других евреев и при семействах их занимался работами, званию моему приличествующими, а напоследок, испытав, что такие присемейные занятия за всеми трудами в оной не могут не только доставить способу устроить на предбудущее время благосостояния мне и моему семейству, но едва и дневное пропитание при оной достать можно, я решился, по знанию моему винокуренного майстерства, заняться заработками в сторонних от колонии местах, и потому, испросив позволения местного начальства колонии и общества, отлучился с семейством моим … и проживал у разных помещиков на заработках при винокуренных заводах» (с. 68). Таким образом, нарушению планов правительства относительно занятий евреев-колонистов способствовали и помещики, охотно и на новых местах занимавшиеся винокурением и «спаиванием народа».

Как было уже сказано ранее, в отличие от советского ОЗЕТа, создававшего еврейские колхозы, а также от израильских киббуцев, в созданных имперскими властями поселениях хозяйство велось каждой семьей индивидуально. Показательно, что это довольно скоро привело к заметному социальному расслоению среди поселенцев. Особенно преуспевали те, кто получал поддержку от нескольких членов семьи, занимавшихся промыслом в помещичьих хозяйствах и городах. В качестве примера такого «кулака» Боровой приводит

вышеупомянутого пионера переселенческого движения из Могилевской губернии Нохима Финкельштейна.

Уже в 1810 г. он в качестве шульца (старосты) колонии Ефенгар собирал 29 % (!) всего сбора зерна в колонии. В 1812 г. в его хозяйстве было 2 плуга, 2 бороны, 4 повозки, 12 волов, 11 коров, прочего рогатого скота — 30 голов и 22 овцы. Боровой, комментируя эти цифры, высказывает следующие соображение: «…. на пособие от казны он всего этого произвести не мог. Может быть, он привез с собой из дому достаточно средств. … И трудно предположить, чтобы Финкельштейн не пользовался своими достатками так, как подсказывал ему «здравый смысл»: давал процентные ссуды зерном и деньгами, давал за плату в пользование предметы инвентаря». Другим примером «рачительного» колониста был шульц селения Сейдеменуха Кавнацкий, собиравший хорошие урожаи. Более того, по донесению правительственного чиновника Контениуса, Кавнацкий даже «навлек на себя роптания единоверцев, упрекавших его в противодействии общему намерению избавиться от земледелия — **своим успешным упражнением в нем** (выделено мной. — *В. В.*)» (с. 69).

Конечно, подобных примеров было не так много, но все же главным результатом десятилетнего (1807–17) опыта «императорского ОЗЕТа» было опровержение мифа об органической неспособности местечковых евреев к производительному труду на земле. Это признала даже правительственная комиссия, обследовавшая в 1819 г. положение дел в еврейских колониях. После указаний на имеющиеся проблемы, в том числе и традиционного утверждения о якобы имеющемся у евреев «отвращении» к земледелию, все же отчет завершается следующим выводом: «За всем тем, исключая кол. Камянки и Израилевки … в каждой из еврейских колоний находится уже по нескольку трудолюбивых и довольно устроенных хозяев, да и все прочие, в колонии живущие, достаточно пропитания от землепашества и скотоводства имеют, самые же беднейшие из них приобретают пропитание вне колоний заработками и разными промыслами» (с. 85).

Продолжение

Прошло десять лет после создания первых еврейских земледельческих колоний. Благополучно закончилась война с Наполеоном, в ходе которой еврейское население доказало свою преданность Российской Империи. В свою очередь, власти давали понять, что госу-

дарем будут приняты меры по улучшению положения его еврейских подданных. Часть колонистов даже осмелилась вернуться к прежним занятиям. Одним из поводов к этому послужила необходимость возврата средств, затраченных правительством на обустройство первопоселенцев. В этой связи на имя князя Голицына, которому указом 1817 г. было поручено рассмотрение «всех дел, прикосновенных до обществ еврейских» (с. 73), ими была подана следующая петиция: «Опытом показано, что сколько хлебопашество необходимо для человечества, сколько же почитается самым простым занятием, требующим более телесных сил, нежели изощренности ума, и поэтому к этому занятию на всем земном шаре всегда отделялись такие токмо люди, кои, по простоте своей, неспособны к важнейшим упражнениям, составляющим класс промышленников или купцов; сим же последним, как требующим способностей и образования, как служащим главным предметом обогащения держав, во все времена отдаваемо было предпочтение и особенное уважение перед хлебопашцами и всегда, во всех державах, старались еще поощрять, просвещать и всемерно усовершать людей для торговли и промыслов, а не отклонять их от оных» (с. 74).

Разумеется, такие в целом резонные доводы в тех социально-экономических условиях не могли иметь последствий, однако они побудили начальство проверить конкретные жалобы колонистов. Общий вывод о состоянии колоний был сделан чиновником Комитета иностранных поселенцев Фадеевым, который в статье, опубликованной в журнале «Дух Журналов» (№ 5–6 за 1820 г.), писал: «Трудно описать все затруднения и неудобства, представившиеся при обращении евреев в земледельцы … Теперь большая часть из них имеют достаточно хлеба и скота, а некоторые сделались уже хорошими хозяевами» (с. 74). Видимо, такие выводы побудили правительство 19 ноября 1817 г. принять следующее постановление: «По примеру сделанного снисхождения данцигским колонистам, еврейским поселенцам была дарована отсрочка в платеже податей на 5 лет, а казенного долга на водворение на 30 лет» (с. 71).

В связи с признанием достаточно обнадеживающим опыта переселения евреев возникли самые разнообразные проекты решения «еврейского вопроса», в том числе и радикальными методами.

Одним из них был явно юдофобский проект, предложенный польским автором. Обращаясь в опубликованной в 1816 г. брошюре к «благодетелю» Польши Александру I, он вопрошал: «должны ли мы

жертвовать благосостоянием трех миллионов поляков ради трехсот тысяч евреев, или наоборот?» Ответ напрашивался, по его мнению, очевидный: евреев царь должен выселить в ненаселенные степи на юге России или поселить «на границах Великой Татарии» (с. 74–75). Примерно так же — правда, по другим соображениям — выглядели проекты, выработанные в декабристских кругах. В 1814–1815 гг. близкий к ним граф Дмитриев-Мамонов в своем проекте преобразования России писал кратко и решительно: «Переселение половины жидов из Польши в ненаселенные губернии России и обращение их в (православную) веру» (с. 76).

Хорошо известен проект Пестеля, носивший характер, близкий к политическому сионизму. Он предлагал следующее: «Нужно назначить сборный пункт для еврейского народа и дать несколько войска им в подкрепление. Ежели все русские и польские евреи соберутся в одно место, то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу людей, ищущих отечества, не трудно будет преодолеть все препоны, какие турки могут им противопоставить, и, пройдя всю Европейскую Турцию, перейти в Азиатскую и там, заняв достаточные места и земли, устроить особенное еврейское государство».[50]

Неожиданно мысль о перемене социального положения еврейского населения, причем совершенно независимо от внешнего мира, появилась (правда, в специфической форме) в сочинении Менаше Илиера (1787–1831), который, по определению Борового, может считаться первым еврейским публицистом в современном смысле этого понятия. Будучи выдающимся талмудистом, учеником Виленского гаона, он, используя свои глубокие религиозно-галахические познания, отмечал несостоятельность современной ему экономической жизни евреев, в основном связанной с посреднической торговлей, и призывал переходить к производительному труду. Его книга по этим вопросам «Пешер Дабар» была издана в 1807 г., почти одновременно с началом переселенческого движения. Однако еврейский мир был настолько замкнут, что даже Илиер ничего не говорит о занятиях евреев земледельческим трудом. Тем не менее, многое в его сочинениях было отвергнуто общинной еврейской цензурой (с. 77–78).[51]

Но, конечно, живая жизнь шла своим чередом, и в конце 1819 г. началась вторая волна переселения, когда, по сообщению могилев-

[50] *Пестель П. И.* Русская Правда. СПб., 1906. С. 50–53.
[51] Менаше бен Иосиф Илиер // Еврейская энциклопедия. Т. 10. Стб. 855–857.

ского губернатора князю Голицыну, 34 семейства из Шклова пожелали «переселиться в Херсонскую губернию к единоверцам их, поселиться там особыми колониями, присовокупляя, что, по уверению Шкловского кагала, евреи сии способны к земледелию и не замечены в дурном поведении, но находятся в самом бедном положении» (с. 88). Как это часто бывает, власти не были готовы к новому переселению, прежде всего по финансовым причинам. Пока шла переписка, наступили неурожайные 1821–1822 гг., усугубленные возобновленными правительством проектами выселения евреев из сельских местностей. Неудивительно, что число желающих переселиться в Новороссийский край резко возросло. Как писал чиновник Фадеев, «крайность, в коей они находятся, необходимость оставить Белоруссию единственно из чаяния сим средством с семействами спасти себя от гибели, от голода и слухи о урожае в Новороссийском крае, благосостояние некоторых из прежде обратившихся в земледельческое звание и слухи о легчайших средствах здесь к приобретению пропитания … решили даже те из них, кои имели домы, продать оные за бесценок или бросить вовсе и исторгнуться оттоле без всяких дальнейших соображений и расчетов» (с. 91).

Обеспокоенное правительство постановило, чтобы губернаторы требовали от переселяющихся расписок с обещанием не требовать никакой помощи от казны ни в дороге, ни на месте поселения. О том, что такие расписки мало кого останавливали, свидетельствует тот факт, что только из Могилевской губернии, по сообщению губернатора, было отправлено 1490 семей. Тогда министр внутренних дел граф Кочубей, ссылаясь на тяжелое финансовое положение империи, предписал губернаторам, чтобы «еврейские общества, избавляющиеся от платежа за переселенцев податей, обязать оказывать им пособие на первое обзаведение по 400 руб. ассигнациями на семейство, пересылая деньги по мере переселения людей в контору, для употребления по назначению» (с. 94).

Хотя данная мера была практически невыполнима, поток переселенцев, в основном неимущих, продолжался. Только по официальным данным до 28 ноября 1822 г. прибыло 435 семейств (2394 души), больше половины из которых были совершенно без имущества. Примерно такое же количество застряло в ближайших городах, рассчитывая как-нибудь там устроиться. Власти, столкнувшись со сложившейся трудной проблемой устройства массы переселенцев и опасаясь неблагоприятных последствий вроде массовых эпиде-

мий, вынуждены были оказать им некоторую помощь. Часть переселенцев была размещена в старых колониях, некоторые, признанные неспособными к землепашеству, рассеялись в южных городах, а для остальных было выделено 2899 десятин земли в Херсонском уезде для образования новой колонии Излучистая. Кроме того, было разрешено для изыскания дополнительных заработков ремесленникам покидать колонии, с тем, правда, условием, чтобы семьи оставались в колониях. Показательно, что число отлучавшихся на заработки неодинаково: наиболее низким (5–7 %) оно было в колониях Ингулец и Израиловке, в то время как в Сейдеменухе доходило до 30 %, а в Каменке — даже до 60 %.

Конечно, приток новых переселенцев продолжал усиливать социальное расслоение среди колонистов. Население колоний разбивалось на две группы: оседлые поселенцы, судьба которых была связана с колонией, и занимающиеся отхожими промыслами (соответственно, игнорирующие мероприятия по улучшению благосостояния колоний). Многое зависело от выборного главы колонии — «шульца», которого контора утверждала только из тех, кто «в земледелии, огородничестве и скотоводстве отличаются». Такое положение вызывало острые конфликты внутри колоний. Об одном таком конфликте в колонии Ингулец официальный документ от 20 августа 1826 г. сообщает следующее: «…ленивые, нерадивые и расстроенные по всем хозяйственным предметам ингульцские поселенцы возненавидели шульца Клемперта за то, что он не ходатайствует у смотрителя об отпуске их из колоний бродяжничать по-прежнему; побуждает к исправлению домов, ограничивает в продаже казенных волов, запрещает всякие самовольства и обличает в них истинное недоброхотство к устройству». Возглавляемые Мовшей Шафранчиком, Мовшей Бродским и Юдкой Бродским, они решили избрать подобного им нового шульца. «Революция» в Ингульце не состоялась, но страсти накалились настолько, что, как красочно описывает чиновник Верчинский, он «принужден был приказать связать его, Шафранчика, но брат его Дон Шафранчик, прибежавший туда с товарищами, того делать не допустил; между тем Лейзер Шафранчик, схвативший шульца Клемперта за бороду и волосы, начал при мне (Верчинском) с братом Доном его и жену его бить так, что с великим трудом и помощью некоторых евреев, которые еще не взбунтовались, можно было вырвать у них из рук и запереть в дом».

История имела также весьма характерное продолжение. Не прошло и двух месяцев, как на Клемперта поступил донос проигравшей стороны о том, что, вопреки запрещению, у него тайно работают два христианина — некий Семен, возможно, беглый солдат, и женщина Анна. Приехавшие представители власти с понятыми обнаружили этих лиц в избе шульца и посадили их в повозку. Но не тут-то было. Поскольку самого шульца не было дома, то, как сказано в донесении чиновника, «жена его Хана с теми евреями, которые были на то время в избе, выскочивши во двор, начали кричать во весь голос караул, а между тем, не допуская выезжать со двора, приказывали собравшимся уже немало на крик ее евреям держать лошадей … Когда же прибежал и муж ее шульц со многочисленной толпой евреев, то он тех взятых людей, Семена и Анну, отнял и велел им скрыться, а лошадей выпрячь» (с. 117–119). Конец всей этой истории неизвестен, однако приведенный рассказ свидетельствует о том, что колонисты были людьми не робкого десятка и в этом отношении вряд ли уступали мужикам или казакам-станичникам своего времени.

Новый этап в положении колонистов наступил после смерти в 1825 г. Александра I. При его преемнике Николае I была забыта даже и либеральная фразеология. Власти снова начали войну с сельским еврейством, и особенно тяжело сказался на положении еврейских обществ закон о призыве на военную службу малолетних евреев в качестве «кантонистов». При этом, как пишет Боровой, «еврейские дела оставались в основном прежними: торговля, ремесла и аренда. Деревня, основной базис еврейской экономики, беднеет, разоряемая непосильными поборами должающего помещика … Часто, стараясь “рационализировать” свое хозяйство, помещик начинает обходиться без посредника-еврея, и это влечет за собой обязательные последствия: выселение и тенденция к выселению из сельских местностей» (с. 123). Такое развитие экономической ситуации приводило, с одной стороны, к обнищанию основной массы еврейского населения, а с другой стороны, к усилению и укреплению (именно в царствование Николая I) верхов еврейского общества. Из их среды выделяются успешные поставщики и подрядчики казенных учреждений и армии, богатые коммерсанты и фабриканты. Вызванное потребностями страны развитие промышленности привело к возникновению класса евреев-предпринимателей. Уже в 1832 г. 93% всех фабрик на Волыни и 32% в Подолии принадлежали евреям. Особое

значение приобрела экспортная и импортная торговля на юге России. К 1842 г. среди евреев в Одессе было уже 7 купцов первой гильдии, 9 — второй, 187 — третьей. Надо отметить, что меры правительства были крайне противоречивыми. В тот же 1827 г., когда был принят жестокий закон о кантонистах, власти приняли постановление о преобразовании казенной водочной монополии в откупную. Это дало возможность сформировать среди евреев большой контингент богатых откупщиков. Со временем из этих элитных слоев, материально независимых и оторванных от быта основной массы, начал формироваться прообраз русифицированной интеллигенции (с. 125).

В свою очередь Николай I и его правительство были весьма обеспокоены вопросом, как добиться того, чтобы вписать и остальное бедствующее еврейское население в систему тогдашней крепостнической империи. Как писал один чиновник, необходимо «уничтожить в евреях жидовство» (с. 124), т.е. ликвидировать социальное наследие польского государственного устройства. Как точно пишет Боровой, по мнению государственной администрации «еврейский вопрос должен быть отменен путем уничтожения, если не евреев, то всего того комплекса национальных бытовых и социальных особенностей, которые выделяли евреев, как некоторую заметную и выделяющуюся группу населения. Евреи нарушали стиль и гармонию страны-казармы. Их нужно было нарядить в европейское платье и расставить по существующим сословным полочкам. Отсюда законы о ермолках (запрет носить «еврейскую» одежду. — *В.В.*) и знаменитое распределение евреев на «полезных» и «бесполезных». С точки зрения основного устремления, все эти проблемы были одинаковой важности. В арсенале мер нашли свое место и земледельческие колонии» (с. 127).

Прежде всего, вопрос о колонистах возник после распространения на евреев воинской повинности в натуральном виде, т.е. посредством поставки рекрутов. И тут произошло то, чего трудно было ожидать от правительства Николая I. В специальном императорском указе от 23 августа 1829 г. было сказано, что «действительно упражняющиеся в хлебопашестве» освобождались от рекрутчины в течение 50 лет со дня издания этого закона. Те же из колонистов, кто в течение года после издания этого указа не возвращались в колонии, должны были в случае поимки «подвергнуться отдаче на военную службу без зачета, а в случае неспособности к оной, ссылке

в Сибирь на поселение» (с. 128). В том же императорском указе были приняты меры достаточно либерального характера. Например, допускалась возможность перехода из земледельческого звания в другое при условии уплаты долгов (даже с некоторой льготой) и при согласии еврейского общества на принятие в его ряды бывшего колониста. Права колонистов были более строго регламентированы. Им разрешалось (правда, с согласия смотрителя, но не шульца) отлучаться на три месяца в «свободное от полевых работ время, а с разрешения конторы и на более продолжительные сроки». Кроме того, были предусмотрены меры поощрительного характера, напоминающие советские времена. За «трудовые заслуги» (например, за «разведение около дома 50 деревьев») колонисты награждались особыми серебряными медалями на синих лентах, а уже получившие такую медаль за дальнейшие успехи награждались медалью золотой на той же ленте. Евреи-мещане, не состоящие на рекрутском учете, при согласии своего общества могли за свой счет селиться в уже существующих колониях или основывать в Новороссии новые (с. 129).

На этот раз мероприятия правительства нашли добровольных и искренних приверженцев в самой еврейской среде, причем обращавшихся к широким слоям еврейского населения. Это были сторонники еврейского просвещения — Гаскалы, главным из которых в России тогда был И. Б. Левинзон. В своих сочинениях он, ссылаясь на еврейскую традицию, доказывал «непредосудительность» занятия ремеслом и земледелием. Он писал: «почему мы посвятили себя исключительно одной торговле, — мужчины и женщины, стар и млад, богатый и бедный? Почему нам не пойти по стопам наших древних праотцев и не заняться хлебопашеством, почему мы пренебрегли этим занятием и удалились от него? … Ведь земледелием занимаются не только простолюдины, но и аристократы, вельможи и цари… Рука об руку с народом они шли за плугом». В подтверждение Левинзон приводит длинные примеры из еврейской истории (с. 131). Его благожелательное отношение к Николаю I, которого он именовал даже «милостивым просветителем» евреев, конечно, укрепилось после издания в 1835 г. «Положения о евреях». В нем наряду с некоторым облегчением для крупных купцов и фабрикантов уделялось внимание и еврейским земледельцам. Прежде всего подтверждалось освобождение колонистов от рекрутчины в течение 50 лет, а также льготы в податном отношении. Но самое главное содержалось в Параграфе 26: «Если при переходе евреев к земледельческо-

му состоянию окажется собственно на переселяющихся за прежнее время недоимка в казенных податях и других сборах, то оная слагается как с них лично, так и с обществ, к которым они принадлежали» (с. 135).Таким образом, переселенцы освобождались от власти кагала и одновременно от гнета рекрутчины, когда эти тяготы были особенно тяжелы. Это, конечно, не осталось незамеченным, вызвав новые надежды и третью волну переселенцев.

Естественно, что власти ввиду ожидаемого наплыва новых переселенцев решили подвести итоги деятельности уже существующих еврейских земледельческих колоний. Оказалось, что всего земледельческих колоний было к концу 1837 г. уже 9, а население достигло 957 семей (6762 душ). По сравнению с 1825 г. оно увеличилось на 375 семей. Только в 1836 г. естественный прирост населения составил 171 человек (родилось 342, умерло 171). И это при том, что в 1834/35 гг. был особенно сильный неурожай. Кроме того, на экономическом положении всех южных губерний отрицательно сказались последствия войны с Турцией в 1829 г., в результате чего правительство вынуждено было простить недоимки всем колониям юга, в том числе и еврейским. Тем не менее, количество плугов в колониях достигло 186, при том что в 1825 г. их было 140. Колонисты сеяли уже рожь, пшеницу, ячмень, гречиху и просо. Пустующие земли сдавались на оброк (в аренду). Например, в колониях Сейдеменуха и Бобровый Кут сдавали в аренду 7000 десятин еврею — херсонскому купцу Гершко Ауслендеру. Хотя в колониях по-прежнему не получили развития садоводство и виноградарство, колонисты достигли значительных успехов в скотоводстве. В описываемое время численность крупного рогатого скота составила 3613 голов (прирост с 1825 г. — 2400), лошадей — 316 голов (прирост с 1825 г. — 233). Если же взять данные за более благополучный 1833 г., то численность крупного рогатого скота достигала 5837 голов. При этом, как сказано в официальном отчете, «скотоводство у них лучше … чем хлебопашество и было даже в хорошем состоянии, но случившиеся в Херсонской губернии в 1829, 30, 33 и 34 гг. падежи на скот лишили их многочисленных трудов, то же бедствие случилось и со стадами овец, которых иные из достаточных поселенцев евреев развели в колониях». Овцеводство следует упоминать особо, потому что оно тогда особенно интенсивно развивалось в Новороссии. Достаточно указать, что, если за 13 лет до того у колонистов было только 162 овцы, то в отчетном году — 1300, а в более благополучном —

1629. На этой базе возникло и производство шерсти, которой было продано в 1837 г. 103 пуда. Развивалось также и молочное хозяйство, и в отчетные годы было продано 150 пудов масла.

Особенностью населения колоний было наличие среди колонистов большого числа (502 человека) ремесленников всех специальностей — портных, каменщиков, плотников, медников, стекольщиков и т. д. Очевидно, что они промышляли в соседних городах и деревнях. Это обстоятельство позволило чиновникам отметить, что все население колоний делится на «настоящих колонистов» и «числящихся», причем среди тех и других были люди далеко не бедные. Однако преуспевание «числящихся» не отражалось на благосостоянии колоний, и неудивительно, что их брошенные дома представляли картину запустения и бедности. Немалое негативное значение имело для колоний и то, что руководство далеко не всегда было на высоте. Как сказано в отчете, «можно безошибочно полагать, что в столь важных общественных действиях участвовало какое-то постороннее влияние, сильно подрывающее благосостояние колонистов. Мы сами встречали щульцев колоний, ни умом, ни по хозяйству, ни добрым поведением не отвечающих этому общественному званию» (с. 140–144). Остается добавить, что в колониях существовала и развивалась духовная жизнь, поскольку в 1835 г. официальные обследователи отмечали наличие в них 7 раввинов, 24 «причетников» (шамесов) и 43 учителей.

Последствия

Обещанная властями возможность освобождения от жестокой «кантонистской» повинности для колонистов, а также перспектива освободиться от власти заправил еврейской общины — кагала, способствовали возникновению третьей волны желающих стать «евреями-земледельцами». К этому добавилось неожиданное предложение, выдвинутое министром финансов графом Канкриным, — заселить евреями пустующие земли Сибири. Слух об этом предложении распространился, и сотни еврейских семейств из Белоруссии и Литвы немедленно решили поискать счастья в далеком краю. Как писал исследователь Никитин, «в Западном крае не оставалось городка, откуда бы евреи не просились в Сибирь» (с. 137). Некоторые семьи, не дожидаясь официальных документов правительства, на свой страх и риск отправились в далекий край. Многие застряли по дороге в городах Симбирске, Камышине, Пензе и других, и местное

начальство всполошилось, не зная что делать. Ведь никаких распоряжений и средств на содержание таких неожиданных переселенцев не поступало. Жалобы дошли до высших петербургских властей, и государь на представление Канкрина о поддержке своего предложения неожиданно отвечает 5 января 1837 г. немотивированной резолюцией: «Переселение евреев в Сибирь приостановить». Как полагает Никитин, такое решение было подсказано шефом жандармов Бенкендорфом и министром внутренних дел графом Блудовым, убедившими императора, что «евреи так же, как и составленное из бывших ссыльных население Сибири, не могут хвалиться своей нравственностью: поселясь в Сибири, они не только не будут иметь там добрых примеров трудолюбия и хозяйства, но, умножив там число людей с худыми правилами, будут, по всей вероятности, продолжать при бродячей жизни тот же бесплодный, одними обманами поддерживаемый торг» (с. 138). Тем не менее, уже добравшимся до Сибири было разрешено оставаться на месте, а остальным предложено продолжать переселение в Херсонскую губернию, где выяснилась возможность отведения для колонистов дополнительно 118 000 десятин (с. 139).

Новые виды правительства на развитие колоний вызвали и перемену их административного управления. Сначала их переподчинили Новороссийскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову, талантливому администратору, благожелательно относившемуся ко всем народам края, в том числе и к евреям. Однако при этом из Петербурга был навязан ему в качестве управляющего колониями подполковник Демидов, а в качестве смотрителей колоний военным министерством было выделено 10 отставных унтер-офицеров. Власти пытались также как-то организовать новый поток переселенцев, в котором к выходцам из белорусских губерний присоединились уроженцы Курляндии — всего 2197 семейств. Лучше всего было организовано переселение из Курляндии: все переселенцы были распределены на 7 партий; во главе каждой партии был поставлен особый чиновник с подробнейшими инструкциями. Переселенцы также пользовались возможностью самоорганизации; в частности, была и такая рекомендация: «В то же время по распоряжению Вашему (начальнику партии) отцы семейств должны избрать духовного представителя. Митавский (Митава — ныне Елгава (Латвия). — *В. В.*) раввин Израиль Фридман имеет поручение вручить сему духовному представителю потребные молитвы и дать ему наставле-

ние в том, что он должен соблюдать в отношении духовных религиозных треб». Курляндским переселенцам должны были выделяться кормовые деньги: на взрослых 10 коп. серебром и 3,5 коп. медью, на детей вдвое меньше. В июле-августе 1840 г. партии переселенцев двинулись в путь. (с. 149)

Однако столь «благостно» дело обстояло только до перехода границы Белоруссии. Далее на протяжении долгого пути на переселенцах полностью сказались нерасторопность, неорганизованность и просто недобросовестность местного начальства. К курляндским переселенцам примкнули выходцы из других мест Белоруссии и Литвы. О том, в каком состоянии эти «искатели счастья» добрались до места, свидетельствует официальный документ: «из прибывших в Херсонские еврейские колонии в 1840 г. 13 партий для водворения, партии евреев курляндских прибывали не только со значительным количеством больных, но даже несколько из них человек было доставлено в колонию Израиловку уже мертвыми» (с. 153). Однако по прибытии на места выяснилось, что помещений даже для размещения прибывших подготовлено не было, и переселенцев поселили в избах старожилов. Необычайная скученность (в доме могло быть до 15 человек прибывших) привела к массовым эпидемиям. Справедливости ради следует сказать, что местное начальство приняло решительные меры для борьбы с ними и командировало бригаду врачей во главе с известным доктором Андриевским. К лету 1841 г. им удалось справиться с эпидемиями, однако смертность за 1840–1841 гг. составила 7–8 %. Сведения о бедствиях переселенцев достигли столицы, и сохранилось энергично написанное Начальником III отделения Бенкендорфом письмо Воронцову с требованием сообщить обо всем подробный отчет. Воронцов ответил, что поскольку все это произошло, главным образом, в ходе переселения, то он не может нести за случившееся ответственность.

Тем не менее, к концу 1840 г. в колониях было зарегистрировано уже дополнительно 547 семейств, и колонистам начала оказываться продовольственная помощь, правда, не очень обильная. Помимо этого, стал решаться вопрос о создании новых колоний. В дело содействия бедствующим переселенцам начали включаться первые сторонники еврейского просвещения — «маскилы». Особую заботу они проявили о германизированных курляндских евреях, как более, по их мнению, культурных и менее религиозно фанатичных по сравнению с выходцами из Литвы, Белоруссии и Украины. Крупный одес-

ский купец Х. Эфруси доже пожертвовал в их пользу 1000 рублей. Имевший большое влияние на Воронцова «ученый еврей», выходец из Австро-Венгрии Базилиус Штерн даже обратился к губернатору с прошением поселить отдельно курляндских евреев, которые, «отличаясь от прочих здесь живущих своих собратьев степенью образования и меньшими предрассудками, могут и усердно желают быть хорошими хозяевами и земледельцами». При этом он просил дать им лучшие земли, увеличить пособие с 600 до 800 рублей. Ревнитель просвещения Воронцов принял предложение Штерна. Хотя лучшие земли были уже разобраны, все же в 1842 г. были основаны четыре новых колонии — Львово, Романовка, Ново-Полтавка, Новый Борислав. Кроме того, часть переселенцев была поселена в старых колониях, причем вблизи старой Израилевки было создано новое поселение Сагайдак. На колонистскую семью полагалось по-прежнему 40 десятин (с. 159–160)

Следует отметить, что все дело сопровождалось коррупцией, особенно в кругах высшего руководства. В июле 1843 г. министр государственных имуществ Киселев сообщал Воронцову сведения, полученные начальником III отделения в ответ на жалобы колонистов: «Подполковник Демидов, главноуправляющий всеми колониями, получив по справочным ценам в прошедшую зиму деньги для прокормления колонистов 15 р. ассигнациями на четверть, покупал им сей хлеб по 9 р. На каждый домик колониста было отпущено 600 руб. Демидов лепил их вальковыми из глины, со слабым лесом, что ставилось ему по 100 р. На пару волов получал он от казны на каждого хозяина-переселенца по 150 р. Покупал же по 100 и по 90; на каждый воз было отпущено по 15 р., а покупаемы были по 6 и 7 р.» (с. 158–161). Как говорится, комментарии излишни.

Конечно, трудно было ожидать хозяйственных успехов колонистов в начале третьей волны. Тем не менее, заметен рост населения уже 12 колоний — оно увеличилось на 704 семейства и достигло 1661 семейств. Заметно также увеличение крупного рогатого скота на 3462 голов, причем обеспеченность составила 4,3 головы на семейство (до переселения — 3,6). Правда, даже в хороший урожай 1845 г. колонисты обеспечивали себя хлебом только на 50 %, но они начали сеять уже не только хлеб, но и картофель, фасоль, гречиху, лен и т. д. В Сейдеменухе уже появился фруктовый сад и первые 70 ульев, которые в 1839 г. дали 7 пудов меда и 1 пуд воска. (с. 165–166) Тем не менее, неурожаи и падежи скота продолжали заставлять

колонистов прибегать к правительственной помощи и ссудам. Обследователи подчеркивали, что в то время хозяйства переселенцев болгар, сербов и, особенно, немцев отличались в выгодную сторону от хозяйств евреев. Правда, им приходилось переживать периоды такого отчаяния, до которого евреи-колонисты все-таки не доходили. Вот, например, обращение в 1816 г. сербов-колонистов за пособиями к правительству: «Мы будем сами семейства невинно порезать, а потом и сами себя убить, ибо семейства наши и так будут от голода помирать» (с. 168). Не следует при этом забывать, что это писали прирожденные земледельцы, в то время как еврейские колонии пополнялись людьми, совершенно незнакомыми с сельским хозяйством.

В то же время отмечается и оживление культурной жизни колоний. Уже в 1842 г. с разрешения начальства колонисты направили уполномоченных в Курляндию, Витебскую и Могилевскую губернии для сбора пожертвований на постройку молитвенных домов в колониях. Миссия увенчалась успехом, причем в Романовке даже было открыто религиозное училище — иешива, обслуживавшая не только колонистов, но и приезжих из соседних городов. Для ее нужд собирались в 1850-е годы пожертвования в размере 3000 руб. серебром в год. Как указано в официальном документе, «цель этого заведения чисто богословская, сюда собираются молодые люди этой и других колоний и даже из городов не колонисты для получения высших познаний в Талмуде» (с. 169). Характерны другие черты быта, носившие печать типичного еврейского местечка. Как писал вышеупомянутый Демидов, «женский пол земледельцев самими мужьями устраняется от занятий земледелием… Кроме сего, евреи один перед другими стараются, чтобы жены их были как можно хорошо одеты, и сии избалованные женщины повседневно платье имеют гораздо лучше, нежели порядочные хозяйки русского землепашца праздничное, да и сами евреи одеваются против русских лучше. К тому же всякий почти из евреев не щадит издержек на наем учителя для обучения сыновей своих еврейской грамоте и догматам веры». Вообще, согласно документам, помимо местных меламедов (религиозных учителей), колонии посещали и приезжие учителя. Наблюдатели отмечают также большое влияние, которое имели в колониях раввины «на все дела евреев: они разбирают между ними тяжбы, их семейные ссоры, супружеские жалобы» и т. д. (с. 170).

Наряду с этим продолжалось социальное расслоение колонистов, что отразилось в правительственных отчетах, деливших их на «исправных», «посредственных» и «нерадивых». Прежде всего это отражалось на количестве скота: если первые владели стадами более 60 голов, что позволяло практиковать торговлю скотом, то «нерадивые» порой не имели ничего. Поскольку земельные участки не были четко размежеваны, этим пользовались «исправные». Как отмечает обследователь Холодковский, «земли у них (евреев-колонистов) доселе не разделены на участки, предположенные для каждого семейства при первоначальном поселении. Все они пользуются землями своими купно, от чего происходит, что тот, кто имеет больше возможности, захватывает участки, принадлежащие другим его сотоварищам. Зажиточные евреи для выгод своих употребляют различные хитрости; во время посевов они не допускают беднейших к снятию травы с полей общего их владения под предлогом несозрения оной, пока сами не наймут достаточного числа людей для косьбы, и в то время усиленными средствами стараются сколь можно более заготовить себе сена, и бедняки едва успевают в свою пользу самую малую часть оного, ибо по случаю нераздела земли каждый пользуется тем, что в состоянии обрабатывать сам или наемными работниками» (с. 170–171) Тут надо отметить, что наемными работниками у «зажиточных» были другие колонисты, но порой они нанимали окрестных крестьян. Закон это запрещал, однако зажиточные умели его обходить, негласно договариваясь с местным начальством.

В сороковые годы бурно растущие южные города — Одесса, Николаев, Херсон — становятся особенно сильными притягательными центрами для немалого количества колонистов-ремесленников. Боровой (с. 173) приводит красочное свидетельство современника: «Разные ремесла и промыслы процветают также у евреев в Одессе. Всякий порядочный ремесленник ведет здесь счастливую, беззаботную жизнь… Евреи в Одессе взялись еще за разные промыслы и работы, коих между ними не встречается в других городах империи … Умилительную картину представляют эти поденщики, обыкновенно люди пожилые, когда они тяжкий труд свой услаждают стихами из Священного писания и изречениями из Талмуда. …Люди, не менее первых честные и трудолюбивые, занимаются в каменоломнях вокруг города, и нет ни одного публичного здания, ни одной церкви,

для которой евреи не доставляли бы камня».[52] Неудивительно, что колонисты часто обращались к властям за разрешением отлучаться на заработки вне колоний. Понимая, что такие отхожие промыслы являются серьезной поддержкой для бедняков-колонистов, разрешения на отлучки, как правило, давали. Проблемы возникали только тогда, когда речь шла об отпуске на весьма продолжительный период.

Многое, конечно, зависело от шульцев — «колониальных старост», которых подбирало начальство из угодных себе людей. Для этого применялись все средства и уловки. Например, в 1845 г. колонист Ефенгара Эстеркин жаловался, что смотритель «назначил его на 2 дня на общественную работу и сим штрафом лишил его голоса в обществе, и что оно сделал с ним, Эстеркиным, за то, что сей не согласен был на избрание шульцем еврея Кнопова, который был уже смещен с этой должности». Надо сказать, что от шульца зависело многое в жизни колонистов — прежде всего, конечно, разрешения на отлучки. Кроме того, они распоряжались довольно значительными суммами (например, в 1840 г. — 8000 руб.), выделяемыми на помощь сиротам и бедствующим. О том, как они расходовались, свидетельствует запись ревизора, проверявшего жалобы старых колонистов: «расходы были ими (шульцами), очевидно, вымышлены или превышали меру необходимой потребности … шульцы вели расходы общественных сумм произвольно». Другим начальством в колонии был писарь, поскольку колонисты писали свои жалобы на еврейском языке (идише) и не владели канцелярским стилем (с. 175).

Но, конечно, главным мздоимцем было высшее начальство, подбиравшее шульцев по своему подобию. Ревизия отмечала, что «члены правления делают всевозможные притеснения и угнетения новым земледельцам и берут с них поборы за ходатайства по делам, за выдачу увольнительных билетов … Часто даже одно и то же дело и присяга повторяются несколько раз единственно из интереса». Казнокрадство самого вышеупомянутого Демидова приняло такие размеры, что он был даже отдан под суд. Его также обвинили в нанесении побоев, приведших к смерти колониста Фрадкина. Обвиняемому, правда, удалось бесконечно «заволокитить» следствие, но все же он вынужден был оставить столь «хлебную» должность (с. 176–177).

[52] *Финкель И.* О торговле, промышленности, просвещении и образовании одесских евреев. Одесса, 1843. С. 6–8.

В разоблачении и смещении Демидова большую роль сыграл один самозванный специалист по «еврейским делам», уроженец Польши Гезионовский (Есионовский). Будучи учителем Варшавского еврейского училища, он в 1833 г. представил властям записку о преобразовании еврейского быта. Записка была замечена властями, а он сам был привлечен к сотрудничеству в качестве «консультанта». Затем он крестился, став из Германа Иваном, и предложил свои услуги для образования в колонии Большой Нагартав школы, где в числе прочих наук будут обучать колонистов и русскому языку. При этом им указывалось, что в раввины должны избираться только «просвещенные», колонисты должны «употреблять во всех делах язык российский», синагоги должны быть «европеизированы» и т. д. При содействии самого Воронцова школа была открыта в Большом Нагартаве 18 мая 1840 г. Несмотря на нежелание колонистов отдавать своих детей в школу к выкресту, все же удалось собрать 18 учеников. Об общей эффективности обучения детей в школе говорить трудно, однако один ревизор сообщил, что по результатам экзамена 4 ученика показали «замечательные успехи» (с. 181). Тем не менее, деятельность Гезионовского, призвавшего к серьезному реформированию управления колониями и смело разоблачавшего казнокрадство и произвол его руководства, оказалась неудачной. Хотя он добился частичных успехов, интриги местных властей все же вынудили его покинуть колонию.

Последние годы царствования Николая I характеризуются появлением новых радикальных планов решения еврейского вопроса. В официальном документе правительства — «Записке об основных началах преобразования еврейского народа в России», опубликованной в 1841 г., прямо говорилось, что «отсутствие между евреями всякого полезного труда и вредные занятия их мелочной промышленностью, сопровождаемой всякого рода обманами и хитростью, вынуждали правительство употреблять против евреев разные частные меры ограничений и поощрений к земледелию или другим полезным занятиям, но меры сии при недостатке общего плана коренного преобразования еврейского народа не имели успеха» (с. 183). В этом контексте у нетерпеливого императора возникали грандиозные замыслы в отношении своих подданных-евреев. Одним из них было устройство так называемого «разбора» евреев на «полезных» и «бесполезных». К первым относились фабриканты, купцы, земледельцы, ремесленники. Вторых, составлявших 80 % всего еврейского

населения, предполагалось выселить из деревень, лишить остатков гражданских прав и увеличить для них в разы рекрутскую повинность. Проект не был принят, в частности, благодаря протестам М.С.Воронцова, показавшего императорским властям его «крутость и несправедливость». С другой стороны, он высказался в поддержку развития земледелия среди евреев.

В новом «Положении о евреях-земледельцах», опубликованном в 1844 г., были в основном повторены прежние льготы — освобождение от недоимок по прежнему «состоянию», освобождение на 25-летний срок от разных повинностей и на 10 лет от налогов. Кроме этого, евреям разрешалось «в первые три года нанимать из христиан свободного состояния из земледельцев для приобретения необходимых познаний в земледелии» (с. 185). В это время колониями активно заинтересовались представители еврейской интеллигенции — маскилы (просветители). Они всячески поддерживали развитие еврейского земледелия, хотя реальных проблем себе не представляли, и поэтому все бедствия и трудности приписывали злоупотреблению чиновников, восхваляя добрые намерения самого государя.

Между тем слухи о предстоящем «разборе» вызвали новую, четвертую волну переселенцев — «бесполезных» по николаевской классификации. Как и ранее, в основном переселение происходило в таком же «порядке», как и прежние. Однако все же дело перешло в компетенцию Министерства государственных имуществ и, несмотря на все проволочки и бюрократические препоны, в 1848 г. возникают новые колонии — Новый-Златополь, Веселая, Красноселка, Трудолюбовка и Нечаевка в Екатеринославской губернии и Новый Витебск — в Херсонской. При этом разрабатываются обширные проекты образцовой организации колоний, учитывающие накопленный ранее опыт. В частности, был осуществлен разумный проект размещения в каждой колонии «мустер-виртов» — образцовых хозяйств немцев-колонистов. Однако остальным планам осуществиться не пришлось, поскольку началась Крымская война, после неудачного окончания которой наступила эпоха великих либеральных реформ нового царя Александра II.

Условия существования колоний меняются к лучшему, поскольку ослабевает жесткий административный контроль и колонисты сами начинают устраивать свою жизнь. В результате благосостояние колонистов растет, а население и число самих колоний увеличивается. Уже в 1859 г. в Новороссии была 21 колония, в Херсонской губернии

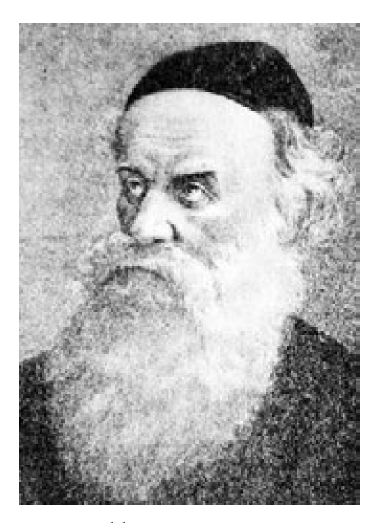
и в Екатеринославской — 16 с общим числом семейств 2598 (10–11 тыс. человек). В том же году официальный обследователь отмечал, что ряд колоний уже «имели общий вид гораздо лучший, чем соседний город Берислав и крестьянские села. Поколению, переселившемуся взрослыми, редко удавалось сделаться хорошими земледельцами, пришедшие детьми и особенно родившиеся на местах не представляли, напротив, никакого отличия от колонистов-немцев» (с. 195). Показательно, что колонии продолжают не только существовать, но и развиваться даже после введения в России в 1874 г. всеобщей воинской повинности, когда исчезла последняя важная льгота для колонистов. Посетивший колонии уже в 1892 г. министр государственных имуществ отмечал: «В отношении благосостояния евреи-колонисты, если и не могут выдержать сравнения с колонистами-немцами, то, во всяком случае, зажиточнее и обеспеченнее соседних русских крестьян» (с. 196). Объективности ради надо добавить, что немецкие колонисты, будучи и до переселения в Россию по европейским меркам образцовыми земледельцами, имели к тому же особенно большие льготы и привилегии от российских властей. В это время жизнью колоний стали серьезно интересоваться различные еврейские общественные организации, в том числе основанное в 1880 г. Общество еврейского земледельческого и ремесленного труда (ОРТ) и Еврейское колонизационное общество. Однако лучшим доказательством жизнеспособности этих колоний было то, что они пережили, как пишет Боровой, «безмерно тяжелые годы гражданской войны и погромов, обрушившихся на них» (с. 197).

Подводя итоги истории еврейских земледельческих колоний в России со времени Александра I, нельзя не признать стремления высших имперских властей улучшить положение многочисленного еврейского населения империи, хотя методы, применяемые для этого, нередко перечеркивали самые добрые намерения. Иначе это и не могло быть в самодержавной монархии, где самый многочисленный класс собственно русских крестьян находился в полурабском состоянии.

Тем не менее, деятельность возникшего в 1924 г. в СССР Общества земельного устройства трудящихся евреев (ОЗЕТа) в северном Крыму и Биробиджане, а также израильские сельскохозяйственные поселения имели уже хороший пример и предшественников в достаточно успешном проекте, которое мы назвали «ОЗЕТ императора Александра I».

2. ЕВРЕИ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.

Начало
(Рабби Шнеур-Залман и «гроза двенадцатого года»)

Рабби Шнеур-Залман

Отечественная война 1812 г., противостояние России французской, а точнее — всеевропейской армии, возглавляемой великим полководцем и государственным деятелем Наполеоном, имела самые разнообразные последствия для всех слоев российского общества. Одним из них то, что евреи, совсем недавно ставшие подданными Российской империи, осознали себя, пусть на уровне чувства, ***русскими*** **евреями.**

Для лучшего понимания этого процесса надо вспомнить историческую обстановку в конце XVIII — начале XIX в. Польское королевство прекратило свое существование после третьего, окончательного раздела в 1795 г. К Российской империи были присоединены территории Белоруссии, правобережной Украины и Литвы. Однако собственно польские земли со столицей королевства Варшавой перешли под власть прусских королей. Австрийской империи досталась, в основном, Галиция. Конечно, польские патриоты тяжело переживали гибель своего государства и цеплялись даже за призрачную возможность его восстановления. Таковой были, прежде всего, обещания победоносного тогда Наполеона, хотя они и носили довольно туманный характер. Тем не менее, в его войсках отважно и доблестно сражались польские добровольцы. Частично, хотя далеко не полностью, их ожидания оправдались.

После заключения Тильзитского мира с Россией 25 июня (ст. ст.) 1807 г. на польской территории, отошедшей к Пруссии, было образовано «Герцогство Варшавское». Естественно, многочисленные еврейские подданные этого государства стали надеяться на равные права с поляками. Были хорошо известны идеи Французской революции, отменившей правовые ограничения евреев. Знали о собран-

ном Наполеоном в Париже 15 июля 1806 г. Великом Синедрионе еврейских депутатов из всех его владений, на котором от лица императора была провозглашена гарантия свободного отправления иудейской религии. Были также решены вопросы консисториального устройства еврейской религии под покровительством государства, поставившего ее в равное положение с христианскими конфессиями во Франции. Помимо этого, приход победоносных французских войск в любой стране означал разрушение стен средневековых гетто и даже правовую эмансипацию евреев.

В польских землях уже появилось достаточно европейски образованных евреев, радостно воспринявших новые веяния из Парижа. Этому также способствовала репутация последнего вождя борцов за польскую независимость Т. Костюшко, прославленного героя двух революций — американской и французской. Он благосклонно приветствовал предложение Берека Иоселевича сформировать еврейский полк для защиты Варшавы в составе его войск. В своем ответе Костюшко поддержал надежду евреев на лучшую долю в свободной Польше — правда, опять-таки в неконкретных выражениях. Солдаты Берека большей частью погибли при штурме Варшавы русскими войсками. Сам Берек спасся, затем доблестно сражался в польских легионах Наполеона и пал в схватке с австрийцами в 1809 г.

Однако, вопреки всем надеждам, власти созданного Наполеоном «эфемерного государства» — герцогства Варшавского — делали все возможное, чтобы быстро погасить все надежды еврейских подданных, или, как тогда их вежливо стали называть, «поляков старозаветного закона». Прежде всего было объявлено, что положения либеральной конституции, предусматривающие равноправие граждан, на исповедующих религию Моисея не распространяются в течение десяти лет, хотя допускалась возможность отдельных исключений. Затем последовало восстановление всех прежних обидных ограничений, в частности, на право проживания в самой Варшаве, причем основной массе евреев было предписано в полугодовой срок выселиться с главных улиц столицы. Исключением стала семья Берека Иоселевича, а его вдове для пропитания семьи было разрешено «торговать там водкой». Восстановление еврейских гетто происходило и в других городах герцогства. Напрасно евреи обращались к властям: «Мы во всем обременены большими податями, нежели прочие жители, у нас отнята возможность иметь радость приобрести клочок земли, построить себе дом, основать хозяйство, фабрику,

свободно вести торговлю, делать все то, что Бог и природа позволяют человеку… Неужели та земля, на которой родились наши предки и за это не раз дорого платили, останется чужою для нас?»[53]

Уже перед началом войны правительство выработало законопроект, запрещавший евреям производство питий и торговли ими, что лишало средств к существованию множество людей, не предоставляя им других возможностей пропитания. В качестве обоснования говорилось, что несомненная будущая победа Наполеона восстановит Польшу в старых границах, и надо заранее законодательно подготовиться к возврату территорий с многочисленным еврейским населением. Кроме того, евреев освободили от воинской повинности с издевательским комментарием, потребовав взамен коллективной ежегодной подати в размере 700 000 злотых.

В соседней Российской империи ожидания и надежды еврейского населения были на переломе веков иными. Еще не были забыты первые слова плаката со словами императрицы о переходе Белоруссии в 1772 г. под власть Российской короны: «…разумеется, что и еврейские общества, жительствующие в присоединенных к Империи Российской городах и землях, будут оставлены и сохранены при всех тех свободах, коим они ныне в рассуждении закона и имуществ своих пользуются, ибо человеколюбие Ее Императорского Величества не позволяет их одних исключать из общей всем милости и будущего благосостояния под благословенною ее державою, доколе они с своей стороны, с надлежащим повиновением яко верноподданные жить и в настоящих торгах и промыслах по званиям своим обращаться будут».[54]

Как было сказано выше, Екатерина II неофициально разрешала евреям приезжать по делам в Россию и даже в Санкт-Петербург. Более того, евреев под прозрачным псевдонимом «новороссийских купцов» ее правительство поощряло поселяться в только что присоединенной Новороссии, в том числе и недавно основанной Одессе, где уже в 1794 г. они составляли 10 % всего населения. Наряду с подтверждением кагальной системы, евреям было разрешено вместе с христианами записываться в купеческое или мещанское сословия. Тем самым они выводились из-под юридической и финансово-фискальной власти кагала, включались в общегражданскую жизнь,

[53] *Дубнов С. М.* Новейшая история еврейского народа. Т. III. М.; Иерусалим, 2002. С. 266.

[54] *Гессен Ю. И.* История еврейского народа в России. С. 47.

приобретали право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления. Правовое и гражданское значение этого было исключительно велико. По понятиям того времени, причисление к сословным группам населения — купечеству и мещанству — означало признание евреев равноправными в сословном отношении гражданами государства, а предоставление им избирательного права было вообще исключительным явлением в тогдашней Европе.

Еще более обнадеживающим было начало царствования императора Александра I. В ноябре 1802 г. был учрежден специальный «Комитет по благоустройству евреев», который подготовил подписанное императором в декабре 1804 г. «Положение об устройстве евреев». Как было сказано выше, этот документ содержал статьи, улучшавшие положение евреев Империи. Отметим только особое значение для тогдашнего еврейского сообщества реформы еврейского самоуправления. К примеру, раввинам запрещалось прибегать к наказаниям религиозного характера, преследовать своих оппонентов, в частности, хасидов. Последнее было особенно важно, поскольку это новое движение встретило острейшее противодействие среди приверженцев традиционного руководства иудейских общин — «митнагдимов». Дело доходило до проклятий и клеветы, а также доносительства петербургским властям. В этом отношении наиболее благоприятное впечатление у еврейского населения оставило короткое царствование императора Павла I (1796–1801). Напомним, что в его царствование выдающийся вождь и философ хасидизма Шнеур-Залман был обвинен в государственной измене, арестован по доносу митнагдимов, доставлен в Петербург и в результате объективного изучения дела освобожден.

Конечно, пребывание в Санкт-Петербурге, а также общение с сановниками империи в царствование Павла I и окончательное освобождение от всех обвинений Александром I произвели на Шнеура-Залмана, жителя белорусского местечка, сильное благоприятное впечатление и сформировали его позицию в отношении главного врага России — Наполеона. Несомненно, он в полной мере подпал под обаяние того, что А. С. Пушкин определил как «дней Александровых прекрасное начало».

Этому во многом способствовало и то, что надвигающаяся угроза войны с Наполеоном вынуждала правительство Российской империи считаться с настроениями подвластного еврейского населения. В частности, оно негласно отменило намечавшееся запрещение тра-

диционных промыслов, которыми евреи занимались, находясь на службе у местных помещиков, в частности, производства и продажи крепких напитков. При этом отменить исключительное право помещиков на винокурение дворянское государство не могло, да и не желало. Переселение же евреев для занятий земледелием на новых землях требовало значительных средств, которых у потенциальных переселенцев не было.

Надо сказать, что «грозу 1812 года» Шнеур-Залман заранее ожидал и даже не сомневался в ее исходе. Вот как определял он личность завоевателя: «[Наполеон] мне глубоко ненавистен, ибо он — сатана, всею силою зла противящийся добру, воплощение злобы и суровости, как отрицания милосердия и добра». «Основные свойства Наполеона — это во-первых жестокость, губительная жадность к бесконечному кровопролитию, безграничное упорство, вплоть до собственной погибели, и, во-вторых, самонадеянная гордыня, упование только на свою силу, свой ум, на свое военное искусство и счастие». Российский император Александр I, напротив, в изображении Шнеура-Залмана, являет «противоположное тому свойство — милосердие, доброта к каждому. Отсюда проистекает самоумаление, сознание того, что не следует возлагать надежды на свои личные силы, что успех даруется свыше, что сила, мудрость и разумение нисходят только от Бога, что уповать надлежит лишь на Всевышнего и его Волю … Сказанное свойство воочию обнаруживается в нашем государе. Велико его упование на Бога, его самоумаление и смирение. Когда его постигает успех, он приписывает его не себе лично, а единственно Всевышнему, и на него одного возлагает свои надежды, как это известно каждому».[55]

Показательно предание о споре между Шнеуром-Залманом и его единомышленником, известным хасидским деятелем в самой Польше р. Израилем Козеницким. Последний, напротив, был поклонником Наполеона I, желал его победы и восстановления независимой Польши. Они решили, что прав будет тот, кто в день еврейского Нового Года первым сумеет совершить трубление в рог. Предание говорит, что как ни старался его оппонент, но только он приложил рог к губам, как почувствовал, что Шнеур-Залман его опередил. Из это-

[55] *Гинзбург С. М.* Отечественная война 1812 г. и русские евреи. СПб., 1912. С. 56–57 (далее в этой главе ссылки на книгу приводятся в тексте с указанием только страниц).

го заключили, что первым была услышана Всевышним молитва Шнеура-Залмана, и участь Наполеона решена.

Шнеур-Залман был не только религиозным мыслителем, но и активным общественным деятелем, обладавшим огромным влиянием на своих последователей. Поэтому во время начавшегося похода Наполеона он обратился к ним с воззванием оказывать русским войскам всемерное содействие. Русский перевод текста этого воззвания хранился в Военно-Ученом Архиве Генерального Штаба под названием «Письмо раббина Зальмана Броховича ко всем евреям, в Белоруссии пребывающим». Перевод засвидетельствован полтавским губернатором П. Могилевским, что объясняется кончиной р. Шнеура-Залмана около г. Гадяч, Полтавской губернии.

Документ, опубликованный полностью в вышеупомянутой книге С. М. Гинзбурга, малоизвестен и поэтому весьма интересен для характеристики настроений и надежд того времени (Орфография и стиль первоисточника по возможности сохраняются):

«По разрушении в прошедшем веке еврейского царства сделались нашим отечеством те земли, в которых предки водворились. Мы, пребывающие под благословенною державою Российского Государя Императора, не только не чувствовали такого угнетения, какие в других царствах, даже и в самой Франции бывали; не нужно мне оных изъяснять: слухом земля полнится, следственно и вам известно. Но нам, в любезном отечестве нашем, России, чего не доставало? Трудолюбие и промыслы деятельных доставляли изрядные способы к содержанию наших семейств. Мы не только охранялись законом наравне с природными русскими, но и допущены были к правам и чинам, пользовались почестями и свободным оправлением веры нашей и обрядов; даже в самом царствующем граде Санкт-Петербурге, и там есть евреи и наша школа. В котором же царстве народ еврейский имеет такие выгоды? Поистине, ни в котором, кроме единой России.

Предки наши для защиты своего царства ополчались оружием, проливали кровь свою; история народа еврейского тако гласит, и в память несчастных приключений двукратного разрушения Иерусалима учредили посты, до днесь нами свято наблюдаемые. Теперь французский император Наполеон с силами союзных держав вошел разорить Россию, наше любезное отечество. Он проходил везде с оружием в руках и лестию в устах; противоборствуют

ему все народы, России подвластные, не требуя от нас личного на то участия. Никогда не наполнялись Российские войска еврейским народом. Даже в теперешнюю жестокую войну не требует от нас Российский Государь, чтобы мы стали в ряды солдатские, через что не могли бы отправлять мы свой шабаш (*субботу. — В. В.*) *и наблюдать в яствах наших, но и все бы наши еврейские обряды, строго нами соблюдаемые, нарушились, а жены мужей и дети отцов бы лишились, падающих от меча Наполеона. Между тем как оный Наполеон ложными провозглашениями о разных выгодах старается прельщать народы, страшусь я, дабы из вас, мои любезные собратья, не поскользнулись иные пути истины, я увещаю вас самим Богом, яко учитель ваш, и увещаю вас всех тем, что вам любезно и свято есть, — пребудьте верны Российскому Государю, услуживайте Его военным начальникам всеми силами, уведомляя оных тайным и поспешнейшим образом друг через друга, о войсках неприятельских, о местах, где сколько их есть, о их намерениях, словом о всем, что нашему любезному Государю Александру Первому, Его славному царству, и нашему отечеству, может содействовать. Язык еврейский, которого письмена известны единым только нам, если только вы пребудете во взаимной друг другу верности, чего я не сомневаюсь, не откроет нас перед нашим врагом, алчностью своею разорившим всю Европу и наконец вторгнувшимся для того ж и в недра России, нашего любезного отечества. Монарху Российскому и Нашему Господь да поможет побороть врагов Его и наших, поелику Он справедлив и война начата не Россиею, а Наполеоном; доказательством же того есть наглый его сюда с войском приход. А я сам учитель ваш, из приверженности к Государю Александру и Его справедливости, перед нашествием войск вражиих удалился в глубину России, сколько для своей* [*безопасности? — В. В.*], *столько же и для возможности подкреплять вас советами в духе вашем. Мужайтесь, крепитесь и усердствуйте всеми силами услуживать Российским военным командирам, которые в усердных подвигах не оставят, к возрадованию меня, извещать. Таковые услуги послужат к очищению грехов, содеваемых нами, яко человеками, против приказания Божия. Наложите на себя посты по силе вашей, усугубите мольбы к Богу о успехах российского Оружия над неприятелем общим, дабы таким образом пособить спасти свое отечество и водворить прежнее спокойствие. Тогда мы будем опять счастливы и более Госу-*

дарю нашему и россиянам любезны. Поспешите сие мое увещание списывая передавать один другому, дабы оное скорее повсюду распространилось и предупредило погибель народа еврейского. Бог Всемогущий да укрепит вас во всех качествах Ваших и добродетелях и силою Своею да поможет содействовать к защищению отечества. Десять Заповедей Господних вам то повелевают, а я усердно от вас желаю и требую» (с. 59–61).

Надо сказать, что и сам р. Шнеур-Залман принял участие в Отечественной войне, разумеется, в посильной для него и его семьи форме. В книге Гинзбурга приведено подробное описание этого, содержащееся в письме к одному из близких его сына и преемника р. Бера. (с. 61–65). Приводим лишь наиболее характерные детали. Как только стало известно о вступлении Наполеона в пределы России и продвижении его войск в Белоруссию, Шнеур-Залман твердо принял решение о необходимости покинуть Ляды, заявив: «Мне милее смерть, нежели жить под его (Наполеона) властью и лицезреть бедствие своего народа». Его не остановили ни старость, ни слабость здоровья, ни холод. Как пишет его сын, с ним вместе отправились четыре семьи его родственников, всего 28 человек взрослых и детей. В путь двинулись на двух возах, захватив только самое необходимое, бросив без всякого присмотра дом, запасы и скот на сумму 2000 руб. В пути беглецов опекали русские генералы Оленев, неделю живший в доме Шнеура-Залмана, и его начальник Неверовский. Они снабдили их соответствующими документами. По пути отступления семья Шнеура-Залмана была свидетелем стычек и боев русских с французами и, что показательно, все время радовались даже маленьким победам русских войск, которых р. Бер все время называет **«наши войска»** (! — *В. В.*). Более того, перед Смоленском генерал Неверовский лично посетил беглецов и сказал Шнеуру-Залману: «Праведный старец, скорее уезжай в Смоленск, ибо приближаются многолюдные вражеские полчища с 300 пушками». Из Смоленска пришлось двинуться на Москву в субботу. Как пишет Бер, «отец велел всем ехать,

Генерал Д. П. Неверовский

говоря, что разрешается и даже вменяется в обязанность спасать себя от губителей, хотя бы для этого пришлось нарушить субботний покой». Еврейский Новый год они встретили в Троице-Сергиеве и там узнали о битве под Можайском (Бородине). Как вспоминает Бер: «Отец подозвал меня и сказал мне: "Сын мой, я опечален этой битвою. Да смилостивится Всевышний, враг берет верх, и я думаю, что он овладеет Москвою!". При этих словах он залился слезами; я также заплакал и отошел. Однако в день Нового года он отозвал нас и сказал радостно, утешая нас: "Я сегодня во время молитвы ощутил, что свершится благоприятный для нас поворот, хотя враг и возьмет Москву, однако он не удержится, и мы будем спасены"». В дальнейшем Шнеур-Залман подтверждал свои оптимистические пророчества. Во Владимире Бер увидел кареты московских сенаторов, выехавших из Москвы, и спросил отца: «Видишь, отец, Сенат покинул Москву. Где же твое уверение, что враг вслед за вступлением в Москву погибнет?» В ответ отец обнял сына и сказал: «Ты видишь, я в молитвенном одеянии и не скажу неправды. Клянусь Всевышним, что из Москвы он пойдет не вперед, и не на Петербург, а по прежнему пути, ища продовольствия в Белоруссии, но не обретет его и вскоре погибнет. Верь мне!». Бер добавляет: «Таковы были его слова, и да сподоблюсь я так же узреть осуществление предсказания о пришествии Мессии».

Остается добавить, что они отправились далее и проехали 1200 верст через Рязань, Тамбов и Орел. Путешествие было весьма трудным испытанием для всех, тем более что в тех местах никогда не видели евреев, особенно глубоко религиозных. О языковых проблемах и говорить нечего. Бер пишет: «Много мы потерпели от холода и недостатка провизии, питались грубым хлебом с водою, жили в курных крестьянских избах. В селах нас всюду встречали насмешками и бранью; хвала Всевышнему, **заступничество начальствующих лиц спасало нас от насилия** (выделено мной. — *В. В.*)». Однако эти тяжелые испытания не изменили настроения беженцев. Узнав о начале отступления Наполеона, они «вознесли благодарственную молитву Творцу за его милость. В селе Пена они узнали, что «неприятель потерпел при Красным великое поражение и что его преследуют как пса. Радость наша была велика; все сбылось в точности».

Но радость сменилось безмерным горем. Как заканчивает письмо Бер: «Испытания и горести изнурили отца; он заболел желчью, и к тому же еще слабый старик схватил простуду. Проболев пять дней,

он скончался на исходе субботы, в 24 день месяца Тевет (ноябрь). Останки его мы перенесли в гор. Гадяч, Полтавской губернии, и там предали его Земле».

Таким образом, Шнеур-Залман жизнью заплатил за свои убеждения. А личный пример придал особую силу его призывам к русским евреям в 1812 г.

Нашествие
(Евреи России и «гроза двенадцатого года»)

Как обычно бывает, считавшаяся всеми неизбежной война с Наполеоном началась неожиданно. Однако показательно, что первое донесение императору Александру о переходе французов через пограничную реку Неман было доставлено в Вильно по так называемой «еврейской почте», существовавшей для оперативной связи между еврейскими торговцами и корчмарями. Таким образом, сразу определялась позиция еврейского населения в ходе войны с Наполеоном. Причины этого достаточно понятны и приводились выше в очерке о р. Шнеуре-Залмане. Напомним только, что особое значение имели надежды религиозных лидеров еврейства на то, что в ходе реализации либеральных намерений молодого Александра I будут удовлетворены чаяния евреев. Характерны в этом отношении слова вождя белорусских хасидов: «Когда Всевышний поможет государю, и враги его будут повержены, он наверное вспомнит о евреях, улучшит их положение их среди народных масс дарованием им всяких свобод навсегда» (с. 51). (Следует указать, что тогда слово «наверное» означало «наверняка», а не сомнение, как в современном языке.)

Антифранцузским настроениям, и не только среди евреев, способствовало также и то, что огромное войско Наполеона с самого начала в основном было ориентировано на обеспечение себя всем необходимым продовольствием и фуражом за счет местных ресурсов, т. е. посредством конфискаций у местного населения. Такое средство было эффективно для агрессора в богатых и густонаселенных странах Западной Европы, но плохо работало в сравнительно пустынных и бедных регионах Российской Империи. Поэтому мародерство и грабежи стали беспощадным бичом наполеоновской армии, губительно действовавшим на армейскую дисциплину и вызывавшим общее озлобление населения.

В любом случае, настроение евреев России имело большое значение для русской армии, поскольку военные действия проходили

в Западном крае, где проживало многочисленное еврейское население, хорошо знакомое с местными условиями. Надо отметить, что сначала у русских правительственных чиновников были большие сомнения в отношении лояльности евреев, сравнительно недавно ставших подданными империи. Конечно, в России было хорошо известно о предоставлении гражданского равноправия французским евреям в революционной Франции в 1792 г. Немалое беспокойство доставили властям и «странные» попытки Наполеона организовать Высший орган религиозного самоуправления евреев Французской империи — Синедрион. Проявляя бдительность, генерал-губернатор Москвы граф Растопчин приказал в августе 1812 г. даже выслать в Рязань временно проживавшую в Москве и Московской губернии группу евреев в составе 22 мужчин, 6 женщин и 10 детей.

Однако все опасения оказались напрасны. Услуги российским военным властям евреи оказывали еще до войны, передавая русскому командованию важную военную информацию о сосредоточении и составе наполеоновских войск. Одним из таких агентов был уроженец Белостока Гирш Альперн. В ходе разведывательной операции он во время пребывании в Варшавском герцогстве был арестован поляками и освобожден только после двухнедельного заключения. Доставленные им сведения оказались настолько ценными и важными, что он был доставлен в мае 1811 г. в Санкт-Петербург, где удостоился наград от имени самого императора. В заключение военный министр сказал ему: «Исполняя сию Высочайшую волю, мне приятно надеяться, что Вы и впредь потщитесь оказывать Ваше усердие». Таких агентов было достаточно много, и неудивительно, что тактические передвижения наполеоновской армии во время войны были известны русскому командованию.

Хотя в то время на евреев Российской империи не была распространена воинская повинность, отдельные евреи вербовались в ряды русских войск по личной инициативе. Характерный случай описан в воспоминаниях знаменитого поэта-партизана Дениса Давыдова: «Один из уланов гнался с саблей за французским егерем. Каждый раз, что егерь прицеливался по нем, он отъезжал прочь и преследовал снова, когда егерь обращался в бегство. Приметя сие, я закричал улану: “Улан, стыдно!”. Он, не отвечав ни слова, поворотив лошадь, выдержал выстрел французского егеря, бросился на него и рассек ему голову.

После сего, подъехав ко мне, он спросил меня: “Теперь довольны ли Вы, Ваше высокоблагородие?” … Странность состоит в том, что

сей улан, получив за подвиг сей Георгиевский крест, не мог носить его… Он был бердичевскмй еврей, завербованный в уланы». Характерно добавление Давыдова к описанному: «Этот случай оправдывает мнение, что нет такого рода людей, который не причастен был бы честолюбия и, следовательно, не способен бы к военной службе».[56] Вполне возможно, что подобные свидетельства способствовали распространению на евреев через 15 лет, уже при Николае I, тяжелой рекрутской повинности. Но, конечно, главное содействие русским войскам евреи оказывали разведывательными сведениями.

О прорусских настроениях евреев Белоруссии был хорошо осведомлен сам главнокомандующий М. И. Кутузов, бывший до войны губернатором края. 11 ноября Кутузов известил партизана Сеславина: «Проходя уже Белорусскую губернию, вы в жидах (напомню, что в то время наименование «жид» не носило оскорбительного характера. — *В. В.*) найдете большею частью к нам приверженных, обратите на сие внимание и, если встретите особливо усердных, то препроводите их ко мне для разведывания о неприятеле».[57] Сеславин скоро убедился в правоте Кутузова. Например, хорошо известен случай нападения его отряда на город Ошмяны, где находился сам Наполеон, едва избежавший тогда пленения. По сообщению генерала Ермолова, проводником Сеславина был «еврей, житель города, знавший о пребывании в нем самого Наполеона и ничего о том, какой дом он занимает. Еврей провел отряд через лежащие в стороне мельницы, по тропинке, покрытой глубоким снегом, едва приметной. В городе было спокойно и в совершенной беспечности. Сеславин обратился к дому, отличающемся наружностию, на обширном дворе его были толпы вооруженных людей … Дом, на который ударил Сеславин, по количеству при нем войск принят был за квартиру Наполеона, но в нем был расположен был комендант города … В отдаленном кон-

М. И. Кутузов

[56] *Давыдов Д.* Дневник партизанских действий 1812 г. Л., 1985. С. 108–109.
[57] *Попов А. Н.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 278.

М. А. Милорадович

це города была квартира Наполеона, и он под конвоем гвардии, не теряя ни минуты, отправился в Вильну» (с. 77).

Удивительнее всего для властей было то, что многие евреи, оказывая важную помощь русской армии, делали это совершенно бескорыстно. Газета «Северная пчела» (№ 104 от 28 декабря 1812 г.) сообщала: «Один из евреев, явясь к командовавшему авангардом г. генералу от инфантерии Милорадовичу, предложил ему свои услуги. Добрая воля его не была отринута, и он тотчас был употреблен с собранию некоторых сведений; а дабы приохотить его к тому более, упомянутый генерал, по известной щедрости своей, приказал выдать ему несколько денег. Но еврей, уклоняясь от сей милости, сказал: «Теперь такое время, Ваше превосходительство, что и евреи должны служить без денег». Последние слова оправдали ревность сего доброго Израильтянина, и он во всей точности выполнял свое дело» (с. 78). Не надо забывать, что разведывательная деятельность была крайне опасной и пойманных русских агентов немедленно расстреливали. Поэтому весьма справедливы слова полковника Бенкендорфа, который, высоко ценя заслуги евреев — русских разведчиков, отмечал, что они заслуживают «тем большей похвалы, что они должны были опасаться мщения французов и польского населения». Многие разведчики, отлично сознавая угрожавшую им опасность, отправлялись на выполнение задания с саванами, а семьи оплакивали их как покойников.

На занятых французами территориях евреи с риском для жизни укрывали русских курьеров, солдат и офицеров. С другой стороны, нередко евреи даже под угрозой смерти отказывались быть проводниками для французов. Например, в Шклове был повешен еврей по имени Энтингон. В ответ на требование провести французский отряд к Могилеву, он категорически заявил, что это противоречит заповедям Божьим.

Еврейская помощь русским была тем более ценна, что местное католическое польское и полонизированное население, в том числе и крестьянское, было на стороне оккупантов. Вот характерное донесение: офицера Саблукова из Шклова 12 (24) ноября 1812 г.: «кре-

стьяне здешние возмутились и большая часть пошла за армиями (то есть за отступившим неприятелем), а оставшиеся здесь жиды показывают к нам неложную приверженность».[58] Еще более показательно донесение генерала Витгенштейна царю 26 октября (6 ноября): «По распоряжению Кутузова, в Витебской губернии было оставлено Тульское ополчение «для надзора и укрощения зловредных замыслов многих из обывателей». При этом «злобные поляки» якобы «двоекратно покушались истребить ополчение», но извещение полным кагалом жидовским о сем покушении спасло ополчение» (с. 279).

В последний период войны евреи Белоруссии и Литвы особенно много терпели от грабежей и насилий бежавших к границам французов. От бесчинств мародеров пострадало много синагог, а на еврейском кладбище в Вильно было уничтожено множество памятников и устроено пастбище для лошадей. Появление русских войск также могло сопровождаться эксцессами, но хотя бы означало установление стабильности и порядка. Неудивительно поэтому, что русские офицеры вспоминали, что поляки вспоминали их «как победителей, жиды же как спасителей. Более того, у города Лепель и у деревни Талеханы близ Пинска евреи по собственной инициативе восстановили для наступавших русских войск деревянные мосты, разрушенные французами.[59]

В настроениях евреев — подданных Российской империи французы скоро убедились сами, о чем в мемуарной литературе сохранились откровенные признания. Приведем только самое характерное свидетельство взятого в плен французского офицера генерального штаба русскому генералу Ланжерону: «Как мы можем знать что-нибудь, когда в качестве шпионов мы можем употреблять только евреев, а они все за вас!». «Он был прав, — замечает по поводу этих слов генерал Ланжерон, — евреи были нам привержены, и для французов они могли быть опасными шпионами; они могли скорее обмануть их, нежели исполнить возложенную на них обязанность (с. 84). Такая преданность евреев русским интересам однажды была использована французами, что привело к трагическому эпизоду. Это случилось при подготовке к переправе остатков французской армии и самого Наполеона через реку Березину. Тогда казалось, что гибель и пленение его абсолютно неизбежны, поскольку французы практически

[58] *Попов А. Н.* Великая армия в России… С. 304.
[59] *Прайсман Л.* История евреев России. М., 2005. С. 118–119.

были окружены русскими войсками. Но, зная настроения евреев, французский маршал Удино собрал группу евреев г. Борисова и стал расспрашивать о бродах через Березину, давая понять, что переправа французов будет происходить у местности, именуемой Игумен. При этом он стал вербовать проводников, а затем отпустил всех, приказав хранить все услышанное под строгим секретом, сознательно рассчитывая, что это будет немедленно сообщено русским. Расчет оказался точным. Три еврея из Борисова немедленно явились к русскому командующему Чичагову и передали ему все услышанное. Произошло передвижение русских войск указанному месту, оставившее открытым район действительной переправы у Студенки. После случившегося ярость сухопутного адмирала Чичагова была безмерна. Он обвинил трех евреев-патриотов в обмане, и они были по его приказу повешены как предатели. Так что эти трое пополнили собой немалый список евреев, своей жизнью заплативших за преданность Российскому государству в Первую Отечественную войну.

Следует указать, что в высшем российском руководстве понимали значение настроений еврейского населения для войны с Наполеоном. Достаточно указать, что в 1812–13 гг. при императорской главной квартире постоянно находились два еврея — Зундель Зонненберг и Лейзер Диллон, носившие титулы «депутатов еврейского народа». На них были возложены обязанности координировать деятельность кагалов и других еврейских учреждений по оказанию содействия русской армии, а также быть посредниками между евреями и центральными властями. Через них передавались указания и инструкции российских властей, а также решались вопросы снабжения армии и сбора пожертвований от еврейского населения. Об эффективности их работы свидетельствует сохранившийся похвальный лист Зонненбергу и Диллону от начальника генерального штаба князя П. Н. Волковского. Они сопровождали русскую армию за пределы России, и 29 июня 1814 г. получили аудиенцию у императора Александра I, который выразил «еврейским кагалам свое милостивейшее расположение и повелел, чтобы та же депутация или подобная отправилась в Петербург, дабы там, во имя проживающих в империи евреев, выждать и получить выражение высочайшей воли и определение относительно их верноподданейших пожеланий и просьб касательно современного улучшения их положения».[60]

[60] *Гессен Ю. И.* История еврейского народа в России. С. 177.

Одной из причин этих милостивых слов было то, что евреи много жертвовали на нужды армии. Сообщения о пожертвованиях сохранились в сообщениях из кагалов и от отдельных евреев Екатеринослава, Люцина, Витебска, Могилева, Шклова, Минска, Петербурга, Житомира и других городов. В Лепеле Витебской губернии еврейская община взяла на свое попечение 6 раненых русских солдат, выброшенных французами из лазаретов, и тем самим спасла им жизнь (с. 85–86). Богатый банкир, откупщик и общественный деятель А. И. Перец (1770–1833) даже вложил все свое состояние в снабжение русской армии. Поскольку казна задерживала платежи, он разорился и обанкротился. В результате его имущество было продано за 1,5 млн руб., в то время как задолженность ему казны составляла 4 млн руб. (кстати сказать, его старший сын Григорий впоследствии принимал участие в декабристском движении и был осужден на вечную ссылку).

Война с Наполеоном самым губительным образом сказалась на экономическом положении евреев, проживавших на театре военных действий. Как было упомянуто выше, главной причиной общего разорения еврейского населения Белоруссии и Литвы были грабежи французских войск как при наступлении, так и при беспорядочном бегстве. К тому же, конечно, не следует воспринимать отношения евреев с русской армией как сплошную идиллию. Казаки и башкиры, преследовавшие французов, не всегда разбирали, кого грабить, и, безусловно, евреи не были привилегированным исключением. Впрочем, доставалось и христианам. Например, граф Растопчин в письме императору Александру I писал: «…Бесчинства армии (русской. — *В. В.*) дошли до такой степени, что 15 числа (декабря 1812 г.) здешний священник отказался служить обедню, потому что за два дня перед тем, во время службы, человек 20 солдат пришли грабить церковь» (с. 113). Правда, бывало и так, что отдельные евреи вознаграждали себя за счет казаков. Например, в занятой русскими войсками Вильне они скупали то, что те награбили у французов, за фальшивые русские облигации, в изобилии напечатанные по приказу Наполеона перед вторжением.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Тогдашнее русское общество плохо представляло себе еврейское население западных губерний, и нередко вступление русского отряда сопровождалось оскорблениями и обидами. Но при этом, как пишут мемуаристы, офицеров нередко поражала красота еврейских женщин. Вот вос-

поминание одного офицера: «К вечеру прибыли мы в местечко Неменчино, откуда осталось 30 верст от Вильны. Мы остановились ночевать, дабы доехать в Вильну днем. Хозяин корчмы, где мы остановились, был жид. Он имел двух прекрасных дочерей, из которых старшая называлась Белла. Брат Михайла весь вечер ухаживал за ней с Колошиным». Эта красавица прославилась тем, что ее удостоил поцелуя император Александр, когда проезжал через это местечко. Как отмечает далее историк С. М. Гинзбург, именно со времени похода 1812 г. в русской литературе появляются стереотипные сюжеты о красавице-еврейке и грязном «жиде», продающем всё за деньги, но мешающем счастью дочери, оценившей блага жизни в христианском обществе (с. 113). При этом преклонение перед еврейской красавицей не мешало порой подвыпившим гулякам-офицерам оттаскать за пейсы корчмаря — ее отца или брата.

Многочисленные разноплеменные воины Великой армии сразу же почувствовали пренебрежительное отношение многих русских офицеров к «жидам». В мемуарах сохранились воспоминания бывших пленных о временном проживании в еврейских домах. У хозяина-еврея можно было безнаказанно воровать живность и продукты, зная, что жаловаться ему некому. Особую проблему создавало нарушение пленными ритуальных обычаев, прежде всего пользование посудой, при приготовлении в ней некашерной пищи становящейся непригодной для религиозного еврея. Не считаясь с религиозными чувствами хозяев, пленные силой брали для приготовления пищи ту посуду, которая им приглянулось, отлично зная, что в случае сопротивления хозяев могли рассчитывать на помощь конвоиров. Вот характерный пример из воспоминаний одного пленного: «В Бобруйске мы получили порядочную квартиру у одного еврея. Здесь у нас вышла ссора с нашим евреем: он не позволял нам развести огонь (была суббота. — *В. В.*) и не давал посуды для варки пищи, покуда мы не позвали нашего конвойного офицера, который несколькими ударами кнута приучил его к порядку» (с. 117).

Бывали и другие издевательства над еврейскими религиозными обычаями. Например, было замечено, что на дверном косяке каждого еврейского дома прикреплена записочка на еврейском языке (речь идет о *мезузе* — кусочке пергамента с написанными стихами из Второзакония). Некоторые французы стали утаскивать эти записочки и возвращать их только за водку. Такие факты вызывали у еврейского населения озлобление против пленных, хотя в воспо-

минаниях спасшихся имеется и много примеров помощи солдатам и офицерам Великой армии в последний период кампании.

Тем не менее, евреи радостно приветствовали возвращение русской армии. Как писали тогда русские газеты, «при вступлении армии нашей в Белоруссию примечена была в евреях чрезвычайная всеобщая радость». Императора всюду встречали еврейские депутации с хлебом и солью. Торжественные благодарственные богослужения состоялись в Бердичеве, Минске, Ковно, Люцине, Екатеринославе, Житомире и других городах. О преданности еврейского населения России сохранилось много свидетельств, привести которые нет возможности. Процитируем только самое любопытное — запись в дневнике великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I, чье царствование оставило мрачный след в истории евреев Российской империи: «Удивительно, что они (евреи) в 1812 г. отменно верны нам были и даже помогали, где только могли, с опасностью жизни» (с. 125).

Еще более конкретно и проникновенно свидетельствовал о преданности евреев русскому делу знаменитый Денис Давыдов: «…все евреи, обитавшие в Польше (т.е. Белоруссии и Литве) были столь преданы нам, что во все время не хотели служить неприятелю в качестве лазутчиков и весьма часто сообщали нам важнейшие сведения о нем». Заняв Гродно, Давыдов издал следующее уникальное для того времени распоряжение:«Приказываю всем и во всем относиться к еврейскому кагалу. Зная преданность евреев к русским, я избираю кагального в начальники высшей полиции и возлагаю на него ответственность за всякого рода беспорядки, могущие возникнуть в городе… Дело кагального выбрать себе из евреев помощников. … Кагальный должен помнить и гордиться властью, которою я облекаю его и евреев, и знать, что ревность его и усердие их будут известны высшему начальству» (с. 126).

Остается добавить, что тогда, после победы над Наполеоном, на высшее начальство Российской империи возлагали самые светлые надежды не только евреи, но и все российское общество.

После победы
(Странные последствия Отечественной войны)

Грозное нашествие огромной армии, собранной фактически со всей Европы, во главе с великим полководцем Наполеоном закончилось через полгода практически полным ее уничтожением. В ре-

зультате, как писал Пушкин, «…скоро силою вещей мы очутилися в Париже, / А русский царь главой царей».[61] Как обычно бывает после удачной войны, наступило время ожидаемых милостей и наград.

К сожалению, одушевлявшие вождя хасидов Шнеура-Залмана надежды на то, что после победы государь вспомнит о своих верных подданных-евреях и улучшит их положение, не оправдались. Правда, евреи оказались не единственными, кто был обделен царскими милостями. В императорской России все награды достались дворянскому сословию, а основная масса российского крестьянства, вынесшая всю тяжесть этой войны и мечтавшая о свободе, возвратилась в прежнее крепостное состояние. В «Манифесте об окончании войны» от 10 августа 1814 г. после сообщения о дарованных высшим сословиям государства милостях об этом сказано откровенно: «Почтенное мещанство и крестьяне, которые трудолюбием своим извлекают из земли первоначальную для всех пищу, из среды которых исходит воин на защиту Отечества, и которые в самое грозное время самолютейшей войны показали дух православия, верности и мужества, едва ли когда имевший пример в бытописаниях; крестьяне, верный наш народ, *да получат мзду свою от Бога*» (с. 132).

Что касается евреев России, особенно пострадавших экономически от разорения в ходе военных действий как во время наступления французской армии, так и во время ее бегства, то положение их стало просто отчаянным. После войны, в которой они верой и правдой служили России, они не только не получили никакой помощи от правительства, но и стали подвергаться еще большим правовым ограничениям. Правда, нельзя сказать, что император сразу же забыл об обещаниях, данных находившимся при его Главной Квартире «депутатам еврейского народа» Зонненбергу и Диллону. В этом императора поддерживал и его друг князь А. Н. Голицын, назначенный министром духовных дел и народного просвещения. Сохраняя приверженность принципу веротерпимости, было решено даже создать постоянное представительство евреев в Петербурге, для чего были проведены выборы кагалов губерний черты оседлости. В конце концов, в Петербурге для постоянного присутствия были выбраны три еврейских представителя. Более того, в первое время после победы над французами император в сотрудничестве

[61] *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Л., 1954. С. 232. («Малая серия Библиотеки поэта»).

с Голицыным принял ряд постановлений, благоприятных для еврейского населения империи. В 1814 г. Александр поддержал принятый Сенатом и Государственным советом закон о правомочности евреев выступать свидетелями на суде. Гораздо более важным было решение по возникшим в городах Царства Польского обвинениям евреев в ритуальных убийствах. После аудиенции у императора, где еврейские представители объяснили обстоятельства дела, князь Голицын в 1817 г. разослал губернаторам циркуляр с выражением воли Александра запретить обвинять евреев в убийстве христианских детей «без всяких улик, по единому предрассудку, что якобы они имеют нужду в христианской крови». Были и другие постановления в пользу справедливого решения вопросов, касающихся евреев, но в целом они общей тенденции не меняли. Вполне возможно, что в условиях господства в империи помещичье-крепостнической системы Александр, помня судьбу своего отца Павла I, просто не решался на серьезные решения, хотя и понимал их необходимость. Этим же можно объяснить и усиление у него к концу царствования мистическо-клерикальных настроений.

Тем временем императорская бюрократия все чаще вспоминала прежние ограничительные меры против лиц иудейского вероисповедания и придумывала новые. Постоянно урезались права евреев на занятие различными промыслами и пользование местами торговли. Постепенно сокращалась территория, где евреям разрешалась поселения. В 1821 г. запрещение было распространено на Лифляндию и Курляндию, в 1825 г. на Астраханскую губернию и Кавказскую область, и тогда же было предписано выселить евреев, кроме имеющих там недвижимость, из 50-верстовой полосы вдоль границы во всех пограничных губерниях. Последняя мера объяснялась обвинениями евреев в контрабанде. Кроме того, вспомнили об указе о выселении евреев из деревень черты оседлости в города и местечки, якобы для ограждения крестьян от «еврейской эксплуатации». Положение выселенцев было ужасным. Как сказано в официальном донесении, «евреи стекались в города и местечки почти в рубищах, помещались по 15 человек в одной комнате, задыхались от недостатка воздуха, иные жили на улице, на холоду, ютились в синагогах, между ними стали развиваться болезни и смертность». В ответ на предложение встревоженного губернатора Белоруссии князя Хованского приостановить выселение Комитет министров признал только необходимым немедленно ассигновать на медицинскую помощь переселен-

цам 5000 рублей (с. 136–137). Сохранилось достаточно донесений русских чиновников, причем самого высокого уровня, о бедственном положении еврейского населения.

При создавшемся положении у мистически настроенного императора возник удивительный проект спасения «заблудших» душ его иудейских подданных и одновременно их улучшения благосостояния. К этому его подтолкнула, в частности, деятельность английского протестантского миссионера Льюиса Вея (1773–1840). О жизни Вея сохранились примечательные сведения. Начав карьеру адвоката, он неожиданно получил от незнакомого лица по завещанию огромное состояние с пожеланием действовать «во славу Божию». Выздоровев от поразившей его тяжелой болезни, он оставил адвокатуру и посвятил себя богословию. Однажды, проезжая мимо дубовой рощи в Девоншире, Вей узнал, что весьма расположенная к евреям хозяйка имения завещала не трогать эту рощу, пока народ Израиля не вернется в Святую землю. После этого Вей посвятил свою жизнь и деятельность евреям, причем категорически протестовал против обращения иудеев в христианство методами принуждения. Хотя он искренне и горячо желал того, чтобы после возвращения в Землю Обетованную евреи искренне уверовали в догматы христианства, все же до этого, по его убеждению, надо всемерно способствовать улучшению их тогда повсеместно в Европе приниженного правового и материального положения.

Лично познакомившись в разных странах, в том числе и в России, с состоянием еврейских общин, он решил обратиться к тогдашним властителям мира со своими предложениями. Воспользовавшись проходившим осенью 1818 г. в Аахене Конгрессом европейских монархов и их представителей, Вей постарался лично встретиться прежде всего с Александром, под скипетром которого проживало тогда большинство евреев Европы. С согласия императора он подготовил записку о реформе положения евреев в Российской империи. Затем он подготовил меморандум, содержащий самые широкие меры во уравнению евреев в правах с другими гражданами.

Вот только некоторые из его предложений, опередивших свое время на многие десятилетия:

- Одинаковые права с остальным населением, если пороки евреев или местные обстоятельства не побудят ввести ограничения; в таком случае эмансипация может совершаться постепенно, но следует установить заранее сроки.

- Отмена всяких пошлин на право жительства в известных местностях или улицах.
- Обложение одинаковыми налогами.
- Допущение к общественным должностям.
- Наделение евреев для хлебопашества землей, которую они должны сами возделывать, освобождение землевладельцев от податей на известное число лет; ссуды бедным семействам для обзаведения.
- Право собственности без всяких ограничений.
- Свободный доступ во все учебные заведения, учреждение первоначальных школ для евреев на их собственные средства, а также средства неевреев; разрешение евреям содержать особые школы для религиозного образования; введение взаимного обучения; возможность для евреев первое время поступать бесплатно в христианские училища.
- Равенство перед законом, одинаковые права и обязанности — вот от чего нельзя отказаться при стремлении к слиянию еврейской народности с другими нациями.

Показательна исходная аргументация Вея, основанная на изречениях из Библии. Исходя из признания что евреи — царственная нация, что в еврейском народе таится ключ к пониманию всемирной истории, он утверждал, что все народы земли, получившие спасение через евреев, должны оказывать им величайшие почести и благодеяния.[62] Александр лично познакомился с этими документами и настоял, чтобы собравшиеся на конгрессе дипломаты их обсудили. После обсуждения конгресс 21 ноября 1818 г. опубликовал протокол, в котором было сказано, что, не совсем разделяя исторические построения, все же отдается должное величию цели Вея. В целом же, никакого практического значения тогда ходатайства Вея не имели.

Однако Александр, получивший их от самого Вея, во время визита его в Россию в 1817 г., решил активизировать свой оригинальный путь решения еврейской проблемы. По его распоряжению еще 25 мая 1817 г. был опубликован указ об учреждении «Общества Израильских Христиан» «для призрения и обеспечения евреев, принявших христианство», причем покровителем Общества становился сам император. Членами общества могли быть евреи, принявшие любое из христианских исповеданий, т. е. не обязательно господ-

[62] Вей Людвиг (Льюис) // Еврейская энциклопедия. Т. 5. Стб. 367–370.

ствующее в империи православное. Обществу отводились от государства «земли безденежно, в вечно-потомственное владение» для усадьбы и домашнего хозяйства. На этой дарованной земле членам Общества было предоставлено право «заводить всякого рода селения, местечки и города, сообразно их состоянию и способам». Им разрешались даже самые прибыльные занятия: «варить пиво, курить хлебное вино, делать разные водки и другие напитки».

Удивительна была и организация самоуправления планируемых поселений, причем в условиях бюрократической самовластной империи. Члены общества могли осуществлять самоуправление посредством выбора начальников и заседателей с самыми широкими судебными полномочиями. Выбранное правление имело право создавать свою собственную полицию, без согласия членов общества никто не имел права поселяться на его землях.

Для предотвращения нежелательной конкуренции никто — ни отдельные посторонние лица, ни даже казна — не имел права открывать на территории общества питейные дома и корчмы. Но при этом члены Общества, наряду с широкой автономией, сохраняли все преимущества граждан государства. Они могли по всей территории Российской империи «отправлять внутреннюю и внешнюю торговлю, производить всякие ремесла, художества и промыслы, иметь дома, лавки, заводить и содержать фабрики и заводы, не записываясь ни в гильдии, ни в цехи». От налогов они освобождались в течение двадцати лет, и одновременно они и их потомство освобождались от всякого рода службы как гражданской, так и военной, если добровольно не захотят сами вступить в нее. Все их селения и дома освобождались от всякого рода обременительных повинностей — постоя войск, содержания почт, предоставления подвод и т. д.

Членами общества могли быть и принявшие христианство иностранные евреи с сохранением права в случае желания покинуть Россию. Более того, Общество получало неслыханные ранее привилегии экстерриториальности. Всеми его делами должен был ведать учреждаемый в столице «Комитет опекунства Израильских христиан», который должен был докладывать обо всех проблемах императору через посредство министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына. Примечательно и постановление о том, что Общество «будет в зависимости токмо от учрежденного для опеки над оным в Санкт-Петербурге Комитета, коему одному давать будут отчет в делах своих; посему никакое местное начальство там, где

Общество то водворится, не будет иметь никакой власти над оным и вмешиваться в дела его».

Таким образом, как справедливо отмечается в книге С. М. Гинзбурга, Общество, составленное из перешедших в христианство евреев, получало больше привилегий и прав, чем даже свободные от крепостной зависимости люди православного вероисповедания. Помимо дарования земли, полного самоуправления, освобождения от податей и всяких повинностей, независимости от местных властей, члены Общества получали право держать в Санкт-Петербурге одного из своих сочленов в звании поверенного или агента, как будто речь шла об иностранной державе. Неудивительно, что этот проект поразил современников, поскольку ни одна группа переселенцев не получала таких привилегий (с. 139–141).

Вообще говоря, различных проектов и прожектов в Российской империи возникало много, но этот отличался тем, что сразу же были предусмотрены для его реализации соответствующие ассигнования. Для руководства текущими делами Общества был сформирован «Комитет Опекунства», и на его содержание, в частности на жалование чиновников канцелярии, на их командировочные и на письменные принадлежности, было предусмотрено выделение из казначейства «на первый случай» 10 000 рублей. Для непосредственной реализации проекта 19 декабря 1819 г. для первоначального поселения «Общества израильских христиан» в Екатеринославской губернии (Екатеринослав — ныне Днепропетровск) было выделено 26 000 десятин и учреждена должность «попечителя Общества израильских христиан в Екатеринославской губернии» с окладом 4000 рублей в год плюс 2000 рублей на разъезды и канцелярию. Местным губернским властям было предложено оказывать попечителю всяческое содействие. Для оповещения еврейского населения о щедрых льготах и высочайшем покровительстве тем, кто пожелает стать «израильскими христианами», были широко опубликованы объявления также на немецком и польском языках, более доступных и понятных евреям того времени, чем русский язык.

Конечно, открыто не объявлялось, что Общество имеет миссионерские цели, однако официальный историк русского законодательства о евреях князь Н. Н. Голицын[63] прямо указывает: «миссионерский характер этого закона не подлежит сомнению. Набор

[63] *Голицын Н. Н.* История русского законодательства о евреях. СПб, 1886.

желающих в общество были совершенно в области компетенции миссионерской деятельности. Огромные выгоды, предлагаемые прозелитам, это попечение и устройство, даровой надел и попечительство государя — не могли не играть роли *приманки* (курсив источника) для желающих обратиться в христианство». (Гинзбург, с. 142).

Однако скоро оказалось, что проект провалился, хотя в то время положение евреев Белоруссии было исключительно тяжелым, ввиду начавшегося принудительного выселения их из деревень и общего обеднения крестьянского населения. Многие из наиболее бедствующих действительно пытались обосноваться в Новороссии. Однако царские приманки не действовали. Вот характерный пример того контингента переселенцев, которые пытались воспользоваться царским начинанием. О. Лернер в своей работе «Евреи в Новороссийском крае» приводит сообщение канцелярии Новороссийского генерал-губернаторства о том, что в 1823 г. было рассмотрено ходатайство 38 семейств израильских христиан, претендовавших на поселение на отведенных Обществу землях. Однако после проверок выяснилось, что «у многих не оказалось не только видов на жительство, но даже свидетельств о крещении. … В конце концов просьба их была отклонена ввиду недоказанности непосредственного перехода из еврейства в христианство» (с. 142).

То, что проект потерпел полный крах, скоро стало ясно и властям; уже в 1824 г. князь Голицын предложил упразднить Комитет Опекунства израильских христиан. Александр — видимо, «для спасения лица» — не согласился с официальным роспуском Комитета, но распорядился приостановить его деятельность, а выделенные обществу земли негласно частично передать Министерству внутренних дел, а частично — на сдачу в аренду (на оброк). Общество формально продолжало существовать и после вступления на престол Николая I, который только в 1833 г. приказал его упразднить. Оказалось, что за все время своего существования, говоря тогдашним языком, на поселение не было «водворено» **ни одного израильского христианина**. Особенно примечательно то, что после введения в 1827 г. Николаем I для евреев жестокой рекрутчины никто не воспользовался возможностью избежать ее, записавшись в «израильские христиане».

Неудача предприятия оказала, очевидно, влияние и на отношение императора в конце его жизни к евреям и объясняет некоторые его поступки, носящие характер мелочных придирок. Так, заметив

во время посещения Уральского края на заводах заметное число работавших там евреев, он 19 декабря 1824 г. предписал министру финансов, чтобы евреи «отнюдь не были терпимы, как на казенных, так и на частных заводах в горном ведомстве, равно и в Екатеринбурге ни проездом, ни жительством». Второй случай выглядит еще более показательным. Проезжая деревню Раковичи, около Луги, государь, «усмотрел» еврейское семейство, о чем потребовал у санкт-петербургского гражданского губернатора объяснений, «откуда сии жиды прибыли, с которого времени они там поселились, по какому позволению, под каким видом и чем занимаются». Встревоженный губернатор сообщил императору, что, по данным лужского исправника, «они прибыли туда в августе месяце 1824 г. с … паспортами, выданными из Люцинского уездного казначейства, и занимались деланием жестяной посуды, а в первых числах сентября, по случаю бывшего тогда еврейского праздника, были у них разные проезжие евреи». Добавим от себя, что именно тогда они случайно попались на глаза проезжавшему императору. Далее, в донесении губернатора сообщается об оплошности исправника, поскольку по Высочайше утвержденному 9 декабря 1804 г. Положению о евреях «дозволяется из них ремесленникам и художникам приезжать для совершенствования в художествах или для показания особливого искусства в ремеслах и фабриках на известное время во внутренние губернии и даже в столицы, но не иначе, как **по паспортам губернаторов** (выделено мной. — *В. В.*)». Далее говорится, что «предписано Лужскому земскому исправнику вышеозначенное жидовское семейство немедленно из уезда выслать, а за допущение проживания без губернских паспортов сделать сему исправнику строгий выговор с подтверждением как ему, так и всем гражданским и земским полициям Санкт-Петербургской губернии, дабы правила о евреях во всей точности были исполнены».

Разумеется, политикой мистически и реакционно настроенного в конце жизни Александра были недовольны не только евреи (точнее, иудеи). Как сказано в письме видного общественного деятеля того времени В. Н. Каразина министру внутренних дел графу Кочубею в 1820 г.: «Не только все состояния народа, но все вероисповедания как будто нарочно оскорбляются и раздражаются. …Все недовольны, и, к сожалению, весьма справедливо. …Оскорблены полтора миллиона (если не более) евреев, пребывающие в Российской империи». Этому вторит даже вышеупомянутый историк рос-

сийского законодательства по еврейскому вопросу Голицын, в целом настроенный достаточно юдофобски: «Нельзя отрицать, что за это время евреям суждено было выносить страдания и что текли еврейские слезы» (с. 143–144). Такова была царская «благодарность» верноподданным евреям за преданность во время «грозы двенадцатого года»

К сожалению, в царствование Николая I, восшедшего на престол после смерти Александра и подавления восстания декабристов 14 декабря 1825 г., правительство ограничивалось в основном только полицейским подавлением всякого недовольства. «Дней Александровых прекрасного начала» — уже Александра II — евреям Российской империи, как и всему российскому обществу, пришлось ждать тридцать лет. Тем не менее, интересно отметить, что наряду с провалом «Общества израильских христиан», практически одновременно в той же Новороссии в самых тяжелых и неблагоприятных условиях состоялось возникновение и даже развитие еврейских земледельческих колоний, которые основали и развивали евреи, сохранившие веру предков. Но это уже совсем другая история.

5.5. Царствование Николая I

Николай I

Царствование Николая I (1825–1855) стало переломным в отношении трансформации внутренней жизни еврейского мира России, охватывавшего тогда больше половины еврейского населения всего мира. Анализируя действия и законодательные акты его правительства, приходится признать, что оно чувствовало кризис прежней абсолютистско-крепостнической системы, но не имело достаточно воли, чтобы ее радикально изменить. Все это проявилось в непоследовательных, часто противоречивых, но всегда по-военному

неукоснительно жестких, а зачастую жестоких императорских указах и распоряжениях. Все это в полной мере отразилось на политике Николая в отношении евреев. Император полагал, что главным препятствием в деле «слияния» их с общим населением империи является укоренившийся религиозный фанатизм. Для его преодоления — наряду, конечно, с другими причинами — царь в 1827 г. принял решение о распространении на евреев натуральной рекрутской повинности. Поскольку эта мера имела важное значение для еврейского мира того времени, на ней следует остановиться особо.

Еврейская рекрутчина

Первая успешная попытка привлечь еврейское население к военной службе была предпринята всесильным фаворитом Екатерины II, светлейшим князем Григорием Александровичем Потемкиным-Таврическим. Вдохновленный успехами в присоединении к Российской империи Крыма и Новороссии, он стал помышлять о дальнейших завоеваниях в азиатской Турции. Существует даже мнение, что замыслы его дошли до провозглашения сионистской идеи. В контексте подготовки этого он создал «еврейский казачий полк и назвал его Израилевский». Для маскировки своих намерений он прибег к несколько комической демонстрации этого полка перед иностранными наблюдателями в декабре 1787 г. в Елисаветграде (ныне Кировоград). Замыслы светлейшего были оборваны его смертью в 1791 г., но сама история полка имела свое продолжение за пределами России.[64]

Как было указано выше, после окончательного раздела Польши в 1794 г. под властью Российского императора оказались многочисленное еврейское население, которое в целом оказало большое содействие русской армии в период Отечественной войны 1812 г., что было отмечено императором Александром I. Как отмечает автор важного исследования «Евреи в русской армии» Й. Петровский-Штерн, «Евреи России накануне 1827 г. обладали единой системой социоэкономических и культурных ценностей, восходящих к польскому еврейству предыдущего столетия. Они доминировали в экономической и торговой жизни городков и местечек западных губерний, выступали важнейшим торгово-экономическим партнером крестьянства в сельских местностях Несмотря на различие в эко-

[64] *Новокшонов Д. Е.* Бородатые еврейские казаки Светлейшего князя Потемкина-Таврического // Клио. СПб., 2011. № 7 (58). С. 109–114.

номическом и социальном статусе, их можно представить как единую сословную группу».[65] Однако правовое положение еврейского населения в отношении военной службы оставалось неопределенным. Точнее говоря, до 1827 г., уже в царствование Николая, евреи в России, как и некоторые другие сословия, не отбывали воинской повинности натурой, а вместо этого были обязаны платить особый рекрутский налог.

Указ, подписанный 26 августа 1827 г., обосновывался стремлением правительства уравнять рекрутскую повинность для всех состояний, и даже говорилось, что «образование и способности, кои приобретут евреи на военной службе, по возвращении их, после выслуги узаконенных лет (25 лет! — *В. В.*), сообщатся их семействам для вящей пользы и лучшего успеха в их оседлости и хозяйстве».

Надо сказать, что передовые представители тогдашнего русского общество положительно оценили этот указ и его последствия. Возражая Чаадаеву, упрекавшему в своем труде русскую жизнь в средневековой неподвижности, анонимная читательница, по всей вероятности придворная дама, пишет в письме (1836 г.) философу: «Я слышала, как однажды после пасхальной заутрени Государь сказал часовому во дворце. "Христос воскрес!" — "Нет, — ответил часовой, — я еврей!"… Кто же неподвижен?»[66] Известный историк Т. Н. Грановский отозвался по этому поводу даже такими словами: «Указ, который великодушно открыл им (евреям) поприще военной славы и отличий в русских рядах и был первым шагом к важнейшим благодеяниям закона, изданного в нынешнем году, должен навсегда упрочить их судьбу. Нынче от них зависит их благоденствие».[67] Для сравнения приведем отношение польских патриотов к этому вопросу. Когда во время восстания 1830 г. группа еврейской молодежи пожелала с оружием в руках защищать польское дело, военный министр повстанцев Моравский ответил: "Мы не позволим, чтобы еврейская кровь смешалась с благородной кровью поляков. Что скажет Европа, узнав, что в деле завоевания нашей свободы мы не могли обойтись без еврейских рук?»[68]

---

[65] *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии: 1827–1914. М., 2003. С. 31.

[66] *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. М., 1991. Т. 2. С. 474.

[67] *Грановский Т. Н.* Судьбы еврейского народа // Собрание сочинений. Т. 1. Москва. 1892. С. 182

[68] *Дубнов С. М.* Евреи в России в эпоху европейской реакции // Евреи в Российской империи в XVIII–XIX веках. М.; Иерусалим, 1995. С. 405.

Однако в еврейских общинах указ о распространении рекрутчины на еврейское население вызвал панический ужас Были предприняты все меры для отмены или хотя отсрочки его исполнения. Религиозная и экономическая элита еврейских общин использовала для этого все возможности, прежде всего финансовые, для подкупа правительственных чиновников. Как справедливо указывает Петровский, ужас вызывала не столько сама рекрутчина, сколько сознание того, что нарушается привычный, веками сложившийся уклад религиозной и социальной изоляции еврейского бытия. Но тем не менее, как оказалось в дальнейшем, «армия приблизила к евреям русскую историю, сделав их полноправными участниками русского исторического процесса. …Для еврейского рекрута начиналась совершенно иная жизнь».[69]

Но, безусловно, чем бы ни вызывалась политика правительства Николая I, она зачастую характеризовалась жестоким и бюрократическим подходом. Например, формально стремясь покончить с «отсталым», по мнению императора, традиционным еврейским бытом, на евреев возлагали особую дополнительную повинность.

В прилагаемому к указу «Уставе рекрутской повинности» содержались положения, полностью противоречащие заявлению об уравнению всех сословий. Например, в восьмой статье говорилось: «Евреи, представляемые обществами при рекрутских наборах, должны быть (в возрасте) от 12 до 25 лет». Далее разъяснялось: «Евреи малолетние, т. е. до 18 лет, обращаются в заведения, учрежденные для приготовления к воинской службе». Вообще говоря, малолетние рекруты (кантонисты) существовали и ранее, но это были только дети солдат, находящихся на действительной службе. Однако малолетние рекруты-евреи должны были призываться из всех семейств без различия, и при этом указывалось, что сроки приготовительной службы не зачитываются в общий срок военной службы, которая начинается с 18-летнего возраста. Иначе говоря, кантонистам предстояло служить, сверх 25, еще 6 лет! Поскольку о судьбе маленьких солдатиков сохранились особенно трагические свидетельства, начнем изложение именно с нее.

Еврейская историческая традиция обычно справедливо вспоминает о трагическом эпизоде, рассказанном Александром Герценом. Во время своей ссылки в Вятку в 1835 г. на почтовой станции в глу-

[69] Там же. С. 70.

хой деревне он встретил партию детей-кантонистов. Между Герценом и начальствующим партией офицером произошел следующий диалог:

«— Кого и куда везете?

— И не спрашивайте, индо сердце надрывается; ну, да про то знают першие, наше дело исполнять приказания, не мы в ответе; а по-человеческому некрасиво.

— Да в чем дело-то?

— Видите, набрали ораву проклятых жиденят с восьми, десятилетнего возраста. Во флот, что ли, набирают — не знаю. Сначала было их *велели гнать в Пермь, да вышла перемена: гоним в Казань*. Я их принял верст за сто; офицер, что сдавал , говорил: Беда да и только; треть осталась на дороге» (и офицер показал пальцем на землю). Половина не дойдет до назначения, — прибавил он.

— Повальные болезни, что ли? — спросил я, потрясенный до внутренности.

— Нет, не то, чтоб повальные, а так, мрут, как мухи; жиденок, знаете, эдакой чахлый, тщедушный, словно кошка ободранная, не привык часов десять месить грязь да есть сухари — опять чужие люди, ни отца, ни матери, ни баловства; ну покашливает, покашливает да и в Могилев. И скажите, сделайте милость, что им далось, что можно с ребятишками делать?

Я молчал.

— Вы когда выступаете?

— Да пора бы давно, дождь был уже больно силен… Эй ты, служба, вели-ка мелюзгу собрать!

Привели малюток и построили в правильный фронт. Это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видел. Бедные, бедные дети! Мальчики двенадцати-, тринадцатилетние еще кое-как держались, но малютки восьми или десяти лет… Ни одна черная кисть не вызовет такого ужаса на холсте.

Бледные, изнуренные, с испуганным видом, стояли они в неловких солдатских шинелях со стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный взгляд на гарнизонных солдат, грубо равнявших их; белые губы, синие круги под глазами показывали лихорадку или озноб. И эти бедные дети, без ухода, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с Ледовитого океана, шли в могилу. Я взял офицера за руку и, сказав: "поберегите их", бросился в коляску: мне хотелось рыдать, я чувствовал, что не удержусь…».

Стоит отметить, что Герцен связал увиденное с общим положением в николаевской России: «Какие чудовищные преступления безвестно схоронены в архивах злодейского, безнравственного царствования Николая! …Разве мы не видали своими глазами семьи голодных псковских мужиков, переселяемых насильственно в Тобольскую губернию и кочевавших без корма и ночлега по Тверской площади в Москве до тех пор, пока князь Д. В. Голицын на свои деньги велел их призреть?»[70]

Это описание великого демократа и писателя, а также другие подобные рассказы и предания, способствовали появлению, по выражению крупнейшего американского социолога и историка Барона, так называемой «слезливой» концепции еврейской истории. При этом, как пишет Петровский, Барон «придерживался такой же точки зрения. Под влиянием его авторитетнейшего мнения всякий пишущий о евреях в России непременно должен упоминать о них как о “жертвах рекрутчины”».[71] Особенно характерны в этом отношении строки известного русско-еврейского историка С. М. Дубнова: «Пойманных маленьких кантонистов передавали особому офицеру с особым предписанием отправить в восточные российские губернии, Сибирь, с целью оторвать от привычной среды. Употреблялись все средства, чтобы склонить детей к крещению. Детей посылали на увещание к местным православным священникам, но увещания редко действовали. Тогда начиналось казарменное воздействие дядек и унтер-офицеров. Придумывались разные мучительства … и большинство детей не выдерживало … и принимало крещение, после чего им давали русские имена и фамилии. Однако многие кантонисты, особенно постарше, в возрасте 15–16 лет, переносили все муки с геройским терпением».[72] Немногим лучше было, согласно описанию Дубнова, и положение взрослых призывников: «Годы службы протекали для взрослых еврейских солдат в крайне тяжелой обстановке: они переносили побои и насмешки вследствие неумения объясняться по-русски, нежелания есть «трефное», вообще — неприспособленности к чужой среде и военному строю».[73]

Подобные высказывания, несомненно, не были беспочвенны. Условия службы в Императорской армии того времени отличались

[70] *Герцен А.* Былое и Думы // Герцен А. Собр. соч. М., 1956. Т. 4. С. 232–234.
[71] *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. С. 10.
[72] *Дубнов С. М.* Новейшая история еврейского народа. Т. 2. С. 147.
[73] Там же. С. 149.

от европейских и вполне отражали ее позднефеодальный характер. О тяготах 25-летней царской службы русская литература и народный фольклор сохранили до нашего времени самые горестные воспоминания (стоит вспомнить хотя бы только рассказ Л. Н. Толстого «После бала»). Так что у евреев, несомненно, были основания бояться. Тяжесть рекрутчины усугублялась еще и тем, что она ложилась исключительно на самых обездоленных. Дело в том, что от военной службы освобождались гильдейские купцы, цеховые мастера, механики на фабриках, земледельцы-колонисты, раввины и немногочисленные тогда евреи, окончившие курс русского учебного заведения. Освобожденный от личной повинности платил особые «рекрутские деньги» — тысячу рублей. Поскольку обязанность поставлять рекрутов возлагалось на руководство кагалов (еврейских общин), то широкое распространение получил произвол в отношении наиболее бедных. Часто при поддержке руководства кагала в солдаты, при недостатке взрослых, сдавались вопреки правилу мальчики моложе 12 лет. Порой восьми-, даже семилетних выдавали за 12-летних, поскольку метрические книги тогда были редки. Особенно тяжелым было положение во время дополнительных наборов кантонистов.

Показательно, что в ходе Крымской войны (1853–1856) было проведено два призыва с западной части империи, причем с еврейского населения было призвано в войска 30 человек с 1000, в то время как с христиан — только 9.[74] Кстати сказать, именно тогда резко усилилась активность так называемых «ловчиков» («хаперов»). Это были нанятые кагальной верхушкой здоровенные мужчины, ловившие специально для сдачи рекруты бездомных, беспаспортных, беззащитных сирот и даже просто оставленных без присмотра детей. Как пишет Петровский, «страх рекрутчины разрушал семьи: старшего сына в спешном порядке женили, младшему наносили увечье — а вдруг комиссуют? — и сдают в рекруты».[75]

Тем не менее, исследование Петровского показало, что реальная ситуация далеко не соответствовала «слезливой» концепции. Прежде всего, не отвечает действительности утверждение, что распространение на еврейское население рекрутчины имело миссионерскую цель — насильственную христианизацию. Напротив, уже в Уставе о рекрутской повинности евреев 1827 г. евреям были да-

[74] Армия в России // Еврейская энциклопедия. Т. 3. Ст. 160–171.

[75] *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. С. 58.

рованы основные религиозные свободы и права. В последующих комментариях Инспекторского департамента Военного министерства изданы для руководства военного командования подробные инструкции по поводу всех тонкостей еврейской религиозной традиции, очевидно, с привлечением еврейских консультантов. Предписывалось тщательное разграничение между видами работ, дозволенными и запрещенными солдатам-евреям в дни, имеющие статус шаббата и полупраздников в статусе *йом-тов*. Впоследствии военная бюрократия возвращалась к этому вопросу. Был даже издан для распространения среди полкового и корпусного командования специальный календарь еврейских праздников. Но, как справедливо отмечает Петровский, в документах одновременно предписывалось неукоснительное соблюдение воинской дисциплины, что, конечно, могло давать «ретивым» начальникам повод для злоупотреблений. В качестве характерного примера того, что император не считал такие правила пустой формальностью, может служить его ответ весной 1844 г. одному из высоких военных бюрократов Ревеля (ныне Таллинн), жаловавшемуся на то, что местные офицеры позволяют солдатам-евреям уходить на праздники в местную синагогу: «Никто не имеет права запрещать еврейским чинам исполнять обряды их веры … Пусть ходят в синагогу без изменения».[76]

О судьбе взрослых солдат-евреев будет сказано ниже. Конечно, несколько иными были условия службы малолетних евреев-кантонистов. Надо отметить, что институт призыва на военную службу возник при Петре I в 1721 г., когда были организованы при полках гарнизонные школы для солдатских детей. По указу Елизаветы Петровны, в 1758 г. солдатские дети были признаны крепостными, причислены к военному ведомству и распределялись по гарнизонам. В последующие царствования они получили наименование «кантонисты», от немецкого слова Kanton — призывной округ. Призванные на службу в 1827 г. и далее еврейские дети оказались в среде своих сверстников — солдатскимх детей, детей военных поселенцев, малолетних католиков (поляков, детей 25 тысяч польских солдат, переподчиненных после восстания 1830 г. русскому военному командованию). Судьба последних во многом была подобна судьбе их еврейских сослуживцев. Кроме того, среди кантонистов были беспризорники, бездомные, незаконнорожденные и даже (по согласию

[76] Там же. С. 79.

родителей) дети из обедневших дворянских семей. Таким образом, речь шла о включении еврейских малолетних призывников в огромный коллектив крепостных военного ведомства, насчитывавший в различных кантонистских батальонах в 1840 г. около полумиллиона душ. При этом, в отличие от большинства кантонистов, еврей-кантонист из мещанского сословия становился крепостным и забирался прямо из семьи, не зная языка и не имея ни малейшего знакомства с солдатским бытом, что делало его положение особенно трудным.[77]

С самого начала не подтверждается утверждение о сугубо миссионерской направленности призыва евреев на кантонистскую службу. Конечно, кантонистов сразу же посадили за общий армейский стол. У достигших совершеннолетия — 13 лет по еврейской традиции — отбирали все религиозные принадлежности и обязывали изучать вместе с другими русскую словесность, даже посредством чтения православных молитв. Однако, как показал Петровский, даже при таких условиях за первые полтора года из 1862 кантонистов согласились принять крещение только 125 человек, т. е. 6,6 %. Как резонно замечает автор, такое незначительное количество свидетельствует об отсутствии официально спущенного сверху требования добиваться от дядек и фельдфебелей насильственных действий для успеха миссионерской миссии. Помимо этого, явно не было намерения отправки евреев-кантонистов за пределы черты оседлости, иначе трудно объяснить, почему из семи батальонов пять размещались в самой черте оседлости, а два там, где евреи находились полулегально.[78]

Надо сказать, что среди кантонистов было достаточно не только иудеев, но и христиан (католиков, лютеран), а также магометан. Однако отношение к евреям-кантонистам было иным. Только летом 1829 г. Николай I издал предписание: «Объявить Оберпрокурору Синода, дабы вообще священники, при батальонах военных кантонистов состоящие, были разрешены единождды раз навсегда кантонистов из евреев, объявляющих желание принять православную веру, крестить по обрядам Церкви, не испрашивая впредь разрешения духовного начальства». Петровский справедливо делает вывод, что, к чести священников, они меньше всего старались походить за изуверов-миссионеров и не только не проявляли особой личной ак-

[77] Там же. С. 114.
[78] Там же. С. 120.

тивности, но и в любом случае обращались духовному начальству. Тем самым негласно их миссия была перепоручена рвению местных командиров. Естественно, дело пошло быстрее, тем более что Николай предписал выдавать каждому крестившемуся еврею из особого фонда значительную сумму — 25 рублей. Это, конечно, не считая всяческих облечений по службе. Но когда в 1839 г. Николаю представили отчет о положении дел с кантонистами, то он выглядел следующим образом. Всего к лету 1839 г. в подразделениях военных кантонистов состояло 4413 солдат из евреев. Из них 69 % оставалось в своей вере. Характерно, что в различных подразделениях процент выкрестов сильно различался. Если в 3 и 4 карабинерных полубатальонах они составляли большинство, то в Псковском, Казанском и Оренбургском батальонах иудеями оставались девяносто процентов. Самым Неожиданным оказалось положение в воинских частях, расположенных в самых отдаленных сибирских губерниях. В кантонистских батальонах Омска, Тобольска, Иркутска, Красноярска, а также на Черноморском флоте не оказалось … **ни одного выкреста** (выделено мной. — *В. В.*). Познакомившись с такими данными, Император, явно желая способствовать рвению армейских «миссионеров», написал на полях рапорта: «тех, кто принял православную веру, не считать евреями».[79]

Таким образом, отчеты показали Николаю I полное нежелание основной части государственной церковной и военной бюрократии заниматься миссионерской деятельностью в армейской среде, отделываясь казенными отписками. Как всегда, уповая на «административно-командные методы», да еще в самодержавном исполнении, император в начале 40-х гг. взял курс на массовое крещение кантонистов. Во многом это было связано с общим изменением государственной политики по отношению к евреям. Именно тогда он потребовал ежемесячных отчетов о ходе миссионерских действий. Естественно, начались рапорты с отписками или приписками. Но были также доклады об успехах. Например, в Воронежском батальоне в 1843 г. крестились, по отчету, 571 кантонист из евреев и 14 горцев. Правда, воронежский батальонный священник при этом сообщил в Синод, что такой успех является заслугой не его, а полковника Романуса. Видимо, это было достаточно выдающееся достижение, так как полковник Романус был поставлен в пример другим бата-

[79] *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. С. 123–127.

льонным командирам.[80] Однако даже строгие меры не помогали, дело шло крайне трудно и медленно.

Тут следует сказать и доброе слово в адрес Николая I. Он, несомненно, обладал качествами просвещенного монарха, искренне убежденного в преимуществе православия, и поэтому все же решил остановить совсем уже ретивых армейских миссионеров. Во всяком случае, он 11 марта 1849 г. приказал распространить следующий циркуляр: «Подтвердить, чтобы при обращении рекрутов и кантонистов из евреев отнюдь не были употребляемы никакие насильственные меры, противные духу христианского учения. В этих видах увещевание евреев делать не иначе, как под ближайшим надзором местного начальства, не посылая на встречу к партиям кантонистов, для расположения их к принятию православия, унтер-офицеров молодых и неопытных, которые, увлекаясь излишним усердием, могут своими настояниями вынуждать согласие, не основанное на убеждении и потому шаткое и непрочное».[81] Однако миссионерская деятельность со стороны чересчур ретивых служак, конечно, не прекратилась, как и типичная бюрократическая неразбериха — в частности, выплаты соответствующих вознаграждений, которые не доходили до назначения.

В целом, обобщая все сказанное о миссионерской цели кантонистского эксперимента, можно отметить следующее. История еврейских кантонистов продолжалась с 1827 до конца 1850-х годов и через «батальоны кантонистов» прошло, по приблизительным подсчетам, «от 60 до 80 тысяч еврейских детей»,[82] т. е. достаточно представительная часть еврейского населения. Как было сказано выше, император первоначально не предполагал (во всяком случае, открыто не выказывал стремления) массово христианизировать еврейских кантонистов (впрочем как и других иноверцев), но в конце царствования изменил свое мнение. При этом, как просвещенный монарх, Николай искренне считал, что переход в господствующую в России православную веру принесет пользу самим обращаемым. И, конечно, никаких инструкций о варварских приемах миссионерской деятелей не было. Формально предписывались методы поощрительные. Но поскольку Скалозубов и Держиморд было достаточно, то насильственные методы активно применялись, хотя находились

[80] Там же. С. 132.
[81] Там же. С. 132–133.
[82] Там же. С. 167.

и добровольно отказавшиеся от религии предков. Поэтому достоверно на вопрос о методах и, главное, о результатах этой политики довольно трудно ответить. Во всяком случае, количество обращенных — примерно **треть** (выделено мной. — *В. В.*) — представляется завышенным, учитывая скандалы с жалобами на насильственное обращение в православие.

Показательным примером такого скандала может служить дело Корабельникова. Как сообщается в указанном выше исследовании Петровского, лекарский помощник Хасав-Юртовского военного госпиталя коллежский регистратор Корабельников был обвинен 15 мая 1876 г. воинским начальником госпиталя в отступлении от православия в иудейство и склонении к этому своей жены Александры и детей. Поскольку полковому священнику не удалось переубедить Корабельникова, то было назначено следствие. В ходе его выяснилось, что он был обращен в 1843 г. в Воронежском полку после избиений и угроз. Время было либеральное, царствование Александра II Освободителя. Однако даже тогда законного выхода из этого положения не было. Дело в том, что согласно Уложению о наказаниях уклонившихся от православия следовало «любыми способами возвратить к православию, лишив их на время их сопротивления всех прав состояния и отдав имущество в опеку». Но обвинение приняло еще более тяжелый для обвиняемого характер. Его жена — православная старообрядческой веры — показала, что ее муж перед заключением брака предупредил ее, что рано или поздно вернется в иудейство. Через пять лет после заключения брака семья переехала в **станицу Александровскую, где проживали иудействующие субботники** (выделено мной. — *В. В.*).[83] Сойдясь с субботниками, жена Корабельникова переняла у них обрядность, что помогло ей впоследствии перейти в иудаизм. Детей — Феклу шестнадцати лет и Семена двенадцати лет — Корабельниковы учили еврейскому закону, хотя, боясь наказания и преследования, крестили. Дети, как оказалось, знали, что крещены, но в церковь никогда не ходили, умели читать и писать по-еврейски и на допросах заявили, что еврейского закона не изменят. Третью дочь, родившуюся, вероятно, незадолго до скандала, Корабельниковы крестить отказались. Местное начальство, желая оправдаться в непринятии мер в течение долгого време-

[83] Станица Александровская принадлежала к Терскому казачьему войску. О субботниках (жидовствующих) см. очерк «Иудаизм в казачьих станицах».

ни, решило действовать строго по закону: Корабельникова за содействие отпадению жены от православия лишить всех прав состояния, отобрать бронзовую медаль и приговорить к 8 годам каторги. Но тут в дело активно вмешалась его жена, обратившаяся в Главный штаб с ходатайством за мужа — верного царю и отечеству солдата, участника Крымской войны, дважды раненного в боях с горцами. Главный штаб поступил в духе либеральных времен. Официально Корабельникова было решено не лишать прав и сослать в одну из губерний России. Неофициально наказание было строже: исключить из чинов военно-медицинского ведомства, уволить со службы но… не указывать причин увольнения. Можно предполагать, что его лишили права заниматься медицинской практикой и, возможно, пенсии. Но совершенно неожиданно вместо далекого Иркутска сослали в более благополучную Харьковскую губернию.[84]

Разумеется, крещеные евреи (если потом, как Корабельников, не вспоминали открыто о своей природной вере), устраивали судьбу вполне благополучно. Некоторые даже достигали высоких военных чинов. Примером такой карьеры может служить жизнь русского генерала Василия Александровича Геймана, участника покорения Кавказа и командующего Кавказской армией во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Служивший под его началом знаменитый генерал А. А. Брусилов вспоминал: «Генерал Гейман был сыном барабанщика-еврея. Чтобы в то время прославиться и дослужиться до больших чинов, ему нужно было быть исключительно талантливым и умным человеком».[85] Можно также назвать генерал-майора Генерального штаба Николая Андриановича Букретова, участника Первой мировой войны на Кавказском фронте. В январе 1920 г. он был избран войсковым Кубанской казачьей рады. Как сообщается в книге начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерала П. С. Махрова, Букретов — «приписной казак Кубанского казачьего войска из горских грузинских евреев-кантонистов».[86]

Можно только удивляться тому, что даже подобные перспективы привлекли сравнительно небольшой процент маленьких солдат к отказу от веры отцов. При этом, конечно — хотя прямых приказов не поступало — как обычно бывает, чувствовалось «молчаливое»

[84] *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. С. 160–161.
[85] *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 31.
[86] *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 222–223.

желание низшего начальства удовлетворить желание верхов. Следует безусловно согласиться с важным выводом Петровского: **«В этом смысле особого внимания — и дальнейшей разработки — требует вопрос об отношениях еврейских кантонистов и их самого что ни на есть непосредственного начальства, офицеров среднего уровня и соответствующего государственного чиновничества. В первом приближении эти отношения представляются более человечными и прагматичными, чем их рисует русско-еврейская историография»** (выделено мной. — *В. В.*). Надо указать, что образ такого гуманного офицера появляется уже в приведенном выше рассказе Герцена о встрече с партией кантонистов. И далее: «Черная легенда, оплакивающая судьбу еврейских детей, отданных в солдаты, не выдерживает проверки историческими документами и — что что особенно интересно — проверки культурной памятью. В семейных воспоминаниях запечатлен совсем иной образ евреев-кантонистов. О них рассказывают … как о людях грубых, мужественных, недюжинной физической силы и душевного здоровья».[87]

Оказалось, что хотя еврейские дети совсем не были знакомы с условиями военной службы, в отличие от детей православных солдат, тем не менее они проявили поразительные способности к адаптации. По показателю смертности евреи-кантонисты не выделялись из общей среды. Характер и показатели преступности (прежде всего, побегов) показывает, что у евреев уровень дисциплины был выше среднего. В сводном отчете о побегах нижних чинов и кантонистов в 1853 г. указано, что количество побегов среди солдат-христиан составило 43 в год, среди солдат-евреев — ни одного. Среди кантонистов–христиан — 5 (в том числе один выкрест из евреев), среди кантонистов-евреев — один, из малолетних, отправленный для поправления здоровья (! — *В. В.*) в деревню под Ярославлем и не вернувшийся в часть.

Конечно, при убогом и бедном быте и скудном питании самым распространенным преступлением кантонистов было воровство, особенно на рынках и базарах, продуктов питания, превратившееся в спорт. Начальство, конечно, запрещало его, но фактически закрывало глаза, понимая его причины. Трудно определить, кто был «чемпионом» в этом спорте, но один случай показывает искусство евреев-кантонистов. Петровский приводит следующий уникальный

[87] *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. С. 168–169.

случай. Во время смотра и учений под Уманью император Александр II проиграл пари, заключенное с генералом Трескиным. По заданию последнего кантонист Ходулевич из могилевских евреев, прославившийся в дивизионе своими воровскими способностями, сумел украсть у царя его карманные часы. Изумленный Александр II в знак восхищения пожаловал Ходулевичу 25 рублей.

Еще одним преимуществом еврейских кантонистов были их профессиональные навыки. В послужных списках кантонистов из солдатских детей, как правило, значилось: «мастерству никакому не обучен». Напротив, у евреев-кантонистов, за редким исключением, все владели каким-либо ремеслом. Среди них были жестянщики, кровельщики, портные, сапожники, кузнецы и даже белошвейки.

Однако самым поразительным Петровский считает тот факт, что процент выпускников кантонистских батальонов, годных к строевой службе, у евреев составлял в 1838 г. 65 %, что даже несколько превышает подобный показатель у христиан — 63 %. Тем самым опровергаются все утверждения антисемитской литературы о «слабосильности» евреев и неспособности их к строевой службе.[88]

Конечно, карьера бывших кантонистов, оставшихся верными делу отцов, была внешне скромнее, чем у выкрестов, но также иногда оказывалась удивительной. Один из таких примеров мы встречаем в воспоминаниях А. А. Игнатьева, бывшего графа и видного военного деятеля императорской армии, ставшего потом генералом советской армии. Свою военную карьеру он начал в 1894 г. молодым офицером в полку «кавалергардов», т. е. личной гвардии императора. Традиции полка и даже сама форма сохранялась со времен наполеоновских войн. Аристократическая замкнутость сообщества офицеров доходила до того, что даже в среду их жен, как отмечает мемуарист, «не могли допускаться не только еврейки, но даже дамы, происходящие из самых богатых и культурных русских семей». При этом кавалергарды и другие гвардейские полки конной гвардии, как личная охрана императора, квартировали в центре Петербурга.

И вот однажды, вспоминает Игнатьев, во время дежурства ему сообщают о кончине Ошанского, старого фельдфебеля полка. Он происходил евреев-кантонистов и был замечательным мастером-печником, у которого трубы в полку никогда не дымили. За это искусство его ценили настолько, что «**в обход всех правил и законов**

[88] Там же. С. 142–144, 146.

(выделено мной. — *В. В.*), задерживали Ошанского в полку, давая ему мундир, звания, медали и отличия за сверхсрочную «беспорочную службу». В квартире фельдфебеля, которого в полку звали Александром Ивановичем, покойный лежал в полковом мундире на составленных столах, и его горько оплакивали трое его сыновей, «служившие уже на сверхсрочной службе, один — трубачом, другой — писарем, третий — портным» (для такого гвардейского полка это было «в обход законов»). Но самое поразительное произошло потом, через несколько часов.

«К полковым воротам подъезжали роскошные сани и кареты, из которых выходили нарядные элегантные дамы в мехах и солидные господа в цилиндрах; все они пробирались к подвалу, где лежало тело Александра Ивановича. Оказалось — и это никому из нас не могло прийти в голову, — что фельдфебель Ошанский много лет стоял во главе петербургской еврейской общины. …состоялся вынос тела, для чего мне было поручено организовать церемонию в большом полковом манеже. …Воинский устав требовал, чтобы на похоронах всякого военнослужащего, независимо от чина и звания, военные присутствовали в полной парадной форме, и поэтому всем пришлось одеть белые колеты, ленты, ордена и каски с орлами. У гроба Александра Ивановича аристократический военный мир перемешался с еврейским торговым и финансовым, а гвардейские солдаты со скромными ремесленниками-евреями. После речи раввина гроб старого кантониста подняли шесть бывших командиров полка, а на улице отдавал воинские почести почетный взвод под командованием вахмистра — как равного по званию с покойным — при хоре полковых трубачей».[89]

Конечно, подобные случаи не могли быть массовыми, но все же он достаточно хорошо показывает, насколько широки были тогда возможности «обхода всех правил и законов».

Кантонистский эксперимент закончился вскоре после вступления на престол Александра II. В 1859 г. было решено преобразовать кантонистские батальоны в военные училища, где остались воспитанниками только способные к продолжению военной учебы православные кантонисты. Оставшихся верными своей религии евреев было предложено было уволить к родителям с тем, чтобы призвать на военную службу по новому закону, по достижении 20 лет.

---

[89] *Игнатьев А. А.* 50 лет в строю. М., 1948. С. 60, 72–73.

Жизнь и служба взрослых солдат-евреев также не всегда соответствует приведенному выше утверждению Дубнова. По Уставу по достижении 18-летнего возраста бывшие кантонисты переходили на армейскую службу, вливались в ряды Императорской армии и продолжали службу. Их, как и взрослых рекрутов, взятых в служебном возрасте — 18–25 лет — не заставляли принимать православие. Но для успеха миссионерской деятельности принимались меры поощрительного характера. Крестившихся премировали 25 рублями и давали некоторые важные привилегии, в частности право выбора рода войск и места службы. Перед способными даже открывалась возможность военной карьеры, вплоть до генеральского звания. Солдаты-евреи, сохранившие свое вероисповедание, могли быть произведены в унтер-офицеры только за боевые заслуги, на них также распространялось положение о награждении боевыми наградами. Присягу новобранцы принимали в синагоге, клянясь служить Российскому императору и Российскому государству также верно, «как бы обязан был служить для законов земли Израильской». Поскольку евреи-солдаты появились во многих русских городах, то там возникали еврейские молитвенные дома. Обычно должность раввина выполнял один из солдат. Мацу на Пасху пекла русская женщина под его наблюдением. Вторую половину 25-летней службы солдаты проводили на частных квартирах, что позволяло многим обзаводиться семьями. Невест привозили из черты оседлости, так как браки с христианками были запрещены законом, тем более, что это предполагало переход в иудаизм. В качестве курьеза можно отметить приказ правительства, разрешающий солдатам-евреям, проходившим службу в Сибири, обращать в иудаизм женщин «калмыцкого рода» и сочетаться с ними браком.

Конечно, введение воинской повинности без предоставления гражданского равноправия или хотя бы права повсеместного проживания безусловно носило жестокий и несправедливый характер. Но вместе с тем еврей — солдат русской армии в далекой российской глубинке способствовал формированию положительного образа иудея там, где простой народ никогда с евреями не сталкивался. Следует отметить особо важный аспект службы солдат-евреев в Императорской армии. Двадцатипятилетняя служба была трудной участью для всех. Конечно, особенно нелегкой была доля евреев-рекрутов из-за незнания русского языка, нежелания есть «трефную» пищу (например, свинину) и вообще от неприспособленности к военному

строю. Но постепенно они приспосабливались к службе, и дальнейшему продвижению по службе мешала только верность вере отцов. Надо отметить, что, судя по воспоминаниям отслуживших полный срок службы солдат по рекрутскому набору, именуемых впоследствии «николаевскими», отсутствовало явление, которое сегодня именуется «дедовщиной». Более того, отношения солдат-евреев в ходе прохождения службы с основной массой русских православных солдат, зачастую неграмотных выходцев из крестьянской среды, было, как правило, нормальным. К сожалению, специальных исследований на эту тему не имеется, и еврейские мемуаристы мало затрагивают эту тему, но само по себе это молчание — свидетельство отсутствия серьезных проблем.

Обратимся поэтому к воспоминаниям Федора Михайловича Достоевского о годах, проведенных им по приговору 1848 г. на каторге и затем в солдатской казарме. «Мне даже случалось жить с народом, в массе народа, в одних казармах, спать на одних нарах. Там было несколько евреев — и никто не *презирал* их, никто не исключал их, не гнал их. Когда молились (а евреи молятся с криком, надевая особое платье), то никто не находил это странным, не мешал им и не смеялся над ними, чего, впрочем, именно надо бы было ждать от такого грубого … народа как русские; напротив, смотря на них, говорили: “Это у них такая вера, это они так молятся”, — и проходили мимо с спокойствием и почти с одобрением. … везде по всей России: наведайтесь, спросите, обижают ли в казармах еврея как еврея, как *жида,* за веру, за обычай? Нигде не обижают, и так во всем народе. Напротив, уверяю вас, что и в казармах, и везде русский простолюдин слишком видит и понимает (да и не скрывают того сами евреи), что еврей с ним есть не захочет, брезгает им, сторонится и ограждается от него сколько может, и что же, вместо того, чтоб обижаться на это, русский простолюдин спокойно и ясно говорит: “Это у него вера такая, это он по вере своей не ест и сторонится” (то есть не потому, что зол), и, осознав эту высшую причину, от всей души извиняет еврея».[90]

Надо отметить также удивительную внимательность военных властей к религиозным нуждам солдат-евреев. По уставу 1827 г. нижним чинам из евреев разрешалось не только создавать особый

[90] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 г. Январь — август // Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 25. Л., 1983. С. 80.

молельный кворум (миньян), но и приглашать раввина для выполнения религиозных треб при умирающих. На эти цели выделялись соответствующие средства за счет казны. Более того, было предписано выделять для солдат-евреев, умерших в госпиталях, в соответствии с иудейской традицией 21,5 аршин полотна вместо гроба.

В свою очередь, несмотря на все превратности, трудная служба в императорской армии сыграла важную роль в преобразовании мышления и самой психологии иудея. Даже в самых неблагоприятных условиях службы солдат-еврей достойно участвовал в боевых действиях русской армии — венгерской кампании 1848 г., боях с горцами и особенно в Крымской кампании (1854–56) и обороне Севастополя. В 1864 г. на Севастопольском еврейском военном кладбище был даже установлен памятник 500 солдатам-евреям, погибшим при обороне города. По трагической иронии судьбы, они погибли в боях за город, в котором запрещалось селиться их единоверцам.

Общие последствия царствования Николая I для евреев России

В 1835 г. специальным положением были окончательно определены границы черты оседлости евреев, просуществовавшие вплоть до Первой мировой войны. В нее были включены Гродненская, Виленская, Волынская, Минская, Екатеринославская губернии, Бессарабия, Киевская губерния (без города Киева) Херсонская губерния (без Николаева), Таврическая (без Севастополя), Могилевская и Витебская (без сельских районов), Черниговская и Полтавская (за исключением казачьих поселений). Кроме того, туда входили еврейские общины Курляндии и Риги.

Надо сказать, что в правительстве Николая I было немало широко мыслящих государственных деятелей, искренне стремившихся улучшить положение еврейского населения, имея в виду не в последнюю очередь интересы самого российского государства. Среди них можно указать министра финансов Е. Ф. Канкрина, министра государственных имуществ графа П. Д. Киселева, министра просвещения графа С. С. Уварова и особенно генерал-губернатора Новороссии графа (впоследствии князя) М. С. Воронцова. Они придерживались идеи, высказанной Уваровым, о сближении еврейского населения с русским не путем крещения, а через европеизацию и образование. Эти идеи нашли наибольший отклик в Одессе, переживавшей бурный экономический подъем, где власть религиозных тра-

диций среди большого количества переселявшихся туда евреев была менее жесткой. В 1844 г. открываются казенные еврейские школы с преподаванием общеобразовательных дисциплин и русского языка, а также два раввинских училища в Вильно и Житомире для подготовки просвещенных учителей и раввинов. В том же году издается указ о ликвидации кагалов, как «оплотов религиозного фанатизма». Надо сказать, что, несмотря на непоследовательность, эти меры нашли поддержку среди немногочисленных тогда в России ревнителей еврейского Просвещения, последователей идей немецко-еврейского философа Мендельсона («маскилов»). Виднейшим из их числа был Исаак Бер Левинзон (1788–1860), служивший в Отечественную войну в русских войсках переводчиком. Исполненный патриотических чувств, он писал: «В некоторых государствах Европы евреям даны уже свободы, в особенности в России, которая никогда не относилась к нам недоброжелательно. Мы не знаем исторических примеров, чтобы это государство причиняло зло. Наши предки издавна наслаждались спокойствием под владычеством России даже во время ее неоднократных вторжений в польские владения. С тех же пор как эти владения присоединены к России, правительство всеми силами старается поднять наш духовный и экономический уровень»… Так же восторженно он говорит о царе: «…Николай I не переставал заботиться о нашем духовном и материальном благополучии, он наш милосердный отец, пекущийся о нашем благе и указывающий нам путь правды и справедливости».[91] При этом нельзя сказать, чтобы это было выражением низкопоклонства.

Новые учебные заведения, их выпускники были резко отрицательно встречены прежними религиозными руководителями. Перед этой «опасностью» померкли прежние споры между хасидами и митнагдимами. Однако именно благодаря новому духу Просвещения стали формироваться «новые люди» в традиционной еврейской среде. Они послужили первыми ростками русско-еврейской интеллигенции, определившими развитие литературы, истории, языка и общественных движений еврейского мира России в последующее столетие.

В конце своего царствования Николай, напуганный европейскими революциями 1848 г., резко ужесточил внутреннюю политику,

[91] *Цинберг И.* Исаак Бер Левинзон и его время // Евреи в Российской империи в XVIII–XIX вв. М.; Иерусалим, 1995. С. 446–447.

в том числе и еврейскую. Кроме того, на отрицательное отношение императора к евреям повлияло распространение секты так называемых «жидовствующих». Сектанты признавали единого Бога, отрицали божественность Христа, соблюдали субботу и другие еврейские праздники, полагали истинным только закон Моисея, не почитали икон и мощей. Нет доказательств связи происхождения секты с новгородской ересью XV в., но полностью отсутствуют и какие-либо признаки миссионерской деятельности природных евреев. Впервые о секте стало известно еще в 1745 г. Затем она стала распространяться среди донских и кубанских казаков, крестьян Саратовской, Московской, Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской и других исконно великорусских губерний. Встревоженные власти обрушили на сектантов самые жестокие репрессии, вплоть до массовых ссылок в отдаленные районы страны. Нередко у родителей отнимали детей. Немногочисленным евреям, оказавшимся в этих областях, было приказано немедленно выехать.

Тем не менее, время царствования Николая I стало переломным для судеб русского еврейства — оно перестало быть изолированным от остального мира. Еврейский мир начал превращаться в активного участника общерусской общественной и культурной жизни.

История в событиях и лицах

1. ЕВРЕЙ В ОСТРОГЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Хотя литература о евреях России огромна, сведений о положении еврея, попавшего в репрессивную систему императорской России, особенно в дореформенный период, мало. О нравах этой системы можно сказать только то, что если, согласно пословице, Москва слезам не верила, то Петербург на них просто не обращал внимания. Даже и сегодня нельзя читать без содрогания и ужаса блестящее исследование современного историка Е. В. Анисимова о сыске в русском обществе.[92] Начало ему было официально положено столь уважаемым нынешними идеологами либеральных реформ Петром Великим. О характере установленного им режима можно судить по нескольким характерным примерам из книги Анисимова:

[92] *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. М., 1999 (ниже ссылки на эту книгу приводятся в тексте с указанием только страниц).

«В Артикуле (юридическом документе Петра. — *В. В.*) прямо сказано, что зачинщиков коллективных челобитных следует вешать без пощады, независимо от причины их жалобы и содержания челобитной» (с. 39). «Державших у себя топорные портреты (Государя и высочайшей фамилии) надлежало штрафовать, а тем, “которые такие портреты будут писать неискусно, чинить наказание плетьми”. Возможно, с этим отчасти связаны успехи русского портретного искусства во второй половине XVIII в.» (с. 75). «Петр часто бывал на пытках и приглашал своих гостей в застенок посмотреть на мучения, которым подвергали приближенных женщин царевен Софьи и Марфы. … Конечно, он оставался сыном своего века, когда признание под пыткой считалось высшим и бесспорным доказательством вины человека» (с. 99).

Жестоким преследованиям подвергались представители религиозной оппозиции. «Старообрядцы были поставлены за грань человеческого и гражданского сообщества. Прощение мог получить только тот раскольник, который отрекался от своей веры и приносил унизительное покаяние. Остальных подвергали разнообразным репрессиям, их принуждали нести двойные повинности и налоги, им запрещали заниматься торговлей и другими видами деятельности, быть в мирских должностях, свидетельствовать в суде, их нельзя было приводить к присяге, им не давали издавать, переписывать, хранить книги, запрещали читать и писать. Мужчинам предписывалось носить на спине платья специальные красные четырехугольники — “козыри”, а женщинам — позорные шапки с рогами» (с. 141).

Евреи, разумеется, тоже были жертвами царского «правосудия» в XVIII в. Хорошо известна упоминавшаяся выше трагическая судьба купца Боруха Лейбова, заживо сожженного в Санкт-Петербурге в 1738 г. по обвинению в «совращении в иудейство» отставного капитана флота Возницына.

В исследовании Анисимова приводится и пример несколько другого характера. Правда, речь идет о выкресте. «Головной болью для сибирской администрации середины XVIII в. был Иван Турчанинов. Он, еврей Карл Левий, турецкоподданный, был взят в плен под Очаковом и сослан на Камчатку за шпионаж. Там, перейдя в православие, он прижился в Сибири и стал одним из самых знаменитых прожектеров и доносчиков XVIII в. Он донес на всю сибирскую администрацию во главе с губернатором. Убедительно вскрыл все “жульства” и чудовищные злоупотребления сибирских чиновников.

В награду он удостоился чина поручика и награды в 200 рублей. Специальная комиссия И. Вольфа разбирала доносы Турчанинова на сибирскую администрацию двадцать лет!» (с. 197).

Однако первым достоверным свидетельством пребывания в руках императорского правосудия искренне и твердо верующего еврея был арест и заключение в Петропавловскую крепость в 1798 г. одного из вождей тогдашнего движения хасидов Залмана Боруховича (Шнеура Залмана). Положение обвиняемого ухудшалось тем, что он был арестован по обвинению в государственной измене, выдвинутому своими же соотечественниками, противниками хасидов.[93]

Прямых свидетельств об условиях содержания его в крепости не имеется. Однако о них можно судить по воспоминаниям находившегося там в заключении, также в правление подозрительного Павла — в 1800 г., знаменитого позднее героя Отечественной войны 1812 г. казачьего атамана М. Платова. Он, как и Шнеур-Залман, на основании ложного доноса был обвинен в государственной измене. По воспоминаниям атамана, «в камере заключенного была холодная пронизывающая сырость», от которой узник заболел «жестокой горячкой»; «от печей несло таким чадом, от которого глаза ело, как от хрена. Стены были мокры и скользки, а по полу бегали крысы. Сначала мне это казалось гадким, а напоследок я к этому гаду и он ко мне, друг к другу привыкли».[94]

Конечно, сто лет после Петра не прошли незаметно. Екатерина II — по крайней мере, на словах — осуждала пытки и произвольные аресты. Однако изменения происходили медленно, и государственному преступнику, да к тому же обвиненному своими собратьями не просто в уголовном преступлении, но в государственной измене, рассчитывать на снисхождение было практически невозможно. К этому следует добавить предубеждение тогдашних российских чиновников против иудаизма, искаженное представление об этом вероучении и просто отсутствие переводчиков. Не надо забывать, что Литва и Белоруссия только недавно вошли в состав Российской империи и, следовательно, с массой евреев-ашкеназов русские люди познакомились сравнительно недавно.

Тем не менее произошло необычайное. Узник с первого дня отказался есть некашерную пищу, и его требование было удовлетворено!

---

[93] См.: «Великий ашкеназский раскол» // Коль Доди — Голос моего друга. СПб., 2001. № 5.

[94] *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 1. М., 1955. С. 157.

На допросах он сумел убедительно доказать свою невиновность правительственным чиновникам, и в результате всего лишь после двух месяцев пребывания в крепости был освобожден по личному указанию самого Павла I. Вполне допустимо, что на склонного к мистическим изысканиям и духовным устремлениям императора, называемого ныне «русским Гамлетом», произвела сильное впечатление искренняя вера правоверного иудея, глубокие познания его в Танахе (Ветхом Завете) и в религиозном учении. Об этом свидетельствуют и предания хасидов о пребывании Шнеура-Залмана в Петербурге. Кстати сказать, атаману Платову пришлось ждать освобождения гораздо дольше — до того времени, пока Павлу не пришла сумасбродная мысль отправить атамана во главе казачьего войска завоевывать Индию.

Однако более детальное и, если можно так сказать, бытовое описание пребывания обычного верующего еврея в российском остроге мы находим у знаменитого писателя Ф. М. Достоевского. Сразу же следует указать, что об отношении писателя к евреям и еврейству написано много. Отметим только, что в его произведениях, особенно в публицистике, нередко встречаются ядовитые стрелы по адресу «жидов, жидков, жидовствующих», рассуждения о еврейском кагальном «государстве в государстве» и т. д. Но ему же принадлежит и глубокая мысль о том, что сущностью сорокавековой истории еврейства является «некая идея, движущая и влекущая, нечто такое, мировое и глубокое, о чем человечество еще не в силах произнесть своего последнего слова. … Что религиозный характер тут есть — это-то несомненно … Да и нельзя, повторю я, даже и представить себе еврея без Бога, мало того, не верю я даже и в образованных евреев безбожников: все они одной сути, и еще Бог знает чего ждет мир от евреев образованных!»[95]

Столь неоднозначное, но явно заинтересованное отношение великого писателя ко всему связанному с еврейством делает особенно интересным описание пребывания местечкового еврея в далекой сибирской каторжной тюрьме (остроге), где томился и сам писатель. Тут пером его водила не фантазия, но чистая правда жизни, не дающая столь великому художнику слова возможности в чем-либо изменить ей.

[95] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 г. // Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 25. С. 82.

Следует напомнить, что за участие в деле петрашевцев в 1849 г. Достоевский был приговорен к смертной казни, в последний момент замененной каторжными работами. На каторге будущий гений русской литературы находился до 1854 г., отбывая ее в сибирском остроге. Свои впечатления и воспоминания об этом периоде своей жизни он описал в книге с характерным названием «Записки из мертвого дома». Острог, судя по его описанию, представлял собой почти то же самое, что век спустя, в советское время, стали именовать «исправительно-трудовым лагерем». Заключенные жили в бараках (казармах), откуда их гоняли на работы под охраной; территория острога была огорожена — правда, колючей проволоки тогда еще не было. Показателен и состав заключенных. Наряду с политическими, каким был и автор, а также польскими повстанцами, «были здесь убийцы невзначай и убийцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойников. Были просто мазурики и бродяги-промышленники … Были и такие, про которых трудно было решить: за что бы, кажется, они могли прийти сюда?»[96]

Грозою заключенных был офицер в чине майора с «рысьими» глазами, безжалостно назначавший арестантам розги за малейшую провинность. Носили также каторжники кандалы весом 4–4,5 кг. Гоняли провинившихся и по «зеленой улице», т. е. сквозь строй солдат, каждый из которых наносил арестанту палочный удар. Барачная жизнь не слишком отличалась от того, что известно из лагерной литературы советского периода. Несмотря на запреты, заключенные играли в карты, доставали вино, занимались различными ремеслами, причем заказы брались от вольных. «Деньги, — пишет Достоевский — есть чеканенная свобода, а потому для человека, лишенного совершенно свободы, они дороже вдесятеро. Если они брякают у него в кармане, он уже вполовину утешен, хотя бы и не мог их тратить. Но деньги всегда и везде можно тратить, тем более что запрещенный плод вдвое слаще».[97]

Но раз были деньги, то наличествовали и своего рода торговля и ростовщичество, весьма странного, но изощренного вида. В общем, не вдаваясь в подробности, можно отметить, что «лагерная» литература советского времени о быте заключенных ничего существенного не добавила к описаниям Достоевского.

[96] *Достоевский Ф. М.* Записки из мёртвого дома // Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 3. М., 1956. С. 398.

[97] Там же. С. 407.

И вот в среду людей, у которых автор не видал «ни малейшего признака раскаяния, ни малейшей тягостной думы о своем преступлении»,[98] попадает местечковый еврей, ювелир Исай Фомич Бумштейн. Автор навсегда запомнил «лицо блаженнейшего и незабвенного Исая Фомича, товарища моей каторги, сожителя по казарме» и посвятил ему большое место в главе IX («Исай Фомич»). Его внешность была самая заурядная, почти карикатурная: «лет пятидесяти, тщедушный, сморщенный, с ужаснейшими клеймами на щеках и лбу», чем-то похожий, по мнению автора, на гоголевского Янкеля. Клейма были наложены на него по обвинению в убийстве, весьма странном для человека такого рода. Кроме того, наказание предусматривало пятьдесят плетей, и автор изумляется, как он смог их выдержать. «В выражении лица его виднелось ничем не поколебимое самодовольство и даже блаженство. Кажется, он ничуть не сожалел, что попал на каторгу». До него в остроге евреев не было, и вдруг по острогу разнесся слух, что в кордегарию (караульную) доставили «жидка» и что сейчас его приведут. Действительно он вошел в сопровождении унтер-офицера, который указал ему место на нарах. Тут автор описывает сцену настолько выразительную, как будто специально написанную для сценария хорошего кино. Сначала пришелец с испугом рассматривает толпу насмешливых, изуродованных и страшных лиц, плотно обступивших его. Раздавались шуточки, явно имевшие в виду «еврейское происхождение». Вдруг из толпы выделился молодой арестант и положил перед ним рваные старые шаровары и старые обмотки. Явно провоцируя, он сказал:

«Ну, друг любезный, я тебя уже шестой год поджидаю. Вот смотри, много ли дашь?» Еврей посмотрел предложенное, все ожидали, что он скажет.

«Что ж рубля-то серебром не дашь? А ведь стоило бы!» — продолжал арестант.

Ответ был неожиданным для слушателей: «Рубля серебром нельзя, а семь копеек можно». Все так и покатились со смеху. «Семь! Семь! Ну давай хоть семь; твое счастье! Смотри ж береги заклад; головой мне за него ответишь!» Поторговавшись о процентах, при общем смехе закладчик заявляет:

«— Тугонёк ты, жид. А как тебя величать?»

— Исай Фомиць.»

[98] Там же. С. 402.

—Ну Исай Фомич, далеко ты у нас пойдешь! Прощай.»

Надо указать, что Исай Фомич был ювелиром и всегда имел заработок, работая по заказам начальства и вольных. Хотя система закладов была в остроге широко распространена, но деньги, вообще говоря, у беззащитного еврея могли просто отобрать. Однако, к удивлению автора, его «все как будто любили и никто не обижал, хотя почти все ему были должны». Сам же он, видя всеобщее расположение к себе, иногда «преловко отшучивался» от одного арестанта, для забавы беззлобно поддразнивавшего его. Надо заметить, что дразнивший был «из хохлов», а слушатели в основном русские. Достоевский приводит текст подобного диалога:

«— Эй, жид, приколочу!

— Ты меня один раз ударишь, а я тебя десять, — молодцевато отвечает Исай Фомич.

— Парх проклятый!

— Нехай буде парх!

— Жид пархатый!

— Нехай буде такочки. Хоть пархатый, да богатый; гр*о*ши ма.

— Христа продал.

— Нехай буде такочки.

— Славно, Исай Фомич, молодец. Не троньте его, он у нас один! — с хохотом кричат арестанты.

— Эй жид, хватишь кнута, в Сибирь пойдешь.

— Да я и так в Сибири.

— Еще дальше ушлют.

— А там пан Бог есть?

— Да есть-то есть.

— Ну нехай; был бы пан Бог да гр*о*ши, так везде хорошо будет.

— Молодец, Исай Фомич, видно, что молодец! — кричат кругом.»

Конечно, по современным понятиям Исай Фомич далеко не почтенная фигура, хотя надо напомнить, что наименование «жид» не имело тогда оскорбительного значения. Кроме того, чувствуется явное стремление дворянина Достоевского нет-нет да и подчеркнуть корыстолюбие тщедушного уроженца местечка. Отмечает он также любовь Исая Фомича к парной бане и к острожной театральной самодеятельности (своего рода культурно-воспитательное мероприятие в терминологии советского времени).

Но совсем по-другому выглядит Исай Фомич, когда речь идет о его приверженности к религии предков. Нередко он, слыша всеоб-

щие похвалы, начинал петь на всю казарму какую-то единственную песню и потом клятвенно уверял автора, что это тот самый мотив, который евреи пели, переходя Чермное море и что каждый еврей должен петь его во время торжества и победы над врагами.

Но главным для него была встреча субботы. Уже в пятницу вечером в его барак приходили другие арестанты смотреть, как Исай Фомич «будет справлять свой шабаш». При общем внимании он накрывал в своем уголке столик, раскрывал молитвенник, зажигал две свечки, облачался в молитвенное покрывало *талес* (автор называет это «ризою») и укреплял *тфилин* («ящичек на лбу»). Далее следует подробное описание молитвы. Согласно ему, «Исай Фомич как бы нарочно рисовался перед нами и щеголял своими обрядами. То вдруг закроет руками голову и начинает читать навзрыд. Рыдания усиливаются, и он в изнеможении и чуть ли не с воем склоняет на книгу свою голову, увенчанную ковчегом; но вдруг среди самых сильных рыданий он начинает хохотать и причитать нараспев каким-то умиленно торжественным, каким-то расслабленным от избытка счастья голосом. “Ишь его разбирает!” — говорят бывало арестанты». На расспросы автора Исай Фомич охотно объяснял, что плач и рыдания означают мысль о падении Иерусалима. Но при воспоминании, что есть пророчество о возвращении в Иерусалим, молящийся немедленно разражается бурной радостью, песнями, чтобы сильнее выразить счастье!

Но не только арестанты с уважением относились к молитвам Исая Фомича. Однажды во время молитвы в барак вошел вышеупомянутый свирепый самодур майор в сопровождении караульного офицера. Арестанты в страхе вытянулись у своих нар. Все хорошо знали, что майор был щедр на наказания розгами и прогонами по «зеленой улице». Только Исай Фомич не выказал вошедшему никакого внимания. Более того, как пишет автор, Исай Фомич начал еще более «кричать и кривляться». Когда майор подошел к нему на расстояние одного шага, молящийся повернулся спиной к столику и прямо в лицо майора начал читать нараспев свое торжественное пророчество, размахивая руками. Поскольку это был момент выражения счастья и благородства, то «он сделал это как-то особенно сощурив глаза, смеясь и кивая на майора головой. Майор удивился; но, наконец, фыркнул от смеха, назвал его тут же в глаза дураком и пошел прочь, а Исай Фомич еще более усилил свои крики». Автор сообщает, что прерывать молитву по закону было нельзя (! — *В. В.*),

но спросил, не боялся ли Исай Фомич, что майор на него может рассердиться. Исай Фомич стал уверять его, что «не видал решительно никакого майора, что в это время, при этих молитвах, он впадает в какой-то экстаз, так что ничего уж не видит и не слышит, что кругом происходит». Достоевский явно относится к этому недоверчиво, но представляется, что невозможно притворяться постоянно перед другими, даже для самого гениального актера.

По субботам Исай Фомич ходил под конвоем в молельню в город и затем слонялся по острогу и старался ничего не делать. Ему покровительствовали и свои «городские евреи». В общем, Исай Фомич, обладая хорошей специальностью и общей благосклонностью, жил, строго соблюдая верность вере отцов, «припеваючи» и ожидал выжить свой двенадцатилетний срок, чтоб «зениться».

Совсем по-другому выглядели главные православные религиозные праздники. Говоря в частности о Пасхе, глубоко верующий автор честно пишет, что как обычно «из города .завалили подаянием. Опять посещение с крестом священника, опять посещение начальства, опять жирные щи, опять пьянство и шатание»,[99] хотя, конечно, были и случаи проявления истинного благочестия. Он не скрывает того отрицательного впечатления, которое все это производило на арестантов-черкесов, поляков, татар, православных староверов, да и самого Исая Фомича.

Позднее, в «Дневнике писателя», Достоевский вспоминал, что во время пребывания на каторге и при отбывании солдатчины он встречал и других евреев, как было сказано выше. Писатель, правда, не может удержаться от лукавого предположения, что, возможно, окажись евреи в большинстве, они истребили бы беспощадно иноверцев.

Разумеется, описанное отношение арестантов к евреям — соузникам по каторге и сожителям по солдатским казармам отражает не только черты «загадочной русской души». Представляется, что уважают тех, кто сам себя уважает и открыто сохраняет приверженность своей вере, подобно евреям в остроге. Кстати сказать, это, по свидетельству самого же писателя, относилось не только к евреям, но и католикам, староверам и мусульманам. Впрочем, несомненно и то, что Достоевский в своих противоречивых высказываниях о евреях и еврействе внутренне ревниво и безуспешно пытался оспо-

[99] Там же. С. 626.

рить высказанную устами его же литературного героя Шатова глубокую мысль о том, что, начиная с древности, «евреи жили лишь для того, чтобы дождаться Бога истинного и оставили миру Бога истинного». И далее: «если великий народ не верует, что в нем одном истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же превращается в этнографический материал, а не в народ».[100]

Но при этом Федор Михайлович не мог не признать, что стихийное, прямо-таки подсознательное отторжение у массы узников острога вызывали не Исаи Фомичи и другие инородцы. Даже арестантов из польских повстанцев, открыто презиравших все русское, по его словам, «никто из каторжных в продолжение всего времени, как я был в остроге, не упрекнул их ни в происхождении, ни в вере их, ни в образе мыслей, что встречается в нашем простонародье относительно иностранцев, преимущественно немцев, хотя впрочем и редко. Впрочем, над немцами только разве смеются; немец представляет собою что-то глубоко комическое для русского простонародья. С нашими же каторжные обращались даже уважительно, гораздо более, чем с нами, русскими, и нисколько не *трогали* их».[101]

С явной горечью дворянин Достоевский отмечает отчуждение представителей его *сословия* от народа. Он пишет, что они «разделены с простонародьем глубочайшей бездной, и это замечается *вполне* только тогда, когда благородный вдруг сам, силою внешних обстоятельств действительно на деле лишится прежних прав своих и обратится в простонародье. Не то хоть всю жизнь свою знайтесь с народом, хоть сорок лет сряду каждый день сходитесь с ним по службе … или даже так, просто по-дружески, в виде благодетеля и в некотором смысле отца, — никогда самой сущности не узнаете. Все будет только оптический обман, и ничего больше. Я ведь знаю, что все, решительно все, читая мое замечание, скажут, что я преувеличиваю. Но я убежден, что оно верно. Я убедился не книжно, не умозрительно, а в действительности и имел очень довольно времени, чтоб проверить мои убеждения. Может быть, впоследствии все узнают, до какой степени это справедливо».[102]

---

[100] *Достоевский Ф. М.* Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 7. М., 1957. С. 266.
[101] *Достоевский Ф. М.* Записки из мёртвого дома. С. 672.
[102] Там же. С. 656.

Остается только добавить, что последующие события российской истории конца XIX — начала XX вв. полностью оправдали предчувствия великого писателя.

2. СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ М. С. ВОРОНЦОВ (1782–1856)

В очерке «Моя столица», посвященном его родному городу Одессе, пламенный певец сионизма Жаботинский, признавая себя идейным и закоренелым инородцем, счел все же своим долгом отдать дань глубокого уважения памяти князя М. С. Воронцова, одного из первых наместников этого края. Следует добавить, что у всех евреев России есть для этого самые веские основания, хотя А. С. Пушкин, видимо, не рассчитав в минуту раздражения силы своего гения, несправедливо заклеймил эпиграммой этого благородного человека.

Князь М. С. Воронцов

Михаил Семенович Воронцов родился 19 (30) мая 1782 г. в Санкт-Петербурге, в семье, принадлежащей к старинному и очень именитому дворянскому роду. Рано потеряв мать, он вместе с отцом, видным российским дипломатом Семеном Романовичем Воронцовым, назначенным послом в Англию, уезжает в Лондон. Там же прошли его детство и юность. Юный Михаил получил блестящее образование, изучил греческий, латинский и несколько европейских языков, не пренебрегая при этом, как многие русские аристократы того времени, русской историей и словесностью. С 12 лет он начинает помогать в работе своему отцу, страдавшему болезнью глаз. Разумеется, по правилам того времени он в 4 года был зачислен бомбардир-капралом в самый привилегированный гвардейский Преображенский полк и, как многие отпрыски знатных родов, к 16 годам «дослужился» до звания действительного камергера, что соответствовало генеральскому воинскому званию. Однако молодой человек по своему выбору поступа-

ет младшим офицером в действующую армию в Закавказье. Там он получает несколько боевых наград, производится в капитаны и становится георгиевским кавалером. Затем он принимает участие в европейском походе русской армии против Наполеона (1805–1807) и в русско-турецкой войне. Войну 1812 г. он встречает заслуженным командиром сводной гренадерской дивизии; в бородинском сражении его гренадеры защищали знаменитые Семеновские флеши. В ходе сражения из 4000 солдат дивизии в живых осталось только 300 человек. Во время одной из контратак возглавляемый им батальон был уничтожен, а сам Воронцов тяжело ранен. Доставленный в родовой дом Воронцовых в Москве, он отдает распоряжение, не заботясь о наследственных богатствах, предоставить все прибывшие за ними подводы раненым солдатам и офицерам. Все они были размещены в имении Воронцовых и обеспечивались за счет хозяина уходом, питанием и лечением.

В заграничном походе русской армии Воронцов принимает участие в качестве генерал-лейтенанта и кавалера ордена св. Александра Невского. После окончательной победы над Наполеоном ему поручается командование русским оккупационным корпусом во Франции. На этом посту в полной мере проявились административные и дипломатические таланты заслуженного генерала. Отметим только одну подробность. Воронцов, в то время граф, продал одно из своих имений, а вырученную огромную сумму в размере 1,5 млн руб. потратил для оплаты частных долгов офицеров корпусов. При этом вверенные ему войска показали такую выучку, что командующий союзными войсками во Франции герцог Веллингтон заявил, что завидует российскому императору, на службе у которого есть такие генералы, как Воронцов. Там же, в Париже, в апреле 1819 г. состоялось венчание графа с Елизаветой Ксаверьевной Браницкой, дочерью племянницы Г. А. Потемкина-Таврического.

В 1823 г. начался новый, гражданский, этап жизни и трудов М. С. Воронцова. Император Александр I назначает его генерал-губернатором Новороссийского края и полномочным наместником Бессарабской области. Обширный край, включавший в себя северное Причерноморье и Крым, представлял тогда нечто похожее на Дальний Запад США в период его освоения. Безлюдные плодородные степи, благодатный климат, удобные гавани, близость Средиземноморья, безусловно требовали новых людей, новых административных подходов, отличных от бюрократических приемов ,

характерных для высших администраторов Российской империи. Граф Воронцов полностью соответствовал своему высокому посту. Именно благодаря его просвещенному правлению расцвела столица края Одесса, получили развитие виноградарство и земледелие в Крыму, где он на свои средства построил сказочный дворец в Алупке, установилось регулярное пароходное сообщение на Черном море. Доброта и благожелательность графа распространялась на все многонациональное население руководимых им областей и на каждого его подчиненного. Правда, в случае с Пушкиным, которого он принял под свое покровительство по настоятельной просьбе друзей поэта, эти его, казалось бы, прекрасные черты характера сыграли с ним злую шутку. Желающим подробнее познакомиться с историей их взаимоотношений можно порекомендовать книжку В. О. Кацика и В. А. Удовика «М. С. Воронцов и А. С. Пушкин» (СПб., 1997).

Быстро увеличивающееся еврейское население края сразу почувствовало искреннее доброе чувство к себе, столь редко встречавшееся у вельмож Империи. Надо сказать, что, устанавливая в 1794 г. «черту оседлости» евреев, Екатерина II включила в нее недавно присоединенную Новороссию. Уже в 1794 г. евреи составляли около 10 % населения Одессы, тогда в городе существовали синагога, Талмид-Тора и другие общинные учреждения. На соседних со столицей края землях возникали еврейские сельскохозяйственные колонии. Стремительно развивавшаяся международная торговля привлекала многочисленных мигрантов из местечек Украины, Белоруссии, Литвы, Польши, а также из разных стран Европы. Как отмечал современник, «разные ремесла и промыслы процветают … у евреев в Одессе. Всякий порядочный ремесленник ведет здесь счастливую, беззаботную жизнь». Особенно укрепилось положение еврейской общины столицы края после переселения туда 300 богатых и образованных купцов из галицийского города Броды (на тот момент Австро-Венгрия). С установлением их контроля над местной общиной Одесса становится центром еврейского просвещения (Гаскалы) в России. М. С. Воронцов всемерно поддерживал начинания еврейских просветителей. В 1826 г. при его содействии открывается первая светская еврейская школа. Среди учителей был археолог и историк С. Пинскер, отец известного идеолога сионизма. В отличие от «хедеров» черты оседлости, в школе изучали общеобразовательные предметы и иностранные языки. Ее посещали и дети самых именитых людей общины. Впоследствии многие выпускники стали вид-

ными финансистами, купцами, общественными деятелями, а также медиками и фармацевтами. Надо особо отметить, что всесильный наместник находил время посещать ее и присутствовать при выпускных экзаменах. Позднее, в 1837 г., школа произвела благоприятное впечатление на Николая I, в целом недоброжелательно относившегося к евреям. Несмотря на противодействие религиозной традиционной оппозиции, еврейские просветители («маскилы») стали рассматриваться администрацией Воронцова как естественные представители еврейства Одессы и всего края. Именно в их среде впервые были сформулированы требования о предоставлении евреям полного гражданского равноправия. В Одессе было создано «Общество истории и древностей», где собирались, хранились и изучались рукописи, исторические документы и другие материалы, посвященные истории народов Северного Причерноморья и Крыма. Там находились и древние еврейские рукописи, найденные выдающимся караимским археологом А. С. Фирковичем. Следует указать, что М. С. Воронцов всемерно покровительствовал трудам Фирковича и предоставил ему разрешительную охранную грамоту на проведение необходимых работ, так называемый «открытый лист». Отметим при этом, что собиратель нередко злоупотреблял доверием всесильного покровителя.

Насколько это было возможно в рамках самодержавного государства, Воронцов всемерно старался улучшить не только экономическое и культурное, но и правовое положение евреев России. Об этом он недвусмысленно сообщал в своем послании одесскому еврейскому обществу в 1842 г. К сожалению, даже ему, одному из высших сановников Империи, не довелось многого добиться, но одно великое благое дело для еврейского населения России Михаилу Семеновичу все же удалось сделать. В конце своего царствования император Николай I, уделявший много внимания еврейскому законодательству, особенно в направлении усиления ограничений, решил провести в жизнь план разбора евреев на «полезных» и «бесполезных». Согласно этому плану, к «полезным» были отнесены купцы, ремесленники и земледельцы, к «бесполезным» — все, кто не имел «производительных занятий». На последних предполагалось обрушить новые, еще более тяжелые ограничения, насильственно выселить из деревень и местечек, а рекрутский набор увеличить против нормы в пять раз. И таким страшным карам предполагалось подвергнуть около 80 % еврейского населения России. Будучи изве-

щен о подробностях «разбора», Воронцов, находившийся на отдыхе в Лондоне, немедленно сообщил в послании государю свое резко отрицательное мнение. Характерно начало послания: «Сообразив все, что я знаю о евреях как по 20-ти летнему управлению краем, в котором пребывание оных допущено, так и по тому, что во время прежней моей службы мне случалось проходить и квартировать в западных губерниях, я изложил со всей откровенностью, по долгу службы и присяги». По его мнению, объявлять сотни тысяч людей бесполезными «круто и несправедливо». В эту категорию включено большое число мелких торговцев и посредников, крайне полезных для работы сельской промышленности и торговли. Столь жестокая мера разорит не только изгнанных из деревень, но жителей тех городов, куда эти несчастные будут направлены. Немаловажны и внешнеполитические последствия: «Плач и вопль столь огромного числа несчастных, которых постигнут печальные действия сей меры, будут служить порицанием и у нас, и за пределами России, правительства нашего». В конце своего послания Воронцов, намекая на собственный опыт, высказывает мнение, что для достижения целей правительства «довольно было бы и всего полезнее заняться теперь учреждением училищ, как мужских, так и женских».[103] Для того, чтобы в полной мере оценить его поступок, следует иметь в виду, что он хорошо знал упрямый характер императора и его недоброжелательное отношение к евреям. Будучи искушенным царедворцем, он не мог не понимать, что для него лично благоразумнее было бы просто держать свое мнение при себе. Как указывал Л. Толстой в романе «Хаджи-Мурат», Воронцов «не понимал жизни без власти и покорности» и «обладал всей силой тонкого ума, направленного на поддержание своей власти и утверждение и распространение своей популярности».[104]

Послание произвело сильное впечатление на придворные и правительственные круги и, хотя царь формально не изменил своего мнения, весь проект был «спущен на тормозах», а с восшествием на престол Александра II и вовсе забыт.

В 1844–1856 гг. Михаил Семенович занимает пост Наместника Кавказа и главнокомандующего войсками на Кавказе. На этом посту он был отмечен новыми наградами, получил звание генерал-фель-

[103] *Гессен Ю. И.* История еврейского народа в России. С. 100–101.
[104] *Толстой Л. Н.* Хаджи-Мурат // Толстой Л. Н. Собр. соч. М., 1953. Т. 14. С. 50–51.

дмаршала и титул Светлейшего Князя. Скончался он в своей любимой Одессе. Как сообщает его биограф М. П. Щербинин, «В одесской главной синагоге 15 ноября еврейское население совершило религиозное торжество; несмотря на обширность синагоги, она не могла вместить всех участников и присутствовавших при этом торжестве; на дворе и кругом здания толпилась сплошная масса народа. В речах на русском и еврейском языках изображена была жизнь фельдмаршала и исчислены благодетельные распоряжения его по управлению Краем, относившиеся собственно до евреев; повторены были последние слова привета и доброты, произнесенные Светлейшим Князем при приеме граждан за несколько дней до его кончины. По окончании служения роздана была щедрая во имя усопшего милостыня толпам, вокруг синагоги и по улицам собранным. Бывшие при этом торжестве свидетельствуют, что ничего нельзя было представить себе более трогательного и умилительного».[105] В качестве эпитафии этому выдающемуся человеку нельзя сказать лучше самого князя: **«Люди с властью и богатством должны так жить, чтобы другие простили им эту власть и богатство».**[106]

3. ИУДАИЗМ В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ

Положение на беспокойном Северном Кавказе, образно говоря, на протяжении двух веков периодически вылезает острым гвоздем из сидений тронов русских императоров, кресел советских генсеков, а теперь и президента демократической России. Однако в прошлом веке у царей в том регионе была надежная опора в лице казаков терского казачьего войска, образы которых запечатлены навечно пером Л. Толстого в повести «Казаки». Как живописует писатель, «казак большую часть времени проводит на кордонах, в походах, на охоте или рыбной ловле. Он почти не работает дома. Пребывание его в станице есть исключение из правила, и тогда он гуляет». И еще: «щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются или крадутся у них же».[107] Все хозяйство лежит на плечах женщин и наемных работников. Толстой особо отмечает, что казачки «большей частью

[105] *Щербинин М. П.* Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова. СПб., 1858. С. 328–329.
[106] *Захарова О. Ю.* Я князь, коль мой сияет дух. Подольск, 1997.
[107] *Толстой Л. Н.* Казаки // Толстой Л. Н. Собр. соч. М., 1951. Т. 3. С. 160.

и сильнее, и умнее, и развитее, и красивее казаков».[108] Трудно представить себе, что проживающие ныне в этих местах люди, постоянно взывающие о защите от чеченских набегов к далекой Москве, — потомки когда-то славного народа-воина. Но еще более невероятным представляется распространение тогда среди этого народа … иудейской веры. Однако обратимся к официальным документам из архива Терской области (стиль и орфография цитируемых документов по возможности сохраняются, даты приводятся по старому стилю).

Согласно административному делению Российской империи, Терская область включала в себя всю восточную часть Северного Кавказа вдоль долины Терека, т. е. все земли от современной Северной Осетии — Алании до Каспийского моря. В столице области — Владикавказе — особое внимание, естественно, обращали на опору имперской власти над беспокойными горскими племенами Чечни и Дагестана — казачество, считавшееся к тому же оплотом христианства. Судя по материалам архива, первый тревожный сигнал прозвучал в 1836 г., «генваря 25 дня». В написанной специфическим «писарским» почерком с кудрявыми завитушками «Ведомости о состоянии в Гребенском Казачьем Полку разного рода людях» командующий полком указывает, что во вверенном ему подразделении числятся … евреи в числе 10 душ мужского пола и 8 душ женского.[109] Надо указать, что у казаков полк был не только боевой, но и административной единицей, поэтому учитывалось казачье население обоего пола. В ведомостях из станиц Кавказского и Волгского Казачьих полков также указывается наличие подобного рода лиц, именуемых, правда сектантами — «субботниками».[110]

В то время шла тяжелая Кавказская война и, казалось бы, у русского командования было достаточно проблем в связи с не слишком удачным ходом боевых дел. Тем не менее Штаб войск Кавказской линии и Черномории счел дело настолько важным, что направил 12 апреля 1838 г. особое секретное (!) послание (рапорт) «Наказному Атаману Линейного Кавказского Казачьего Войска Господину Генерал Маиору и кавалеру Николаеву». В послании запрашивалось «сведение о числе Субботников и прочих раскольников, находящих-

[108] Там же. С. 161.

[109] Центральный государственный архив республики Северной Осетии — Алании (далее ЦГА РСО-А), ф. 3 (Канцелярия наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска), оп. 1, д. 32, л. 3.

[110] ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 32, л. 11.

Поручик Гребенского казачьего полка Федюшкин и его жена.
(Альбом акварели князя Голицына)

ся во вверенном Вам Войске». В конце указывается, что сведение это ожидается «в непродолжительное время».[111] Отметим, что хотя запрашивается информация о всех сектантах, но субботники явно выделены особо.

Ответный рапорт, также секретный, «Командующему войсками на Кавказской линии и Черномории господину Генерал маиору и Ка-

[111] ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 45, л. 1–1 об.

валеру Раевскому» поступил оперативно — 21 мая 1838 г.[112] Составителями приложенной к рапорту ведомости «О числе семейств и в них душ мужского и женского пола, как субботников, так и прочих раскольников, находящихся в Кавказском Линейном Казачьем войске» были младшие казачьи офицеры — хорунжие и сотники. Очевидно поэтому в ведомости по-военному четко субботники именовались «жидами, приемлющими вместо крещения обрезание». Оказалось, что таковые «жиды» имеются во многих полках, но тревожней всего для начальства дело обстояло в Хоперском Казачьем полку. Там их было 62 семейства, в которых числилось 151 лицо мужского пола и 144 лиц женского!

К тому же выяснилось, что некоторые из этих людей захотели получить «письменные виды» на отлучки из мест их жительства и даже переселяться в Закавказские провинции империи наравне с православными. Дело дошло до самого императора Николая I, уделявшего, как известно огромное внимание «еврейскому вопросу». Его решение, согласно опять-таки секретному посланию Командующего Войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта Граббе вышеупомянутому атаману Николаеву гласило: «Оставить означенных субботников в настоящем их положении, и приложить все старания об обращении их в православную веру; — особенно в сем отношении внимание должно быть обращено на детей их». Естественно, что поскольку высшее руководство нашло состояние «идеологической работы» неудовлетворительным, то следовало разработать необходимые мероприятия. Письмо генерал-лейтенанта подтверждает лишний раз, что это не было изобретением советского времени. Показательны и меры, предложенные командующим атаману, которого ранее, видимо, больше интересовали боевые дела казаков, чем их духовно-богословские искания. Сначала следует общая часть: «Как в деле сем весьма много зависит от ослабления в умах раскольников фанатического убеждения в справедливости иудейской веры, то вменить в обязанности толковому начальству под личным наблюдением Вашего Превосходительства при всяком удобном случае делать субботникам внушения, в виде упреков в тяжком их заблуждении; причем должно всемерно отчуждать Православных от всяких сношений с ними в общественном быту и именовать их и заставить их самих именоваться не иначе как людьми Жидовской

[112] ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 45, л. 3, 4, 5, 7 об., 8, 12, 23–23 об., 25.

секты». Последний пассаж показывает, что другие казаки никакого предубеждения к своим «жидовствующим» станичникам не испытывали. Более того, начальство было не слишком уверено в твердости убеждений православных, которых надо «отчуждать» от соседей и боевых товарищей.

Далее: «В отношении детей и юношей употреблять, смотря по возрасту, те же меры, дабы унижением сим возбудить в них отвращение от… секты и желание избавиться от оной; сверх того посредством благонамеренных людей, почтенных хорошею нравственностью, или старостию лет, стараться убедить детей о греховном заблуждении отцов их, коих предки были христиане, но отпали от православия».

Однако самым знаменательным и в целом знакомым можно признать следующий пункт: «наконец, внушить им понятие о том презрении, которое справедливо тяготеет над их единоверцами жидами во всех странах света, и о невыгодах, предстоящих им в новом звании через жидовство, ибо секта их *преграждает им путь к производству в чины и к отличиям, установленным за усердие и храбрость*» (выделено мной. — *В. В.*).

Как бы спохватившись, в конце письма признаются все же главным действия православного духовенства. Однако опять-таки обсуждаются возможности использования мер сугубо полицейского характера, в частности изъятия у субботников книг на русском языке, содержащих толкование и обучение «жидовской» веры.

Примечательно и окончание этого послания, представляющее своего рода крик души: «в заключение всего вышеизложенного поручаю Вашему Превосходительству войти в подробнейшее изыскание сокровенных причин столь несообразной для русской нации приверженности к жидовству и способов, могущих служить надежнейшим средством к уничтожению этого зла; и прошу соображения Ваши представить ко мне».[113]

В соответствии, видимо, с исконной российской традицией, в полном объеме сохранившейся и в советские, и в нынешние демократические времена, в ответ на спущенную сверху руководящую бумагу пошли указания в нижестоящие инстанции. К делу, разумеется, привлекли и руководителей официальной церкви, представлявшей тогда главное учреждение Империи по идеологической работе.

[113] ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 49, л. 1–2 об.

Из ответного послания командующему генералу Граббе архиепископа Новочеркасского Афанасия от 7 ноября 1838 г. видно, что по получении запроса генерала о необходимых мерах в отношении жидовствующих субботников церковными властями было немедленно дано указание священнослужителям «при всяком удобном случае с кротостью и благоразумием убедить жидовствующих субботников и детей их к принятию Христианской веры, яко единой ведущей к истинному познанию Бога и к достижению в будущей жизни вечного блаженства». То есть, говоря языком советского времени, было рекомендовано «поднять уровень политико-идеологической воспитательной работы». Как видно, до руководящего указания эта проблема местное духовенство не слишком занимала. Но сам архиепископ был, как видно, в достаточной степени реалистом, чтобы не верить в успех чисто духовных мер, и предложил определять детей субботников «в гражданские или военные училища (т. е.изолировать их от родителей. — В. В.), в которых законоучителям поставить в непременную обязанность иметь особое попечение о внушении детям субботников чистоты и святости Христианской веры». Полезным он находил также лишить субботников книг, содержащих «толкования учения жидовской веры», правда, при том условии ,что «если бы можно было истребить те книги без стеснительных мер и упорства со стороны жидовствующих».[114]

Из канцелярии Наказного Атамана Кавказского Линейного Казачьего Войска Генерал-майора Николаева поступил в январе 1839 г. более пространный рапорт. В ответ на Высочайшую волю «войти в подробнейшие изыскания сокровенных причин столь несообразной для русской нации приверженности их к жидовству» высказываются довольно неожиданные соображения. Как следует из рапорта, это «зло» принесли выходцы из Новороссийского края, «куда предки их, до того исповедывавшие уже жидовство, при первоначальном заселении края сего для свободнейшего отправления своих обрядов из различных мест России переселились и, будучи напутствуемы от жидов, в большом числе из разных мест, особенно из Польши туда пришедших, по закостенелости нравов и невежеству противу всяких убеждений об обращении в христианскую веру остались непреклонными». Рекомендуемые в рапорте меры тоже не отличались оригинальностью. В целом они совпадают с предложенными архиеписко-

[114] ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 49, л. 5–5 об.

пом. При этом выдвигаются возражения против насильственного истребления «вредных» книг , «поскольку в Кавказской области разного звания людей жидовствующих есть целые селения(! — *В. В.*) и, кроме того, много рассеяно по разным местам. Большая часть из них богаты или зажиточны, следственно, взамен отобранных они охотно снабдят единоверцев своих книгами новыми».[115]

Создается впечатление, что переписка шла по бюрократическому принципу: каков вопрос — таков ответ. Чувствуется, что сам по себе вопрос о наличии среди станичников «людей жидовствующих» не только не беспокоил, но и не особенно интересовал как простых казаков, так и местные светские и духовные власти. Но раз высшее начальство требует, то надо реагировать. В частности, предлагается набирать детей субботников в число фельдшерских учеников, но по окончании обучения допускать к лечению больных только после «Святого Крещения». Идея понравилась, и в архиве имеется первый список этих юных «кантонистов» от Хоперского казачьего полка. Среди них дети от 14 лет (Соломон Латышев, Яков Жуков, Давид Стругалин) до 7–8 (! —*В. В.*) лет (Моисей Латышев, Сруль (! — *В. В.*) Аникин, Яков Соколов, Яков Новицкой). Секретно предписывалось рассылать их подальше от родных станиц, подальше от родителей, в надежде, что «дети могут ослабнуть в своих убеждениях».[116]

Разумеется, начальству были представлены посемейные списки субботников, с указанием, когда те приняли эту веру. Эти документы сами по себе представляют интереснейший материал для исследования. Вот, например, данные по Гребенскому казачьему полку от 11 ноября 1839 г. Среди жидовствующих указываются урожденные гребенские казаки. Отставной сотник Василий Ермолаев принял эту веру в 1812 г., при том, что его жена Евдокия староверка. Урядник Никифор Ермолаев, его жена Марья, брат его Исай, жена брата Федосья, дети Осип, Афросинья и Марья приняли эту веру также в 1812 г. Добавим еще семью казака Трофима Шавырева (обратился в 1819 г.), также коренного уроженца станицы. Интересно, что хотя его жена Анна осталось верной староверческому направлению православия, их дети — сыновья Фирс и Савелий и дочь Екатерина — последовали примеру отца. Аналогичным образом обстояло дело в семье его брата Тимофея.[117] Не вдаваясь в подробное обсуждение

[115] ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 49, л. 5–7 об.
[116] ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 49, л. 12–13.
[117] ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 49, л. 21–21 об.

темы, все же отметим, что, хотя действительно некоторые семьи прибыли из Воронежской, Саратовской и Екатеринославской губерний, все же в основном речь идет о коренном казачьем населении,[118] так что объяснение о происхождении столь «несообразной для русской нации веры», данное в рапорте, вряд ли можно признать исчерпывающим.

Беспокойство начали проявлять и местные власти. Например, имеется запрос атаману Николаеву об опечатании дома, приобретенного субботниками для организации школы.[119] Из Саратовской губернии 25 мая 1842 г. командиру Хоперского Казачьего полка подполковнику Игельстрому из канцелярии гражданского губернатора поставлено на вид, что, несмотря на строжайшее запрещение выдавать паспорта для отлучки в другие места всем принадлежащим к «жидовской секте», сектанты-казаки его полка Соломон Шишкин, Михаил Соколов, Степан Плотников и Иван Осокин прибыли в губернию для покупки дегтя.[120] Подполковнику пришлось оправдываться тем, что оплошность допустил его заместитель, пока он сам находился в отпуске.[121]

Документы архива свидетельствуют, что все время царствования Николая I вопрос о субботниках постоянно беспокоил власти. Укажем только рапорт от 31 мая 1845 г. начальника штаба Войск Кавказской линии и Черномории генерал-майора Фомина опять-таки Наказному Атаману Кавказского линейного казачьего войска. Фомин, ссылаясь на обращение епископа Кавказского и Черноморского Иеремии к Командованию Войск о потворствовании (! — *В. В.*) со стороны местного начальства субботникам станицы Александровской, просит «произвести строжайшее следствие при депутате со стороны духовной и дело представить по команде, оградив христиан и священника станицы Александровской от вредного влияния субботников».[122] К сожалению, недостаток места не позволяет привести полностью жалостливое обращение епископа.

После начала нового царствования в 1855 г. петербургское правительство занимают другие проблемы, и переписка по делам жидовствующих резко сокращается. Дела архива, относящиеся

[118] ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 49, л. 26–31.
[119] ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 49, л. 42–42 об.
[120] ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 73, л. 1–1 об.
[121] ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 73, л. 8.
[122] ЦГА РСО-А, ф. 2, оп. 1, д. 82, л. 1–1 об.

к 1870-м годам, касаются уже в основном права жительства «сектантов-иудействующих», как их стали вежливо называть. Интересно, что сами они, согласно документу Владикавказской городской управы от 22 февраля 1877 г., просили причислить их к «еврейскому обществу и показывать их в посемейном списке наравне с евреями, а также исполнять для них обряд по еврейскому закону».[123] Показательно, что заявителей не останавливала неизбежность распространения на них ограничений в правах, которым официально подвергались в Империи лица иудейского вероисповедания. Еврейское общество Владикавказа, видимо, появившееся там в пореформенное время, не возражало, но, опасаясь репрессий, запросило мнение начальства. Однако полицейские власти, как свидетельствуют дальнейшие документы архива, не могли решить, как обходиться в правовом отношении с лицами, именующими себя «русскими людьми иудейского вероисповедания». Дело дошло до обращений «иудействующих» к самому императору Александру II во время его пребывания на Кавказе. Но царю, видимо, надоели бесконечные прошения обывателей (среди которых была, между прочим, и просьба «отставного казака Михайловской станицы Владикавказского округа Ильи Тесненкова о воспрещении полковнику Центаловичу иметь прелюбодеяние с его женой»[124]). В результате все прошения были переадресованы местным властям и судам.

Принципиальное улучшение наступило только после манифеста 17 октября 1905 г., содержавшего обещание свободы вероисповедания. 20 октября 1907 г. в столице Терской области после консультации с Владикавказской духовной консисторией была разрешена организация религиозной общины под названием «Иудействующая секта»; при этом, однако подчеркивалось, что ее действие допускается только в городе Владикавказе. От ее активистов Иосифа Яковлевича Уракова, Якова Федоровича Лунева и Анисима Михайловича Бучнева через полицмейстера было истребовано описание вероучения секты, догматов и обрядов.[125] С тех пор община во Владикавказе существовала официально — но, конечно, не беспроблемно.

О внутренних конфликтах в секте свидетельствует прошение мещанина города Владикавказа Моисея Анисимовича Бучнева на

[123] ЦГА РСО-А, ф. 11 (Терское областное управление), оп. 13 (1-е распорядительное отделение, 4-й стол), д. 150, л. 1–1 об.

[124] ЦГА РСО-А, ф.11, оп.13, д.61, л.20–21 об.

[125] ЦГА РСО-А, ф.11, оп.14, д.737, л.16–16 об.

имя Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска. Податель прошения, «вероисповедания иудействующего», владелец кузнечно-слесарной мастерской, вынужден был посещать ее для надзора над работающими по субботам, хотя, согласно учению секты, сам не работал. 3 декабря 1910 г. у него родился сын и, когда он захотел совершить над ним обряд обрезания, то враги оклеветали его, обвинив перед наставником (раввином. — *В. В.*) Василием Черниковым в несоблюдении праздника субботы. К числу врагов просителя присоединился и Черников, отказавший отцу в занесении имени сына в метрическую книгу иудействующей секты и угрожавший исключением из общины ему самому и присутствовавшим при обрезании его сына членам общины. Прошение заканчивается просьбой о помощи и содействии в восстановлении справедливости.[126] Столь необычная просьба Моисея Бучнева была удовлетворена и соответствующее указание было направлено «Наставнику Владикавказской иудействующей секты».[127]

В архиве сохранились посемейные списки членов общины за 1918 г. и частично — начала 20-х годов.[128] Последний документ архива о субботниках — это справка о том, что согласно регистрационному списку на 1 января 1929 г. членами Владикавказской Иудействующей субботней секты значились Селиванов Давид Иванович, его жена Матрена Ивановна и дети Александр и Екатерина.[129]

Сведений о дальнейшей судьбе этого движения уже не содержится в документах Владикавказского архива. Но нет никакого сомнения, что поиски любознательных исследователей не останутся бесплодными. Ведь только самоуверенные властители Российской империи полагали иудейство «несообразным русской нации». Впрочем, и другие правители России всегда были слишком заняты своими делами, чтобы интересоваться мнениями управляемого ими народа.

4. АВРААМ ЯКОВЛЕВИЧ ГАРКАВИ (1839–1919)

Жизнь и труды А. Я. Гаркави представляют собой яркую страницу в истории востоковедения и еврейской культуры в России. Этот

---

[126] ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 17 (1-е распорядительное отделение, 2, 3, 4 столы), д. 405, л. 1–5.

[127] ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 17, д. 405, л. 2–3 об., 4, 6.

[128] ЦГА РСО-А, ф. 296 (Церкви и общины Терской области), оп. 1, д. 454, л. 1–8; ЦГА РСО-А, ф. 296, оп. 1, д. 454, л. 9 об.–19.

[129] ЦГА РСО-А, ф. 296, оп. 1, д. 454, л. 17.

А. Я. Гаркави

человек удивительным образом сочетал традиционную еврейскую ученость со всесторонней европейской образованностью, неиссякаемое трудолюбие и глубокие познания исследователя — со страстным талантом публициста. Известный ученый-ориенталист, он был горячим защитником прав своего угнетенного в царской России народа.

За 50 лет неустанных трудов он опубликовал сотни научных работ,[130] обогатил востоковедение новыми, недоступными ранее источниками и оригинальными исследованиями. До сих пор сохраняют свое значение для историков изданные Гаркави свидетельства древних восточных писателей о славянах и других народах Восточной Европы. Более того, можно смело утверждать, что Гаркави был одним из создателей и активных деятелей русско-еврейской публицистики. Во многом благодаря ему наука о разных сторонах еврейской философии, религии, культуры заговорила на русском языке. В этом смысле он много сделал для знакомства с историей и культурой евреев в России.

Родился Гаркави 15 (27) ноября 1839 г. Его родиной был старинный город Западной Белоруссии — Новогрудок Минской губернии, в самом центре пресловутой Черты оседлости евреев в России. Документы сообщают о наличии еврейской общины в городе в начале XVI в. Отцом Гаркави был ученый раввин Яков Гаркави. От него, старшего брата Гершона и дедушки по матери Натана Вейсбрема будущий ученый получил основательное традиционное религиозное образование. Можно быть уверенным, что в соответствии с талмудическим трактатом «Пирке авот» (Поучения отцов) юный Гаркави в 5 лет начал изучать Тору (Писание), в десять — Мишну (древнейшую часть Талмуда), а в пятнадцать — Гемару (комментарии к Мишне).

[130] Библиография работ А. Я. Гаркави см.: Юбилейный сборник в честь Гаркави — Зихрон ле-Авраам (иврит). СПб., 1909.

Все как будто предвещало молодому человеку карьеру отца. Некоторое время он учился в различных религиозных училищах (ешиботах) и в 1858 г. поступил в Виленское раввинское училище. Раввинские училища были открыты царским правительством еще в 1847 г. в городах Вильно (Вильнюс) и Житомир. В этих училищах предусматривалось преподавание, наряду с религиозными дисциплинами, также и общеобразовательных предметов в объеме гимназического курса.

С началом наступившего после смерти Николая I оживления общественной жизни в России интерес к этим училищам среди евреев усилился. Этому способствовали также некоторые либеральные мероприятия правительства Александра II (посетившего, кстати сказать, Виленское раввинское училище в 1858 г.): учащиеся освобождались от рекрутского набора, а успешно сдавшим экзамены по латинскому и французскому языкам было предоставлено право поступать в университеты. Гаркави воспользовался этим правом и в 1863 г. поступил на восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Хорошая подготовка и блестящие способности обратили внимание профессоров на редкого тогда студента-еврея из далекого Новогрудка.

Научные интересы Гаркави в значительной степени определились заветами русского историка Карамзина о необходимости изучения восточных источников, относящихся к древней истории России. Сохранилось много (правда, разрозненных) свидетельств древних арабских авторов о славянских и других народах Восточной Европы. В своей магистерской диссертации «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских» Гаркави поставил своей целью собрать и опубликовать эти ценнейшие исторические источники.

С задачей он справился блестяще. Уже многие десятилетия спустя глава советской школы арабистики И. Ю. Крачковский писал о труде Гаркави: «В известной мере эпоху в нашей области открыла его магистерская диссертация, защищенная в 1868 году, — “Сказания мусульманских писателей о славянах и русских”. Опубликованная через два года, она и до сих пор в целом не заменена более новым сводом».[131]

Итак, все как будто складывается благополучно, молодой ученый командируется факультетом за границу с целью подготовки к про-

[131] *Крачковский И. Ю.* Избранные произведения. Т. 5. М.; Л., 1958. С. 98.

фессуре. Гаркави этот успех особенно окрыляет — ведь он не заплатил за него отступничеством от религии предков. В Берлине он изучает египтологию, а в Париже — ассириологию. После возвращения в Петербург Гаркави получил кафедру Древнего Востока. Блестящая академическая карьера — должность профессора столичного университета России — казалось, была открыта пред ним. Но… внезапно все рухнуло. Гаркави был забаллотирован при утверждении в должности. Сейчас трудно определить причину такого неоправданного решения. Скорее всего, профессор-еврей был явно неприемлем для значительной части профессуры университета. Можно себе представить, что переживал молодой ученый! Однако жизнь устроена так, что не знаешь, где найдешь и где потеряешь! Возможно, что именно такому повороту судьбы Гпркави обязан своими достижениями.

Дело в том, что Императорской публичной библиотеке в Санкт-Петербурге в это время потребовался высококвалифицированный специалист-семитолог для научной обработки поступивших в библиотеку бесценных рукописных собраний А. С. Фирковича. Их составителем был проживавший в Крыму самобытный караимский[132] ученый Авраам Самуилович Фиркович. Пользуясь покровительством всесильного наместника Новороссии графа М. С. Воронцова, человека деятельного и просвещенного, Фиркович в ходе трудных, длительных и нередко опасных путешествий собрал огромное количество (около 15 000) древних рукописей на еврейском, арабском, самаритянском, караимском и других восточных языках. Среди них свитки Пятикнижия, библейские кодексы, богословские, философские, законоведческие, грамматические, литературные и исторические тексты.[133]

Большой интерес представляли также снимки и копии надгробных надписей с древнего караимского кладбища в Чуфут-Кале (близ Бахчисарая) и других мест Крыма. Некоторые рукописи были созданы ранее IX в., а двадцать — ранее X в. Подлинной жемчужиной коллекции явилась рукопись, датированная 916 г. н. э. — кодекс, содержащий книги пророка Исайи, Иеремии, Иезекииля, а также

[132] Караимы — приверженцы направления в иудаизме, отвергающего Талмуд в качестве священной книги.

[133] См.: *Вихнович В. Л.* Караим Авраам Фиркович. СПб., 1997; *Лебедев В. В.* К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А. С. Фирковича // Палестинский сборник. Вып. 29. Л., 1987.

12 «малых» пророков. Кодекс был написан с использованием так называемой вавилонской системы гласных с обозначением их специальными значками над буквами.

Библиотека приобрела у Фирковича также уникальное собрание самаритянских рукописей, без которых было бы невозможно изучение истории, культуры и религиозной жизни, а также обрядов этой интересной общины. Позднее фонды Отдела рукописей пополнились Вторым собранием Фирковича, которое, по мнению специалистов, достойно дополнило предыдущее. В этом собрании хорошо представлены все виды средневековой еврейской литературы, в том числе большое количество полемических и апологетических сочинений, поэтических произведений, а также работ, посвященных медицине, астрономии, зоологии, гомилетике, каббале и т. д.

Особый интерес представляют исторические тексты, содержащие ценнейшие сведения по истории евреев, хазар, славян и других народов Восточной Европы и Ближнего Востока. Среди них подлинный уникум — пространная редакция послания хазарского царя Иосифа еврейскому сановнику мусульманской Испании Хасдаю ибн Шапруту.

И вот судьба распорядилась таким образом, что Гаркави оказался на протяжении практически всей своей жизни, вплоть до кончины в 1919 г., главным исследователем этих сокровищ. Научная обработка, публикация и вовлечение в научный оборот материалов коллекций Фирковича стало важнейшим делом его жизни. Официально он числился заведующим отделением еврейских книг и способствовал пополнению соответствующего фонда Публичной библиотеки.

Обладая острым аналитическим умом, Гаркави в своих исследованиях и публикациях опирался только на им самим проверенные источники. Его многочисленные статьи по вопросам караимства, еврейского сектантства, малоизученной истории возникновения Талмуда, во многом загадочной истории евреев в раннем Средневековье печатались в различных изданиях на русском, еврейском и немецком языках. Особое внимание привлекают его научные комментарии к V и VI томам русского перевода «Истории евреев» Г. Греца, представляющие собой специальные исследования. Эти тома охватывают период от 500 по 1200 г. н. э. Гаркави впервые подготовил к публикации в изданиях Императорской публичной библиотеки многочисленные тексты сочинений иудейских авторов эпохи гаонов и Средних веков. Благодаря ему эти источники стали доступны ис-

следователям. Его перу принадлежат оригинальные труды по истории караимства, среди которых следует отметить статью о караимах в «Энциклопедии Брокгауза и Эфрона», а также «Очерки по истории караимства» и «Известия караима Киркисани о еврейских сектах».

Одним из главных направлений научных интересов Гаркави была история евреев в России и Польше. Еще в 1865 г. он написал работу «О языке евреев, живших в древнее время на Руси». За ней последовали «Русь и русское в средневековой еврейской литературе», «Следы знакомства с еврейским языком в древней русской письменности». К этим работам примыкают публикации древних еврейских и арабских источников о народах Восточной Европы и Кавказа. Среди них упомянутая выше книга «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», «Сказания еврейских писателей о хазарах», «Сообщения о хазарах» и др.

Поразительно, что до сих пор историки древней Руси мало используют труды Гаркави, в которых приведены интереснейшие свидетельства современников. Вот, например, рабби Элиэзер бен Натан из Майнца, живший в XII в., сообщает о торговле с Русью: «Древние, путешествуя в Русию, брали, бывало, платья и товары, не имеющие определенной цены, в долг с тем, чтобы заплатить за них по прошествии определенного времени». А вот его свидетельство об успехах христианизации Руси за 100–150 лет после крещения: «В Русии и в Греции жители весьма привязаны к своей вере, ибо они делают на воротах своих домов и на стенах изображение своих богов (иконы)».[134]

Большой интерес представляют исследования Гаркави, показавшие, что разговорным языком евреев, постоянно проживавших в Древней Руси, был язык окружающего населения — древнерусский. Гаркави только начал изучение еврейских источников по истории евреев Древней Руси. Эту работу, конечно, следует возобновить и продолжить как гебраистам, так и специалистам по славянской филологии. В качестве ближайшего предмета исследования мог бы явиться хранящийся, по данным Гаркави, в Ватиканской библиотеке «Список еврейского комментария на Пятикнижие, написанный в 1094 г. на Руси».

Тематически связаны с этим направлением труды Гаркави по средневековой истории евреев Польши, Литвы, Украины и России.

---

[134] *Гаркави А.Я.* Русь и русское в средневековой еврейской литературе. С. 239–351.

При работе над ними он проанализировал множество труднодоступных еврейских и славянских источников. Большая часть статей Гаркави на эту тему опубликована в журналах «Гамелиц» и «Гакармель», выходивших на еврейском языке. На русском языке был напечатан «Исторический очерк синода четырех стран». При работе над очерком Гаркави использовал большой круг еврейских и польских источников за 100 лет (с 1514 по 1614 г.). Появление очерка вызвало большой общественный отклик.

Не следует забывать, что Гаркави был европейски образованным ученым и, конечно, успешно работал и в области истории Древнего Востока. К циклу этих трудов относятся работа «Об историческом значении надписи моавитянского царя Меши (IX в. до н. э.) и докторская диссертпция «О первоначальном обиталище Семитов, Индоевропейцев и Хамитов» Важное значение имеет также составленный совместно с немецким ученым Штраком на немецком языке «Каталог еврейских рукописей Библии, находящихся в Императорской Публичной Библиотеке» (1875).

Немалый вклад внес Гаркави в еврейскую эпиграфику. Эта сторона его научной работы тесно связана с историей крымских находок А. С. Фирковича и представляет собой драматический эпизод в русской научной публицистике. Дело в том, что первым серьезным исследователем эпиграфических находок Фирковича был известный востоковед Д. А. Хвольсон. В книге «18 надгробных камней из Крыма»[135] он без всяких колебаний признал подлинность текстов надгробий с древнего караимского кладбища Чуфут-Кале, самые ранние из которых датируются началом нашей эры. В 1872 г. вышла книга самого Фирковича «Авнэ Зиккарон» с текстами очень древних надгробных надписей с еврейских кладбищ. Кроме того, на некоторых древних рукописях, найденных Фирковичем, имелись приписки, содержащие сведения исторического характера, причем эти сведения зачастую прямо подтверждали или даже дополняли информацию, содержащуюся в надгробных надписях.

В целом источники сообщали поразительные вещи. Они свидетельствовали, что крымские караимы якобы являются потомками евреев, поселившихся на полуострове чуть ли не со времен персидских царей Кира и Камбиза, а город Чуфут-Кале был подарен им за помощь персам в их борьбе со скифами. Гаркави ответил на

[135] *Хвольсон Д. А.* 18 еврейских надгробных памятников из Крыма. СПб., 1866.

это в 1876 г. обширной монографией на немецком языке «Древнееврейские памятники из Крыма, о которых сообщил А. Фиркович»[136]. В этой работе полностью проявилась великолепная научная подготовка Гаркави, прекрасная осведомленность в истории и географии древнего и средневекового Востока, русской и мировой истории. Гаркави продемонстрировал также глубокие познания в европейской эпиграфике и сравнительной филологии. Трудно перечислить языки привлеченных им источников. Самый древний из них написан клинописью.

В результате подробного анализа Гаркави пришел к выводу, что Фиркович сознательно фальсифицировал все надгробные надписи и приписки к рукописям — колофоны, датируемые ранее XII в. Эта работа Гаркави является не просто академическим трудом, но одновременно и страстным публицистическим выступлением. Он обвинил уже покойного к тому времени Фирковича в том, что последний подделал надгробные надписи и колофоны, имея в виду крайне недобросовестную цель. По мнению Гаркави, он хотел найти «доказательства» того, что предки российских караимов якобы поселились в Крыму еще до начала новой эры и поэтому их не могло быть в Палестине во время казни Иисуса Христа, в отличие от сторонников Талмуда — раввинистов. Такое отмежевание от собратьев по вере давало доводы в пользу предоставления караимам России полных гражданских прав, которых была лишена основная масса еврейского населения, исповедовавшая иудаизм раввинистского толка. Гаркави резко выступил в монографии против использования науки в недобросовестных целях.

Вызванная этой монографией дискуссия Гаркави с Хвольсоном продолжалась много лет, и в широких кругах общественности сложилось мнение, что абсолютно все прошедшее через руки А. Фирковича «подозрительно», а сам коллекционер приобрел печальную славу фальсификатора. Как бы предвидя такой оборот, Гаркави специально отмечал большие заслуги Фирковича перед наукой. «Достаточно сослаться, — писал он, — на его неутомимые поиски и находки древних манускриптов Библии в Крыму и на Востоке, первую

[136] *Harkavy A.* Altjüdische Denkmäler aus der Krim, mitgetheilt von Abraham Firkowitsch // Mémoires de l'Akadémie impériale des sciences de St. Pétersboug. VII sér. T. XXVI, № 1. St. Petersbourg, 1876 (Русский перевод В. Л. Вихновича депонирован в Российской национальной библиотеке и Библиотеке Санкт-Петербургского отделения Института Востоковедения РАН).

публикацию Вавилонской системы пунктуации, спасение многих самаритянских рукописей от неминуемого уничтожения, публикацию древнейших произведений караимских писателей и т. д.».[137] К сожалению, эти слова Гаркави многими прочно забыты.

Гражданская позиция Гаркави проявилась в его активном участии в общественной жизни. Много лет он был членом «Общества по распространению просвещения среди евреев в России» (ОПЕ). Он много содействовал учреждению различных благотворительных обществ, в частности, помогавших отставным еврейским учителям и еврейским студентам. При его активном участии была организована великолепная Еврейская академическая библиотека. Ко времени кончины Гаркави библиотека насчитывала 50 000 томов на 15 языках по всем вопросам иудаики и гебраистики. Впоследствии в эту библиотеку поступило и его собственное собрание книг и рукописей.[138] В эту же библиотеку попал и главный труд Гаркави — результат более чем сорокалетней работы в качестве библиотекаря в Императорской Публичной библиотеке. Он содержит описание собраний Фирковича и Антонина, хранящихся в библиотеке, и извлечения из них. По свидетельству писателя и гебраиста Д. Г. Магида, описание представляет собой рукопись объемом примерно в 300 печатных листов. Она состоит из разделов:

- История евреев вообще;
- История еврейской культуры;
- История еврейской письменности;
- История еврейских обществ;
- История караимов;
- История еврейской философии;
- Еврейская филология;
- Математика, физика;
- Медицина, астрономия и т. д.[139]

Долгое время считалось, что этот капитальный труд пропал безвозвратно. Однако сравнительно недавно выяснилось, что он чудом сохранился и находится в фондах Библиотеки АН Украины.

---

[137] Там же. S. VII. Об открытиях Фирковича и полемике относительно их подлинности см.: *Вихнович В. Л.* Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012.

[138] Востоковедение в Петрограде. 1918–1922. Пг., 1923. С. 32.

[139] *Магид Д. Г.* О посмертном сочинении Гаркави. Фонд в Санкт-Петербургском отделении Института Востоковедения Российской Академии наук.

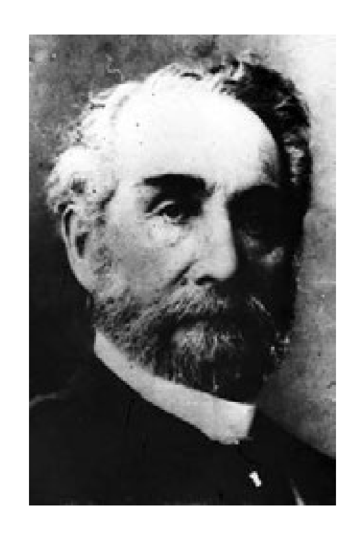
Научные заслуги и глубокие академические познания принесли Гаркави европейскую известность. Он переписывался со многими научными корреспондентами. Среди них были представители еврейской учености, писатели, философы и просто ревнители науки, особенно из пресловутой «черты оседлости». Уважение к его трудам было настолько велико, что, будучи ученым секретарем Санкт-Петербургской синагоги, он был пожалован потомственным дворянством Российской империи. Гаркави был активно работающим членом различных русских и европейских обществ, в том числе Императорского русского археологического, Императорского русского географического, Московского общества любителей естествознания, антропологии и археологии, французских Азиатского общества и Общества по изучению евреев, а также немецкого общества востоковедения. Мадридская академия наук избрала его членом-корреспондентом. Ирония судьбы: его, выдающегося деятеля еврейской культуры, испанский король Альфонс XIV наградил орденом Изабеллы Католической,[140] той самой королевы Изабеллы, в правление которой евреи были изгнаны из Испании и прекратила свое существование некогда процветающая испанская община.

К сожалению, возможность университетской карьеры пришла к Гаркави слишком поздно. Уже после Октябрьской революции, в суровое время гражданской войны, глубокой осенью 1918 г. Петроградский университет предложил ему занять любую вакантную кафедру. Но Гаркави был уже стар и тяжело болен. Силы его угасали, и он скончался 15 (28) марта 1919 г. Его могилу и сегодня можно видеть на Санкт-Петербургском еврейском кладбище рядом с синагогой. Первоначальное надгробие 1919 г. пришло в негодность и было впоследствии заменено скромной гранитной плитой. Но, конечно, память об ученом сохраняется не в камне или бронзе. Она в его трудах!

5. ДАНИИЛ АВРААМОВИЧ ХВОЛЬСОН (1819–1911)

Даниил Авраамович Хвольсон был одним из наиболее выдающихся семитологов и гебраистов России XIX в. Вместе со своим современником и вечным оппонентом А. Я. Гаркави он прославил рус-

[140] Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1889 г. СПб., 1893. С. 201–203.

Д. А. Хвольсон

скую гебраистику и принес ей мировое признание.[141] Даниил Авраамович прожил долгую жизнь — 92 года, сохранив до конца ее неутомимую страсть к научным исследованиям и радости познания.

Родился ученый 21 ноября (2 декабря) 1819 г. в семье бедного еврейского торговца в городе Вильно — «Литовском Иерусалиме». Отец мечтал для своего сына о карьере раввина и дал ему прекрасное традиционное религиозное образование. Одним из учителей Хвольсона был знаменитый законоучитель Израиль Гинцбург.

Пытливый юноша рано старался приобрести неортодоксальные знания и, не зная ни одного европейского языка, тайно от строгих учителей читал философский труд еврейского философа-рационалиста XII в. Моисея Маймонида «Путеводитель заблудшихся» (Морэ небухим).

Только в 18 лет Даниил Авраамович самостоятельно выучил немецкий и французский языки. Ненасытная страсть к познанию побудила его, уже женатого человека, оставить семью и пешком отправиться в Ригу за нужными рекомендациями. Заручившись ими, он — опять-таки пешком — добирается до Бреслау (Вроцлав) к знаменитому ученому и раввину Аврааму Гейгеру. Немецкий раввин был глубоко тронут высокими помыслами бедного молодого человека из России и оказывал ему всяческое содействие. Но для поступления в местный университет необходимо было сдать экзамен по классическим языкам в объеме гимназического курса. Поступлению в гимназию препятствовал возраст — Хвольсону было уже 22 года. Благодаря покровительству Гейгера ему удалось преодолеть все препятствия и через 4 года, в 1844 г., поступить в университет, на факультет восточных языков. Еще в университете Хвольсон написал интересную работу о еврейских ученых, живших и работавших на Арабском Востоке. Работа сразу же привлекла к себе внимание вос-

[141] О дискуссии между Хвольсоном и Гаркави см.: *Вихнович В. Л.* Караим Авраам Фиркович…

токоведов, высоко оценивших ее. Докторскую степень он получил в 1850 г. от Берлинского университета за огромный труд «Сабеи и сабеизм», посвященный истории религиозных сект в средневековой Месопотамии. Профессор Флейшер сказал молодому ученому: «Вы начинаете с того, чем другие кончают».[142]

Вернувшись в Россию, Хвольсон поступил на службу в Министерство Народного просвещения в качестве эксперта по делам просвещения евреев в России. Во главе министерства стоял известный путешественник и ученый А. С. Норов. Впоследствии Норов стал крестником Хвольсона при переходе последнего в православие. Надо сразу отметить, что вся последующая научная и общественная деятельность Даниила Авраамовича опровергает предположение о том, что такой шаг был актом ренегатства и приспособленчества. Но, безусловно, это способствовало тому, что с момента открытия 14 (26) сентября 1855 г. в Петербургском университете факультета восточных языков он стал экстраординарным профессором по кафедре еврейского языка и словесности. С 1858 г. он преподает в православной и римско-католической духовных академиях. Но вся его дальнейшая научная и творческая жизнь с этого времени была связана с Петербургским университетом.

Большой период жизни Хвольсона был связан с находками самобытного ученого-самоучки караима Авраама Самуиловича Фирковича. Благодаря неустанным и зачастую опасным путешествиям последнему удалось собрать около 15 000 древних рукописей на еврейском, караимском, арабском и других восточных языках. В качестве научного редактора своих собраний Фиркович избрал Хвольсона.

Даниил Авраамович горячо взялся за работу и в 1866 г. опубликовал книгу «18 надгробных надписей из Крыма».[143] За нее он был единогласно избран ординарным профессором и получил от Санкт-Петербургского университета ученую степень доктора еврейской словесности.[144] В этой работе Хвольсон поддержал содержавшиеся в крымских находках Фирковича сенсационные сведения о появлении предков караимов в Крыму в начале новой эры. Объективно это

[142] *Коковцов П. К.* Д. А. Хвольсон // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1911.

[143] *Хвольсон Д. А.* 18 надгробных надписей из Крыма. СПб, 1866.

[144] *Коссович К.* Об ученых трудах профессора Д. А. Хвольсона // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1868. С. 260–265.

могло служить обоснованием выделения караимов в правовом отношении из общей массы дискриминируемых российских евреев — ведь их столь раннее появление в Крыму снимало с них официальное церковное обвинение в казни Иисуса Христа.

Однако сотрудник Императорской Публичной библиотеки А. Я. Гаркави, хранитель коллекций Фирковича, обвинил его в сознательной фальсификации надписей, а Хвольсона — в легковерии и попустительстве обману. Правоверный еврей Гаркави усмотрел в этом стремление возвеличить караимов в ущерб остальным евреям.[145] Хвольсону пришлось лично отправиться в Крым на древнее кладбище в Чуфут-Кале, около Бахчисарая, чтобы проверить достоверность находок Фирковича. На основании этих изысканий в 1882 г. он опубликовал капитальный труд «Сборник еврейских надписей».[146] В этой книге автор подробно проанализировал еврейскую палеографию с IX по XIV в. и показал, что на кладбище в Чуфут-Кале имеются очень древние надписи. Вместе с тем он признал, что Фиркович действительно совершал подделки. С тех пор на память Фирковича (ум. в 1874 г.) легло клеймо фальсификатора и обманщика — на наш взгляд, совершенно несправедливо, и вообще проблема крымских находок караимского ученого требует дополнительных исследований.

Наряду с академическими исследованиями Хвольсон принимал активное участие в общественной жизни, неоднократно выступая в защиту народа, к которому принадлежал по рождению и воспитанию. Будучи привлечен в качестве эксперта к процессам о ритуальных убийствах, он написал важную работу «О некоторых средневековых обвинениях против евреев».[147] Используя свою исключительную эрудицию, талант полемиста и гражданскую ответственность, он выступил против гнусного кровавого навета против евреев.

В речи на торжественном собрании Санкт-петербургской духовной академии 17 (29) февраля 1875 г., озаглавленной «О влиянии географического положения Палестины на судьбы древнееврейского

[145] *Гаркави А. Я.* Древнееврейские памятники из Крыма, о которых сообщил Авраам Фиркович. СПб., 1876 (на нем. яз.; русский перевод В. Л. Вихновича депонирован в Российской национальной библиотеке).

[146] *Хвольсон Д. А.* Сборник еврейских надписей. СПб., 1884.

[147] *Хвольсон Д. А.* О некоторых средневековых обвинениях против евреев. СПб., 1875.

народа»,[148] Хвольсон убедительно и красноречиво показал, как причудливо сочеталась необъятная духовная история народа со столь крошечной территорией. Все могущественные «сверхдержавы» того времени — Египет, Ассирия, Вавилон и Персия — рухнули в небытие, и об их существовании напоминают развалины и музейные экспонаты. Напротив, значение маленькой Иудеи — в слове, «которое было изречено пророками Израиля». И далее Хвольсон продолжает: «Великое всемирное спасение, совершенное в этой малой стране, великое учение и высокие истины этого спасения, которое без шума оружий и без кровопролитий распространились из Палестины и овладели всем миром. Этого всемирного значения и этих спасительных истин никакое время не уничтожит». В статье «О мнимой замкнутости евреев»[149] Хвольсон решительно отвергает обвинения евреев в замкнутом, скрытном характере, переходящем во вражду к другим народам. Он убедительно показал успехи еврейских ученых и писателей в античном мире, в частности в эллинистическом Египте. Уже вскоре после захвата Иерусалима римским полководцем Помпеем в 63 г. до н. э. в Риме работает еврейский поэт Аристей Фуск, друг Горация, слагающий стихи на прекрасной латыни. Одновременно больших успехов добились евреи в Азии, где их поселения достигли даже Китая. В Армении и Грузии евреи стали родоначальниками местной царской династии Багратидов, к потомкам которой принадлежал знаменитый русский полководец Багратион. Будучи великолепным арабистом, Хвольсон дает краткий очерк еврейско-арабской литературы, начиная от доисламского периода и кончая мусульманской Испанией. Не меньше преуспели евреи и в лоне европейской культуры. Хвольсон приводит поразительный факт из истории испанской литературы. Оказывается лейб-медик короля Альфонса X (Мудрого) в XIII в. раввин Иегуда Моска «первый написал книгу на кастильском языке и, таким образом, впервые сделал его литературным языком». Вообще в древности на испанском и португальском языке творило 140 еврейских поэтов и поэтесс. Очень выразительно рассказывает Хвольсон об евреях Италии, Франции, Англии и Австрии. Современный автор, безусловно, мог бы дополнить работу Хвольсона, но и сейчас она поразительно актуальна.

---

[148] *Хвольсон Д. А.* О влиянии географического положения Палестины на судьбы древнееврейского народа // Христианское чтение. СПб., 1875. С. 157–205.

[149] *Хвольсон Д. А.* О мнимой замкнутости евреев. СПб., 1879.

Особый интерес представляет цикл исследований ученого по истории иудейского общества периода возникновения христианства: «Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа и день его смерти»,[150] «Фарисеи и саддукеи»[151], «Возражение против ложного мнения, будто Иисус Христос в действительности не жил».[152] Все эти работы объединяет богатство новых идей, основанных на тщательном изучении источников, прежде всего еврейских. Не имея возможности изложить доводы выдающегося исследователя, сообщим только основные выводы.

В начале I в. н. э. в иудейском обществе вся власть принадлежала храмовым священникам — аристократам-саддукеям, которые были римскими ставленниками. Против них выступала народная партия фарисеев, учение которых разделял Иисус. Именно саддукеи, опасаясь за свое богатство и власть, схватили народного вождя, галилеянина Иисуса и осудили его на казнь. Впоследствии, в 68 г. н. э., т. е. через 35 лет после распятия Иисуса, восставший народ беспощадно расправился с саддукейским синедрионом и его главой — первосвященником. Хвольсон приводит свидетельство великого еврейского философа XIII в. Моисея Маймонида, что «Иисус распространял великое учение Моисея и пророков о единстве и святости Бога, о гуманности и нравственности между народами всей вселенной, и поэтому на Иисуса надо смотреть как на предвестника ожидаемого евреями Мессии».[153] Добавим, что Маймонид жил в мусульманском Египте, и у него не было необходимости маскировать свои убеждения по отношению к христианству.

Важнейшим направлением творческой деятельности Д. А. Хвольсона была переводческая работа. Ему принадлежит перевод большей части синодального издания Ветхого Завета. Много и плодотворно работал он и в различных областях семитологии. Здесь следует отметить его исследование сирийских надгробных надписей в Семиреченской области. Хвольсон показал, что в XIII–XIV вв. в этом далеком районе на границе Китая процветали христианские общины.

---

[150] *Хвольсон Д. А.* Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа // Христианское чтение. СПб., 1875. С. 9–10.

[151] *Хвольсон Д. А.* Фарисеи и саддукеи // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1911. С. 278–283.

[152] *Хвольсон Д. А.* Возражение против ложного мнения будто Иисус Христос в действительности не жил // Христианское чтение. СПб., 1911. С. 1–20.

[153] Там же. С. 19.

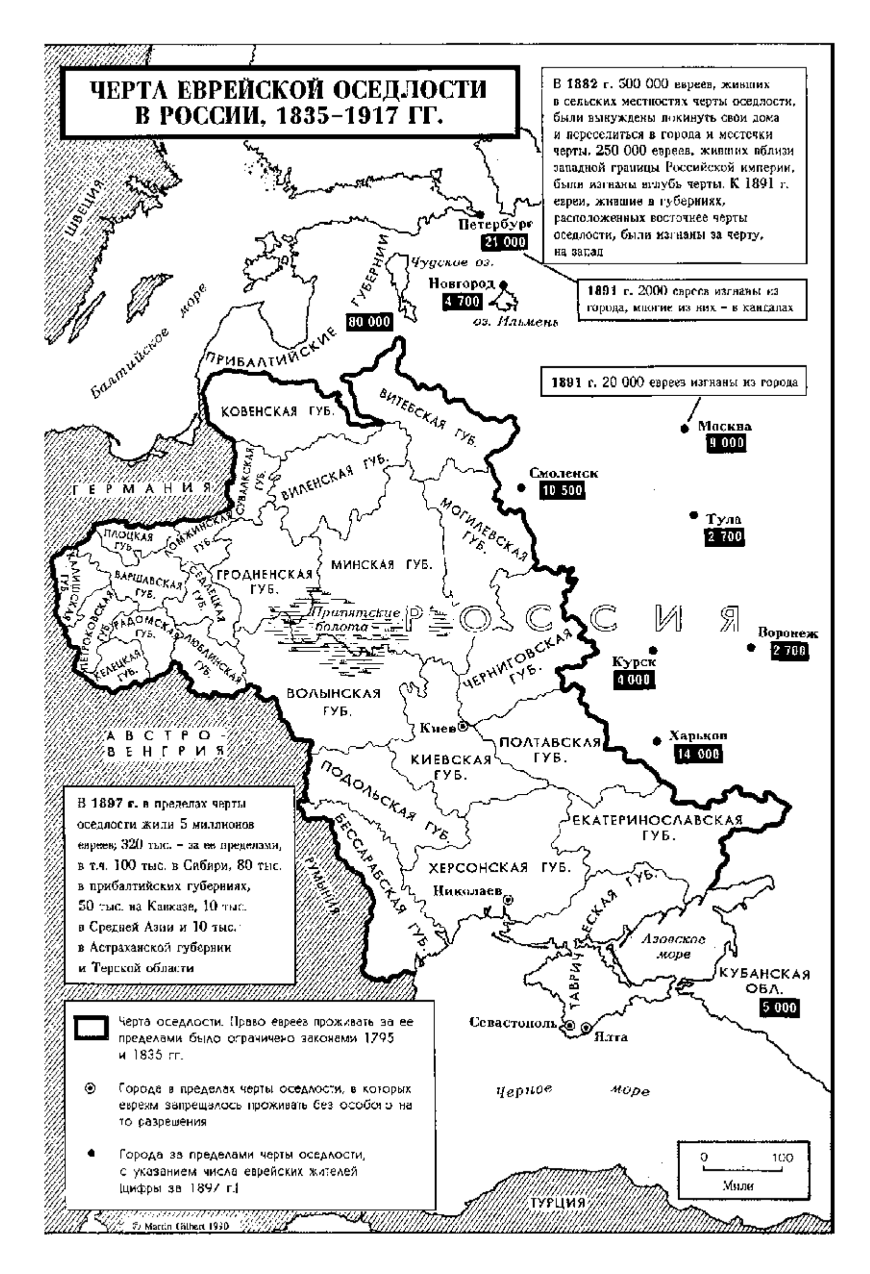
Несмотря на постигшую его в последние годы жизни слепоту, он продолжал научную работу, опираясь на феноменальную память. Большую и трогательную помощь ему оказывала невестка О. Г. Хвольсон. Смерть настигла его 17 февраля (2 марта) 1911 г. за работой над статьей об асуанских арамейских папирусах. Это лучшая иллюстрация словам его ученика, выдающегося гебраиста П. К. Коковцова о том, что вся жизнь его учителя была посвящена святому делу — познанию и просвещению. Ординарный профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре еврейской, сирийской и халдейской словесности, почетный член Императорской Академии наук Д. А. Хвольсон был похоронен на Санкт-Петербургском Смоленском кладбище.

5.6. В России от эпохи Великих реформ до крушения Империи (1861–1917)

Общее положение евреев

Последние десятилетия существования Российской империи прошли под знаком попыток правящих кругов модернизировать страну, отсталость которой наглядно показало поражение в Крымской войне. Однако этому препятствовал глубокий социально-экономический кризис. Как отмечал Ф. Энгельс, «Россия — последняя страна, захваченная крупной капиталистической промышленностью, и в то же время страна с *несравненно более многочисленным крестьянским населением*, чем другая страна, потрясение, произведенное этим переворотом, должно оказаться здесь гораздо более сильным и острым, чем где бы то ни было . Процесс замещения не менее 500 000 **помещиков** и около 80 миллионов крестьян новым классом *буржуазных* земельных собственников может быть осуществлен лишь ценою самых страшных страданий и потрясений».[154] Ранее, характеризуя социально-психологическую атмосферу в стране, порождаемую таким положением, он отмечал, что «конфликт сдерживается с большим трудом и лишь внешним образом посредством такого азиатского деспотизма, такого произвола, о котором мы на Западе даже не можем составить себе никакого представления. Это

[154] Письмо Ф. Энгельса Н. Ф. Даниельсону. 1893 г. (Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951. С. 175.

Черта еврейской оседлости
(из книги: *Гилберт М.* Атлас по истории еврейского народа. Иерусалим, 1990)

деспотизм, который не только с каждым днем вступает во все более вопиющее противоречие со взглядами просвещенных классов, в особенности со взглядами быстро растущей столичной буржуазии, но который в лице нынешнего своего носителя (имеется в виду Александр II — *В. В.*) сам запутался: сегодня он делает уступки либерализму, чтобы завтра с перепугу взять их обратно, и таким образом сам все более подрывает всякое к себе доверие. При этом среди концентрирующихся в столице более просвещенных слоев нации укрепляется сознание, что такое положение невыносимо, что близок переворот, но в то же время возникает иллюзия, будто этот переворот можно направить в спокойное конституционное русло».[155]

Александр II

Все эти кризисные явления общерусской жизни в полной мере сказались на положении еврейского населения страны. С началом царствования Александра II, вступившего на престол в 1855 г., наступила эпоха великих либеральных реформ, вершиной которых была отмена крепостного права. Сразу же были отменены антиеврейские рекрутские репрессии предыдущего царствования, и евреи были уравнены в отношении воинской службы с другими группами населения. Правда, в этом вопросе даже самые передовые сподвижники царя-реформатора не могли преодолеть существовавших предубеждений и предрассудков. Например, весьма либеральный военный министр Милютин полагал, что право присвоения некрещеным евреям офицерских званий «**едва ли может быть даровано … и в том случае, если бы оказалось возможным допустить их к поступлению во все без изъятия гражданские должности, так как солдат-христианин с пренебрежением будет смотреть на**

[155] *Энгельс Ф.* Об общественных отношениях в России. Там же. С. 206.

офицера-еврея, и самая строгая дисциплина окажется бессильной в борьбе с религиозными чувствами и убеждениями».[156]

Тем не менее, все же были несколько расширены права евреев в отношении поступления на государственную службу. Правительство не решилось на отмену черты оседлости, к чему призывали некоторые видные государственные деятели. Но в 1859–1879 гг. «право жительства» вне черты оседлости получили богатые купцы, все лица с высшим образованием, ремесленники, провизоры, фельдшера, а также солдаты, отслужившие срок службы по прежним николаевским рекрутским наборам. Это способствовало дальнейшему увеличению числа еврейских общин внутри России, включая Сибирь. Возникли целые династии преуспевающих промышленников и банкиров еврейского происхождения — бароны Гинзбурги, железнодорожные магнаты Поляковы, сахарозаводчики Бродские… Под влиянием столь благоприятных перемен резко усилилось движение еврейской молодежи в русские гимназии и университеты. Если в 1853 г. в гимназиях училось только 159 евреев, то к 1886 г. во всех учебных заведениях России обучалось 35 тысяч евреев-учащихся. В Новороссийском университете в Одессе в том же году процент евреев-студентов достигал 30 % на медицинском факультете и 41 % — на юридическом. Процентная норма появляется позднее.[157]

Но либеральные послабления носили в значительной степени временный характер и после убийства в 1881 г. Александра II народовольцами по 150 городам и местечкам черты оседлости прокатилась волна еврейских погромов, а в правительственных кругах возобладал реакционный курс во всех сферах общественной жизни, в том числе и в еврейском вопросе. Правительство Александра III вопреки объективным фактам придерживалось того мнения, что евреи сами виноваты в погромах, и утвердило 3 мая 1882 г. так называемые «Временные правила», возлагавшие на евреев новые ограничения, самыми болезненными из которых были запрещение евреям селиться вне городов и местечек в черте оседлости, покупать недвижимое имущество или арендовать земли в деревнях и селениях.

Об уровне понимания «еврейского вопроса» самим Александром III можно судить по его пометам на «Верноподданнейшую записку барона Г. О. Гинзбурга от 6 марта 1890 г.», составленную, по

[156] *Гессен Ю.* Александр II // Еврейская энциклопедия. Т. 1. Стб. 819–820.
[157] *Кандель Ф.* Очерки времен и событий. Иерусалим, 1990. С. 233

Александр III

его словам, «не в личных моих интересах, а для избавления целого племени, к которому я принадлежу».[158] Во фразе «Прохождение высших ступеней военной и гражданской службы для еврея закрыто, недоступными ему делаются теперь и так называемые свободные профессии» царь подчеркнул указанные три слова и сделал помету: «И дай Бог чтобы навсегда!».

На жалобу Гинзбурга: «Вся жизнь еврея обставлена ограничениями, созданными как будто нарочно, чтобы закрыть для него все отрасли полезной деятельности, чтобы насильно заставить его заниматься тем, за что его же сурово упрекают. Ограничения эти обособляют еврея из среды остального, нееврейского населения, а между тем эту обособленность ставят ему также в вину. Они налагают на него печать отверженца, гонимого самим правительством, и тем самым как бы оправдывают недружелюбное отношение к нему со стороны населения. Он унижен и оскорблен в самых естественных своих чувствах, свойственных всем людям, созданным по образу и подобию Божию, унижен и оскорблен не потому, что совершил какое-либо преступление, а лишь по той причине, что родился евреем» — следует помета императора: «Все это вовсе не то, они забыли страшные слова их предков. Кровь Его (Иисуса. — *В. В.*) на нас и чадах наших! Вот в чем их гибель и проклятие Небес!»

На мольбу барона: «А между тем, ГОСУДАРЬ, евреи только и мечтают о том, чтобы в них признавали добрых верноподданных своего ЦАРЯ. Они только молят АВГУСТЕЙШЕГО МОНАРХА о том, чтобы рушились ограничения, создающие их обособленность и мешающие слиянию с остальной сто миллионною массою населения» — императорской рукой начертано: «Далеко бы ушли мы, если допустили бы это слияние». Таким образом Александр III решительно отвергает политику своих предшественников, начиная с Екатерины II, и рассматривает еврейских подданных как неисправимо чуждый Империи элемент. Неудивительно, что его министр внутренних

[158] Источник. Документы русской истории. М., 1993. № 3. С. 62–69.

дел граф Н. П. Игнатьев открыто заявил представителям еврейским общественности (Г. О. Гинцбургу, С. С. Полякову, А. М. Варшавскому и др.): «Вам и теперь открыта Западная граница…»[159] Следует указать, что такие антиеврейские настроения и меры верховных властей представляли собой только часть реакционной политики царизма в отношении народов Российской империи.[160]

В свете этого неудивительно, что общее положение основной массы еврейского населения было к началу XX в. весьма удручающим. Согласно переписи населения империи 1897 г. оно насчитывало 5 215 800 человек, что составляло 4 % всего населения страны или примерно половину евреев мира. В отношении евреев действовало около полутысячи параграфов правил, циркуляров, разъяснений, каждый из которых содержал какие-то ограничения. Евреям — точнее, лицам иудейского вероисповедания, — несмотря на обязанность поставлять рекрутов в армию запрещалось состоять на государственной службе, участвовать в земском и городском самоуправлении, быть присяжными заседателями. 94 % еврейского населения не имело права проживать вне городов и местечек Черты оседлости евреев, охватывавшей 26 губерний Украины, Белоруссии, Литвы, Польши и Бессарабии; при этом даже в Черте им был запрещено проживать в сельской местности. О скученности еврейского населения можно судить по следующим показателям. Процент евреев в общем городском населении составлял: в Бердичеве — 79,8 %; Вильно — 41 %; Белостоке — 64 %; Одессе — 34,4 %; Кишиневе — 46,3 %; Лодзи — 33,2 %; Киеве — 12,9 %; Екатеринославе (Днепропетровск) — 36,8 %; Варшаве — 33 %, что составляло 219 тыс. (только в Нью-Йорке евреев проживало больше). Для сравнения стоит указать, что в Петербурге еврейская община насчитывала только 20 тыс. человек, получивших «право повсеместного проживания».

Социальная дифференциация среди еврейского населения была разительной. Как свидетельствует статистика того времени, занятия евреев распределялись следующим образом:

[159] Речь министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева перед представителями еврейской общественности (Г. О. Гинцбургом, С. С. Поляковым, А. М. Варшавским и др.) // Там же. С. 62.

[160] *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX — начала XX в. (к постановке проблемы) // Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб., 1998.

Сельское хозяйство — 0,7 %
Ремесло и извоз — 42,6 %
Рабочие на фабриках и заводах — 3,2 %
чернорабочие — 7,3 %
Торговля — 38,7 %

Столь непомерная доля еврейского населения, занятого торговлей, отражает уродливые социальные условия проживания евреев в Черте.

Вот описание еврейской лавки:

«Торгуют на 6–8 руб. в неделю, прибыли 1 руб., столько, чтобы не умереть с голоду; торгуют женщины. Более доходна — кожевенная лавка, которая продает кожи многочисленным сапожникам на 40–50 руб. в неделю, это уже местный торговый Крез».[161] Не лучше, а иногда и еще хуже, было положение ремесленников, вынужденных из-за низкой покупательной способности окружающего населения конкурировать друг с другом.

Выразительную картину еврейской нищеты изобразил Ф. М. Достоевский, никогда не слывший юдофилом. В рассказе «Единичный случай» он изображает визит добродетельного старого доктора к еврейской родильнице где-то в городке Черты оседлости. Прежде всего читателю предлагается картина: «идеальная, невозможная, смраднейшая нищета бедной еврейской хаты». После трудных родов «усталый старичок, на миг оставив мать, берется за ребенка. Принять не во что, пеленок нет, ни тряпки нет (бывает такая бедность, господа, клянусь вам, бывает, чистейший реализм — реализм, так сказать, доходящий до фантастического), и вот праведный старичок снял свой старенький вицмундирчик, снял с плеч рубашку и разрывает ее на пеленки», и далее: «Усталая старуха, мать родильницы, суетится у печки. Еврей, выходивший за вязанкой щепок, отворяет дверь хаты, и мерзлый пар клубом врывается на миг в комнату. На полу, на войлочной подстилке крепко спят два малолетних еврейчика».[162]

Особо следует остановиться на обвинении евреев в шинкарстве. Здесь следует привести свидетельство знаменитого бытописателя России писателя Николая Лескова: «В любом местечке, где есть пять,

[161] Цитата и все вышеуказанные статистические данные приведены из книги: *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1907) М., 1992. С. 23–26.

[162] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877. Март. Глава третья: II. Единичный случай // Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 25. Л., 1983. С. 91.

шесть шинкарей, — все остальное еврейское население промышляет иными делами; и в этом смысле окольные жители из христиан находят в труде тех евреев значительные удобства не для пьянства. Евреи столярничают, кладут печи, штукатурят, малярят, портняжничают, сапожничают, держат мельницы, пекут булки, куют лошадей, ловят рыбу. О торговле нечего и говорить … Какое же отношение имеют все занятые такими разнообразными делами люди к кабатчикам? Наверное не иное как то отношение, какое представляют христиане-кабатчики города Мещовска или Черни к числу прочих обывателей этих городов. Если же в еврейских городках и местечках отношение это будет даже и другое, т.е. процент шинкарей здесь выйдет несколько более, то справедливость заставит при этом принять в расчет разность прав и подневольную скученность евреев, при которой иной и рад бы заняться чем иным, но не имеет к тому возможности, ибо в местности, ему дозволенной, есть только один постоянный запрос — на водку.

Христианин не знает этого стеснения; он живет, где хочет и может легко избрать другое дело, но однако, и он тоже кабачествует и в этом промысле являет ожесточенную алчность и бессердечие. Художественная русская литература, до пригнетания ее газетной письменностью, относилась к жизни не только справедливее, но и чутче; в ней мы встречаем типы таких кабатчиков, перед которыми бледнеет и меркнет вечно осторожный и слабосильный жидок … Русский кабатчик, «как паук», путает единоверного с ним православного христианина и опутывает его до того, что берет у него в залог свиту с плеч и сапоги с ног; топор из-за пояса и долото с рубанком; гуся в пере и барана в шкуре; сжатый сноп с воза и несжатый урожай на корню».[163]

Однако вместе с тем верхушке еврейства удавалось добиться весьма существенных успехов в конкурентной борьбе, что создавало иллюзию богатства всего еврейского сообщества. В частности, в середине 1880-х гг. евреи составляли:

- 18,4 % всех купцов I и II гильдий в России;
- в Черте оседлости 40 % купцов I гильдии и 56 % — II гильдии.[164]

Для этой части «лиц иудейского вероисповедания» ограничений практически не было, но это не могло радикально изменить положение основной массы их единоверцев. Достаточно указать, что в чер-

[163] *Лесков Н.* Еврей в России. М., 1990. С. 15–16.
[164] *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1917). М., 1992. С. 23–26.

те оседлости не было ни одной губернии, где менее 14 % евреев получали бы вспомоществование от еврейских общин.[165]

Показательно, что наиболее здравомыслящие чиновники империи понимали недопустимость такого положения. Об этом свидетельствует официальная «Записка о правах жительства и передвижения евреев», подготовленная уже после революции 1905 года для «Особого журнала Совета министров». В этом рабочем служебном документе, в частности, отмечается:

«Все сословия России, все классы находятся в лучшем состоянии, чем евреи, у них одних встречаются пролетарии, жизнь которых не обеспечена ничем. Против этих пролетариев возникают иногда и буйные восстания народа; масса живет под страхом погромов, под страхом насилия. В самом законодательстве евреи причислены к разряду «инородцев» наравне с самоедами и язычниками. Одним словом ненормальность теперешнего положения евреев в России очевидна в отношении шаткости и неопределенности их юридических прав. Отнюдь не с точки зрения симпатии к евреям, но с точки зрения государственной справедливости, высшего беспристрастия и правосудия, нельзя не признать, что евреи имеют право жаловаться на свое положение…»

По поводу обвинения евреев в корыстолюбии в Записке говорится: «еврей-ростовщик большею частью не хуже и не беспощаднее профессиональных ростовщиков других национальностей»; об участии евреев в революционном движении резонно указывается: «еврейская масса находится в таком экономическом положении, что она готова пойти за всяким, который обнадежил бы ее облегчением ее участи», т. е. причина участия евреев в революционном движении «кроется не столько в разрушительной силе, которую может и носит в себе еврейство, но главным образом в его бесправном и тяжелом экономическом положении, из которого со свойственной еврейскому народу страстностью он ищет выхода, не стесняясь способами борьбы».

Общий вывод Записки: «Польза государства состоит в том, чтобы присоединенные к государственному телу народности, сохраняя свой внешний и внутренний облик, со всею искренностью и предан-

---

[165] *Гилберт М.* Атлас по истории еврейского народа. Иерусалим, 1990. С. 105.

ностью служили благоденствию, величию и славе общего отечества, сознавая себя его живыми и деятельными членами».[166]

Подобных мнений придерживались многие высшие сановники Империи. В этом отношении показательны воспоминания бывшего товарища (заместителя) министра внутренних дел в правительстве П. Столыпина, заведывавшего делами департамента полиции монархиста генерала П. Г. Курлова. В бытность его губернатором Минской губернии, ему пришлось лично познакомиться с положением еврейского населения в Черте оседлости. Он пишет: «Особенно тяжело было положение родителей, сыновья которых поступали в высшие учебные заведения или иные специальные училища. Зачастую родители имели право проживать в столицах, каковым правом , однако дети их не пользовались … Мне было непонятно, чем объясняется выделение особой черты оседлости, выехать за пределы которой при помощи различных ухищрений все-таки удавалось, не говоря уже о том, что по самому закону вне черты оседлости могли проживать лица еврейского происхождения, из которых многие принадлежали к наиболее опасному элементу». Запрещение евреям проживать в сельской местности и привело к тому, что в губерниях Черты возникли так называемые местечки, о которых Курлов отзывается так: «Так как в них еврейское население было крайне скучено и евреи права приобретения земли не имели, то оно для поддержки своего существования захватывало в свои руки торговлю и промыслы, что вызывало раздражение нееврейской части населения, мало способного по своему характеру к экономической борьбе с евреями.

Одновременно указанные условия проживания евреев в черте оседлости и в упомянутых выше местечках вызывали уже среди них озлобление к правительству. Если к этому прибавить другие ограничения, в том числе затруднения при поступлении еврейской молодежи в учебные заведения не только высшие, но даже и в средние, то естественно, что она легко примыкала к антиправительственным партиям … Более состоятельная и благоразумная часть еврейства не принимала участия в этом движении, но была не в силах удержать свою молодежь и искоренить в себе чувство раздражения против ограничительных мероприятий правительства».

---

[166] Документы. № 1276.2.45. О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев. Дело по подготовке Особого журнала Совета министров. № 121–174 «Записка о правах жительства и передвижения евреев» // Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). С. 170–171.

Генерал отмечает и еще одну вредоносную особенность Черты: «Кроме недовольства, вызываемого среди евреев, мероприятия правительства имели и другую дурную сторону, развращая администрацию, в руках которой были сосредоточены еврейские дела, и поддерживая среди местного населения вражду против евреев. В этой последней кроется, по моему мнению, одна из главных причин еврейских погромов, в которых этим и ограничивается «участие правительства».

Показательно, что познакомившись с письмом начальству, где Курлов изложил свои взгляды на положение евреев, тогдашний премьер-министр граф С. Ю. Витте принял генерала и высказал свое мнение о еврейском равноправии: «Ведь не можем же мы утопить всех евреев в Черном море! И раз они составляют часть населения Российской Империи и принадлежат к числу русских подданных, — всякие ограничения, не достигающие никакого практического результата, только вредны, вызывая раздражение против власти со стороны целого народа, умного, талантливого и сильного своим экономическим положением». Однако Витте закончил свою речь пессимистически: «Но я все-таки думаю, что привести предложенную Вами меру не удастся».[167]

Пессимистический прогноз полностью оправдался. Для высших кругов правительственной бюрократии во главе с последним императором Николаем II голоса здравомыслящих оставались «гласом вопиющего в пустыне». В результате этого положения еврейский мир тогда превратился в известном смысле из объекта в субъект российской истории. Характерно высказывание одного из современников: «еврейский вопрос стал стержнем русской жизни. От городового до министра, от полицейского участка до Сената Государственного совета, все и вся поглощены были еврейским вопросом».[168] На первый взгляд, это кажется странным, поскольку осуществление чаяний евреев не угрожало территориальной целостности Империи — в отличие от, скажем, поляков или финнов. Наоборот, государство могло приобрести миллионы преданных граждан. Но еврейский вопрос в то время стал символом назревших исторических перемен, кото-

[167] *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М., 1992. С. 62–64.

[168] *Кельнер В. Е.* Русско-еврейская интеллигенция: генезис и проблемы национальной идентификации (вторая половина XIX — начало XX века) // Вестник еврейского университета в Москве. М.; Иерусалим, 1996. № 3 (13). С. 4.

Горские евреи

рым отчаянно сопротивлялись высшие властные структуры государства, проводя самоубийственную, как показало время, политику.

Антиеврейская политика проводилась и при Александре III, и в царствование его преемника Николая II. Выражалась она прежде всего в ущемлении права проживания. Самым жестоким актом было насильственное выселение из Москвы в 1891–92 гг. примерно

20 тыс. евреев-ремесленников, многие из которых прожили там десятки лет; выселяли даже отставных солдат. Полному выселению евреев из Москвы помешала боязнь серьезных экономических последствий. Об этом свидетельствует письмо премьер-министра П. А. Столыпина министру юстиции И. Г. Щегловитову от 13.12.1908: «Вопрос о праве евреев-купцов жить в Москве находится на рассмотрении Сената с 1901 г. Сейчас в Москве — 200 евреев-купцов, приписанных к другим городам, они живут много лет, имеют фабрики, ведут торговлю. Годичный оборот еврейских фирм — 100 млн руб. Закрытие их приведет к потрясению торгово-промышленной жизни Москвы, не только евреев, но и христиан, и иностранных фирм».[169] С теми, кто не обладал такими деньгами, конечно, не церемонились. Полиция всех российских городов вне Черты охотилась за «подозрительными» лицами еврейского вида, проверяя их «право жительства». Разумеется, это приводило к массовой коррупции и взяточничеству, на что указывал Курлов. Появились евреи-«дворяне», т. е. регулярно платившие дворнику за недонесение полиции, и «швейцарцы», подкупавшие для той же цели швейцаров. Вообще, значительная часть пресловутых «еврейских анекдотов» связана с нарушением «правил проживания евреев вне Черты».

Документы свидетельствуют, что особо тщательно следил за ограничением расселения евреев сам император. Об этом свидетельствуют его резолюции в отношении даже отдаленных среднеазиатских провинций Империи. На докладе генерал-губернатора Туркестана А. В. Самсонова в 1898 г. Николай II наложил резолюцию о необходимости оградить край от евреев. На всеподданейшем докладе генерал-губернатора Степного края он написал, что требует «не дать евреям заполнить Сибирь».[170] Здесь надо отметить одно обстоятельство. При завоевании Кавказа и Средней Азии под власть империи попали небольшие по численности этнографические группы местных иудеев, так называемых «горских» и «среднеазиатских» евреев. Первоначально их приравняли в правовом отношении к туземцам-мусульманам. Однако со временем возобновились попытки ущемить их в правах, приравняв к евреям-ашкеназам, причем делалось это весьма настойчиво и изощренно. Когда некоторые из горских евреев, не выдержав ограничений, попытались найти выход в обра-

[169] *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). С. 181.

[170] Там же. С. 196.

щении в ислам, то последовало разъяснение, что такая перемена религии не запрещена, но не освобождает от правовых ограничений, налагаемых на лиц иудейского вероисповедания.[171]

Принимались и законодательные меры носившие характер явного антисемитизма, чего не было при прежних императорах. Например, согласно ст. 787 Закона о состояниях:

- еврей обязан именоваться только тем именем, под которым записан в метрических книгах — например, если его записали искаженным и неблагозвучным именем типа Сруль или Мошка, вместо Израиль и Моисей, то он был должен так и именоваться в общественных местах;
- крещеным евреям запрещается менять фамилии. Это не касается только тех, кто крестился и сменил фамилию до 6.2.1850 г. Тем самым даже крещение не скрывало еврейского происхождения.

Те немногие евреи, которые приобрели права потомственного дворянства (например, Гинзбурги, Поляковы, востоковед А. Гаркави и др.), в губернские родословные книги не вносятся.[172]

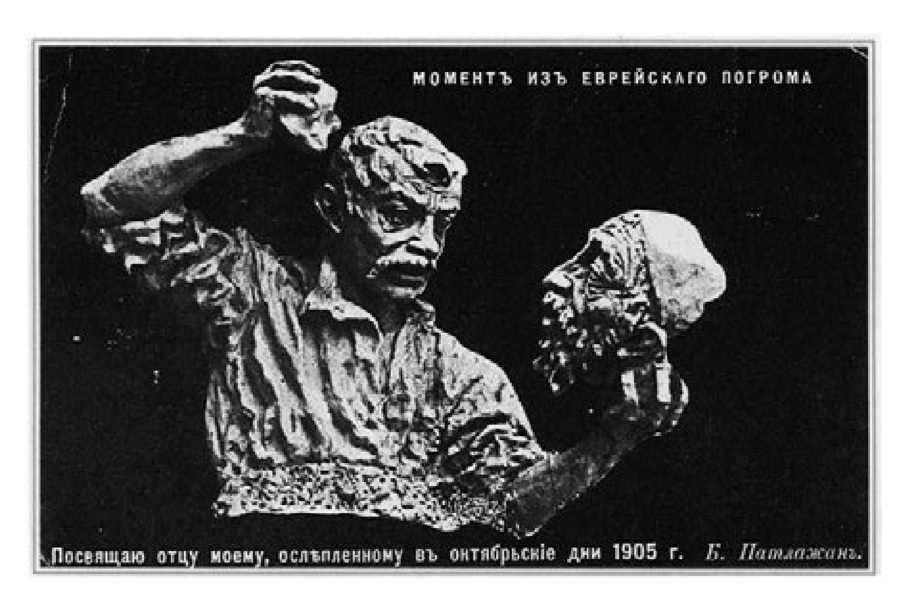
Конечно, при проведении подобной линии царизм не всегда мог противостоять требованиям конкретных обстоятельств и допускал некоторые послабления, но делалось это явно неохотно и непоследовательно.

Антиеврейское и погромное движение

Антисемитское движение в России стало ответом реакционных правящих кругов на оппозиционное и революционное движения в стране. Термин «антисемит» был впервые употреблен немецким журналистом В. Марром в 1880 г. Разумеется, антиеврейские — точнее, антииудейские — настроения существовали еще в Древнем мире. С усилением власти католической церкви в средневековой Европе евреев начинают обвинять в «богоубийстве», а с XII в. — в ритуальных убийствах христианских детей. Первое такое обвинение имело место в 1144 г. в Англии. Хотя против такой абсурдной клеветы не раз выступали даже сами папы римские, «кровавый на-

[171] Центральный архив Республики Северная Осетия — Алания. Ф. 11, оп. 17 (Первое распорядительное отделение, 4-й стол, д. 280, л. 13. Министерство внутренних дел. Департамент для иностранных вероисповеданий. 15. IV. 1909, № 1213).

[172] *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). С. 177.

вет» возникал снова и снова, в общей сложности за восемь столетий 150 раз.

Вплоть до разделов Польши в России подобных обвинений на евреев не возводилось. Надо отметить, что, несмотря на антииудейскую полемику, православная традиция гораздо ближе к древнему Израилю, чем католическая. Исследователь этого вопроса Г. И. Беневич отмечает, что «до Второго Ватиканского Собора (1962–1965) в католическом богослужении вообще не было места для праздников, посвященных ветхозаветным праведникам (исключение составляли Маккавеи). В Православии же службы, посвященные пророкам и праотцам, служатся круглый год, а такие святые, как пророк Илья, почитаются наравне с великими православными святыми. Другой пример: с самого раннего христианства на Востоке Суббота праздновалась в Православии наряду с Воскресением — и в тот, и в другой день служилась литургия, причем в субботу это делалось во славу Бога как Творца. В Римской же Церкви в Средневековье в субботу установился пост, который держали в память убиения Христа евреями и положения его во гроб, и каждый, кто его не соблюдал, почитался проклятым вместе с иудеями».[173] Более того, если пола-

[173] *Беневич Г. И.* «Теология после Освенцима» — православная точка зрения // Богословие после Освенцима и ГУЛАГА. СПб., 1997. С. 100.

гать, что фольклор отражает коллективные представления народа, то примечательна такая русская народная примета: «девка с полными ведрами, жид, волк, медведь — добрая встреча; пустые ведра, поп, монах, лиса, заяц, белка — быть худу».[174]

Первые антиеврейские сочинения были переведены на русский язык с польского. В бывших же польских владениях возникают и первые обвинения в ритуальных убийствах. Ни одно их них не подтвердилось, и в 1817 г. Александр I запретил обвинять евреев в подобных преступлениях. Тем не менее такие обвинения периодически возобновлялись. В опубликованной в 1869 г. «Книге кагала» крещеный еврей Я. Брафман утверждал, что давно уже упраздненный к тому времени кагал является своего рода «государством в государстве» и имеет своей целью достижение господства над христианами. Другой выкрест, И. Лютостанский, в 1871 г. издал книгу с обвинениями евреев в употреблении христианской крови. Хотя против подобных обвинений выступили видные ученые, все же они получили распространение в различных руководящих кругах русского общества. В газетах правого направления стали появляться антиеврейские статьи и материалы. Наиболее характерным их девизом было название статьи редактора газеты «Новое время» — «Жид идет!».

После погромов 1881–1882 гг. начались выступления в защиту еврейского населения со стороны передовой русской интеллигенции, хотя надо признать, что ранее даже некоторые ведущие представители русской литературы (Гоголь, Достоевский, Тургенев) отдали дань существовавшим в обществе предрассудкам и предубеждениям. После жестокого погрома в Кишиневе в 1903 г. на защиту пострадавших встала широкая русская общественность, прежде всего писатели В. Г. Короленко и А. М. Горький. Покровитель погромщиков, министр внутренних дел Плеве, был убит в 1904 г. Егором Созоновым, членом партии эсеров. Но особенно жестокая волна погромов прокатились по России после начала первой русской революции 1905 г. В черте оседлости было 292 погрома. Не все жертвы погромов были евреями, но евреи составляли большинство пострадавших (около тысячи человек).

Нет достоверных данных об организации погромов властями, но поскольку взгляды Николая II на национально-демократическое

[174] *Даль В.* Месяцеслов, суеверия, приметы причуды стихии. Пословицы русского народа. Ленинград, 1992. С. 48.

движение и еврейскую проблему были хорошо известны, то местные власти предприняли, по определению исследователя С. А. Степанова, «умышленное самоустранение». Он приводит характерные примеры: «В Киеве между генералом Бессоновым, отвечающим за военную охрану города, и одним из прохожих произошел разговор: "Ваше превосходительство! Идет погром, меры не принимаются — как прикажете понимать это? — Какой же это погром? Был ответ мне. — Я вас не понимаю, генерал: ведь вот грабят магазины на наших глазах; это ли не погром? — Нет это манифестация". Всю Россию облетел ответ одесского градоначальника Д. Б. Нейгардта жителям, умолявшим прекратить погром: "Я ничего не могу сделать, вы хотели свободы, вот вам жидовская свобода"».[175]

В это же время формируются крайне правые монархические организации антисемитского толка, так называемые «черносотенцы» — «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела», «Русское собрание», Монархическая партия и более мелкие. и др. Справедливости ради надо указать, что среди членов «Русского Собрания» был ряд представителей гуманитарной интеллигенции консервативного направления, определивших своей задачей «изучение явлений русской и славянской народной жизни в ее настоящем и прошлом; разработку вопросов словесности, художества, народоведения и народного хозяйства… охранение чистоты и правильности русской речи».[176]

Названием «Черная сотня» в Средние века в России именовалось «тягловое» городское население, которое платило налоги и исполняло возложенные на него обязанности, т. е. «простой» народ. Нижегородская «черная сотня» во главе с К. Мининым спасла Россию в «Смутное время» 1612 г. Идеологи, а также организаторы движения этим наименованием подчеркивали свое стремление ответить на новую смуту — революцию. Идеологические основы вождей черносотенцев в известной степени представляли собой вульгаризированные идеи русских философов-славянофилов: Н. Я. Данилевского, А. С. Хомякова, К. С. Аксакова.

Они ожесточенно критиковали «материалистический и капиталистический Запад», обличали его эгоизм, бездуховность, господство материальной силы и т. д. В их прессе обличали социальные язвы тогдашней Европы и Америки, наглядным примером чего

---

[175] *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1907). С. 71.

[176] Там же. С. 33.

были трущобы больших городов — Чикаго, Нью-Йорка, Лондона, Парижа (разумеется, при этом умалчивали о не менее страшных кварталах бедноты в Санкт-Петербурге и Москве). Спасение России они усматривали в верности патриархальным традициям прошлого, патернализму в отношении местного производства, отказе от конкуренции, неприкосновенности частной и особенно земельной собственности и т. д.

Отрицание западных ценностей доходило до того, что, будучи ярыми приверженцами монархизма и абсолютного самодержавия, черносотенцы делали исключение только для одного Петра Великого. По утверждению видного черносотенного публициста (кстати, обрусевшего немца) М. А. Грингмута, «вот пришел Петр и своим могучим порывом не только "прорубил окно в Европу", но настежь открыл ворота из Европы в Россию и, превратив Московское царство во Всероссийскую Империю, приказал ей забыть самобытные русские предания, броситься в погоню за европейскими обычаями и учреждениями безо всякого разбора, не отличая в них драгоценного золотого от обманчивой мишуры».[177]

В национальной политике черносотенцы придерживались крайнего национализма. Господствующим провозглашался только «русский народ». Правда, это понятие носило весьма расплывчатый характер, поскольку под ним подразумевались не только собственно русские, но и украинцы и белорусы, существование особой культуры которых с пренебрежением отрицалось. Все народы Российской империи делились на дружественные и враждебные. К первым относились народы Поволжья, Сибири и Средней Азии. Интересно отметить, что из всех конфессий особое расположение высказывалось по отношению к мусульманам. Враждебными инородцами полагали, конечно, прежде всего евреев, а также поляков, финнов, армян; под подозрением находились и кавказские горцы. Но, конечно, даже в среде черносотенцев при многонациональном составе не только населения, но и правящего класса Российской империи не нашла поддержки расовая теория, столь популярная среди правых кругов в Европе. В этом отношении особенно характерен пример немцев. Тут можно серьезно говорить об их «засилии» в административном и военном управлении страны. Так, в конце правления Александра II процент немцев в различных департаментах был следующим:

[177] Там же. С. 11.

- Гражданская служба — 32 %;
- Высшее военное командование — 41 %;
- Имперский совет — 36 %;
- Министерство иностранных дел — 57 %;
- Министерство внутренних дел — 27 %;
- Министерство финансов — 27 %;
- Министерство морского флота — 39 %;
- Военное министерство — 46 %;
- Министерство имперского двора — 39 %;
- Почта и телеграф — 62 %.

В то время немцы составляли 1,1 % от всего населения России.[178]

Естественно, что черносотенцы не могли игнорировать и немецкие родственные связи царствующей фамилии, которую в особом «Готском альманахе», содержащем сведения о царствующих домах, именовали династией Романовых-Готторпов. Это объясняет, почему в уставе претендующего на приверженность русскому национализму «Союза Михаила Архангела» указывалось, что «немцы оставались верными престолу и русской государственности в дни пережитых смут».[179] Кстати сказать, такое положение немцев в Российской империи способствовало тому, что гитлеровские идеологи всерьез полагали немцев главной опорой российской государственности до революции 1917 года.

Однако самыми главными врагами Российского государства и народа черносотенцы считали, конечно, евреев. Нет таких обвинений и проклятий, которые они не обрушили на их головы. Прежде всего, игнорируя все исторические факты, они утверждали, что евреи избрали Россию в качестве объекта для вторжения. Якобы «русский характер, черты национального уклада русских людей, отменное историческое гостеприимство славян вообще и в особенности русских, прекрасно взвешены и учтены евреями, недаром Россия буквально наводнена евреями».[180] Евреев обвиняли прежде всего в развитии революционного движения в России, причем черносотенная пресса уверяла читателей, что целью евреев является не равноправие, установление полного господства над страной. Это-де завещано им в Талмуде, по заветам которого они живут, игнорируя и нарушая законы империи. В идеологии черносотенцев причудливым образом

[178] *Масарик Т.* Россия и Европа. СПб., 2000. С. 154.
[179] *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1907). С. 22.
[180] Там же. С. 23.

смешивались фантастические представления о либералах, масонах, анархистах, Интернационале, вообще о революционерах — все это считалось зловредным порождением иудейства и евреев. Особенно много писали на эту темы публицисты А. С. Шмаков и Г. Бутми. Программа черносотенцев по «еврейскому» вопросу была одновременно и проста, и радикальна:

- закрыть для евреев все учебные заведения;
- запретить евреям создавать собственные учебные заведения;
- внести в список запрещенных для евреев профессий и занятий почти все виды человеческой деятельности;
- в конечном счете добиться признания всех проживающих в России евреев нежелательными иностранцами и стараться полностью удалить их из страны.

Для достижения этих целей должны были использоваться различные средства. Прежде всего черносотенная печать призывала «поставить жидов в такие условия, чтобы они постоянно вымирали». С другой стороны, полагали необходимым «возбудить энергию евреев в деле скорейшего переселения в собственное государство и обзаведения собственным хозяйством». В предвыборных программах черносотенцы обещали поднять вопрос о создании еврейского государства и содействовать переселению туда евреев, «каких бы жертв такое выселение ни потребовало от русского народа». В этом деле некоторым идеологам иногда казались близки идеи сионистов. Однако вскоре возобладало мнение, что «так называемый сионизм, столь распространенный среди иудейской интеллигенции в России, имеет лишь внешним предлогом план переселения иудеев в Палестину, в сущности же является революционной организацией, сливающейся с иудейским Бундом».[181]

Стремясь расширить свою социальную базу, черносотенная пресса старалась придать любому социальному движению националистическую антисемитскую окраску. Погромы 1905–1906 гг. представлялись как справедливый народный гнев против еврейской эксплуатации. На расстрел рабочих на Ленских золотых приисках, директором-распорядителем которых был барон А. Гинзбург, черносотенная газета «Русское знамя» отреагировала так: «В глухой тайге Сибири в жертву жидовскому тельцу принесены 191 убитый русский рабочий и 210 раненых, итого 401 человек. … виновато во

[181] Там же. С. 24.

всем правление ленских золотопромышленных приисков, состоящее из жидов».[182]

Однако, несмотря на тайные правительственные субсидии, общий тираж черносотенных изданий не превышал 15 тыс. экз. А общее количество членов черносотенных объединений, причем часто весьма формальных, не превышало примерно 400 тыс. Показательно, что в Великороссии, где не существовало национального вопроса, они составляли только незначительное меньшинство населения, мало их было на национальных окраинах Империи — в Финляндии, Польше, Прибалтике, на Кавказе. Больше всего черносотенцев было в губерниях Черты оседлости с их многонациональным населением.

Однако подавляющую часть черносотенцев составляли люмпенизированные слои общества. Достаточно указать, что на выборах в Первую государственную думу в 1906 г. в ее состав не попал ни один кандидат крайне правых, прежде всего черносотенцев. Показательно, что среди крестьян они получили всего 5,1 %, и только среди курии помещиков они добились гораздо большего успеха — 16,5 % голосов выборщиков. Даже председатель образованного 8 ноября 1905 г. Главного совета печально известного «Союза русского народа» врач А. И. Дубровин получил на этих выборах в Невском избирательном округе Санкт-Петербурга всего лишь 431 голос.[183] А ведь Дубровина и его заместителя, талантливого публициста и оратора В. М. Пуришкевича, принимал сам Николай II, и сказал, что рассчитывает на них.

Результаты этих выборов потрясли черносотенцев. На страницах их прессы появились мрачные предсказания о будущем революционной России, которое они описывали, в частности, следующим образом: «По-видимому, будет существовать русское государство, но только по-видимому, а на самом деле государство будет еврейским. Русские же люди будут нести в нем самую тяжелую долю, будут его рабочей силой, будут обрабатывать землю (каждому поровну, земля общая), будут сохнуть на фабриках у станков (фабрики — собственность рабочего класса), будут защищать границы еврейского государства от внешних врагов, будут усмирять внутренних врагов (остатки русского национального самосознания), и евреи повсюду

[182] Там же. С. 233.
[183] Там же. С. 123.

будут господами, помещиками, господствующим классом, хозяевами финансового и материального благополучия страны».[184]

Не вдаваясь подробно в перипетии истории политической судьбы черносотенного движения, отметим только, что в состав депутатов Думы последующих созывов они попадали только благодаря крайне несправедливому избирательному закону. Там их лидеры Н. Е. Марков и В. М. Пуришкевич изощрялись в речах антисемитского характера и требовали самых строгих мер против националистических устремлений народов Российской империи, прежде всего финнов и поляков. Своим поведением и действиями черносотенцы нередко ставили в трудное положение даже тех представителей власти, которые в глубине души сочувствовали их идеям. Черносотенцы были замешаны в убийстве либерального депутата Думы М. Я. Герценштейна и других преступлениях. Совершенно дикими и компрометирующими все движение и власть были поступки видного представителя духовенства иероманаха Илиодора (С. М. Труфанова), ярого сторонника черносотенства. В 1911 г. он обосновался в монастыре в Царицыне (ныне Волгоград), где в одной из галерей установил портрет Л. Н. Толстого и всем многочисленным прихожанам предлагал плевать на него. Выступая с демагогическими речами перед многочисленными паломниками, он обозвал министров «жидомасонами» и предложил свои услуги по публичной порке (два раза в неделю) их и самого председателя Совета министров П. А. Столыпина. Дело дошло до того, что даже Департамент полиции решился на арест Илиодора. Однако сам Столыпин не пошел на это. Характерно при этом его высказывание: «Ужасно то, что в исходных положениях Илиодор прав, жиды желают революцию, интеллигенция как Панургово стадо идет за ними, пресса также, да разве Толстой, подвергнутый им оплеванию, не первый апостол анархизма, но приемы, которыми он действует, и эта безнаказанность все губят и дают полное основание оппозиции говорить, что она права».[185] Эти слова в полной мере характеризуют уровень понимания проблем страны даже у самых казалось бы разумных представителей и защитников царского режима, каким по праву может считаться Столыпин.

Черносотенцы находили поддержку в самых высших кругах Империи, не желавших никаких перемен. Характерно, что в том же

[184] Там же. С. 28.
[185] Там же. С. 204.

1911 г. Николай II принял Илиодора и, по воспоминаниям последнего, только пробормотал что-то вроде: «Ты… вы… ты не… трогай моих министров».[186]

Все это никак не могло способствовать уважению российского общества к крайне правому движению. Не помогла и деятельность талантливых публицистов, сочувствовавших этому направлению. Здесь прежде всего следует указать на журналиста М. О. Меньшикова, статьям которого (в том числе и антиеврейского содержания) нельзя отказать в блеске красноречия. Следует также указать на крещеного еврея профессора И. Я. Гурлянда, ставшего при покровительстве премьер-министра П. А. Столыпина руководителем правительственного издания «Россия» и автором его передовых статей. Надо сказать, что в публикациях этого, безусловно, способного человека также красной нитью проходит мысль о том, что основной враг существующего порядка — еврейская молодежь. В статье, направленной против обвинения России в преследовании евреев, он писал: «годы смуты определили, что еврейская молодежь с головой окунулась в политические заговоры против исторических устоев русского государства … натиски со стороны международных еврейских организаций показали, что с еврейским вопросом связан вопрос о политическом и социальном перевороте в России».[187] Интересно отметить, что Гурлянда связывала личная дружба с Пуришкевичем. Это лишний раз показывает отсутствие у российского антисемитизма расовой подоплеки.

Уже перед самой войной было организовано печально знаменитое «дело Бейлиса». Ничем не примечательного киевского мещанина Менделя Бейлиса обвинили в совершении ритуального убийства 13-летнего мальчика Андрея Ющинского. Явная сфабрикованность процесса вызвала широкий общественный протест. В защиту невинно обвиняемого в России выступили знаменитые ученые, писатели, публицисты, адвокаты и политические партии, кроме партий откровенно погромного направления. Не вдаваясь в подробности этого дела, следует отметить, что Русская православная церковь не поддержала сторону обвинения, несмотря на активные призывы черносотенной печати. В конце концов, несмотря на ухищрения казенных обвинителей, 28 октября 1913 г. Бейлис был оправдан. Как

[186] Там же.

[187] *Лихоманов А.* И. Я. Гурлянд и еврейский вопрос в России // Вестник еврейского университета в Москве. М., 1993. № 4. С. 151.

пишет С. А. Степанов, «дело Бейлиса является примером использования уголовного преступления в политических целях. Черная сотня, поставившая средневековый спектакль, стремилась нажить общественный капитал. Результат был прямо противоположным».[188]

Еще резче и точнее высказались авторы статьи о роли властей в деле Бейлиса: «…для власти антисемитизм был повседневной практикой. Его проявления не только не вызывали отпора, но и удостаивались негласного одобрения, а в некоторых случаях — и поощрения, например, продвижения по службе. Власть, относящаяся так к нескольким миллионам своих подданных, видевшая в них прежде всего объект для подозрений и инсинуаций, не могла не сделать этих подданных своими врагами».[189]

Первую мировую войну черносотенцы встретили в состоянии организационного разброда. Видя полное падение авторитета царской семьи, их лидер Пуришкевич даже принял активное участие в убийстве царского любимца Распутина. Однако это уже ничего не могло изменить. После Февральской революции, лишившись правительственной поддержки, организованное черносотенное движение практически прекратило свое существование.

Однако многие идеи оказавшихся в эмиграции черносотенцев были восприняты европейскими антисемитами, прежде всего германскими нацистами.

Еврейский мир в эпоху радикальных перемен

В начале XX в. все свидетельствовало о том, что заканчивается важный период истории российской цивилизации, а вместе с ним и прежнего еврейского мира России. Люди этого мира по-разному представляли себе его будущее. Часть еврейского населения, причем беднейшая, выбрала путь бегства из России. Однако, хотя это привело к тому, что из страны эмигрировало (прежде всего в США) — до 1914 г. —около 2 млн человек, все же это было меньше, чем естественный прирост, и численность еврейского населения должна была достигнуть к 1913 г. 6,3 млн человек[190].

Вместе с тем происходило вовлечение наиболее активной части еврейства, прежде всего молодежи, в общерусскую общественную

---

[188] *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1907). С. 319.

[189] *Ганелин Т. Г., Кельнер В. Е., Лукоянов И. В.* От составителей // Дело Менделя Бейлиса. СПб., 1999. С. 49.

[190] *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1907). С. 23.

и культурную жизнь. Разумеется, это стало возможным благодаря массовому усвоению еврейским миром России государственного языка. Хотя, согласно переписи 1897 г., только 1 % евреев считали родным русский язык, тем не менее владели им свободно 24,6 %.[191] Для просвещенной части еврейской общественности открываются сокровища великой русской литературы. Центром еврейского просвещения становится столица Новороссии Одесса. Еврейская община города сформировалась из эмигрантов, приезжавших в поисках лучшей жизни из Литвы, Украины, Бессарабии, австрийской Галиции. Экономический подъем края при мудром и просвещенном правлении графа М. С. Воронцова много способствовал культурному прогрессу всех его жителей. Евреи-одесситы, в противоположность польскому и литовскому еврейству, благожелательно восприняли указ Николая I о запрещении носить традиционный еврейский наряд.

Одесса. Дерибасовская улица. Почтовая открытка

Первая свободная еврейская школа возникла еще в 1826 г. Много помогал еврейскому Просвещению попечитель Одесского учеб-

[191] *Кельнер В. Е.* Книжное дело в контексте русско-еврейской культуры на рубеже XIX–XX веков // Вестник еврейского университета в Москве. М.; Иерусалим, 1997. № 3 (16). Прим. 3.

ного округа, знаменитый русский врач Н. И. Пирогов. А преемник М. С. Воронцова граф А. Г. Строганов в 1858 г. представляет в Петербург докладную записку с ходатайством о предоставлении евреям равных с христианским населением прав. Неудивительно, что именно в Одессе еврейский просветитель О. А. Рабинович основывает первую еврейскую газету на русском языке. Потом появляются другие газеты и журналы. Самыми заметными и широко распространенными становятся журналы «Восход», «Недельная хроника Восхода», сборники «Еврейская библиотека», издававшиеся в течение трех десятков лет петербургским издателем А. С. Ландау. Кроме того, он напечатал сотни книг по иудаике и еврейской истории на русском языке. Активно работало основанное в 1863 г. «Общество распространения просвещения между евреями в России», целью которого было «распространение среди евреев русской грамоты и полезных знаний».

Как отмечает современный исследователь русско-еврейской культуры В. Е. Кельнер, «к началу XX века сложилась русско-еврейская интеллигенция. Осознавая себя именно российскими евреями, ее представители — врачи, журналисты, юристы, литераторы, инженеры, люди науки и культуры — обращались к своему народу на русском языке. Постепенно в стране возникла особая среда российского еврейства на русском языке со своими учеными и писателями, издательствами и органами печати, общественными и политическими организациями».[192] Не имея возможности перечислить хотя бы частично деятелей этой культуры, следует все же упомянуть имена писателей, историков и публицистов С. Г. Фруга, С. М. Дубнова, Х. Н. Бялика, В. Жаботинского, И. Равницкого, Ю. Гессена, С. Юшкевича, Л. Леванды, ученых А. Гаркави, Д. Хвольсона, И. Клаузнера, С. Ан-ского… Кроме того, выходцы из еврейской среды становились знаменитостями русского культурного общества: достаточно указать скрипача Г. Венявского, музыкантов Антона и Николая Рубинштейнов, скульптора Марка Антокольского, художника Исаака Левитана…

Несмотря на противодействие властей, еврейская молодежь продолжала стремиться в русские учебные заведения. Процентная норма учащихся для лиц иудейского вероисповедания составляла 3 % для вузов столиц, 5 % для Казани и 10 % для черты оседлости. После

[192] *Кельнер В. Е.* Книжное дело в контексте русско-еврейской культуры… С. 130.

студенческих беспорядков 1901 г. норму попытались снизить соответственно до 2, 3 и 7 %. Ряд вузов был официально закрыт для приема евреев. Однако в 1904–05 г. старая норма была восстановлена.

Примечательно, что против такой дискриминации выступали большинство студенчества и большая часть профессуры. Либеральный министр просвещения И. И. Толстой в своих воспоминаниях 1906 г. отмечал, что «правительственный антисемитизм уничтожил в зародыше антисемитизм в среде учащегося юношества, которое никогда не помирится с грубой и кричащей несправедливостью к товарищам». Более того, в резолюции от 25–28 марта 1905 г. I Академического союза, являвшегося профессионально-политической организацией деятелей высшей школы и Академии наук, указывалось, что «ограничение в правах лиц нерусского происхождения наносит явный вред нравственному, культурному и экономическому развитию всей России».[193]

После победы реакции сменившие Толстого министры народного просвещения, стремясь угодить царю и премьер-министру П. А. Столыпину, делали все возможное, чтобы сохранить процентную норму вопреки открытому и тайному сопротивлению руководства вузов. Характерен прием Томского технологического института. В письме от 30.11.1907 г. министр народного просвещения П. М. Кауфман жалуется Столыпину, что Совет института в нарушение 5-процентной нормы принял в 1904 г. 14,6 %, 1905 — 13,7 %, 1906 — 9,2 %, в 1907 –— 16 % студентов евреев[194]. Борьба еврейских учащихся с властями продолжалась с переменным успехом до Первой мировой войны. 10 августа 1915 г. распоряжением Совета министров дозволялось принимать в вузы на льготных условиях участников войны и их детей независимо от вероисповедания и национальности. В результате этого в 1916 г. доля еврейских студентов в вузах России составила 8 % (около 2 тыс. человек).[195]

Двери военных учебных заведений в то время были формально закрыты даже выкрестам до третьего колена. Однако и тут закон, по воспоминаниям А. И. Деникина, «не соблюдался, и в офицерском

[193] *Иванов А.* «Еврейский вопрос» и высшее образование в России // Вестник еврейского университета в Москве. № 1 (5). 1994. С. 41.

[194] *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). С. 189. Справедливости ради надо указать, что Столыпин вообще понимал необходимость некоторого ослабления ограничений для евреев.

[195] *Иванов А.* «Еврейский вопрос» и высшее образование в России. С. 47.

корпусе состояли не только прапорщики запаса, но и генералы Генерального штаба, принявшие до службы христианство».[196]

Надо отметить, что многие государственные деятели и министры понимали не только вредность, но и опасность для Империи дискриминации еврейской молодежи. Ведущие члены правительства — С. Ю. Витте, обер-прокурор Св. Синода А. Д. Оболенский — в «Мемории» царю подчеркивали, что «еврейское население видит в процентных нормах проявление произвола». Дальше доводилось до сведения императора: «Неудовольствие, порожденное этими мерами, нередко служило поводом к студенческим волнениям … Еврейская молодежь, озлобленная столь явным неравенством, пополняла и поддерживала революционные партии, и в то же время высшие учебные заведения, огражденные от наплыва евреев, оказались, как показали позднейшие события, не огражденными от действия революционной пропаганды». Царь ограничился резолюцией: «Еврейский вопрос должен быть рассмотрен в общей скрупулезности тогда, когда я признаю это благовременным».[197] Дальнейшие события подтвердили правоту авторов «Мемории».

В дореформенный период евреи практически не имели отношения к русскому освободительному движению. В программе декабристов еврейский вопрос не занимал сколько-нибудь заметного места. Пестель, например, полагал, что евреям надо с помощью русских войск завоевать территорию в азиатской Турции и переселиться туда. С другой стороны, по проекту конституции Никиты Муравьева, евреям предоставлялось в будущей России полное равноправие. Среди народовольцев уже появились отдельные выходцы из еврейской среды, в частности, участница покушения на царя Геся Гельфанд. Это были представители нового молодого поколения, решительно и даже оскорбительно грубо порвавшие с прежней традиционной средой.

Последующая политика правительств Александра III и Николая II способствовала распространению таких радикальных взглядов и массовому вовлечению еврейской молодежи в русское революционное движение всех направлений.

Вместе с тем следует также указать, что экономическая элита российского еврейства буквально боготворила Александра II и ненавидела «Народную волю». Имеются даже сведения, что на финан-

[196] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Вып. 2. Т. 1. М., 1991. С. 128.
[197] Там же. С. 43.

сирование организации «Священная дружина», поставившей себе целью борьбу с революционерами, большие суммы предоставили еврейские миллионеры — барон Г. О. Гинзбург, братья Поляковы, И. М. Бродский, И. М. Зайцев.[198]

Основываясь на недавно опубликованных исследованиях по этому вопросу, можно сделать вывод, что подавляющее большинство политически активной части еврейства не представляло себе будущего вне российской цивилизации. При этом не получила поддержки идея западных поборников еврейского равноправия, утверждавших, что евреи не народ, а только религиозная община (ее сторонники, в частности, полагали, что в их странах можно говорить о немцах, поляках и французах «Моисеева Закона»). Напротив, в России не было сомнений в том, что евреи представляют собой особый народ.

Среди национально ориентированных направлений можно указать различные социалистические группы, прежде всего «Общееврейский рабочий союз в России и Польше — Бунд», объединявший говорящих на идише рабочих черты оседлости. Он претендовал на то, чтобы стать автономной частью РСДРП.

Идеологом теории «культурно-национальной автономии» евреев на территории России был историк С. М. Дубнов. Он полагал, что каждый народ проходит в ходе своей истории три стадии: родоплеменную («расовую»), территориально-политическую и культурно-историческую. Только евреи представляют собой народ, достигший третьей («духовной») стадии. Он не нуждается ни в собственном государстве, ни в территориальной автономии. Ему нужна только свобода религии, культурной и общинной жизни и т. д.

Одновременно большая масса выходцев из еврейской среды влилась в общерусские политические партии. Максим Винавер участвовал в создании Конституционно-демократической партии, тысячи евреев были активными деятелями партии социалистов-революционеров, причем в 1905–1907 гг. в составе ее ЦК из 39 человек евреями были 10. Среди руководителей меньшевиков большинство также составляли евреи во главе с Л. Мартовым. Много их было в партии анархистов. Вопреки распространенному мнению, в период Первой русской революции меньше всего евреев было в руководстве большевиков.

[198] Вера Николаевна Фигнер // Алданов М. Картины Октябрьской революции. Исторические портреты. Загадка Толстого. СПб., 1999. С. 270.

Некоторое количество евреев-выкрестов входило даже в околоправительственные круги — например, редактор правительственной газеты «Россия», приближенный премьер-министров Штюрмера и Столыпина, сын раввина И. Гурлянд. Среди деятелей общерусских партий были как сознательные сторонники ассимиляции евреев в русской среде, так и сторонники сохранения еврейской идентичности в будущей России.

Совершенно противоположных взглядов придерживались деятели политического сионизма, поставившие своей целью создание отдельного независимого еврейского государства в Палестине. Однако, несмотря на блестящий состав его лидеров (прежде всего можно указать даровитого писателя, публициста, оратора, общественного деятеля В. Жаботинского), сторонники этого движения составляли меньшинство. Весьма показательно высказывание о целях политического сионизма выдающегося русского историка и философа начала XX в. М. Гершензона, еврея по происхождению и национальному чувству: «Сионизм мыслит дальнейшее существование еврейского народа не в тех своеобразных формах, какие могут выложиться наружу из недр его духа, а в формах банальных и общеизвестных. По необычности своего лица и своей судьбы, еврейство доныне — аристократ между народами; сионизм хочет сделать его мещанином, живущим как все… Сионизм есть отречение от идеи избранничества и в этом смысле — измена историческому еврейству. Я не отдам избранничества за чечевичную похлебку территориально-государственного национализма, прежде всего потому, что не верю в ее целебность, как не верю вообще в существование народных панацей».[199] Против политического сионизма выступил также идеолог «духовного сионизма» философ Ахад-Гаам. Он полагал, что в Палестине может быть только духовный центр иудаизма и еврейской традиционной культуры.

Следует указать, что еврейский мир России включал в себя, кроме ашкеназов, небольшие по численности этнографические группы грузинских, горских, среднеазиатских и крымских евреев. Все они в той или иной мере подвергались ущемлению в правах. Исключение составляли около 15 тыс. приверженцев неталмудического иу-

[199] *Гершензон М. О.* Судьбы еврейского народа // Тайна Израиля. СПб., 1993. С. 481.

даизма — караимов, пользовавшихся полным равноправием еще со времен Екатерины II.

Вместе с тем огромная масса обитателей местечек и городков Черты оседлости продолжала влачить жалкое существование в условиях жестокого притеснения. Их бедствия и редкие радости нашли отражение в обширной литературе на языке идиш, самым ярким представителем которой был Ш. Рабинович (Шолом-Алейхем). Там, вплоть до социальных потрясений начала XX в., во многом сохранялся традиционный образ жизни местечек Восточной Европы, сложившийся еще в Средние века.[200]

Прежде всего надо отметить страстную приверженность к вековым, а точнее, тысячелетним религиозным устоям и традициям иудаизма. С самых младенческих лет, независимо от благосостояния семьи, мальчики обязаны были посещать начальные религиозные школы — «хедеры», где должны были на протяжении многих лет изучать сложнейшие премудрости Библии, Талмуда, еврейских средневековых законоучителей. Всего к началу XX в. в Российской империи имелось примерно (точной статистики не велось) 25 000 хедеров, где занимались сотни тысяч детей. Условия занятий бывали ужасны. Иногда все помещение заключалось в одной комнате («хедер» по-еврейски и означает «комната»), нередко сырой и холодной. Занимались дети разного возраста по многу часов, конечно, никакие правила педагогики не соблюдались. Учителями («меламедами») зачастую были случайные люди, не имевшие другого заработка, —хотя, конечно, имелись и высокоталантливые преподаватели. О содержании обучения дает наглядное представление мемуарная литература. Вот воспоминания юриста и общественного деятеля Г. Б. Слиозберга (1863–1937). Он родился в Полтаве, в бедной и очень религиозной семье. С пятилетнего возраста от него требовали строгого исполнения обязанностей «благочестивого еврейского мальчика: утренняя, предвечерняя и вечерняя молитвы, обязательное благословения имени Божия перед едой, перед питьем, молитва перед

[200] Описанию традиционного быта евреев Восточной Европы посвящено огромное количество научной, мемуарной, художественной и популярной литературы на разных языках. В качестве лучших образцов мемуарной литературы надо указать книги: Евреи в России: XIX в. / вступ. ст., коммент., указатели В. Кельнера. М., 2000; *Дубнов С. М.* Книга жизни. Воспоминания и размышления / вступ. ст. и коммент. В. Кельнера. СПб., 1998. Хорошим примером популярной литературы на русском языке можно полагать книгу: *Кандель Ф.* Очерки времен и событий. Из истории российских евреев. Часть третья (1882–1920). Иерусалим, 1994. С. 108–139.

сном и еще одна утренняя молитва при умывании. Не было у меня момента в течение дня, который не был бы приурочен к какой-либо религиозной обязанности. … Не было у меня детских радостей; не помню, чтобы я был когда-либо обладателем игрушки. Я исполнял только обязанности, и никаких детских прав мне не предоставляли. Меня со всех сторон невидимые нити притягивали к Божеству, от которого зависит каждый мой шаг».

Учение ребенка в хедере показательно: «Не успел я научиться читать по-еврейски, как меня перевели в разряд *хумеш,* т. е. к изучению Пятикнижия; не успел я освоиться с библейским языком Пятикнижия, как меня, еще не достигшего семилетнего возраста, посадили за Талмуд. Не было и речи об изучении древнееврейского языка по какой-либо системе.

Еврейская грамматика (*дикдук*) считалась не только ненужным, но и морально вредным отвлечением от главного предмета. Изучение Пророков считалось делом побочным, которому посвящалась лишь иногда часть учебного дня после обеда в качестве развлечения: считали, что после обеда ребенок не мог бы сосредоточиться на изучении Талмуда, которому посвящалось все утро, с 9 часов до половины второго».[201]

Следствием такого метода обучения было то, что многие бывшие «хедерники» на всю жизнь заучивали наизусть пространные тексты молитв, часто не понимая значения произносимых слов. Разумеется, никаких общеобразовательных наук в хедерах серьезно не изучали.

Весьма характерен портрет одного из учителей Слиозберга по имени Янкель-Нохим Чарный. «Его благочестие было абсолютным и цельным; оно проявлялось у него как бы само собою, так, как проявляется дыхание у живого человека. Оно было как бы чисто физическою потребностью, удовлетворение ее не требовало никаких усилий воли; но вместе с тем ни один акт, проявляющий это благочестие, не был слепым или бессознательным. Все его существо было проникнуто служением Богу. Он создан не для себя, не для материального духа. Ложился он спать только затем, чтобы перед сном излить свою душу в молитве; вставал для того, чтобы мгновенно приступить к общению с Божеством через ряд утренних молитв. Для этой же цели он ел и пил. … Его одухотворенное, бледное с искрящимися глубокими глазами лицо как бы свидетельствовало,

[201] *Слиозберг Г. В.* Дела минувших дней // Евреи в России. С. 275–277.

что в каждую минуту он постигает новую мысль или творит новую мысль».[202]

Конечно, Слиозберг сразу же предупреждает, что этот тип личности не очень распространен, но, безусловно, он не являлся все же уникальным или исключительным явлением в тогдашнем традиционном еврействе. Среди учителей были и люди с громкими именами, знаменитые раввины, законоучители и простые меламеды, каким был вышеупомянутый Чарный. Легко себе представить, что из таких характеров в других социальных условиях формировались великие общественные деятели, революционеры, ученые, философы, деятели искусств. Но тогда именно они способствовали поддержанию религиозного духа в массе российского еврейства. О его силе свидетельствует существование в то время огромного количества братств по изучению Торы (Библии), Талмуда, поучений законоучителей. Обычно собрания происходили синагогах, молитвенных домах или особых помещениях (*клаузах*). По свидетельству современника, «С зари до полночи, иногда заполночь, сидели старики и отроки, богачи и нищие, раввины и лавочники, каждый пред своим фолиантом, и нараспев, покачиваясь, повторяли священные тексты, упиваясь мудрыми толкованиями, опьяняясь высшим разгулом духа за счет хилого и презренного тела».[203]

Следует отметить широкую сеть синагог и молитвенных домов в различных городах Российской империи. Конечно, наиболее красивые и фундаментальные здания синагог были воздвигнуты в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Вильно, Киеве и других крупных городах черты оседлости. Но это только небольшая часть общей картины. Например, в Вильно было всего около ста синагог, молитвенных домов и клаузов; в Одессе — семь синагог и пятьдесят молитвенных домов; синагоги появились даже в отдаленных городах Сибири. Излишне упоминать о повсеместном соблюдении еврейскими семьями субботы, религиозных праздников и обычаев.

Но, разумеется, и этот традиционный мир не оставался неизменным. Его постепенно подтачивали объективные процессы общественного развития страны. Как было показано выше, включение еврейской молодежи в политические движения и вообще в российскую жизнь, безусловно, влекло за собой в той или иной форме от-

---

[202] Там же. С. 284–285.

[203] *Кандель Ф.* Очерки времен и событий. С. 123.

ход от традиционного религиозных представлений. Иногда это было просто равнодушие к вере отцов, иногда даже лицемерное крещение с целью получения равноправия.

Часто этот разрыв происходил в крайне резкой манере. Характерно в этом смысле воспоминание одного современника: «У меня, да и не только у меня одного, неверие и ненависть ко всякой вере приняли в то время характер истинного фанатизма. Когда я проходил мимо синагоги, откуда доносились звуки молитвы или учения Талмуда, я скрежетал зубами от злобы. Высшим наслаждением было для меня доказывать, что Ветхий Завет не был написан Моисеем, что Иисус Навин не остановил солнца, что царь Давид скверный человек, а его сын Соломон — глуп и т. д.»[204]

Поэтому показательно, что большинство религиозных духовных вождей тогдашнего российского еврейства враждебно отнеслись к идеям политического сионизма, полагая, что только Мессия приведет евреев в Святую Землю. Сионизм нашел поддержку только у меньшинства религиозных евреев, сторонников движения «Мизрахи». Представления большинства религиозных вождей еврейства России сформулировал философ Б. Столпнер: «Никакие рецепты не помогут в разрешении еврейского вопроса — и евреи исчезнут, если исчезнет среди них религиозное сознание».[205]

Однако усвоенные с детства религиозные образы все же зачастую полностью не отпускали отступников от веры отцов, иногда поразительно сочетаясь с новыми идеями. Самое выразительное художественное изображение этого невероятного сплава можно найти в рассказе И. Бабеля «Сын Рабби» из сборника «Конармия». В походном сундучке умирающего сына знаменитого раввина Мотэле Брацлавского — красноармейца Ильи Брацлавского — были свалены вместе «мандаты агитатора и памятки еврейского поэта. Портреты Ленина и Маймонида лежали рядом. Узловатое железо ленинского черепа и тусклый шелк портретов Маймонида. … и на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов».[206]

[204] *Фрумкин Б.* Из истории революционного движения среди евреев // Евреи в Российской Империи XVIII–XIX веков. М.; Иерусалим, 1995. С. 589.

[205] *Кельнер В. Е.* Русско-еврейская интеллигенция… С. 7.

[206] *Бабель И.* Избранное. Фрунзе, 1990. С. 125.

История в событиях и лицах

1. ЕВРЕИ В ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ПОСЛЕ ОТМЕНЫ РЕКРУТЧИНЫ

Эпоха Великих реформ во многом была благотворной для солдат-евреев. Прежде всего, Указом от 26 августа 1856 г. было определено «рекрут с евреев взимать наравне с другими состояниями» и принимать с тех же лет, а «прием в рекруты малолетних евреев отменить». Тем самым была уничтожена жестокая система набора «кантонистов». Затем власти разрешили повсеместное проживание с семьями солдат, отслуживших по николаевскому рекрутскому призыву. Далее, евреи-солдаты были допущены к службе в гвардии, разрешено производить их в унтер-офицеры на общих основаниях и награждать их всеми орденами, которых удостаивались солдаты-мусульмане. Причиной военной реформы послужили неудачи императорской армии в ходе Крымской войны, очевидно показавшей серьезные недостатки системы военной организации России. Для проведения реформы Александр II организовал особую комиссию для установления нового положения о личной воинской повинности в Империи и Царстве Польском. Показательно, что членами комиссии работали именитые специалисты по еврейскому вопросу — доктор философии Иосиф Зайберлинг, профессор Даниил Хвольсон и барон Гораций Гинзбург.[207]

1 января 1874 г. вступил в силу Устав, который зафиксировал закон о всесословной военной повинности: она распространялась на все мужское население империи. Общий срок действительной военной службы определялся в шесть лет, и пребывание в течение девяти лет в запасе. Предусматривались большие льготы и сокращались сроки действительной службы для выпускников университетов, гимназий и реальных училищ.

Но в практике применения Устава странным образом переплелись взгляды либералов — сторонников уравнения военнослужащих-евреев с православными, и мнения консерваторов, стремящихся этому противодействовать. К примеру, после долгих и жарких дискуссий решением упомянутой выше комиссии было решено, что евреи могли поступать вольноопределяющимися в армию, сдавать экзамены на офицерский чин и получать офицерское звание, а также поступать в юнкерские училища. Однако после принятия Устава

[207] *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. С. 177.

Военное министерство сначала сократило число возможных офицеров-евреев до трех процентов из числа вольноопределяющихся, а затем просто запретило прием евреев (точнее, лиц иудейского вероисповедания) в юнкерские училища. Как было сказано ранее, военный министр Милютин мотивировал это тем, что «солдат-христианин с пренебрежением будет смотреть на офицера-еврея, и самая строгая дисциплина окажется бессильной в борьбе с религиозными чувствами и убеждениями».[208] Показательно, что так рассуждали передовые деятели эпохи Великих реформ, не возражавшие, кстати, против правовых послаблений в гражданской области.

Как отмечает в своем исследовании Й. Петровский, «в результате с 1874 по 1917 г. правом на получение офицерского чина в России воспользовались всего девять евреев, из которых только один — Гетцель Цам — заслужил офицерские погоны благодаря отличной службе. Остальные восемь — дети крупнейших еврейских банкиров — были зачислены в офицерский корпус из соображений сословного престижа и в знак готовности еврейской аристократии служить царю и отечеству. По личному распоряжению военного министра Ванновского и с высочайшего дозволения Александра III в корнеты 17-го драгунского Волынского полка были произведены сыновья барона Гинцбурга». Но при этом было отмечено, что это сделано как исключение.[209]

Однако в целом реформы Александра II, и прежде всего отмена кантонистской системы, вызвали искреннюю и глубокую благодарность и даже энтузиазм у солдат-евреев. Характерно, что их не оказалось среди сторонников польских повстанцев во время восстания 1862–1863 гг., хотя среди их гражданских соплеменников сторонники польского дела находились. Это сказалось и на боевом духе солдат-евреев, принявших участие в Русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. Сохранилось много воспоминаний современников об их достойном поведении, в частности об отличившихся в боях пехотных дивизиях № 16 и № 30, сформированных в Могилевской и Минской губерниях. В этих дивизиях было до 25 % евреев новобранцев, а в некоторых ротах число солдат-евреев составляло более половины личного состава. Сохранился рассказ одного из начальников дивизии о сражении под Горным Дубняком 30 августа 1878 г.

[208] Армия в России // Еврейская энциклопедия. Т. 3. Стб. 163.

[209] *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. С. 181.

При взятии турецкого редута внезапный артиллерийский огонь турок вывал замешательство в атакующем русском отряде. Он начал отступать, как откуда-то раздалось громкое восклицание «Шма Израиль!» («Слушай, Израиль!», главная иудейская молитва. — *В. В.*). С этим криком небольшая группа солдат евреев вырвалась вперед, а за нею вслед вся штурмовая колонна, с бессознательным, но воодушевленным повторением «Шма Израиль» ворвались в турецкие траншеи, и редут был взят.[210]

Характеризуя боевые качества солдат-евреев в этой кампании, будущий военный министр генерал Куропаткин отмечал: «И татары, и евреи умели и будут впредь уметь так же геройски драться и умирать, как и прочие русские солдаты».[211]

Но, как обычно, после оттепели наступили заморозки. Сменивший на троне отца Александр III снова натягивает вожжи. Выпущенный в 1882 г. указ отменяет многие послабления прежнего царствования. Опять воспрещается назначать евреев в артиллерию, во флот, в пограничную и карантинную стражу, в резервные местные батальоны и команды. Видимо, эти положения плохо выполнялись, потому что аналогичные распоряжения повторялись снова и снова. Но по-прежнему отслуживший беспорочно срочную службу еврей-солдат не получал права повсеместного проживания в Империи. Более того, властью изобретались новые поводы для ограничений. Уже в царствование Николая II, в 1896 г., был издан закон, запрещавший солдатам-евреям оставаться за пределами Черты оседлости во время отпусков(!).

Но, конечно, положение евреев-солдат очень зависело от общих социальных проблем в Российской империи. На переломе XIX и XX столетий весьма ускорилась процессы индустриализации страны и развития русского капитализма, стимулированные освобождением крестьян от крепостной зависимости. Развитие фабрично-заводского производства, особенно в Западных губерниях России, размывало экономическую основу прежней посреднической и ремесленной жизни евреев Черты оседлости. Как справедливо отмечает Петровский, на смену мелкому торговцу приходит наемный рабочий. Как показала Всероссийская перепись 1897 г., пролетаризация охватила около 55 % всего еврейского населения.[212] Разумеется, это не могло не сказаться на евреях — солдатах Императорской армии.

[210] Армия в России // Еврейская энциклопедия. Т. 3. Ст. 164–165.
[211] Военный сборник. СПб., 1883. № 7.
[212] *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. С. 245.

Новые призывники, оставаясь приверженцами религии предков, уже не были духовно ограничены идеологией средневекового кагала. В вовлеченном в современное промышленное производство еврейском населении быстро растет социальное расслоение и возникают новые формы социальной и национальной борьбы.

В пределах Черты оседлости возникает забастовочное рабочее движение и формируются политические партии социалистического направления. В 1897 г. на состоявшемся в Вильно съезде различных еврейских социал-демократических групп был образован «Бунд» (на идише «союз»; полное название — «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России»). В следующем, 1898 г. Бунд принимал участие в подготовке 1 съезда Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в Минске. Показательно, что из 9 делегатов съезда три были представителями Бунда, который вошел в состав РСДРП на правах автономии. Примерно в это же время в более зажиточных регионах Новороссии возникают и социал-сионистские движения. В частности, в 1906 г. на съезде в Полтаве была создана партия «Паолей Цион» (на иврите «Рабочие Сиона»; полное название — Еврейская социал-демократическая партия Поалей Цион»).

Но особенный успех в руководстве забастовочным движением еврейского рабочего класса имел все же Бунд. О его влиянии может свидетельствовать рост тиража его печатного органа «Идише арбайтер» («Еврейский рабочий»). Если в 1896 г. он издавался в Количестве 1000 экземпляров, то к началу Первой русской революции, постепенно увеличиваясь, он достиг фантастической цифры — 808 тысяч экземпляров и брошюр![213]

Конечно, такое положение обеспокоило власти, которые использовали против агитаторов различные репрессии, в частности, массовый принудительный призыв агитаторов в армию. При этом они не заметили, что это означило гасить пожар бензином. Еврейский пролетарий, пропагандист и агитатор, владеющий русским языком, уже не боялся армии. Наоборот, Бунд призывал своих сторонников не только к достижению национальных целей — отмены Черты оседлости и антиеврейского законодательства — но прежде всего к классовой солидарности. В этих призывах провозглашалось, что «социал-демократические идеи будут освещать темным и забитым солдатам их темный тернистый путь. Пусть они зовут их под наши

[213] Там же. С. 248.

красные знамена с тем, чтобы в момент решительной битвы с самодержавием они перешли на нашу сторону».[214]

Конечно, революционной пропагандой занимались агитаторы РСДРП и, особенно, партия эсеров (социалистов-революционеров). Более того, Бунд впоследствии сосредоточился на борьбе против ассимиляции евреев, за что подвергался жестокой критике со стороны социал-демократов — большевиков. Однако после поражения Первой русской революции среди государственных и военных властей Империи закрепилось убеждение, что евреи являются главными и повсеместными зачинщиками всех вредоносных настроений. Это привело к весьма неблагоприятным переменам в положении еврейского населения империи вообще и военнослужащих-евреев в частности.

Хотя реально евреев не было среди главных участников военных восстаний в армии и на флоте, военными властями предписывалось нижним чинам указывать на евреев, как на одних из главных «внутренних врагов». Характерен эпизод обучения солдат в повести Куприна «Поединок». Ефрейтор поучает солдат: «Унутренними врагами мы называем усех, сопротивляющихся закону. Например, кого? … Скажи хоть ты, Овечкин.

Овечкин вскакивает и радостно кричит:

— Так что бунтовщики, стюденты, конокрады, жиды и поляки!»[215]

Конечно, это связано с общим усилением реакции правящих кругов, серьезно напуганных общим социальным кризисом самодержавной Империи. Усиливается антисемитская публицистика, активизируется формирование организаций антисемитского толка. В исследовании Й. Петровского хорошо показано, как под воздействием высшей бюрократии в армии постепенно создается своего рода внутриармейская «черта оседлости», т. е. складывается комплекс антиеврейских постановлений, правил, циркуляров, а также расширяется перечень должностей, на которых не допускались «унутренние враги … жиды и поляки». Этот перечень включал в себя «писарей, мастеровых, чертежников и кондукторов, рядовых крепостных гарнизонов, оружейников, всех видов служащих инженерных войск, машинистов, мельников, приемщиков вещевых складов, аптечных и ветеринарных фельдшеров, а также врачей и фельдшеров в войсках западных округов».

---

[214] Там же. С. 252.

[215] *Куприн А. И.* Поединок // Куприн А. И. Собр. соч. М., 1964. Т. 4. С. 113.

Надо сказать что, как всегда, находились командиры, заинтересованные в нормальном функционировании своих подразделений, которые не понимали подобных инструкций и пренебрегали ими. В таких случаях дело порой доходило до самого императора. Показательно дело полковника Макеева в Одесском военном округе. В его полку солдатам-евреям было дозволено собрать деньги для написания свитка Торы (Пятикнижия Моисеева) и принять участие в торжественном переносе свитка в синагогу. Узнав об этом, Александр III высказал недовольство военному министру Ванновскому. Последний обратился к одесскому градоначальнику генералу Роопу за разъяснениями. В ответ градоначальник сообщил, что действия Макеева заслуживают порицания, но, «принимая во внимание прежнюю отличную службу полковника Макеева и хорошее состояние как в строевом, так и в хозяйственном отношении командуемого им полка, я полагал бы возможным ограничиться в данном случае объявлением ему выговора в приказе». Однако военный министр не согласился с такой умеренной позицией, и, по согласованию с Александром III, заслуженный офицер полковник Макеев был снят с занимаемой должности и отправлен в запас с выслуженной пенсией.[216]

Подобных случаев было, к чести русского офицерского корпуса, достаточно много, но при этом в травлю включалась и правая юдофобская пресса. Особую активность в кампании против евреев — солдат императорской армии проявляли идеологи таких организаций, как Союз Русского народа и Союз Михаила Архангела. Им принадлежит и яростная пропаганда за массовое изгнание евреев из армии. Особенно она усилилась после поражения России в Русско-японской войне. Одной из самых главных причин, если не самой главной, по их утверждениям, было разлагающее и вредоносное влияние евреев на дисциплину и волю русского солдата. Попустительство погромной пропаганды со стороны военных властей привело к еврейскому погрому в 1906 г. в Белостоке, когда погибло 78 человек. (в большинстве евреев). Комиссия Государственной думы обвинила в его организации полицейские власти, а военные — в пассивном содействии этому преступлению. Особенно возросла активность черносотенной публицистики во время процесса Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве. В частности, активно использовался тот факт, что Бейлис признал себя солдатом запаса. В пропагандистских

[216] *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. С. 324–325.

целях также вспомнили состоявшийся в середине XIX в. «ритуальный» процесс евреев — солдат Саратовского гарнизона, хотя виновность их не была доказана экспертами. Провал дела по обвинению Бейлиса, названный праворадикальной публицистикой «юридической Цусимой», не снизил их активности. Главным их требованием стало требование об удалении евреев из армии.

По иронии судьбы, как в свое время указ Николая I о распространении на евреев воинской повинности, так теперь проект удаления евреев из армии вызвал всеобщий протест. В нем усмотрели первый шаг к окончательному лишению еврейского населения всех гражданских прав и даже полной эспроприации еврейских капиталов и собственности.

Поэтому в связи с подготовкой нового Устава о военной службе по этому вопросу возникла бурная дискуссия, особенно резкая в стенах Думы. Правые депутаты, главными ораторами были Марков 2-ой, Пуришкевич и Замысловский, яростно приводили всяческие «доводы», требуя немедленного изгнания евреев из армии. В частности, утверждалось, что евреи уклоняются от службы в армии, хотя эти доводы неоднократно опровергались. В 1907 г., когда рассматривался запрос Военного министерства на законопроект о контингенте призывников, депутат от Ковенской губернии Абрамсон показал, что 4 % мужского еврейского населения (2 471 000 из 62 477 000) дало русской армии 4,94 % нижних чинов (53 000 из 1 076 000). Однако никакие обоснованные опровержения не останавливали правых, и клеветнические обвинения продолжались.

В апреле 1914 г. депутат уже последней, Четвертой Государственной думы Фридман в своем выступлении связал сохранение Черты оседлости с положением еврея-солдата. Указав на вопиющий пример, когда отставные еврейские солдаты — георгиевские кавалеры получили отказ в праве проживания в Петербурге, он поставил вопрос: «Не имея никаких прав, он (солдат-еврей) должен быть и аккуратным, и патриотом, и бравым солдатом. Господа, ведь в таком отношении нет никакой логики, ни государственной, ни человеческой». На это последовал ответ Пуришкевича — «Никогда!»[217] Показательно, что эта дискуссия происходила практически на пороге Мировой войны, в огне которой через при года погибла и сама Империя.

[217] *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. С. 352–353.

Все же, несмотря на сильное влияние в правительственных кругах антисемитских и черносотенных настроений, в Уставе 1912 г. не прислушались к призывам изгнать евреев из армии, хотя многие антиеврейские моменты в нем сохранились. Как справедливо отмечает Петровский, руководство Военного ведомства подписывалось под антисемитскими лозунгами, но одновременно не собиралось проводить их в жизнь, исходя из сугубо прагматических соображений. Что касается самой армейской жизни, то исследователь точно определил ее такими словами: «**Важно понять, что в самой армии отношение к евреям не было однородным. Чем ближе к Военному министерству, тем антиеврейские настроения были сильнее, и наоборот … здравое прагматическое мышление сохранилось прежде всего на уровне полковых командиров**».[218]

Это положение подтверждает и обширная мемуарная литература. Приведем компетентное свидетельство командующего Белой армии — генерала А. И. Деникина. Будучи в 1902 г. командиром 183-го пехотного Пултусского полка, он вспоминает: «Солдат наш жил в обстановке суровой и бедной. В то время, о котором я говорю, в казарме вдоль стен стояли деревянные нары, иногда отдельные топчаны. На них — соломенные тюфяки и такие же подушки, без наволочек. Покрывались солдаты шинелями — грязными после учений, мокрыми после дождя. Одеяла были мечтой наших ротных командиров, но казенного отпуска на них не было… Только в 1905 году введено было снабжение войск постельным бельем и одеялами.

Обмундирование старой русской армии обладало одним крупным недостатком: оно было одинаковым для всех широт — для Архангельска и для Крыма. При этом до японской войны никаких ассигнований на теплые вещи не полагалось, и тонкая шинелишка покрывала солдата одинаково и летом, и в русские морозы. … Пища солдата отличалась необыкновенной скромностью. Типичное солдатское меню: утром — чай с черным хлебом (в день три фунта хлеба), в обед — борщ или суп с ½ фунтом мяса или рыбы (после 1905 г. — ¾ фунта) и каша; на ужин — жидкая кашица, заправленная салом».

Деникин пишет и системе наказаний в армии: «До 60-х годов прошлого столетия, т. е. до великих реформ императора Александра II-го, телесные наказания и рукоприкладство, как и во всех европейских армиях, являлись основным началом воспитания войск. …

[218] Там же. С. 356.

С 60-х же годов и только до первой революции телесное наказание допускалось лишь в отношении солдат, состоявших по приговору суда в “разряде штрафованных”». Несомненно, Деникин несколько идеализирует картину. Произвол и рукоприкладство продолжали иметь место, но, конечно, многое зависело от характера конкретного командира.

Показательны при этом его суждения по проблеме межнациональных отношений в столь суровых условиях армейской службы. Он пишет: «если солдаты — представители нерусских народностей — испытывали тяготы службы, то, главным образом, из-за незнания русского языка». Деникин вспоминает, что в его полку и в других, которых он знал, к солдатам-евреям относились терпимо, хотя и не отрицает, что в других частях положение было иным. Однако причины этого были не военные, а социальные: Поскольку основная масса евреев являлись бедными жителями городов и местечек, то и новобранцы из их среды были менее развиты физически, чем крестьянская молодежь, и это уже ставило их в некоторое «второразрядное» положение в казарменном общежитии. Более того, ограничение начального образования евреев-призывников хедером, часто незнание русского языка осложняло их положение. При этом более зажиточные слои еврейского населения отбывали воинскую повинность на различных льготных условиях».[219] Тут, правда, надо иметь в виду, что Деникин служил тогда в Польше, где влияние русской культуры было гораздо слабее, чем в других местах проживания евреев России (Белоруссия, Украина, частично Великороссия).

Красочную иллюстрацию к быту солдат-евреев в начале 1880-х годов можно найти и в воспоминаниях еврейского литературного деятеля А. Ф. Перельмана (1876–1954). Семья его проживала в Одессе, и в дни празднования еврейской Пасхи к ним приходили «солдаты, служившие в Люблинском и Лодзинском полках, квартировавших в Одессе. Большей частью это были люди совершенно чуждые русской культуры, не знавшие ничего по-русски, далекие от всяких понятий воинской дисциплины, тщедушные местечковые евреи, искренне думавшие, что на самом деле “порядочный человек” не станет стрелять в другого. Словом, “вояки”, об одном из которых еврейский анекдот рассказывает, что, очутившись на фронте и увидев, что его товарищи собираются стрелять в противника, он закричал:

[219] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 211–212.

“Сумасшедшие, что вы делаете? Там ведь живые люди!”. К тому же они не ели “с котла”, строго соблюдая еврейские законы о еде, и потому всю неделю питались только хлебом и чаем, и лишь по субботам и праздникам, попадая в еврейский дом, питались более или менее хорошо. В казарме они, конечно, всегда страдали от насмешек своих нееврейских товарищей, были всецело во власти низшего начальства — ефрейтора и фельдфебеля, которых они должны были одаривать, чтобы те были милостивы и отпускали их из казармы по пятницам вечером и субботам. На праздники, по ходатайству раввината, их обыкновенно отпускали по распоряжению местного высшего начальства. … Некоторые из них бывали у нас все годы службы в Одессе, стали у нас своими домашними и приходили посреди недели, как только им удавалось вырваться на часок из казармы. Поужинав, гость-солдат спешил в казарму на вечернюю поверку».[220]

Но, конечно, такими были далеко не все солдаты-евреи. Тот же Деникин завершает еврейскую тему все же такими словами: «Во всяком случае, в российской армии солдаты-евреи, сметливые и добросовестные, создавали себе всюду нормальное положение и в мирное время. А в военное — все перегородки стирались само собой и индивидуальная храбрость и сообразительность получали одинаковое признание».[221]

Во время русско-японской войны получилось так, что число солдат-евреев на фронте было весьма значительно (30 000 человек), поскольку после призыва уроженцы западных губерний направлялись в сибирские полки, и, таким образом, они оказались ближе всего к театру военных действий. Высок также был процент врачей-евреев, призванных из запаса (3000 человек). Они первые оказались мобилизованы, поскольку были свободны от государственной службы.

Как известно, в этой несчастной для России войны наиболее яркой страницей оказалась героическая оборона Порт-Артура. К счастью, об участии и в этом достаточно славном для русского оружия деле евреев-солдат есть интересные и показательные сведения. Один из них, Иосиф Трумпельдор (1880, Пятигорск — 1921, Телль-Хай), сын николаевского солдата, стал впоследствии одним из главных создателей Израильской армии и культовой фигурой в этой стране. Но тогда, в Порт-Артуре, он был ефрейтором 7 роты Восточно-Си-

220 *Перельман А. Ф.* Воспоминания. СПб., 2009. С. 34–35.
221 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 212.

Иосиф Трумпельдорф

бирского полка, а до мобилизации успел сдать экзамен на звание зубного врача. Об одном подвиге Трумпельдора в Порт- Артуре сохранилось красочное воспоминание его друга и сослуживца Б. Белоцерковского: «У Трумпельдора еще были обе руки; он уже был "отделенным" (выше этого чина, даже до младшего унтера, нельзя было тогда еврею дослужиться), и взвод его засел в окопах на сопке перед крепостью. Японцы круто наступали; почти все соседние сопки были очищены, во взводе Трумпельдора все старшие чины перебиты — кроме прапорщика запаса, который уже давно ушел по начальству за приказом что делать, и не вернулся. Солдаты начали ворчать, стали ползти к выходу из траншеи. Трумпельдор стал у выхода с винтовкой и объявил: "Кто сдвинется с места — застрелю!". Так и остались они в окопе, когда не опустела и последняя из соседних русских сопок. Тогда он солдат послал в крепость, но сам остался и полез на разведку: осмотрел профиль той местности и пришел к убеждению, что японцев еще можно прогнать. В это время он увидел он на равнине, в стороне от огня, офицера в капитанских погонах морского дивизиона с подзорной трубкой в руках. Трумпельдор спустился к нему и объяснил: если вызвать свежую роту и поставить ее там, то можно еще отобрать позицию назад.

— Верно, — сказал капитан. — Сбегай, голубчик, вон за тот бугор, — там засела моя команда, скажи старшему офицеру, чтобы шли сюда.

Трумпельдор добежал до пригорка, на который сыпались японские снаряды, вскарабкался на вершину — и увидел, что морская команда, не выдержав огня, "отступила", "только пятки мелькали" — он вернулся к капитану и доложил. Тот глубоко огорчился: сорвал фуражку, ударил себя кулаком по седой голове и застонал:

— Осрамили! Удрали — как жиды!

Трумпельдор подтвердил мне потом этот анекдот, очень весело улыбаясь».[222]

Сохранился приказ командира 27-го Восточно-сибирского полка, в котором было сказано:

«Ефрейтор 7-ой роты Иосиф Трумпельдорф (так в тексте. — *В. В.*), обращаясь в своем рапорте от 24 ноября 1904 года к командиру роты, писал: "Я остался с одной рукой, но это рука правая. Поэтому желая, как и раньше **делить с товарищами боевую жизнь** (выделено мной. — *В. В.*), прошу чтобы Ваше благородие распорядились выдать мне шашку и револьвер"».

В приказе дальше сказано, что Трумпельдор не хотел воспользоваться «законным правом инвалида» и «не считаясь с опасностью, он еще раз предложил свою наполовину искалеченную жизнь для борьбы с врагом». «Таким образом, отдает Трумпельдорф на пользу отечества больше, чем требуется данной клятвой».[223]

После окончания войны Трумпельдору, награжденному четырьмя «Георгиями», было, в порядке исключения, присвоено недоступное для еврея офицерское звание (прапорщик запаса). Он окончил юридический факультет Петербургского университета, после чего уехал в Палестину.

Возвращаясь к вопросу отношения к евреям в армейской среде, обратим внимание на мотив отказа «воспользоваться законным правом инвалида» — желание **«делить с товарищами** (т. е. с солдатами своей роты. — *В. В.*) **боевую жизнь**».

Еще более показателен в этом отношении сохранившийся уникальный документ — «Дневник Меера Смолкина, солдата Русско-японской войны, защитника Порт-Артура», в котором описаны все восемьсот двенадцать дней и ночей службы, с 5 марта 1903 г. до мая 1905 г. Дневник охватывает весь период русско-японской войны от слухов о подготовке к ней до ее окончания. Смолкин честно воевал, был тяжело ранен и после излечения вернулся в строй. С войны он вернулся калекой — без четырех пальцев на правой руке. Что касается интересующей нас темы, то в воспоминаниях есть интересное свидетельство: оказывается, солдаты-евреи имели право соблюдать все обряды иудейских праздников, в частности, даже в синагоге осажденного Порт-Артура к иудейской Пасхе готовилась маца. Бо-

[222] *Жаботинский В. Е.* Повесть моих дней. Иерусалим, 1985. С. 114–115.

[223] *Бейдер Х.* Удивительный исторический документ // Советиш геймланд. М., 1979. № 2. Перевод с идиша К. Райхчина.

лее того, на фронте солдатам-евреям во время праздников иудейского Нового Года (осень 1904 г.) разрешалось уходить в синагогу молиться — конечно, в период затишья. Следует напомнить, что тогда, уже в конце осады, шли особенно кровопролитные бои за последний оплот защитников крепости — гору Высокую. Меер Смолкин вспоминает:

«6-го сентября наступил "Йом Киппур" (иудейский праздник, День покаяния, искупления и всепрощения. — *В. В.*). И солдаты-евреи в окопах попросили начальство отпустить в город на молитву. Им ответили, что, если завтра будет спокойно, то их отпустят помолиться.

Наступило утро, и было, слава Богу спокойно. Евреи собрались вместе и отправились в синагогу молиться. … Мы молились до часу дня, выбегая каждый раз взглянуть, что творится на позициях. Было тихо, положенный в этот день пост для нас был легким, так как в окопах мы от еды отвыкли, и поститься для нас было не внове. … Не успели мы закончить молитву, как вдруг услышали сильнейший огонь из японских орудий, наши форты открыли ответный огонь. Некоторые снаряды упали рядом с домом, в котором мы молились. Однако это не произвело на нас впечатления. Некоторые выбежали на улицу и увидели, что на правом фланге идет сильный бой. Они вбежали обратно, схватили винтовки и патронташи и помчались в окопы.

Часть солдат были из рот, стоявших на позиции "Гора Высокая" на левом фланге. Это была ближайшая к городу гора, очень высокая. Оставшиеся в синагоге намеревались наспех отслужить дневную молитву и помчаться на позицию, если бой начнется и на левом фланге. Так и случилось. Как только они стали на молитву, вбежал солдат и закричал: "Братцы, на Высокой идет страшнейший бой, еще более сильный, чем на правом фланге". Все сразу побежали на позицию»[224].

После войны евреям — участникам боевых действий на Дальнем Востоке и членам их семейств было предоставлено право повсеместного жительства в империи. Однако дискриминационные законы в отношении евреев в целом сохранялись. Когда в конце войны последовательно распоряжение о «производстве всех вольноопределяющихся (проходящих воинскую службу на льготных условиях ввиду образовательного ценза. — *В. В.*) в офицеры (прапорщики за-

[224] Там же.

Айзик Гуман

паса), было сделано исключение только для евреев. После поражения Первой русской революции властями были усилены антиеврейские меры в сфере воинской службы. В частности, они касались уже и евреев, принявших христианство. Например, в изданных в 1912 г. дополнениях к «Правилах о приеме в кадетские корпуса» запрещалось принимать в них детей еврейского происхождения, даже если крестились их отцы или деды.[225]

Но как, как говорится в широко распространенном изречении, «счастье России в плохом исполнении плохих законов». Как вспоминает Деникин, «в офицерском корпусе состояли офицеры и генералы (! — *В. В.*), принявшие христианство до службы и прошедшие затем военные школы. Из моего и двух смежных выпусков Академии генерального штаба, я знал лично семь офицеров еврейского происхождения, из которых шесть ко времени мировой [первой. — *В. В.*] войны достигли генеральского чина. Проходили они службу нормально, не подвергаясь никаким стеснениям служебным или неприятностям общественного характера … В общем, это соответствовало официальной позиции военного руководства России. В 1908 г. в ответ на утверждение правой прессы о засилии иноплеменников в командном составе армии официоз военного министерства “Русский Инвалид” резко ответил: “Русский — не тот, кто носит русскую фамилию, а тот, кто любит Россию и считает ее своим отечеством”».[226]

Крушение самодержавия произошло в марте 1917 г., и все прежние дискриминационные порядки и установления рухнули вместе с ним. Однако еще до этого Первая мировая война полностью довершила включение евреев в общерусскую жизнь через опыт армейской службы, поскольку под ружье было призвано около полумиллиона еврейских солдат. Показательно, что предоставление полноправного гражданского статуса, провозглашенное Временным правительством, способствовало поразительному притоку в евреев в офицер-

[225] Россия // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим; М., 1996. С. 354.
[226] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 210.

ские школы и учебные заведения. Дело доходило до того, что к концу августа 1917 г. в таких учебных заведениях Киева и Одессы они составили от 50 до 60 % от всех обучающихся. При этом не следует забывать, что продолжалась тяжелая кровопролитная война и потери в боях младших офицеров были особенно велики.

2. РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ КНИГА ДЛЯ РУССКО-ЕВРЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Книга доктора исторических наук Виктора Ефимовича Кельнера по истории русско-еврейского книжного дела[227] оставляет впечатление луча света весьма далекой звезды. А ведь сюжеты этой книги очерков относятся ко времени, отдаленному от нас всего лишь на 100–150 лет. Правда, именно тогда в России начали происходить первые толчки мощного социального землетрясения, сокрушившего через несколько десятилетий все огромное здание казавшейся вечной и нерушимой Российской империи. Разумеется, это не могло не затронуть и ее многочисленное еврейское население, составлявшее несколько более половины общего числа евреев всего мира.

Сейчас это трудно представить, но тогда — к началу XX в. — по весьма характерному свидетельству современника, «еврейский вопрос стал стержнем русской жизни. От городового до министра, от полицейского участка до Сената и Государственного совета, все и вся поглощены были еврейским вопросом».[228] Причины такого положения хорошо известны — от сохранения пресловутой «черты оседлости евреев» до слепого антисемитизма, в том числе и религиозного, правящей элиты империи.

Однако стоит выделить один момент, резко обострявший проблему. Если общая численность городского населения Европейской России даже к 1914 г. достигала только 18,5 млн человек[229], то численность еврейского населения, в подавляющем большинстве городского, достигала, по некоторым оценкам, к тому же году 6,8 млн.[230] В городах «черты» евреи составляли зачастую даже большинство

[227] *Кельнер В. Е.* Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2003 (далее в этой главе ссылки на книгу приводятся в тексте с указанием только страниц).

[228] *Кельнер В. Е.* Русско-еврейская интеллигенция… С. 4–20.

[229] *Володарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI–XX вв.). М., 1973. С. 104.

[230] *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1907). С. 26.

населения. В связи с этим обстоятельством социально-политические движения среди евреев приобретали специфические формы. В частности, это нашло отражение в области культуры, в том числе в освоении сторонниками Просвещения из еврейской среды — маскилами — русского языка и русской культуры. Именно это стремление, особенно усилившееся с начавшимся после реформ середины 1860-х годов бурным развитием русской общественной жизни, и породило удивительно интересное, но, к сожалению, кратковременное явление — русско-еврейскую литературу и все, что с ней связано. Ее становлению и судьбам и посвятил свою книгу В. Е. Кельнер. Сразу же хочу подчеркнуть, что особую ценность его «Очеркам» придает не только использование обширной мемуарной литературы, но и введение в научный оборот разысканных автором неопубликованных ранее материалов и документов из архивохранилищ России, США и Израиля.

В предисловии автор рассказывает о начале русско-еврейской литературы, подчеркивая, что первоначально она носила сугубо «оборонительный» характер. Ее целью было защитить свой народ от несправедливых обвинений и клеветы. В этом ключе ее первым произведением можно полагать сочинение Л. Неваховича «Вопль дщери иудейской» (1803). Прошли десятилетия, прежде чем дело Неваховича было продолжено автором стихов на русском языке и переводчиком Пятикнижия на русский язык Л. Мандельштамом (1840), и еще примерно через 10 лет автором первых рассказов на русском языке О. Рабиновичем. Однако для существования литературы нужны не только писатели, но и читатели. Как справедливо отмечает автор, на протяжении большей части XIX в. основная масса еврейского населения России, как и в течение многих веков, вполне удовлетворяла свои духовные запросы в книгах, написанных на языках идиш и иврит. Евреи даже не подозревали о возможности существования еврейской литературы на русском языке. Но к 1870-м годам русскоязычный еврейский читатель появляется. Кельнер, конечно, прав, давая понять, что появление русскоязычных литераторов повлекло за собой развитие всего книжного еврейско-русского дела — издателей, редакторов, типографий, книжной торговли и даже адвокатов и юрисконсультов, в частности для защиты написанного от произвола цензоров.

В большом и весьма содержательном очерке «Книжное дело в контексте русско-еврейской культуры на рубеже XIX–XX вв.» дается широкий обстоятельный обзор перемен в еврейском сообще-

стве Империи в связи с интеграцией его в общероссийскую жизнь. Процесс этот был достаточно противоречивым, а иногда и мучительным, но именно тогда, как пишет Кельнер, «появились и начали наполняться содержанием сами понятия — “российское еврейство”, “русский еврей”» (с. 12.). Тогда же, на рубеже веков и даже в первые десятилетия XX в., те, кто мог бы с достаточным основанием входить в число поборников русского языка и культуры, точнее еврейской культуры на русском языке, составляли меньшинство еврейского населения. Прежде всего, конечно, это были жители крупных городов. Но даже в столице империи Петербурге, где имели право жительства особо образованные и богатые лица еврейского происхождения, по данным переписи 1890 г. из 15 300 евреев русским языком как родным владели только 4360 человек, а вторым после идиша назвали 10 925 человек (с. 41). В остальной России дело обстояло в этом отношении еще скромнее, поскольку, по данным переписи 1897 г., русским языком как родным владел только 1 % евреев России, а читали и писали на этом языке 24,6 %. (там же).

Однако тем большее чувство удивления, даже изумления, вызывает показанный Кельнером необыкновенный расцвет в это время русско-еврейской литературной, исследовательской, издательской деятельности, а также библиотечного дела. Образно говоря, евреи стали общаться друг с другом на русском языке. Как пишет Кельнер, ведущую роль в этом играла русско-еврейская интеллигенция: «Осознавая себя российскими евреями, ее представителями — врачи, журналисты, юристы, литераторы, инженеры, люди науки и культуры — обращались теперь к своему народу на русском языке» (с. 14). В очерке рассказывается об издательствах русско-еврейской литературы, возникших в это время в различных городах России. Самым заметным была, конечно, типолитография А. Л. Ландау в Петербурге. Именно Ландау удалось не только организовать известные периодические издания («Восход», «Недельная хроника Восхода»), но и опубликовать сотни книг. Другими книжными издательствами в Петербурге были «Разум» и «Кадима». Последнее замечательно тем, что в его создании принимал участие высокоталантливый писатель на русском языке и одновременно один первых лидеров и певцов сионизма В. Е. Жаботинский. В Петербурге были и другие издательства «еврейских книг на русском языке» — «Право» и «Общественная Польза». Вершиной Петербургской русско-еврейской книжности надо признать осуществленное издательством «Брок-

гауз и Ефрон» в 1906–1913 гг. издание шестнадцатитомной «Еврейской Энциклопедии», во многом превзошедшей свой американский прототип. Русско-еврейские издательства работали также в Москве, Одессе, Харькове, Екатеринославе, Вильно, Луганске и др. Особенно велико значение издательств Одессы, ставшей, по точному определению автора, «наряду с Петербургом колыбелью новой русско-еврейской культуры». Поражает блестящее созвездие имен создателей этой культуры, причем всех политических направлений — от сионистов до социал-демократов. Это имена С. М. Дубнова, Ахад–Гаама , Д. Г. Гинцбурга, А. Я. Гаркави, С. И. Цинберга, Ю. И. Гессена, Д. С. Пасманика, В. Е. Жаботинского, С. С. Юшкевича, Менделе Мойхер-Сфорима и многих, многих других.

Но, разумеется, без потребителей этой культуры невозможен не только ее расцвет, но и просто ее существование. В связи с этим Кельнер рассказывает о бурном развитии русско-еврейской книготорговли. В книге приводится также богатый материал анализа фондов общественных библиотек еврейских общин самых разных городов страны, и на основе его делается совершенно обоснованный вывод: «…в городах Великороссии, Малороссии, Новороссии и Кавказа еврейские библиотеки можно уверенно называть русско-еврейскими» (с. 39).

Несколько очерков Кельнер посвятил деятельности тех, кто своими трудами по организации русско-еврейского издательского дела в огромной степени способствовал расцвету русско-еврейской книжности. Это, прежде всего, исключительно интересный и увлекательный рассказ о вышеупомянутом петербургском издателе Адольфе Ландау (1842–1902). Именно ему принадлежит честь создания «светоча» русско-еврейской интеллигенции — журнала «Восход». С большой любовью и с привлечением многих неизвестных материалов Кельнер рассказывает о многотрудной судьбе этого детища Ландау, о постоянной борьбе последнего с цензурными ограничениями. Показательно, что Ландау предоставлял страницы своих изданий всем общественным течениям, хотя сам лично был твердым поборником правовой эмансипации евреев России и «противником эмиграции и палестинофильства». Последнее, в частности, нашло свое отражение в публикации на страницах «Восхода» произведений русских писателей и ученых, писавших на еврейские темы. Среди них такие славные имена, как философ и поэт В. С. Соловьев, критик В. В. Стасов, историк С. А. Бершадский, писатели

Ф. Сологуб, Д. Мережковский и многие другие. Перечислять же еврейских авторов нет смысла — это все творцы еврейской культуры в России того времени, начиная от Шолом-Алейхема, С. М. Дубнова, Х. Н. Бялика и В. Е. Жаботинского. Как пишет в заключение очерка Кельнер, «итогом его (Ландау) деятельности стали сотни книг, десять томов «Еврейской библиотеки», журнал и еженедельник, на протяжении многих лет отстаивавшие права народа и соединяющие две культуры — русскую и еврейскую» (с. 88).

Другим деятелем русско-еврейской книжности, трудам которого посвящен очерк Кельнера, является, младший современник Ландау Соломон Владимирович Познер (1876–1946). Он также был одновременно публицистом, историком и издателем. Выпускник Петербургского университета Познер, как представитель нового поколения русско-еврейской интеллигенции, сразу же включился в русскую общественную жизнь. По своим взглядам он был активный сторонник либеральных идей партии кадетов. Основанное им издательство «Разум» уже определенно ставило перед собой, говоря словами самого Познера, цель «бороться с черной сотней, с той погромной литературой, какая в таком огромном количестве распространяется повсюду, в деревнях, агентами Союза русского народа» (с. 98). С этой целью оно выпустило большое количество различных изданий, в частности, специальный бюллетень для членов Государственной думы и редакций газет с информацией о событиях еврейской жизни в России. По случаю празднования 100-летия Отечественной войны 1812 года издательством была напечатана монография С. М. Гинзбурга «Отечественная война 1812 г. и русские евреи» (СПб., 1912). С особой энергией деятельность «Разума» развернулась во время процесса Бейлиса, обличая в своих изданиях явную антисемитскую направленность всего «дела».

Во время Первой мировой войны русское военное командование пыталось обвинить евреев «в пособничестве врагу», а еврейское население подверглось самым жестким репрессиям со стороны военных властей. В ответ издательство «Разум» горячо выступило в защиту гонимых. В этом контексте особое значение имел выпуск в 1915 г. сборника «Щит», инициатором которого были представители русской интеллигенции во главе с М. Горьким и Л. Андреевым. В очерке подробно рассказывается история создания сборника и трех его изданий. Вынужденный в 1920-х годах эмигрировать из Советской России Познер продолжал свою деятельность во Франции, став

одним из основателей и активных деятелей «Объединения русско-еврейской интеллигенции». Наиболее важным изданием Объединения был альманах «Еврейский мир. Ежегодник 1939 г.». Дальнейшие планы Познера оборвала немецкая оккупация Франции, которую он пережил, скрываясь под чужим именем.

Интересны также очерки об историке И. В. Голанте, политическом деятеле, публицисте и редакторе, одном из активных деятелей кадетской партии М. М. Винавере и об архиве Д. И. Выгодского, талантливого деятеля русско-еврейской литературы, критика и переводчика на русский язык еврейской (идиш и иврит) поэзии.

Особой удачей Кельнера следует признать очерк «Ослепленное поколение» с характерным подзаголовком «Круг чтения еврейской молодежи в 60–70 гг. XIX в.». Автор красочно, с привлечением обширного мемуарного материала дает сначала картину прежнего традиционного образования молодого поколения еврейского народа, справедливо именуемого «Народ книги». Конечно, изучалась только религиозная литература на древнееврейском и арамейском языках, часто антипедагогическими методами, хотя лучшие из религиозных наставников, как вспоминал педагог А. И. Паперна, были подобны его учителю, который «…из отдельных камешков, разбросанных по безбрежному пространству Талмуда, воздвигал восхитительный воздушный замок, из отдельных искр, таящихся в его недрах, устраивал великолепный умственный фейерверк» (с. 134). Однако таких преподавателей было, конечно, мало. В библиотеки религиозных общин не допускались даже книги на разговорном языке идиш, поскольку он считался «низким языком простолюдинов». Книги на нем, в основном «душещипательные» предания и рассказы, читали главным образом женщины. Однако начиная с 1860-х годов в эту среду из соседних Пруссии и Австро-Венгрии начинают проникать идеи сторонников Гаскалы. В домашних библиотеках появляются сочинения нерелигиозного характера, правда, также на древнееврейском языке, — в основном художественные произведения и труды исторического характера, которыми особенно зачитывалась мужская часть молодежи. Но к этому времени произошло и другое важное изменение в жизни еврейского населения России. Царскому правительству удалось наконец привлечь еврейскую молодежь в русские школы (о чем, вероятно, оно позднее горько пожалело). Способствовали этому либеральные реформы Александра II. Согласно им, получение высшего образования позволяло выйти за тесные рамки «черты оседлости» и получить почти равные с остальным населением пра-

ва. Кроме того, лицам, окончившим государственные учебные заведения, сокращался срок обязательной военной службы.

Все это привело к появлению учебной литературы на русском языке. Затем начался наплыв еврейских детей в различные русские учебные заведения. Многовековая традиция преклонения перед духовными познаниями, пусть и в специфической религиозной форме, и соответствующая тренировка памяти, полученная в религиозных прениях, сразу же выдвинули еврейских детей в лучшие ученики. В русских школах еврейские дети читали книги великих русских поэтов и писателей. Их кумирами вместо Маймонида, Галеви и мудрецов Талмуда становились Пушкин, Лермонтов, Гоголь. В дальнейшем еврейская молодежь увлеклась писателями и публицистами критического и демократического направления — В. Г. Белинским, Д. И. Писаревым, Н. А. Некрасовым, Н. Г. Помяловским и многими другими. Потом начали выходить еврейские издания на русском языке — «Еврейская библиотека», «Русский еврей», «Рассвет» и другие. Не меньшим, а то и большим успехом пользовались и передовые русские журналы — «Отечественные записки», «Вестник Европы». Затем происходил переход многих молодых людей к непосредственному чтению русской литературы, минуя русско-еврейскую. Более того, русский язык открыл им доступ к переводам произведений западных писателей, философов и публицистов.

Можно даже утверждать, что происходило превращение «евреев России», т. е. евреев только проживающих в ней, в «русских евреев», для которых русская культура, русский язык становились родными — правда, для многих наряду с сохранением еврейского самосознания. Классическим примером этой небольшой в те годы категории людей, получившей точное наименование «еврейско-русской интеллигенции», стал историк С. М. Дубнов. Судьба многих из них, отмечает автор, оказалась трагичной. Проникшись идеями русского революционного движения, они безоглядно устремились в него, часто пренебрегая судьбами своих соплеменников. Но стоит заметить, что красочное определение Кельнера «ослепленное поколение» можно понять и как характеристику поколения, безмерно восхищенного величием открывшейся им русской культуры, в развитие которой достойный вклад внесли впоследствии дети и внуки этого поколения, да и оно само.

Последний большой очерк — «Дубнов, Платонов и другие (Комиссия для научного издания документов ритуальных процессов в России. Петроград, 1919–1920 гг.)» посвящен уже советскому вре-

мени. Здесь автор рассказывает о работе Комиссии, задачей которой была публикация документов ритуальных процессов в России. Особый интерес работа Комиссии вызывала тем, что она была составлена на «паритетных» началах, поскольку в нее вошли ряд известных и авторитетных русских историков во главе с академиком С. Ф. Платоновым и еврейские, точнее, русско-еврейские историки и публицисты — С. М. Дубнов, Г. Б. Слиозберг, Л. Я. Штернберг, Г. Я. Красный. Особую остроту работе этой комиссии придавало то, что, хотя все процессы такого рода в царское время окончились провалом, все же часть населения России, в том числе и представители гуманитарной элиты, в душе не исключали возможности наличия особой изуверской иудейской секты, которая могла совершать подобные преступления. Эти сомнения подкреплялись тем, что среди христиан такие секты существовали. На этой почве и складывались довольно сложные отношения между двумя сторонами комиссии. Еврейская часть хотела подчеркнуть принципиальную невозможность подобных ритуальных преступлений со стороны евреев, что давно уже было признано всей европейской наукой. Как пишет Кельнер, «то, что для еврейской части Комиссии являлось аксиомой, то для ее русских членов — в лучшем случае лишь теоремой» (с. 213). Тем не менее, работа над публикацией таких дел как «Гродненское» (1820) и «Велижское» (1823–1835) шла довольно успешно и в целом плодотворно. Основываясь на обнаруженном им в фондах Института Еврейских исследований в Нью-Йорке машинописном экземпляре «Журнала заседаний» комиссии, принадлежавшем лично Дубнову, Кельнер интересно и увлекательно рассказывает обо всех перипетиях почти трехлетней работы комиссии. Особо хотелось бы выделить характерный диалог между ее сторонами. При подготовке предисловия от имени стороны «русской» высказался бывший руководитель архива Сената историк А. И. Блинов: «изучение русской истории невозможно без изучения еврейского вопроса, в последнем же, кроме основной темы о правовом положении евреев, есть две дополнительные, наиболее наболевшие — это погромы и ритуальные дела. Освещение их — вопрос очень большой важности для будущей истинной истории России». В ответном слове представитель еврейской стороны Г. Б. Слиозберг достойно, на наш взгляд, развил и дополнил заявление Блинова: «для того, чтобы знать историю еврейского вопроса, надо знать историю России, а не наоборот, еврейский вопрос — есть общероссийский вопрос о еврействе. … К чести

русского правительства, ни одно ограничение прав евреев никогда не мотивировалось ритуальными убийствами … и, в отличие от католичества, православие не так глубоко восприняло эти мифы» (с. 202–203). Несомненно, что эти мысли сохраняют свое значение и сегодня. Работа комиссии, к сожалению, оборвалась — не из-за внутренних расхождений. Ее погубило грубое вмешательство Наркомата по делам Национальностей и Еврейской секции РКП(б).

В последующие годы по мере усиления контроля новой власти над всей духовной жизнью страны угасало и русско-еврейское книжное дело. Заключительная глава книги Кельнера является как бы реквиемом ему. Последний номер дореволюционного издания «Еврейская старина» вышел в 1930 г. В дальнейшем русские переводы еврейских писателей печатались государственными издательствами. Большая часть деятелей прежней творческой русско-еврейской интеллигенции оказалась за границей. Там она пыталась — иногда успешно, иногда нет — продолжать свою деятельность по всему миру, от Берлина до Шанхая и городов Америки. Вместе с тем, именно эта сравнительно малая часть евреев России — русско-еврейская творческая интеллигенция — положила начало возникновению новой этнической общности «русские евреи», которая, даже утратив язык идиш и во многом свои религиозные корни, стала важным компонентом современной «еврейской цивилизации».

В конце отзыва полагается указать на какие-то недостатки книги; безусловно, их можно найти. Однако важнее всего, что автору удался его замысел — познакомить читателя с когда-то процветавшей важной составляющей русско-еврейской культуры. Хотелось бы надеяться, что свет этой далекой звезды не окажется светом звезды погасшей.

Остается только пожалеть, что микроскопический тираж (500 экземпляров) делает книгу Кельнера практически недоступной большинству читателей.

3. С. М. Дубнов как представитель русско-еврейской интеллигенции

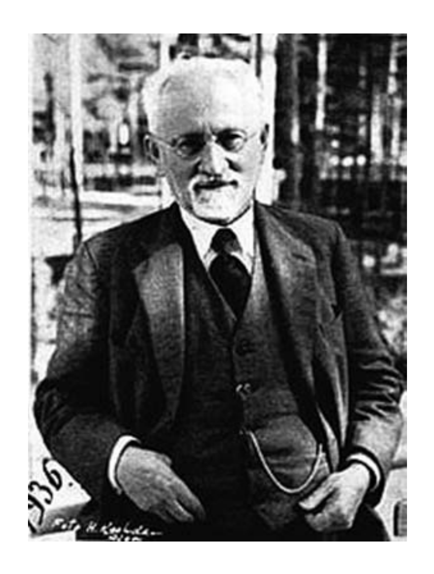
В 1998 г. в издательстве «Петербургское востоковедение» было выпущено в свет научное издание обширных мемуаров известного русско-еврейского историка Семена Марковича Дубнова (1860–1941).[231] Из всего его большого научно-публицистического наследия

[231] *Дубнов С. М.* Книга жизни. Воспоминания и размышления. СПб., 1998.

эта книга имеет особое значение, поскольку является, по точному замечанию научного комментатора издания В. Е. Кельнера, «подлинной энциклопедией еврейской жизни в России второй половины XIX — начала XX в.»[232] В эту эпоху в судьбе еврейского населения произошли разительные перемены. Как указывает исследователь этого вопроса В. Е. Кельнер, «александровские реформы и Гаскала (движение Просвещения) дали свои плоды. Значительная часть еврейской интеллигенции стала или стремилась стать составной частью интеллигенции российской. При этом большинство также стремилось сохранить еврейство, отстаивая право народа на равенство»[233]. Вместе с тем нелишним полагаю уточнить, что тогда только незначительное меньшинство из новой интеллигенции избрало самый доступный путь получения личного равноправия посредством официального перехода в одно из христианских вероисповеданий, хотя еврейство они уже отказывались рассматривать только как религиозную общину. Но, безусловно, в то время исключительно быстро шел процесс самоидентификации этой части российского еврейства именно как русских евреев. Русский стремительно становился среди его представителей третьим после идиша и древнееврейского, а зачастую и родным языком. В первой половине XIX в. положение было совершенно другим, что можно проиллюстрировать одним характерным свидетельством. Согласно «Положению об устройстве евреев» от 1804 г., детям евреев было дозволено обучаться при гарантии свободы вероисповедания во всех российских училищах, гимназиях и университетах. Однако первый еврей — Лев Мандельштам — поступил в Московский университет только в 1840 г. Дискриминационные жесткие процентные нормы были введены гораздо позднее.

Разумеется, не следует упрощать положение. Основная масса российского еврейства прозябала в местечках «черты оседлости», проживать за пределами которой разрешалось только богачам, лицам с высшим образованием, а также ремесленникам, и, разумеется, выкрестам. Еще в 1897 г. только около 1 % евреев считали русский язык родным, хотя владели им свободно уже примерно 25 %. В этом контексте мемуары Дубнова предоставляют возможность на примере самого автора проследить процесс духовного формирования русско-еврейского интеллигента, характерный для достаточного числа его современников.

[232] *Кельнер В. Е.* Вступительная статья // Дубнов С. М. Книга жизни. С. 5.
[233] *Кельнер В. Е.* Русско-еврейская интеллигенция… С. 4.

С. М. Дубнов

Родился Дубнов в 1860 г. в белорусском городе Мстиславле в семье небогатого коммерсанта. С раннего детства он занимался в традиционной религиозной школе первой ступени — «хедере», где обучали чтению на древнееврейском языке и Пятикнижию, а с 9 лет приступил к изучению трактатов Талмуда. Тогда же случайно попавшееся ему переложение на древнееврейском языке сочинений Иосифа Флавия — книга Иосиппон — возбудило у него любовь к истории. При этом до 13 лет он не только не знал ни одного слова на русском языке, но и не считал необходимым такое знание. Дубнов вспоминает, что когда один сосед из отставных солдат-кантонистов спросил его, почему он не учится русскому языку, то он ответил: писать письма я могу на древнееврейском, а написать адрес на русском мне может любой писарь. Однако затем он, преодолев противодействие глубоко верующих родных, поступил в учрежденное в 1840 г. казенное еврейское училище, где помимо русского обучали началам общеобразовательных предметов. Благодаря русскому языку перед юношей, почти подростком, открылся мир не только великой русской литературы, но и литературы мировой, в изобилии издававшейся в пределах России в русских переводах. Не вдаваясь в подробности образования молодого человека, следует указать, что хотя ему не удалось получить свидетельство об окончании гимназии, он очень пополнил свое образование во время пребывания в великорусском Смоленске и, как он вспоминал, «втягивался в круг идеалов современной русской интеллигенции».[234] Наконец, полным надежд двадцатилетним юношей, снабженный паспортом и фиктивным ремесленным свидетельством, дающим «право жительства», он приезжает в Петербург. В дальнейшем, уже став всемирно известным, он был вынужден ежегодно испрашивать разрешение на про-

[234] *Дубнов С. М.* Книга жизни. С. 65.

живание в столице. Тем не менее следует сразу же указать, что, хотя Дубнову приходилось подолгу жить и работать в других городах, прежде всего в Одессе и Вильно (Вильнюсе), все же именно в Санкт-Петербурге он сформировался как ученый и общественный деятель, здесь он обрел вторую родину.

К началу XX в. в столице проживало уже около 30 тысяч евреев, и она превратилась в один из главных духовных центров российского еврейства. Там, в Петербурге, он сразу стал сотрудничать в двух органах русско-еврейской печати — еженедельниках «Рассвет» и «Русский еврей», а затем и в ежемесячнике «Восход», т. е. в основных изданиях новой еврейской интеллигенции, говорившей и писавшей по-русски. Первые же публикации выявили мировоззрение молодого автора. Прежде всего был решительно отвергнут общепринятый тогда принцип: «история еврейского народа есть лишь история иудаизма». Жестокой критике были подвергнуты все наслоения на подлинные идеи иудаизма в виде талмудизма и раввинизма. Эти идеи, развивавшиеся явно под влиянием передовой русской литературы, в целом сохранялись у Дубнова на протяжении всей его жизни. Знаменательно, что неприязнь к религиозному культу долгое время отвращала его от выполнения религиозного обряда женитьбы по иудейскому закону, хотя это требовалось по тогдашнему полицейскому законодательству. В нашу задачу не входит анализ научного и публицистического творчества историка. Следует отметить, однако, что почти все его важнейшие работы были написаны на русском языке, хотя, конечно, он не забывал языки своего детства — идиш и древнееврейский, а также владел основными европейскими языками.

В дальнейшем наряду с научной работой лейтмотивом жизни Дубнова стала борьба за, как тогда говорили, «полноправие еврейского народа в России».[235] Словом «полноправие» подчеркивалось, что речь идет о достижении полных прав в контексте общей борьбы всех граждан России против самодержавия за демократическое переустройство общества. Хотя среди сторонников этого движения были люди разных политических взглядов — бундовцы, либералы, сионисты и другие — все же основные его лидеры, в том числе Дубнов, полностью разделяли идеологические воззрения и програм-

[235] *Кельнер В. Е.* «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России» и еврейское национальное представительство в Государственной думе // Вестник еврейского университета в Москве. 1997. № 3 (16).

му Партии народной свободы, конституционно-демократической. Об этом он прямо заявляет в своих мемуарах: «Я сам по убеждениям был левым кадетом, а по отношению к социализму мог быть причислен к реформистам или ревизионистам из школы Эдуарда Бернштейна». Более того, он «вместе с виленскими интеллигентами организовал еврейскую группу кадетской партии, читал доклады в политических собраниях».[236] В этом контексте характерны его взгляды на судьбы еврейского народа в России. Как было уже указано выше, он полагал, что каждый народ проходит в ходе своей истории три стадии: родоплеменную (расовую), территориально-политическую и культурно-историческую. Только евреи представляют собой народ, достигший третьей («духовной») стадии. Именно поэтому еврейский народ не нуждается ни в особом государстве, ни в территориальной автономии. Ему нужна только свобода культуры, религии, общинной жизни. Ясно, что эта программа была неприемлема как для членов революционных партий, так и для сионистов. К идеям последних он относился со скептицизмом, хотя в личном плане им сочувствовал. Если к этому добавить его приверженность к русскому языку и русской литературе и постоянное упоминание понятия «русский еврей», то, безусловно, его намерениям соответствовала еврейская культурно-национальная автономия в ареале российской цивилизации. Следует отметить, что не всегда осознанное представление о России как цивилизационной, а не только этнической общности привело к тому, что в еврейской среде не нашлось приверженцев идентификации себя только в качестве членов религиозной общины. Такое явление имело место, например, в Германии, где среди местных евреев некоторые предпочитали полагать себя «немцами иудейской конфессии», и в Польше («поляки Моисеева закона»).

Все бедствия российской жизни, особенно в периоды политической реакции, крах демократических надежд, еврейские погромы, правовые ограничения еврейского населения душевно ранили Дубнова, но тем не менее он по разным причинам отвергал самые лестные предложения о переезде в другую страну и переходе на творчество на еврейских языках. При этом, конечно, его взгляды на судьбы еврейского народа претерпевали изменения. Уже после многих лет научной и публицистической деятельности он стал резко выступать

[236] *Дубнов С. М.* Книга жизни. С. 272.

против «ассимиляторов». Иногда это проявлялось в неожиданных формах. Так, будучи сам атеистом, он в 1911 г. написал гневное воззвание против молодых евреев, формально совершавших обряд крещения для получения возможности поступить в высшие учебные заведения. В нем есть такие слова: «Не может быть братства между держащим знамя и бросившим его, между поносимым за имя “еврей” и избегнувшим поношения под маскою христианина».[237]

Но тем не менее он действительно со временем превратился по образу мыслей и чувств в типичного российского, точнее, даже петербургского интеллигента. О последнем свидетельствуют и прочувствованные описания тех мест города, где он прожил десятки лет. Все это, кстати, хорошо замечали и его современники. Как вспоминает близко знавший Дубнова общественный деятель А. Ф. Перельман, «от молодых лет, когда он еще стремился с полному слиянию с коренным населением, у него остались сильные народнические настроения. Он рассказывал нам, какое сильное впечатление производила на него в его молодые годы поэзия Некрасова, как он со слезами на глазах читал его народолюбивые стихи. Некрасов остался его любимым поэтом. Он расспрашивал жену мою, которая несколько лет жила в качестве земского врача в деревне, о русской деревенской жизни, интересовался настроением крестьян. Он придавал особое значение “работе в деревне”».[238]

Конечно, Дубнов с восторгом принял Февральскую революцию. Он пишет в дневнике: «в еврейском обществе перестраивались политические партии, готовясь к новой жизни в свободной российской республике».[239] Естественно также, что октябрьские события в Петрограде были встречены им с ненавистью. Однако характерно, что даже и тогда благоприятное для сторонников сионизма событие — изгнание англичанами турецких войск из Иерусалима — он отметил в дневнике с некоторым скептицизмом: «Под влиянием агитации сионистов наша масса верит в свободную еврейскую Палестину, но будет, конечно, разочарована».[240] Характерно также его патриотическое негодование по поводу Брестского мира, который он называет «позорнейшим» и записывает в дневнике: «теперь Рос-

[237] Там же. С. 327.

[238] *Перельман А. Ф.* Воспоминания. Семен Маркович Дубнов // Вестник еврейского университета в Москве. 1999. № 19.

[239] *Дубнов С. М.* Книга жизни. С. 384.

[240] Там же. С. 395.

сия продана, предана», с горечью отмечая, что «шестимиллионный еврейский центр разрезан на шесть кусков».[241] Все страницы его воспоминаний о пребывании в советском Петрограде полны характерных для кадета по убеждению проклятий в адрес Советской власти. Особенно от него достается большевистским вождям еврейского происхождения, действия которых он считает причиной антисемитизма. При этом он хорошо сознает, что победа белых армий неминуемо связана с еврейскими погромами.

В 1921 г.ему удается уехать из советской России. Однако судьба гонит Дубнова дальше, в Германию. После прихода Гитлера к власти приходится уезжать снова. Казалось бы, ему, уже общепризнанному еврейскому ученому, разумней всего держаться подальше от бывшего отечества, тем более что соответствующие предложения были. Но он выбирает Ригу, столицу независимой Латвии. Среди доводов в пользу такого выбора значатся «более близкая среда, ближе к детям в Польше и в России».[242] В Риге он завершает книгу воспоминаний. В предисловии он полагает нужным отметить: «…может показаться странным то, что я пишу и печатаю свои воспоминания на русском языке, после того как еврейская литература на этом языке уже перестала существовать… Сделал я это по следующим соображениям. Во-первых, мне приходится тут, для документирования изложения, приводить много русских цитат… Во-вторых, и это главное, я хотел свою последнюю книгу написать на том языке, который служил для меня главным литературным орудием в течение сорока лет. Когда-то меня воодушевляло стремление поднять русско-еврейскую литературу, как важнейшую часть универсальной литературы диаспоры, на высоту современной научной мысли. После распада великого еврейского центра в России мне суждено было похоронить эту надежду и, перед оставлением родины, сказать надгробное слово над безвременно угасшей литературой перед представителями воспитавшихся на ней двух поколений нашей интеллигенции».[243] Это было написано в 1934 году. После включения Латвии в состав СССР советские власти не беспокоили его. Престарелый ученый мученически погиб во время немецкой оккупации латвийской столицы.

На наш взгляд о мироощущении и чувствах Дубнова с исключительной выразительностью свидетельствуют заключительные слова

[241] Там же. С. 399.
[242] Там же. С. 352.
[243] Там же. С. 18.

его воспоминаний, высказанных в форме мечтаний о посещении перед концом жизни особенно дорогих ему мест: «…я вернулся бы в свою литературную колыбель: в Петербург, потом превращенный в Петроград и Ленинград. Я любил этот город туманов, город холода, мглы и тоски, потому что я здесь приобщился к литературе, ставшей смыслом моей жизни. … Где он, Петербург моей молодости?..»[244]

Остается только добавить, что весь объемистый том написан бывшим учеником хедера прекрасным литературным языком и может считаться, по моему мнению, одним из выдающихся произведений русской мемуарной литературы XX в.

Что же касается исторических судеб еврейско-русской интеллигенции, то эта весьма интересная тема заслуживает отдельного изучения и выходит за рамки данного сообщения.

4. В. Е. ЖАБОТИНСКИЙ — ПРОРОК, ПОЭТ И СОЛДАТ РАННЕГО СИОНИЗМА

Владимир Евгеньевич (Зеев) Жаботинский (5.10.1880, Одесса — 4.8.1940, близ Нью-Йорка, США), писатель, поэт, переводчик, публицист, политический деятель, сын высокопоставленного служащего хлеботорговой компании Е. Ц. Жаботинского, с детства воспитывался в русской культурной среде. С 1894 г. учился в Ришельевской гимназии в Одессе. Не кончив курса, весной 1898 г. он поступил на юридический факультет Бернского университета (Швейцария), осенью того же года переехал в Рим, продолжил учебу в Римском университете, но курса также не кончил (диплом о высшем образовании получил в 1912 г., сдав экзамены в Демидовском юридическом лицее в Ярославле). С детства Жаботинский проявлял исключительные лингвистические способности (в зрелом возрасте свободно владел 10 языками, знал еще два десятка). В детстве же начал писать стихи, с 17 лет сотрудничал в газете «Одесский листок».

В 1901 г. Жаботинский вернулся в Одессу, стал профессиональным литератором, но вскоре целиком посвятил себя сионистскому движению, привнеся в него много своеобразного и оригинального. На формирование мировоззрения Жаботинского, кроме личных свойств характера (воля, целеустремленность, бескорыстная и самоотверженная преданность делу) оказали влияние политические и идеологичкие движения эпохи, а также семейное воспитание,

[244] Там же. С. 555.

В. Е. Жаботинский

проникнутое верой в возрождение еврейского государства. В Берне он вошел в среду российских студентов (в большинстве евреев), связанных с различными оппозиционными и революционными течениями, познакомился с идеями марксизма, социализма, сионизма. Под впечатлением набиравшего силу в Европе антисемитизма Жаботинский произнес перед еврейской студенческой аудиторией Берна речь, в которой назвал себя «сионистом» и заявил, что единственным путем спасения евреев от ненависти врагов является переселение их в свою страну. Участники собрания встретили это выступление резко отрицательно и даже обвинили Жаботинского в… антисемитизме.

В Риме на Жаботинского сильнейшее впечатление произвели природа и искусство Италии, атмосфера либерализма, свободы, дружелюбие студенческой среды, а также лекции проф. А. Лабриолы и Э. Фери. По собственному свидетельству, под их влиянием он «поверил в справедливость социалистического строя»,[245] но фактически его убеждения во многом соответствовали анархическим представлениям о свободе человеческой личности и правах индивидуума. Он утверждал, что «ради индивидуума создано общество, а не наоборот», «в состязании между понятиями нация стоит впереди человечества, так же как индивидуум стоит перед нацией. И если подчинит некий индивидуум всю свою жизнь служению нации, то… такова его воля, а не долг» (с. 37–38).

В Италии Жаботинский наблюдал процесс возрождения государственности древнего народа: «легенда Гарибальди, сочинения Мадзини, поэзия Леопарди и Джусти обогатили и углубили» его «практический сионизм и из инстинктивного чувства превратили его в мировоззрение» (с. 25).

[245] *Жаботинский В. Е.* Повесть моих дней. С. 25 (далее в этой главе ссылки на книгу приводятся в тексте с указанием только страниц).

В практическую сионистскую деятельность Жаботинский включился в 1903 г. в связи с угрозой еврейского погрома в Одессе. Он активно участвовал в создании групп еврейской самообороны, а после Кишиневского погрома 1903 г. стал убежденным сторонником создания еврейского государства, как единственного способа решения "еврейского вопроса". В 1904 г. Жаботинский участвовал в работе 6-го сионистского конгресса в Базеле, где встретился с основателем политического сионизма Т. Герцлем. В том же году Жаботинский переселился в Петербург и стал одним из создателей «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России».

Революция 1905 года способствовала росту политической активности еврейского населения России: число сионистских организаций сократилось, возросло влияние Бунда, а также объединений русско-еврейской интеллигенции, ориентировавшихся на достижение *национально-культурной автономии* в рамках будущей демократической России. Многие евреи примкнули к общероссийским политическим партиям (от либеральных до революционных). В этих условиях Жаботинский основал ежемесячник «Еврейская жизнь» (позднее преобразованный в журнал «Рассвет»), ставший официальным органом сионистского движения в России, а потом в Германии и Франции. Участвовал в разработке программы борьбы за национальные права евреев и других национальных меньшинств Росссийской империи, принятой в 1906 г. на конференции сионистов России в Гельсингфорсе.

Активная пропагандистская деятельность Жаботинского вызвала отрицательную реакцию многих духовных лидеров еврейского населения России. Историк С. М. Дубнов, описывая свои впечатления от выступления Жаботинского 7 апреля 1903 г. в С.-Петербурге, отмечал, что «молодой оратор имел успех у публики», но его «односторонняя трактовка нашей исторической проблемы произвела удручающее впечатление: много ли нужно, чтобы внушить колеблющейся еврейской молодежи страх перед собственной национальной тенью».[246] Тем не менее Жаботинский, ставший популярным оратором, продолжал активную литературную и пропагандистскую деятельность, выступал с речами в городах и местечках черты оседлости, однако на выборах в Первую Государственную думу еврейские

[246] *Дубнов С. М.* Книга жизни. С. 240–241.

выборщики не поддержали его крайнюю сионистскую программу, и он не был избран.

В 1908 г., после младотурецкой революции в Турции, возникла надежда с помощью новых властей этой страны расширить поселенческую деятельность сионистов в Палестине, находившейся под властью Османской империи. В том же году Жаботинский впервые посетил Палестину, а в 1909 г. стал одним из организаторов пропагандистской миссии в Константинополе: встречался с новыми высшими лидерами страны, руководил изданием нескольких периодических изданий на разных языках, знакомился с восточными евреями — сефардами. Однако планы Жаботинского потерпели неудачу, так как младотурки предложили для поселения евреев не Палестину, а остававшуюся под их властью Македонию.

Годы перед Первой мировой войной Жаботинский провел в России, занимаясь распространением иврита в качестве разговорного языка. Решительно отвергая идиш в качестве национального языка, он требовал создавать в России еврейские школы, где 2/5 предметов преподавались бы на иврите. «В каждом городе, — признавался Жаботинский, — сионисты, горячо аплодировали мне, но потом подходили и говорили мне тоном, каким серьезный человек говорит с расшалившимся ребенком: химера» (с. 94). Благодаря усилиям Жаботинского, съезд сионистов России в Вене (1913) после долгих споров согласился с этим предложением, хотя и в форме пожелания на будущее. В 1911 г. Жаботинский создал в Одессе издательство «Тургоман» («Переводчик»), публиковавшее переводы на иврит лучших произведений мировой литнратуры. Сам Жаботинский перевел на иврит роман Р. Джованьоли “Спартак”, много сил и времени уделял переводу на русский язык с иврита стихов Х. Бялика. Для облегчения распространения иврита Жаботинский даже предлагал перейти на латинскую графику и сам писал на иврите латиницей.

После решения Одиннадцатого сионистского конгресса в Вене (1913), посвященного проблеме создания в Иерусалиме Еврейского университета, Жаботинский возглавил организационный комитет по сбору средств на его устройство и разработку его структуры. В публицистике много времени уделял полемике со сторонниками национального развития евреев в рамках России, которых называл «ассимиляторами».

С началом Первой мировой войны Жаботинский в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости» отправился на Западный

фронт. По его убеждению, поражение Османской империи должно было открыть путь для решения будущей судьбы Палестины. Он полагал необходимым сформировать еврейскую воинскую часть для участия в боях против турецких войск на ее территории. Эта идея вызвала резкое противодействие большинства сионистских лидеров, призывавших к соблюдению нейтралитета в войне. Часть из них верила в победу Германии, другие опасались репрессий турецких властей в отношении евреев, уже проживавших в Палестине. Летом 1915 г. Жаботинский в последний раз побывал в России. На встрече с вождями сионизма в Копенгагене его планы были подвергнуты жесткой критике. По его словам, он «внезапно оказался на военном положении, почти против всей сионистской организации» (с. 36). Попытки Жаботинского развернуть агитацию в пользу создания «еврейского легиона» среди еврейской молодежи в Великобритании также не имели успеха (намеченные собрания срывались, а ораторов забрасывали камнями). Однако Жаботинский при поддержке немногих единомышленников (среди последних — будущий президент Израиля Х. Вейцман) продолжал пропагандировать свою идею (статус авторитетного журналиста открывал ему вход в различные коридоры власти).

В 1917 г. британские власти, в ожидании того, что Палестина после разгрома Турции попадет под контроль Великобритании, решили использовать сионистское движение в своих целях. 23 августа 1917 г. было объявлено о создании «еврейского легиона» в составе британской армии (Жаботинский вступил в него рядовым). 2 ноября 1917 г. министр иностранных. дел Великобритании лорд А. Д. Бальфур заявил о намерении создать «еврейский национальный очаг» в Палестине, летом 1918 г. «еврейский легион» принял участие в боях с турками в Палестине.

После окончания мировой войны британские власти, стремясь умиротворить арабское население региона, уклонились от выполнения обещаний, данных сионистам, и расформировали «еврейский легион», который Жаботинский рассчитывал превратить в постоянный еврейский воинский контингент, расквартированный в Палестине. Следствием такого развития событий стал острый конфликт Жаботинского с британскими властями. После демобилизации «еврейского легиона» он организовал отряды самообороны «Хагана», которые успешно обороняли еврейские поселения от набегов арабов. Британские власти при наведении порядка в регионе произве-

ли аресты, не делая различия между погромщиками и их жертвами. Жаботинский как руководитель «Хаганы» был предан военному суду и приговорен к 15 годам каторги, однако после многочисленных протестов приговор был смягчен (позднее он был освобожден по амнистии, а в марте 1921 г. реабилитирован). По возвращении в Лондон Жаботинский вошел в состав руководящих органов сионистских организаций, и тогда же наметился его конфликт с умеренными сионистскими лидерами.

Дальнейшая жизнь и деятельность Жаботинского проходили в постоянной оппозиции к официальным вождям сионизма. Последние ориентировались на сотрудничество с британскими властями, постепенно ограничивавшими иммиграцию евреев в Палестину. Кроме того, значительная часть руководства сионистского движения ориентировалась на социалистические ценности, неприемлемые для Жаботинского. Негодование многих евреев вызвало подписанное Жаботинским в 1922 г. в Польше соглашение с сотрудником С. В. Петлюры М. А. Славинским о создании в случае вторжения петлюровцев в пределы СССР еврейской милиции для защиты еврейского населения от возможных погромов. Это способствовало уходу Жаботинского из официальных структур сионистского движения и возвращению его к литературной работе, в частности, в качестве сотрудника журнала «Рассвет» — органа сионистов, эмигрировавших из России.

Основным требованием Жаботинского стало официальное провозглашение в качестве цели сионистов создания еврейского государства на обоих берегах р. Иордан. Другим пунктом разногласий было отношение Жаботинского к арабскому вопросу. Лидеры сионистов-социалистов стремились достичь добровольного согласия арабского населения на заселение Палестины евреями, утверждая, что это будет способствовать социальному. прогрессу и арабского населения. Жаботинский, напротив, утверждал в статье «Железная стена», что арабов, как всякий «живой народ», невозможно убедить отказаться от своих прав, и они пойдут на компромисс только если убедятся, что перед ними «железная стена», в которой нет ни одной лазейки. При этом Жаботинский планировал предоставить в будущем еврейском государстве равные права арабскому меньшинству, а в своей последней книге «Фронт войны еврейского народа» (1940) предусматривал возможность того, что «в каждом правитель-

стве, в котором еврей будет главой, его заместителем будет араб, и наоборот».[247]

Со временем конфликт Жаботинского с оппонентами в сионистском движении обострялся. В 1925 г. в Париже состоялся первый съезд созданного по его инициативе «Союза сионистов-ревизионистов», провозгласивший взгляды Жаботинского своей программой. При «Союзе» организовано молодежное движение «Бетар», перед которым поставлена задача воспитания нового поколения еврейской молодежи в русле выдвинутого Жаботинским лозунга «Одно знамя». Под этим подразумевалась задача преследовать только национальные цели, в противоположность официальной сионистско-социалистической идеологии. В 1935 г. «Союз» вышел из Всемирной сионистской организации, в том же году создана «Новая сионистская организация», президентом которой стал Жаботинский. В Палестине его сторонники организовали подпольную «Национальную военную организацию» (Эцел) для защиты от нападений арабов.

Приход Гитлера в власти в Германии (1933) и угроза новой мировой войны способствовали резкому усилению политической активности Жаботинского. Он по-прежнему считал массовую эмиграцию в Палестину единственным выходом для евреев Европы, отрицал политику сдержанности, которой придерживалось руководство еврейского населения Палестины в период арабского восстания 1936–39 гг., решительно отверг идею раздела Палестины на еврейское и арабское государства, а также английскую зону. Предчувствуя грядущие бедствия, Жаботинский выдвинул план «эвакуации» 1,5 млн евреев из Польши и стран Восточной Европы, что вызвало резкие протесты еврейской общественности всех направлений.

С началом Второй мировой войны у Жаботинского возникла идея создания еврейской армии для борьбы на стороне союзников. С целью пропаганды этой идеи он выехал в США, где скоропостижно скончался. Конфликт Жаботинского с руководством социалистов-сионистов не прекратился с его смертью, и только в 1964 г. прах Жаботинского, согласно его завещанию, был перенесен в Израиль и захоронен в Иерусалиме на горе Герцля. В современном Израиле Жаботинский стал культовой фигурой, его именем названы улицы многих городов.

[247] *Недава И.* Вехи жизни: З. Жаботинский. Избр. статьи и речи. Иерусалим, 1991. С. 62.

Вся творческая и общественно-политическая деятельность Жаботинского характеризует его как представителя русско-еврейской интеллигенции, духовно сформировавшегося в обстановке надвигавшихся революционных перемен в Российской империи. В его мировоззрении тесно и причудливо сочетались идеалы гуманизма и революционной самоотверженности, столь характерные для передовой интеллигенции России. Под влиянием радикальной русской общественной мысли у Жаботинского сформировалось убеждение, что цели можно добиться только используя все средства, допуская компромиссы лишь по вопросам текущей тактики. В частности, в отличие от большинства лидеров тогдашнего сионизма он полагал, что сионисты должны сразу же открыто объявить свою программную цель — создание в Земле Израиля (Палестине), причем на обоих берегах Иордана, еврейского государства, куда переселится большая часть евреев мира, составив там большинство населения. Главное — не бояться неудач, по принципу «отрицательный результат — тоже результат». Не смущала Жаботинского и необходимость вооруженной борьбы и насилия, если это требуется. В этом отношении он, несомненно, был близок движению российской партии социалистов-революционеров. Интересно отметить, что среди руководства этой партии было особенно много выходцев из еврейской среды.

Но вместе с тем Жаботинский был и оставался страстным приверженцем идей свободы личности и гуманизма. Этим он обязан «легкой атмосфере» Одессы, его родного города, «ее веселости и легкому плутовству, витающему в воздухе, без всякого смятения, без тени нравственной трагедии».[248] Несомненно, и тут чувствуется влияние русской общественной жизни, особенно на юге Империи, где были сильны традиции анархизма. Во время трехлетней учебы в Римском университете его страсть к свободе укрепилась, поскольку тогда в Италии господствовала атмосфера либерализма, «мечта о порядке и справедливости без насилия, всечеловеческое видение, сотканное из сострадания, терпимости, веры в то, что человек добр и справедлив» (с. 26). Влияние идей анархизма заметно и на его концепции личности и нации. По его образному изложению, Бог создал сперва «Индивидуум, каждый Индивидуум — царь, равный своему ближнему; ближний твой — в свою очередь тоже — царь, и уж лучше пусть личность прегрешит против общества, чем общество

[248] *Жаботинский В. Е.* Повесть моих дней. С. 11.

против личности» (с. 37). Но вместе с тем он утверждал, что как понятие «индивидуум» стоит перед «нацией», так и Нация, которую также создал Бог, стоит перед человечеством. При этом человек подчиняется нации, но исключительно добровольно, никто и ничто не может его принуждать к этому.

В своем понимании идеи сионизма Жаботинский доходил до страстного отрицания еврейской диаспоры — «галута», и совершенно искренне верил, что миллионы евреев переселятся во вновь созданное государство. В его концепции отрицания прежнего «галутного» еврея огромное значение имело создание типа «нового еврея» — смелых, благородных и гордых борцов, образцы которых он видел в членах созданного им военизированного союза молодых сионистов «Бетар». Жаботинский решительно выступал против всякого рода социальных конфликтов в еврейской среде до создания еврейской государственности. Все решения экономических и других проблем надо отложить до создания государства. В письме к Бен-Гуриону от 2 мая 1935 г. он писал: «Я уверен, что есть сионисты, которым безразлична социальная окраска государства; я один из них. Если бы я убедился, что нет иного пути к государству как социализм, или даже что это ускорит создание государства на одно поколение, я был бы готов. Более того, государство религиозных фанатиков, в котором меня заставят есть фаршированную рыбу с утра до ночи (ну, нет другого пути), — согласен. Еще хуже идишистское государство, что для меня означает конец очарования — ну, нет иного пути, — согласен».[249] С гневом обрушивается он на иные доктрины сионизма, в частности, на выдающегося философа Мартина Бубера, по явно несправедливым словам Жаботинского «типичного провинциала, мыслителя третьего ранга», согласно доктрине которого «молодежь учат видеть в сионизме только мечту, которая никогда не осуществится” (с. 171).

Не будучи приверженцем традиционного иудейского культа, Жаботинский вместе с тем был глубоко убежден в огромной важности идей Библии и Талмуда для духовной жизни будущего еврейского государства, особенно для воспитания молодежи. Он по своему толкует социальную философию Библии, полагая, что «Бог создал мир, но человек должен содействовать его исправлению. И для этой цели он должен бороться, “даже объявить войну небесам”, чтобы искоре-

[249] *Недава И.* Вехи жизни: З. Жаботинский. Избр. статьи и речи. С. 106.

нить все, что мешает установлению справедливого порядка в мире. Его оружие в этой борьбе: умение различить добро и зло, его дух и интеллект» (с. 193). Вместе с тем его представления о конечных целях сионизма вполне созвучны идеям великих пророков Библии. Жаботинский верил, что после создания еврейского государства и переселения в него миллионов евреев мира в этом государстве воцарится «величественный сионизм» и «перед нами встанет еще одна задача, может быть, самая главная: превращение земли Израиля в государство, возглавляющее весь культурный мир, в страну, обычаи и законы которой послужат примером всем странам мира. "Ибо от Сиона выйдет Тора (Закон)" (Мих. 4:2). "Тора" не только в религиозном смысле слова»(с. 207).

В библейских законах черпает Жаботинский и свою оригинальную социальную концепцию. Согласно ей, через определенный срок (в Библии — в Юбилейный год, т. е. через каждые 50 лет) отменяются прежние долговые обязательства, освобождаются прежние должники, возвращается приобретенная земля и др.). По мнению Жаботинского, здесь присутствует мысль оптимальной экономической организации общества. В течение определенных временных рамок должно допускаться — конечно, при сохранении минимальных социальных гарантий для всех граждан — свободное предпринимательство. Однако в конце этого срока происходит снова уравнение всех исходных позиций для нового социально-экономического старта, т. е. строго законный передел собственности без революционных потрясений. Он полагает, что такой принцип гораздо предпочтительней уравнительных социализма и коммунизма, с одной стороны, и безудержного господства наживы — с другой. При этом он хорошо представляет себе всю сложность практической реализации этого принципа.

Гуманистическое начало проявляется у Жаботинского и в его отношении к арабскому вопросу. Он совершенно искренне писал: «и верю, и надеюсь, что тогда мы сумеем дать им такие гарантии, которые их успокоят, и оба народа смогут жить бок о бок мирно и прилично» (с. 228).

Жаботинский всю жизнь признавал свою неразрывную связь с русским языком: «русский язык пристал к каждому уголку нашего сознания, несмотря на то, что мы расселились среди далеких народов, рассеялись между ними, и языки этих народов не похожи на русский… Язык приговорил нас к пожизненной связи с народом

и страной».[250] Именно на этом языке написаны его романы «Самсон Назорей» (1926) о библейском богатыре Самсоне и «Пятеро» (1936). В последнем красочно описана Одесса накануне Революции 1905 года. В 1911 г. Жаботинский даже писал, что «все народности России прекрасно уживутся с великороссами на почве равенства и взаимного признания: даже верю, что большую и благотворную роль в этом сыграет именно великорусская демократическая интеллигенция».[251]

Показательны отзывы о Жаботинском деятелей русской культуры. К. И. Чуковский вспоминал о Жаботинском, с которым познакомился в Одессе: «Он казался мне лучезарным, жизнерадостным, я гордился его дружбой и был уверен, что перед ним широкая литературная дорога. Но вот прогремел в Кишиневе погром, Володя Жаботинский изменился совершенно. … Думаю, что и враги его должны признать, что все его поступки были бескорыстны, что он всегда был светел душой и что он был грандиозно талантлив».[252] В телеграмме на смерть Жаботинского писатель М. А. Осоргин выразил общее настроение деятелей русской культуры, знакомых с Жаботинским: «Я поздравляю евреев, что у них есть такой деятель и такой писатель. Но это не мешает мне искреннейшим образом злиться, что национальные еврейские дела украли Жаботинского из русской литературы» (с. 168). В этой связи слова Жаботинского о том, что ему безразличны судьбы России, представляются сказанными в публицистическом задоре. Своими политическими противниками он считал и большевиков, и сионистов-социалистов. Но, как пишет его биограф и апологет Ш. Кац, во время захвата Польши гитлеровцами «примерно половина еврейского населения Польши была спасена русскими. По соглашению, подписанному Риббентропом и Молотовым, Советский Союз присоединил к себе восточную часть страны. Еврейские жители этих мест и те, кому удалось бежать туда из мест, оккупированных немцами, были в физической безопасности. Жаботинский неожиданно для себя стал выражать надежду, что как можно больше евреев попадет в руки коммунистов, которые хотели уничтожить “только” еврейский дух».[253]

---

250 *Бела М.* Мир Жаботинского. М., 1992. С. 289.

251 *Жаботинский В.* Избранное. Иерусалим, 1990. С. 149.

252 *Носик Б.* Привет эмигранта, свободный Париж. М., 1992. С. 166–167.

253 *Кац Ш.* Одинокий волк: Жизнь Жаботинского. Тель-Авив, 2000. Т. 2. С. 563.

5. ПАРТИЯ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ (100 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД)

В 2006 году отмечалась знаменательная дата — 100 лет современного русского парламентаризма. Первая Государственная дума заседала с 27 апреля по 8 июля (ст. ст.) 1906 г., после чего царское правительство, недовольное демократическим составом Думы, ее распустило. Последующие Думы — II, III и IV — избирались по все более недемократическим законам. Впрочем, в нашу задачу не входят вопросы парламентаризма последнего десятилетия существования Российской империи, поскольку многие проблемы, волновавшие тогда общество, интересны теперь разве что специалистам. Однако национальный вопрос продолжает находиться и сегодня в центре общественного внимания. Ведь, несмотря на распад в 1991 г. преемника Российской империи — СССР, современная Россия и сегодня представляет собой огромное многонациональное государство. Более того, неожиданно, — правда, пока только среди довольно узких кругов российского общества — слышится лозунг «Россия для русских». В этой связи актуально вспомнить о сущности и судьбе несколько подзабытого движения русских националистов. 100 лет тому назад они с парламентской думской трибуны не только провозглашали подобный призыв, но и пытались, руководствуясь им, определять государственную политику Российской империи. Различным этапам этого движения посвящена интересная и содержательная книга Д. А. Коцюбинского «Русский национализм в начале XX столетия: рождение и гибель союза Всероссийского национального» (М., 2001; далее в этой главе ссылки на книгу приводятся в тексте с указанием только страниц). Особый интерес представляет еврейский (точнее, «антиеврейский») аспект его программных положений и практических действий.

В отличие от вульгарно-погромных организаций, объединяемых под общим названием «Черная сотня», в Российской империи сформировались различные организации и объединения праволиберального направления, в целом стремившиеся действовать по модели европейской политической традиции. Организационно можно считать, что примерно в период 1907–1909 гг. они все в той или иной форме объединились в партию «Всероссийский национальный Союз» (ВНС), образовавшуюся формально весной-летом 1908 г. в Санкт-Петербурге. Образцом государственного деятеля для русских националистов был при жизни и оставался после гибели

М. О. Меншиков

премьер-министр П. А. Столыпин, действительно последний крупный политический деятель императорской России, искренне пытавшийся всеми средствами модернизировать империю и тем самым спасти ее от революции. В свою очередь ВНС, будучи второй по численности фракцией в III и IV Думе, вместе с Союзом 17 октября (октябристами) всемерно поддерживал законодательную деятельность премьер-министра.

Надо сказать, что в составе активистов партии было достаточно много образованных и даже литературно одаренных публицистов, среди которых прежде всего надо назвать обозревателя газеты «Новое время» М. О. Меньшикова. Однако несмотря на то, что немалые творческие силы разрабатывали программу Союза, в ней содержались внутренние непримиримые противоречия. С одной стороны, признавалась законодательная Государственная дума, правовое равноправие граждан, неприкосновенность частной собственности, развитие общественной хозяйственной инициативы. С другой стороны, провозглашались государственный приоритет русской национальности и Русской православной церкви, ярко выраженный антисемитизм. Последнее объясняется тем, что в Российской империи главной опорой русских националистов, как справедливо подчеркивает автор книги, были представители многонациональных губерний западного края империи — современных Литвы, Белоруссии и Украины. Точнее, это были, в основном, помещики, купцы, духовенство и чиновничество имперской администрации русского происхождения, испытывавшие сильное экономическое, культурное и политическое давление со стороны польского дворянства, предпринимателей еврейского происхождения, а также представителей национальной интеллигенции, прежде всего польской и украинской. Именно поэтому выходцы из Юго-Западного и Западных регионов страны составляли костяк думской фракции, а идейным их центром был Киев.

В связи с этим возникли специфические проблемы идеологического характера. Прежде всего, оказалось трудно определить, кого

же отнести к «русской нации». В книге Коцюбинского приводится весьма широкий спектр мнений, часто противоречащих одно другому. Правда, националисты были едины в отрицании самобытности украинцев и белорусов, относя их к русским. Однако и тут возникал вопрос: как быть с белорусами и украинцами — католиками и униатами, не приемлющими православие. Учитывая также неславянские корни многих дворянских фамилий и даже царской семьи, предлагалось относить к русским не только лиц, носящих русскую фамилию, но и тех, кто считает национальные интересы России своими собственными. Удивительно, но главному идеологу русского национализма и антисемитизма М.О. Меньшикову принадлежат такие слова: «чем даровитее человек в России, тем он более русский»; «даже еврей — если он выдается — принимает на себя целиком душу русскую, как это было, например, с Рубинштейном и Левитаном» (с. 98). Однако предлагались и другие критерии. Например, И.А. Сикорский рассуждал о «короткоголовых» и «длинноголовых» черепах, доказывая , что только у настоящих славян черепа «хорошие» и т.д. Однако все абстрактные соображения отвергались, когда идеологи националистов яростно противостояли своим политическим противникам, в частности, либералам действительно европейского типа из партии кадетов. Тут, отбросив внешний европейский лоск, лидеры переходили на вульгарный крик. Например, граф Бобринский заявлял своим единомышленникам: «…я говорю, что Милюков (лидер кадетов) еврей. Я положительно не оговариваюсь. Я считаю, что не было более меткого и сильного слова члена Думы Пуришкевича (лидер крайне правых, «черносотенцев»), как когда он провозгласил: "Можно быть фон Анрепом и русским, можно быть Милюковым и жидом". (Смех, аплодисменты аудитории). Фамилия ведь ничего не значит, самое название не есть признак национальности» (там же).

Однако положение для идеологов националистов осложнялось и невозможностью определить сами понятия «народ» и «нация». С одной стороны, М.О. Меньшиков пишет: «Нация» = «народ» = «лучшая часть населения», и продолжает: «Сказать страшно, но ведь на самом деле народ как будто отсутствует в России»; «Народ есть действительно собрание граждан, но, говоря по совести, разве какой-нибудь бездеятельный, не способный прокормить себя молодой человек, — гражданин? Разве темный, глубоко невежественный крестьянин от сохи — гражданин? Или безработный пролетариат, или мелкий рабочий, который никогда не имел ни бытовой культуры, ни школы, ни

политической жизни, ни досуга, разве они в самом деле есть настоящие граждане? … Народ не чернь; делаясь чернью, он перестает быть народом». Однако другой идеолог националистов, П. И. Ковалевский, утверждал: «Сущность и основу нации дает именно народ, его масса, ибо интеллигенция и просвещенная часть русского народа более чем наполовину состоит из не русской нации. Поэтому простой народ дает характерные черты, определяющие нацию» (с. 104–105).

Однако в целом все националистические идеологи высоко оценивали талантливость русского народа и его общечеловеческие добродетели. Даже создание великого многонационального государства объяснялось его высокими моральными достоинствами. Как писал А. Филиппов, в истории России «только одна национальность оказалась неизменно благородной, далекой от личного эгоизма, себялюбия и зависти — это наша русская… Оттого у нас так легко живется инородцам и иностранцам… Мы терпимы и великодушны» (с. 120).

Вместе с тем, в отличие от националистов западноевропейских, русские националисты не скупились и на «самокритику». Наиболее остро эти критические настроения выразил М. О. Меньшиков: «Иной раз слушаешь парламентского болтуна, в узком черепе которого играет шарманка: "гнет правительства", "растоптанная свобода" и т. д. Хочется спросить: — ради истины, скажите, препятствовало ли правительство, например, обрабатывать хорошо поля? Однако они прескверно обработаны, — и не только у крестьян, а и у помещиков, катающихся на автомобиле. Мешало ли правительство устраивать фабрики и доводить их до возможного совершенства? Однако фабрик до сих пор немного, и они плохи, причем не было бы, может быть, никаких фабрик, если бы правительство не поддерживало их разными субсидиями. Мешало ли правительство купцам торговать расчетливо и честно? Или священникам вести трезвую и благочестивую жизнь?»; «кому из преступников власть препятствовала быть честным человеком?»; «Вы кричите, что правительство разворовало Россию. Позвольте! Разве народ не тем же занимается, если говорить правду? Разве не во всех сословиях у нас рвут казну и тащат, кто сколько может? … Кричат, что министры невежественны и ленивы. А кто учел невежество и бездельничество господ общественных деятелей … на бесчисленных постах, где интеллигенция призвана быть двигателем и возбудителем труда? … Кричат, что власти дармоеды, а пусть-ка каждый мужик посмотрит кругом себя: не мало ли у него в своей деревне захребетников? И не захребетник ли он чей-нибудь сам?» (с. 124).

Еще более хлестко достается правящему классу тогдашней России — дворянству. Коцюбинский приводит слова того же Меньшикова: «Если не всему русскому народу, то одному проценту его — помещикам было предоставлено по тысяче (и более) десятин на душу. Им был предоставлен даровой труд крестьянский и сверх того гимназии, университеты, почетное звание благородных, крайне широкие вольности, вплоть до права самодержавного распоряжения Отечеством. Ответьте же по совести, хорошо ли воспользовались лучшие представители народа волшебными своими преимуществами? Очень скверно воспользовались, уверяю вас»; «предоставили дворянам на колоссальные выкупные платежи поднять агрикультуру, которую они не удосужились поднять за триста лет. Правительство ахнуть не успело, как миллиард выкупных перекочевал в сундуки заграничных кокоток и магазинов роскоши». Свои громадные имения русские дворяне «только и сумели, что растратить, распродать, прокутить, не успев за несколько столетий завести ни саксонской, ни китайской культуры. В школах почти ничему не научаются, выносят жалкое знание, как повинность, которую сбрасывают с плеч тотчас по окончании курса. … “Правами” пользуются чаще для злоупотреблений, свободой — для освобождения себя от долга приличия». При этом все это не есть беда лишь одного привилегированного сословия, это симптом кризиса нации в целом, ибо «в возможном идеале своем народ есть именно то, что представляют собой дворяне, — не менее, но и отнюдь не более. Народ это усиленно доказывает проявлением тех же свойств в зародыше. Едва освободили крестьян, как по деревням пошел тот же, совершенно дворянский кутеж, те же, по натуре барские, легкие нравы насчет женщин, то же отлынивание от труда, то же безверие, та же беспечность к образованию — поразительное равнодушие к дельным книгам и пристрастие к печатной дряни, тот же анархический нигилизм, то же в общем печальное легкомыслие нашей расы» (с. 125–126).

Нет смысла обсуждать столь резкие характеристики; отметим только, что идеологи русского национализма пытались объяснить столь нехорошее положение в области российской гражданственности различными причинами. Не считая крайне сомнительных спекуляций генетическими факторами, объяснялось это и монгольским игом, и постоянной внешней угрозой, и длительным крепостным правом и даже отрицательным воздействием географической среды. Но националисты потому и националисты, что самое большое вредное влияние они приписывали воздействию на простой народ

иностранцев и инородцев, причем последних Меньшиков называл «покоренные иностранцы».

Меньшикову принадлежит и четкая формулировка главного принципа всего движения русских националистов. Он провозглашал: «Хотя в России (напомним, что речь идет о Российской империи, где собственно русские — великороссы — составляли в 1897 г. 44,3 % — *В. В.*) числится что-то до 60 племен, однако политическое и юридическое имя всей их совокупности есть не государство русско-татарско-латышско-еврейское и пр., а единственно государство Русское» (с. 230). Развивая его идеи, Н. О. Куплеваский четко формулировал: **«Россия для русских. Политическое господство и наиболее выгодное экономическое положение в России должно принадлежать русским»** (с. 232).

Однако когда речь шла о конкретных программных высказываниях, взглядах и конкретных действиях движения, провозглашавшего себя «русским национальным», то объектом его особо враждебного внимания, доходящего иногда до просто ритуальных воплей и заклинаний, были евреи. Получалась парадоксальная ситуация. Национальное русское движение основной свой запал противостояния и агрессивности направляло против национального и религиозного меньшинства, 90 % которого проживало в «черте оседлости евреев», т. е. в основном за пределами расселения великороссов, практически с их массой не контактируя. Тем самым наглядно подчеркивается узко классовая база этого движения — прежде всего поместное дворянство Западного и Юго-Западного краев, причем выходцы из этих мест составляли костяк думской фракции националистов. Это признавали и сами идейные вожди националистов в Государственной думе. Например, В. В. Шульгин писал: «Западная Русь всегда стоит твердо на национально-исторической почве. Если представить себе Думу и Россию в виде общей схемы, то окажется, что Западная Россия — правая, средняя Россия — октябристская (умеренно либеральная. — *В. В.*) и Восточная Россия — левая» (с. 352–353). Этим во многом определялось и чрезмерное, доходившее у некоторых до истерии, внимание к «еврейскому вопросу», хотя общая численность евреев среди населения Империи составляла примерно 4 %.

Каковы же были программные взгляды партии ВНС по отношению к так называемому еврейскому вопросу? Прежде всего, евреи специально выделялись русскими националистами из общей проблематики национального — как они говорили, «инородческого» —

вопроса в Российской империи. По их мнению, евреи — зловредная секта, представители которой подобно заразным бактериям проникают во все поры Российского государства. Некоторые высказывания идеологов не сильно отличались от приступов паранойи и мании преследования: евреев обвиняли в экономическом паразитизме — поскольку якобы они неспособны на экономическую конкуренцию честными способами, то поэтому прибегают к способам нечестным. На вопрос: «Как это делается?» следует характерный для разоряющегося помещика ответ: «Роняя своим гвалтом наши процентные бумаги, денежный курс, недра, земли, дома, предприятия, господа евреи ревностно скупают все эти как будто бы ничего не стоящие вещи». Он, не удосужившись или не желая заглянуть в словарь, утверждает: «насколько я заметил, в еврейском жаргоне (имеется в виду идиш. — *В. В.*) само понятие “честь” отсутствует». Но красноречивому публицисту и этого мало. Некоторые его высказывания действительно похожи на вопль, например: «Еврейский вопрос охватил все наши ведомства, вплоть до церкви, где лишенный сана еврей-архимандрит сумел повысить себя в архиереи … Евреи пробрались в армию, в Генеральный штаб, и их влияние огромно. Евреи овладели интендантством, путями сообщения (что касается поставок и подрядов), евреи овладели финансовым ведомством, высшей школой, и пр., и пр. Уж на что казалось бы невинная область рыболовство, — а и тут выскочил лейб-еврей» (с. 264–265). Особое возмущение идеологов русского национализма вызывали экономические успехи еврейских предпринимателей и купцов, поскольку это можно было использовать в качестве доказательства тезиса об эксплуататорской сущности еврейства. Их прямо приводило в бешенство, граничащее с отчаянием, «еврейское засилье» в области русской культуры. Коцюбинский приводит характерные примеры. Члены Московского отдела ВНС в 1910 г. возмущенно писали по поводу результатов одного музыкального конкурса: «г. Беляев пожертвовал известную сумму на выдачу премий. Премии эти получили: Прейс, Клейн, Любошиц и Эрденко. Все они евреи и еврейки. Отличилось и “Общество деятелей периодической печати в Москве”. Недавно оно … выпустило граммофонные пластинки “русских знаменитостей”. … Кто же эти «знаменитости»? Лия Любощиц, Анна Любошиц, Эсфирь Чернецкая и Флора Канцель» (с. 265–266).

За этим следует третье обвинение — в соблазне и развращении русского народа. Например, по мнению того же Московского отдела

ВНС, «в русские учебные заведения … допускается еврейская молодежь. Своим влиянием на русских сверстников, путем забастовок и пропаганды революционных, “освободительных” идей, еврейское юношество вытравляет в них национальные чувства и настроения, постепенно растлевает русское юношество — этих будущих государственных и общественных деятелей — и мало-помалу подготовляет развал русских национальных и государственных основ» (с. 266). Но самую грозную опасность Совет Всероссийского Национального Союза находил в господстве евреев в сфере печати: «Великая школа, воспитывающая не одних избранных, а всю массу народную, — наша печать уже почти целиком захвачена … евреями» (с. 267).

Таким образом, получается, что даже более передовое и образованное русское общество также в гражданском отношении рассматривалось идеологами русского национализма как беспомощная и неспособная самостоятельно действовать и мыслить масса. Последнее обвинение евреев особенно анекдотично. Оказывается, цель еврейства в России — подчинение ее «еврейско-масонскому кагалу и основание на ее территории еврейской “Палестины”».

Однако при всем этом ВНС претендовал на звание европейской парламентской партии, и его идеологи старались объяснить происхождение столь скверных качеств еврейства. Все эти попытки, конечно, кончились полным провалом, хотя многим авторам нельзя отказать в общей образованности. Приводилась в качестве причин исконная безнравственность не только Талмуда, но даже Пятикнижия Моисеева (что довольно странно для людей, именующих себя христианами); пытались использовать рассуждения германских расистов о хороших арийцах и вредных семитах; наконец, указывалось просто на якобы врожденную «хищность и жестокосердность» евреев. Однако все идеологи дружно сходились в одном: «РАВНОПРАВИЕ ЕВРЕЕВ НЕДОПУСТИМО». При этом явно прослеживались причины этого. Как признавал И. Савенко, «если евреям дать равноправие, то у нас в русском Киеве русских торговых заведений совершенно не будет». Следовал вывод — правовое давление надо всемерно усиливать и дополнить экономическим. Отсюда выдвигался призыв: «будем же покупать все в русских магазинах в надежде, что и русское купечество не будет … поддерживать евреев» (с. 272).

Но при всем этом надо отметить, что партия русских националистов решительно отмежевывалась от методов черносотенцев, призывавших к насилию и еврейским погромам. Они четко заявляли:

«Пусть права евреев урезаны по сравнению с основными гражданами, однако это права… Закон в тех нормах, в которых он установлен, должен быть равным, беспристрастным и кристально честным по отношению ко всем без исключения подданным России» (с. 272).

Тем не менее, развитие внутренних предреволюционных процессов в России, особенно в условиях тяжелой и малоудачной Первой мировой войны, несомненно влияло на ряд здравомыслящих представителей думских националистов. Наиболее видным из них был В.В.Шульгин. В частности, он и возглавляемая им газета «Киевлянин» решительно выступили против явного нарушения законности в пресловутом «деле Бейлиса», что было против общей позиции руководства ВНС. Более того, он считал единственным разумным средством борьбы с еврейством, прежде всего, «национализацию кредита», т.е. ограничение доступа инородцев к государственным бюджетным ассигнованиям. Шульгин также полагал, что «те пути ограничения, выселения и вся черта оседлости … есть только нами с трудом переносимое зло. По существу они оскорбительны для нас и унизительны, мы бы всеми средствами желали от них избавиться. Мы только не можем сделать это теперь … потому что не рискуем слишком серьезными интересами простого русского народа» (с. 273).

С началом Первой мировой войны такая примиренческая позиция привела к расколу единого фронта националистов; часть их вошла в состав «Прогрессивного блока», в программе которого, принятой 25 августа 1915 г., была записана необходимость «вступать на путь ослабления законодательных ограничений еврейского законодательства». Один из лидеров Прогрессивного блока А.И.Савенко писал: «Я лично, как постоянный житель “черты”, всегда считал, что эта “черта” являлась лишь средством для развращения нашей полиции и провинциальной администрации. Даже с точки зрения защитников “черты еврейской оседлости”, последняя совершенно не достигла поставленной ей цели: энергичные представители еврейства всегда умели при помощи дипломов и других средств вырваться из “черты”, и последняя душила лишь бедноту, надрывающуюся от труда и забот о куске хлеба насущного, массу евреев-ремесленников и вообще ту еврейскую бедноту, которой набиты города и местечки Западного края. Снятие “черты” я считаю событием чрезвычайной важности» (с. 278).

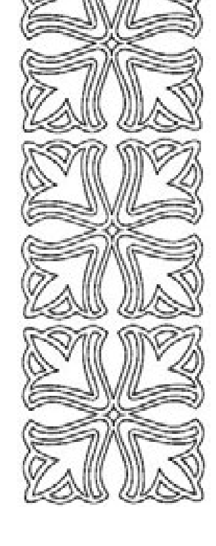
По мере ухудшения положения на фронте примиренческая позиция обосновывалась необходимостью «мобилизации всех сил стра-

ны». Тот же Савенко призывал: «Надо стать на путь уступок в еврейском вопросе, нельзя иметь 8 миллионов (так в тексте. — *В. В.*) врагов. Надо искать примирения» (с. 276). Ему вторил и Шульгин: «Вся русская печать (а ведь она на три четверти была еврейская) требовала войны “до победного конца”… Этого нельзя было не заметить и на это следовало ответить обнадеживающим жестом», тем более, что прессой «в момент напряжения всех сил государства меньше всего можно пренебрегать» (с. 277).

Конечно, программы русских националистов, их печать и парламентская деятельность относились не только к еврейскому вопросу, но и к проблемам других национальных меньшинств — поляков, финнов, армян, украинцев и других, а также к другим государственным проблемам, о чем подробно рассказывается в весьма содержательной книге Коцюбинского. Однако во взглядах и практике их действий именно по еврейскому вопросу наиболее наглядно сказалась абсолютная невозможность соединить идеи либерального европейского национализма с реальной жизнью многонациональной империи, существовавшей как сообщество народов в течение многих веков. Более того, уроки XX в. наглядно показали народам ведущих стран Европы несостоятельность идей национализма даже в их либеральном варианте, и сегодня они сохраняют заметное влияние только в наиболее отсталых странах и слоях населения.

Остается добавить, что после Февральской революции лидеры русских националистов сходят с политической сцены, а после Октябрьской революции многие из их активных идеологов, в частности М. О. Меньшиков, погибли, многие, в том числе В. В. Шульгин, примкнули к белым, но большинство эмигрировало. Очень показательны признания Меньшикова, сделанные в дневнике 14/27 апреле 1918 г., за несколько месяцев до расстрела: «Боже, до чего мелкое, душевно низкое племя — славяне!»; малороссы — «подлое, бездарное племя», «но великороссы оказались еще более дряблыми и пресными, чем хохлы» (с. 126). Пожалуй, после таких слов главного и самого талантливого идеолога русского национализма перед словами «русские националисты» следовало бы писать «так называемые».

В целом книгу Д. А. Коцюбинского надо признать весьма полезной, особенно для тех, кто сегодня пытается создать некую «национальную идею» для современной России.

ГЛАВА 6

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ЭДЫ

6.1. Революция и гражданская война (1917–1922)

Распад в начале XX в. казавшейся несокрушимой Российской империи прямо и непосредственно сказался на судьбах еврейского населения страны. Более того, можно говорить и о влиянии этих грандиозных событий на весь еврейский мир, поскольку в России к 1917 г. находилось более половины всего мирового еврейства. Подавляющее большинство евреев России проживало тогда в системе традиционной идишской культуры в местечках «черты оседлости». Сохранившиеся со времен Средневековья ограничения в правах для «лиц иудейского вероисповедания» и жестокие погромы беззащитных евреев способствовали тому, что особую привлекательность для них приобрели наиболее радикальные движения.

К тому же евреи составляли большой процент несельского населения в огромной крестьянской стране. К началу 1914 г. из 18,5 млн человек городского населения европейской части России[1] евреи — как правило, жители больших и малых городов — составляли 6,8 млн, т. е. 37,5 %.

В городах и городках «черты» этот процент был гораздо выше. Кроме того, надо иметь в виду, что евреи вынуждены были из поколения в поколение заниматься чисто городскими видами деятельности, чего нельзя сказать о многих других жителях городов Российской империи, сравнительно недавно переселившихся из деревень. Поэтому понятна высокая социальная активность еврейского населения, которая проявилась в ходе социальных перемен, потрясших все российское общество. Эта активность была особенно заметна

---

[1] *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973. С. 104.

в деятельности сформировавшейся к началу XX в. еврейско-русской интеллигенции, воспринявшей идеи русской культуры, в том числе и политической. Выходцы из этой среды приняли активное участие во всех оппозиционных политических движениях, направленных против репрессивного царского абсолютизма, от умеренных до крайне левых.

Крушение империи произошло в 1917 г., в самый разгар Первой мировой войны. За два года до этого под напором беженцев и насильственно переселяемых в ходе этой войны людей фактически рухнула черта оседлости. Одним из первых действий Временного правительства было принятие 20 марта 1917 г. постановления «Об отмене всех вероисповедных и национальных ограничений». Естественно, эта революция была восторженно встречена еврейским населением империи. Показательно, что даже сионисты, влияние которых на еврейское население страны тогда сильно возросло, на Всероссийской сионистской конференции в Петрограде (май 1917 г.) проявили большой интерес к общерусским делам, в частности, к выборам в Учредительное собрание. При этом конференция отвергла предложение лидеров сионизма — публициста и писателя В. Жаботинского и героя русско-японской войны И. Трумпельдора — о формировании особых еврейских воинских частей, хотя в рядах русской армии служили около 500 тыс. евреев. Последнее решение было удивительным на фоне общего распада армии, когда многие народы России потребовали организации национальных частей. Как писал будущий командующий белой армией А. И. Деникин, «только одна национальность не требовала самоопределения в смысле несения военной службы — это еврейская. И каждый раз, когда откуда-нибудь вносилось предложение — в ответ на жалобы евреев — организовать особые еврейские полки, это предложение вызывало бурю негодования в среде евреев и в левых кругах и именовалось злостной провокацией».[2] Между тем пример 40-тысячного чехословацкого корпуса показывает, что даже сравнительно небольшая войсковая часть в те смутные времена имела чрезвычайное политическое и военное значение.

О степени вовлеченности политически активной части еврейства России в общерусские дела может говорить хотя бы тот факт, что в составе избранного на I Всероссийском съезде Советов рабочих

[2] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. С. 130.

и солдатских депутатов (июнь 1917 г.) руководящего Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) было 22 % лиц еврейского происхождения.[3] Правда, многие из них давно уже не чувствовали и не считали себя евреями — например, это можно сказать о руководителях ВЦИК эсере А. Ф. Гоце, большевиках Л. Б. Каменеве и Я. М. Свердлове. Однако примером противоположного характера может служить нарком юстиции первого советского правительства — левый эсер И. З. Штейнберг, ортодоксальный верующий, соблюдавший все иудейские религиозные предписания, в том числе и почитание Субботы.

Временное правительство продержалось только до октября 1917 г. Разразившаяся затем кровопролитная Гражданская война принесла еврейскому населению неисчислимые потери. Более 100 тыс. евреев Украины, Белоруссии и России стали жертвами погромов, устраиваемых белыми армиями и бандами. Погромщики оправдывали свои жесточайшие расправы с беззащитными людьми тем, что некоторые деятели Коммунистической партии и правительства Ленина имели еврейское происхождение. Местные же националисты обвиняли евреев еще и в их якобы пророссийских настроениях. При этом надо особо подчеркнуть, что из всех движений только белогвардейское не принимало в свои ряды евреев, хотя достаточно много либерально и демократически настроенных еврейских общественных деятелей вначале сочувствовало его борьбе с большевиками. С другой стороны, и среди активных противников красных в рядах эсеров, меньшевиков, анархистов, кадетов было достаточно много евреев. Стоит только вспомнить члена партии эсеров Фанни Каплан, совершившую террористический акт против Ленина, и Л. Канегиссера, застрелившего главу петроградских чекистов М. Урицкого.[4]

В ходе жестокой гражданской войны на территории бывшей империи еврейское население наглядно убедилось, что реальным его защитником от массовых бесчинств и даже прямого геноцида было советское правительство Ленина. Это вынуждены были признать даже представители тех слоев, которым не нравилась идеологическая, а также антибуржуазная политика коммунистической власти, от которой страдали представители еврейской буржуазии и буржуазной интеллигенции.

[3] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина // Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 47.

[4] *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми. М., 2005.

История в событиях и лицах

1. ЕВРЕИ БЕЛОЙ РОССИИ (ИСТОРИЯ ЛЮБВИ НЕВЗАИМНОЙ)

Выходит не мачеха злая.
Нам всем гробовая доска,
Россия, землица сырая,
Злодейка, неволя, тоска.

Л. Цыпина,
из неопубликованного

В романе «Дорога к воле» весьма популярного в России в начале XX в. австрийского писателя, еврея по происхождению, Артура Шницлера есть диалог между венскими интеллигентами — христианином Георгом и евреем Генрихом. Последний с горечью говорит собеседнику о своем отце: «Еврей, любящий свое отечество, т. е. так именно, как любил его мой отец, с чувством солидарности со всей нацией, является, бесспорно, фигурой трагикомической. Конечно, он был ею в либеральную эпоху семидесятых и восьмидесятых годов, когда и умные люди подпадали одурманивающему влиянию трескучих фраз. В настоящее время такой человек был бы исключительно комичен. Да, если бы даже он под конец повесился на первом попавшемся гвозде, я бы иначе не мог бы охарактеризовать его».[5]

Поскольку пресловутый еврейский вопрос стоял на рубеже XIX и XX вв. еще в более острой форме в соседней Российской империи, то подобные проблемы, несомненно, находили даже более глубокий эмоциональный отклик и понимание, и не только среди еврейской общественности. Дело в том, что в империи Романовых проживало, согласно переписи 1897 г., 5 млн 189 тыс. 400 евреев, 4 % всего населения империи, что составляло более половины евреев тогдашнего мира. Именно этой многочисленностью власти оправдывали строгие и порой оскорбительные дискриминационные меры, направленные против еврейских (точнее, иудейских) подданных царя. Главной из этих мер было запрещение их основной массе проживать вне «черты оседлости» без особого на то разрешения, хотя все же таким разрешением обладали около 300 тыс. евреев.

[5] *Шницлер А.* Дорога к воле // Шницлер А. Собр. соч. Т. VII. М., 1910. С. 233–234.

Не вдаваясь в подробности столь сложного процесса, отметим только, что в атмосфере общей либерализации жизни страны после реформ Александра II начался процесс приобщения еврейской молодежи к русской культуре. Это привело в конечном счете к тому, что значительная часть еврейской интеллигенции стала или стремилась стать составной частью интеллигенции российской. При этом большинство также не менее твердо стремилось сохранить еврейство, отстаивая право своего народа на равенство. Только незначительное меньшинство русско-еврейской интеллигенции избрало самый доступный путь получения личного равноправия — посредством официального перехода в одно из христианских вероисповеданий, хотя еврейство уже не рассматривалось только как религиозная община. Русский язык стремительно становился среди представителей этой интеллигенции третьим после идиша и древнееврейского, а зачастую и родным языком.

Надо отметить, что сходные процессы аккультурации и ассимиляции происходили и в Австро-Венгерской империи. Однако там, в отличие от России, хотя еврейское население официально не подвергалось правовой дискриминации, но в различных слоях общества преобладали антиеврейские настроения и существовало достаточно широкое движение политического антисемитизма. Поэтому австрийские евреи были, как правило, лояльны правящей династии Габсбургов. В России же, в связи с развертыванием либеральных и революционных настроений, именно в кругах оппозиции охотно встречали как друзей и коллег представителей русско-еврейской интеллигенции. Этим объясняется большой процент в конце XIX в. евреев-участников оппозиционного либерального и революционного движений. В ответ усиливалась антисемитская политика властей. В результате такого положения еврейский вопрос в России превратился в известном смысле из объекта в субъект российской истории. Повторим уже приведенное выше высказывание одного из современников: «Еврейский вопрос стал стержнем русской жизни. От городового до министра, от полицейского участка до Сената и Государственного совета, все и вся поглощены были еврейским вопросом».[6] В связи с этим, по замечательно точному определению А. Миллера, «значительная часть евреев Российской империи была Puschkintreu (Верные Пушкину), т.е. лояльны русской культуре и “прекрасной

---

[6] *Кельнер В. Е.* Русско-еврейская интеллигенция… С. 4.

России будущего". В отличие от них, австрийские евреи, как большинство обывателей, были Kaisertreu (Верные императору)».[7]

Нерадостная, а зачастую и трагическая история еврейского населения России в предвоенный период (до Первой мировой войны), во время революции и Гражданской войны подробно описана в работе О.В. Будницкого.[8] Воспользуемся только несколькими характерными эпизодами из этого важного исследования. Февральская революция вызвала большой патриотический подъем евреев. Отмена прежнего запрещения на получение евреями офицерских званий привела к тому, что уже к маю 1917 г. в военные училища и школы прапорщиков было зачислено 2600 евреев. Некоторые из них даже были среди последних защитников Временного правительства в октябре 1917 г. Как писала тогда газета «Еврейская неделя», «будущее России, а с ней и нас, еврейства, озаряется светом счастливой эры возрождения к счастью и свободы». Однако вскоре последовало разочарование, поскольку любовь оказалась неразделенной. Видимо, под влиянием слухов о массовом наплыве евреев в юнкерские училища явно выявился прежний антисемитский настрой военной среды. В качестве характерного, но далеко не единичного примера можно привести решение офицеров одного из полков: «Суд чести и общее собрание гг. офицеров … особого полка, основываясь на правиле, что ни один офицер не может быть принят в полк без согласия всех офицеров, постановили предупредить юнкеров-евреев, что таковые по производстве их в офицеры в семью офицеров … особого полка приняты быть не могут».[9] Такие настроения надежд и разочарований определяют трагедию, которую пережили в последующие годы евреи, ставшие активными противниками большевистской власти, но отвергнутые Белым движением.

Чувства этих людей хорошо передаются строками из дневника выдающегося еврейского историка С.М. Дубнова, можно сказать, классического представителя русско-еврейской интеллигенции. Вот его запись после разгона большевиками Учредительного собрания: «Не хотелось подводить итоги в день нового (1918) года. Итог жуткий: потопление революции в грязи низменных инстинктов масс. В 1905 растоптали революцию крайне правые, а теперь крайне левые… Но нам (евреям) не забудут участия еврейских революционе-

[7] *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 140–141.

[8] *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми.

[9] Там же. С. 179.

ров в терроре большевиков. Сподвижники Ленина: Троцкие, Зиновьевы, Урицкие и другие заслонят его самого. Смольный потихоньку называют “центрожид”». Однако 16 июня 1919 г. он записывает: «огромные успехи армии Деникина на юге, возможное ее соединение с армией Колчака на востоке и соединение последней с северной архангельской армией для наступления на Петербург — все это дает надежду на спасение, но мы ждать устали». Но далее следует постскриптум: «Увы! Белые оказались потом не лучше красных в местах, временно занятых ими».[10]

Конечно, история бедствий, обрушившихся на еврейское население в годы гражданской войны, происходившей, в основном, на территории бывшей «черты оседлости евреев», хорошо и подробно описана. Отметим здесь, что только на Украине количество жертв погромов варьируется по разным оценкам от 50–60 до 200 тыс. убитых и умерших от ран. К этим данным надо прибавить десятки тысяч искалеченных, изнасилованных, ограбленных. В этом черном деле немалая вина падает и на Белое движение: по некоторым подсчетам, на долю частей Белой армии приходится 17 % всех погромов, т. е. каждый шестой погром.[11] Этот факт особенно тяжело воспринимался элитой еврейского общества, которая, основываясь на декларации лидеров белых, опиравшихся на поддержку Англии, Франции и США, видела в этих антибольшевистских силах борцов за восстановление государственного порядка и утверждение идеалов демократической России. Более того, белая Добровольческая армия при своем основании была финансово поддержана представителями еврейского капитала и немало молодых евреев пыталось, впрочем безуспешно, вступить в ряды белых войск.

Как пишут в своем исследовании Козерод и Бриманс,[12] «Режим А. Деникина никогда открыто не высказывался против еврейского населения в нормативных документах и прессе. И следует сказать, что еврейские общины украинских городов возлагали на приход Добровольческой армии большие надежды, как военной и политической силы, несущей твердую власть в регионе и уж во всяком случае не провозглашающей своей доктриной реквизиции имущества у богатых и привлечения граждан к тяжелым принудительным работам.

[10] *Дубнов С. М.* Книга жизни. С. 397, 428.

[11] Книга погромов. Сб. документов / отв. ред. Л. Б. Миляков. М., 2007. С. XIV.

[12] *Козерод О. В., Бриманс С. Я.* Деникинский режим и еврейское население Украины 1919–1920 гг. Харьков, 1996. С. 10.

Однако погромы начались сразу же после вступления в бывшую “черту оседлости”, в гущу местечек, населенных по преимуществу евреями, передовых частей Добровольческой армии. С ростом самоуверенности и надежды на окончательную победу добровольцев, погромная волна усиливается, охватывая все новые и новые территории». Как это выглядело даже в Киеве в октябре 1919 г., после установления там власти белых, ожидавшихся как освободители, дает представление символическая сцена, запечатленная острым и выразительным пером Эренбурга: «Во дворе лежал навзничь старик и пустыми глазами глядел на пустое осеннее небо. Может быть, это был молочник Тевье или его зять, старожил обреченного Егупца (Киев в произведениях Шолом-Алейхема)? Рядом была лужица: не молока — крови. А ветер беспокойно теребил бороду старика».[13]

Будницкий справедливо отмечает, что погромы белых потрясли всех гораздо сильнее, чем даже погромы войсками украинской Директории, жертв которых было гораздо больше. Как с горечью признал еврей — сторонник Белого движения И. М. Бикерман, понятие «еврейский погром» стало означать тогда истребление людей и имущества «в условиях полного покоя, государственного порядка и всеобщей, за исключением гонимых, безопасности». В связи с этим естественна реакция, высказанная в дневнике от 14 октября 1919 г. московской школьницей, 16-летней Нелли Птушкиной из состоятельной, ассимилированной в русскую культуру еврейской семьи: «Всей душой любишь и желаешь добра своей родине, коей до сих пор Россию считала, и слышишь как тебя зачумляют словом проклятым “жид”. Злоба бессильная, жгучая ненависть, просыпается в душе. Теперь еще больше хочу уехать. … В страшные дни погрома в Киеве я чувствовала братство, единство с евреями, нищими, омерзительными, до сих пор ненавидимыми мною. Нет, тогда они не были мне омерзительны. За что, за что?».[14]

Но, как это нередко бывает в жизни, сила любви проявляется тогда, когда она остается неразделенной. Именно так она проявилась у группы выдающихся еврейских интеллигентов и политиков по отношению к идеалам и целям Белой России. Наиболее ярко такие настроения проявились в общественной, литературной и политической деятельности видного деятеля либеральной конституционно-

[13] *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь // Эренбург И. Г. Собр. соч. М., 1966. Т. 8. С. 298.

[14] *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми. С. 326, 327.

демократической партии Даниила Самойловича (Даниэля Гдальяху) Пасманика (1869–1930). Судьба его не скупилась на неожиданные повороты, что объясняется переломным для всей России временем. Ему, сыну меламеда (учителя религиозной школы) в г. Гадяче Полтавской губернии, удалось закончить Полтавскую гимназию в 1887 г. и затем продолжить образование на медицинском факультете Цюрихского университета. В 1892 г., получив диплом врача, Пасманик отправляется в Болгарию, где практикует с 1892 по 1899 г. Там же он начал свою общественную деятельность как публицист левых взглядов, печатавшийся в местной прессе. Это, впрочем, явно не мешало его врачебной профессиональной деятельности, поскольку с 1899 по 1905 г. Пасманик являлся приват-доцентом медицинского факультета Женевского университета. С 1900 г. он включается в сионистское движение и скоро, благодаря своим дарованиям публициста и теоретика, становится одним из лидеров сионистского движения в России. Тут надо отметить, что Пасманик был сторонником сочетания политического сионизма с социалистической идеологией, что было идеологической основой партии «Поалей Цион (Трудящиеся Сиона)». Показательно, что к ней принадлежали многие будущие основатели государства Израиль.

Д. С. Пасманик

В период первой русской революции Пасманик, покинув благополучную Швейцарию, в конце 1905 г. возвращается на родину. Поскольку в Российской империи зарубежные дипломы не признавались, ему пришлось выдержать соответствующий экзамен на звание врача, что дало ему право повсеместного проживания в пределах Российской империи. В 1906–1917 гг. Пасманик уже член ЦК сионистской организации России, что было прямым признанием его общественно-политической и литературной деятельности. Достаточно указать на его сотрудничество в различных сионистских и еврейских изданиях на русском, иврите, немецком, польском, сербско-хорватском языках, а также выступления с лекциями во многих городах России. В 1908–1910 гг. он жил в Женеве, а с 1910 — в Петербурге.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война застала его в Женеве, где жила его семья. Казалось бы, ему, сионисту по убеждению, можно было бы переждать войну в мирной Швейцарии. Однако Пасманик с трудом добирается до воюющей России, чтобы вступить в ряды действующей армии военным врачом. На этом поприще он служил в полевых госпиталях до февраля 1917 г., когда из-за тяжелого заболевания он был вынужден лечиться в больнице г. Ялты. Война не изменила его приверженности к сионизму, он предсказывает возникновение еврейского государства после победы Антанты и даже принимает участие в 1915 г. в нелегальном съезде сионистов в Москве.

Однако после Февральской революции Пасманик резко меняет направленность своей общественно-публицистической деятельности. Он вступает в партию кадетов и с этого времени становится активным деятелем этой партии в Крыму. В редактируемой им кадетской газете «Крымский голос» (Симферополь) Пасманик выступил в защиту генерала Л. Г. Корнилова и Белого движения, а также занял позицию решительной борьбы с большевиками. Более того, в 1918–1919 гг. он принял участие в краевом правительстве, которое опиралось на Добровольческую армию. Его не смущало негодование либеральных кругов, как русских, так и еврейских, из-за его правых взглядов и примиренческого отношения к тем, кого считали черносотенцами.

Знаменательно, что Пасманик, в целом, отлично знал о погромной эпопее Белого движения и об отказе принять в ряды Белой армии тех евреев, которые искренне хотели бороться с большевиками. Но это не только не заставило его устраниться и предаться чувству отчаяния, но наоборот, подвигло к активным действиям. Он писал в своих воспоминаниях: «Мог ли я отойти в сторону? — Да я, может быть, это сделал бы, если бы там, у большевиков, евреи не играли бы никакой роли, если бы все еврейство поголовно решило проводить строго политику невмешательства в гражданскую войну. Но ведь там этого не было, ведь там Троцкий, Каменев и Зиновьев орудовали вовсю. Поэтому я здесь не мог сидеть сложа руки». Поразительно, что Пасманик в своей конкретной деятельности решительно не считается с разумным объяснением роли пусть и заметного числа, но все же отдельных ассимилированных евреев в русской революции: Позднее он сам это хорошо сформулировал в 1923 г., уже в эмиграции :«Евреи-революционеры не опирались на национально-еврейские

силы, а являлись лишь экспонентами русской силы, толкователями и предстателями ее. Они не были хозяевами, а приказчиками и коммивояжерами русской революции». Пасманик страстно и с горечью обращается к идейным антисемитам с призывом: «Но пусть русские антисемиты поймут, как тяжело было нам, евреям, проявить жертвенность, которая так грубо отвергалась той же Доброармией». И как ни странно, кое-кто из патентованных антисемитов это услышал. Как вспоминает Пасманик: «В один прекрасный день является ко мне в редакцию человек в краснокрестовской форме и в присутствии всех своих сотрудников бросается меня обнимать и целовать. Я его сразу не узнал. “С кем имею честь…” — начал я. “Я — Пуришкевич”, — воскликнул он, сжимая мне руки. — “А вы знаете, что я жид?” — сказал я. — “Да что там жид, вы — еврей, перед которым я преклоняюсь!”». Такая встреча с Пуришкевичем — одним из самых активных глашатаев антисемитизма в Государственной думе — не была прощена и забыта его бывшими друзьями и сторонниками по еврейскому делу до конца его жизни. Однако Пасманик не только в этом не раскаивался, но и приводил довольно странные для идеолога сионизма слова в оправдание Белого движения: «Я вижу в большевизме смертельную опасность для России, **для моей родины, для той страны, в которой я родился и чьей культурой я напоил свою душу.** Я вижу в большевизме смертельного врага не только России, но и русского еврейства с его национально-духовной культурой и экономическими особенностями» (выделено мной. — *В. В.*).

В своем стремлении выдавать желаемое за действительное Пасманик, уже находясь в эмиграции в Париже и став заместителем редактора проденикинской газеты «Общее дело», дошел даже до того, что писал в 1919 г., будто армия Деникина «несет с собой идею государственности, идею гармоничного объединения всех классов, народностей и вероисповедных групп в единое целое. Этой идее культурной государственности глубоко противоречат еврейские погромы. Поэтому, несмотря на антисемитское настроение тех или иных офицеров или солдат, армия в своем целом не допустит погромов».[15]

(В действительности, как отмечается в исследовании Козерода и Бриманса, в 1919 г. «погромы, производимые добровольцами (деникинцами) — это погромы, в которых участвуют исключи-

[15] *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми. С. 70, 205, 206, 364.

тельно военные. В этом их главная особенность, отличающая эти погромы от столь же многочисленных и не менее кровавых погромов петлюровцев, григорьевцев и пр. … Относительно постоянно повторяющейся особенностью добровольческих погромов является стремление солдат не столько к грабежу, сколько уничтожению материальных благ, поджогам и так далее. Другой отличительной чертой погромного дела Добровольческой армии являются повсеместные случаи изнасилований. Если в Житомире и Елисаветграде — в погромах Григорьева — случаи изнасилования встречаются очень редко, то в местечках, погромленных добровольцами, насчитывается от 50 до 100 % изнасилованных от общего числа женского населения местечек»[16]).

Нечего поэтому и говорить, что такая позиция Пасманика была отвергнута подавляющим большинством русско-еврейской эмиграции, центром которой в начале 1920-х гг. был Берлин. Как пишет исследователь истории тогдашнего «русского Берлина» К. Шлегель, «В глазах внешнего мира российские евреи имели двоякий облик: они были представители большевистского режима и мишень антиеврейских погромов, представали и как ненавистные палачи красного террора, и как заслуживавшие сочувствия жертвы разнузданной черни. Любая попытка занять третью позицию могла рассматриваться как предательство еврейского дела и жертв погромов».[17] В ходе дебатов «О русской революции и российских евреях», состоявшихся в Берлине в 1923 г., нашлась небольшая группа видных публицистов и мыслителей, занявших эту третью, самую трудную и всеми отвергнутую третью позицию. Присутствовавший на одном из заседаний еврейский историк С. М. Дубнов, выражая всеобщее мнение, назвал их «еврейскими реакционерами» и с гневом осудил их. Однако ораторы И. М. Бикерман, Г. А. Ландау, И. О Левин, Д. О. Линский, В. С. Мандель, Д. С. Пасманик не отступали и нашли смелость опубликовать свои доклады отдельной книгой.[18]

Главный тезис «третьей позиции» сформулировал видный общественный деятель и публицист, убежденный демократ и, в отличие

[16] *Козерод О. В., Бриманс С. Я.* Деникинский режим и еврейское население… С. 20–21.

[17] *Шлегель К.* Берлин. Восточный вокзал. М., 2004. С. 391–392.

[18] Россия и евреи. Сборник первый. Отечественное объединение русских евреев за границей. Berlin, 1923; Переизд. — Paris: YMCA–PRESS, 1978 (далее в этой главе ссылки на книгу приводятся в тексте с указанием только страниц).

от Пасманика, противник сионизма И. М. Бикерман, утверждавший, что евреи России не должны только ссылаться на свои бедствия во время «всероссийского погрома»: «Нужно еще прибавить, что евреи были не только объектом воздействия во время этой затяжной смуты. Они также действовали, даже чрезмерно действовали. Еврей (Л. Д. Троцкий — *В. В.*) вооружал и беспримерной жестокостью удерживал красные полки, огнем и мечом защищавшие «завоевания революции»; по приказу этого же еврея тысячи русских людей, старики, женщины, бросались в тюрьмы, чтобы залогом их жизни заставить русских офицеров стрелять в своих братьев и отдавать честь и жизнь свою за злейших своих врагов. Одним росчерком пера другой еврей (видимо, Г. Е. Зиновьев — *В. В.*) истребил целый род, предав казни всех находившихся на месте, в Петрограде, представителей дома Романовых, отнюдь не различая правых и виноватых, не различая даже причастных к политике и непричастных к ней» (с. 71).

Однако из всех авторов книги наиболее интересна все же позиция Пасманика, поскольку он был, в отличие от других авторов, активным и искренним сторонником сионистской идеи и при этом не только публицистом, но и реально действующим политиком. Прежде всего, отметим характерное название его статьи: «Чего же мы добиваемся?» — призыв к активному действию, а не общекультурные и исторические рассуждения. Именно такой характер носят названия статей других авторов сборника: «Россия и русское еврейство» (И. Бикерман), «Революционные идеи в еврейской общественности» (Г. А. Ландау), «Евреи в революции» (И. О. Левин), «О национальном самосознании русского еврея» (Д. О. Линский), «Консервативные и разрушительные элементы в еврействе» (В. С. Мандель). Для Пасманика подобные проблемы, при всей их важности, представляются сегодня неактуальными. С самого начала он решительно выступает против считавшегося тогда аксиомой утверждения, что евреи — виновники русской революции. К его удивлению, в это поверила и сама еврейская масса, что нашло отражение даже в еврейском фольклоре того времени. Образцы его Пасманик приводит по материалам еврейских газет. Например: «если за столом сидят шесть комиссаров, что под столом? — Двенадцать колен Израиля», «Что такое трест? — Троцкий разрешил евреям торговлю» (с. 209). Однако автор при этом подчеркивает: «Плохо, или хорошо, но последние полстолетия русское еврейство принимало деятельное участие в жизни России, и поэтому оно ответственно — вместе со

всем русским народом и со всеми инородцами, населяющими Россию, — за все ее радости, но и за все печали. И если евреи проявили больше активности, чем вотяки, мордва, зыряне и т. п., если они не считались с процентной нормой — в добре или зле, — то это может лишь поднять их гордость. От ответственности может отказаться лишь тот, который не способен ни к какой действенности, или же от нее сознательно отказался» (с. 211). Он далее продолжает: «Очень правильно было подмечено: само появление большевизма было результатом особенностей русской истории, “русского” национального духа, но организованность большевизма была создана отчасти деятельностью еврейских комиссаров. В этом отношении деятельность одного Троцкого, в качестве военного министра, имеет далеко не второстепенное значение. Ответственно ли еврейство за Троцких? Несомненно. Как раз национальные евреи не отказываются не только от Эйнштейнов и Эрлихов, но и от крещенных Берне и Гейне. Но в таком случае они не имеют права отрекаться от Троцкого и Зиновьева» (с. 212).

С особой страстностью пытается Пасманик доказать своим оппонентам левого толка непримиримость большевизма и иудаизма. Он пишет, что «если верно, что идеология большевизма враждебна основам и всему мировоззрению иудаизма, то ясно, что победа большевизма обозначала бы смерть иудаизма, следовательно, и еврейства. Оно так и есть: духовный разгром иудаизма большевиками куда опаснее для русского еврейства, чем все погромы» (с. 214). При этом он с горечью отмечает, что борьба против иудаизма ведется прежде всего с помощью еврейских коммунистов. По мнению Пасманика, еврейская жизнь целиком обусловлена неприкосновенностью личной свободы и культурной личности. Он даже делает предположение, что террористические акты еврея Канегиссера против Урицкого и еврейки Каплан против Ленина подсознательно вызваны инстинктом тысячелетней культуры вынужденных бороться против торжествующего хама некультурности.

Касаясь Белой армии, он с горечью признает, что она «была загипнотизирована Троцким и Нахамкесом, что привело ее к отождествлению всего большевизма с еврейством, следствием чего были погромы, развившиеся очень легко, благодаря общему развалу нравственных устоев в пекле гражданской войны» (с. 216). Но, по его утверждению, еврейский ответ на это — «большевизм плох, но все же лучше всего другого» —был глубоко ошибочным. По мнению

Пасманика, именно такая ошибочная позиция приводит к массовому антисемитизму населения России, питаемому именно большевизмом, отождествляемым с евреями. Свой вывод он формулирует четко: «*судьбы русского еврейства неразрывно связаны с судьбой России; надо спасать Россию, если мы хотим спасти еврейство; спасение России возможно только путем свержения советской власти; евреи должны бороться с растлителями великой страны плечо о плечо со всеми антибольшевиками; совместная дружная борьба с общим врагом оздоровит атмосферу и значительно ослабит разлившийся широкой волной антисемитизм; только спасая Россию, можно будет предотвратить еврейскую катастрофу; спасение еврейства не в большей или меньшей степени республиканизма и демократизма, а в укреплении законного порядка и культурного творчества. … Лишь под этим знаменем мы спасемся*» (выделено Пасмаником, с. 217–218). Он далее предупреждает, что время не ждет, поскольку, по его мнению, падение советской власти неизбежно в самое ближайшее время и от поведения самих евреев зависит их судьба. Но в конце концов он надеется, что «мыслящие русские люди сделают из этого правильный вывод» (с. 227)

Есть и еще одна поразительная нота в рассуждениях Пасманика, так много сделавшего для торжества дела сионизма в России. Он заканчивает свой призыв глубоко и горячо прочувствованными словами, обращенными к сионистам: «…нельзя шутить со словом “родина”. Если Россия нам не родина, тогда мы иностранцы и уже наверное не имеем права вмешиваться в жизнь страны. А между тем сионисты формулировали программы касательно государственного устройства России … и выбирали депутатов во всероссийское Учредительное собрание, как прежде в первую Государственную думу. … Одно из двух: либо иностранцы без политических прав, либо русское гражданство, основанное на любви к родине. Третьей возможности нет» (с. 228).

Не следует полагать, что только крошечная группа авторов Берлинской группы выражала идеи беззаветной любви многих евреев к столь неласковой к ним России. На самом деле разделявших такие взгляды было гораздо больше. Вот характерный фрагмент из воспоминаний известного в свое время писателя А. В. Амфитеатрова, искреннего демократа, противника царского режима, решительно не принявшего власть большевиков. Рассказывая о жизни в голодном Петрограде в 1917–1921 гг. под властью Г. Е. Зиновьева, он с осо-

бой теплотой вспоминал Абрама Евгеньевича Кауфмана, секретаря Дома литераторов, не считавшегося ни с самолюбием, ни с утомлением в ходатайствах за погибающих и в своих усилиях накормить голодающих. Он пишет «Как-то раз шли мы с ним из Дома литераторов по Литейной, и он спокойно рассказывал мне, как ему не удалось выхлопотать у Зиновьева ходатайство перед Чрезвычайкою за одного журналиста. Три раза ему был назначен прием, и три раза он не застал Зиновьева в назначенное время. На четвертый раз он долгие часы прождал в приемной, прежде чем удостоился узреть ясные очи петроградского диктатора и — получил отказ! — "Что же Вы думаете теперь делать?" — спросил я. А он — с невозмутимой ясностью: — "А я завтра опять пойду"…».

Показательны дальнейшие размышления Амфитатрова: «Есть на Востоке пословица: "Когда еврей хорош, лучше его не бывает человека на свете, когда еврей плох, на свете не найти человека хуже его". Я думаю, что когда Кауфман беседовал с Зиновьевым, то обе половины этой пословицы находили себе живое подтверждение и воплощение. … О достоинствах Кауфмана как еврея, конечно, евреям же и надо судить, но в наших русских глазах, он был хороший, очень хороший еврей — и такой же хороший русский интеллигент-патриот, в самом лучшем значении последнего слова. Кровно сроднившийся с культурными традициями старой русской интеллигенции, страстный обожатель и знаток русской литературы, типический либерал-семидесятник, он любил Россию, если можно и понятно будет так выразиться, по-некрасовски, связанный с "родиной-матерью" неразрывной пуповиной. Он откровенно говорил мне, что не представляет себя в эмиграции. — "Знаю, что там и дело мне найдется, и средства кое-какие будут, и люди некоторые мне близки и рады, и, наконец, удалясь от здешних дел, я, наверное, сберегу года два-три жизни, но … как же без России? Без этой поганейшей и возлюбленнейшей России, черт бы ее побрал и Господь ее благослови?! Не могу, задохнусь…»[19]

Однако совсем другое отношение Пасманик и другие патриоты встретили со стороны идеологов и вождей Белого дела. Высланный за границу на «философском» пароходе советскими властями философ И. А. Ильин в «Записке о политическом положении», адресован-

---

[19] *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного себя и для многих. М., 2004. Т. 2. С. 229–233.

ной в 1923 г своему кумиру — последнему командующему Белыми войсками генералу П. Н. Врангелю — полагал, что антибольшевистски настроенные евреи могли быть полезны, «если б сумели обеспечить себе гарантию от грядущей расправы»; «нащупывая почву для этого, они выдвинули … “Покаянную группу патриотов” (Пасманик, Бикерман, Ландау, Мандель), ловко провоцировавшую (! — *В. В.*) правых на публичные выступления; эта группа, “защищающая” Белую Армию, пользуется известным, хотя и совершенно необоснованным (! — *В. В.*) доверием у некоторых почтенных общественных деятелей». Показателен и ответ Врангеля, признавшего анализ Ильина «глубоким и блестящим».[20] К этому надо добавить, что барон Врангель считался самым умеренным из руководителей Белого движения. В общем, протянутая рука Пасманика и его единомышленников была белыми отвергнута со смехом и презрением.

Аналогичного отношения можно было бы ожидать от всех прежних соратников и друзей Пасманика по национальному и сионистскому делу. Но здесь судьба оказалась более милостивой к нему. Лучшие и самые прочувствованные слова о Пасманике, ушедшем из жизни в 1930 г., были сказаны в некрологе его главным оппонентом — пламенным сионистом В. Жаботинским. Там есть такие строки: «Поскольку он свою деятельность контролировал рассудком, “обосновывал”, постольку, я думаю, он отдавал примат еврейскому, а не русскому моменту: считал, что и через русское свое служение служит еврейству. Но в сфере непосредственного служения примата не было. Ту особенную, непередаваемую воспаленность души, которая была самой “восточной”, он отдавал и нам, и России.

Вряд ли счастливо живется такому человеку с двумя пожарами в одной грудной клетке. Я не завидовал и не завидую. Но шапку снимаю: это не порок души, это богатство души; роскошь неудобная, часто губительная, как губительно для человека родиться с талантом музыканта и живописца вместе; но неподдельная роскошь, истинный дар Божий».[21]

Остается добавить, что время все расставило на свои места и нет смысла обсуждать взгляды, надежды и мечты Пасманика и других евреев — патриотов исторической России. Но все же нельзя не признать, что нет, в сущности, в мире ничего более трагического,

[20] *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми. С. 501.
[21] *Жаботинский В. Е.* В. С. Пасманик //Лехаим. М. Июнь 2006. С. 26.

но одновременно и более величественного, чем великая искренняя любовь, даже если она остается невзаимной и неразделенной.

2. ЗАБЛУЖДЕНИЯ, СОМНЕНИЯ И ПРОЗРЕНИЯ ВАСИЛИЯ ШУЛЬГИНА

Судьбоносный для Российской империи XX век особенно интересен тем, что разные слои общества выдвигали зачастую людей, хотя и принадлежащих к различным, даже враждебным лагерям, но во многом психологически родственных. Такими персонажами, на первый взгляд неожиданно, оказались российские деятели той эпохи — сионист В. Е. Жаботинский, эсер-террорист Б. В. Савинков и монархист В. В. Шульгин. Все трое отличались огромной политической активностью, большим литературным талантом, интеллектуальной честностью, страстной преданностью своим убеждениям и готовностью служить своему делу в любом качестве, хотя лучше всего у них это получалось словом русского литератора — публициста и писателя. Кроме этого, их всех объединяло крайне редко встречающееся качество — сохранение до конца жизни чувства «неистребимого романтизма» (удачное определение биографа Шульгина Н. Н. Лисового).

В. В. Шульгин

Никому из них судьба не позволила быть свидетелем воплощения своих идей, однако Василию Витальевичу Шульгину она даровала долгую жизнь — он прожил почти сто лет (13 января 1878 — 15 февраля 1976). Во многом благодаря этому, можно проследить и долгую историю его заблуждений, сомнений и прозрений, тем более, что он оставил большое литературное наследие, причем последняя книга, вышедшая незадолго перед кончиной, так и называлась: «Последний очевидец» (т. е. очевидец XX в.). Надо сказать, что Шульгин был выдающимся общественным и политическим деятелем России, при этом широко и глубоко мыслящим, а потому затрагивающим в своих произведениях многие стороны судеб России. Отметим только главные его книги: «Дни» — о революции 1905 г., «1920» — о гражданской войне (обе книги изданы в одном томе; М., 1989), «Три сто-

лицы» —о нелегальном посещении СССР в 1925 г.(М., 1991), «Что нам в них не нравится» — недоброжелательная книга о российских евреях, получившая одобрение среди антиеврейских кругов в постперестроечной России (М., 1994), «Письма к русским эмигрантам», написанная после освобождения из советской тюрьмы (М., 1956), и, наконец, вышеупомянутая книга «Последний очевидец» с характерным подзаголовком «Эпохи судьбы» (М., 2002). Содержание этих книг, написанных на протяжении более 50 лет сложной противоречивой эпохи, конечно, вызывают у читателя различные чувства — от негодования до полного одобрения. Однако везде автор демонстрирует искренность, честность даже в своих заблуждениях и, главное, великолепное владение пером, что делает его книги отличными образцами русской мемуарной литературы.

Василий Витальевич молодость и зрелые годы провел в так называемом Юго-Западном крае — важнейшем регионе пресловутой «черты оседлости евреев» в Российской империи. Он родился в семье профессора Киевского университета, основателя и издателя газеты «Киевлянин». После смерти отца его отчимом стал тоже профессор, экономист Д. И. Пихно. После окончания Киевского университета Шульгин некоторое время хозяйствовал в своем имении в Волынской губернии. В 1907 г. был выбран депутатом Государственной думы. Затем «монархист» Шульгин после февральской революции 1917 г. принимал отречение от престола царя Николая II.

Во время гражданской войны Шульгин активно участвует в белом движении и после его катастрофы эмигрирует. Там, в эмиграции, в своих книгах «Дни» и « 1920» он показывает причину поражения и царизма, и белых. Следует отметить что эти книги были опубликованы в СССР при жизни Ленина. После нелегального посещения СССР, описанного в книге «Три столицы», он отходит от политической деятельности и поселяется в сербском городке Сремские Карловцы. В 1944 г. был арестован советскими властями и «за антисоветскую деятельность» осужден; находился в заключении до 1956 г. После освобождения проживал во Владимире до своей кончины. Его книга воспоминаний «Последний очевидец» вышла уже посмертно.

В своей литературной и публицистической деятельности Шульгин уделил много места так называемому «еврейскому вопросу». Это не должно нас удивлять, поскольку еврейская тема была несомненно близко знакома Шульгину как киевлянину — в Киеве ев-

реи, по переписи 1897 г., составляли 12,8 % всего населения, причем среди купеческого сословия (сахарная и мукомольная промышленность) — 44 %, а среди ремесленников — около одной трети общего их числа. В Волынской губернии, где находилось имение Шульгина, евреи составляли 13,1 %, однако в городах их доля доходила до 50 и до 77 % (!). Интересно, что в столице губернии Житомире проживало 17 евреев — купцов первой и второй гильдий, в то время как среди христиан таковых совсем не было.[22] Среди политических оппонентов монархиста Шульгина также было много евреев. Достаточно привести тот факт, что «по данным различных съездов, они составляли от одной четверти до одной трети организаторского слоя всех революционных партий».[23]

Разумеется, материалы на еврейские сюжеты встречаются во всех его книгах, во многих выступлениях, и общий обзор их занял бы много места. За это он получил от газет либерального направления прозвища «монархист», «националист» и даже «черносотенец». Нет нужды обсуждать его тогдашние речи и статьи. Тем не менее этот «националист и черносотенец» совершал весьма странные для приверженцев таких взглядов поступки.

В разгар киевского погрома 19 октября 1905 г. небольшая горстка солдат под командованием призванного офицера запаса В. В. Шульгина с огромным риском для себя давала отпор разъяренной толпе погромщиков. В часы затишья, как вспоминает Шульгин, «в противоположность дням допогромным каждый еврейский дом добивался, чтобы караул поставили у него». Во время пребывания караула в одном из домов, у Шульгина состоялся разговор с хозяином — старым евреем. Говоря о революционерах, в том числе и еврейских, старик «неожиданно разразился: “Ваше благородие, как их можно удерживать! Я — старый еврей. Я себе хожу в синагогу. Я знаю свой закон… Я имею Бога в сердце. А эти мальчишки! Он себе хватает бомбу, идет — убивает… На тебе — революцию делает… Ваше благородие… Так что же. В чем дело?! Всех их, сволочей паршивых, всех их как собак перевешать надо. И больше ничего, ваше благородие”.

С тех пор, когда меня спрашивают: “Кого вы считаете наибольшим черносотенцем в России?” — я всегда вспоминаю этого еврея. … И еще я иногда думаю: ах если бы “мальчишки”, еврейские и рус-

[22] Киев. Волынская губерния // Еврейская энциклопедия. Т. 9. Стб. 515–530.

[23] *Покровский М. Н.* Русская история в самом кратком изложении. М., 1967. С. 336.

ские, вовремя, послушались своих стариков — тех, по крайней мере, из них, кто имели или имеют “Бога в сердце”».[24] Второй эпизод случился во время пресловутого дела Бейлиса, невинно обвиненного в ритуальном убийстве. После его оправдания по суду выяснилось, что старший прокурор палаты Чаплинский уговаривал судебного следователя В. Фененко и грозил ему, решительно отказывавшемуся признавать факт наличия изуверства. Тогда В. В. Шульгин, ставший редактором газеты «Киевлянин», выступил в газете со статьей, в которой резко и решительно осудил Чаплинского за давление на совесть честного следователя и заключение в тюрьму неугодных прокурору опытных сыщиков. Надо сказать, что статья была объективно направлена против и самого министра юстиции И. Г. Щегловитова, вдохновителя всего этого дела. Власти ответили репрессиями: «монархист» и «националист» В. В. Шульгин был предан суду и 20 января 1914 г. за «заведомо ложные» обвинения приговорен к трехмесячному заключению, хотя как депутат Государственной думы не мог быть судим без ее разрешения.

Безусловно, что человек и политический деятель, способный на такие поступки, заслуживает того, чтобы быть выслушанным, даже если его тогдашние взгляды насыщены сословными предубеждениями и заблуждениями.

В полной мере его взгляд на евреев и еврейство проявились в книге «Что нам в них не нравится» (Париж, 1929; переиздание: М., 1994). Она написана в ответ на обращение статьи в эмигрантской газете «Последние новости» от 29 мая 1928 г., за подписью еврея С. Литовцева, также эмигранта, с предложением объяснить, что, собственно, русским антисемитам не нравится в евреях. Шульгин вызов принял и ответил этой книгой.

В начале Шульгин честно заявляет: «Я антисемит», и добавляет: «имею мужество об этом объявить всенародно». После этого он говорит, что он антисемит «довоенный», имеется в виду — до Первой мировой войны. При этом Шульгин тут же поясняет, что, по его мнению, бывает антисемитизм расовый или инстинктивный, антисемитизм политический, и антисемитизм мистический.

О первом антисемитизме, при котором евреи не нравятся потому, что их просто «не переносят», он пишет: «я лично плохой расовый антисемит. Может, это потому, что я родился и вырос в Юго-За-

[24] *Шульгин В. В.* Дни. 1920. М., 1989. С. 109.

падном крае, и мне приходилось иметь много общения с евреями; может быть потому, что со школьной скамьи у меня были друзья евреи; но только того физического, инстинктивного отталкивания, которое наблюдается у многих по отношению к евреям, я не ощущаю … может быть здесь сыграло роль и то обстоятельство, что я лично, не как гражданин рухнувшей Российской империи, а просто как некий человек, видел от евреев не только зло, но и добро».[25]

О политическом антисемитизме Шульгин в своей книге говорит гораздо подробнее и охотнее. По его наблюдению, до революции антисемитизм был присущ:

«1. Географически — черте оседлости, т.е. южной и западной России;

2. Этнографически — малорусскому (украинскому) и отчасти белорусскому и польскому населению;

3. Политически — правому крылу».[26]

По его утверждению, в послереволюционное время антисемитизм распространился и на Великороссию и стал общерусским явлением. Не вдаваясь в обсуждение этого, отметим только, что Шульгин видит объяснение в руководящей роли евреев в русской революции — впрочем, не только их . Он пишет, что после начала революции: «Каждый новый день и новый час приносил подтверждение этого наблюдения. Движимые каким-то неудержимым напором, евреи поползли “наверх”. Точного их “процента” никто не подсчитал, но впечатление было оглушающее. … У живых свидетелей, у очевидцев, от этого времени осталось неизгладимое впечатление: евреи и грузины, грузины и евреи… Впоследствии к этому припутались латыши, китайцы, поляки… Поляки засели преимущественно на верхах Чека и провели памятную борозду. Латыши сравнительно быстро куда-то скрылись. Китайцев тоже сплавили. Но “евреи и грузины — грузины и евреи” остались и по сю пору (1929 г. — *В.В.*). Что же такое сия пресловутая борьба Бронштейна (Троцкого) и Джугашвили (Сталина), как не старая погудка на новый лад. Евреи и грузины — грузины и евреи…»[27]

Шульгин искренне верит, что этот процесс начался еще в дореволюционные времена и не только среди революционеров. Он пишет: «Меня всегда удивляло, когда люди удивлялись, каким об-

---

[25] *Шульгин В.В.* Что нам в них не нравится. С. 17.
[26] Там же. С. 50.
[27] Там же. С. 54.

разом после февральской революции 1917 г. всюду очутились евреи в качестве руководителей (эта же традиция перешла и к большевикам, когда свершилась революция октябрьская). Эти удивляющиеся люди как будто бы проспали четверть века! Они не заметили, как еврейство за это время прибрало к своим рукам политическую жизнь страны. Когда собралась Государственная дума и в Таврическом дворце появилась так называемая "ложа печати", то иные остряки немедленно ее окрестили "Чертой оседлости". Трудно было придумать название более удачное. Действительно, если судить по корреспондентам, присланным в парламент, русская печать в то время была в еврейских руках. И как бы для того, чтобы это еще более пояснить недогадливым, влиятельнейшая петербургская газета, орган кадетской партии под редакторством П. Н. Милюкова («Речь». — *В. В.*), выходила с ежедневным подзаголовком "Основана Баком"».[28] Так что и умеренная буржуазно-либеральная партия кадетов также, по мнению Шульгина, попала в еврейские руки.

Уже после начала гражданской войны Шульгин не отрицает антисемитизма белой армии и оправдывает это тем, что евреи являются хребтом коммунистической партии и белые «не могли не понимать, что если выдернуть евреев из игры, то Красные рассыплются. Против этого утверждения можно спорить сколько угодно. … Если это и не соответствует действительности, то все же убеждение , что это именно так, твердо укоренилось в Белых умах».[29] («Красные» и «Белые» Шульгин пишет с прописной буквы. — *В. В.*)

Надо сказать, что Шульгин в глубине души понимает: такое утверждение оскорбляет русский народ, превращая его в безвольную игрушку чуждых сил. И, как честно мыслящий человек, он не скупится в критике русского национального характера.

Вот его самый безобидный упрек. Шульгин приводит пример из личной практики. На мельницах, принадлежавших его семье, они не были торговцами мукой, а только ее мололи. Коммерческой частью занимались евреи. Были это люди с маленькими капиталами, поэтому приходилось работать компаниями — человек до десяти. Шульгин пишет: «Можно себе представить, как пошло бы дело, если бы эти 10 человек были русскими: у них по каждому вопросу было бы одиннадцать "особых мнений"; причем каждый защищал

[28] Там же. С. 71–72.
[29] Там же. С. 107.

бы “свою точку зрения” до судорог; а компаньоны разошлись бы “злобно, врагам наследственным подобно”. Разве не так? Иностранцы давно подметили эту черту: Где русский, там талант или гений; где двое — там обессиливающий обоих спор; где много русских — общественный скандал!

У наших перемольщиков-евреев было не так. … В дни (каждый год), когда пересматривались условия нашего с ними соглашения, так называемая «еврейская контора», где сосредоточены были все дела компании, была ареной бурных прений: они так кричали, что сквозь наглухо закрытые окна доносился неистовый вопль на улицу. … Это занятие иногда продолжалось много часов; после окончания сего “долгого парламента” перемольщики выходили из конторы осипшие и бледные, но совершенно для внешнего мира во всем согласные. … И так-то дело у нас с ними шло много лет. “Киевлянинский” (“Киевлянин” — газета Шульгина) антисемитизм не мешал ни им, ни нам. Ибо сей антисемитизм был направлен не против этих честных людей, зарабатывавших при нашем посредстве честный кусок хлеба, а против Винаверов, Гессенов (Винавер и Гессен — деятели кадетской партии. — *В. В.*) и прочих, претендовавших быть руководителями русской политической жизни, имея для сего только одно основание: свирепую ненависть к русскому правительству».[30]

Еще Шульгин признает превосходство способностей евреев в газетном деле, т. е., говоря по-современному, в области средств массовой информации. Он сам, опытный газетчик, утверждает важность этого: «Кто владеет печатью, тот, конечно, не всегда владеет умами, но тот, кто владеет умами, наверное владеет газетой». (Сегодня с еще большим основанием можно добавить: владеет телевидением.) Тут он продолжает: «евреи выучились у нас писать. Если в настоящее время есть евреи, которые пишут на русском языке интересные книги и грамотные статьи, то не от «жаргонных» же искусников они вышколились. Их учителя — Пушкин и иже с ним и после него. Мы должны выучиться у евреев, как делать хорошую, т. е. интересную, достигающую своей цели (первая цель газеты, чтобы ее читали) однодневную бабочку, именуемую прессой».[31]

Однако при всех обвинениях евреев, доходящих иногда до откровенных нелепостей, Шульгин самым решительным образом вы-

[30] Там же. С. 286–287.
[31] Там же. С. 297–298.

ступает против еврейских погромов, в частности, со стороны белой армии. По его мнению, «к Белым примкнули Серые и Грязные, для которых война это садизм, грабежи и убийства. … Подлинные Белые виновны только в том, что недостаточно властно осаживали мразь, затесавшуюся в Белый лагерь; недостаточно сурово держали в руках элементы, от которых избавиться нельзя, но которых надо содержать в тем большей строгости, чем больше они проявляют боевой лихости. Это боевое мужество, когда оно обращается столько же на врага, сколько на беззащитные тылы, также полезно, как и пушка, которая одинаково бьет из дула и с казенной части». Правда, он честно признает, что разложение белой армии зашло так далеко, что даже один из ее генералов высказал мнение: «мне порой кажется, что необходимо расстрелять одну половину армии, чтобы спасти другую».[32]

И еще характерное признание: «мы с негодованием отгораживаемся от большевиков и утверждаем, что ничего с ними общего не имеем; в деяниях их абсолютно неповинны. Но если посмотреть на дело несколько глубже, то легко прийти к выводу, что каждый русский, будь он сто тысяч раз эмигрант и антибольшевик, в известной мере связан с большевиками, т. е. несет долю ответственности за их деяния».

Завершая свои рассуждения об антисемитизме политическом, т. е. связанном с конкретными историческими условиями политической борьбы во время жесточайшей гражданской войны, Шульгин все-таки считает нужным заявить: «…необходимо сознавать, что все люди, все человеки; и что антисемитизм … послан нам свыше не для "истребления евреев", а, наоборот, для того, чтобы сделать из них полезных и приятных сограждан … *показав им в антисемитическом зеркале истинное (а не воображаемое ими в самообольщении)* их изображение.

Эту же цель, впрочем, имеет и *антируссизм* — явление в наши дни здоровое и необходимое»[33] (выделено Шульгиным. — *В. В.*).

Как известно, враждебность по политическим мотивам неизбежно теряет свою остроту со временем, когда меняется сама политическая ситуация и многое предстает в другом свете. Конечно, изменить свои взгляды способен только умный человек, а Шульгин

---

[32] Там же. С. 111–113.

[33] Там же. С. 300.

таковым был в полной мере. О том, как он изменился в конце своей долгой жизни, скажем позднее. Пока, что обратимся к третьей части его книги — антисемитизму иррациональному или трансцендентальному. Хотя она самая небольшая, но, на мой взгляд, самая примечательная.

Шульгин рассматривает в этом разделе русско-еврейские отношения с «наднациональной» точки зрения. «Гибель Российской империи показала, что наши беды произошли не вследствие какого-нибудь "землетрясения", а вследствие наших собственных несовершенств. И вот в это время находиться в самовосхищении и считать, что мы, русские, — соль земли, а прочие народы — мразь, гниль и ничтожество — честное слово, мне кажется, что это старая погудка на новый лад ! Мракобесие акт второй!».[34] После таких слов приходится удивляться, почему Шульгина считают идеологом русского национализма (правда, следует заметить, что под русскими он понимает также украинский и белорусский народы).

Рассуждая как истинно верующий христианин, он охотно признает, что евреи справедливо почитаются избранным народом, «потому, что именно в их среду Господь сошел, чтобы воплотиться и вочеловечиться, родившись от Еврейки Мириам, как об этом учит наша религия. Евреи считаются избранным народом и потому, что ближайшие ученики Спасителя Мессии, т. е. апостолы и евангелисты, были по крови евреи». Мысли такие, правда, не новы для образованных и добросовестных религиозных людей. Шульгин продолжает: «Смешно говорить о "слепом антисемитизме" людей, которые, как, например, мы, киевляне, гордятся тем, что, (по преданию) апостол Андрей Первозванный, прибыв на берега Днепра, благословил необитаемые леса и горы, предсказав, что на сем месте будет великий славный град (Киев). Кто был этот человек? Бедный еврей, рыбак с Генисаретского озера».

Но, конечно, как полагает Шульгин, евреи не годятся в наставники России. Он утверждает, что современные евреи обладают самыми различными способностями; «во многих отношениях (этот народ) достоин всяческого подражания — хотя бы в том отношении, что евреи искренне любят друг друга; народ этот обладает огромной волей и удивительной выносливостью; его природе свойственна великая трудоспособность, ненасытная любовь к деятельности; нервная

[34] Там же. С. 319–320.

сила его необычайна, и в этом отношении он превосходит, кажется, все другие народы; но…»[35] Конечно, такие слова представляют собой смесь реального и фантастического. Но совершенно нелепа идея, которая могла родиться только в мозгу распаленного социальной ненавистью эмигранта: революцию совершили главным образом инородцы, прежде всего, евреи. Главным же пороком современных евреев, по мнению Шульгина, является их приверженность Золотому Тельцу, материализму, одной из разновидностей которого он считает учение Карла Маркса. Обсуждать эти мнения, конечно, бессмысленно, тут говорит «злоба дня».

Интересно другое — верующий христианин, воспитанный на Библии, Шульгин искренне придерживается идеи, что народ, в среде которого созданы десять заповедей, способен и должен отличаться не только умом и предприимчивостью, но и нравственным превосходством. Он пишет: «Рад бы снова преклониться перед апостолами из евреев, как уже мы преклонялись; рад бы, чтобы Киев вторично благословил Андрей Первозванный»

Вся книга заканчивается ответом С. Литовцеву на его вопрос: «Что вам в нас не нравится», высказанным следующими словами:

«Хотя мы сами злы, как демоны, и слабы, как дети, но нравятся нам Сила и Добро. Мы и друг друга ненавидим именно за то, что во всех нас — бессильное зло. Вы — *уже сильны: научитесь быть добрыми, и вы нам понравитесь*… (выделено самим Шульгиным. — *В. В.*)»[36].

Потребовались испытания Второй мировой войны, многие годы тюрьмы и долгая жизнь, чтобы Шульгин поменял представление о том, кто на самом деле был *сильным и добрым.* Об этом он и сообщил в Постскриптуме к сочинению «Что нам в вас не нравится», помещенном им в своей последней, вышедшей посмертно книге «Последний очевидец».

До сих пор мы говорили о сомнениях Шульгина. Прозрения, конечно, начались еще до Второй мировой войны. Слишком явно в ведущей стране Европы — Германии — антисемитизм, называемый им «расовым», стал доминирующей идеей основной части общества. К тому же оказалось, что евреями дело не ограничилось. Вожди Германии объявили расово неполноценным и народ его страны — Рос-

[35] Там же. С. 323, 324, 329.
[36] Там же. С. 340, 344.

сии, пусть даже и ставшей Красной. Часть русских эмигрантов в своей ненависти к Советской власти дошла до согласия сотрудничать с теми, кто хотел уничтожить не только правителей, но и саму страну. Иначе говоря, они ничего не забыли, но и ничему не научилась.

Честность и ум Шульгина удержали его от такого шага. Как было сказано, он практически отошел от активной политической деятельности и поселился в небольшом сербском городке Сремские Карловцы. Здесь он воочию убедился, что представляет собой нацистская теория на практике. Как он пишет, «мне удалось не поклониться Гитлеру. Его теория о том, что немецкая раса, как сероглазая, призвана повелевать над людьми с темными глазами, казалась мне непостижимо нелепой».[37] Гитлеровскую политику здесь проводили руками хорватских фашистов (усташей), что делало ее не менее жестокой не только в отношении местных евреев, но и сербов. Шульгин приводит характерный отрывок из статьи хорватской газеты: «Раньше о дурных людях надо было нанизывать много слов, чтобы сделать точную их характеристику. Например: убийца, грабитель, вор, мошенник, негодяй и т. п. Сейчас достаточно сказать два слова: он серб! И все будет ясно и точно». По словам Шульгина, у него не хватило мужества протестовать против всего этого громогласно и публично, поэтому он не считал себя героем.

Свой арест и дальнейшую судьбу Шульгин описал с хорошим чувством юмора. Три месяца советские воины, освободившие городок, смотрели на эмигрантов как на музейные экспонаты и, соответственно, относились к ним довольно бережно. Но 24 декабря 1944 г. Шульгин, которому было уже 67 лет, как обычно, отправился за три километра, чтобы купить литр драгоценного тогда молока. По возвращении, у самого дома его остановил дежурный советской комендатуры и предложил пройти к коменданту. На просьбу разрешить занести домой «кантицу», т. е. посуду с молоком, солдат сказал, что Шульгина вызывают на 5 минут. Однако эти 5 минут растянулись на всю оставшуюся жизнь Василия Витальевича. В комендатуре он был арестован, самолетом доставлен в Москву вместе с уже пустой «кантицей». Там он предстал перед следователями, которые установили его «30-летнюю (1907–1937) враждебную коммунизму и антисоветскую деятельность». Хотя, по воспоминаниям Шульгина, прокурор признал, что «ну, это “дела давно минувших дней”», приговор

[37] *Шульгин В. В.* Письма к русским эмигрантам. М., 1961. С. 11.

пресловутого «Особого совещания» был для того времени стандартным — 25 лет тюрьмы.

Он оказался во Владимирской тюрьме для политических заключенных. Чтобы показать заключенному, что каждый входящий в эти стены должен оставить все надежды, даже оконные решетки были закрыты особым «намордником», лишавшим узников возможности видеть дневной свет. К тому же их по временам преследовало чувство голода. В таких условиях только интеллектуально богатый и духовно сильный человек может написать подобно Шульгину в своих воспоминаниях: «Тюрьма — великолепное место для наблюдения человеческой природы. В тюрьме проводишь с людьми много лет, и притом круглосуточно. На свободе видишь человека урывками. Кроме того, тюрьма крайне обостряет страсти разного вида и одновременно выявляет положительные качества — ум, волю, справедливость и социабельность. И, как повсюду в жизни, несмотря на замки и решетки в тюрьме происходят некоторые явления совершенно неожиданные».[38] Вышел из тюрьмы он досрочно — в 1956 г.

Одним из явлений совершенно неожиданных были прозрения Шульгина и в отношении евреев. Он и здесь оказался последовательно честным, и в 1971 г. (в возрасте 93 лет) написал Постскриптум к книге «Что нам в них не нравится». В начале Постскриптума Шульгин пишет, что он заканчивал ту книгу следующими словами: «в плане мистического антисемитизма нам не нравится, что в евреях мы не чувствуем Благости. Если случится, что они эту благость приобретут, то, надо думать, они нам понравятся» (здесь и далее мы сохраняем написание слова «благость» с прописной или строчной буквы в соответствии с написанием Шульгина. — *В.В.*).

Шульгин вспоминает, что его прозрения продолжились в тюрьме в начале 50-х годов, когда в камере появился один заключенный-еврей. Этот человек, по словам Шульгина, показался всем познакомившимся с ним смягченным «в жестокосердии еврейском до той грани, где начитается Благость».[39]

Нужно сказать, что этим человеком оказался один из вождей латвийского еврейства предвоенного времени — Мордехай Дубин. Биография этого человека интересна сама то себе. Мордехай Дубин (1880–1956) в течение всего периода независимости Латвии был ли-

[38] *Шульгин В.В.* Последний очевидец. М., 2002. С. 25–28.
[39] Там же. С. 564.

дером движения Агудат Исраэль в Латвии и представлял это движение в Латвийском сейме (1919–1934). (Возникшее в 1912 г. всемирное движение Агудат Исраэль ставило своей целью стремление сохранить в современных условиях устои иудаизма в соответствии в талмудическим законодательством — Галахой.) Одновременно Дубин возглавлял еврейскую общину Риги.

Дубин был своего рода культовой фигурой для латвийских евреев. Предоставлю слово моему другу Исааку Клейману, коренному жителю Риги:

> «В довоенной Латвии Дубина знали все. Не помню, чтобы кто-нибудь расспрашивал о Дубине — кто он, откуда. Еврейскую фракцию (в сейме) представляли по крайней мере три депутата: Дубин, Нурок и адвокат Виттенберг, с которым я был вместе в гетто. Были между ними какие-то разногласия, но по многим вопросам они выступали единым фронтом, и главой фракции был Дубин. Говорили, что он слыл первейшим мастером по репликам. И не только по репликам. Ввиду примерного равновесия двух главных партий — социал-демократов и Крестьянского союза, мелкие фракции могли создать перевес, и Дубин умело этим пользовался. Рассказывали, что Дубин предложил советскому полпредству свои услуги при ратификации торгового договора на условии, чтобы в Латвию был отпущен важный раввин (это был глава Хабада Иосеф Ицхак Шнеерсон. — *В. В.*)
>
> Сделка состоялась, договор был ратифицирован, и раввин прибыл в Латвию. В полной мере звезда Дубина взошла после 1934 года (Тогда Карлис Ульманис распустил парламент и политические партии, установил в Латвии режим личной власти. — *В. В.*). Его считали не без основания другом Ульманиса. Поговаривали, что у них общее доходное дело — спиртовой завод под Ригой. Конечно, их связывал главным образом интерес политический. После переворота вся власть по еврейским делам оказалась в руках Дубина. Были закрыты и левая, и правая сионистские газеты — "Фриморгн" и "Овнтпост". Дубин издавал новую и единственную газету "Хайнт". Закрыты были левые еврейские организации, но вскоре они были вновь открыты под другим названием, как я уже упоминал. В нашей школе утренняя молитва проводилась по реформированному обряду; в таком же духе преподавался Закон Божий. Дубин все повернул на строго ортодоксальные рельсы.

Своеобразным явлением был “Шестой Дубинский пехотный полк”, как его в шутку называли. Это был пехотный полк, дислоцированный в Риге в казармах по улице Айвиекстес. В этом полку, кроме обычного, был кошерный котел, т. е. кухня с соблюдением талмудических законов о чистой пище. Чтобы попасть в этот полк, еврею-призывнику и его родителям надлежало обратиться к Дубину. Дубин осведомлялся (не очень строго) о религиозности семьи и включал призывника в список. Не слыхал я о случаях, чтобы Дубинский список был изменен. Пользовались этим не только строго ортодоксальные юноши, коих было не так уж много. Родители ходили к Дубину, чтобы избавить дорогого сыночка или зятя от ужасов службы вдали от дома; “вдали” могло означать Даугавпилс или Резекне. Об этом порядке я знаю не понаслышке — моя мама тоже ходила к Дубину, когда на службу взяли моего шурина Бориса. Тогда призывались мужчины в 21 год.

О других полномочиях Дубина я только слышал от других. Через него шли дела, связанные с торговыми и промышленными лицензиями, связанные с обидами по части налогообложения или по любой другой части и, конечно, все общественные дела и мероприятия, на которые требовалась санкция властей. Обращались евреи по всем делам прямо в учреждения, но наиболее важные из них, видимо, решались не без ведома Дубина. Он же был верховной кассационной инстанцией по всем еврейским делам. Говорили, что Дубин мог позвонить в любую еврейскую фирму и затребовать любую сумму на общественные нужды, и сумма выдавалась немедленно. Вряд ли это преувеличение. Конечно, Дубин знал, кому звонить и сколько требовать. Его авторитет бессребреника и фанатика благотворительности был прочным. В его фигуре и лице некоторых других еврейских коммерсантов строгая ортодоксальность совмещалась с широчайшей филантропией.

Что же касается авторитета Дубина, то помимо всего прочего, ни один еврей не мог быть уверенным, что ему не придется обращаться к Дубину по какому-либо делу.

Когда в Германии начались гонения, Дубин добился у Латвийского правительства разрешения на въезд в Латвию значительного количества еврейских беженцев. Дубин еще купил или арендовал большой жилой дом за Двиной, куда были помещены, наверное, сотни беженцев из Германии, насколько я знаю — поч-

ти или вовсе только мужчины. Их содержала община, но втихомолку они ходили по домам и предлагали всякую мелочь —мыло, расчески и прочее. Побираться, они не побирались. Одеты были скромно, но не бедно, в шляпах, и по-еврейски не говорили».

Дальнейшая судьба Дубина сложилась трагично, хотя и не сразу. Высылка в 1940 г. из Латвии в Сибирь спасла ему жизнь. В 1946 г. он вернулся в Ригу, но через два года был арестован вторично. Краткая еврейская энциклопедия, изданная в Иерусалиме в 1992 г. (репринт — М., 1996) не знает подробностей его жизни после второго ареста и только сообщает о дате его смерти — 1956 г.

Теперь, благодаря характеру и поведению этого человека в годину бедствий, Шульгин и другие сокамерники в печально знаменитой Владимирской тюрьме начали прозревать «Благость» подлинного иудаизма.

Как только Шульгин поселился в камере, в тот же день к нему обратился старик еврей (это был Дубин) и предложил кусок белого хлеба, что считалось в тюрьме щедрым даром. На это Василий Витальевич сначала ответил: «Простите меня, я Вас совсем не знаю и такой подарок от незнакомого человека принять не могу». В ответ он услышал «Зато я Вас хорошо знаю. Я пятнадцать лет был членом рижского парламента, значит, политиком. Поэтому-то я Вас хорошо знаю. И если Вы не примете мой хлеб, то Вы меня незаслуженно обидите». Шульгин на эти слова ответил: «Хорошо. В таком случае давайте». С этого началось их сближение.

Далее следуют постоянно удивлявшие товарищей по заключению и самих тюремщиков поведение и поступки Дубина. Он самым прилежным образом выполнял правила поведения правоверного иудея даже в тех тюремных условиях. Например, он не ел ничего в течение целого дня. Шульгин полагает, что это потому, что нельзя вкушать пищу с неевреями, но на самом деле потому, что тюремная пища была некошерной. Только после всех он один садился за стол и ел свою пайку черного хлеба. Однако в субботу он покупал в ларьке белый хлеб, селедку и сахар. Ведь в субботу надо есть лучше, чем в обычные дни. В субботу он обратился к Шульгину, чтобы тот зажег ему свечу, поскольку верующий еврей, по его мнению, не имел право даже зажечь спичку. Это было работой, запрещенной в субботу. Для выполнения ее за подарки или деньги приглашался нееврей — так называемый «шабес-гой». Шульгин с удовольствием стал таким ша-

бес-гоем и зажигал ему свет. Дубин за это настоятельно благодарил его всегда белым хлебом и сахаром.

Но особенно поразившим Шульгина случаем был следующий. Получилось так, что раньше в камере Дубина были исключительно немцы; в то время это могли быть военные преступники. Скорей всего, это получилось случайно. На вопрос, как сложились у него отношения с сокамерниками, Дубин ответил:

> «Я насчитал, что немцы убили сто моих родственников. Уцелела только моя родная сестра, убежавшая в Москву. Она и посылает мне деньги, на которые я могу покупать в ларьке … в известных пределах… В законе сказано: “Голодного накорми”. Немцы голодали. Я им давал все, что мог…»
>
> «Тогда, — вспоминает Шульгин, — мне показалось, что сердце этого жестокосердого еврея смягчилось до Благости, и белый хлеб и сахар, которые он мне давал, я ощутил белыми и сладкими».

Поражал Дубин всех и своим поведением. Целый день он … молился. При этом молился стоя, не про себя и не шепотом. Он все время бормотал непонятные соседям заунывные слова, которые иногда переходили в плач. Потом Дубин говорил: при некоторых молитвах евреи обязаны плакать.

Но были у Дубина и неритуальные слезы. Шульгин с удивлением вспоминает: при этом слезы у него текли так обильно, что на полу образовывались лужицы. Шульгин на этом настаивает: «пусть читатель не думает, что я преувеличиваю … Действительно лужицы.» Это так поражало других узников, что никто над ним не смеялся. Когда Василий Витальевич спросил его о причине этого, он ответил без слез, деловито:

> «У меня была мать. Я каждый день навещал ее. Но иногда не навещал. Вы сами, как член Государственной думы, знаете, как много времени, часто бессмысленно, отнимает парламент. Кроме того, я был крупный лесопромышленник… У меня было до четырех тысяч рабочих. Я о них заботился. Они не были евреи… но я о них заботился, надеясь, что они… когда-нибудь вспомнят … во время еврейских погромов. … Действительно, пострадал я не от них… Но вот вследствие моих всяких дел и забот, я в некоторые дни не мог посетить мать. И вот об этом я так горько плачу теперь».

Тут Шульгин почувствовал Благость в этом раскаянии любящего сына. При этом ему с укором совести пришло воспоминание своей ранней юности. Грешным делом он признается, что тогда они водили знакомство с дамами, гулявшими по вечерами на Крещатике. Но в этих приключениях никогда не принимал участия соученик Шульгина — Володя Гольденберг. В качестве причины он говорил: «Меня ждет дома мама». На предложение сказать, что он просто гулял с товарищами, Володя решительно ответил: «Нет, матери я солгать не могу». По словам Шульгина, он был единственный из нас, который никогда не лгал своей матери. И заключает: «правдивость — это тоже ступенька на лестнице, ведущей к благости».

Возвращаясь к рассказу о Дубине, Шульгин отмечает то, что он сумел внушить уважение к себе и тюремщикам, причем даже в мелочах. Все правила тюрьмы подлежали неукоснительному исполнению, но одним из охотно исполняемых правил было обязательное посещение бани каждые десять дней. Однажды купальный день выпал на субботу, и Дубин заявил охранникам, что не может по закону мыться в такой день. Его попытались повести в баню силой. Но он так зарыдал, что тащившие его выругались и… оставили в покое. Шульгин отмечает, что «хотя это было бы неправильно, но все же исполнение воли Божией, это тоже вид благости».

Однако самым поразительным — и, пожалуй, не только для Шульгина — было следующее сообщение Дубина: «У меня осталась одна сестра в Москве. Она посылает мне не только деньги, но и книги… Еврейские молитвенные книги… У меня здесь целая библиотека… двадцать томов…» Шульгин изумился: «И вам позволяют их читать?» — «Да, по одной дают».

Василий Витальевич подумал: «А ведь эти книги о Боге». Никто из заключенных христиан или мусульман не мог и подумать о подобном. В тюремной библиотеке было десять тысяч томов, но ни одного экземпляра Евангелия или Корана. Можно добавить — таких книг не могло быть тогда ни в одной библиотеке СССР свободного доступа. А тут целых двадцать книг религиозного содержания, включая еврейскую Библию! Дубин не скрывал чтения этих книг, но никто не мог понять, каким образом он этого добился.

Заключая свой опыт общения с этим правоверным в лучшем смысле этого понятия евреем, Шульгин пишет, что «он ощутил это дуновение благости». И отмечает следующее: «Стопроцентный еврей Дубин мне понравился».

Здесь я отвлекусь от рассказа Шульгина. Дело в том, что случаи глубокого уважения к религиозным евреям, ревностно соблюдающим свои обычаи, встречались в русских тюрьмах и раньше. Достаточно вспомнить хотя бы историю с арестом и заключением в Петропавловскую крепость при Павле I Альтера Ребе — Шнеура-Залмана Шнеерсона. Не слишком хорошо относившийся к евреям Ф. М. Достоевский в своих воспоминаниях о пребывании на каторге «Записки из Мертвого дома» рассказал, как все население каторжного барака сбегалось с интересом наблюдать, как заключенный еврей Исай Фомич справлял свой «шабаш». Его страстную, с громким плачем, молитву не осмелился прервать даже сам грозный и беспощадный начальник каторги, щедро раздававший заключенным наказания розгами и палками.

Однако в тех случаях тюремщиками были формально сами верующие в Бога христиане. Положение Дубина и подобных ему в советское время осложнялось тем, что они находились под властью атеистической администрации, которая отрицала все религии. При этом в числе гонителей было достаточно и выходцев из еврейской среды. Но есть достаточно свидетельств, что пример Дубина, добившегося своей непреклонностью всеобщего уважения, был не единственный. В журнале «Лехаим» (№ 4, апрель-май 1997) опубликованы воспоминания одного из выдающихся приверженцев любавичского хасидизма раввина Элеазера Нанеса. Ему пришлось выдержать почти 20 лет заключения в сибирских лагерях, но при этом ни разу он не пошел на соглашения со своими религиозными принципами. Вот один из эпизодов его воспоминаний.

В 1947 г. ему, уже отсидевшему 10 лет, в наказание за попытку побега, а также упорное соблюдение заповедей добавили еще 10 лет и перевели в барак для уголовников, где сидели бандиты, воры и убийцы. Раввин знал, что в каждом бараке был свой неофициальный глава, которого все слушались. Узнав от вновь прибывшего, что он осужден по политической 58-й статье Уголовного кодекса, вожак понял, что администрация решила расправиться с упрямым узником руками уголовников. Не желая ей пособничать, он пообещал не трогать раввина, если тот будет вести себя тихо.

Но каково же было его удивление, когда новый узник, получив со всеми пайку, отдал свою миску супа другому заключенному, причем совершенно бесплатно. Последнее особенно изумило вожака, поскольку миска супа представляла собой большую ценность. Ведь

даже у заключенных в лагере были какие-то деньги. На вопрос: «Почему ты не ешь супа. Почему отдал его даром?» Нанес объяснил ему, что сидит за веру уже 10 лет. В прежнем лагере у него была своя посуда. Суп, сваренный в лагерной кухне, он есть не может, поскольку он некошерный. Поэтому, пока у него не будет новой посуды, он не может даже пить чай. После такого ответа, вожак собрал заключенных и сказал: «Суп, который его религия запрещает есть, он не продал, а отдал даром мальчишке из нашего барака. Так вот, урки, слушайте: чтоб никто даже пальцем не смел прикоснуться к его миске». Повернувшись к Нанесу, он пообещал достать ему новую посуду. Как вспоминает Нанес: «Я увидел в этом руку Всевышнего, несущую мне облегчение в моих страданиях в новом лагере».

Подобных случаев в воспоминаниях было много. Например, если Дубин устоял против бани в субботу, то Нанес отстоял свое право не сбривать бороду и не стричь пейсы. В пасхальные дни его спасала только присылаемая ему женой пачка мацы. Хлеб он отдавал безвозмездно соседям. Уважение к нему еще больше возросло, когда он сказал удивленному вожаку барака, что продажа пайки хлеба для него невозможна, поскольку еврею запрещено извлекать выгоду из хлеба в Пейсах.

Стоит заметить, что Элеэзер Нанес не только перенес все без полугода 20 лет лагерей, но окончил свою земную жизнь в Израиле, не дожив всего лишь нескольких месяцев до 100 лет. При этом он до конца своих дней сохранял исключительную память и острый ум.

Теперь возвратимся к прозрениям и размышлениям Шульгина. Встреча с Дубиным и, конечно, реальные уроки его долгой, почти столетней, жизни и политического опыта позволили ему многое пересмотреть и передумать — в том числе, конечно, и в отношении евреев. Как он сам писал в своей последней книге: «Это интересно. Потому что только то интересно, что живо… А все живое меняется».

В завершение же своего постскриптума к книге «Что нам в них не нравится» он подводит своеобразный итог: «Я ничего не забыл. Но кое-что прибавил к своим наблюдениям. Если быть к евреям справедливым, но при этом настолько сильным, чтобы в них не нуждаться, от них не зависеть, то они будут друзьями и полезными согражданами»

Остается только пожалеть, что мы не сможем узнать мнение по этому вопросу вожака лагерного барака уголовников, куда был помещен хасидский раввин Элиэзер Нанес.

3. ДЖОЙНТ И ЕГО ДОБРЫЕ ДЕЛА

Милосердие и благотворительность являются одними из основополагающих идей еврейской цивилизации. В иудейской религиозной традиции сочувствие и сострадание к униженным, бедствующим, больным с самых древних времен является настолько неотъемлемым принципом, что отказ в помощи таким нуждающимся считался равным богоотступничеству. При этом сам акт благотворительности считается полезным и даже необходимым прежде всего тому, кто его оказывает. Поэтому не случайно, что все дела и акты благотворительности обозначаются еврейским словом *цедака* (праведность, справедливость, право). Тем самым подчеркивается, что акты благотворительности и милосердия не являются делом только личного желания («оказания милости»), а делом выполнения Божьего Завета. В этом отношении характерна следующая притча из Талмуда. Один высокопоставленный римлянин спросил у еврейского мудреца рабби Акибы (начало II в.): «Если Ваш Бог любит бедных, отчего Он сам не обеспечивает их?» Рабби ответил: «Чтобы оказать милость творящим благие дела».

Следуя этим заветам, организованная благотворительность в разных формах существовала в еврейских общинах в течение сотен, а то и тысяч лет. Но, разумеется эти формы менялись, в соответствии с конкретными историческими условиями разных исторических эпох. В столь богатом бедствиями и катастрофами еврейского народа XX веке наиболее известной еврейской благотворительной организацией является «Джойнт».

Это звучное слово — часть английского названия этой организации: «American Joint Distribution Commitee» (Американский объединенный комитет по распределению (фондов)»[40]. Собственно Joint (Джойнт) по-английски означает «объединенный, общий, совместный». Люди старшего поколения в СССР, помнящие пресловутое «дело врачей» в 1953 г., долгое время воспринимали это слово с ужасом, поскольку тогда «Джойнт» был объявлен советскими властями шпионско-террористической организацией. Так обстояло дело до эпохи перестройки, когда все узнали, что «Джойнт» имеет богатые традиции работы на территории бывшего СССР, странах Восточной Европы, подмандатной Палестине, Израиле — словом, везде, где люди и прежде всего евреи нуждались в помощи.

[40] Джойнт // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1994.

Джойнт был основан 27 ноября 1914 г. в США по инициативе выдающихся деятелей американского еврейства Ф. М. Варбурга, Дж. Г. Шифа и знаменитого американского юриста Л. Маршалла. В создании этой организации (первоначально, до 1931 г., она называлась «Комитет по распределению помощи евреям, пострадавшим от войны») приняли участие еврейские организации самого разного идеологического направления: Центральный комитет помощи, образованный американскими евреями-ортодоксами, Американский еврейский комитет помощи, представлявший еврейских лидеров в основном немецкого происхождения, и Национальный комитет помощи, создателями которого были еврейские рабочие и социалистические организации США.

Непосредственным поводом для возникновения столь необычного союза послужила тревожная телеграмма тогдашнего американского посла в Турции Генри Моргентау, еврея по происхождению, призывавшего немедленно прислать 50 000 долларов для помощи еврейскому населению Палестины («ишуву»), оказавшемуся в крайне тяжелом положении в связи с началом Первой мировой войны. Турецкие власти, подозревая ишув в сочувствии к странам Антанты, обрушили на еврейское население Палестины, входившей тогда в состав Османской империи, жестокие репрессии. Община была поставлена в крайне тяжелое положение, само ее существование оказалось под ударом, прежде всего из-за угрозы массового голода. В связи с тем, что США оставались нейтральным государством, посол Моргентау сумел быстро и своевременно помочь бедствующим евреям Палестины. Помощь эта продолжалась и в дальнейшем. Всего на эти цели было израсходовано «Джойнтом» около 15 млн долларов. Безусловно, это сыграло свою роль в том, что евреев не постигла участь турецких армян, почти полностью истребленных турками в 1915–16 гг. К слову сказать, посол Моргентау делал все возможное, чтобы остановить эти зверства.

Однако продолжавшаяся война, особенно на восточно-европейском театре военных действий — между Россией с одной стороны и Германской и Австро-Венгерской империями с другой, принесла неисчислимые бедствия гораздо большим массам еврейского населения. Тогда в этом регионе находилась так называемая «черта оседлости» евреев в Российской империи, вне которой не могла проживать основная часть почти 6-миллионной массы российского еврейства. Кроме того, много евреев проживало на территории за-

падной Украины, входившей тогда в состав Австро-Венгрии. Всего тогда в Восточной Европе проживало значительно больше половины мирового еврейства. Именно там и возникла самая острая нужда в помощи для сотен тысяч, если не миллионов людей. Помимо страданий, причиняемых непосредственно боевыми действиями, беззащитные обитатели нищих местечек стали жертвами насильственного выселения по ложным обвинениям в сочувствии германским и австрийским войскам, бандитизма, грабежей, убийств и погромов от терпящих неудачи и отступающих войск. Количество беженцев, двинувшихся во внутренние районы России, было настолько велико, что Российские власти в 1915 г. вынуждены были «временно» разрешить евреям проживание вне черты оседлости на территории империи, за исключением столиц и некоторых регионов. Но, безусловно, положение беженцев было ужасно, поскольку местные власти не оказывали им никакой помощи. Оставшиеся в местечках бедствовали не меньше. Люди страдали от страха перед будущим, отсутствия средств к существованию и вообще от чувства полной безысходности.

И в это мрачное время со стороны «Джойнта» поступила своевременная и, главное, действенная помощь. Бедствующее еврейское население всеми доступными тогда способами оповестили в 1915 г., куда надо обратиться за помощью в случае нужды. И такая помощь действительно оказывалась. Самым примечательным было то, что, кроме продовольственных и вещевых посылок, «Джойнт» старался помочь нуждающимся людям самим заработать себе на жизнь. Тогда ремесленники составляли значительную часть российского еврейства, и «Джойнт» стремился облегчить их положение предоставлением различных машин, орудий производства и сырья.

Надо напомнить, что тогда еврейское население США переживало далеко не лучшие времена. В основном оно состояло из первого поколения бывших эмигрантов из тех же нищих обитателей местечек «черты оседлости» и зарабатывало себе на жизнь на предприятиях в основном легкой промышленности, где господствовала так называемая «потогонная» система труда в крайне тяжелых производственных условиях при низкой оплате. Именно поэтому американские рабочие еврейского происхождения сыграли тогда огромную роль в развитии американского рабочего движения. То, что «Джойнту» удалось мобилизовать американскую еврейскую общину, как бедных, так и богатых, на оказание эффективной помощи

погибающим собратьям за океаном, является несомненной заслугой этой организации, во главе которой со дня основания до 1931 г. бессменно находился Феликс Варбург.

Февральская революция 1917 года предоставила евреям России политическое равноправие, но не улучшила их материального положения. Более того, перекройка политических границ в Восточной Европы и особенно гражданская война принесли им неисчислимые бедствия, иногда граничившие с прямым геноцидом. Сотрудники «Джойнта» не прекращали помощь нуждающимся даже в самых трудных и опасных условиях. Два его ответственных эмиссара — Израиль Фридлендер и Бернард Кантор — погибли во время выполнения своих благотворительных миссий в России в период гражданской войны. Всего в 1919–1920 гг. «Джойнт» израсходовал на помощь евреям, пострадавшим от погромов на Украине, в Белоруссии и Польше, 22,7 млн долларов.

Однако все ужасы предыдущего периода бледнеют перед страшной трагедией голода, обрушившегося в 1921–1922 гг. на самые плодородные губернии России и Украины. Причины бедствия были разного характера: разруха в результате мировой и гражданской войн, политика военного коммунизма и, наконец, страшная засуха, погубившая урожай. Голодная смерть реально угрожала десяткам миллионов людей, и Советское правительство вынуждено было официально обратиться за помощью к мировой общественности.

На помощь пришли многие зарубежные организации, правительства зарубежных стран и отдельные лица, невзирая на отрицательное отношение к советскому строю и коммунистической идеологии. Самой крупной благотворительной организацией, оказавшей помощь голодающим, считалась Американская организация помощи (АРА), в которой активное участие принимал «Джойнт». Более того, среди всех общественных организаций, связанных с АРА, он занимал первое место по собранным финансовым средствам. Особенно велика была его роль в борьбе с голодом на Украине. Там он возмещал в 1922 г. более 7/8 всех расходов АРА.[41] Тут следует отметить, что от голода сильнее всего страдали на Украине именно евреи. Как вспоминает активный антисоветский публицист И. Солоневич, «Одесская и Николаевская губернии вымирали … Думаю, что до по-

[41] *Хенкин Е.* О роли «Джойнта» в оказании помощи России и Украине в 1921–1923 гг. // Вестник еврейского университета в Москве. № 4. 1993.

явления АРА еврейское население вымирало в большем проценте — и от меньшей физической выносливости, и от того, что я, русский, мог наскребать на лимане четыре-пять пудов соли и повезти ее на Волынь, где любая “банда” мне давала за эту соль муку и сало (еврея эта банда зарезала бы)», и далее: «Еврейское население получило огромную поддержку — и непосредственно от АРА, и через АРА — от еврейских организаций Европы и Америки, и наконец от многочисленных евреев-эмигрантов».[42] Конечно, говоря о еврейских организациях помощи, он не знал о решающей роли «Джойнта». Всего на борьбу с голодом «Джойнт» израсходовал 24,5 млн долларов.

В декабре 1922 г. «Джойнт» выходит из состава АРА и как самостоятельная организация заключает особый договор с правительством СССР. Одной из причин было то, что после некоторого улучшения положения АРА начала свертывать свою деятельность в России. Напротив «Джойнт» решил продолжать работу по улучшению быта многочисленного советского еврейства. В связи с этим основным направлением деятельности стало оказание помощи в восстановлении и улучшении экономического и социального положения еврейского населения. В связи с этим, в договоре с советским правительством «Джойнт» обязался израсходовать 1,5 млн долларов специально на производственную помощь. В свою очередь советские власти обязались освобождать все грузы «Джойнта» от таможенных сборов, платы за железнодорожный транспорт, пользование складскими помещениями; предоставлялось право бесплатного пользования почтой, телеграфом, радио. При этом вся деятельность «Джойнта» должна была согласовываться с местными властями, хотя он признавался независимой организацией.

Разумеется «Джойнт» продолжал оказывать всемерную помощь евреям, пострадавшим от погромов во время гражданской войны. При этом особое внимание уделялось детям-сиротам. В конце 1922 г. «Джойнт» содержал в России, Белоруссии и на Украине 913 детских домов, в которых проживали около 40 тысяч детей. Помимо этого, оказывалась помощь другим детским учреждениям. Только на детское питание тратилось ежемесячно 40 тыс. долларов, и более 200 тыс. долларов было израсходовано на ремонт и оборудование детских садов, топливо для них и обслуживание.

---

[42] *Солоневич И.Л.* Россия, революция и еврейство //Белая империя. М., 1997. С. 194–195.

Но все же главное внимание уделялось программам, направленным на самообеспечение нуждающихся. Учитывая низкий уровень образования тогдашнего еврейства, особые средства выделялись на организацию профессионально-технического и высшего образования. Уже в 1923 г. при содействии «Джойнта» были открыты 43 профессионально-технических учебных заведения, где учащиеся обеспечивались питанием и одеждой. Оказывалась также продовольственная помощь 6,5 тыс. студентов высших учебных заведений Москвы, Киева, Петрограда и Одессы.

Однако наиболее оригинальным направлением была деятельность «Агро-Джойнта». История его образования и существования весьма характерна для понимания развития отношений «Джойнта» и советских властей.[43]

«Агро-Джойнт» был создан в соответствии с постановлением Исполкома «Джойнта» от 21 июля 1924 г. Директор «Агро-Джойнта» доктор Джозеф Розен обосновывал необходимость создания этой организации возможностью использовать Советское правительство для привлечения евреев к самостоятельному земледельческому труду. Он указал, что из 3 млн проживавших тогда в СССР евреев в сельском хозяйстве было занято только 5%. От имени Советского правительства партнером «Агро-Джойнта» выступал Комитет землеустройства еврейских трудящихся (КОМЗЕТ). В задачу КОМЗЕТа входило создание районов компактного проживания еврейского населения с автономным управлением. Основными районами деятельности «Агро-Джойнта» были районы южной Украины, северного Крыма и Белоруссии. Уже в 1925 г. на устройство 1000 семей переселенцев было выделено 400 тыс. долларов, а в следующем такая же сумма была потрачена на устройство уже 4000 семей. При этом выделенные средства считались льготным кредитом, подлежащим возврату. Во избежание привлечения в число переселенцев случайных лиц была разработана схема, предусматривающая вложение в переселение их личных средств. Всего на устройство одной семьи требовалось около 1000 рублей, из которых 300–400 давали сами переселенцы, 200–300 — Советское правительство, 400–500 рублей — «Агро-Джойнт».

[43] *Барковец А.* Об основных этапах деятельности «Агро-Джойнта» // Вестник еврейского университета в Москве. № 2. 1996.

«Агро-Джойнт» обеспечивал вновь образованные поселения редкими тогда тракторами, ремонтными мастерскими, инструкторами, скотом, семенами и саженцами. Создаваемые еврейские поселения отнюдь не были «потемкинскими деревнями». Доктор Розен такими словами характеризует евреев-крестьян по личным впечатлениям: «Колонисты поразительно сильны духом, несмотря на очень тяжелые условия, в которых им приходилось жить без каких-либо удобств, в жалких землянках и лачугах, часто даже под открытым небом, выполняя работу, к которой многие не привыкли, — они бодро переносят все трудности и верят, что будущее с ними». Следует особо отметить, что большая помощь оказывалась и соседним нееврейским крестьянам.

Успешное начало побудило «Агро-Джойнт» в 1927 г. заключить новое соглашение с КОМЗЕТом о расширении сотрудничества. Советские власти выделили земли для размещения еще 15 000 еврейских семей. В свою очередь Агро-Джойнт предоставил СССР кредит на сумму 9 млн долларов на 10 лет.

Уже к 1931 г. на Украине и в Крыму было образовано 170 новых поселков, где проживало свыше 20 000 семейств (свыше 100 000 человек). На базе Ново-Полтавского сельскохозяйственного техникума для нужд еврейских сельскохозяйственных поселений был даже организован специальный институт, а в специальных сельскохозяйственных школах обучались свыше 1000 детей. «Агро-Джойнт» особое внимание уделял внедрению электрификации созданных поселений, развитию там промышленного виноградарства, садоводства и птицеводства. В начале 30-х годов стали прорабатываться возможности еврейской колонизации в Хабаровском крае.

Однако уже в 1933 г. «Агро-Джойнт» столкнулся со всё возрастающими трудностями. Сначала они носили чисто финансовый характер. Экономический кризис в США резко уменьшил возможности получения дополнительных ассигнований. С другой стороны, ухудшение политической ситуации в СССР, усиление шпиономании и политических репрессий самым трагическим образом сказались на сотрудниках «Агро-Джойнта». В особо бедственном положении оказались евреи-врачи, беженцы из нацистской Германии, прибывшие на работу в СССР по приглашению «Агро-Джойнта». Многие из них были обвинены в шпионаже и арестованы. Доктор Розен не смог даже защитить от ареста органами НКВД своих ближайших помощников — агронома С. Е. Любарского и юриста И. А. Гроера. Оба

по ложному обвинению были расстреляны в 1938 г. и посмертно реабилитированы в конце 50-х годов 22 февраля 1938 г. основатель и бессменный руководитель «Агро-Джойнта» Джозеф Розен уведомил советские власти о решении правления своей организации прекратить ее деятельность. Следует добавить, что созданные на основе поселений еврейские колхозы, в частности в Крыму, существовали и даже процветали до Второй мировой войны, вплоть до немецкой оккупации, во время которой погибли многие из жителей, не успевшие эвакуироваться. Собственно, «Джойнт» в те же годы делал все возможное, чтобы помочь еврейскому населению, преодолевая недоверие советских властей, рассматривавших эту организацию как «буржуазную». Например, отправители продовольственных посылок требовали, чтобы их распределяли уважаемые люди еврейских общин. Как правило, тогда это были раввины, учащиеся ешив, представители интеллигенции — врачи, инженеры, юристы. Все эти лица рассматривались как «буржуазные» элементы, ввиду чего партийные и советские органы препятствовали привлечению их к такой деятельности. Джойнту навязывались идеологически проверенные представители «трудящихся». Это сильно затрудняло сотрудничество, например, с Общественным комитетом по оказанию помощи еврейскому населению, пострадавшему от погромов в период гражданской войны (Евобщестком). Разумеется далеко не все сотрудники «Джойнта» сочувствовали Советской власти, но все же главным мотивом их трудов было стремление помочь, а иногда и просто спасти сотни тысяч людей, которым угрожал настоящий голод.

В период нэпа экономическое положение в стране несколько улучшилось. Но вместе с тем советские законы провозгласили некоторые категории граждан «лишенцами», т. е. лишенными значительной части гражданских прав. В эту категорию граждан отнесли служителей культа, торговцев, владельцев даже самых малых предприятий и мастерских и других «эксплуататоров», а также членов их семей. Ввиду особой социальной структуры дореволюционного еврейского общества таких лиц среди евреев оказалось значительное число. Лишенцев не принимали на государственную службу, не брали на работу в другие организации и предприятия, не могли они получить образование. Поскольку в местечке все друг друга знали, то это послужило одной из важных причин массового переселения евреев в крупные города. Например, если до 1917 г. в Москве имели так называемое «право жительства» только 8 тысяч евреев, то по

переписи 1939 г. их число в столице увеличилось до почти 400 тысяч! Воспоминания москвича Р. Зайчика о деятельности «Джойнта» в советской столице наиболее ярко характеризуют его деятельность в СССР в исключительно трудных условиях.[44]

Прежде всего, с целью помочь «лишенцам» зарабатывать себе на жизнь «Джойнт» организовал присылку нуждающимся чулочных, вязальных, швейных машин и др., сырья и оборудования для производства изделий, имевших тогда большой спрос. Таким промыслом зарабатывали себе на жизнь даже многие раввины, одновременно занимаясь руководством религиозной жизнью верующих, которых тогда среди бывших обитателей местечек было очень много. Затем кустари объединялись в артели, в которых на машинах, присланных «Джойнтом», работали прихожане синагог, а руководили этими артелями юристы и бывшие предприниматели, также попавшие в разряд «лишенцев».

Тогда же «Джойнт» организовал еврейскую столовую, где готовилась кашерная еда. Там 50 % посетителей питались бесплатно по талонам, выдаваемым в Хоральной синагоге. В этих артелях получали специальности и люди, стремившиеся уехать в Палестину, пока это разрешалось советскими властями.

В конце 20-х годов, после ликвидации НЭПа, начались преследования так называемых нэпманов, главным образом независимых торговцев и преуспевающих кустарей. Людей высылали в Сибирь практически без средств к существованию. И в этих условиях «Джойнт» с помощью руководителей религиозной общины Новосибирска Ш. Зельвинского, Ш. Певзнера и Н. Олевского организовал встречу высылаемых евреев, приют и всевозможную поддержку, позволившую им пережить время ссылки, которая тогда, к счастью, составляла «всего» 3–5 лет.

Затем последовал запрет частным лицам получать машины и оборудование из-за границы, прежде всего от «Джойнта». Тогда получателями стали специально для этой цели созданные объединения и организации. К середине 30-х годов власти резко усилили гонения на «лишенцев», они практически не могли устроиться даже рабочими. Но и в этих условиях «Джойнт» сумел договориться с государственными учреждениями (возможно, даже заинтересовав

[44] *Зайчик Р.* «Джойнт» в России: что помнится // Вестник еврейского университета в Москве. № 3. 1993.

чиновников лично) о разрешении открытия специальных артелей по производству дефицитных тогда изделий, в частности мягкой мебели, где 50 % рабочих мест закреплялось за «лишенцами». Руководство артелями взяла на себя Московская Хоральная синагога. Одновременно эти артели были центрами негласной религиозной еврейской жизни, что в условиях государственного атеизма было весьма небезопасно.

В 1938 г. деятельность «Джойнта» в СССР была прекращена. Однако в годы Великой Отечественной войны кое-кто случайно получал посылки с продовольствием и вещами, что, конечно, облегчало бедственное положение получателей.

Не менее активную деятельность «Джойнт» развернул и за пределами СССР. В Польше почти 3-миллионное еврейское население очень страдало от антисемитизма экономического характера. Польское правительство, вопреки обещаниям, стремилось вытеснить евреев из большинства отраслей народного хозяйства. В связи с этим «Джойнт» создал там специальный фонд для льготных ссуд нуждающимся. Всего ими воспользовалось около миллиона человек. Было основано Товарищество охраны здоровья (ТОЗ). «Джойнт» оказывал систематическую помощь также Обществу охраны здоровья еврейского населения (ОЗЕ), еврейским кооперативам и другим организациям. Примерно так же обстояли дела в Балтийских государствах, Румынии, Бессарабии, Закарпатье.

В период мирового кризиса «Джойнт» усилил продовольственную помощь еврейскому населению Восточной Европы и Палестины. Следует указать, что, хотя «Джойнт» никогда не был сионистской организацией, он все же выделил на нужды ишува только в 1926 г. 1,8 млн долларов. Возросшая угроза нацизма после прихода Гитлера к власти в 1933 г. потребовала увеличить помощь изгоняемым из Германии евреям. «Джойнт» оплатил примерно третью часть расходов руководства немецких евреев на оказание помощи вынужденным эмигрантам. В период Катастрофы европейского еврейства во время Второй мировой войны «Джойнт» делал все возможное, чтобы спасти или по крайней мере облегчить положение обреченных. На это было истрачено около 79 млн долларов. Только еврейским повстанцам в Польше было сброшено на парашютах 300 тыс. долларов. С помощью «Джойнта» свыше 80 тысяч человек европейских евреев были спасены от мучительной смерти.

После войны неоценимы усилия «Джойнта» по оказанию помощи 250 тысячам еврейским беженцам, чудом спасшимся от нацистских палачей. «Джойнт» истратил на это огромную сумму в размере 342 млн долларов. При этом надо отметить усилия «Джойнта» в переселении эмигрантов в Израиль и развитии системы здравоохранения и образования в еврейском государстве — хотя, повторимся, «Джойнт» не является сионистской организацией.

Нечего и говорить, что после начала «холодной войны» о работе «Джойнта» в СССР, да и в других социалистических странах Восточной Европы (кроме Румынии) не могло быть и речи.

В целом можно сказать, что благодаря усилиям в деле свершения добрых дел по всему миру сотни тысяч, если не миллионы людей обязаны «Джойнту» жизнью и здоровьем. Если же пересчитать эту помощь на деньги, то со времени его основания и до конца 1980 г. организация собрала и израсходовала на нужды еврейства всего мира приблизительно 1,3 млрд долларов, из которых 300 млн — в государстве Израиль.

6.2. Становление СССР и Великая Отечественная война (1922–1945)

Становление нового государства после победы большевиков в гражданской войне повлекло за собой смену состава государственного аппарата и правящей элиты, прежде всего в социальном и этническом отношениях. Правда, надо отметить, что такая многонациональная, охватывающая гигантские пространства цивилизация, как российская, всегда сохраняет свой особый российский характер, даже если во главе ее стоит немка Екатерина Вторая или грузин Иосиф Джугашвили-Сталин. Это издавна проявлялось и в полиэтническом происхождении ее правящей элиты. Хорошо известна роль немцев в государственном аппарате Российской империи конца XIX в. Еще более показательны этнические корни русской аристократии, составлявшей до 1917 г. правящий класс императорской России. Уже в конце XVII в. 229 русских аристократических фамилий были западноевропейского происхождения, 223 — польского и литовского, 156 — татарского и другого восточного, 97 фамилий — неопределенного происхождения. К аристократическим фамилиям русского происхождения относили только 168 потомков Рюрика (кстати, выходца из древней Скандинавии) и всего лишь

42 — иного русского происхождения.[45] Следует указать, что такое положение существовало еще в допетровское время, т. е. до массового наплыва в Россию служилых иноземцев, до разделов Польши, завоевания Кавказа и других земель, аристократия которых сильно пополнила российское дворянство. Не обошлось дело и без потомков крещеных евреев, в частности императорских чиновников петровского времени — Шафирова, Дивьера, Веселовских. Указать среди своих предков барона Шафирова могли такие выдающиеся представители российского дворянства и дворянской интеллигенции, как поэт П. А. Вяземский, государственный деятель С. Ю. Витте, философ князь С. Н. Трубецкой и др. Способствовало притоку «инородцев» в русское дворянство и то, что по законам Российской империи каждый дослужившийся до определенного, весьма высокого, чина (с 1856 г. действительный статский советник, что соответствовало генерал-майору) или награжденный высоким российским орденом приобретал право на потомственное дворянство.

Однако, поскольку государственная служба для лиц иудейского вероисповедания была практически закрыта, получивших таким способом права дворянства насчитывались буквально единицы. Среди них можно назвать, прежде всего, выдающегося востоковеда, сотрудника Императорской Публичной библиотеки А. Я. Гаркави.

После социальной революции в России и в ходе процесса ускоренной модернизации всего народного хозяйства и различных сторон общественной жизни, в новую элиту страны влились самые широкие массы населения из бывших низов общества. Несомненно, что, как и ранее, для социального успеха требовалось принятие новой идеологии, формально предусматривавшей равноправие всех граждан независимо от сословного и национального происхождения. Разумеется, власть активно привлекала на работу и службу старые кадры, причем на самые ответственные посты. Например, в состав Красной Армии вошло 33 % офицеров и генералов прежнего Генерального штаба, а в целом из прежнего офицерского корпуса в Красной Армии служили примерно 70 тыс. офицеров. Это число вполне сопоставимо со ста тысячами офицеров, воевавших на стороне белых.[46]

Но были особые отрасли государственного управления, где нельзя было надеяться на помощь старых специалистов, — органы без-

[45] *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. М., 1997. С. 378.

[46] *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республике Советов. М., 1988. С. 196.

опасности, возникшие для защиты революции еще в 1917 г.; последовательно они назывались ВЧК — ОГРУ — НКВД — НКГБ. В силу этих обстоятельств приток туда новых элементов, в том числе и этнических, был особенно заметен, что показал в своем исследовании Л. Кричевский.[47] По приведенным автором архивным данным, среди основных работников аппарата ВЧК, который возглавлял поляк по происхождению Ф. Э. Дзержинский, по состоянию на 25 сентября 1918 г. латыши составляли 35,8 %, поляки — 6,3 %, евреи — 3,7 %. С расширением этого аппарата этнический состав руководства меняется. В составе руководства уже ОГПУ 15 ноября 1923 г. русские составляют 56,3 %, евреи — 15,7 %, латыши — 12,5 %, поляки — 10,4 %. Как отмечает исследователь, если латыши в работе и в быту часто пользовались латышским языком, то чекисты-евреи не стремились к национальной самоидентификации и даже избегали ее. В первой половине 1930-х годов, когда поляка В. Менжинского в руководстве органов НКВД сменил еврей Г. Г. Ягода, в связи с уменьшением доли латышей и поляков представительство евреев повысилось.

Во второй половине 1930-х годов кадровый состав НКВД подвергся неоднократным радикальным чисткам. О размахе этих чисток можно судить хотя бы по следующим данным. Если в период с 1 января 1935 по 1 января 1938 г. лица еврейского происхождения возглавляли более 50 % основных подразделений центрального аппарата, то на 1 января 1939 г. их оставалось только 6 %. Однако надо признать, что чистки не носили специально антиеврейского характера, а высокая доля евреев среди «вычищенных» объясняется прежде всего их прежней высокой концентрацией в «силовых» структурах. В этом смысле характерно то, что главный «чистильщик» того времени нарком НКВД Н. И. Ежов был женат на еврейке и, конечно, лично не был антисемитом. Более того, в своем последнем слове перед ожидаемым смертным приговором, зафиксированном в Протоколе закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 февраля 1940 г., он гордился своей деятельностью по «разоблачению» 14 тыс. чекистов. Однако при этом Ежов заявлял о невиновности пяти руководящих сотрудников, в честности которых он лично был уверен. Из них трое евреи — Шапиро, Пассов, Цесарский, и только двое — Журбенко и Федоров — явно нееврейско-

[47] *Кричевский Л.* Евреи в аппарате ВЧК–ОГПУ в 20-е годы / сост. О. В. Будницкий // Евреи и Русская революция. М.; Иерусалим, 1999.

го происхождения.[48] Сменивший Ежова на посту главного чекиста страны Лаврентий Берия, при всех своих грехах, был прагматиком, и национальность сотрудников его интересовала в последнюю очередь. При нем в центральном аппарате НКВД продолжали работать 189 руководящих работников еврейского происхождения.[49]

Окончательно роль евреев в органах безопасности сошла на нет только после кампании против «космополитов» в конце правления И. В. Сталина.

Следует указать при этом, что статистикой не учитывается количество чекистов, состоявших в браке с еврейками. В этом смысле примером может служить один из руководителей советской внешней разведки генерал Павел Анатольевич Судоплатов. Ведь именно в 1920–1930-е годы массовое распространение получили смешанные браки. Характерные примеры можно привести даже из жизни членов политической элиты страны. На еврейских женщинах были женаты следующие члены вершителя судеб страны — сталинского Политбюро ВКП(б): Молотов, Киров, Андреев, Ворошилов, Ежов, Куйбышев. Более того, семейная жизнь детей самого вождя — Якова, Светланы и Василия — так или иначе была связана с лицами еврейского происхождения. Конечно, процесс носил двусторонний характер, и многие мужчины-евреи, особенно коммунисты, заключали брачные союзы с нееврейскими женщинами, что было немыслимо до революции.

Надо отметить, что после образования СССР в пределах его территории оказалось около половины еврейства прежней Российской империи. В течение 1920-х — 1930-х годов в социальной жизни евреев СССР произошли радикальные перемены. Прежде всего это проявилось в массовой миграции евреев из местечек бывшей черты оседлости в крупные города России и Украины. Уже к 1939 г. около 40 % евреев проживало в Москве, Ленинграде, Одессе, Киеве, Харькове и Днепропетровске. Из нации мелких ремесленников и торговцев еврейство превращалось в интегральную часть инженерно-технической, научной, творческой и военной интеллигенции страны. Характерные данные показала всесоюзная перепись 1939 г. Согласно ее результатам, служащие составляли 40 % самодеятельного еврейского населения. В эту категорию входили 106 тыс. инженерно-

[48] *Брюханов Б. Б., Шошанов Е. Н.* Оправданию не подлежит. СПб., 1998. С. 150, 151.

[49] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. С. 210–211.

технических работников, что составляло 14 % всех работников этой категории, 139 тыс. руководителей различного ранга (7 % всех административных работников различного уровня), 39 тыс. врачей (примерно 27 % врачей страны), 15 тыс. научных работников и преподавателей вузов (15,7 % всех занятых в этой сфере) и т. д. И это при том, что численность еврейского населения в СССР в конце 1930-х гг. составляла примерно 3 млн человек (1,8 % всего населения страны)[50].

Вместе с тем официальная атеистическая идеология была направлена против всех религий, включая, конечно, и иудаизм. Надо сказать, что кампания против него особенно ревностно проводилась коммунистами — членами еврейских секций ВКП(б). В частности, по их настоянию древнееврейский язык (иврит) был объявлен языком клерикальной реакции, закрывались религиозные школы и училища, всячески преследовались раввины и служители культа. Еще более отрицательную позицию в отношении иудаизма занимали руководители партии и правительства — евреи по происхождению

Вместе с тем властями, особенно в 20-е годы, поощрялась культура на языке идиш, на нем творили известные писатели — П. Маркиш, Л. Квитко, И. Фефер, Д. Бергельсон и др. Работал знаменитый на весь мир Московский еврейский театр (ГОСЕТ) под руководством С. Михоэлса. Однако большинство деятелей культуры еврейского происхождения не только писали на русском языке, но и обращались к другой аудитории с совершенно другой тематикой (О. Мандельштам, Л. Пастернак, И. Эренбург, И. Ильф, Э. Багрицкий, В. Гроссман и др.). Особое место занимает творчество Исаака Бабеля, которое можно попытаться охарактеризовать как высокоталантливое продолжение традиций еврейской литературы на русском языке. Делались попытки создавать автономные территориальные образования с компактным проживанием еврейского населения, из которых самым значительным была Еврейская автономная область на Дальнем Востоке.

В целом, несмотря на преступления сталинского режима (об этом речь будет идти далее) и его антибуржуазную и антирелигиозную направленность, СССР наглядно демонстрировал действительно большие достижения в решении казавшегося вечным «еврейского вопроса».

---

[50] Советский Союз // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 8. С. 191, 296.

Во время Великой Отечественной войны в рядах Красной Армии и в советских партизанских отрядах сражалось около 500 тыс. воинов-евреев, из которых погибло в боях около 200 тыс. 120 евреев за военные подвиги были удостоены звания Героя Советского Союза. По количеству боевых наград на 15 января 1943 г. евреи находились на четвертом месте по числу награжденных (6767) после русских (187 178), украинцев (44 344) и белорусов (7210). Но через полгода евреи опередили белорусов (общая численность последних около 8 млн человек) и по полученным наградам и вышли на третье место. Всего за годы войны боевые награды получили 123 822 еврея.[51]

Советское руководство организовало в годы войны «Еврейский антифашистский комитет» для сбора средств, который вел эффективную пропагандистскую кампанию, прежде всего в США, для поддержки военных усилий СССР. Неоценимые услуги оказали созданные еще до войны сети разведывательных служб, своевременно информировавшие Москву о военных планах гитлеровской Германии. Значительную часть резидентуры составляли лица еврейского происхождения, в основном фанатично и искренне воспринявшие доктрину социальной и национальной справедливости, провозглашенную Коминтерном.

Подробно о положении еврейского населения в СССР в период правления И. В. Сталина написал Г. В. Костырченко в книге «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм». Приведенные в ней документальные данные показывают, что процент евреев во всех отраслях общественной жизни — науке, технике, культуре и искусстве — значительно превосходит долю евреев в населении страны.

Приведем несколько характерных примеров. В военное время особое значение имело создание новых систем вооружения и его производство. Поэтому весьма показательны сведения о кадровом составе руководства в этих областях на 1 января 1946 г.

Должности	Русские	Евреи
Директора заводов	41	9
Главные инженеры заводов	33	17
Руководители КБ и НИИ	10	4

[51] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. С. 245.

Одним из ведущих органов идеологической войны против немецких захватчиков было Совинформбюро (СИБ), в котором сводки с фронтов читал диктор с «классической» еврейской фамилией Левитан. Возглавлял его во время войны зам. министра иностранных дел Лозовский, кстати, протеже самого Молотова, позднее репрессированный по делу «Еврейского антифашистского комитета». В СИБ работало 154 сотрудника, из которых русских было — 61, евреев — 74, представителей других национальностей — 19. Большинство авторов-евреев подписывали свои статьи русскими псевдонимами. Однако инициатором этого был сам Сталин, явно не желавший давать пищу немецкой пропаганде. К сожалению, неизвестен состав лучшей в воюющей стране газеты «Красная звезда». Однако о нем можно судить по тому, что на замечание начальства о слишком большом числе сотрудников «определенной национальности» и требование уменьшить это число главный редактор, генерал Давид Иосифович Ортенберг, с возмущением ответил: «Уже сделано. 18 погибло на фронте».

Обратимся к литературе и смежным с ней областям. В качестве показательного примера можно привести состав московской писательской организации: из общего числа писателей 1102 — 662 русские (60 %), 329 евреев (29,8 %), 21 армянин (1,9 %) и 67 представителей других национальностей. И совсем уже удивительным показался партийным чиновникам состав Союза советских композиторов СССР: русских — 435, евреев — 239, армян — 89; в Московском отделении — 174 русских, 116 евреев, 16 армян. Экзотично выглядело положение в Молдавии: там в Союзе композиторов евреев было 8, молдован — 5, а русских — 3. Аналогично обстояло дело и в Московской государственной филармонии, где в 1951 г. из 312 штатных работников 111 были евреями, а из 33 руководящих работников, организующих концерты, 17 — русскими и 14 — евреями. Ну, а в классе скрипок еврейское лидерство среди студентов было абсолютным.

Особый интерес представляет положение в физике, ставшей исключительно важной в свете гонки ядерных вооружений. Стране предстояло сделать практически невозможное. Об этом свидетельствует только один пример. Если в США в конце 1944 г. уже работало 20 больших циклотронов, то в СССР — ни одного. Решение проблемы создания советского ядерного оружия было поручено отличавшемуся деловой хваткой вышеупомянутому Лаврентию Берия. Он решительно отверг жалобы «национально мыслящих» иде-

ологов вроде секретаря парткома Московского государственного университета В. Ф. Ноздрева на «еврейское засилье» в физике. Одним из примеров деятельности Ноздрева, в частности, был «сигнал» в ЦК о том, что «еврейская молодежь имеет процент, достигающий по некоторым курсам до 50 %».

Для решения стоящих перед ним огромных задач Лаврентий Павлович набирал сотрудников, невзирая на анкетные данные. А национальный состав физиков СССР на 1 октября 1948 г. наглядно представлен в записке министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова под показательным названием «О крупных недостатках в подготовке кадров физиков и их устранении». Оказалось, что среди научных сотрудников физиков русских — 342, евреев — 123, заведующих кафедрами в вузах русских — 301, евреев — 64, преподавателей кафедр физики в вузах русских — 1708, евреев — 342, аспирантов русских — 316, евреев — 68. Более того, в отделе теоретической физики Института физических проблем АН СССР «все руководящие научные сотрудники» оказались евреями. Особенно характерным оказался возглавлявший этот отдел академик Л. Д. Ландау, поскольку, согласно справке партийного чиновника Ю. Жданова, «в его школу входят 11 докторов наук, все они евреи и беспартийные».

Но в ведомстве Берии с такими сигналами и справками не считались. Под его руководством плодотворно работали такие люди, как начальник Первого главного управления (атомного проекта) Б. Л. Ванников, главный конструктор атомной бомбы Ю. Б. Харитон. Все теоретические расчеты выполнял Я. Б. Зельдович, а научным руководителем комбината по выделению урана-235 был И. К. Кикоин. И это не считая других сотрудников еврейского происхождения.

Кстати сказать, академик Ландау был известен Берии еще с весны 1938 г. Это был тот редкий случай, когда арест органами тридцатилетнего ученого был произведен за реальное участие в антисталинской организации «Антифашистская рабочая партия» и попытку составить соответствующий текст листовки. Казалось, судьба Ландау будет весьма печальной. Однако случилось по тем временам невероятное. Новоназначенный нарком внутренних дел Берия, разобравшись в материалах дела и по ходатайствам Н. Бора и П. Капицы, распорядился освободить будущего великого ученого. Вообще о характере взаимоотношений всемогущего руководителя с научными работниками много говорит случай, рассказанный генералом П. А. Судоплатовым, которому было поручено непосредственно ку-

рировать ведущих ученых-атомников. По оперативным донесениям стало известно, что младший брат Кикоина открыто высказал свои сомнения в мудрости высшего руководства. Берия предложил Судоплатову предостеречь старшего брата, что тот и сделал, однако на следующий день сам Лаврентий Павлович приехал в лабораторию Кикоина и в присутствии ведущих сотрудников — Кикоина, Курчатова и Алиханова — заявил, что они «пользуются абсолютным доверием товарища Сталина и его личным» и что «нет никаких причин волноваться за судьбу своих родственников или людей, которым они доверяют, — им гарантирована полная безопасность».[52] К этому надо добавить: все мемуаристы свидетельствуют о том, что на предприятиях, руководимых Берией, арестов специалистов практически не было. Как хорошо известно, все эти меры привели к тому, что монополия США на атомное оружие была в 1949 г. ликвидирована.

История в событиях и лицах

1. ВАЛЕНТИН ОЛЬБЕРГ — ЖЕРТВА ДВУХ МИФОВ (ЭПИЗОД ЭПОХИ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА)

Валентин Ольберг (фотография, сделанная сразу после ареста)

Волна Большого террора конца 1930-х годов гибельным образом накрыла многие слои советского общества. Ее ужас и сам механизм организации «показательных процессов» и фабрикации клеветнических обвинений можно в полной мере осознать на примере трагической истории еврейской семьи Ольбергов.

Широкой, можно сказать, даже всемирной известности Валентин Ольберг удостоился, когда предстал в качестве обвиняемого на первом показательном процессе в Москве, проходившем 19–24 августа 1936 г. Главными фигурантами на этом «суде» были, конечно, такие ранее широко известные в стране политические и партийные деятели как Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев,

[52] *Судоплатов А. П.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. М., 1998. Т. 2. С. 147.

Бетти Ольберг (тюремная фотография)

С. М. Мрачковский, В. А. Тер-Ваганян, И. Н. Смирнов. Кроме них, было девять человек (включая В. Ольберга), являвшихся якобы членами подпольных террористических групп и активными участниками подготовки убийства руководителей партии и государства, иначе говоря — исполнителями заговоров, замышляемых главными обвиняемыми. Как известно, все подсудимые были признаны виновными и приговорены к расстрелу. Приговор был немедленно приведен в исполнение. Уже позднее стало известно, что тело Валентина, как и других казненных, было кремировано, а прах захоронен на Донском кладбище в Москве, ставшем в последующие годы огромной усыпальницей жертв террора.

В Постановлении № 79–88 Пленума Верховного Суда СССР о реабилитации всех осужденных по этому делу (в дальнейшем Постановление) содержится краткая биографическая справка об Ольберге: «Ольберг Валентин Павлович. 1907 г. рождения, уроженец г. Цюриха (Швейцария), с высшим образованием, член Коммунистической партии Германии с 1928 по 1932 г., до ареста 5 января 1936 г. преподаватель истории Горьковского педагогического института». В тексте самого приговора он фигурирует как «служащий».

Однако именно этот скромный молодой человек заслужил то особое внимание, которое ему было уделено в совершенно секретном Закрытом письме ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности

троцкистко-зиновьевского контрреволюционного блока» (в дальнейшем Письмо), адресованном обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий, горкомам, райкомам ВКП(б) 29 июля 1936 г., т.е. почти за месяц до процесса.[53] Сохранился проект письма с детальной правкой текста, произведенной лично И.В.Сталиным.

Из текста Письма, В.Ольберг предстает главным доверенным лицом Л.Троцкого и его сына Л.Седова. Организовав террористическую группу и нелегально прибыв в СССР по фиктивному паспорту республики Гондурас, приобретенному с помощью «немецкой охранки» ГЕСТАПО (так в тексте. — *В.В.*), он якобы собирался уничтожить Сталина. В письме широко цитировались выдержки из протоколов допросов В.Ольберга, содержащие его признательные показания. Разумеется, весь ход суда и приговор полностью соответствовали Письму, которое явно было директивным указанием для будущих судей.

На то, что все эти обвинения являются фальсификацией и мифом, указал уже в 1938 г. видный работник НКВД Г.С.Люшков, принимавший активное участие в подготовке процесса и сумевший вовремя бежать за границу.[54] Указанное Постановление о реабилитации, казалось бы, ставит окончательную точку в разоблачении этого мифа и полностью восстанавливает доброе имя всех его жертв.

Однако в отношении Валентина Ольберга дело обстоит не так просто. Он стал жертвой другого мифа — уже антисталинского. Одним из его авторов является бывший работник НКВД А.Орлов, сумевший в 1938 г., подобно своему коллеге Г.С.Люшкову, бежать за границу и опубликовавший через 15 лет книгу разоблачительного содержания «Тайная история сталинских преступлений».[55] В ней В.Ольбергу также отведено много места. Орлов утверждал, что Ольберг был давним сотрудником Иностранного управления НКВД и даже считался одним из наиболее опытных его агентов. Долгое время он якобы выполнял задания в Берлине и Праге по слежке за деятельностью германских троцкистов и представителей других ле-

---

[53] Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» // Известия ЦК КПСС. Москва, 1989. № 8.

[54] О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» // Известия ЦК КПСС. Москва, 1989. № 8. С.88.

[55] *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. СПб., 1991. С.64–67, 70, 75–79, 86, 89–94, 103, 148, 151, 153, 157.

вых партий. По заданию НКВД он пытался также (но безуспешно) стать секретарем Л. Д. Троцкого. В 1935 г. его отозвали в СССР и направили в Горьковский пединститут на должность преподавателя истории с целью выявления сторонников Троцкого среди студентов и преподавателей. На собеседовании в Горьковском крайкоме ВКП(б) выяснилось, что Ольберг не имеет высшего образования и не является гражданином СССР. Однако руководитель Ольберга, высокопоставленный сотрудник НКВД Молчанов, обратился за содействием к Ежову, и только после этого В. Ольберг стал преподавателем пединститута. Далее, согласно версии Орлова, когда в начале 1936 г. началась подготовка процесса, Молчанов поручает Ольбергу дать ложные показания против Л. Троцкого и других будущих подсудимых. Ему объяснили, что он выступит в качестве фиктивного обвиняемого на суде, но независимо от приговора его лично освободят и отправят на Дальний Восток, поручив ответственную работу. В. Ольберг согласился сотрудничать с Молчановым и подписывал все протоколы «допросов», которые составляли для него следователи. Орлов красочно описывает очную ставку Ольберга с одним из его друзей, также евреем, Зорохом Фридманом — одним из тех немногих, кого, несмотря на все методы воздействия, следствию не удалось сломить. В ходе очной ставки Фридман решительно отверг все выдвинутые против него обвинения. Дело при этом чуть не дошло до драки.

На суде В. Ольберг признал все выдвинутые против него обвинения. Правда, он обратил на себя внимание тем, что был единственным, кто в последнем слове просил у судей снисхождения и милости. Все последующие публикации, посвященные первому московскому показательному процессу, опираются на рассказ Орлова. Однако никаких доказательств, подтверждающих версию Орлова, до сих пор не приведено, поэтому вопрос о том, насколько она соответствует действительности, остается открытым. Между тем есть основания сомневаться в ее достоверности.

Прежде всего отметим общепризнанный факт — технология фабрикаций всех политических процессов того времени была, можно сказать, типовой. Обычно замысел возникал где-то в самых высоких сферах. Затем по их общему указанию органы НКВД по своему усмотрению арестовывали подходящий «человеческий материал», находящийся в пределах их досягаемости. После этого шла «разработка» фигурантов будущего «суда», распределение ролей и т. д. Если

попадались «неподдающиеся», вроде вышеупомянутого Фридмана, то их через какое-то время ликвидировали физически. Случай с Валентином, его супругой Бетти и братом Павлом полностью укладывается в эту схему.

В Справке Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратуры СССР, Комитета госбезопасности СССР «О так называемом Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» (в дальнейшем Справка) сообщается, что уже в январе-феврале 1935 г., непосредственно после убийства Кирова, И. В. Сталин и тогдашний глава НКВД Н. И. Ежов (конечно, по инициативе Сталина. — *В. В.*) «искусственно создали версию о тесной связи зиновьевцев и троцкистов и их совместном переходе к террору против руководителей Партии и Советского правительства и об объединении на этой основе всей их контрреволюционной деятельности».[56] Далее, согласно Справке, уже в середине 1935 г. Ежовым была выпущена специальная директива с указанием разыскать и ликвидировать существующий, но пока не раскрытый центр троцкистов. Разумеется, можно полагать, что особое внимание обращалось на иностранцев, по разным причинам переселившихся в СССР. Среди них, естественно, сразу же прокатилась широкая волна арестов. В один и тот же день — 5 января 1936 г. — Управлением НКВД Горьковского края были взяты под стражу Валентин Ольберг, его жена Бетти Ольберг (урожденная Зирман) и брат Павел Ольберг. Об этом свидетельствуют «Анкеты арестованных» и другие материалы, имеющиеся в нашем распоряжении (ксерокопии фрагментов первых протоколов допросов, личный листкок по учету кадров, заполненный Валентином Ольбергом в целях поиска работы, вид на жительство в СССР, личные фотографии арестованных, акты о реабилитации и т. д.). Согласно этим документам, предоставленным Центральным Архивом Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации, Валентин Ольберг прибыл в СССР как гражданин республики Гондурас по туристской визе, выданной ему советским консульством в Берлине 7 июля 1935 г., его жена, также с паспортом республики Гондурас, приехала к нему в г. Горький в ноябре 1935 г., а брат Павел

[56] О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». С. 82.

переселился в поисках работы в СССР еще в ноябре 1934 г., будучи гражданином Германии.

Обращает на себя один и тот же штамп, стоящий на первом листе всех трех анкет арестованных: «В Центральной картотеке СВЕДЕНИЙ НЕТ (так в тексте. — *В. В.*). Начальник 3-го отделения УСО (видимо Управления Секретного отдела. — *В. В.*) ГУГБ (Главного управления государственной безопасности. — *В. В.*) НКВД. 15/1 1936 г. Подпись (неразборчива. — *В. В.*).»

Анкеты В. Ольберга и П. Ольберга заполнены 9.01.1936, а Бетти — 13.01.1936. Так что справка в Центральной картотеке была наведена была наведена оперативно. То, что на Павла и Бетти сведений в Центральной картотеке не содержалось, вполне объяснимо. Но ведь согласно Орлову «Ольберг считался одним из самых опытных агентов» НКВД.[57]

К архивному делу, хранящемуся в архиве ФСБ РФ, приложены фотографии. С них смотрит тонкое, умное и красивое лицо интеллигентного молодого человека в очках, лицо типичного «кабинетного» ученого. Документы также опровергают утверждения Орлова о якобы полном невежестве В. Ольберга. Из упомянутого выше Листка по учету кадров явствует, что он в 1932 г. закончил исторический факультет «Высшей социальной школы» в Брюсселе, получив степень доктора. Его перу принадлежит научная работа «История германской социал-демократии в 1914 году». Согласно тому же Листку, он свободно владел русским, немецким, испанским языками, мог объясняться на французском. В 1930–1932 гг. преподавал в Марксистской Рабочей Школе в Берлине, в 1934 г. состоял доцентом в Институте им. Гегеля в Праге.

Интерес к социальным и политическим наукам Валентин, по всей видимости, унаследовал от отца, видного деятеля европейской социал-демократии — Пауля (Павла) Ольберга (1878–1960). Уроженец Риги, Ольберг-старший долго жил и работал в Германии, а после прихода Гитлера к власти, как еврей и марксист, эмигрировал в Швецию. Содержание его трудов не оставляет сомнений в его политических взглядах. В этих книгах с позиций социал-демократа-меньшевика критикуется политика Советской власти и Российской Коммунистической партии большевиков. Женой Пауля Ольберга и матерью обоих братьев была, по материалам анкет, «акушерка

[57] *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. С. 65.

и массажистка» Паулина Израилевна Бескина, проживавшая в момент ареста ее сыновей в Риге. Видимо, ей приходилось много путешествовать в связи с политической деятельностью мужа, поскольку Валентин родился в 1907 г. в Цюрихе, а Павел в 1909 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки). Павел, брат Валентина, получил инженерное образование, окончив в 1934 г. Пражский политехникум, и на момент ареста работал в Горьком, в тресте «Главмука».

Пауль и Паулина Ольберги были подданными Российской империи, а затем Латвии. В 1929 г. Ольберг-старший, а вместе с ним и его сыновья, получают германское гражданство но в 1933 г. распоряжением гитлеровских властей они были лишены его. Прибывший в СССР в ноябре 1934 г. и уже устроившийся на работу по специальности в г. Горьком, Павел к началу 1935 г. успел принять советское гражданство. Валентин же в 1934 г. получил временный (на три года) паспорт республики Гондурас в берлинском представительстве этой латиноамериканской страны. По этому паспорту ему и была предоставлена консульством СССР в Берлине туристская виза. Все эти сведения отражены в «Виде на жительство иностранца», выданном ему на три месяца 10 ноября 1935 г. ИНО (видимо, иностранным отделом. — *В. В.*) Горьковского крайисполкома, причем указана и цель приезда: «на работу». Бетти Ольберг показала на допросе, что она была лишена германского подданства в 1933 г. в связи с регистрацией брака с Валентином Ольбергом, к тому времени не принявшим никакого гражданства. Потом вместе с мужем она приняла гражданство республики Гондурас и по паспорту этой страны прибыла к мужу в г. Горький.

Судьба арестованных Ольбергов в январе 1936 г. была незавидной. Особо трагическую роль в их судьбе сыграл эпизод, связанный с Л. Д. Троцким. А. Орлов утверждал, что Валентин Ольберг, якобы по заданию НКВД, пытался стать секретарем Троцкого, проживавшего тогда в Турции, но вызвал подозрения и был отвергнут. Действительно, Валентин Ольберг переписывался с Троцким и его сыном Л. Л. Седовым. Более того, какое-то время он разделял взгляды Троцкого, что, впрочем, не было редкостью в тогдашней Компартии Германии.

Однако, как сообщил Ежов на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г., вся корреспонденция главного оппозиционера — Троцкого, в том числе и письма В. Ольберга, а также ответы на них исправно фотографировались подлинным секретным агентом

НКВД, внедренным в окружение Троцкого, и аккуратно пересылались в Москву. Эта переписка с Ольбергом велась в начале 30-х годов и не привлекла особого внимания чекистов. Но, как продолжал Ежов, который сразу схватился за это дело, на одном из совещаний ответственных работников НКВД, непосредственно в ходе подготовки процесса: «…замечательно, Троцкий — Ольберг, это будет хорошо». Получив от него предварительные материалы об Ольберге, Сталин поддержал наркома и возникло «дело» о ведущей роли Валентина Ольберга как главного связника Троцкого с зиновьевской оппозицией.[58] В общем, получается, что Ежов, естественно, по иронии судьбы, свидетельствует против версии Орлова.

Однако решающий удар мифу, созданному Орловым, наносят опубликованные ныне материалы следствия по делу Валентина Ольберга. Оказывается, первое время он категорически отрицал приписываемые ему преступления. Расследований этих заявлений не производилось, и от суда они были скрыты. Сам же Ольберг впоследствии во всех обвинениях на допросах стал признавать себя виновным».[59]

Необходимо несколько слов сказать о судьбе близких ему людей. Имя его брата Павла прозвучало на упомянутом выше процессе. Он был также обвинен в терроризме и связи с Троцким. Сегодня известно, что он вместе с 24 другими явно случайно собранными людьми, среди которых был так и не сломленный Зорох Фридман, был осужден на закрытом заседании Военной Коллегии Верховного Суда 2 октября 1936 г. и приговорен к расстрелу. Прах всех двадцати пяти захоронен на том же Донском кладбище в Москве, где уже несколько месяцев покоился прах его брата. Павел Ольберг был реабилитирован первым из всей семьи — в 1959 г.

Причудливо в своей трагичности сложилась судьба Бетти Ольберг, жены Валентина. Военная Коллегия Верховного Суда СССР на судебном заседании 14 ноября того же 1936 г. обвинила ее в тех же страшных преступлениях, что и ее мужа и Павла Ольберга, добавив еще и переброску в СССР террориста Курта Робеля. Однако, совершенно неожиданно для тех страшных лет, к ней было проявлено «милосердие», и ее приговорили только к 10 годам тюремно-

[58] Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. Москва. 1995. № 2. С. 17–18.

[59] О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». С. 176.

го заключения. В Заключении прокурора Управления Прокуратуры СССР от 5.12.1991 о ее полной реабилитации имеется странная запись, что «Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 5.02.40 года тюремное заключение ей было заменено высылкой из пределов СССР». Как выяснилось позднее, ее выслали в Германию вместе с коммунистами, переданными Сталиным в руки гестапо». К сожалению, ее дальнейшая судьба нам не известна.

Отец Валентина и Павла, Ольберг-старший, конечно, знал из открытой печати о трагической судьбе своих сыновей, и это явно сказалось на его публицистической деятельности. Его перу принадлежат книги с резкой критикой внутренней и внешней политики сталинского режима. Он ушел из жизни в 1960 г. в Стокгольме, видимо, так и не узнав о реабилитации своего сына Павла в 1959 г.

2. СТРАННАЯ КАРЬЕРА ЛЬВА МЕХЛИСА

Жизнь Льва Захаровича Мехлиса, в отличие от его современника и почти однофамильца Михоэлса, не привлекала особого внимания общественности. Это не совсем оправданно, поскольку судьба Мехлиса по-своему отражает историю российского еврейства в советскую эпоху. Вообще говоря, карьеры людей из низов общества, достигающих положения на вершинах власти, могут быть блестящими, случайными, заслуженными, незаслуженными, удивительными и всякими другими. Однако карьеру Мехлиса иначе как странной не назовешь — он прошел путь от увлекающегося идеями сионизма юного уроженца еврейской Одессы до сподвижника И. В. Сталина, остававшегося рядом с «отцом народов в течение многих лет. При этом вождь СССР, безжалостно расправившийся со многими своими бывшими друзьями и сотрудниками, не только при жизни отмечал своего помощника разными милостями. После

Л. З. Мехлис

кончины верного Мехлиса, произошедшей в самый разгар печально знаменитого «дела врачей», покойному были устроены торжественные государственные похороны, а урна с его прахом была замурована в Кремлевской стене.

Жизнеописанию Мехлиса посвящена книга Ю. Рубцова «Alter ego Сталина» (М., 1999). Труд автора, безусловно, заслуживает одобрения в отношении сбора и публикации фактического материала, особенно из ранее недоступных архивов, хотя можно упрекнуть его в тенденциозности, характерной для демократов первой волны. Кроме того, характеристика Мехлиса как «Alter ego» («второе “я”») такого самовластного вождя настолько не соответствует положению кого-либо в окружении Сталина, что автор сам отказался от него во втором издании книги. Кроме этой работы, о Мехлисе сохранилось много отрывочных воспоминаний в различной мемуарной литературе, что дает достаточно материала для характеристики его личности и жизненного пути.

Родился наш герой в славном городе Одессе в 1889 г. Еврейская община Одессы тогда была второй по численности в Российской империи. Согласно переписи 1897 г., евреи составляли 138 935 человек из общего числа жителей 403 815, т. е. примерно 34 %, причем родным языком 89,57 % евреев Одессы признали идиш. Жизнь и быт евреев этого веселого, открытого и разноплеменного города навечно запечатлены в творчестве великих мастеров слова, прежде всего И. Бабеля и В. Жаботинского.

Перепись 1897 г. также показала, что среди еврейского населения Одессы были люди разного общественного положения — от входивших в категорию «дворян и почетных граждан» (416 чел.) до крестьян (! — 1440 чел.), но основную массу перепись относила к мещанам — 118 863 чел.[60] К мещанам и принадлежала семья Мехлиса. В анкете, заполненной в 1927 г., он сообщает, что начал работать «с 14–15 лет — около 3 лет работал в конторе, потом давал уроки». В «Основной карте коммуниста», составленной в 1919 г., он сообщает, что получил «домашнее образование по полному курсу реального училища». Трудно понять, что это означает, но следует указать, что в Российской империи реальные училища — это средние учебные заведения (6 и 7 классов), программы которых отличались от гимназических тем, что в них было исключено изучение древних языков

[60] Одесса // Еврейская энциклопедия. Т. 12. Стб. 59.

и больше внимания уделялось математике и естественным наукам. Поскольку никто из мемуаристов не замечал у Мехлиса неграмотности в русском языке, то можно полагать, что его семья принадлежала к тем, где русский в качестве языка общения начал вытеснять идиш. Именно поэтому он в «Основной карте коммуниста» написал, что считает своим родным языком русский, но умеет говорить на еврейском. В общем, создается впечатление, что семья была достаточно бедной, а «домашнее образование» было, скорей всего, в значительной степени усердным самообразованием. (Правда, возможно, что какое-то учебное заведение он все же посещал, поскольку в 1927 г. он пишет в анкете: «До революции окончил шестиклассное еврейское училище и, кроме того, занимался самообразованием».[61])

О его достаточно прочной связи с еврейской средой свидетельствует вступление в 1907 г. в Еврейскую социал-демократическую рабочую партию «Поалей Цион» — «Рабочие Сиона» и, как он сам указал, работа в ее одесской организации. Стоит напомнить, что программа этой партии рабочих-сионистов ориентировалась на классовую борьбу и видела решение еврейского вопроса в создании социалистического и демократического государства на территории Палестины. Необходимо также напомнить, что революция 1905–1907 гг. в Одессе сопровождалась еврейскими погромами, а также бесчинствами членов пресловутого «Союза русского народа», поддерживаемых антисемитски настроенными городскими и военными властями. Нет сомнения, что молодой Мехлис вместе с товарищами по партии принимал участие в еврейской самообороне. Подробностей этого он никогда не вспоминал, но указал в анкете 1919 г.: «в 1907 г. в г. Одессе арестован и избит в Херсонском участке».[62] Надо также отметить, что о членстве в партии борцов за создание социалистического еврейского государства в Палестине он сообщал в анкетах только на первых шагах своей карьеры, полностью замалчивая это в дальнейшем. Больше ничего о его «революционной деятельности» вплоть до 1917 г. неизвестно, хотя, когда он стал заметным партийным деятелем, для официальных партийных биографов крайне желательно было бы найти нечто «героическое».

В 1911 г. он призывается на военную службу во Вторую гренадерскую бригаду. Служил, видимо, исправно, потому что через год ему

[61] *Рубцов Ю.* Alter ego Сталина. М., 1999. С. 52.
[62] Там же. С. 12.

было присвоено звание бомбардира, по-современному — ефрейтора. Это совсем немало, потому что в царской армии для военнослужащего иудейского вероисповедания пределом карьеры было звание фельдфебеля (старшины). Сохранилась его фотография 1912 г. С нее смотрит ладный солдат с бравыми «буденновскими» усами и нашивками на погонах. С началом Первой мировой войны он на Юго-Западном фронте, но никаких сведений об участии его в боях нет, хотя, как показала дальнейшая жизнь, в железной твердости характера и личной храбрости ему не отказывали даже недоброжелатели.

Собственно политическая и военная карьера Мехлиса началась после февральской революции 1917 г., когда ему было уже 28 лет. В революцию Мехлис включился немедленно, и было бы упрощением полагать, что из конъюнктурных соображений. Вере в классовую борьбу он не изменял никогда, но с фанатизмом неофита сменил ее прежнюю национальную оболочку на интернациональную — коммунистическую. Вряд ли бомбардир вообще знал тогда книжную марксистскую теорию. Однако он был из тех волевых вождей, которые знают немного, зато это немногое знают крепко. Мехлис твердо уверовал, что для построения свободного рабочего государства надо не ехать за тридевять земель, а бороться за него здесь, в России. Бывший социал-сионист становится вождем мятежных солдатских масс. Надо указать, что это были не просто солдаты, а банды вооруженных полуграмотных мужиков, бросивших фронт. По дороге они безжалостно расправлялись с офицерами, полицейскими, «буржуями». Не брезговали порой и еврейскими погромами. И вот в такой среде, где слушатели могли легко поднять на штыки неугодного оратора, Мехлису удается стать признанным вожаком. Случай, впрочем, не редкий в революционной России, где еврей Лев Троцкий (кстати, почти земляк Мехлиса), сумел создать в короткое время из этих толп победоносную Красную Армию. Льва Захаровича делегируют в Совет рабочих и солдатских депутатов в украинском городе Белая Церковь, где он возглавляет комитет по охране порядка в городе. В родную Одессу он возвращается в январе 1918 г. и включается в активную работу в секретариате «Румчерода» (Центральный исполнительный комитет солдатских, матросских и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа). 14 марта 1918 г. немецкие и австрийские войска занимают Одессу, и «Румчерод» эвакуируется сначала в Крым, а за-

тем на Северный Ковказ, и там, в городке Ейске, расположенном на берегу Азовского моря, Мехлис вступает в ряды Российской Коммунистической партии. В 1918 г. это не могло быть карьерным решением, поскольку победа коммунистов на заре гражданской войны была достаточно призрачной. Более того, все последующие события доказывают, что Мехлис стал фанатичным последователем коммунистической идеи — конечно, в том весьма узком и примитивном ее толковании, на которое был способен. На службе ей он не жалел никого, в том числе и себя. Уже на гражданской войне это проявилось в полной мере.

В мае того же года он в первый раз посещает Москву, и в связи с наступлением Деникина по партийной мобилизации направляется на фронт. Мехлис становится сначала комиссаром маршевой бригады. В первых же боях по подавлению мятежа Григорьева Мехлис проявил настоящие бойцовские качества, смело поднимал людей в атаку и пулям, как говорится, не кланялся. Но в полной мере его сильные и слабые качества проявились после назначения комиссаром 46 дивизии. На этом посту он совершал порой просто чудеса храбрости. Мехлис был способен явиться в одиночку в штаб взбунтовавшегося полка и силой своего авторитета, смелости, а также революционного слова разоружить вождя бунтовщиков, в результате чего бунт подавлялся. Мог также лично расстрелять грабителя или мародера. Вскоре командир 46 дивизии доносил в Москву, что комиссар в бою под Геническом «все время находится в передовых цепях, увлекая в атаку красноармейцев своим личным примером».[63] В этом бою Мехлис был ранен и представлен к награждению первым ордена Красного Знамени. Но были замечены и недостатки комиссара — отсутствие политического такта, упрямство, стремление всегда действовать жестокими мерами и превышать свои полномочия.

После излечения Мехлис был направлен в распоряжение реввоенсовета Юго-Западного фронта «для особых поручений». Именно здесь произошла его первая встреча с членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта и Политбюро Иосифом Сталиным. Тогда же родилась продолжавшаяся три десятилетия связь между этими столь разными людьми. Нет смысла пытаться объяснить ее рациональными причинами. Конечно, будущему вождю нужны были преданные, твердые, смелые, исполнительные, деловые, исключительно работо-

[63] Там же. С. 24.

способные люди, каким был Мехлис. Но вот почему целых тридцать лет (!) такой безжалостный, подозрительный и коварный правитель благоволил и сохранял доверие к этому одесскому еврею и бывшему социал-сионисту, объяснить невозможно. Именно И. В. Сталин позаботился о том, чтобы заслуги военного комиссара Мехлиса в Гражданской войне были отмечены в отредактированном и утвержденном им «Кратком курсе Истории ВКП(б)»[64].

В начале декабря, уже после участия в разгроме Врангеля и Махно, Мехлис избирается на 2-й Всероссийский съезд партработников Красной Армии и Флота, а также делегатом VIII Всероссийского Съезда Советов. А 31 декабря 1920 г. Мехлиса неожиданно демобилизуют из армии и направляют в распоряжение ЦК РКП(б). Сразу было ясно, что это не могло быть случайностью, поскольку в Красной армии было 174 дивизии и, кроме того, имелось достаточно партийных функционеров и среди гражданских лиц. Все становится понятным, когда через десять месяцев он начинает работать в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции, где наркомом был И. В. Сталин. Будущий Генеральный секретарь партии уже тогда начал действовать согласно своему изречению «кадры решают все», и Мехлис становится одним из этих кадров. В свою очередь, Сталин для Мехлиса станет тем, кем для фанатично верующего человека является посредник между Богом и людьми. Все его указания станут священными знамениями, какими были для предков Льва Захаровича слова Священного Писания и Талмуда.

Однако до перехода под непосредственное начальство вождя, 3 января 1921 г. он был назначен начальником канцелярии Совета Народных Комиссаров. Такая должность важна в любом правительстве, но в первом советском — особенно. Оно отличалось исключительным бюрократизмом и волокитой, приводившими самого Ленина в полное отчаяние. Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что Мехлис на этом посту проявил себя исключительно талантливым, говоря современным языком, менеджером. Не боясь прибегать к суровым методам, новый начальник навел исключительно строгий порядок в организации прохождения документов, их фиксации, службы информации и оперативной проверки выполнения всех указаний и приказов. Любое нарушение порядка рассматривалось как исключительное событие и соответственно каралось. Есть ос-

[64] История ВКП(б). М., 1938. С. 234.

нования полагать, что, хотя на этом посту он предоставлял Сталину полезную информацию, тот все же посчитал необходимым перевести способного и преданного человека непосредственно в свой наркомат, что и состоялось в ноябре 1921 г.

Мехлис сразу же занял весьма ответственный пост главы Центральной административной инспекции. На этой должности ему поручалось оптимизировать работу и структуры основных центральных ведомств страны: от Наркомата внутренних дел и всемогущего преемника Чека — ГПУ, до хозяйственной деятельности учреждений СНК РСФСР. На этом посту он, бывший конторщик в фирме Каца в Одессе, проявил огромный талант организатора управления огромной страной в самый трудный период возрождения ее экономической жизни. Поскольку войны с коррупцией и расточительством средств актуальны во все времена, то стоит привести пример деятельности Мехлиса. Только в Наркомате юстиции были выявлены и сокращены в два раза неоправданные завышения сумм, запрашиваемых на различные цели. К этому периоду относятся и выступления Мехлиса в ведомственной печати с весьма дельными предложениями. В частности, он предложил публиковать в газетах фамилии лиц, снятых за нерадивость, чтобы предотвратить их устройство на другие «хлебные» места. Сам Мехлис жил в 1922 г. с женой, бывшим военврачом Елизаветой Абрамовной Млынарчик, и новорожденным сыном Леонидом в густонаселенной коммунальной квартире.

Усиление позиций Сталина приводит к постепенному сосредоточению власти в аппарате Генерального секретаря ВКП(б), и совершенно естественным образом Мехлис в ноябре 1922 г. становится его личным помощником. По свидетельству бежавшего на Запад другого секретаря Сталина — Бажанова, кроме него только Мехлису разрешалось входить к генсеку без доклада. Других сотрудников пропускали только после доклада Льву Захаровичу. Следует добавить, что, по словам того же Бажанова, в приемной кабинета Сталина вместе с Мехлисом постоянно находился другой секретарь, тоже еврей, Каннер, что его удивляет ввиду наличия у Сталина (по мнению Бажанова) антисемитских настроений. Однако несколькими страницами ранее он пишет, что каждый из секретарей подбирал себе помощников. У Каннера это был «молодой, любезный еврей, партийная кличка которого Бомбин». У Мехлиса их два — один с весьма красноречивой фамилией Маховер, в качестве другого он

выбрал «Южака, чрезвычайно круглолицего и краснолицего молодого еврея»[65]. Скорей всего, это говорит о том, что Сталин, в отличие от Бажанова, не обращал внимания на национальность своих сотрудников.

Об отношениях Сталина и Мехлиса прямых сведений немного. С одной стороны, сообщают о постоянном подшучивании над ним вождя. Когда требовалось зажечь знаменитую трубку, Сталин звонил в секретариат: «товарищ Мехлис, спички[66]». Однако в записке на имя тогдашнего предсовнаркома А. И. Рыкова и В. М. Молотова от 17 июля 1925 г. Сталин пишет: «Прошу Вас обоих устроить Мехлиса в Мухолатку или другой благоустроенный санаторий, не обращайте внимания на протесты Мехлиса, он меня не слушает, он должен послушать Вас, жду ответа».[67] И, несомненно, если бы Лев Захарович только успешно помогал хозяину прикуривать, тот не выдвинул бы его в ноябре 1924 г. на важнейший пост своего первого помощника и одновременно заведующего бюро секретариата Центрального комитета, действующего на правах отдела ЦК. Иначе говоря, все сложнейшие детали борьбы против Троцкого и его сторонников разрабатывались при его организационном содействии. Более того, именно Мехлис сумел организовать основы аппарата партийной власти, просуществовавшего еще десятилетия после смерти Сталина. Однако вождь готовил для своего помощника новую, еще более ответственную роль.

Совершенно неожиданно Мехлис подает заявление об освобождении от должности заведующего ввиду зачисления сначала на курсы марксизма при Коммунистической академии, а затем в Институт красной профессуры (ИКП). При заполнении анкеты Мехлис уточняет свое образование. Оказывается, он много занимался самообразованием и даже без отрыва от работы в ЦК по совместительству учился на экономическом отделении факультета общественных наук Московского университета, но смог проучиться только 2 курса. ИКП предназначался для подготовки высококвалифицированных кадров высшей партийной номенклатуры. Для чтения лекций по различным общественным наукам приглашались старые «буржуазные» специалисты, зачастую враждебные новой власти, а марк-

[65] *Бажанов В.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 53, 77, 79.

[66] *Ефимов Б.* Товарищ Мехлис, спички! // Лехаим. М., 1997. С. 11.

[67] *Рубцов Ю.* Alter ego Сталина. С. 42.

систские дисциплины вели руководители страны. Надо указать, что ИКП был ареной идеологической борьбы сторонников и противников линии Сталина. Конечно, Мехлис безоговорочно боролся против «антипартийных элементов», но не пренебрегал и настоящей наукой. В частности, его доклад на третьем курсе «Вопросы заработной платы в СССР» был одобрен будущим академиком-экономистом С. Г. Струмилиным. Более того, одно время Мехлис был даже приверженцем Н. И. Бухарина, но после объявления последнего оппозиционером безоговорочно порвал с ним.

Немедленно после окончания ИКП в мае 1930 г., уже после окончательной победы генсека над оппозиционерами, новоиспеченный «красный профессор» направляется в редакцию главной партийной газеты «Правда». В следующем году пост ответственного (главного) редактора перешел к нему от сестры Ленина — М. И. Ульяновой. О характере нового курса газеты можно судить по заголовку подписанной Мехлисом передовицы «Сильнее огонь по оппортунизму и гнилому либерализму». Тогда же, в 1930 г., на XVI съезде он становится кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Вождь явно собирал силы для решающих боев с тайными и явными противниками или с теми, кого он считал таковыми.

Идеологическую линию партии новый редактор проводил жестко и последовательно. Как вспоминает известный карикатурист Б. Ефимов, брат знаменитого публициста М. Кольцова (оба работали в «Правде»), «если до прихода Мехлиса “Правда” была вполне авторитетной, читаемой и, в общем, нормальной газетой, то за рекордно короткий срок Лев Захарович превратил ее в некоторую директивно-контрольную, безапелляционную, карающую, непогрешимую инстанцию. Отныне быть раскритикованными или хотя бы неодобрительно упомянутыми в “Правде” означало крупнейшую неприятность для человека любого положения и ранга. Ни для кого не была секретом близость Мехлиса к Хозяину, и предполагалось, что все напечатанное согласовано с Вождем и Учителем … а в конце тридцатых годов возражать “Правде” стало просто опасно». На попытки некоторых журналистов, недовольных установленной Мехлисом казарменной дисциплиной, переменить место работы взбешенный Мехлис ответил: «Из “Правды” не уходят. Из “Правды” выгоняют».[68] При этом он, как всегда, не жалеет и самого себя, что

[68] *Ефимов Б.* Товарищ Мехлис, спички! С. 11, 12.

отмечают все, знавшие его по работе. Он лично проверял каждую строчку в газете и уезжал домой, только подписав номер в печать перед рассветом, но уже через полтора часа звонил дежурному. И, соответственно, такой же отдачи требовал от сотрудников. Сталин, конечно, отлично знал, кого назначил на пост руководителя главной газеты страны.

Характерен эпизод, записанный Ф. Чуевым.

«Секретари правления Союза писателей Фадеев и Макарьев пожаловались Сталину на главного редактора “Правды” Л. З. Мехлиса. Сталин сказал в ответ:

— Это страшный человек, Мехлис. Просите о чем угодно, но с ним я ничего не могу сделать. Он работал у меня помощником, и был случай, когда уборщица не успела протопить печи в Кремле, опоздала на работу, что-то у нее дома случилось. Мехлис ее уволил, — дескать, не заботится о здоровье т. Сталина. Она пришла ко мне в слезах, и я ее восстановил на работе. Но не тут-то было! Ко мне является Мехлис и кладет мне на стол заявление с просьбой уволить его по собственному желанию. Я удивился, а он говорит, что поскольку я отменил его приказ, то теперь у него не будет авторитета среди подчиненных. Я ему говорю: “Забери заявление и иди работай”. Далее следует рассказ, как Мехлис приносил ему через каждые два часа новые заявления. “Я вынужден был отправить его в «Правду». Это страшный человек. Ничего не могу с ним поделать”, — повторил Сталин».[69] Этот вполне правдоподобный в 1920-е годы эпизод достаточно хорошо иллюстрирует не только великое лукавство вождя, якобы не могущего унять своего назначенца. В нем достаточно ярко проявляется качества упрямого служаки, беззаветно преданного Хозяину.

Эти качества в полной мере проявились и во время великих чисток и показательных процессов 30-х годов. Возглавляемая Мехлисом газета становится главным рупором культа И. Сталина. На ее страницах ведется травля всех неугодных Хозяину лиц. На печально знаменитом февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК партии, давшем, по существу, сигнал большому террору, именно в выступлении Мехлиса прозвучали зловещие слова: «Предстоит большая прочистка мозгов, чтобы люди это поняли».[70] О степени доверия к нему вождя может говорить тот факт, что на тетради с записями показа-

[69] *Гусляров Е.* Сталин в жизни. М., 2003. С. 421.
[70] *Рубцов Ю.* Alter ego Сталина. С. 66.

ний, выбитых из редактора «Известий» Таля, стояла резолюция Сталина «Тт. Ежову и Мехлису. Прочесть совместно и арестовать всех упомянутых мерзавцев. И. Ст. »[71]. Иначе говоря, Лев Мехлис уполномочен работать в паре со всемогущим наркомом Ежовым.

Опуская подробности тех страшных лет, отметим только один поразительный факт. В то время погибли или обратились в лагерную пыль многие и многие бывшие выдающиеся руководители партии, армии, и, что особенно поразительно, органов безопасности во главе с наркомами Ягодой и Ежовым, причем многие из них — просто за то, что слишком много знали. Но человек, более всех осведомленный о делах подозрительного и коварного вождя, не только уцелел, но и получил заметное повышение. В октябре 1937 г. он переводится из кандидатов в члены ЦК и после 17-летнего перерыва направляется на военную службу. Совершенно неожиданно для всех решением Политбюро ЦК ВКП(б) Лев Захарович Мехлис назначается заместителем наркома обороны СССР и начальником Политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Ему было присвоено высокое звание армейского комиссара 2 ранга, а немного позднее — и 1 ранга. Более того, 13 марта 1938 г. он включен в состав вновь образованного Главного военного совета РККА — самую доверенную группу из девяти лиц во главе со Сталиным. Бывший социал-сионист возвышается до положения одного из главных руководителей коммунистической идеологии страны, а бомбардир 2 -й гренадерской артиллерийской бригады армии Николая II — до звания, соответствующего генерал-полковнику (затем генералу армии), и члена Военного совета великой державы, ставшей вскоре и сверхдержавой. Но пока что страну ожидала самая страшная в истории война.

На фотографиях в новой высокой должности Лев Захарович уже не был похож на прежнего бомбардира 2-й гренадерской бригады царской армии. С многочисленных снимков, часто в компании высших советских военачальников и рядовых бойцов, смотрит осанистый, уверенный в себе военный, в ладно сидящей на нем военной форме армейского комиссара 1 ранга. Последнее весьма странно для человека, привыкшего к кабинетной и редакторской работе. Пожалуй, можно отметить только то, что характерные черты лица и шапка густых черных курчавых волос стали гораздо резче подчеркивать

[71] *Ефимов Б.* Товарищ Мехлис, спички! С. 11.

его национальное происхождение. Назначение Мехлиса было встречено взрывом негодования со стороны бывшего первого наркомвоенмора Л. Троцкого. Со свойственной ему убийственной иронией изгнанник писал: «Назначая свою лошадь в сенаторы, Калигула хотел унизить римский сенат. Назначая своего лакея Мехлиса в вожди Красной Армии, Сталин преследует менее платонические цели. Бывший личный секретарь Сталина, бездарный карьерист, спец по закулисной интриге, исполнитель наиболее грязных дел хозяина, Мехлис силен лишь поддержкой Сталина».[72] Не вдаваясь в обсуждение таких хлестких характеристик от главного оппозиционера, следует отметить, что эту поддержку Мехлис получал до конца своих дней, чего больше никому из сотрудников вождя не удавалось.

Разумеется, новый главный партийный руководитель Красной армии прежде всего занялся «чисткой» армейских рядов. Дело доходило даже до прямых конфликтов с тогдашним наркомом обороны К. Е. Ворошиловым. В книге Рубцова указывается, что Мехлис обращался через голову наркома непосредственно к Сталину с подозрениями в адрес таких военачальников как будущие маршалы Г. К. Жуков, И. С. Конев, В. К. Блюхер, генералы А. В. Хрулёв и М. Ф. Лукин. Дело доходило до комизма. Во время командировки на Дальний Восток в период конфликта на озере Хасан в 1938 г. Мехлис телеграфировал Сталину о разоблачении им «шпионско-диверсионной группы» в… Краснознаменном ансамбле песни и пляски СССР, прибывшем туда на гастроли.

Для усиления партийного контроля над армией был снова, как и в гражданскую войну, учрежден институт комиссаров, ставших «глазами и ушами партии» — точнее, Сталина. Как писал Троцкий, «везде сидит свой Мехлис, агент Сталина и Ежова, и насаждает “бдительность” вместо порядка и дисциплины».[73] Осенью 1938 г. вышел в свет Краткий курс «Истории ВКП(б)», ставший основой партийно-воспитательной работы в войсках. Именно тогда — как полагают, при активном содействии Мехлиса — стал всемерно поощряться и распространяться лозунг «За Родину! За Сталина!».

Справедливости ради надо указать, что, когда в 1940 г. произошло смягчение радикальной чистки, эту политику поддержал и Мехлис, в том числе и в практической деятельности. Правда, к этому вре-

[72] *Рубцов Ю.* Alter ego Сталина. С. 96.
[73] Там же. С. 112.

мени в армии в основном завершился период замены кадров, выросших в гражданскую войну, новыми людьми, преданными новому руководству — точнее, личной диктатуре Сталина. Но нельзя вместе с тем не отметить, что ряд мероприятий были обоснованными в условиях приближающейся войны, ставшей войной Отечественной. Например, в 1940 г. принято решение Политбюро «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную Армию и не знающих русского языка». Еще за три года до этого, в 1937 г., Мехлис обратился в секретариат ЦК ВКП(б) по поводу того, что на Украине не издается ни одной (!) республиканской газеты на русском языке. Оказалось, что газета на русском языке издается только в одной (Донбасской) области из 12. После этого, по предложению Мехлиса, русскоязычные газеты появились в Киеве (республиканская) и в Харькове, Николаеве, Днепропетровске и Одессе (областные).[74] Более того, именно Мехлис заявил о необходимости воспитывать бойцов Красной Армии «на ее героических традициях и на героическом прошлом русского народа».[75] И это при том, что он оставался преданным сторонником мировой борьбы с «мировым капитализмом».

На XVIII съезде ВКП(б) Мехлис был избран членом ЦК и его Оргбюро, следовательно, такая линия поддерживалась высшим руководством. Именно тогда он оценил важность военной прессы и выдвинул будущего главного редактора центральной военной газеты «Красная звезда» Д. И. Ортенберга. Как вспоминает Ортенберг, Мехлис в качестве заведующего отделом печати ЦК заметил его как способного собкора «Правды» в Киеве. По прибытии в Москву Мехлис вручил ему папку с доносами на него, попросил ознакомиться и дать объяснения через месяц. Доносы и обвинения были самые ужасные и нелепые, но на дворе был 1937 г. Тем не менее, ознакомившись с ответами, как вспоминает Ортенберг, «нас (с его коллегой Баевым, бывшим в таком же положении. — *В. В.*) вызвал Мехлис. Мы шли к нему не очень веселые, взволнованные. Увидел он нас и по лицам понял наше настроение. Вышел из-за стола навстречу, пожал нам руки и сказал: “Я вам верю…” И тут же вручил нам не только наши заявления, но и папки с клеветническими доносами, и не без иронии сказал: “На память…”». А 31 декабря Мехлис, уже в форме

[74] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. С. 171.
[75] Там же. С. 218.

армейского комиссара 1 ранга, как начальник Главного политического управления Красной Армии, подписывает приказ о назначении Ортенберга заместителем главного редактора «Красной Звезды» с присвоением ему, тогда штатскому человеку, звания полкового комиссара. Затем последовал приказ: «Приступить к работе завтра!».[76]

Но, конечно, для военного руководителя, даже политического, главное испытание — война. И надо сказать, что в кабинетах и штабах Мехлис отсиживаться не собирался. Он был в боях на озере Хасан, на Халхин-голе и на прорыве линии Маннергейма. Как и в гражданскую войну, его отличали личная храбрость и мужество. Однако при слабом командующем проявлялись, как и тогда, его отрицательные качества — склонность к превышению полномочий, грубость, бестактность и жестокая неумолимость. Правда, при таком командующем, как Жуков (на Халхин-голе), Мехлис свое место знал. Но опять-таки, нельзя отрицать и то полезное, что он усвоил в ходе боев на Дальнем Востоке. Именно тогда Лев Захарович оценил важность, как сейчас принято говорить, «психологической войны». По его инициативе формировались редакции пропагандистских изданий на языках потенциальных противников. Готовились кадры для работы в этом направлении на языках японском, китайском, немецком, польском, финском, корейском, монгольском, эстонском, латышском, румынском и фарси. Постоянно устраивались страноведческие конференции, где обсуждались методы разложения войск враждебных армий и их тыла. Конечно, нередко директивы Мехлиса и особенно написанные им листовки были смешны или просто абсурдны, но в основном это направление принесло впоследствии реальную пользу.

Главным прологом к Отечественной войне была, конечно, Советско-финская война 1939 г., и в ней самое активное участие принял Лев Мехлис. Он сразу же отправляется в 11 армию, штурмовавшую линию Маннергейма. В письме домой сообщается: «Я крепко втянулся в работу, не видишь, как сутки прошли. Спишь буквально 2–3 часа и ничего»[77]. И, как всегда, главное — личный пример. Неоднократно главный комиссар Красной армии лично поднимал в атаку залегшие цепи пехоты и вел бойцов за собой. Бывало также, садился в передовой танк и лично пулеметным огнем расчищал путь на-

[76] *Ортенберг Д. И.* Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М., 1995. С. 3–5.
[77] *Рубцов Ю.* Alter ego Сталина. С. 130.

ступающей роте. Но по-прежнему проявлялись его давно известные недостатки. Нарком Военно-морского флота адмирал Н. Г. Кузнецов вспоминал: «…Мехлис — человек удивительной энергии, способный работать днями и ночами, но мало разбиравшийся в военном деле и не признававший никакой уставной организации». Но опять-таки при сильном и волевом командующем, каким, в частности и был сам Кузнецов, эти недостатки не имели роковых последствий.[78]

Но Мехлис умел учиться, в частности, как действовать на фронте психологической войны. Своевременно был снят лозунг об освобождении финских рабочих и крестьян от ига капитализма. Бойцам теперь разъясняли, что речь идет о необходимости обеспечить безопасность Ленинграда в будущей войне. Была налажена работа по разложению войск противника — напечатано около 40 миллионов экземпляров листовок на финском языке, появились в войсках и звуковещательные установки. В результате в финских войсках участились случаи дезертирства и даже переходов на сторону Красной армии. Более того, Мехлис принял и далеко идущие меры. В войсках были созданы специальные отделы по работе на военнослужащих противника, в системах Политуправлений приграничных округов были сформированы 28 редакций газет на иностранных языках.

Здравые мысли были высказаны им и на пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 г., посвященном итогам финской кампании. В частности, он резко критиковал наркома по военным и морским делам Ворошилова, попросившегося за ее результаты в отставку, и заявил: «Ворошилов так просто не может уйти со своего поста, его надо строжайше наказать». Тут, по воспоминаниям генерала Хрулёва, Сталин поднялся со своего места и, оттолкнув с трибуны Мехлиса, заявил: «Вот тут Мехлис произнес истерическую речь. Я в первый раз в жизни встречаю такого наркома, который с такой откровенностью раскритиковал свою деятельность. Но с другой стороны, если Мехлис считает это удовлетворительным (то что, он требует. — *В. В.*), то я вам могу начать рассказывать о Мехлисе, что он собой представляет, и тогда от него мокрого места не останется»[79]. Но на этом все и закончилось.

Надо отметить, что отношения между вождем и его сподвижником были, мягко говоря, странными. Как, вспоминает Ортенберг, до

[78] Там же. С. 133.
[79] *Рубцов Ю.* Alter ego Сталина. С. 135.

войны он «не очень-то боялся и Сталина. Был такой случай. Мехлис находился у Сталина. Рядом сидел Каганович. Был сердитый разговор у Сталина с Мехлисом. Словом, дело дошло до того, что Сталин покрыл Мехлиса матом. А Мехлис тут же такими же словами ответил Сталину.

Каганович, перепуганный поведением Мехлиса, написал ему записку: "Как ты смел так обругать его? Сейчас же извинись". Мехлис сказал мне, что не извинился»[80].

Кажется невероятным, но честность Ортенберга вне всяких сомнений! Правда, надо полагать, что все же подобный «обмен любезностями» мог иметь место в лучшем случае не позже самого начала 1930-х годов. Объяснить такую непонятную терпимость к своему многолетнему помощнику со стороны вождя, конечно, не сможет никто, но понимать, а также использовать положительные его качества Сталин, конечно, умел в полной мере.

Видимо, учитывая необходимость укрепления государственного аппарата перед новыми, еще более тяжелыми испытаниями — и, разумеется, по инициативе Сталина — Мехлис временно оставляет военную службу и назначается в сентябре 1940 г. на пост руководителя вновь созданного Наркомата государственного контроля. Эта должность ни в коем случае не была синекурой. Новому наркомату были даны самые широкие полномочия в области строжайшего контроля над расходованием финансовых и материальных ресурсов, проверке исполнения бюджетов всех уровней. Наркому было предоставлено право самостоятельно проводить проверки и ревизии всех уровней, принимать самые решительные меры против нарушений финансовой дисциплины, растрат государственный средств и прямых хищений. Тогда, как и сегодня, многие высшие партийные и хозяйственные чиновники путали государственный карман со своим. Они обзаводились роскошными дачами — дворцами в 15–20 комнат, приобретали дорогую мебель, другие предметы роскоши. Тут надо отметить, что Мехлис был уже достаточно компетентен в вопросах экономических. Вспомним, что в Институте красной профессуры его доклад по экономике хвалил будущий академик Струмилин, а позднее ему даже было присвоено звание «доктора экономических наук». Но, безусловно, в тех условиях мобилизационной экономики было не до применения «рыночных методов». Как вспоминал быв-

[80] *Ортенберг Д. И.* Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. С. 18.

ший министр сельского хозяйства И. А. Бенедиктов, «Сталин использовал его (Мехлиса. — *В. В.*) как своего рода “дубинку страха”, с чьей помощью из руководителей всех рангов выбивалось разгильдяйство, ротозейство, беспечность и другие наши болячки… И надо сказать, подобный, не очень привлекательный, метод срабатывал эффективно»[81].

Действия беспощадного наркома, как видно, настолько одобрялись, что вскоре он уже как заместитель главы правительства курирует работу 46 наркоматов и ведомств, в числе которых — Наркоматы Обороны и Военно-морского флота.

4 мая 1941 г., явно сознавая приближающуюся бурю, Сталин лично возглавил Совет Народных Комиссаров СССР. О том, что она скоро разразится, Льву Захаровичу дали почувствовать за день до ее начала. 21 июня ему был доставлен фельдъегерем срочный пакет, в котором содержалось постановление Политбюро ЦК ВКП(б). Он снова назначался на старую должность, называемую теперь начальник Главного управления Политической пропаганды (затем снова Политического управления) Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), с сохранением прежней должности. Мехлис — снова в форме армейского комиссара 1 ранга, что только на одну ступень ниже звания маршала, немедленно принимает дела в министерстве обороны. Судя по записям в журнале посетителей кабинета Сталина, он в ночь на 22 июня принимает участие в совещании высших руководителей страны. Он же вместе с Тимошенко, Жуковым, Молотовым, Берия, присутствует также на совещании у Сталина, состоявшемся у него в 5 часов 45 минут 22 июня после первого сообщения о нападении Германии на СССР. А 10 июля 1941 г. он назначается заместителем наркома обороны СССР.

Как и для всей страны, самыми трудными для него были первые месяцы Великой Отечественной войны. Ведомству Мехлиса пришлось в условиях почти полного хаоса обеспечивать политическое и идеологическое руководство войсками, а также тотальной мобилизацией всей страны на отпор смертельному врагу. В том идеологизированном обществе, каким был тогда Советский Союз, это было жизненно необходимо для спасения страны и народа. С первых же даже не дней, но часов Мехлис, как обычно, показал на что он способен. Энергия его поражала всех, спал он буквально на рабочем ме-

[81] *Рубцов Ю.* Alter ego Сталина. С. 147.

сте 2–3 часа в сутки. Впрочем в Москве он бывал редко, поскольку все время он старался проводить в войсках. Самым важным было прежде всего изменение тональности пропаганды в войсках. Новая идеологическая доктрина представляла войну как Отечественную, подчеркивала ее национальный характер. Были сняты старые коминтерновские лозунги об интернациональных задачах Красной Армии как передового отряда мирового рабочего класса. Жестко ставился вопрос о смертельной схватке с гитлеровской Германией, стремившейся истребить русский и другие народы СССР, а также захватить их земли. Катастрофический характер начала войны вынудил вновь возродить в войсках институт военных комиссаров во всех воинских подразделениях, начиная с танковых рот и артиллерийских батарей. Комиссарам предписывалось ни в коем случае не ограничиваться только пропагандой, а непосредственно отвечать и за «военную работу». Конечно, это нередко влекло за собой нарушение принципа единоначалия, но в конкретных условиях того момента комиссарский корпус сумел помочь сцементировать коллективы воинских подразделений и личным примером поднимать боевой дух в самых отчаянных положениях. Своеобразным «комплиментом» комиссарам может служить приказ германским войскам о немедленном расстреле пленных командиров с комиссарскими звездами на рукавах гимнастерок.

Особо следует остановиться на непосредственной деятельности Мехлиса на фронтах в 1941 г. Он неуклонно проводил общий курс страны на организацию сопротивления врагу, не считаясь ни с какими жертвами. Формально он был представителем Ставки Верховного командования, но фактически являлся личным представителем Сталина с самыми широкими полномочиями. Маршрут его командировок в первые полгода совпадал с самым опасным направлением наступления врага — Западный, Центральный, Северо-Западный, Резервный и Волховский фронты.

Доклады Верховному об обстановке направлялись каждый день. Предложения о предании военному суду командующего Западным фронтом генерала Д. Г. Павлова, начальника штаба Западного фронта В. Е. Климовских, командующего 4-й армией генерала А. А. Коробкова и других были немедленно одобрены Сталиным. Несправедливое осуждение этих лиц к высшей мере наказания явно преследовало цель показать населению и войскам, что катастрофический разгром вызван только предательством и нерадивостью от-

дельных лиц. Впоследствии они были посмертно реабилитированы. Но, разумеется, нельзя утверждать, что все страдали незаслуженно. По воспоминаниям генерала К. А. Мерецкова, уже в решающих сражениях под Волховым 11 сентября 1941 г. в тылу фронта были обнаружены командующий 34 армией генерал К. М. Качанов и начальник артиллерии армии генерал В. С. Гончаров. «Оба они ничего толком о своих войсках не знали и выглядели растерянными».[82] Расправа была короткой — оба были расстреляны; однако только Мехлис решился на расстрел без суда перед строем особо провинившегося Гончарова. Дело в том, что именно этого генерала проверяющие обвиняли не только в трусости и бегстве в тыл, но и в двухдневном пьянстве в ходе боев.

Конечно, одними расправами деятельность Мехлиса не ограничивалась. С присущей только ему бешеной энергией он много делает для оперативной доставки на фронт вооружений и пополнений и особенно продовольствия и фуража. Находил он время и для политической и культурной работы в войсках. Сохранилось его требование, например, прислать на фронт хороший оркестр, звуковещательную станцию, оборудование для типографий и… 100 гармошек. О том, что в целом его деятельность оценивалась высоко, свидетельствует просьба от 5 января 1942 г. командующего Волховским фронтом генерала К. А. Мерецкова и члена Военного совета А. И. Запорожца продлить командировку Мехлиса. Согласие Сталина было получено, но уже 13 января из Москвы последовал приказ срочно прибыть для нового важного назначения. Немедленно по прибытии Верховный приказывает ему отправиться в Крым, где под угрозой оказалась многообещающая вначале десантная операция советских войск в Керчи и Феодосии.

Но прежде чем перейти к этой трагической странице в жизни не только Мехлиса, но и всей страны необходимо хотя бы кратко сказать о деятельности его в области психологической войны. Она слагалась из двух частей — во-первых, поддержание боевого духа советских войск, во вторых, пропаганда в войсках противника. Первая часть проблемы была выполнена, можно сказать, «на отлично». Прежде всего, по его инициативе руководителем главной армейской газеты «Красная звезда» Сталин утвердил исключительно талантливого редактора и журналиста Д. И. Ортенберга (генерала Вадимова).

[82] Там же. С. 188.

Во многом благодаря лично Ортенбергу, «Звездочка» стала горячо любимой в войсках На ее страницах выступали в качестве фронтовых корреспондентов 114 членов Союза Писателей СССР, в том числе такие мастера как Илья Эренбург, Алексей Толстой, Василий Гроссман, Андрей Платонов, Константин Симонов, Алексей Сурков и многие другие. На нее равнялись и фронтовые газеты.

Со вторым дело обстояло сложнее. Правда, отлично работало Советское бюро военно-политической пропаганды против войск противника. О размахе работы в этом направлении можно судить хотя бы по следующему факту. По указанию Мехлиса был организован перевод Заявления Советского правительства по поводу начала войны на немецкий, финский, румынский и польский языки. И на рассвете 23 июня 3 миллиона листовок было отправлено на фронт для распространения. Но ввиду исключительно упрямого, не терпящего возражения характера Мехлиса допускались и крупные ошибки. Так, например, он решил, что захваченные среди трофеев игральные карты с изображениями порнографического характера свидетельствуют о разложении немецкой армии. Мехлис решил придать этому факту политическое значение и выпустить соответствующую листовку. Никакие уговоры о том, что это обычное явление для немецкой армии, не помогли. Были отпечатаны 11 млн листовок. Уже потом, при его преемнике их удалось изъять и уничтожить[83]. Но, безусловно, в период успехов вражеских войск на фронтах работа по разложению их была объективно весьма трудным делом.

Но впереди Мехлиса ждал Крымский фронт.

Крымская операция сыграла настолько важную роль в жизни нашего героя, что на ней стоит остановиться подробнее. Южным фронтом, на котором Красной Армии противостояли немецкие и румынские войска, командовал маршал С. М. Буденный. Герой гражданской войны, бывший командир Первой Конной армии явно не соответствовал требованиям «войны моторов». Это в немалой степени способствовало стремительности вражеского наступления на юге. Положение усугублялось и тем, что германскими войсками на самом южном участке этого фронта руководил считавшийся лучшим стратегом Третьего рейха Эрих фон Манштейн. Его 11 армии 28 октября, после 10 дней тяжелых боев, удалось прорваться в Крым, и к 16 ноября 1941 г. весь полуостров, исключая Севастопольский

[83] Там же. 168.

укрепленный район, оказался под контролем противника. Остатки двух советских армий спаслись через Керченский пролив или отошли в Севастополь. Положение сложилось критическое, поскольку перед врагом открывался путь на Кавказ. К счастью, Севастополь оказался крепким орешком, и его гарнизон, постоянно пополняемый по морю, не позволял Манштейну двигаться дальше через Керченский пролив. Немцами было принято решение начать осаду города. Но бои за крепость затянулись до декабря.

И тут 26 декабря советское командование предприняло смелые десантные операции. Как пишет в своих мемуарах Манштейн, «высадка советских войск на Керченском полуострове, предпринятая как раз в тот момент, когда решался исход боя на северном участке Севастопольского фронта, как вскоре оказалось, не была просто маневром противника, рассчитанным на отвлечение наших сил. Советские радиостанции сообщали, что речь идет о наступлении с решительной целью, с целью возвращения Крыма, проводимом по приказу и планам Сталина. Как было объявлено по радио, борьба будет закончена только уничтожением 11 армии в Крыму, и то, что эти слова не были пустой угрозой, вскоре было подтверждено большой массой войск, брошенных в наступление. В этом обстоятельстве, как и в том, что противник расходовал силы, ни с чем ни считаясь, чувствовалась жестокая воля Сталина».[84]

Начало операции было вполне успешным. Советские войска стремительным ударом выбили немцев из Керченского полуострова и Феодосии, а 5 января последовал десант в Евпаторию, где десантники, поддержанные крымскими партизанами, начали ожесточенные бои в городе, отвлекая значительные силы оккупантов. О степени угрозы, нависшей над 11 армией, откровенно пишет и Манштейн: «Если бы противник использовал выгоду создавшегося положения и быстро стал бы преследовать 46 (немецкую) пехотную дивизию от Керчи, а также ударил решительно вслед отходившим от Феодосии румынам, то создалась бы обстановка, безнадежная не только для этого вновь возникшего участка Восточного фронта 11 армии. Решалась бы судьба всей 11 армии. Более решительный противник мог бы стремительным прорывом на Джанкой парализовать все снабжение армии. Отозванные от Севастополя войска … могли прибыть

[84] *Манштейн, Эрих фон.* Утерянные победы. М., 1999. С. 246.

в районы западнее и северо-западнее Феодосии не раньше, чем через 14 дней»[85].

Иначе говоря, добавим к этим признаниям врага, если бы командующим операцией был полководец типа Жукова или Рокоссовского, то замысел, приписываемый Сталину, мог бы увенчаться полным успехом. В результате операция, подобная Сталинградской, могла бы состояться в начале, а не в конце 1942 г., одновременно с разгромом немцев под Москвой. Этому способствовало то, что Керченский пролив замерз и советские войска смогли наладить бесперебойную доставку подкреплений, боеприпасов и всего необходимого снабжения войскам. Более того, как свидетельствует тот же Манштейн, «как будто все вступило в заговор против нас. Сильный мороз на аэродромах в районах Симферополя и Евпатории, с которых должны были подниматься наши бомбардировщики, часто препятствовал старту самолетов для налетов в места выгрузки противника в Феодосии».[86] И это при том, что, по словам того же Манштейна, в Крыму уже тогда развернулось массовое партизанское движение, представлявшее серьезную опасность для передвижения войск оккупантов. Но, к несчастью для советских войск, командование десанта после первого успеха не решилось развить его и стало топтаться на месте, позволив тем самым противнику перебросить войска с Севастопольского фронта. Этим была устранена, как пишет Манштейн, «смертельная опасность» для его 11 армии, и бои приняли затяжной позиционный характер.

В Москве, видимо, начали понимать, что ход столь хорошо задуманной и весьма успешно начатой операции затормозился. Система правильной работы Ставки Главного Командования еще не сложилась, и Сталин посылает на фронт в Крым своего надежного, доказавшего умение «потребовать» человека — армейского комиссара 1 ранга Мехлиса. Лев Захарович прибывает 20 января 1942 г. на Крымский фронт в сопровождении двух помощников: политработника дивизионного комиссара П. А. Дегтярева и заместителя начальника оперативного управления Генерального штаба генерал-майора П. П. Вечного. Заметим, что с начала операции (26 декабря 1941 г.) прошел уже почти месяц, и время для ее успеха явно ушло. Но положение оказалось еще хуже. Уже через два дня Мехлис докладывает

[85] Там же.С. 248.
[86] Там же. С. 252.

Сталину из Керчи: «Застали самую неприглядную картину организации управления войсками… Комфронта Козлов не знает положения частей на фронте, их состояния, а также группировки противника. Ни по одной дивизии нет данных о численном составе людей, наличии артиллерии и минометов. Козлов оставляет впечатление растерявшегося и неуверенного в своих действиях командира. Никто из руководящих работников фронта с момента занятия Керченского полуострова в войсках не был…»[87] Словом, сразу стало очевидно, что не только развить успех, но и просто удержать позиции можно только полностью сменив командование фронтом.

Однако это не было сделано, и Мехлису пришлось действовать привычными методами. С присущей ему бешеной энергией он берет на себя управление войсками, добивается укрепления дисциплины, пользуясь своим положением, добивается прибытия пополнений, боевой техники и политработников. Со Сталиным он связывается непосредственно. В пропагандистских материалах недостатка не было. В освобожденных районах Крыма были обнаружены следы недолгого хозяйничания гитлеровцев. Например, согласно Оперативному рапорту № 150 начальника полиции безопасности и СД от 2.1.1942 г. «с 16 ноября по 15 декабря 1941 г. расстреляны 17 646 евреев, 2604 крымчака, 824 цыгана и 212 коммунистов и партизан». Но поскольку в том же рапорте отмечено, что всего за этот период было казнено 75 881 человек, в основном, как обычно, военнопленных, то расстрелы практиковались весьма и весьма широко.[88] Как всегда, поражает лицемерие «лучшего стратега фюрера» — хозяина оккупированного Крыма фельдмаршала Манштейна. На Нюрнбергском процессе он, оказывается, ничего об этих зверствах не знал, а когда ему предъявили его собственные приказы, заявил, что забыл о них. Но, разумеется, рвение Мехлиса могло принести действительную пользу только при таком сильном руководителе как, скажем, К. Мерецков, просивший в свое время Сталина продлить командировку Мехлиса. К слову сказать, это понимал и сам Лев Захарович, постоянно просивший Верховного сменить Козлова. Но Сталин почему-то уверовал в своего назначенца и однажды даже ответил с явной досадой: «Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве

[87] *Рубцов Ю.* Alter ego Сталина. С. 203.

[88] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1945). Иерусалим, 1992. С. 182.

Гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и вы могли бы сами справиться с ними».[89]

Конечно, сыграло свою роль и то, что на стороне немецких войск было подавляющее превосходство в технике, прежде всего в авиации. Все это привело к тяжелейшему концу столь перспективной операции. В результате немецкого наступления к концу мая 1942 г. разгром Крымского фронта был полным. Как справедливо отмечал адмирал Кузнецов, «…Мехлис во время боя носился на “газике” под огнем, пытаясь остановить отходящие войска, но все было напрасно. В такой момент решающее значение имеют не личная храбрость отдельного начальника, а заранее отработанная военная организация, твердый порядок и дисциплина».[90] Лев Захарович сознавал катастрофу, явно искал смерти, но пули и снаряды, к удивлению всех свидетелей, поражая его спутников, каким-то чудом щадили его. Надо отметить, что после оставления Керчи остатками войск Крымского фронта Мехлис в докладе Сталину не пытался оправдываться и сваливать вину на других. Там четко написано: «Сил, чтобы держать Керченский полуостров, было достаточно. Не справились. … Не бойцы виноваты, а руководство в исходе операции».[91]

Крымская кампания, оказалась неудачной для Мехлиса, который, правда, лично себя за полководца никогда и не выдавал. Впрочем, в первый год войны гораздо б*о*льшую несостоятельность показали и такие вожди армии как маршалы Ворошилов, Буденный, Кулик и (правда, в меньшей степени) Тимошенко. Однако война, особенно такая грандиозная, как Великая Отечественная, вещь сложная. Несмотря по сокрушительное поражение Крымского фронта и большие потери, его активные действия с конца декабря 1941 до конца мая 1942 г. позволили осажденному Севастополю продержаться вплоть до начала июля. Как отмечал немецкий военный историк Вегнер, «Как ни велика была это победа, но обошлась она дорогой ценой. Целая армия в течение длительного времени оказалась прикованной к хотя и не второстепенному, но все же изолированному театру военных действий, ее потери в живой силе превысили средний уровень, а материальное снабжение потребовало огромных затрат. К тому же из-за битвы за Севастополь произошла задержка

[89] *Рубцов Ю.* Alter ego Сталина. С. 226–227.
[90] Там же. С. 221.
[91] Там же. С. 226.

с началом операции “Блау” (наступление на Кавказ и Сталинград. — *В. В.*)»[92]

Все ожидали, что по примеру прошлого все виновные в поражении пойдут под военный трибунал. Однако в директиве, подводящей трагические итоги Крымской операции, было сказано только следующее: «Снять армейского комиссара 1-го ранга т. Мехлиса с постов заместителя народного комиссара обороны и начальника Политического управления Красной Армии и снизить его до звания корпусного комиссара…»,[93] т.е. понижение сразу на две ступени, в армейском эквиваленте — с генерала армии до генерал-лейтенанта. Аналогичное наказание постигло и других руководителей фронта. Существует много рассказов и слухов о том, как изменилось отношение Главнокомандующего к своему порученцу. Но, каким бы странным это ни казалось, все же полагаю, что война научила вождя более рационально использовать имеющиеся кадры преданных людей. Об этом же говорит и свидетельство близкого Мехлису человека — Д. И. Ортенберга. Он вспоминает:

«На второй день после этого приказа (о понижении в звании) я зашел к Льву Захаровичу домой. В таком виде я его никогда не видел. Его терзало и угнетало поражение в Керчи и в связи с этим перемена Сталина в отношении к нему. Сидели мы, молчали, сочувствие у меня было немое. И вдруг открывается дверь, входит лейтенант из фельдъегерской связи и приносит большой, красного цвета конверт. Такие я тоже получал из Ставки или ЦК партии. Открыл он пакет, а там постановление ЦК, подписанное Сталиным, о создании какой-то важной комиссии при ГлавПУРе (Главном Политическом управлении Красной Армии). Среди других там обозначено и имя Мехлиса. Прочитал я это и сразу же говорю:

— Лев Захарович, Сталин, видимо, знал, как вы себя чувствуете, и этим постановлением хотел успокоить, несмотря ни на что, сказать, что он на вас крест не поставил… Не все потеряно. Идет война, можно все поправить…

[92] *Вегнер Б.* От «жизненного пространства» к пространству смерти. Военные действия Германии между сражением под Москвой и Сталинградской битвой // Сталинград. М., 1994. С. 23.

[93] *Рубцов Ю.* Alter ego Сталина. С. 229.

И действительно, вскоре Мехлис стал членом Военного совета фронтов, а сразу после войны его вернули на должность Наркома госконтроля СССР».[94]

Надо сказать, что трагические события в Крыму не прошли для Мехлиса бесследно. Об этом же пишет в цитированных выше воспоминаниях Ортенберг, встречавшийся с опальным Мехлисом на различных фронтах, в частности, на Волховском. Тогда, в январе 1943 г., в дни прорыва блокады Ленинграда, командующий фронтом генерал К. А. Мерецков так отзывался о члене Военного совета своего фронта: «Неудачи в Крыму, видимо, кое-чему Мехлиса научили. Он, вероятно понял, что вопросы тактики, военного искусства — не его сфера деятельности. Но так или иначе, на нашем фронте он занимался, главным образом, политической работой, организацией снабжения всем необходимым. Для подготовки операции "Искра" он немало сделал. Это — человек смелый, честный. От Сталина он ничего никогда не скрывал. Сталин это знал и доверял ему. В результате, если Мехлис что-либо писал Верховному, ответные меры принимались весьма быстро, даже, казалось бы, по мелким вопросам».[95]

Как видно, Верховный продолжал ценить преданность и деловитость своего помощника. Ему в качестве члена Военного Совета поручалось привести в полную боевую готовность 3-ю, 4-ю и 6-ю резервные армии. Затем до конца войны был членом Военного Совета многих фронтов. По мере сил старался повысить и свои военные знания. Конечно, постоянно давали себя знать и старые замашки, в частности стремление все проблемы решать крутыми расправами и грубым вмешательством в оперативные распоряжения командиров, а также склонность к интригам. Но все это проявлялось в уже в значительно меньшей степени.

Следует отметить также, что Мехлис сумел переломить себя и признать, что необходимо отказаться в современных условиях от сложившегося во время гражданской войны института военных комиссаров и перейти к единоначалию. Это явно не осталось незамеченным, и Главнокомандующий не обделял вниманием своего старого соратника. Летом 1943 г. за участие в качестве Члена военного совета фронта в Курской битве он награждается первой боевой наградой — орденом Красного Знамени, затем за участие в Опера-

[94] *Ортенберг Д. И.* Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. С. 183–184.
[95] Там же. С. 180.

ции «Багратион» — полководческим орденом Кутузова I степени, а в 1944 г. ему, одному из очень немногих политработников высокого ранга, присваивается звание генерал-полковника. Кстати сказать, под его началом служил и начальник политотдела 18 армии Леонид Ильич Брежнев. Заканчивает Мехлис войну членом Военного совета 4 Украинского фронта, освободившего города Моравска-Острава и Прагу. Как вспоминает Ортенберг, «человеком он оставался храбрым, никакая огненная преграда не могла его сдержать», но фактически в условиях уже хорошо сложившейся системы военной организации на всех фронтах к концу войны делать ему практически было нечего. Мемуарист продолжает: «Бывало я заезжал на КП фронта, вижу, он отдыхает, заводит пластинку с одной и той же песней раз десять! Это ли Мехлис!»[96] Заканчивая военную тему, стоит только указать, что Лев Захарович, судя по его письмам домой, очень переживал, что его единственный сын Леонид, учившийся в военном училище, по состоянию здоровья не смог воевать. Можно не сомневаться в искренности его обращения к сыну: «Люби, родной сын, свою родину больше, чем свою мать и отца, больше, чем самую жизнь». А в мае 43-го он пишет: «надо окрепнуть и идти в армию, защищать родину».[97]

Однако не надо забывать, что в отличие от других армейских политработников, Мехлис всю войну оставался членом Оргбюро ЦК ВКП(б), а до мая 1944 г. — даже заместителем главы правительства. В феврале 1946 г. он избирается (по существу, назначается) членом Верховного Совета СССР. 19 марта 1946 г. Мехлиса утверждают министром государственного контроля СССР. Сталин, назначая его, видимо, полагал полезным его опыт в решении грандиозных задач перевода мобилизационной экономики в экономику мирного времени, демобилизации огромных вооруженных сил, восстановлении разрушенной экономики. Надо сказать, что Мехлису эта последняя в его жизни государственная должность была весьма знакома и, главное, в полной мере соответствовала его складу характера и опыту работы. О значении, которое придавалось его министерству, свидетельствует тот факт, что оно должно было курировать 76 бывших наркоматов (ныне министерств) и других центральных ведомств. С самого начала огромное внимание уделялось наведению жесткого

[96] Там же. С. 182–183.
[97] *Рубцов Ю.* Alter ego Сталина. С. 292.

порядка в финансовой и штатной дисциплине всего государственного аппарата. Конечно, главным методом работы Министерства было повышение требовательности, закручивание гаек, идеологическое и силовое давление на работников. Однако справедливости ради надо сказать, что под лозунгом «война все спишет» в стране допускались вопиющие злоупотребления на всех уровнях, в части коррупции, присвоения государственного и особенно трофейного имущества. Достаточно указать только один установленный Мехлисом факт: «из 16 эшелонов трофейного имущества, прибывших на 1 августа 1946 г. в адрес Комитета по делам искусств, семь не имели никаких сопроводительных документов».[98] А ведь это только имущество, отправленное эшелонами и только в одно ведомство. Отсюда можно представить общий размах грабежа и злоупотреблений массой чиновников различного ранга. Огромную проблему также представляла коррупция при проведении денежной реформы 1947 г. и при отказе от карточной системы Все это было доверено Мехлису, который стал грозой для руководителей высокого ранга. И надо сказать, что со многими проблемами он справлялся. Достаточно указать, что только за 1947 и первую половину 1948 г. в доход государства было взыскано с руководителей разного ранга за разбазаривание государственных средств в два раза больше сумм, чем за предыдущие полтора года.

Его ведомство размещалось на верхнем этаже здания Госплана. Как вспоминал тогдашний министр морского флота А. А. Афанасьев, лифтер сразу узнавал «клиентов» министра Госконтроля : «Кто в шляпах, тех всегда поднимаю в Госконтоль, к Мехлису на расправу». По свидетельству того же Афанасьева, только Мехлис позволял себе проходить в кабинет вождя без приглашения. Опять-таки нельзя умолчать и о том, что даже положительные действия ведомства Мехлиса сопровождались грубыми, даже жестокими идеологическими кампаниями, переходившими иногда в травлю невинных людей. Чего стоит хотя бы горячо поддержанная им деятельность пресловутых «судов чести», учрежденных в министерствах и центральных ведомствах для рассмотрения «антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков»!

Но опять-таки, работает он, как всегда, не жалея себя и, что поразительно и для нашего времени, за все тридцать лет службы в ни-

[98] Там же. С. 272.

каких фактах личного стяжательства заметен не был, хотя врагов себе он нажил за эти годы достаточно. В 1949 г. он, помимо огромного количества поздравлений, получает сразу два ордена Ленина — один по поводу собственного 60-летия, другой в связи с 30-летием своего ведомства.

Но именно тогда в его карьеру вмешалась рука судьбы. 4 декабря у него случился инсульт, затем добавился инфаркт. Лечение шло тяжело и медленно. Он старался не сдаваться, пытался писать левой, не парализованной рукой, много читал, смотрел кинофильмы, пытался писать на них отзывы. Однако он явно уже был неработоспособен и, хотя в августе 1950 г. ему был предоставлен 6-месячный отпуск, в октябре Политбюро ЦК освободило его от обязанностей министра, обещая после выздоровления отправить на партийно-политическую работу.

Наступила томительное время непривычного и крайне болезненного для такой натуры безделья. Но и тут в последний период правления Сталина, в эпоху набирающего силу официального антисемитизма, происходит нечто странное. Обратимся опять к воспоминаниям Ортенберга. Он один из немногих посещал полупарализованного Мехлиса и, как мог, утешал больного. Перед началом работы XIX съезда КПСС Мехлис просил разрешения присутствовать на нем с правом совещательного голоса. В ответ из секретариата позвонили и передали слова Сталина: «Нечего устраивать на съезде лазарет». Действительно, какое дело, казалось бы, было вождю до безнадежно больного бывшего помощника с почти карикатурной еврейской внешностью? Но вот «через несколько дней, — продолжает Ортенберг, — я снова приехал к нему. В этот час принесли «Правду». И вдруг мы увидели в списке членов ЦК фамилию Мехлиса! Это небывалый случай, вернее, единственный случай в жизни партии, когда неизлечимо больного, парализованного человека избрали в члены ЦК партии. Нетрудно представить, что переживал тогда Мехлис… Я смог сказать только два слова: — "Вот видите!.."».[99] Но на этом странное отношение Вождя народов к своему уже бессильному помощнику не закончилось. В самый разгар пресловутого «дела врачей», 13 февраля 1953 г. Мехлис скончался, не дожив примерно три недели до кончины своего могущественного покровителя. И явно по приказу самого Сталина ему, уже пенсионеру, были

[99] *Ортенберг Д. И.* Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. С. 184.

устроены торжественные похороны с захоронением праха в Кремлевскую стену. Таково и нынешнее место упокоения праха бывшего социал-сиониста, начинавшего когда-то свою карьеру в конторе Каца в Одессе, Льва Захаровича Мехлиса.

Вот и пойми после этого душу Верховного правителя великой страны, столь безжалостно и беспощадно обходившегося не только с врагами, но и с людьми, зачастую искренне преданными ему лично и его стране!

3. ОПЕРАЦИЯ «БАРБАРОССА» («КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ РУССКИХ, КОММУНИСТОВ И ЕВРЕЕВ»)

Настроения многомиллионной немецкой армии, с которыми началась операция «Барбаросса», точно выражает следующее высказывание историка: «хотя вермахт нельзя рассматривать как единый монолит, все же степень готовности солдат и офицеров принять участие в войне на уничтожение против Советского Союза была чрезвычайно велика. Они явно гордились тем, что участвуют в крестовом походе против русских, коммунистов и евреев. И этот феномен массового сознания явно требует отдельного изучения».[100] Разумеется, изучение данного феномена — дело будущего, но весьма характерно такое представление немецкого воинства о будущем противнике, когда оно переходило 22 июня 1941 г. западную границу СССР.

О «русской» составляющей образа написано очень много. Поэтому ограничимся только мнением много работавшего в довоенной Германии американского журналиста и историка У. Ширера. Его свидетельство особенно весомо, поскольку он не еврей и убежденный либерал, страстно возмущавшийся начавшейся в декабре 1939 г. войной Советского Союза против Финляндии, по его мнению, «самой порядочной и действенной крошечной демократии в Европе».[101] Вот итог его многолетнего наблюдения и изучения «германской души»: «Следует отметить, что безумная страсть Гитлера к кровавым завоеваниям — это отнюдь не исключение для Германии. Стремление к экспансии, завоеванию земель и пространства давно запало в душу этого народа. Некоторые лучшие умы Германии выразили это в своих трудах. Фихте, Гегель, Ницше и Трейчке воодушевляли на это немецкий народ еще в прошлом веке. Но и в нашем столетии

[100] *Бивор Э.* Сталинград. Смоленск, 1999. С. 27.
[101] *Ширер У.* Берлинский дневник. М., 2002. С. 216.

не было недостатка в последователях, хотя их мало кто знает за пределами страны. Карл Хаусхофер выдал из-под печатного станка нескончаемый поток книжек, которые изо всех сил вдалбливали немцам, что если их нация хочет быть великой и существовать вечно, то для этого она должна иметь больше “жизненного пространства”. Его книги “Власть и земля”, “Мировая политика сегодня” оказали сильное влияние не только на лидеров нацизма, но и на огромные массы. То же можно сказать и о книге Ганса Гримма “Народ без пространства”, романе, который разошелся в этой стране тиражом около полумиллиона экземпляров, несмотря на то, что в нем почти тысяча страниц, как и “Третий рейх” Мелера ван ден Брука, написанный за одиннадцать лет до того, как Гитлер основал свой Третий рейх. Во всех этих произведениях упор делался на то, что Германии по законам природы и истории предназначено пространство, более соответствующее ее жизненной миссии. То, что это пространство придется отобрать у других народов, в основном у славян, которые обосновались на нем, когда германцы были еще грубыми дикарями, не имело значения. Главным почти для всех немцев является убежденность, что “малые народы” Европы не имеют таких же, как у немцев, неотъемлемых прав на кусок земли для жизни и пропитания, на города и селения, созданные их тяжким трудом, если всего этого жаждет Германия. Такая убежденность отчасти является причиной нынешней ситуации в Европе». Именно такие настроения, полагает Ширер, а также пробудивший эти чувства и придавший им материальное выражение злой гений Адольфа Гитлера привели к тому, что «он (Гитлер) стал — еще при жизни — мифом, легендой, почти божеством, с такой же степенью святости, какую японцы приписывают своему императору. Для многих немцев он фигура далекая, нереальная — сверхчеловек. Он для них непогрешим. Они говорят так, как говорили многие народы о почитаемых ими богах: “Он всегда прав”»[102] (из записи в дневнике 1 дек. 1940 г. — *В. В.*).

Тем не менее, в отличие от похода на СССР, завоевание славянской Польши обошлось без упоминания коммунистов и евреев. Дело заключается в расово-политическом подходе нацистов к истории России. Опять-таки обратимся к писаниям одного из идеологов расизма Ганса Гюнтера. Рассуждая о сравнении нордической (германской) расы с восточно-балтийской (ее представители — велико-

[102] Там же. С. 492.

Фашистский плакат: «У них на поводу»

россы и в меньшей степени финны. — *В. В.*), он утверждает, что «восточно-балтийская одаренность не достигает нордического уровня и неспособность этой расы к принятию решений проявляется в том, что в России и Финляндии, как и везде, где преобладает балтийская раса, руководящий слой преимущественно нордический».[103] Немецкие идеологи не могли забыть о той роли, которую этнические немцы, в основном прибалтийская аристократия, занимали в царской России. Так, в конце правления Александра II процент немцев в различных департаментах был следующим: гражданская служба — 32 %; высшее военное командование — 41 %; имперский совет — 36 %; министерство иностранных дел — 57%; министерство внутренних дел — 27%; министерство финансов — 27%; министерство морского флота — 39%; военное министерство — 46%; министерство имперского двора — 39%; почта и телеграф — 62 %. Между тем, в то время немцы составляли 1,1 % от всего населения России.[104] Следует также упомянуть и немецкие родственные связи царствующей фамилии, которую в особом «Готском альманахе», содержащем сведения о царствующих домах, именовали династией Романовых-Готторпов.

Разумеется, Гитлер не только подхватил этот миф, но и пошел дальше, вложив в него огромную страсть и убежденность. Как пишет его биограф И. Фест, еще на заре своей карьеры в начале 20-х гг. он пришел к выводу о тождественности еврейства, христианства и большевизма. Он утверждал, что «изгнание (? — *В. В.*) евреев из Египта явилось результатом их попытки путем возбуждения черни фразами о гуманизме посеять революционные настроения, так что в Моисее нетрудно разглядеть первого вождя большевизма. И как Павел в определенном смысле изобрел христианство, дабы погубить Римскую империю, так и Ленин использовал учение марксизма, дабы получить конец современному порядку».[105] Отсюда делается практический вывод в отношении России в его книге «Майн кампф»: «Беря на себя ответственность за большевизм, Россия отняла у русского народа ту интеллигенцию, которая до сего времени создавала и гарантировала ее государственную прочность. Ибо организация русской государственности была не результатом государственно-политических способностей славянства в России, а в большей степени лишь чудесным примером государствообразующей

[103] *Гюнтер Г.* Избранные работы по расологии. М., 2002. С. 181.
[104] *Масарик Т.* Россия и Европа. СПб., 2000. С. 154.
[105] *Фест И.* Адольф Гитлер. Пермь, 1993. Т. 2. С. 22.

действенности германского элемента в неполноценной расе… Столетиями жила Россия за счет этого германского ядра своих высших руководящих слоев… На его место пришел еврей. Насколько невозможно для русского как такового сбросить собственными силами иго еврея, настолько же невозможно для еврея надолго удержать в своих руках могучую империю. Сам он не является элементом организации, а есть фермент разложения. Гигантская империя созрела для крушения. И конец еврейского господства в России будет и концом России как государства».[106]

Этого убеждения фюрер не изменил до конца своих дней в осажденном Берлине, и, несомненно — во всяком случае, пока победы не сменились поражениями — его разделяло большинство солдат и офицеров немецкой армии. Более того, оно превращалось в непосредственные директивы войскам. Вот характерный образец. В Приложении № 2 к инструкции по развертыванию и боевым действиям по «плану Барбаросса» для танковой группы 4 (генерал Гёпнер) от 2.5.1941: «Война против России — один из важнейших этапов борьбы за существование немецкого народа. Эта древняя битва германцев против славянства, защита европейской культуры от московитско-азиатского нашествия, оборона против еврейского большевизма. Цель этой войны — разгром сегодняшней России, поэтому она должна вестись с небывалой жестокостью».[107] Показательно, что хотя генерал Гёпнер впоследствии был казнен за участие в заговоре против Гитлера, нет никаких свидетельств того, что ведомые им войска в чем-либо нарушали вышеуказанную инструкцию.

Исходя из таких идейно-психологических установок участников германского нашествия на Россию, становятся понятными многие конкретные действия оккупантов, а также их пропаганда. Каким бы странным это ни казалось, главным мотивом пропаганды на красноармейцев с призывом сдаваться в плен было, согласно указанию Геббельса, самое резкое обличение большевизма, Сталина и «стоящих за ним евреев».[108] Вот содержание листовки в период успехов вермахта в 1941 г. Сначала Сталин обвиняется в репрессиях против Тухачевского и других советских военачальников. Далее приводится список репрессированных военачальников, в котором не

---

[106] Там же. С. 31–32.

[107] Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция // Берлин, 1994. С. 51.

[108] *Басистов Ю. В.* Особый театр военных действий. СПб., 1999. С. 88.

упоминаются Якир и другие евреи. Затем, после утверждения о бессмысленности сопротивления, заявляется следующее: «Германская армия не идет против вас и народов СССР. Мы идем освободить вас от рабства жидо-интернационала, от всех этих сталиных, мехлисов и кагановичей, пиявками присосавшихся к народному организму … Война не нужна ни вам, ни нам. Она нужна только Сталину, жидам и английским банкирам!» Характерен и текст прилагаемого пропуска: «Предъявитель сего, не желая бессмысленного кровопролития за интересы жидов и комиссаров, оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону Германских Вооруженных сил».[109]

Разгоравшееся партизанское движение немецкие командиры приписывали прежде всего влиянию и руководству евреев. Вот строки из приказа командующего 11 армией фон Манштейна от 20 ноября 1941 г.: «Евреи осуществляют связь между врагом в тылу и еще воюющими остатками Красной Армии и красного руководства. Они крепче, чем в Европе, держат в руках все ключевые посты политического руководства и администрации, торговли и ремесел и являются зачинщиками всех беспорядков и неповиновения. Нужно раз и навсегда искоренить еврейско-большевистскую систему, которая никогда больше не посягнет на наше европейское жизненное пространство».[110] Юдофобская пропаганда принимала в каждой оккупированной области особый характер. Не вдаваясь подробно в эту тему, приведем только откровения Генерального комиссара Белоруссии В. Кубе: «В царские времена Белоруссия была еврейской областью. Девяти миллионам белорусов приходилось терпеть присутствие одного миллиона самых дрянных евреев, грязных духом и телом».[111] Подобная пропаганда потоком лилась во всех мероприятиях ведомства Геббельса.

Прежде всего надо признать, что она была глубоко и искренне убедительна для самих пропагандистов. Главное — в нее глубоко верил сам фюрер. В словах Гитлера, сказанных 21 июля 1941 г. хорватскому министру иностранных дел Кватернику, нет и тени лицемерия или неискренности: «Евреи — исчадие человечества, если бы евреям была открыта такая зеленая улица, как в советском раю, то они осуществили бы самые безумные планы. Так, Россия стала бы очагом чумы для человечества… Если даже всего одно государство

[109] Там же. С. 91.
[110] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941 — 1944 г.).
[111] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. С. 225.

по каким-то причинам будет терпеть одну еврейскую семью, то она станет очагом бацилл для нового разложения».[112] Убеждения вождя сразу же нашли широкую поддержку как в массах, так и в войсках — хотя, разумеется, запись Геббельса в дневнике от 18 августа 1941 г. («Все немцы в настоящий момент против евреев») была явным преувеличением.

Однако в самой Германии, как следует из записи в дневнике Геббельса, речь тогда шла только о разрешении фюрера Геббельсу обязать берлинских евреев (Геббельс был гауляйтером Берлина) носить большую желтую звезду Давида, поперек которой будет написано «еврей». «Высылка оставшихся в Германии 70 тыс. евреев на Восток» (иначе говоря, их уничтожение) должна была произойти по решению фюрера только после войны. На территории других стран уничтожению евреев предшествовали выселение в гетто, рабский труд, голодная, отправления в лагеря смерти. Однако на оккупированных советских территориях Украины, Белоруссии и России тотальное истребление началось сразу и проходило по заранее хорошо подготовленному плану.

Исследователь этой проблемы Е. Ржевская справедливо, хотя и в несколько осторожной форме, высказывает ту мысль, что гитлеровцы на практике реализовывали параноидальные идеи своего фюрера о том, что евреи представляют собой руководящий элемент советской государственности и скорейшее их уничтожение способствует покорению русских славянских «унтерменшей». Наглядный пример: расстрелы в киевском Бабьем Яре произошли 29 сентября 1941 г., в то время как «Протоколы Ванзее» — план уничтожения 11 миллионов евреев мира — датируются 30 января 1942 г.[113] Действующая армия охотно оказывала всяческую помощь этим действиям. Как отмечает английский историк Бивор, «нацистская пропаганда настолько преуспела в деле очернения советского врага, представляя всех русских недочеловеками, что солдаты вермахта накануне вторжения оказались почти поголовно свободными от каких-либо угрызений совести по отношению к тем, с кем им предстояло воевать. Возможно лучшим доказательством успешного промывания мозгов немецких солдат является факт крайне незначительного сопротивления казням евреев. Причем акции против

[112] *Фест И.* Адольф Гитлер. С. 243.

[113] *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 313–315.

евреев объяснялись необходимостью принимать меры безопасности против партизан, действовавших в тылу немецкой армии … Многие немецкие офицеры после войны говорили о своем незнании и неведении фактов подобных расправ. Особенно этим отличались штабные офицеры, но в их неведение верится с трудом, если принять во внимание их записи. Штаб-квартира 6-й армии (уничтоженной позднее в Сталинграде. — *В. В.*), например, тесно сотрудничала с зондеркомандой 4а, одним из четырех подобных формирований войск СС, которая двигалась вслед за передовыми частями от западной границы Украины до Сталинграда. Штабные офицеры не только были прекрасно осведомлены о характере деятельности этих «спецкоманд», но именно по их прямому указанию выделялись войсковые части, помогавшие эсэсовцам проводить облавы на евреев в Киеве и затем сопровождавшие их до места массовых казней во рвах Бабьего Яра».[114] Поведение многих солдат 6-й армии отличалось вообще особой жестокостью, если не сказать зверством. Характерен в этом отношении приказ командующего этой армии Рейхенау (потом его сменил Пакулюс) от 10 августа 1941 г. Этот поразительный документ гласил: «В разных местах в зоне ответственности армии органами СД, войсками рейхсфюрера СС и немецкой полиции были проведены необходимые мероприятия по уничтожению уголовных преступников, большевиков и, главным образом, еврейского элемента. Наблюдались случаи, когда солдаты регулярной армии, свободные от службы, добровольно (!! — *В. В.*) вызывались помогать офицерам СД проводить подобные акции, а также выступали в качестве зрителей и фотографировали данные мероприятия. Отныне запрещается всем солдатам, если только они не имеют приказа старшего офицера, принимать участие в казнях и фотографировать».[115] Этот приказ явно не нуждается комментариях!

Примечательно также, что и фельдмаршал Манштейн в своих мемуарах «забыл» об отданном им приказе. Еще более удивительно звучат следующие строки в мемуарах другого выдающегося стратега вермахта генерал-полковника Гудериана. Оказывается, «нечеловеческие злодеяния, которые совершались в концлагерях, получили огласку только после войны. Тогда узнал о них и я».[116] О правдивости этих заявлений можно судить хотя бы по тому факту, что он был

---

[114] *Бивор Э.* Сталинград. С. 24.
[115] Там же. С. 71.
[116] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Ростов н/Д, 1998. С. 507.

начальником генерального штаба до 28 марта 1945 г., а буквально «за спиной» бывшего его главной заботой Восточного фронта исправно работала главная фабрика смерти — Освенцим.

Здесь следует отметить следующий факт. Все мемуарные материалы и неоспоримые документы показывают, что представители высшего немецкого генералитета вовсе не были безвольными марионетками фюрера. Когда речь шла об интересующих их профессиональных вопросах, они могли публично возражать против мероприятий фюрера и даже резко спорить с ним, подавать в отставку и т. д. Более того, даже германская военная юстиция не всегда безоговорочно подчинялась фюреру. В этом смысле характерен пример с вышеупомянутым генералом-полковником Гёпнером. Как пишет в своих воспоминаниях Гудериан, после разгрома немцев под Москвой Гитлер, по общему мнению фронтовых генералов вермахта несправедливо, лишил его «при отставке права на ношение мундира и орденов, а также права на пенсию и на служебную квартиру. Гёпнер отказался признать этот противозаконный приказ, а у юристов из главного командования сухопутных войск и верховного командования вооруженных сил хватило мужества доложить Гитлеру, что он не имеет права выносить подобные решения. Такие меры по отношению к Гёпнеру могут быть применены лишь в том случае, если против него будет возбуждено дисциплинарное дело, но оно, по мнению юристов, несомненно должно закончиться в пользу Гёпнера». Но Гёпнер позволил себе еще большее. «Разговаривая со своим непосредственным начальником фельдмаршалом фон Клюге, Гёпнер с негодованием отозвался о «дилетантском военном руководстве». Фон Клюге сообщил об этом разговоре Гитлеру, который пришел в ярость».[117] Однако даже после этого Гёпнеру надо было принять прямое участие в заговоре против фюрера в 1944 г., чтобы быть арестованным и репрессированным. Иначе говоря, генералы вермахта могли попытаться протестовать против истребления евреев и военнопленных и других зверств, рискуя в худшем случае только отставкой, но такие случаи неизвестны. Разумеется, и среди немцев, в том числе и среди немецких офицеров среднего и низшего звена бывали исключения, но общей картины это не меняло.

Документы свидетельствуют о том, что фюрер и его многочисленные сторонники остались верными своим убеждениям. Более

[117] Там же. С. 276.

того, в ходе войны Гитлер еще больше укреплялся в них. В этом отношении весьма показательны его высказывания в беседах со своими ближайшими сотрудниками, которые не предназначались для печати. Иначе говоря, если книга «Майн Кампф» и публичные выступления Гитлера могли иметь характерные для каждого политика элементы пропаганды, то здесь их явно не было, а были только личные искренние убеждения. Поэтому особенно примечательно его высказывание вечером 21 июля 1942 г., т. е. в разгар немецкого наступления на юге. Весьма уважительно отзываясь о способностях советского вождя, он добавляет при этом «…сразу же отчетливо представляешь себе, какая страшная опасность нависла бы над Европой, если бы он (Гитлер) … не нанес решительный удар. Ведь за спиной Сталина стоят евреи. И еврейский лозунг диктатуры пролетариата есть не что иное как призыв к свержению руками пролетариата существующего строя и замене его господством кучки людей, состоящей из евреев и их пособников, поскольку сам пролетариат не способен руководить государством».[118] Убеждение фюрера, что за Сталиным стоят евреи, было настолько глубоко, что даже в своем приказе от 14 апреля 1945 г., обращаясь к солдатам Восточного фронта, Гитлер обозвал советские войска «еврейско-большевистским («jüdisch-bolschewistische») смертельным врагом».[119]

Эти призывы ни в коем случае не были «гласом вопиющего в пустыне». По данным американских социологов, даже среди немецких военнопленных еще в январе 1945 г. 62 % доверяли Гитлеру, а в марте ему доверяли 31 %, хотя в те же месяцы в том же опросе верили в победу Германии соответственно 44 % и 11 %. Иначе говоря, личное доверие и личная преданность фюреру значительно превышали веру в конечную победу Германии. И это у военнопленных, непосредственно познакомившихся с огромной механизированной мощью американской армии![120]

Перед смертью не лгут, и фанатичная до патологии вера тогдашнего вождя немецкого народа нашла свое полное выражение в последних строках его посмертного завещания будущим поколениям немцев: «Но прежде всего я обязываю руководство нации и общества строжайшим образом соблюдать расовые законы и оказывать

[118] *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 447.

[119] *Bergschicker H.* Deutsche Chronik, 1933–1945. Berlin, 1985. S. 539.

[120] *Зульцман Р.* Пропаганда как оружие в войне // Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 542.

Бей жида - политрука,
рожа просит кирпича!

Комисары и политруки принуждають вас
к бессмысленному сопротивлению.

Переходите к немцам пользуясь либо лозунгом:

Бей жида-политрука,
рожа просит кирпича!

150 RA

либо пропуском:

Фашистская листовка, отпечатанная в сентябре 1941 г. тиражом 160 млн. (!) экземпляров (из книги: *Kirchner K.* Flugblatt-Propaganda im 2 Weltkrieg. München, 1972)

Передавайте из рук в руки!

Товарищи Красноармейцы, Командиры Красной Армии!

Жидовско-коммунистическое правительство, возглавляемое Джугашвили-Сталиным, нарушило договоры заключенные с Германией.

Дело дошло до войны!

Близорукой и преступной политикой ваших правителей вы доведены до того, что должны проливать кров за III интернационал.

Сталин решил, что Германия ослабела от борьбы с капиталистической и империалистической Англией и потому прибегнул к шантажу: несмотря на наличие советско-германского договора о ненападении он старался настроить Болгарию против Германии, он же мобилизовал против нее сербскую чернь. Теперь решено положить конец мошенническим затеям жидовской клики. Германским войскам приказано прогнать коммунистов, которые мучают и эксплоатируют народы СССР. Вооруженные силы Германии являются освободителями всех честных трудящихся сынов своей родины от жестокого деспотизма, от пройзвола убийц и лгунов.

Когда рухнул продажный царский режим, коммунисты обещали вам землю и свободу.

Но как они вас всех обманули!

Вместо земли они вам дали **непосильную работу,** вы стали **крепостными рабами Сталина** и его жидовских комиссаров, которым, конечно, не жалко, что вы надрываетесь в колхозах, гнетесь под тяжестью стахановщины или гибнете в концлагерях.

Пропуск

Предявитель сего не желая бессмысленного кровопролития добровольно оставляет Красную Армию и переходит к германским властям будучи уверен, что его ожидает хорошее обращение.

(Перевод на немецкий язык на обороте)

Фашистская листовка — обращение к красноармейцам
и командирам Красной Армии
(из книги: *Басистов Ю. В.* Особый театр военных действий. СПб., 1999)

безжалостное сопротивление всемирным отравителям мира для всех народов — интернациональному еврейству»[121].

И еще буквально изумляет следующий факт. В конце войны некоторые руководители рейха в тайне от фюрера пытались договориться с представителями западных держав о сепаратном мире. При этом даже такие совершенно одиозные фигуры как, скажем, Гиммлер полагали, что истребление миллионов евреев не является серьезным препятствием для приемлемого для обеих сторон соглашения!

Разумеется, Геббельс и его пропагандисты всячески старались насадить и распространить юдофобство, привлечь представителей других народов к истреблению евреев. В отличие от Германии, результаты этой пропаганды были весьма противоречивы. Если говорить о населении Западной Европы, то в целом, несмотря на наличие достаточного количества немецких пособников, антигерманские настроения привели к резкому снижению антисемитских чувств в обществе. Не обращаясь к хорошо известным примерам позиции народов Голландии, Норвегии, Дании, Болгарии и других стран, отметим только положение в оккупированной Франции. Там под нажимом немецких властей французская полиция прежде всего охотилась и выдавала немцам евреев — иностранных граждан. В феврале 1941 г. полковник СС Кнохен писал: «Оказалось, что почти невозможно воспитать у французов антиеврейские чувства, которые бы опирались на идеологическую базу, тогда как предоставление экономических преимуществ легко привлекает симпатии к антиеврейской борьбе. Интернирование около 100 тыс. иностранных евреев, проживающих в Париже, может дать возможность многим французам подняться из низших слоев в средний класс».[122] «Добраться» до евреев — французских граждан немцам было гораздо труднее, и те пострадали значительно меньше. Совсем неудачной оказалась попытка использовать антисемитскую пропаганду против войск союзников. Немецкие пропагандисты попытались в своих листовках и радиопередачах на американские войска использовать довольно действенный, по признанию самих американцев, мотив разоблачения лиц, наживающихся на войне. Но, «поскольку в списке получателей военных барышей упоминались такие имена, как Сэм Леви

[121] *Якобсен Г.А.* Вторая мировая война //Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 232.

[122] *Поляков Л.* История антисемитизма. Эпоха знаний. М.; Иерусалим, 1998. С. 424.

и Мордехай Езакиль, то вся акция была объявлена антисемитским вымыслом. В результате пропаганда такого рода перестала интересовать даже самых отсталых американских солдат и рабочих».[123]

В странах Восточной Европы, где в силу различных исторических причин у местных националистических движений сложилось и без геббельсовской подсказки представление о триедином облике исторического врага — идентичности понятий «русский», «коммунист» и «еврей», дело обстояло совсем иначе. Однако из этого вовсе не следовало, что они сочувствовали завоевателям, провозглашавшим себя «высшей расой». Примером в этом смысле может служить польское движение Сопротивления. Соглашаясь, иногда негласно, с немецкой пропагандой относительно евреев, русских и коммунистов, большинство польского подполья и партизан решительно боролось и с немецкими оккупантами. Характерным представляется следующая цитата из публикации даже в газете, выражающей настроения польского движения Сопротивления центристского направления. «Сейчас на территорию России вторгаются евреи. Они быстро поняли, что им предоставляется редкий шанс. Россия для них — это самый подходящий плацдарм для давно задуманной кровавой расправы с христианским Западом. Иудаизм начал влиять на облик большевистской России, и, хотя Польша отвергла эту систему, опасность от этого не исчезла, потому что источник заразы все еще таится под боком».[124] Надо иметь в виду, что это печаталось в 1942 г., в разгар немецких военных успехов на Восточном фронте и во время завершения полного уничтожения евреев Польши. Подобные настроения появились и у западноукраинских националистов, поскольку рухнули их надежды на обещанную немцами независимую Украину, и в разной степени у других народов Восточной Европы. Не вдаваясь в эту тему подробнее, отметим только, что по мере ухудшения своего военного положения оккупанты с изумлением обнаруживали, что даже их успешная пропаганда ненависти к русским, коммунистам и евреям не возбуждает любви к ним среди тех, кого они третировали как «недочеловеков» и низшую расу.

Несколько неожиданно дело обстояло в Советской России. Это хорошо видно даже на примере так называемой «армии» Власова, которую оккупанты в конце войны решили сформировать преиму-

[123] *Зульцман Р.* Пропаганда как оружие в войне. С. 530–531.

[124] Из статьи профессора социологии Яна Гросса (журнал «Анекс») // «22». Тель-Авив. 1991. 76. С. 100.

щественно из советских военнопленных, уцелевших от бесчеловечного обращения в немецком плену. В победном для немцев 1941 г. об этом нет и речи. 27 августа Геббельс посещает лагерь военнопленных и в дневнике записывает, что он представляет собой «ужасную картину. Часть большевиков должна спать на голой земле. Дождь льет как из ведра. Большинство не имеет никакой крыши над головой…». Геббельс достаточно умен, чтобы записать, что «все (военнопленные) убеждены, что Германия выиграет войну, но говорят это они для … расположения в свою пользу».Честности его хватает и на то, чтобы признать при этом, что «никто ничего не говорит против Сталина». Однако без всяких сомнений он записывает: «все они антисемиты», явно не отказываясь польстить себе возможным успехом своей пропаганды.[125] Но если обратиться к воспоминаниям офицера германской армии, сотрудника Власова В. Штрик-Штрикфельдта, то картина предстает несколько иной. Разумеется, автор насколько возможно старается обелить власовцев, но некоторые штрихи выглядят неожиданными. Так, он пишет, что «со стороны национал-социалистических властей высказывалось осуждение тому, что газеты (на русском языке для военнопленных. — *В. В.*) совершенно не пропагандируют антисемитизма, или даже (как говорилось в одном из протестов) "не ведут антисемитской воспитательной работы". И опять-таки Зыков (редактор этих двух газет, кстати, выдававший себя за еврея. — *В. В.*) нашел выход из положения. — "Мы будем брать их (антисемитские материалы) из немецких газет; например, под заголовком «Фелькишер беобахтер» пишет — двоеточие. Наши читатели сразу поймут, что эта заметка идет в нагрузку. Советский человек научен читать между строк!"»[126] Еще более поразительны высказывания самого Власова, приведенные мемуаристом: «В целом я убежден, что евреи, как один из древнейших культурных народов, обладают чрезвычайными способностями. С их интеллигентностью, деловитостью и широчайшими связями, они могут быть ценными согражданами. Я бы хотел, чтобы у нас было много Зыковых! Русский народный организм достаточно здоров, а процент еврейского населения так мал, что нашей стране не могло бы повредить, даже если бы все евреи, как это утверждают национал-социалисты, обладали только отрицательными качествами. Но кто так говорит —

[125] *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. С. 311.
[126] *Штрик-Штрикфельдт В.* Против Сталина и Гитлера. М., 1993. С. 178.

порет чушь. Когда национал-социалисты утверждают, что евреи виновны в нужде, в которую попал немецкий народ после 1918 г., я хотел бы спросить: разве не большинство народа, не сами немцы ответственны, в первую очередь за свою судьбу? … Но когда национал-социалисты заявляют, что германский народ страдал от евреев, — о чем я судить не могу, — мне вспоминается старая русская пословица: что русскому здорово, то немцу смерть!» Правда, автор считает нужным указать, что, хотя взгляды Власова разделяло большинство его штаба, но не все его сотрудники думали так.[127]

Надо отметить, что первоначально эти строки показались сомнительными и выдуманными автором для улучшения задним числом явно сомнительной репутации объекта воспоминаний. Но вот неожиданный факт. В программном документе Власова, датируемом 27 декабря 1942 г., — «Обращении Русского комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам» содержится полный набор антисоветской пропаганды. Тут и объявление большевизма врагом русского народа, и борьба против Сталина и его клики. Есть и обвинения в адрес английских и американских капиталистов, которые «не только спасают свою шкуру ценой жизни миллионов русских людей, но и заключили со Сталиным тайные кабальные договоры». Имеются, конечно, и утверждения, что национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей задачей организацию Новой Европы без большевиков и капиталистов и «не посягает на жизненное пространство Русского народа и его национально-политическую свободу».[128] Подчеркиваю, есть все, кроме излюбленного нацистами еврейского сюжета, нет даже ни одного упоминания о евреях. Удивление еще больше возрастает, если сравнить это воззвание, призывающее солдат и офицеров Красной Армии переходить на сторону противника, с текстом массовой листовки, также призывающей вступать добровольцами в так называемую «Освободительную Армию». Там есть вполне узнаваемые геббельсовские мотивы, как, например, «война не кончится до тех пор, пока не будет уничтожена Советская власть — власть жидов и Сталина» или «…будет уничтожена власть опившейся народной кровью жидовской большевистской своры».[129]

---

[127] Там же. С. 316–317.
[128] *Вишлёв О. В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 199–202.
[129] Источник. Документы Российской истории. М., 1992. № 3. С. 90.

Ситуацию прояснил авторитетный исследователь Г. В. Костырченко. В своем капитальном исследовании «Тайная политика Сталина» он привел изложение документа, подтверждающего приведенные Штрик-Штрикфельдтом взгляды Власова. Речь идет о документе, захваченном войсками 2 Украинского фронта и направленном в октябре 1943 г. в ЦК ВКП(б). Как пишет Костырченко, «это доклад одного из сотрудников канцелярии Гиммлера. В нем важный эсэсовский чин, приставленный к генералу-предателю А. А. Власову, называет “чудовищными” утверждения последнего о том, что влияние евреев на политику в Советской России чрезмерно преувеличивается и что “в решающих вопросах русские проводили самостоятельно свою политику”». Но больше всего высокопоставленного эсэсовца возмутило то, что Власов открыто сожалел по поводу убийства нацистами «еврейских детей, говоря, что русский народ “ни в коем случае не может оправдать подобных действий”».[130] Теперь представляется обоснованным полагать, что вышеуказанное обращение Власова утверждалось менее идеологизированными представителями военных кругов, которые дали ему возможность не повторять совсем уж одиозные лозунги геббельсовской пропаганды. Листовка же писалась непосредственно нацистскими идеологами, полагавшими, что «недочеловеки» не нуждаются в особых тонкостях. Безусловно, приведенные свидетельства никоим образом не могут смягчить вину Власова и его приспешников, но теперь, спустя десятилетия, историк обязан различать отдельные штрихи и оттенки.

Остается хотя бы кратко остановиться на реакции советских властей на германскую пропаганду. Надо сказать, что советское руководство самым серьезным образом отнеслось к вопросам психологической войны. Чтение или обсуждение немецких листовок было категорически запрещено под страхом самого жестокого наказания. Власть, конечно, сознавала, что наряду с лживыми обещаниями там содержатся и сведения о многих весьма неприглядных действиях руководства СССР. Достаточно было пострадавших в период коллективизации, репрессированных в ходе различных чисток, антирусски настроенных националистических элементов. Однако установленные немцами порядки, обращение с населением оккупированных территорий как с «унтерменшами» и особенно зверское обращение с советскими военнопленными, не слишком отличающееся от

[130] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. С. 434–435.

прямого массового истребления, быстро развеяло все иллюзии относительно немецких намерений. В этом смысле действительность весьма помогла советской контрпропаганде, тем более, что к работе в ней привлекались лучшие силы страны, в частности, писатели И. Эренбург, А. Толстой, К. Симонов и др. Война стала действительно Отечественной, а нападки гитлеровской пропаганды лично на Сталина только укрепили его авторитет как Верховного Главнокомандующего.

С антиеврейской составляющей нацистской пропаганды дело обстояло сложнее. Нет сомнения, что она нашла отклик среди населения областей традиционного антисемитизма в западных и южных областях страны. Более того, по мере обращения пропаганды к национальным чувствам русского народа и усиления его страданий и жертв подобные настроения распространились и на восток. Проявлялось это в слухах о том, что война якобы ведется только из-за евреев и коммунистов. В связи с этим менялась и тактика советской пропаганды. Выступая 6 ноября 1941 г., Сталин осудил и гитлеровское истребление евреев, правда, сравнив его только с черносотенными погромами евреев в царской России. Затем 6 января 1942 г. в ноте Наркомата иностранных дел, подписанной Молотовым, гневно осуждались расстрелы евреев в Киеве, во Львове, Одессе и других городах. Однако в других публикациях внутри страны о немецких зверствах речь шла уже только об убитых «мирных советских гражданах». Но в изданиях за рубежом никаких фигур умолчания не было. В этом смысле советская пропаганда выгодно отличалась от антигерманской пропаганды западных союзников, которая очень долго не акцентировала нацистский геноцид евреев, явно опасаясь косвенно поддержать геббельсовские утверждения о том, что евреи — главные виновники войны.

Разумеется, такие двойные стандарты советской пропаганды, достаточно рациональные во время войны, имели потом весьма дурные последствия. Что касается евреев в Красной Армии, то уместно привести строки из воспоминаний поэта Бориса Слуцкого: «К концу войны евреи составляли уже заметную прослойку в артиллерийских, саперных, иных технических войсках, а также в разведке и (в меньшей мере) среди танкистов. Пролетарский характер этих войск и товарищество, развившееся из совместной работы у механизмов, способствовали филосемитизму. Однако в пехоте евреев было мало. Причины: первая — их высокий образовательный ценз,

вторая — с 1943 г. в пехоту шли, главным образом, крестьяне из освобожденных от немцев областей, где евреи были полностью истреблены. Раздутое немецкой пропагандой, имевшее определенный успех у темных пехотинцев ощущение недостачи евреев на передовой каждодневно вырождалось в пассивный антисемитизм».[131] Разумеется, после войны он нередко переходил и в активную форму.

Следует учесть и еще одно обстоятельство. После войны нередко ходили разговоры о том, что «несколько дивизий евреев штурмом взяли Ташкент и другие города Средней Азии, вместо того, чтобы воевать на фронте». На это указывает в своих воспоминаниях бывший премьер-министр Израиля Менахем Бегин. Будучи освобожден в 1941 г. из лагеря на Воркуте, он добрался до Средней Азии с намерением вступить в польскую армию генерала Андерса, надеясь в ее рядах попасть в Палестину. Он пишет о том, что в небольшом городке между Самаркандом и Бухарой его хлебную карточку помогли отоваривать местные евреи. Далее он дополняет:

«Но чаще в очередях приходилось сталкиваться с “солидарностью” другого рода. Почти не было очереди, в которой не слышалось бы:

— Эй, Абрам, чего толкаешься?

— Иван воюет в окопе, Абрам торгует в рабкоопе.

— Знаешь, один Абрашка приехал вчера как бедный беженец, а нашли у него чемодан червонцев.

— Евреи на фронт не идут, дело известное, а чего им идти на фронт? Разве не хватает русских?

Слово “жид” я в очередях почти не слышал. Если не считать концлагерь, я слышал его только один раз. Я шел по центральной улице Ферганы и видел пьяного, который по-русски кричал: “Вырезать всех жидов!”… Про “хитрого Абрама” говорили подростки лет 15–17, в основном комсомольцы. Значит, они слышали это в школе или дома, а может быть — и в школе, и дома».[132]

Наблюдение Бегина нуждается в комментариях, поскольку, будучи гражданином Польши, он не очень понимал реалии страны, в которую забросила его судьба. Редкое упоминание тогда слова «жид» на воле вполне могло объясняться тем, что в предвоенном СССР это считалось проявлением контрреволюции и грозило крайне не-

[131] *Слуцкий Б.* Записки о войне. СПб., 2000. С. 154.

[132] *Бегин М.* В белые ночи. Иерусалим; М., 1991. С. 315.

приятными последствиями. Поэтому только пьяный мог отважиться на это. Разговоры о якобы нежелании евреев воевать на фронте в значительной степени объясняются тем, что в Среднюю Азию были эвакуированы большинство еврейских беженцев из Польши (в целом — около 300 тыс.). Неясно по каким причинам, но их, во всяком случае в начале войны, не призывали в действующую армию. Разумеется, вид стоявших в очереди за хлебом молодых мужчин, каким был тогда и сам Бегин, не мог не вызывать возмущенных чувств. Ведь рядовые граждане ничего не знали о проблемах большой политики. Кстати, это во многом объясняет и замеченное Бегиным поведение подростков, которым предстояла через год-другой отправка на фронт. Помимо этого, выходцы их Польши разительно отличались от ассимилированных советских евреев языком, акцентом, образом поведения, а во многих случаях и благосостоянием. Все это накладывалось на общие страшные бедствия войны. Так что совсем не исключено, что нацистская пропаганда находила благоприятную почву даже в далекой Средней Азии, тем более, что на излечении там находились многочисленные раненые фронтовики.

Сталин лично не обошел вниманием эту тему. Характерным фактом может служить его указание командарму 66 армии на Сталинградском фронте сменить довольно странную для русского фамилию Жидов на Жадов.[133] Военной цензуре было дано указание конфисковывать письма с фронта соответствующего содержания и сообщать об авторах и адресатах в НКВД. Надо отметить, что, по данным опубликованных недавно секретных материалов военной цензуры Сталинградского фронта, письма антисемитского содержания были единичными, хотя признаваемых цензорами «вредными и антисоветскими» было достаточно.[134] Но, вообще говоря, трудно предугадать, как отложилось в памяти вождя то, что даже в приказе от 14 апреля 1945 г., обращаясь к солдатам Восточного фронта, Гитлер обозвал советские войска «еврейско-большевистскими»[135].

[133] *Турченко С.* Верховный нажим // Труд. М., 2002. № 19. Перепечатка: «24 часа». М., 2002. № 25. Что касается генерала, носителя столь странной фамилии, то впоследствии его карьеру можно назвать вполне благополучной, если не блестящей. Закончил он ее в должности Первого заместителя командующего сухопутными войсками СССР.

[134] Сталинградская эпопея. М., 2000.

[135] *Bergschicker H.* Deutsche Chronik, 1933–1945. Berlin, 1985. S. 539.

Подводя итоги, можно утверждать, что антисемитская геббельсовская пропаганда не только навеки опозорила Германию, но и нисколько не помогла военным усилиям вермахта. Об этом, в частности, свидетельствует и поведение власовских дивизий, бросивших советско-германский фронт в мае 1945 г. и обративших свое оружие против немецких войск в Праге. Однако семена зла, посеянные оккупантами, несомненно, время от времени давали свои ядовитые всходы.

4. АНТИСЕМИТСКАЯ ТЕМА НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА

Важность психологической (точнее, информационной) войны была признана давно. В полной мере ее оценил даже Наполеон, который в высшей степени владел искусством руководства войсками непосредственно на поле боя. Свое понимание информационной войны он выразил в афоризме: «Четыре газеты могут принести врагу больше вреда, чем стотысячная армия». К началу Великой Отечественной войны значение этого особого фронта несомненно усилилось — во-первых, в связи с развитием технических средств распространения информации, а, во-вторых, в связи с тотальным характером борьбы, которую сами вожди нацистского Рейха называли идеологической и расовой.

Разумеется, на этом особом психологическом фронте борьба продолжалась на протяжении всех 900 дней осады Ленинграда. Конечный стратегический успех оказался на победившей советской стороне, однако надо признать, что эта победа далась нелегко. Безусловно, абсурдность глобальных целей нацистской агрессии проявилась очень скоро, но нельзя отрицать ловкости, а также искусства конкретных исполнителей немецких пропагандистских мероприятий. Они со знанием дела играли на оппозиционных настроениях некоторых слоев населения, недовольных действиями советских властей в области коллективизации крестьянства, массовых репрессий 30-х годов, борьбы с религией и, конечно, национальной политики, особенно в последний предвоенный период.

Весьма ценная информация о ходе этой психологической войны содержится в книгах видного исследователя истории Ленинградской блокады Н. А. Ломагина.[136] Особую важность работам этого автора

[136] *Ломагин Н. А.* 1) В тисках голода. СПб., 2001; 2) Неизвестная блокада. СПб., 2004.

придает широкое использование ранее засекреченных документов германских и советских спецслужб, а также многочисленных архивных материалов разного рода, хранящихся в России и США. Эти работы содержат огромный спектр свидетельств ранее не освещавшихся сторон беспримерного подвига жителей Ленинграда, но мы затронем только тему антисемитской нацистской пропаганды в ходе блокады города.

Антисемитизм являлся для Гитлера и его последователей своего рода стержневой доктриной. Они искренне и глубоко верили в то, что борьба высшей германской расы за мировое господство требует беспощадного искоренения мирового еврейства и всего, что с ним связано. Поэтому гитлеровские пропагандисты в стремлении разгромить многонациональный Советский Союз особое значение придавали антисемитской теме. Они всеми силами старались натравить на евреев представителей «низших рас», не способных, по их убеждению, к самостоятельному политическому мышлению.

На все лады утверждалось, что: 1) Война затеяна еврейскими капиталистами Англии и Америки, и русский народ проливает кровь за интересы мирового еврейского капитала; 2) Сталин является марионеткой в руках стоящих на ним евреев; 3) Евреи составляют большинство политработников Красной Армии и именно они гонят бойцов Красной Армии в бой. О планируемом Гитлером окончательном уничтожении русского государства, конечно, умалчивалось. Естественно, что в пропаганде на представителей других народов СССР активно использовались, кроме того, мотивы борьбы против русских и России.

На Ленинградском фронте задачи ведения всех видов антисоветской пропагандистской войны были возложены прежде всего на военную разведку германской 18-й армии группы армий «Север», осуществлявшей блокаду Ленинграда. При этом военная разведка активно использовала материалы Службы безопасности (СД). Последняя опиралась на допросы военнопленных, перебежчиков и донесения агентов.

Антисемитская составляющая проявляется с самого начала осады Ленинграда даже в секретных деловых донесениях высшему военному руководству Германии. Заметно также, что вся информация по еврейской тематике подается «наверх» таким образом, чтобы прежде всего подтвердить идеологические догмы о мировом еврействе, господствующие в умах начальства. Например, уже в «Со-

общении о Петербурге № 1» от 2 октября 1941 г. от командования 18 армии Генеральному штабу в Берлине наряду с реалистическими и подробными сведениями чисто военного характера содержится и такой пассаж: «Из 600 тысяч (?! — *В. В.*) евреев, которые жили в городе до начала войны, большая часть бежала при особом содействии через свои ведомства. В то время как остальному населению было позволено взять с собой не более 50 кг багажа, подавляющему большинству евреев разрешалось вывозить все свое имущество. Руководство эвакуационными поездами и поездами с беженцами осуществлялось евреями. Евреи абсолютно уверены в том, что в случае взятия Петербурга они будут уничтожены. В Петербурге в основном остались лишь евреи, которые принадлежат к высшим слоям. Лишь малая часть простых евреев находится в Петербурге».[137]

Если учесть, что приведенная в этом Сообщении численность населения города составляла 3,4 млн человек, то получается, что примерно каждый пятый ленинградец был евреем. На самом деле в 1939 г. по результатам переписи евреи в Ленинграде составляли только 6,3 % из 3,2 млн населения города,[138] т. е. авторы донесения даже не потрудились ознакомиться со статистическими материалами. Подчеркивается также якобы покровительственное отношение к евреям со стороны Советской власти.

Но удивительное на этом не кончается. В Донесении № 2, отправленном от имени командования 18-й армии начальнику Генерального штаба 6 октября, сообщается: «В наибольшей степени в укреплении воли населения города к сопротивлению заинтересованы евреи, которые уверены в том, что в случае взятия города их ждет смерть. В отношении них все больше распространяется угрожающее (им) настроение, так как (у населения — *В. В.*) крепнет мнение о том, что именно они являются главной причиной катастрофы и прежде всего повинны в продолжении обороны города. Несмотря на отдельные факты публичного оскорбления евреев и требования прекратить бессмысленную борьбу и т. п., советскому руководству до сих пор удается контролировать все случаи разложения».[139]

Далее командование 18-й армии сообщает о стремлении всемерно расширить пропаганду посредством массового сбрасывания на город пропагандистских листовок, явно рассчитывая на их эф-

[137] *Ломагин Н. А.* В тисках голода. С. 47.
[138] *Смирнова Т. М.* Национальность — питерские. М., 2002. С. 82.
[139] *Ломагин Н. А.* В тисках голода. С. 49.

фективное воздействие на защитников города. Достаточно четко лейтмотив этой нацистской пропаганды виден из текстов листовок, сброшенных с самолетов на территориях Петроградского, Дзержинского и Выборгского районов 29 октября 1941 г. Вот одна из них:

ВОЗЗВАНИЕ

Командиры, красноармейцы, граждане и гражданки города Ленинграда

Ко всем вам высшее Германское командование обращается с предложением прекратить бесцельную войну, навязанную коммунистами-жидами.

Поворачивайте штыки против своих угнетателей.

Бросайте оборонную работу. Этим вы сохраните свою жизнь и будете способствовать уничтожению коммунистического ига, более ужасного, чем крепостное право.

Не позволяйте взрывать и разрушать заводы, дома и мосты вашего чудного города.

Ваши комиссары и политработники уже собираются бежать. Они виновны в вашем положении, но бросят вас на произвол судьбы. Самолеты уже приготовлены для бегства ваших предателей.

Задерживайте ваших комиссаров, палачей НКВД и жидовских агитаторов.

Вызвав войну против Германии, они теперь слагают на вас всецело последствия поражения. Война ваша бесцельна.

За чьи интересы борется измученный и закрепощенный народ?

За шкурные интересы политических жуликов и жидов.

Каждый из вас должен был задать себе вопрос, почему жидов нет на фронте, ни на трудовых работах по рытью окопов. Почему жиды заняли все ответственные места в управлении СССР. Потому, что жиды паразиты для всего человечества.

Почему народ страдает уже более 23 лет под игом коммунистов и содрогается от ужасного красного террора НКВД.

Настало время сбросить с себя это иго с помощью победоносного германского оружия.

От вас самих зависит ускорение и избавление.

Не верьте лживым словам коммунистов и жидов, спасающих только свою шкуру.

Долой быстрее войну, Сталина и его приспешников и подхалимов.

Да здравствует свобода, которую несут вам войска Великой Германии!

В тексте второй листовки, обращенной уже **«Ко всем гражданам и гражданкам Советского Союза, честным командирам и бойцам Красной Армии»**, в основном повторяются вышеприведенные обращения. Однако существенны следующие добавления. «Пробил

час освобождения для всех народов многонационального СССР. Победоносная Германская Армия сбросит цепи коммунистического и жидовского ига». Очевидно, что нацисты особо выделяли евреев из всех народов СССР, отождествляя их с коммунистами.

Интересен также следующий пассаж: «Германский и русский народ никогда не были врагами. Лживая **коммунистическая и демократическая пропаганда** (выделено мной. — *В. В.*) толкнули вас в эту ни вам, ни нам не нужную войну», — поразительное на первый взгляд, но, возможно, и оправданное для нацистов объединение коммунизма и демократии. Остается еще указать внешнеполитический сюжет листовки. «На протяжении всей истории Англия была истинным врагом России, толкавшим ее на защиту собственных (т. е. английских. — *В. В.*) интересов»; «Долой Англию, истинного поджигателя войны». Естественно, все заканчивается дежурным призывом: «Долой Сталина, жидовскую свору и коммунистов!»[140] О важности , которая придавалась этим листовкам, свидетельствует их тираж — 3 млн экз.

Несомненно, в этих листовках учитывались рекомендации Служебной записки Командованию18-й армии, направленной 12 октября 1941 г. специалистом по ведению психологической войны фон Унгерн-Штернбергом, судя по фамилии, происходившим из прибалтийских баронов. В ней, в частности, указывалось:

«Бонзы НКВД, партийные функционеры, евреи и т. п. отстаивают город, чтобы выиграть время и успеть уехать самим в безопасное место и вывезти все свое имущество. За это время они используют последние имеющиеся ресурсы. Чем дольше будет продолжаться это состояние, тем вероятнее наступление того момента, когда у оставшегося в городе населения не будет ничего. Этот момент необходимо подчеркнуть особо для того, чтобы направить ненависть за неминуемый голод на тех, кто за него отвечает.

Было бы важным не только критиковать мероприятия, проводимые большевиками, но и по возможности говорить населению, что оно должно делать в ответ на эти мероприятия. Доверие недовольных существующим положением масс увеличилось бы, если бы они могли заключить из листовок, что немцы широко информированы о том, какие мероприятия проводятся большевиками и что происходит в городе: “Берите оружие, которое вам дают, и в подходящий мо-

[140] *Ломагин Н. А.* В тисках голода. С. 65–67

мент поворачивайте его против ваших угнетателей, евреев и функционеров НКВД"».

Из комментариев барона заметно стремление передать хозяевам идеологические рецепты пропагандистов белого движения эпохи гражданской войны в СССР, которые за прошедшие в эмиграции 20 лет «ничего не забыли, но ничему не научились». Впрочем, как говорится, «каков господин, таков и лакей».

Разумеется, для ведения информационно-психологической войны, кроме распространения листовок, немцы пытались использовать и другие средства. Как отмечает Ломагин, с начала войны забрасывались парашютисты, затем по мере приближения немецких войск к Ленинграду стали засылаться большими группами агенты, иногда под видом беженцев. В дальнейшем в город стремились попасть отдельные агенты, которых готовили разведшколы в Гатчине, Таллине, Нарве, Пскове, Валках. Кадры агентуры составляли в основном антисоветски настроенные люди: завербованные военнопленные, дети репрессированных и т. д. Наряду с выполнением чисто разведывательной работы, они занимались распространением провокационных слухов, в том числе и антисемитского характера. Еще одним важным методом была радиопропаганда. Уже в первые дни войны из Берлина на СССР стали транслироваться в передачах на русском языке выступления Гитлера, призывавшего убивать евреев, поскольку они «заняли все руководящие посты», и за то, «что за каждые 20 мин. опоздания на работу русских сажают в тюрьму». Правда, результативность радиопропаганды врага была резко снижена изъятием у населения Ленинграда всех радиоприемников. Но продолжались пропагандистские звукопередачи непосредственно на фронтах Ленинграда. Еще одним видом психологического воздействия на ленинградцев было отправление им анонимных почтовых открыток и писем, а также нацистской символики.[141]

Разведка 18-й германской армии с огромным интересом отнеслась к записям в дневнике погибшего на ленинградском фронте красноармейца. Записи велись в период с 27 ноября 1941 по 7 января 1942 г. Дневник был переведен на немецкий язык и являлся своего рода руководством к действию нацисткой пропаганды. Действительно, практически в каждой записи содержался весь набор антисоветских и пораженческих настроений: уверенность в превосход-

[141] *Ломагин Н. А.* Неизвестная Блокада. С. 196–198.

стве немецкого оружия, скорой победе Германии, неверие советской пропаганде, особенно политрукам, пытающимся поднять боевой дух полуголодных бойцов, и ненависть к евреям. В этой связи автор дневника в ноябре 1941 г. отмечает постоянно растущую ненависть к «евреям-торгашам». Очевидно, особенно порадовало командование армии рассуждение красноармейца о будущей жизни русских под немецкой властью, что как бы подтверждало их мнение о национальном характере русских «недочеловеков». Он писал: «Русский народ, если ему дать один килограмм хлеба, никогда не будет думать о революции. Он необразован и глуп, и к тому же запуган евреями … которые обращаются с ним как с падалью, но их господству скоро придет конец … Русский народ превращается в дикарей, которые верят самовластной еврейской политике. Давно пора уже проснуться … и повернуть оружие против тех, кто гонит нас на смерть…».

Правда, трезвый анализ этого документа вызывает вопросы. Во-первых, приказом советского командования ведение дневников военнослужащим было категорически запрещено под страхом самого сурового наказания. Во-вторых, трудно представить себе запись в течение более чем месяца, неизбежно на глазах у сослуживцев на передовой, в боевых условиях, настроений и мыслей, каждая из которых по отдельности грозила красноармейцу расстрелом. Далее, вызывает подозрение уж очень точный набор сюжетов немецкой пропаганды, да к тому же в такой связной концентрированной форме. Создается впечатление, что автор как будто задался целью засвидетельствовать: работники немецкого психологического фронта против СССР работают не зря. В целом, сам документ **анонимного** (выделено мной. — *В. В.*) автора вызывает сомнения, хотя, конечно, у определенного ряда лиц, особенно в первую блокадную зиму, подобные настроения могли возникать.

Не меньшее удовлетворение немецким пропагандистам доставило сообщение перебежавшего к немцам 22 ноября 1941 г. капитан-лейтенанта Бурачкова, который сразу же сообщил допрашивавшим его немецким офицерам разведки, что «из города в основном эвакуировалось еврейское население». Однако при этом созданы спецчасти, состоящие «сплошь из политруков и евреев», которые под угрозой расстрела удерживают красноармейцев в окопах. По его словам, на «коммунистов и евреев» возложена задача расстреливать тех, кто пытается бежать к немцам. Поскольку Бурачков находился в госпитале по ранению с 24 июля по 9 сентября, а затем провел десятид-

невный отпуск в Ленинграде, то в записи допроса не отмечена его особая осведомленность.[142] Скорей всего, перебежчик прочитал немецкие листовки и сообразил, что его новым хозяевам хотелось бы услышать. Надо сказать, что подобные сообщения настолько утвердили немецкое руководство в правильности их пропагандистских установок, что оно даже давало соответствующие установки своим разведывательным группам.

Тут надо признать, что в чисто военном отношении немецкая войсковая разведка и служба безопасности СД действовали иногда достаточно успешно. Например, были в целом хорошо известны нормы продовольственного снабжения населения, а также чисто военные цели. Более того, в конце февраля 1942 г. немецкая разведгруппа преодолела мощную систему заградительной службы и проникла в город со стороны Финского залива. Она находилась в городе неделю, тщательно разведала и нанесла на карту военные объекты города, вплоть до находящихся на территории, прилегающей к штабу его обороны в Смольном, и благополучно вернулась к своим». Но при этом агентам было приказано тщательно следить и докладывать о малейших проявлениях антисемитских настроений среди жителей Ленинграда.

Задания эти, конечно, выполнялись, и в «Сообщениях о Петербурге» командования 18-й армии начальнику Генерального штаба Германии наряду с информацией об обороноспособности города появляются записи такого характера:

- Сообщение № 4 от 9 октября 1941 г.: «Раздражение по отношению к евреям и НКВД уже неоднократно приводило к оскорблениям в их адрес»;
- Сообщение № 5 от 19 октября 1941 г.: «Сообщают, что растет число открытых оскорблений в адрес евреев»;
- Сообщение № 6 от 31 октября 1941 г.: «В жестокое обращение немецких солдат или насилие с их стороны больше не верят, но ожидают массовой расправы с евреями и коммунистами».

Обращает на себя внимание, что ничего не говорится об источниках подобных сведений. Заметно также, что немецкая военная разведка старается ограничиться краткими общими местами

[142] *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. С. 86–87, 198.

Сводки в Берлин Начальнику полиции безопасности СД. гораздо более идеологизированы и больше ориентированы на негласные пожелания начальства.

Поскольку нацистское руководство искренне считает, что сталинское руководство и коммунистическая пария особо покровительствуют евреям, то в Берлин сообщают:

- Сводка № 137 от 24 ноября 1941 г.: «Несмотря на эвакуацию в начале войны значительного числа евреев (по оценкам одного военного, их осталось в городе не больше 15–20 тыс. человек), влияние еврейства в самых разнообразных властных структурах определяется как более сильное, чем когда-либо. … еще известны случаи, когда совсем недавно на ответственные посты, например, на железной дороге, взамен русских назначали евреев»;
- Сводка № 144 от 10 декабря 1941 г.: «Спасающиеся бегством видные евреи пользуются возможностью, чтобы на санитарных самолетах отбыть в Вологду»;
- Сводка № 154 от 12 января 1941 г.: «Среди гражданского населения, которое в основном страдает от приступов голода, сразу же бросаются в глаза евреи, благодаря тому, что они лучше одеты и выглядят более здоровыми. Персонал продовольственных магазинов — почти исключительно евреи. Они сумели почти повсюду вытеснить русских с этих самых “теплых” сейчас мест».

Однако начальство в Берлине ожидает известий о конкретных проявлениях антиеврейских действий, результатов работы. Поэтому в Берлин следует сообщение:

- Сводка № 170 от 18 февраля 1941 г.: «Под давлением все более невыносимого положения заметно вырос антисемитизм. Имеются сообщения, что иногда дело доходило до эксцессов. Так, в течение декабря многие еврейки, которым отдавалось предпочтение при покупке продуктов, подвергались побоям со стороны стоявших в очереди людей. Евреев, у которых были найдены запасы продовольствия, также били соседи по дому. Милиция не в состоянии что-либо предпринять против проявлений ненависти, так как население в большинстве случаев встает на сторону пострадавших. Евреям со злорадством говорят об их судьбе в случае прихода немцев».

Но опять-таки столь «радостные» для нацистского руководства сведения сообщаются без указания источников информации, обстоятельств места и времени, т. е. носят совершенно неконкретный характер.

Однако бесконечно обманывать руководство в служебных донесениях нельзя, поскольку это не пропаганда. Поэтому в Сводке № 191 от 10 апреля 1942 г. в разделе «Настроение населения» все же появляется совершенно необычное для секретных сообщений в Берлин признание: «**Как сообщается, рост антисемитских настроений, который продолжался до февраля, в последнее время приостановился**».

И совсем удивительное донесение содержится в Сводке № 47 от 16 октября 1942 г. «**в конце декабря (1941 г.) нужда достигла предела. Повышение продовольственных норм не реализовывалось и демонстрировало полную несостоятельность всей службы снабжения, так как большинство жителей оставалось на три и более дней без куска хлеба. Под воздействием немецких листовок дело доходило до выпадов против евреев и евреек, которые все же имели характер совершенных в отчаянии действий. Ненависть была часто обращена против немецких завоевателей**».[143]

Руководство города с самого начала войны обратило особое внимание на информационное обеспечение боевых действий. Хотя война сразу же приняла характер Отечественной, все же первоначально в силу своеобразной идеологической инерции к ней отнеслись как своего рода продолжению классовой гражданской войны. Этому способствовали и первые лозунги немецкой идеологической агрессии против СССР. В этом мог убедиться каждый, взглянув на текст первой немецкой листовки, лавиной обрушившейся на СССР, который содержал речёвку, обращенную к красноармейцам: «Бей жида-политрука, рожа просит кирпича».

Как было сказано ранее, о важности,которую придавала нацистская пропаганда этой листовке свидетельствует фантастический тираж — 160 млн экз. На листовку было затрачено 400 тонн бумаги! Обращает на себя внимание стремление идентифицировать образы еврея и большевика — политработника или комиссара. Надо сказать, что в этом отношении нацисты полностью восприняли идейное наследие Белого движения, провозглашавшего также своим ло-

[143] *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. С. 136.

зунгом борьбу против «жидов и коммунистов».[144] Поэтому и первые мероприятия властей города была предприняты в понятиях прежней классовой войны.

Управление НКВД по Ленинграду и Ленинградской области, возглавляемое Комиссаром Государственной безопасности 3 ранга П. Н. Курбаткиным, быстро установило тотальный контроль над всей политической обстановкой в городе и направляло секретные донесения в Москву, прежде всего на имя главы НКВД Л. П. Берия. Характерно, что борьба с пособниками немецких захватчиков рассматривалась в них как борьба с «контрреволюционными выступлениями» и «контрреволюционными организациями». Особое внимание уделялось борьбе с вражескими листовками. Их приказано было собирать и уничтожать; даже хранение их (не говоря уж о распространении) сурово каралось, вплоть до расстрела по приговору трибунала.

Надо сказать, что серьезные неудачи советских войск в первый период войны и стремительное продвижение немецких войск к Ленинграду вызвали среди части солдат и населения негативные явления. В донесениях весьма разветвленной агентуры НКВД и просмотренных цензурой письмах появляются пораженческие настроения, неверие в возможность остановить врага, страх перед превосходством немецкого вооружения, острая критика командиров. С началом блокады возникает резкое недовольство в связи с начавшимся голодом, появляются сообщения об аресте спекулянтов продовольствием, затем жуткие свидетельства о случаях людоедства. Однако фактов проявления антисемитизма сравнительно немного, хотя они также тщательно фиксировались.

Первое сообщение о таком случае появляется в очередном совершенно секретном Спецсообщении Курбаткина от 10 декабря 1941 г., направленном секретарю ЦК ВКП(б), секретарю Ленинградского горкома и обкома ВКП(б), члену Военного совета Северо-Западного направления и Ленфронта А. А. Жданову, командующему Ленфронтом генералу М. С. Хозину, секретарю Ленинградского Горкома ВКП(б), члену Военного совета Ленфронта А. А. Кузнецову. В тот страшный период, когда ежедневно от голода умирали тысячи ленинградцев, Курбаткин посчитал важным донести этим высокопоставленным лицам в контексте общей информации о распростра-

[144] См.: *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми.

няемых в городе слухах в связи с эвакуацией из города населения следующее: «Домашняя хозяйка Губнер (?! — *В. В.*): "Я слышала от военных, что дорогу очищают для эвакуации армии. Ничего страшного не будет, если в Ленинград придут немцы. Пострадают только евреи и коммунисты"».[145]

Второе свидетельство такого рода встречается в Спецсообщении Курбаткина, направленном ввиду его важности, кроме ленинградского руководства, также главе НКВД Л. П. Берия и его заместителю В. Н. Меркулову 12 января 1942 г. Оно очень подробное и содержит такие жуткие строки:

> «Начиная с третьей декады декабря месяца 1941 г., продуктовые карточки населения Ленинграда полностью не отовариваются. Кроме хлеба (350 г. рабочим и 200 г. служащим) население никаких продуктов не получает.
>
> В связи с недостатком продовольствия, в городе увеличивается смертность и заболевания среди местного населения … Если в течение 1940 г. в Ленинграде умерло 53 821 человек, то за один декабрь 1941 г. умерло 52 612 человек. За 10 дней января 1942 г. в городе умерло 28 043 чел.
>
> В городе отмечено 77 случаев людоедства, из них только за 10 дней января 42 случая».
>
> Однако самым важным для властей было следующее: «В январе месяце в городе отмечаются случаи распространения контрреволюционных листовок, призывающих к "голодной демонстрации". В одном из домов на Васильевском острове, в ящике для писем, обнаружена листовка, написанная от руки:
>
> "Граждане! Скоро будет пять месяцев, как мы находимся в железном кольце блокады. Наши войска не в силах прорвать кольцо, а правительство, упорствуя, оказывает бессмысленное сопротивление германским войскам. <u>Ленинград стал местом смерти</u>. Люди стали умирать на улицах. Наше правительство народ не жалеет. Мы все умрем голодной смертью, если не возьмемся сами за свое освобождение. Выходите все на голодную демонстрацию на площадь Урицкого 22 января 1942 г. к 10 час. утра, откуда пойдем просить войска прекратить безумное сопротивление. Не бойтесь! Наши войска — это наши отцы, братья и сыновья. Стрелять они

[145] *Ломагин Н. А.* В тисках голода. С. 165.

в нас не будут. Не бойтесь ничтожного НКВД, который не в силах остановить голодную массу людей. Голод будет нашим народным вождем! Пусть каждый, прочитавший это воззвание, напишет 10 таких же и опустит их по домашним почтовым ящикам соседних домов. Распространяйте листовки быстрей!"».

Составители и распространители этого воззвания, конечно, не могли рассчитывать на снисхождение в случае ареста. **Однако тем не менее, вопреки «рекомендациям» нацистских листовок, обошлось без антисемитских пассажей.**

Такая тенденция подтверждается и другими сообщениями НКВД в Москву.

В Спецсообщении от 28/29 января 1942 г. отмечается, что, несмотря на повышение с 25 января норм выдачи хлеба, общее положение населения не улучшилось: «В связи с продовольственными трудностями, отсутствием в жилых домах воды и электроосвещения, недостатком топлива, отрицательные настроения возросли». Приводится много высказываний недовольных — от доцента Политехнического института Шмидта и профессора Ленгосуниверситета Полетики до пенсионера Дыренкова, утверждавшего, что «налеты на булочные (голодающих) приняли массовый характер».

Серьезность положения подчеркивают и содержащееся в Спецдонесении такие строки: «Военная цензура отмечает рост отрицательных антисоветских настроений. Если в начале января корреспонденция граждан с отрицательными настроениями составляла от 6 до 9 %, то за последние дни такая корреспонденция составляет 20 %». Авторы писем, говоря об обстановке в городе, сообщают, что положение Ленинграда безнадежно, население вымирает, заботы о нем государство не проявляет.

Далее сообщается об арестах в третью пятидневку декабря 1941 г. 34 человек, из них за «террор и вредительство» — 4 человека, измену Родине — 6, антисоветскую агитацию — 18, ликвидировано 5 антисоветских групп».

Для нашей темы показательна следующая информация этого Спецдонесения: «Повстанческая группа, возглавляемая инженером «СТАНКОИНСТРУМЕНТ» С., подготовляя восстание, использовала для вражеской работы продовольственные трудности. С., спекулируя на недостатках продовольствия, распространял воззвание, призывающее к свержению советской власти» Далее следует текст воззвания:

«Трудящиеся Ленинграда! Смерть нависла над Ленинградом, ежедневно умирает 2000–3000 человек. Кто в этом виноват? Виновата советская власть и большевики. Сейчас нас уверяют, что блокада будет прорвана и нормы продовольствия увеличат, но это окажется ложью, как и все оказалось ложью, в чем нас уверяла советская власть. Захватывайте руководство жизнью города, спасайте себя и родину, иначе Вас ждет смерть».

Опять-таки воззвание остро враждебное Советской власти, откровенно пораженческое по характеру, за которое в условиях военного времени составителей и распространителей ждал только расстрел. Тем более обращает на себя внимание полное отсутствие указания на евреев как виновников ужасов блокады. Иначе говоря, отсутствуют следы воздействия немецкой пропаганды.

Более того, во всем этом подробном и откровенном тревожном донесении среди многочисленных цитат антисоветских высказываний только одно содержало антисемитский характер. Некий мастер паровозо-ремонтного завода Лутовинов заявил: «Наши руководители не заботятся о снабжении продовольствием населения. **Хорошо живут только евреи, они пролезли во все торговые организации** (выделено мной. — *В. В.*). Дольше так жить нельзя, нужно требовать прекращения войны, иначе мы погибнем».[146]

Последнее приведенное в книге «В тисках голода» Спецдонесение Курбаткина датируется уже маем 1943 г., когда острота продовольственного снабжения населения несколько ослабла. Достаточно сказать, что к 1 мая жители получили дополнительно к полностью отоваренным продовольственным карточкам муку, крупу, сельдь, сухие овощи и фрукты, кофе и водку. Однако только в Спецдонесении от 7 апреля 1943 г. отмечается: «Убийств, с целью употребления в пищу человеческого мяса, в марте месяце 1943 г. в Ленинграде не отмечено».[147] Но, конечно, судя по донесениям, картина была далека от радужной. Видимо, сказывалась реакция на перенесенные страдания от ужасов пика голода. Недовольство населения по-прежнему было весьма заметно, прежде всего по вопросам продовольственного снабжения. Высказываний подобного рода в корреспонденции,

[146] Там же. С. 189–196.
[147] Там же. С. 267–269.

посылаемой из Ленинграда, было достаточно много, но только одно из приведенных в донесении носило антисемитский характер: «Прожить трудно. Живем сегодняшним днем, что будет завтра не знаем. Хотя некоторые живут хорошо и войны не чувствуют. **Особенно везет евреям, уселись в магазины и столовые, где не только жрут и крадут продукты. Они имеют возможность посылать своим семьям по несколько тысяч в месяц»** (выделено мной. — *В. В.*).[148]

В дальнейшем в Спецдонесениях указаний на антисемитские настроения в Ленинграде не имеется, хотя секретные донесения по всемогущему ведомству Лаврентия Берии являлись наиболее достоверными и представительными. Ведь в условиях тогдашнего времени агентурой НКВД было пронизано буквально все общество.

Важным источником по данному вопросу были документы деятельности партийных органов города. Как отмечается в книге Ломагина «Неизвестная блокада», в первые недели войны эти материалы почти не содержат никаких сведений о негативных настроениях в связи массовой мобилизацией. Однако сообщается, что некоторые рабочие радовались при мобилизации в армию евреев, занимавших «теплые», по их мнению, места — нормировщиков, кладовщиков и т. д. Очевидно, в связи с антисемитским содержанием немецких листовок, отмечались случаи панических настроений среди евреев — жителей города. Однако власти сразу же начали принимать контрмеры. В первые же дни войны на экранах кинотеатров стали демонстрироваться антифашистские фильмы о преследованиях евреев в нацистской Германии — «Семья Оппенгейм» и «Профессор Мамлок»

20 августа 1941 г. на заседании партактива Ленинграда, посвященном задачам ВКП(б) в связи с обороной города, выступил А. А. Жданов. Он заявил в духе красных пропагандистов гражданской войны, что надо : «…решительно покончить с профашистской агитацией насчет евреев. Это конек врага: бей жидов, спасай Россию! Бей евреев и коммунистов!». Соответствующее специальное постановление принял 29 августа 1941 г. и Кировский райком ВКП(б): «Об антисоветских слухах, антисемитизме и мерах борьбы с ними». Отмечая наличие антисемитских высказываний среди рабочих ряда предприятий района и в домохозяйствах, было поставлена задача «вести беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, распростра-

[148] Там же. С. 246.

нителями ложных слухов, агитаторами антисемитизма». О том, как внимательно следили тогда политорганы за антисемитскими проявлениями, видно из донесения парторганизатора одного из домохозяйств Кировского района: «член ВКП(б) Родионова рассказывала подросткам антисемитские анекдоты, под влиянием которых они побили мальчика-еврея».[149]

Согласно призыву Жданова, против антисемитизма выступила ведущая газета города «Ленинградская правда». В номере от 25 сентября 1941 г. выступила депутат Верховного Совета РСФСР М. Кропачева. Указав, что антисемитизм активно распространяется нацистской пропагандой, она подчеркнула важную роль представителей еврейского народа в борьбе с врагом. В качестве весомого подтверждения своим словам, кроме ссылки на Конституцию СССР, она привела слова Сталина: «коммунисты не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма»; «в СССР строжайше преследуется антисемитизм, как явление глубоко враждебное советскому строю». Через день газета выступила с передовой, призывающей бороться против распространения антисемитских настроений. А еще через неделю — видимо, после очередного массового сброса немецких пропагандистских листовок — в газете была помещена статья Е. Федорова «Против антисемитов — агентуры фашистов». В ней уже содержится аргументированный ответ антисемитской клевете: «Старой излюбленной клеветой погромщиков является утверждение, что евреи — народ торгашеский, не любящий труда. Было время, когда часть евреев, затиснутых в черту оседлости, вынуждена была заниматься мелкой торговлей. Но с тех пор Октябрьская революция принесла равноправие всем национальностям нашей страны, земля перестала быть запретным плодом для евреев». Далее автор приводит имена советских евреев, самым выдающимся образом проявивших себя на различных поприщах на благо страны.[150]

В целом, в осажденном Ленинграде, судя по документам НКВД и партийных органов, несмотря на огромные усилия немецкой пропаганды, антисемитские настроения несомненно имели место, но даже в самые тяжкие время голода не пошли дальше стихийных действий отдельных лиц, что косвенно вынуждена была признать

[149] *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. С. 314–315.
[150] Там же. С. 327.

и немецкая разведка. И уж тем более не было объединения антисемитизма, антикоммунизма и антисоветизма, что являлось главной целью вражеской информационной войны. Добавлю и личные наблюдения. Никто из моих родственников и знакомых старшего возраста, переживших блокаду Ленинграда (среди них были медработники, общавшиеся со многими людьми, в том числе ранеными и умирающими от голода и болезней), не слыхал высказываний такого рода. При этом они вспоминали, что немецкие пропагандистские листовки на улицах города валялись.

В заключение приведем из книги «Неизвестная блокада» показательное свидетельство ленинградского инженера, еврея по происхождению, пережившего блокаду и оказавшегося на Западе. Это был мужчина 40–45 лет, выпускник Технологического института. Он принял участие в проекте Гарвардского университета по изучению социальной системы в СССР. В ходе беседы американский интервьюер записал: «в условиях блокады он не ощущал себя изгоем. Более того, сам вопрос об антисемитизме в довоенное время он счел неудачным, заявив, что в Советском Союзе в то время не было антагонизма между представителями разных национальностей. Проблему антисемитизма он свел к личному отношению Сталина к евреям: «Национальная политика полностью зависит от Сталина и только от него. Если Сталин сегодня скажет, что евреи пострадали от Гитлера, и они заслуживают заботы, все будут восхвалять евреев в прессе. Но если он, напротив, заявит, что евреи — это космополиты, то евреев будут травить во всех газетах и на всех собраниях».

О поведении евреев в Красной Армии он сказал: «В армии есть все еще кастовость… Евреи не пьют, не дерутся и не занимаются спортом. … Но они воевали хорошо. Они воевали до конца, и за храбрость они удостоены многих медалей, орденов». Однако на вопрос есть ли сегодня (1950) антисемитизм в СССР, он ответил утвердительно.[151] Но через пять лет после Победы наступили другие времена. В целом, надо сказать, ответы этого инженера соответствуют и документам, и воспоминаниям современников.

Размышляя о причинах полной неудачи нацистской психологической войны против СССР (при том, что на тактическом уровне в ней с германской стороны действовали весьма квалифицированные специалисты, приходим к следующему выводу. Помимо абсур-

[151] Там же. С. 465, 467.

да общих идеологических установок, это объясняется, в частности, полным непониманием психологии русского советского человека того времени. Например, как отмечали немецкие офицеры, оказалось, что при вербовке агентов из местного населения — в отличие от Запада — чисто материальная сторона имела второстепенное значение. Но, как вспоминал офицер абвера Д. Каров: «С другой стороны, очень часто идейно-политическая установка, т. е. вопрос, пойдет ли их (агентов) работа на пользу Родине и поможет ли это свергнуть Сталина, имела решающее значение при вербовке. Идти на предательство, на полную безыдейность своей работы никто из вербуемых не желал. Даже люди, которых материальная сторона чрезвычайно интересовала, и весьма низко падшие морально все же искали себе какого-то нравственного оправдания».

Но, очевидно, таких людей не могло быть много, потому что в июле 1942 г. офицеры немецкой разведки откровенно признают: «в настоящее время население представляет собой массу, преданную большевизму. Наличие скрытой усталости от войны не может поколебать уверенности в Советской власти».[152] Такой вывод косвенно подтверждает важная подробность. В сентябре 1941 г. в немецких документах осажденный город именуется **Петербургом**. Однако уже в секретной «Сводке о событиях в СССР», направленной в Берлин 2 января 1942 г. Службой безопасности, появляется подзаголовок «Общая ситуация под **Ленинградом** (выделено мной. — *В. В.*)».[153]

Разумеется, в интересных и важных книгах Н. А. Ломагина содержится много материалов по разным аспектам блокады Ленинграда, и мы остановились только на одной теме.

5. СУДЬБА «ВЕТВИ ЗАСОХШЕЙ» (ЕВРЕЙСТВО ПОЛЬШИ МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ)

В коллективной памяти каждого народа и государства имеются такие события их исторической жизни, которые хочется не вспоминать или, точнее, признать как бы «не бывшими». Откликаясь, иногда подсознательно, на это настроение, национальные историки и публицисты зачастую стараются находить оправдание, а чаще всего замолчать то неприятное и даже позорное, что было в истории их

[152] Там же. С. 395.
[153] *Ломагин Н. А.* В тисках голода. С. 106.

предков. Но это занятие бесполезно, поскольку, как говорили древние, «прошлое не могут изменить даже боги». Кстати, в этой связи можно указать на Книги великих иудейских пророков, не щадивших в своих праведных обличениях прежде всего грешников своего народа и деяния его царей и вельмож.

В истории возрожденной в начале XX в. Польши таким крайне болезненным воспоминанием для национального самоутверждения поляков является трагическая судьба их сограждан-евреев. Разумеется, тотальное истребление евреев Польши является делом рук властей Германии, оккупировавших страну с 1939 по 1945 г. Однако за малым исключением польские историки и публицисты стараются не указывать на те настроения большинства, если даже не подавляющего большинства польского населения, которые немало способствовали столь успешной «работе» немецких оккупантов. К сожалению, об этом мало известно российской общественности, в том числе и еврейской. А между тем польское еврейство представляет собой, в сущности, западную ветвь единого говорившего на языке идиш ашкеназского еврейства Российской Империи, распавшейся в 1917 г.

Независимая Польская республика (Речь Посполита) возродилась в 1918 г., практически непосредственно после Первой мировой войны, на обломках трех когда-то могущественных империй — Российской, Австро-Венгерской и Германской. В состав ее территории вошли земли, входившие когда-то в состав Польского королевства, разделенного указанными тремя империями в конце XVIII в. Однако правящие круги новообразованного государства во главе с «начальником государства» (таков был его официальный титул) Юзефом Пилсудским мечтали о восстановлении Великой когда-то Польши «от моря до моря», включающей земли Украины, Белоруссии и Литвы. Воспользовавшись временной слабостью Советской России, Польше удалось в 1920 г. нанести поражение Красной Армии, дошедшей было до Варшавы. В результате заключенного в 1921 г. с Советской Россией Рижского мира восточная граница нового государства прошла гораздо восточней этнографической границы расселения поляков (так называемой линии Керзона).[154] В его состав вошли обширные земли Западной Украины, Западной Белоруссии и даже нынешняя столица Литвы Вильнюс с прилегающей территорией.

[154] Керзон Д. Н. — министр иностранных дел Англии в 1919–1924 гг. — *В. В.*

В основном это были земли бывшей «Черты еврейской оседлости» Российской империи с многочисленным еврейским населением. Претензии возрожденной Речи Посполитой на историческое наследие территориальных владений прежнего польского государства в границах 1772 г. привели к тому, что она представляла собой многонациональное государство. В 1938 г. все население Польши насчитывало около 35 млн человек. Из них поляков было только 20 млн, украинцев — 7 млн, белорусов — 3 млн, немцев — 1 млн. Евреев насчитывалось 3 млн человек[155], т. е. около 10 % всего населения. Однако если славянские меньшинства являлись в основном крестьянским населением, то евреи традиционно проживали в городах и составляли значительную часть торгово-промышленного сословия страны. Достаточно указать, что доля еврейского населения в городах и местечках составляла от 30 до 50 %. Такое положение создалось в ходе сложной и противоречивой истории всего восточноевропейского региона (под последним понимаем территорию между Россией, Германией и Австро-Венгрией от Балтийского моря до Черного).

Что касается Польши, то первые польские короли, стремясь создать в своей крестьянской стране городское торгово-ремесленное сословие, привлекали из соседней Германии евреев и немцев. При этом евреи находились под личным покровительством короля. В обмен на предоставленные королевские «Привилегии», гарантировавшие им свободу вероисповедания, внутреннюю автономию, а также защиту, еврейские общины обязывались платить налоги и нести ряд повинностей. Первая такая Привилегия была предоставлена евреям в Калише королем Болеславом Благочестивым в 1264 г.

При сильных королях положение еврейского населения было относительно благополучным. Однако по мере ослабления королевской власти, а также усиления конкуренции со стороны народившегося и укреплявшегося местного польского торгово-промышленного класса экономическое и правовое положение еврейского населения неуклонно ухудшалось. Этому способствовала и политика господствующей католической церкви. Характерным в этом отношении является протест Краковского епископа против очередного издания королевских привилегий евреям: «Недопустимо, чтобы неверные пользовались большими правами, чем ревнители нашего

[155] Большая советская энциклопедия. М., 1940. Т. 46. С. 251.

Спасителя, Иисуса Христа, и чтобы закон был милостивее к рабам, чем к родным детям».[156] Все эти причины нередко приводили к многочисленным нападениям на еврейские общины, погромам в крупных городах Польского королевства — Варшаве, Львове, Познани, Кракове. Именно в Польше получили распространение обвинения евреев в ритуальных убийствах, откуда они попали уже в XIX в. Россию. Тем не менее, короли и крупные магнаты, исходя из своих, прежде всего экономических, интересов, продолжали поддерживать и даже по временам реально защищать права еврейских общин.

После включения основной части территории польского королевства в состав Российской империи в конце XIX в., статус евреев изменился. Из лиц без гражданства, лично покровительствуемых королями, они превратились в граждан государства, хотя и с весьма урезанными правами. Впрочем, в царской России бесправным было большинство населения страны. В собственно польских областях правительство империи, несмотря на общую антиеврейскую, точнее, антииудейскую политику, не стремилось поддерживать борьбу польского мещанства и буржуазии, а также католической церкви против евреев. Более того, в его интересах было сохранение экономической активности евреев. Тем самым власти империи имели возможность по временам выступать в роли посредника между ними и польским населением. Все это, несомненно, наложило свой неблагоприятный отпечаток на последующую судьбу евреев, оказавшихся гражданами возродившейся Речи Посполитой.

Естественным, однако, было то, что память о привилегиях еврейского населения в прежней королевской Польше сохранилась. Поэтому в «Договоре о Польских Меньшинствах», подписанном 28 июня 1919 г. между возрожденной Польшей с одной стороны и союзными державами Англией, Францией, США, Италией и Японией — с другой, в котором гарантировались права всех национальных меньшинств, в пп. 10 и 11 специально оговаривались права еврейского населения. Согласно им, предусматривалось выделение пропорциональных кредитов на еврейские школы. Эти кредиты должны были находиться в ведении комитетов уполномоченных еврейских общин. Обещалось также обеспечение евреям субботнего отдыха, кроме периодов военной службы. Евреи имели право игно-

[156] *Тейтельбаум С.* Польша // Еврейский мир. Ежегодник на 1939 г. Минск, 2002. С. 234.

рировать вызов в суд или другие инстанции по субботам. По субботам не должны были даже проводиться выборы в законодательные и местные учреждения; естественно, запрещалась дискриминация любого вида.

Возможно, что последующая судьба польской республики сложилась бы по-иному, если бы руководство возрожденного государства хотя бы попыталось выполнить положения этого документа. Однако он сразу же превратился в свидетельство обманутых надежд и заведомо пустых обещаний. Правящими кругами страны с самого начала был взят курс на формирование исключительно польского национального государства. Причем если славянские народы должны были быть ассимилированы польским большинством, то от евреев предполагалось избавиться, лучше всего посредством эмиграции за пределы Польши.

Отношение к евреям польских властей наглядно проявилось прежде всего во время войн с украинцами, литовцами и советскими армиями в период становления государства в 1918–1920 гг. Евреев обвиняли в антипольских, прокоммунистических, пророссийских и даже в проукраинских настроениях. Неоднократно польские солдаты устраивали погромы, в частности в ноябре 1918 г. во Львове (70 убитых), а в апреле 1918 г. в Вильно (80 убитых). После занятия Пинска было расстреляно около 40 пришедших на молитву евреев, якобы принятых за собравшихся большевиков.[157] Характерен в этом смысле эпизод, описанный в повести Бабеля «Конармия» (рассказ «Замостье») (рассказчик — боец Конной армии):

«Мне видны были трубы Замостья (занятого поляками. — *В. В.*), вороватые огни в теснинах его гетто … И в тишине я услышал отдаленное дуновение стона. Дым отдаленного убийства бродил вокруг нас.

— Бьют кого-то, — сказал я.

— Поляк тревожится, — ответил мне мужик, — поляк жидов режет».[158]

После окончания войн польские власти постарались исключить из числа польских граждан как можно большее число евреев. Полностью этот вопрос был урегулирован только в 1926 г. При этом с первых дней существования новой Польши началось вытеснение евреев

[157] См.: Польша // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 7. Иерусалим, 1995. С. 646; *Мельтюхов М.* Советско-польские войны. М., 2001. С. 24–25.

[158] *Бабель И.* Конармия // Бабель И. Избранное. Фрунзе, 1990. С. 110.

из всех видов государственной службы. В частности, уже в 1919 г. на территории страны, бывшей ранее под властью более либеральной Австро-Венгерской империи, были уволены все евреи — сотрудники государственных железных дорог.[159]

Подобная дискриминация в дальнейшем приняла особенно острый характер. Дело в том, что польское руководство настойчиво проводило политику сосредоточения под властью государства и местных органов управления всех важнейших отраслей промышленности. Поэтому каждый трудящийся и служащий считался государственным чиновником, и предпочтение отдавалось полякам. О степени исключения евреев с правительственной службы красноречиво говорят следующие цифры. В 1936 г. в 302 малых и средних городах Польши евреи составляли около 41 % всего населения, в то время как государственных служащих было 7,6%, в Варшаве соответственно 30 % и 1,9 %, во Львове — 31,9 % и 1,7 %, в Люблине — 34,7 % и 1,4%.[160]

Введение государственной монополии на производство и продажу табака, соли, алкоголя, спичек весьма сильно ударило по еврейской мелкорозничной торговле. Это подорвало благосостояние занятых в этой сфере, которых вместе с семьями насчитывалось около 650 000 человек. Помимо этого, ухудшало положение развитие кооперативной польской торговли, призывы к бойкоту еврейских магазинов и просто антисемитская пропаганда. В конце 30-х годов, после смерти Ю. Пилсудского, дело дошло до организованных погромов и террористических актов в Пржитыке, Брест-Литовске, Ченстохове, Вильне, Минске-Мазовецком, Опочно и других местах. Власти обычно не реагировали на антисемитские вылазки, а если дело и доходило до суда, погромщики отделывались незначительными штрафами. Многие владельцы небольших магазинов и лавок, особенно в местечках и городках, вынуждены были покидать насиженные места.

Не лучшим было и положение рабочих и ремесленников. Численность евреев-ремесленников в Польше была всегда традиционно высока, но в 30-е годы она доходила на большей части страны до 51,9 %. Такой высокий процент объяснялся тем, что на государственные предприятия евреев-рабочих практически не принимали.

---

[159] *Rudnicki Szymon*. From «Numerus Clausus» to «Numerus Nullus» // From *Shtetl* to Socialism. London; Washington. 1993. P. 359.

[160] Еврейский мир. Ежегодник на 1939 год. С. 237.

Опасаясь обвинений антисемитской прессы, их неохотно брали на работу и частные фабриканты-христиане. Даже евреи —владельцы предприятий просили по той же причине евреев-рабочих не афишировать свою национальную принадлежность. Поэтому на 50 000 фабричных рабочих-евреев приходилось 200 000 ремесленников-евреев и примерно такое же количество подмастерьев и учеников.

Экономическое положение ремесленников и особенно подмастерьев было неизмеримо хуже положения фабричного рабочего, поскольку по польским законам социальное страхование распространялось только на те предприятия, где было занято не менее пяти рабочих. Помимо этого, в 1932 г. был принят закон, требующий сдавать особый экзамен на право заниматься ремесленной деятельностью, причем необходимо было пройти особые курсы. Десятки тысяч еврейских трудящихся не могли сдать экзамен по различным причинам. У одних не было денег, чтобы оплатить обучение на курсах, другие якобы недостаточно владели польским языком, но чаще всего претендентов проваливали члены экзаменационных комиссий, которыми были опасавшиеся конкуренции поляки-ремесленники.

Разразившийся в 30-х годах мировой экономический кризис в гораздо большей степени ударил по еврейским трудящимся, чем по польским. Достаточно указать, что среди еврейских рабочих безработица доходила до 40 %, а среди подмастерьев, полностью лишенных страхования по безработице, — до 60 %.[161]

Несколько неожиданной темой является положение евреев, связанных с сельским хозяйством. Дело в том, что в Восточной Галиции, ранее входившей в состав Австро-Венгрии, евреям разрешалось владеть землей. Польские власти старались под тем или иным предлогом проводить политику отчуждения земель у евреев-землевладельцев.

Однако наиболее обидный и острый характер прибрела политика властей в области высшего образования. Надо отметить, что традиционно среди евреев, по преимуществу городских жителей, было сильно стремление к высшему образованию, и доля евреев-студентов в начале 20-х годов составляла 24,5 %. Особенно этот процент с давних пор был велик в вузах медицинского профиля. Правящая Национально-демократическая партия вопреки обещаниям союз-

[161] Там же. С. 239.

ным державам придерживалась курса на вытеснение евреев из системы польской высшей школы. Сначала это проявилось в неофициальном введении процентной нормы для еврейских студентов. Хуже всего было то, что инициатива зачастую исходила из националистических организаций польских студентов. Они устраивали шумные демонстрации, требуя сначала снизить процентную норму для еврейских студентов до уровня процента евреев в населении в Польше, т.е. до 11%. Затем появился лозунг о снижении этого процента до нуля. Поразительнее всего было требование польских студентов ввести в студенческих аудиториях специальные скамьи для студентов-евреев, своего рода «студенческое гетто». Часто евреи-студенты, отказываясь садиться на эти скамьи, слушали лекцию стоя. Еврейских студентов-медиков часто насильственно не допускали в анатомические театры, избивали и терроризировали. Устраивались так называемые дни «Без евреев», когда евреев студентов изгоняли на день за пределы университетов.

Нельзя сказать, что все руководство польской высшей школы поддерживало подобные антисемитские действия. Были, конечно, и голоса протеста, однако общей картины они изменить не могли. Требуемый первоначально националистами процент евреев среди польского студенчества был достигнут к 1936–37 гг. — 11,7%. Но в дальнейшем он продолжал снижаться, составив всего год спустя только 7,5%. Еще показательней дело обстояло в отдельных ведущих университетах. В 1937 учебном году евреи-студенты в Варшавском университете составляли 4%, во Львовском — 7%, в Краковском — 10%, в Виленском — 7,3%, в Познанском — 0.[162] С профессорами-евреями дело обстояло еще хуже. Всего в польской высшей школе работало только 11 профессоров-евреев, из них в Варшавском университете — 2.

Ввиду того, что евреи с юридическим образованием не принимались на государственную службу, примерно половину всех польских адвокатов составляли евреи. В связи с этим в 1937 г. доступ евреев в адвокатуру был закрыт до 1945 (!) года.

Разумеется, набиравшее силу антисемитское движение не ограничивалось университетами. Раздавались призывы распространить сегрегацию евреев повсеместно. В газете Национально-радикальной партии был опубликован проект о введения для евреев отдельных

---

[162] *Rudnicki Szymon*. From «Numerus Clausus» to «Numerus Nullus». P. 375.

железнодорожных вагонов. В Калише 13 июля 1937 г. рыночная площадь была разделена на еврейскую и польскую части. В некоторых городах — например, в Ченстохове и Бресте — велась кампания за полное изгнание евреев из города. Нападениям подвергались даже евреи, принявшие католичество и ставшие ксендзами. Раздавались голоса о введении в Польше, по примеру соседней Германии, Нюрнбергских расовых законов.

Нельзя отрицать, что усилению антисемитизма в польском обществе много способствовал экономический кризис, от которого страдало и собственно польское население. Однако положение основной массы польского еврейства было просто отчаянным. В конце 30-х годов только 20 % польских евреев были способны достаточно обеспечить себя. Вероятно, среди них было и некоторое количество богатых людей. 25 % с трудом сводили концы с концами, другие 25 % были в состоянии прожить только при помощи со стороны. Наконец, остальные 30 % (около миллиона человек) проживали в полной нищете и могли прокормиться только при поддержке общественных организаций или родственников. Неудивительно, что еврейская печать была заполнена сообщениями о голодных обмороках безработных евреев на улицах. Широкое распространение получила чудовищная практика оставления голодающими еврейскими семьями детей 8–9 лет в отдаленных кварталах с записками «добрым людям» позаботиться о них.[163]

Самым прискорбным было то, что правительство Польши видело решение «еврейского вопроса» только в избавлении от евреев — желательно, правда, каким-либо пристойным образом. Поэтому оно охотно способствовало еврейской эмиграции и приветствовало деятельность сионистских организаций. Оно помогало незаконной иммиграции в Палестину и даже снабжало оружием военизированные еврейские организации в Палестине.

Большинство доведенного до отчаяния еврейства Польши не возражало против эмиграции. Но в 1921 и 1924 гг. в США были введены весьма жесткие ограничения на иммиграцию. В Палестину английские власти допускали строго ограниченное количество евреев. В 1924–28 гг. в ходе так называемой «четвертой алии» из Польши выехало около 60 тыс. чел., еще меньше прибыло туда в течение «пятой

[163] Еврейский мир. Ежегодник на 1939 год. С. 237.

алии» (1929–1939) — всего 12 тыс. Конечно, многие проникали в Палестину незаконно, но общей картины это не меняло.

Такое положение, несомненно, способствовало вовлечению представителей польского еврейства в различные левые движения. Большую поддержку получил Союз еврейских рабочих «Бунд», а также сионистские партии социалистического направления. Кроме того, все больше приверженцев завоевывали сторонники вождя воинствующих сионистов В. Жаботинского. Немало евреев было и в общепольских организациях социалистического направления и особенно в рядах польских коммунистов.

Успеху последних способствовал и пример изменения положения евреев в соседнем СССР. Об этом свидетельствует и неоднократно цитируемый «Еврейский мир. Ежегодник на 1939 г.». Приводимые им сведения особенно весомы, поскольку его авторы, входившие в «Объединение русско-еврейской интеллигенции в Париже», не скрывали своей вражды к Советской власти и политике правящей в СССР Коммунистической партии. Тем не менее, из статьи С. Познера «Советская Россия» следует, что если в 1897 г. структура занятий самодеятельного еврейского населения России не отличалась от еврейства Польши, то «за истекшие 20 лет советского режима в жизни русского еврейства произошли значительные перемены. За эти годы имело место перемещение широких еврейских масс с запада на восток, вселение их в районы, где дотоле евреев было очень мало, в частности, в крупные центры; резко изменился характер их занятий, выразившийся в переходе к производительным формам труда, произошла пролетаризация еврейского населения в классовом смысле. Одновременно значительное число евреев стало правительственными чиновниками и служащими».[164]

Еще более характерные данные показала всесоюзная перепись 1939 г. Согласно ее результатам, служащие составляли 40 % самодеятельного еврейского населения В эту категорию входили 106 тыс. инженерно-технических работников, что составляло 14 % всех работников этой категории, 139 тыс. руководителей различного ранга (7 % всех работников управления страны), 39 тыс. врачей (примерно 27 % врачей страны), 15 тыс. научных работников и преподавателей вузов (15,7 % всех занятых в этой сфере) и т. д. И это при том, что численность еврейского населения в СССР в конце 1930-х годов

[164] *Познер С.* Советская Россия // Еврейский мир. Ежегодник на 1939 год. С. 263.

составляла, как и в Польше, 3 млн человек (1,8 % всего населения страны).[165]

В статье Познера приводится и такое примечательное для того времени свидетельство: «Еврейская зарубежная пресса следила за проявлениями антисемитизма в Советской России, и надо констатировать, могла отметить лишь незначительное количество их. Последние случаи имели место в 1935 и 1936 гг. Еврейское Телеграфное Агентство насчитало в 1935 г. два случая, в 1936 г. один. Во всех трех случаях против виновных в антисемитских выступлениях были возбуждены судебные дела и они поплатились тюремным заключением от двух до пяти лет».[166] Доходили до Польши и сведения о расцвете в СССР культуры, хотя и нерелигиозной, на языке идиш. Такая — конечно, весьма идеализированная, но в основном достоверная — картина находила благоприятный отклик в обездоленной части польского еврейства. Следствием этого были дополнительные обвинения евреев в прорусских и прокоммунистических настроениях.

Культурная жизнь польского еврейства заслуживает особого внимания. Отметим здесь только, что этот период ознаменовался расцветом еврейской прессы разного направления. Выходило около 200 газет и журналов на идише, иврите и польском языке. Крупные города Польши стали центрами культуры на идише. В многочисленных изданиях публиковались книги еврейских авторов, в частности, будущего лауреата Нобелевской премии И. Башевича-Зингера, на киностудиях снимались кинофильмы. Дискриминация в области образования привела к созданию независимой системы еврейского школьного образования. С 1928 г. работал Институт еврейских исследований в Варшаве. Наряду с научными исследованиями он готовил раввинов и учителей средних школ. Процветала, разумеется, и религиозная жизнь.

Однако в целом эта культура оставалась чуждой для властей и большинства польского общества, искренне желавших поскорее избавиться от нее и ее носителей. И это при том, что немало евреев искренне восприняли польскую культуру и можно даже указать больших польских писателей еврейского происхождения — С. Леца, Ю. Тувима, Я. Корчака.

---

[165] СоветскийСоюз // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1996. Т. 8. С. 191, 296.

[166] *Познер С.* Советская Россия. С. 263.

Громы первых разрывов немецких снарядов и бомб начавшейся в 1939 г. Второй мировой войны стали начальными нотами заупокойного реквиема по существовавшей 700 лет многочисленной, обладавшей огромными творческими достижениями еврейской общине. Разумеется, как было уже сказано выше, главную роль в ее уничтожении сыграли немецкие оккупационные власти. Но поразительным было поведение польского общества. Только в оккупированной Польше массовые антигерманские настроения сочетались с антиеврейскими. Ограничимся только официальными свидетельствами. Осенью 1941 г. после первых акций массового уничтожения евреев, генерал Грот-Ровецкий, руководитель подпольной Армии Крайовой, сообщал в Лондон, где находилось польское правительство в эмиграции: «Проеврейские симпатии, выражаемые в заявлениях членов лондонского правительства, производят весьма неблагоприятное впечатление в стране и весьма способствуют успеху нацистской пропаганды. Прошу принять во внимание, что подавляющая часть населения настроена антисемитски. Даже социалисты не составляют в этом исключения, отличие только в тактике. Необходимость эмиграции как способа решения еврейского вопроса так же очевидна для всех, как и необходимость изгнания немцев. Антисемитизм стал широко распространенным явлением». Уже в 1944 г., когда почти все еврейское население Польши было уничтожено, очередной комиссар лондонского правительства Кельт сообщал в своем отчете о поездке в Польшу: «Согласно мнению на местах, лондонское правительство перебарщивает в выражении своих симпатий к евреям. Учитывая, что в стране евреев не любят, высказывания членов правительства воспринимаются как слишком филосемитские».

Поразительно и то, что даже те, кто реально помогали евреям, оставались активными их ненавистниками. В августе 1942 г. писательница Зофья Коссак, руководитель влиятельной подпольной католической организации «Фронт возрождения Польши», опубликовала листовку следующего содержания: «Мы говорим от имени поляков. Наше отношение к евреям не изменилось. Мы попрежнему считаем их политическими, экономическими и идейными врагами Польши. Более того, мы знаем, что они ненавидят нас больше, чем немцев, и считают нас виновными в своих бедах. Но даже это не освобождает нас от обязанности осудить совершающееся преступление». Не менее показательно и то, что даже влиятельная центристская Народно-демократическая партия видела решение

«еврейского вопроса» в будущей освобожденной Польше в насильственной эмиграции молодых евреев в возрасте до 40 лет. Оставшиеся пожилые вымрут со временем сами. Оставшимся предоставлялось самоуправление, но в полной изоляции от польского общества, и любой поляк, замеченный в контактах с евреями, подлежал такой же изоляции как и они.[167] Неудивительно, что даже те праведники, которые все-таки помогали одиночным евреям, должны были прежде всего остерегаться своих польских соседей. Из еврейских источников видно, что во время восстания в Варшавском гетто участники польского Сопротивления старались оказывать повстанцам помощь по возможности скрытно, чтобы не подорвать уважения польского общества к своему делу.[168]

К вышеизложенному полагаю все же необходимым добавить следующее. Несмотря на трагические события XX в. было бы несправедливо забывать, что в течение многих веков Польское королевство было одним из очень немногих государств средневековой Европы, где под покровительством польских королей нашло прибежище многочисленное еврейское население. Именно там в XVI в. наступил расцвет средневековой учености евреев-ашкеназов. Безусловно, и в довоенной Польше были государственные деятели, понимавшие пагубность ультранационалистического курса. В известной степени к ним можно отнести даже основателя и руководителя возрожденного Польского государства Ю. Пилсудского. Антисемитские выступления резко усилились после его кончины в 1935 г. Достойную гуманистическую позицию занимал ряд представителей польской интеллигенции и даже католической церкви. Последовательной интернационалистской позиции придерживались и польские коммунисты, хотя их ряды и не были особенно многочисленными. Кроме того, следует еще раз подчеркнуть, что при любом отношении польского населения к согражданам-евреям при германской оккупации вряд ли бы удалось спастись многим. Ведь за укрывательство немецкие власти угрожали всей семье спасителя. И тем не менее хочется с искренней человеческой радостью за поляков отметить, что именно в Польше нашлись тысячи людей разных политических взглядов, в том числе и среди католических религиозных деятелей, спасавших обреченных на смерть. Причем, это надо особо подчеркнуть, высту-

[167] Поляки и евреи // «22». Иерусалим. № 76, апрель–май 1991. С. 100–101.

[168] *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 221.

пая зачастую против настроений значительной части своего народа. Более того, сохранились достоверные свидетельства, что польские партизаны нередко казнили тех, кто доносил оккупационным властям на евреев. А как сказано в Книге Бытия (18:32) Всевышний пощадил бы даже многогрешный Содом, окажись там хотя бы 10 праведников.

6.3. Послевоенная эпоха (1945–1953)

Разумеется, начало фиксации национальности сотрудников, успешно работающих в той или иной области, само по себе означает определенное изменение курса национальной политики страны. Отношение к «еврейскому вопросу» в СССР начало меняться в ходе Великой Отечественной войны. Это произошло по многим причинам. Сыграли свою роль национально-патриотический характер войны и в связи с этим отказ от интернациональной идеологии, а также тяжелейший стресс населения в военное время. Но немало способствовала этому, конечно, и вражеская антисемитская пропаганда. Как бы «прозрев», в конце войны власти стали серьезно интересоваться, какова же действительно роль евреев в жизни страны и нет ли во вражеской пропаганде, именовавшей советскую власть «еврейской», доли истины. Начались всевозможные проверки, расследования, справки, доносы. Соответственно, усились репрессии органов безопасности по обвинению в «клевете на национальную политику партии», в национализме, сионизме и т. д.

Особое внимание было обращено властями и на положение в академической науке. С **середины 1950 г. была введена ежегодная кадровая статистическая отчетность всех ведомств перед ЦК ВКП(б)**. Согласно ей, общая картина положения в академической науке выглядела следующим образом. Из 133 академиков евреев было 11 (8,3 %), из 245 членов-корреспондентов — 37 (15,1 %), из 941 доктора наук — 147 (15,6 %), из 2849 кандидатов наук — 428 (15 %). Однако это все же общая картина, хотя и достаточно показательная. Более детальное обследование было проведено ранее в областях, связанных с обороноспособностью страны. С началом «холодной войны» против обладавших ядерным оружием США, которая могла, казалось, быстро перерасти в «горячую», руководство страны обратило на эти учреждения особое внимание. Уже в октябре 1946 г. по

поручению секретаря ЦК А. А. Кузнецова были «проверены кадры» в девяти ведущих академических институтах — органической химии, физической химии, химической физики, физических проблем, физическом, механики, радиевом, Ленинградском физико-техническом, географическом. Как видно из списка, учреждения выбраны прицельно, поскольку основа обороны страны во второй половине XX в. — это прежде всего фундаментальная наука и высокие технологии. В результате и этой проверки выяснилось, что еврейское происхождение в этих в буквальном смысле судьбоносных для страны областях науки имеют 208 из 765 научных работников этих институтов, а из 110 заведующих лабораториями таковых оказалось целых 30!

Это настолько, видимо, «обеспокоило» власти, что вскоре были обследованы сразу все научные учреждения, входившие в академическую науку — 51 институт, 3 специальные лаборатории, Главный ботанический сад, Главная астрономическая обсерватория, 6 филиалов АН СССР и 6 научных баз. Всего в этих учреждениях работало 14 577 научных сотрудников, в том числе 165 академиков, 271 член-корреспондент, 618 докторов и 1753 кандидата наук. Согласно записке академика-секретаря АН СССР Н. Г. Бруевича, доля евреев, — заведующих отделами в области экономики и права доходила до 58,4 %, по отделению химических наук — 33 %, по отделению физико-математических наук — 27,5 %, технических наук — 25 %. Показательно также, что, несмотря на наплыв в науку молодых ученых-неевреев, процент евреев среди аспирантов и докторантов составил 17,6 %.

В качестве заключительного примера приведем положение в гуманитарных науках — философии, истории, экономике и праве. Дело в том, что эти дисциплины в то время могли быть только официально допускаемой догмой, опирающейся на вульгаризированный марксизм. Иначе говоря, это был в каком-то смысле суррогат «государственной религии», а все преподаватели этих предметов были в некотором роде ее служителями. Проведенная в начале холодной войны, в 1948 г., обеспокоенными властями срочная проверка кадрового состава 962 кафедр 568 вузов выявила следующую «впечатляющую» картину. Оказалось, что среди 4847 преподавателей философии, политэкономии, истории СССР, марксизма-ленинизма евреи составляли примерно 20 % , русские — 50 %. Однако дело этим не кончилось, и дотошное руководство Министерства высшего образования решило перепроверить положение в ведущих вузах стра-

ны. Там из 2018 преподавателей философии, марксизма-ленинизма и политэкономии было «выявлено» 26,3 % евреев. Результаты подобных исследователей обобщались и со временем, конечно, привели к зловещим изменениям в национальной политике партийно-государственного руководства СССР.

Конечно свою роль сыграли и субъективные факторы. Прежде всего происходило резкое уходшение здоровья всемогущего вождя Советского Союза генералиссимуса И. В. Сталина на пороге семидесятилетия. Как отмечает историк Юрий Жуков на основании документов, «спад работоспособности у Сталина начался в феврале 1950 года и достиг нижнего предела, стабилизировавшись в мае 1951 г. Если в 1950 г., с учетом недельного отпуска (болезни?), чисто рабочих дней — приемов посетителей в кремлевском кабинете — у него было 73, в следующем — всего 48, то в 1952 г., когда Иосиф Виссарионович вовсе не уходил в отпуск (не болел?), — 45. Для сравнения можно использовать аналогичные данные за предыдущий период: в 1947 г. у Сталина рабочих дней было 136, в 1948 — 122, в 1949 —113. И это при ставших обычными трехмесячных отпусках. … Даже без обращения к его недоступной истории болезней можно сделать единственный возможный вывод: Сталин, если и вынужден был отрешиться от интенсивной, как прежде, посведневной работы из-за плохого самочувствия, то сделал это — неважно, добровольно или по принуждению — не в последние недели или месяцы жизни, а гораздо раньше».[169]

Как показало последующее развитие событий, в Кремле и в околокремлевских кругах началась тайная, но активная борьба за наследство явно угасавшего властелина. В этой скрытой войне интриг активно использоваловалась и даже стимулировалась усиливавшаяся с возрастом подозрительность вождя, переходящая в настоящую манию преследования.

О всех перипетиях этой эпохи написано много, и будет, видимо, написано еще больше. Отметим только, что, нашему мнению, ввиду болезни вождя и сложных и запутанных интриг ведущих деятелей советской партийной и политических элиты трудно а порой и невозможно объяснить причины тех или иных действий тогдашних властей.

[169] *Жуков Ю.* Народная империя Сталина //Загадка 37 года. М., 2010. С. 414–415.

Это касается ликвидации всех газет и журналов, выходивших на идише, жестокие репрессии, вплоть до физического уничтожения, в отношении деятелей еврейской культуры и литературы — в частности, главы Государственного еврейского театра С. М. Михоэлса. Вершиной антиеврейской кампании этого перода было дело кремлевских врачей — евреев, обвиненных в заговоре с целью убийства руководителей СССР. Среди еврейского населения распространялись самые панические настроения. Говорили даже о возможной массовой депортации евреев в Сибирь

Этим прискобным событиям были посвящены множество научных исследований и публицистических сочинений.

История в событиях и лицах

1. РЯДОВОЕ СУДЕБНОЕ ДЕЛО КОНЦА ЭПОХИ И. В. СТАЛИНА (ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОТЦЕ)

Жизненный путь моего отца Льва Яковлевича Вихновича был весьма типичен для многих людей его поколения в СССР. Он родился даже не в бедной, а в нищей еврейской семье в деревне Дуброво Речицкого района Гомельской области Белоруссии в 1903 г. Как известно, евреев, не желавших отказаться от своей религии и креститься, в царской России подвергали унизительной дискриминации, особенно когда речь шла о евреях-бедняках. Им было запрещено свободное проживание вне черты оседлости, для них был практически закрыт путь к образованию, к любой государственной службе и к воинскому званию выше фельдфебеля. Во флот и гвардию евреев было запрещено брать вообще. Но при этом все тяготы налоговые и рекрутской повинности они должны были нести без всякого снисхождения. Правда, в отличие от других мест, отношения с таким же нищим белорусским крестьянским населением у евреев — обитателей местечек были вполне нормальными и, по воспоминаниям, даже дружественными.

Революция дала отцу, как и многим другим обездоленным, все гражданские права. Он получил возможность работать, затем поступить в Московский Механико-машиностроительный институт, откуда по партийной мобилизации (в ВКП(б) он вступил в 1926 г.) был направлен в Высшее Военно-морское училище им. Дзержинского в Ленинграде. По окончании училища ему было присвоено

Лев Яковлевич Вихнович. Ленинград, 1942 г., блокада.

звание, как сказано в свидетельстве об окончании, командира РККФ (рабоче-крестьянского красного флота), по специальности инженер-механик — дизелист.

Судя по трудовой книжке, отец с 14 июля 1939 г. служил на Балтийском флоте. Я родился в 1937 г. (кстати, в Кронштадте, бывшем тогда главной базой Балтийского флота) и о предвоенных годах жизни отца знаю, разумеется, со слов матери и его друзей. По их воспоминаниям, отец много работал над собой, постоянно учился. Постепенно стал очень образованным в гуманитарном отношении человеком, хотя русский язык начал серьезно изучать только с 20 лет. Много интересовался общественной жизнью страны. По рассказам

друзей, он очень сочувствовал Н. И. Бухарину и разделял многие его взгляды. Репрессии 30-х гг. прямо его не затронули, хотя в 1935 г. он исключался из партии, хотя и ненадолго, «за рассказывание антисоветских анекдотов».

Участие в войне с Финляндией в 1939–1940 гг. дало ему возможность лично убедиться в реальном состоянии нашей армии. Поэтому начало Великой Отечественной войны он встретил без всяких иллюзий. Несмотря на оптимистический тон пропаганды в первые недели войны, отец настаивал на эвакуации матери с детьми из города.

Войну с Германией отец встретил в Таллине, участвовал в страшном переходе нашего флота из Таллина в Ленинград. По его словам, море было окрашено кровью погибших моряков и напоминало «суп». Блокаду отец провел в Ленинграде, испытал все ужасы, выпавшие на долю его защитников. Случайно сохранилась фотография, которую мы получили от него в эвакуации. По ней было видно, что даже ему, одинокому офицеру сравнительно высокого ранга, было нелегко выжить в условиях голода и холода блокады.

Во время войны отцу приходилось участвовать в походах подводных лодок, бывал он на Каспии и в Мурманске. В качестве инженера-механика он служил командиром БЧ-5, т. е. начальником энергетических служб боевых кораблей, в основном подводных лодок. Был близко знаком со многими известными подводниками, в частности, с А. И. Маринеско, Н. А. Луниным и другими знаменитыми офицерами морского флота. Полагаю, что записным героем он не был, но честно выполнял свой долг, имел воинские награды и закончил войну в довольно высоком звании — инженер-капитан II ранга.

Он очень не любил вспоминать об ужасах блокады. Помню только, что с восхищением отзывался о стойкости народа. О руководстве же, особенно высшем, был весьма нелестного мнения.

После войны отец был направлен на довольно ответственную должность в Таллин, где тогда находилось Управление ремонта ДКБФ (Дважды Краснознаменного Балтийского флота). Мы к тому времени вернулись из эвакуации в Ленинград, и я с матерью однажды навестил его. Помню, что несмотря на звание, отец был очень простым человеком, любил общаться с матросами и младшими офицерами. Его все любили за остроумие, простоту, открытость характера и природный ум. Он по-прежнему был весьма неосторожен в своих высказываниях, что приводило иногда мою мать в ужас.

Среди его сослуживцев в Таллине я запомнил одного молодого офицера — старшего лейтенанта Менделя Львовича Турецкого. Почему-то тогда меня неприятно поразило слащаво-приторное выражение его лица. Этому человеку суждено было сыграть роковую роль в судьбе отца — хотя, вероятно, если бы не он, то на эту роль нашелся бы другой человек. Надо заметить, что отец никогда не обманывался в отношении режима Сталина. Сейчас это может показаться невероятным, но, по словам одного родственника и друга нашей семьи (тоже флотского офицера), отец сказал еще в конце 40-х годов: «Вот увидишь, когда-нибудь и Сталина объявят врагом народа». Но судьба щадила его вплоть до 1952 г.

В то время он занимал должность начальника отделения Технического управления Балтийского флота, и ему было присвоено звание инженер-капитана I ранга; далее уже шли звания адмиральские. Однажды, в середине февраля 1952 г., отца вызвали в служебную командировку в Москву. Никакого беспокойства у него это не вызвало. Он много занимался изобретательством и думал, что командировка связана с этим. 14 февраля он прибыл в Москву, и с этого дня мы долго не имели сведений о его судьбе. Несколько дней мать обзванивала всех, кого могла, но все было напрасно, никто ничего не знал. Все прояснил долгий требовательный звонок в дверь днем 17 февраля. Когда мой старший брат Олег открыл дверь, то на пороге оказался высокий мужчина с военной выправкой в темном длинном пальто. Его сопровождали два матроса и две женщины из домоуправления. Войдя в переднюю, мужчина произнес: «Вот ордер на обыск вашей квартиры».

Надо сказать, что мы жили в отдельной двухкомнатной квартире с телефоном и ванной — тогда это было неслыханной роскошью. В кабинете отца были два огромных стеллажа с книгами. В основном это были книги по технике, но много было книг по истории, философии, а также художественная литература. Насколько помню, весь обыск был посвящен просмотру книг. Ретивый капитан (таково было его звание) даже простукивал рукояткой финского ножа стены за книжными полками. Я это запомнил потому, что ручка ножа была очень красивой, наборной из слоев пластмассы различных ярких цветов. Книг было очень много, и обыск продолжался долго, до позднего вечера. Всех приходящих впускали и по всем правилам сыска задерживали. По телефону распорядились никому не отвечать. Постепенно квартира заполнялась людьми. Как нарочно, гостей

пришло много. Помню, как у моего школьного товарища Виталия пропали билеты в кино, и он громко выражал недовольство. Матросы, сопровождавшие капитана, явно выражали нам сочувствие, но, конечно, ничего не могли поделать. Вспоминаю забавный эпизод. У нас висела картина с изображением спящей обнаженной женщины. Явно раздосадованный тем, что ничего существенного найти не удается, руководитель обыска сделал маме замечание, указав на картину: «Вот как вы плохо воспитываете сыновей». После обыска испуганная мама закрыла картину тряпкой.

Повторяю, обыск длился долго. В конце концов из библиотеки были изъяты 11 книг, о чем был составлен акт. Этот акт — точнее, его копия — сохранился у меня до сего времени. Показательно, что среди изъятых книг находились (цитирую по акту):

1. Книга без переплета под названием «Христос», автор Николай Морозов, изд. 1928 г.

2. Книга без переплета под названием «Фрейд, его личность, учение и школа», изд. 1925 г.

3. Книга без переплета под названием «Государственное хозяйство России», автор Милюков, изд. 1905 г.

4. Книга без переплета под названием «Основы позитивной эстетики», автор Луначарский, изд. 1923 г.

5. Книга без переплета под названием «Падение царского режима», под ред. П. Е. Щеголева, изд. 1926 г.

И так далее. Словом, «улов» был крайне скуден.

После обыска все стало ясно: отец арестован. Мать пыталась узнать, где он находится. Она съездила в Таллин, к месту постоянной службы отца, и в Москву, кажется, в Военную прокуратуру. Всюду ей говорили, что ничего не знают. Надо сказать, что в Москве это выглядело особенно издевательски, поскольку, как выяснилось позднее, отец находился в тюрьме, расположенной всего в нескольких километрах от здания прокуратуры.

По воспоминаниям периода 1937–1938 гг. ходить и узнавать об арестованных считалось делом небезопасным. Можно было войти в одно из этих учреждений и уже не выйти. Один из офицеров госбезопасности (не помню, в Таллине или в Москве) — видимо, добрый человек — прямо посоветовал матери прекратить поиски и ждать развития событий у себя дома. Неожиданно мы узнали от нашей родственницы в Москве (дочери брата моего отца), что ей удалось

каким-то образом передать отцу, находившемуся в Краснопресненской тюрьме, 100 рублей.

Прежде, чем перейти к изложению воспоминаний отца об аресте и ходе следствия, хочу сообщить об одном странном эпизоде детективного характера. Однажды, когда наша мать была на дежурстве (она была по специальности медсестрой), мы с братом получили письмо. Оно было написано измененным почерком — видимо, левой рукой. Содержание его было весьма интригующим. Вот его текст с пояснениями:

> «Здравствуйте, Р. С. (Рахиль Соломоновна — имя матери. — *В. В.*). Очень обеспокоен случившимся (видимо, арестом отца. — *В. В.*). Только недавно об этом узнал. Сожалею, что не смог с Вами поговорить, когда Вы были здесь (когда мать приезжала в Таллин, в местное управление госбезопасности, чтобы узнать о судьбе отца. — *В. В.*). Мне необходимо Вас видеть по вопросу, небезынтересному для Вас, но выбраться к Вам (в Ленинград. — *В. В.*) никак не могу, хотя и пытался. Очень прошу Вас приехать сюда (в Таллин. — *В. В.*) для переговоров и остановиться там же (на квартире, где отец снимал комнату. — *В. В.*), где и прошлый раз. Я уже договорился. Обратную дорогу я постараюсь обеспечить. Меня не ищите (подчеркнуто автором. — *В. В.*). Я сам зайду к ней (хозяйке квартиры. — *В. В.*) в 7 час. вечера и только в эти дни я приду, в другие же по служебным причинам зайти не могу. Если Вас в это время не будет, то буду считать, что Ваш приезд невозможен и буду продолжать попытки приехать, но последнее маловероятно. Я Вас жду и надеюсь на встречу. Здесь не ищите, а это уничтожьте. Привет ребятам (то есть мне и моему брату. — *В. В.*).
> ТУРЕЦКИЙ».

В общем, нам (мне было 15 лет, а брату 20) пришлось столкнуться с совершенно необычной детективной проблемой. Возник вопрос, передать ли это письмо матери или нет. Как потом выяснилось, брат принял совершенно правильное решение — не передавать. Он верно рассудил: «наша мать настолько маленький человек, что от того, больше или меньше знает она о судьбе отца, ничего не изменится. А попасть в беду она сможет очень легко.» Поэтому было решено письмо ей не передавать, а спрятать где-нибудь вне квартиры. Мать так и не узнала о письме вплоть до возвращения отца. Как оказалось, это ее спасло.

Через месяц после первого, у нас состоялся второй обыск. Видимо, в изъятых книгах не оказалось компрометирующего материала. На этот раз, помнится , офицер, руководивший обыском, был более доброжелательным. Он сразу сказал не открывать дверь гостям, чтобы не было необходимости задерживать их. Обыск прошел значительно быстрее. Акта изъятия книг не сохранилось, но потом на суде фигурировала книга известного монархиста Шульгина «Дни» о февральской революции 1917 года, изданная по рекомендации самого Ленина в начале 20-х годов. Мы считали ее совершенно безобидной, поскольку автор никогда не скрывал своих взглядов и книга было снабжена соответствующим предисловием. Однако следователи, видимо, руководствовались правилом «на безрыбье и рак рыба».

Примерно через полгода мы, наконец, стали получать от отца письма. Он находился в исправительно-трудовом лагере сначала в Ярославле, потом в Угличе. К счастью для него, в отличие от довоенного времени, при назначении наказания все же как-то учитывалось состояние здоровья, и он не был сослан на каторжные работы, что дало ему возможность пережить три года заключения.

К сожалению, письма отца из заключения не сохранились. Помню только, что моя мать один раз ездила к отцу в Углич и виделась с ним. Но, как ни странно, у нас все равно три года не было никакого официального уведомления того, что член нашей семьи арестован, осужден и отбывает наказание в каком-то месте лишения свободы. Так что я с полным основанием смог написать в анкете при поступлении в институт: «сведений об отце не имею».

Теперь перехожу к рассказу отца о ходе следствия после ареста. Все это было изложено в жалобе отца с просьбой пересмотреть его дело Главному Военному Прокурору СССР. Судя по документам, жалоба была отправлена из лагерного подразделения 17.05.54 г., т. е. более чем через год после смерти Сталина.

По воспоминаниям отца, он еще в поезде заметил двух мужчин, внимательно следивших за ним. По прибытии в Москву они подошли к нему на перроне и, предъявив документы сотрудников Министерства государственной безопасности (МГБ), препроводили его в Краснопресненскую тюрьму и сразу же началось то, что тогда называлось «следствием».

Фамилию следователя я не помню, но ее, видимо, легко установить, подняв соответствующее дело в архиве бывшего МГБ. Как известно из опыта других «подследственных», все так называемое

следствие проводилось по ночам и все допросы начинались с требования следователя ответить на вопросы типа: « Какому государству продался?» и «Ну, что, надумал?». Прямых избиений, правда, не было, но постоянно сыпались угрозы забить до смерти, вроде — «ты отсюда живым не выйдешь, если не подпишешь» и т. д. Постоянно сыпались оскорбления антисемитского характера типа «жид», «жидовская морда». Разумеется, все время изрыгалась матерщина. Затем следователь начал действовать изощреннее. Он стал убеждать отца подписать состряпанные им же «показания», прибегая к новым «доводам»: «Если подпишешь материалы следствия, то дадим хорошую характеристику и отправим в лагерь с более сносными условиями, а не к белым медведям. Будем считать тебя "разоружившимся врагом". Кроме того, не тронем семью. В противном случае вышлем из Ленинграда жену и детей, а можем их и посадить».

Активно давал показания, даже на очной ставке, тот самый старший лейтенант Мендель Львович Турецкий, о котором говорилось ранее. Следует упомянуть, что хотя, конечно, он был законченным мерзавцем, ему все же, как выяснилось потом, угрожали переводом из Таллина в дальний северный гарнизон. Но, разумеется, от этого гнусность его поведения не исчезает. По рассказам отца, он вел себя на следствии очень агрессивно, все время заявлял: «Я как услышал это от Вихновича, так сразу же в МГБ».

Надо сказать, что весь ход дела, стремление приписать отцу «клевету» на национальную политику и советскую демократию, а также явно антисемитский уклон «следствия» показывают, что отец был маленькой пешкой в ходе подготовки будущего «дела врачей». Поскольку пост отца был довольно заметен — начальник отделения Технического управления Военно-морского флота, инженер-капитан I ранга — то, видимо, тогда уже у органов МГБ существовал план «разоблачения» врагов народа, евреев по национальности, которых они старались выискивать во всех социальных слоях советского общества, в том числе и в вооруженных силах.

Поняв, куда он попал, и беспокоясь о семье, т. е. о нас, отец подписал самооговор, имея в виду выступить с разоблачениями следствия на суде. В этом смысле ему «повезло». Его брата — москвича по доносу осудила пресловутая «тройка». Брату просто предложили подписать бумажку с информацией, что он получил десять лет заключения за «антисоветскую деятельность».

После завершения таким образом «следствия» отцом перестали интересоваться, и он дожидался своей очереди на суд в общей камере. Надо сказать, что по воспоминаниям отца, в тюрьме была великолепная библиотека, а среди сокамерников встречались очень интересные люди.

Наконец, наступил день суда. Судя по имеющейся в моем распоряжении копии приговора, это было закрытое заседание Военного трибунала Московского военного округа. Оно состоялось 6 мая 1952 г.

Суд проходил без участия защиты, даже формальной. Обвинения в антисоветской агитации и пропаганде, в том числе клевете на руководителей Коммунистической партии и Советского государства, клевете на национальную политику и демократию в СССР, рассказывании антисоветских анекдотов опирались на показания одного свидетеля — того же Турецкого, с которым отец был знаком по службе в течение только двух лет. Обвиняя отца в хранении и распространении антисоветской литературы, суд в приговоре даже не привел название книги, фигурировавшей в качестве вещественного доказательства. Даже в те дни понимали абсурдность этого, поскольку книга В. В. Шульгина «Дни» была издана в 1925 г. в Москве и ее можно было встретить в букинистических магазинах.

Однако, следователь все же явно перестарался. Печально знаменитая статья 58 п. 10 Уголовного кодекса, каравшая за антисоветскую пропаганду, имела 2 пункта — I и II. Пункт I относился к мирному времени, а пункт II — к военному. «Расценки» тоже были разные. По п. I предусматривалось 10 лет заключения, а по II — 25. В материалах следствия значились обвинения по обоим пунктам. Однако свидетелей военного времени у следователя не нашлось. Воспользовавшись этим, отец отказался от показаний, данных на следствии, что он якобы вел антисоветскую агитацию в военное время. Председатель суда полковник юстиции Агеев несколько наивно спросил отца: «Почему же вы подписали следственное дело?» Отец ответил на это: «Если бы со мной на следствии обращались как на суде, то и всего дела не было. Но лучше быть обвиненным в чем угодно, чем снова возвращаться в следственную тюрьму!» Офицеры Трибунала, видимо, все поняли и, освободив отца от обвинения по п. II, осудили его по п. I. Большего они сделать не могли. По действовавшему тогда законодательству суд не мог оправдать обвиняемого по политическим статьям — в его компетенции было только вернуть дело на

доследование. Все хорошо понимали тогда, что́ это значило для обвиняемого. Поэтому Военный трибунал осудил отца по возможному тогда минимуму — «всего лишь» на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и 5 лет поражения в правах. Тогда меньше по этой статье не предусматривалось.

После приговора отец был этапирован сначала в лагерь, расположенный в Ярославле, а потом в Угличе. До смерти Сталина оставалось меньше года. Возможно, это и спасло его. Однако и ему пришлось пережить многое. Самым ужасным было совместное содержание на этапах политических и уголовников. «Бывало, в вагоне, — вспоминал отец, — спросишь у кого-нибудь, за что посадили? А он отвечает совершенно спокойно, что сидит по “мокрому” делу, т. е. за убийство». Правда, специальных преследований антисемитского характера со стороны заключенных не было.

В самих лагерях уголовников отделяли от политических. Тогда уголовники обзывали осужденных по статье 58 «фашистами», а последние именовали уголовников «борцами за мир». В странном мире лагерного барака встречались самые различные люди. По рассказам отца, он встретил там и бывшего генерала — командира корпуса Иванова, и бывшего узника немецкого лагеря Бухенвальд. Но основную массу заключенных составляли простые, часто даже неграмотные люди, среди которых было много крестьян. Главным образом это были люди, находившиеся на территории, занятой во время войны немецкими войсками, и осужденные якобы за сотрудничество с оккупантами. Чаще всего немцы, заняв деревню, тут же указывали на кого-то: «ты будешь староста», после чего уходили дальше. И независимо от поведения человеку была гарантирована после изгнания оккупантов та же 58 статья. Помню, отец вспоминал, что среди заключенных был даже 14-летний мальчик. Он неосторожно что-то написал или сказал и был осужден на те же 10 лет лагерей. Отец с ужасом думал о том, что и мы с братом можем попасть в те же лапы МГБ. Но, повторяю, ему повезло: он был в лагере для больных (у него тогда было сильная гипертония и приступы стенокардии). Следует отметить, что в 50-е годы, в отличие от 30-х, такие лагеря существовали.

После смерти Сталина 5 марта 1953 г. пошли слухи об амнистии. Начали приезжать различные комиссии по пересмотру дел. Однако, видимо, заключенных было так много, что рассмотрение дел затягивалось. 17 мая 1954 г. отец написал первую жалобу из лагерного под-

разделения г. Углича в адрес председателя Военной коллегии Верховного суда СССР. Письмом от 29 июня 1954 г. Верховный суд сообщил ему, что жалоба была передана в Главную Военную прокуратуру для проверки. В свою очередь Главная Военная прокуратура сообщила, что жалоба получена и результаты проверки будут сообщены дополнительно. Проверка продолжалась довольно долго. Во всяком случае, письмо Прокуратуры от 11 ноября 1954 г. сообщало, что проверка жалобы не закончена. Наконец, определением Ярославского областного суда от 17 декабря 1954 г. отец был освобожден из-под стражи по состоянию здоровья.

В феврале 1955 г. он добрался до Ленинграда, и я снова увидел его. Он был в лагерной одежде и выглядел крайне истощенным . Представление о его облике может дать только фотография, присланная нам из блокадного Ленинграда. После первых радостей начались суровые будни. Прежде всего, амнистия — это не реабилитация, и права на проживание в Ленинграде отец не имел. Начались усиленные хлопоты о прописке и повторные обращения в Главную военную прокуратуру. И тут я хотел бы отметить светлый эпизод во всей этой драме.

Военный прокурор Главной военной прокуратуры старший лейтенант юстиции Терехов (к сожалению, я не помню имени и отчества этого порядочного человека) предложил отцу предоставить отзывы о нем его сослуживцев, причем они не должны были опровергать выдвинутые против него обвинения, а высказывать только свое мнение об отце.

Надо было знать страшное время Большого террора, чтобы оценить мужество людей, положительно отзывавшихся об осужденном карательными органами. Эти люди рисковали не только служебным положением, но и личной свободой. Конечно, после смерти Сталина повеяло новым духом, но ведь XX съезд был еще впереди и не было твердой уверенности в необратимости перемен.

Не все оказались способны на это, но тем более хотелось бы, чтобы имена 7 мужественных людей сохранились как пример достойного поведения. Вот они:

1. Рамазанов И. Р., член КПСС с 1925 г. Инженер-капитан I ранга.
2. Кетов И. И., член КПСС с 1925 г. Инженер-капитан I ранга.
3. Беликов С. П., беспартийный (удивительное исключение, поскольку для офицеров членство в партии было почти обязательным). Инженер-капитан I ранга.

4. Коноплёв А. П., член КПСС с 1946 г. Полковник в отставке.

5. Буйволов Н. Ф., член КПСС с 1939 г. Инженер-капитан 2 ранга.

6. Кучин А. И., член КПСС с 1919 г. Батальонный комиссар в отставке.

7. Соломоник А. Г., член КПСС с 1932 г. Подполковник, офицер запаса.

Привожу текст одной характеристики: «Тов. Вихновича Льва Яковлевича я отлично знаю с 1939 г. как по совместной службе в Техническом Управлении Балтфлота, так и по семейно-бытовой жизни вплоть до начала 1952 года. Тов. Вихнович всегда отличался своим исключительно добросовестным отношением к работе, дисциплинированностью и трудолюбием. Я перенес с ним все ужасы и лишения блокады Ленинграда и всегда считал Вихновича Льва Яковлевича достойным офицером и сознательным членом партии, беззаветно преданным делу коммунизма.

Пользовался авторитетом среди офицеров Технического Управления, а также среди офицеров соединения подводного плавания, где он по роду своей службы проводил большую работу в период Великой Отечественной войны, обеспечивая их боевую готовность.

Принимал активное участие в партийной и общественной жизни.

Считаю, что выдвинутое против него обвинение относится к явным недоразумениям, так как не допускаю даже мысли о возможности действий со стороны Вихновича Л. Я., предусмотренных в статье 58–10 УК РСФСР.

Настоящее выдано по просьбе Вихновича Л. Я. для представления в Главную военную прокуратуру.

Инженер-капитан I ранга Кетов Иван Иванович, член КПСС с 1925 года, партбилет № 1344208, г. Ленинград, Турбинная ул., 5, кв. 36».

Наконец, летом 1955 г. мы получили долгожданную справку, которую тогда получили многие советские граждане. Справка была на бланке Главной Военной прокуратуры и датирована 22 июня 1955 г. № 3868–52. Текст ее гласил:

«Гор. Ленинград, ул. Коломенская, 38, кв. 5а, Вихновичу Льву Яковлевичу.

Сообщаю, что дело, по которому Вы были осуждены в 1952 году определением Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от

22.6.55 года прекращено за отсутствием в Ваших действиях состава преступления.

Военный Прокурор отдела ГВП
ст. лейтенант юстиции (Терехов)».

Сегодня этот текст кажется слишком сухим. Нет даже извинения перед невинно осужденным человеком. Но тогда никто на это не обращал внимания. Мы были счастливы безмерно. Отец снова надел мундир и отправился к месту службы в тот же Таллин. Коллеги встретили его крайне доброжелательно. Никто не знал о предательстве продолжавшего служить Турецкого. Отец, конечно, рассказал о нем. Более того, однажды он заметил, что Турецкий идет за ним по узкой улочке старого города, не имея возможности свернуть в сторону. Отец остановился и взглянул на него. Турецкий тоже остановился, побледнев, как только что побеленная стена. Дальнейшая судьба предателя неизвестна, но я уверен, что продолжать службу в Таллине ему было невозможно.

Вскоре стало ясно, что по состоянию здоровья отец не может продолжать службу Он собирался демобилизоваться, но дни, точнее, месяцы его были сочтены, и осенью 1955 г. он скончался, застав только начало хрущевской оттепели.

Следует только добавить, что отец, вопреки уставу КПСС, после ареста был автоматически вычеркнут из рядов членов партии без всяких формальностей. Поэтому ему даже не пришлось подавать официальное ходатайство о восстановлении в рядах партии, поскольку он формально не был из нее исключен.

На фоне того, что стало позднее известно об эпохе Большого террора, судьба нашей семьи не покажется самой трагичной. Но у каждого своя боль и поэтому нельзя не сказать, как арест отца отразился на жизни нашей семьи.

Прежде всего, нас, конечно, беспокоила возможность остаться без квартиры и средств к существованию. Это вполне соответствовало нравам 30-х годов. Мы срочно обменяли квартиру на две комнаты в коммунальной квартире и продали многие вещи. К счастью, власти нас больше не беспокоили. Брат продолжал учиться в Горном институте, а мать работала медицинской сестрой. Честно говоря, о «высоких материях» старались не думать, поскольку боялись еще больших несчастий.

После начала переписки матери с отцом, они, помню, серьезно обсуждали вопрос о целесообразности формального развода. Имелось в виду защитить детей (меня и брата) от возможных бедствий в будущем. Сегодня это может показаться странным, но, несмотря на постигшее нас бедствие, нам не представлялась жизнь страны без Сталина. Более того, мы искренне считали, что все зло идет от чиновников, в тайне от Сталина делающих свои неблаговидные дела. Кстати, слухов о якобы готовящейся депортации евреев я не помню. То, что отец понимал, он никогда не обсуждал до ареста в семье. Мы, как и большинство считали: слава Богу, что дела обстоят именно так, а не хуже.

Самое страшное для нас время началось в феврале 1953 г., когда в газетах было объявлено об аресте группы кремлевских врачей. В газетах сразу же началась хорошо срежиссированная антиеврейская кампания. До сих пор мне почему-то запомнилось начало статьи известного тогда писателя Грибачева: «Стон стоит на реках Вавилонских, главная из которых Гудзон!» Во всех печатных изданиях стали появляться фельетоны и критические статьи, где осуждались лица разных профессий, но обязательно с еврейскими фамилиями. Опять-таки не понимаю почему, мне запомнился заголовок одного фельетона: «Самокат системы Либермана».

В накаленной до истерики общественной обстановке рождались самые невероятные слухи. Один инвалид кричал в аптеке, где работала мама, что в таблетке обнаружилась блоха и он так дело не оставит. В городском транспорте можно было услышать от подвыпивших личностей: «Еврей! Твое место на виселице!» — кстати, часто такие слова бывали обращены к абсолютно русским людям. Начались увольнения евреев из разных учреждений и организаций, особенно медицинских. Маме также пришлось уйти из аптеки, и с большим трудом ей удалось поступить в прачечную приемщицей грязного белья.

Однако сразу же должен сказать, что в то время достаточно было людей принципиальных и мужественных, причем даже среди руководящих работников. На неофициальное давление сверху об увольнении евреев с работы они отвечали отказом, или требовали письменного приказа. Это срабатывало, поскольку никаких письменных официальных директив на этот счет ни по партийной, ни по государственной линии не издавалось. Вообще надо указать, что в довоенный и военный периоды антисемитизм, особенно государ-

ственный, в Ленинграде не проявлялся. Евреи — жители Ленинграда ориентировались на русско-советскую культуру. Мои родители, выходцы из Белоруссии, свободно говорили на идише, но сознательно нас этому языку не учили. Я не помню среди евреев старшего и младшего поколения националистических настроений. Более того, в самые трудные моменты мама, исходя из своего опыта жизни в белорусском местечке, с большим недоверием относилась к еврейским богачам. Ну а про отца и говорить нечего — он был убежденным интернационалистом. О наличии эмигрантских настроений речи быть не могло, и не потому, что тогда это было практически неосуществимо.

Смерть Сталина мы встретили с большим беспокойством. Почему-то боялись худшего. Я вспоминаю как сам 15-летним школьником стоял у его бюста с траурным знаменем. Директор школы (кстати очень порядочный человек; его фамилия была Грищенко) построил нас и категорически запретил ехать в Москву на похороны вождя. Тем самым он спас жизни многих учеников от участи погибших тогда в давке в Москве.

Затем последовала реабилитация арестованных кремлевских врачей. Удивительно, но один ученик из нашего класса с жаром доказывал, что они все равно виноваты и должны быть расстреляны. При этом он не был ни антисемитом, ни злым человеком. Просто тогда все были ориентированы на разоблачение «врагов народа». Помню, я пытался разубедить его весьма странным с сегодняшней точки зрения доводом: «Ну, пойми, ведь Берия — старый большевик, он во всем разобрался.»

После возвращения отца кое-что для нас стало проясняться. Остается сожалеть, что отец не дожил до XX съезда партии. Помню только его рассказ о том, как, по его мнению, хохочут руководители западных разведслужб, когда на процессах в СССР разоблачают их агентов. Правда, мать так до конца и не доверяла никаким «оттепелям» и все время подозревала, что все это организовано в целях выявления недовольных.

На этом мои воспоминания о в общем рядовом судебном деле конца правления Сталина заканчиваются. Я тщательно старался представить события и умонастроения того периода возможно точно, избегая непроизвольного стремления модернизировать прошлое. Одним словом, как в старинном немецком изречении, «может быть, все было не так, но именно так мне виделось и запомнилось».

2. СУДЬБА КАРАИМОВ И «ДЕЛО О КРЫМЕ»

Незабвенный Остап Бендер сетовал, что когда он, выступая в образе любимца Рабиндраната Тагора, жреца Иаканаана Марусидзе, предлагал номер «пророк Самуил отвечает на вопросы публике», всегда следовал вопрос: «еврей ли вы?» Примерно так же обстоит дело с караимами. Стоит только упомянуть это слово, как тут же начинает, в разных вариациях, горячо обсуждаться проблема об отношении их к еврейству. Ввиду того, что на всем обширном пространстве бывшего СССР их насчитывается сегодня вряд ли больше трех или четырех тысяч, казалось бы, все это имеет чисто академический интерес. Однако вести из Крыма свидетельствуют об обратном. Дело в том, что лидеры вернувшихся из ссылки крымских татар требуют предоставления себе статус «коренного народа», со всеми полагающимися этому статусу привилегиями, хотя по документам ООН он признается только за живущими изолированной жизнью народами — подобно, скажем, пигмеям в Центральной Африке или эскимосам за Полярным кругом. Совместно с ними весьма активно выступают представители крайне малочисленного караимского населения, претендуя на тот же статус. В качестве основного довода приводится утверждение, что крымские караимы — прямые потомки древних иудейских хазар, а евреи якобы представляют собой не только совершенно другой народ, но и «антагонистическую» религию, и т.д. С научной точки зрения эти утверждения не могут восприниматься сколько-нибудь серьезно. Но когда в качестве аргумента ссылаются на то, что во время немецкой оккупации Европы караимы не пострадали, в то время как еврейское население беспощадно уничтожалось, дело принимает другой, более серьезный, оборот и требует разъяснений.

Судьбы караимского населения во время Второй мировой войны действительно удивительны и при этом мало известны широкой общественности. Большую работу провела по этой проблеме итальянская исследовательница профессор Э. Тревизан-Семи из Университета Венеции, изучившая документы архивов нацистской Германии и правительства профашистского режима, правившего Францией в период немецкой оккупации.[170] В дальнейшем изложении будут

[170] *Trevisan Semi Emanuela.* The Image of the Karaites in Nazi and Vichy France Documents //The Jewish Journal of Sociology. Vol. XXXII: № 2: December 1990. Пер. с англ. В. Вихновича.

использованы ее работы, а также материалы из книги израильского профессора Натана Шура «История караимов».[171]

Кратко говоря, караимизм представляет собой направление в иудаизме, сформировавшееся в VIII в. на территории Месопотамии, бывшей тогда частью Багдадского халифата (ее традиционное еврейское название — Вавилония). Согласно традиции, основатель этого движения Анан бен Давид происходил из семьи высших руководителей процветавшей там многочисленной еврейской общины. Именно в Вавилонии, в религиозных академиях городов Нагардея, Сура и Пумбедита, в VI в. была закончена окончательная редакция текста Талмуда. Этот огромный по объему кодекс религиозных, этических и правовых норм иудаизма стал своего рода народной конституцией, определяющей все стороны жизни еврейских общин мира. Верующие полагают его Устным законом, сообщенным пророку Моисею одновременно с дарованием Закона Письменного. В противоположность этому, Анан бен Давид и его последователи утверждали, что составители Талмуда исказили смысл Священного Писания — и, подобно протестантам в христианстве, призвали к изучению самого текста священных книг Библии, с тем, чтобы руководствоваться прямыми ее положениями. Отсюда происходит и название «караимы» (буквально по-еврейски «чтецы»), другие их названия — «караиты» или «бне-микра» («сыны Писания»). Караимы ввели более строгие правила соблюдения религиозных обрядов и ограничений, в частности, в том, что касается субботы и постов; они также не соблюдают праздника Ханука, поскольку он не указан в Писании, не прикрепляют «мезузу» у дверей, при молитвах не используют филактериев и т. д.

Первоначально караимство получило большое распространение среди евреев Ближнего Востока, однако затем, благодаря работам светил приверженцев Талмуда (раввинистов), прежде всего Саадии Гаона (X в.) и Моисея Маймонида (XII в.), его влияние ослабевает и в конце концов оно превращается в небольшую группу в иудаизме. В последующие века между караимами и раввинистами не отмечается серьезных идеологических конфликтов.

Первое упоминание о караимской общине в Крыму относится к XIII в., затем караимы появляются на территории Польско-Литовского государства. Оказавшись подданными Российской империи

[171] *Shur N.* History of the Karaites. Frankfurt a/M, 1992. P. 123.

в конце XVIII в., говорящие на варианте крымско-татарского языка «евреи-караимы», как их тогда называли, в числе нескольких тысяч человек исключаются Екатериной II из ограничений, налагаемых на основную массу иудейского населения. Во второй половине XIX в. они добиваются права именоваться «русские караимы» и решительно отмежевываются от родства с остальными евреями, претендуя на свое происхождение от хазар, когда о последних появляются первые научные публикации.

Надо отметить, что русская общественность так до конца и не понимала религиозных различий между ними. Например, известный публицист и писатель В. В. Шульгин в своей не менее известной книге антиеврейского содержания «Что нам в них не нравится…» с недоумением отмечал: «Евреи-караимы, как известно, пользовались в России всеми правами. По причине для меня неясной, евреи-караимы не только жили в полной дружбе с русским законодательством, но пользовались симпатиями населения. Даже в офицерских кругах, наиболее ригористично охраняемых от евреев, насколько я знаю, офицеры-караимы не чувствовали терний своей национальности».[172] Весьма характерно, что даже этот видный общественный и государственный деятель царской России, юрист по образованию, не знал, что условием предоставления евреям-караимам равноправия Екатерина II постановила, «чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, кои известны под названием рабинов (т. е. приверженцев Талмуда. — *В. В.*)».

Понятно, что после гражданской войны многие караимы, достаточно большое число которых принадлежало к привилегированным классам, оказались рассеянными по разным странам Европы. Их лидеры с большим беспокойством следили за нарастающей в межвоенной Европе волной антисемитизма, особенно грозной в гитлеровской Германии. Незадолго до начала Второй мировой войны 18 караимов — бывших офицеров врангелевской армии, проживавших в Германии, обратились в Министерство Внутренних дел с петицией — просьбой не считать их евреями. В ответном письме, направленном 5 января 1939 г. бывшему городскому голове Евпатории Сергею Дувану, специально прибывшему из Парижа в Германию, «Управление расовых исследований» успокоительно ответило, что «секта караимов не должна рассматриваться в качестве еврейской

[172] *Шульгин В. В.* Что нам в них не нравится. С. 262.

религиозной общины». Однако, как свидетельствуют документы, нацистские власти постоянно испытывали сомнения и не прекращали изысканий по этому вопросу Сохранилось внушительное количество исследований, меморандумов, служебных записок, составленных нацистскими «специалистами» по расовым вопросам, расовой психологии, еврейскому вопросу, семитологами и т. д., посвященных данной «проблеме». На оккупированных Восточных территориях, в Варшаве, Львове и Вильнюсе немецкие власти обязали заключенных в гетто ведущих еврейских историков сообщить все, что им известно о происхождении караимов и предоставить соответствующие переводы с древнееврейского. К счастью для караимов, эти ученые «покривили душой». Хотя все прежние годы узник Варшавского гетто знаменитый ученый Меир Балабан доказывал обратное, в ответе нацистам он отрицал какую-либо связь между караимством и евреями. Зелиг Калманович из Вильно сообщает, что несколько раз оккупанты заставляли его участвовать в своем присутствии в дискуссиях с хахамом (духовным главой) караимов города Серайей Шапшалом. Историку из Львовского гетто Якобу Шаллу было приказано составить записку о происхождении караимов в Польше и т. д. Все ответы были благоприятны для караимов, и они стали первоначально рассматриваться как тюрко-татары, перешедшие в одну из разновидностей иудаизма, т. е. в расовом отношении как неевреи. Однако позднее подозрения у германских властей проснулись снова, и караимов отнесли к трудно классифицируемой этнической группе, имеющей какую-то часть еврейской крови, т. е. к обладателям «нечистой» крови. Им были запрещены браки с германскими арийцами а также поселение в любой части рейха. В этой связи окончилось неудачей ходатайство имперского советника Баумгартнеля о возвращении виленским караимам собственности, реквизированной советскими властями. Несмотря на заверения советника о том, что все свидетельствует о происхождении виленских караимов от татар, ему был дан ответ, что собственность не может быть им возвращена, поскольку они «нечистой крови».

Гораздо благоприятнее было решение комиссии под председательством нацистского юриста Вальдемара Хольца. Этой комиссии было поручено властями в 1942 г. провести «научные» и расовые исследования в отношении караимов Вильнюса, Тракая, Риги, Берлина. В пятистраничном меморандуме Хольц указал, что на основании современного состояния знаний вполне разумно сделать вывод, что

караимы Восточной Европы являются исключительно нееврейской группой с тюрко-татарским национальным характером. Он пришел к этому заключению на основе «расовой психологии», причем доказательства базировались на той характеристике, которую караимы давали сами себе в своих обращениях к оккупационным властям. Сюда включалась значимость в караимской жизни военной традиции и сельскохозяйственного труда, что, по мнению нацистского «юриста», совершенно несвойственно евреям. Показательно изложение религиозной и этнической эволюции караимизма в меморандуме Хольца. В тот период, когда иудаизм рассматривался как религия, караимы считали себя частью еврейства. Однако, как только в контексте национализма XIX в. возросло значение этнического критерия, караимы, сознававшие себя этнической группой, стали отмежевываться. В дальнейшем высказывалась мысль, что караимы являются неевреями, обращенными в иудаизм еврейскими миссионерами, однако в них нет крови этих миссионеров. Но даже если и имели отдельные случаи таких смешений, то все равно процент еврейской крови у караимов весьма незначителен. Хольц также отмечал, что караимы сражались в 1919 г. в антибольшевистской армии Врангеля, что, как он особо указал, находится в полном противоречии с «образом мысли и ценностями евреев». Надо отметить, что в целом упор делался, вопреки расовой идеологии гитлеризма, скорее на факторы культурно-социальные, чем на биологические. На основании меморандума Хольца в мае 1943 г. был составлен соответствующий инструктивный документ, разосланный с чисто немецкой аккуратностью руководству нацистской партии, Министерству внутренних дел, Управлению общественной безопасности рейха и командованию вермахта. Такой взгляд на караимов был отражен в большой статье ведущей немецкой газеты «Дойче Альгемайне Цайтунг».

Однако буквально через два дня газета получило письмо от немецкой публицистки М. Крюгер (урожденной Бранд), которое содержало резкий протест против такой трактовки караимской проблемы. Аналогичное послание было ею направлено в канцелярию фюрера. Автор, представившаяся чистокровной немкой, долгое время занимавшейся этими вопросами и подготовившей к публикации книгу о караимах, утверждала, что они являются наиболее фанатичными евреями, а их споры с раввинистами — это разногласия между родными братьями. По ее мнению, «старым еврейским трюком» яв-

ляется смешение понятий расы и веры. Когда это выгодно, можно принадлежать к еврейской расе, а когда нет — объявлять себя только приверженцем иудейской религии.

К счастью для караимов, призывы кровожадной дамы сначала не возымели отклика и ее письмо в газете не было напечатано. Однако подозрения оно все же возбудило. Во всяком случае, уже после выхода в свет ее книги один из ведущих экспертов рейха по расовым вопросам, а также по евреям и караимам, Р. Ветцель в документе от 20 июля 1944 г. указывал, что «ввиду нового обострения караимского вопроса, вызванного появлением книги Крюгер, часть общественности не может понять, почему караимам разрешено поселение на всей территории рейха». Далее Ветцель придерживался того мнения, что караимская проблема не была удовлетворительно решена, ввиду соображений высказанных автором книги, и вопрос о том, следует ли рассматривать караимов как евреев все еще остается открытым. Но, к счастью, приближался конец войны и «проблема» закрылась сама собой.

Остается только гадать, какое чудо спасло от гибели маленькую (всего несколько тысяч) группу караимов под властью нацистов, безжалостно убивавших даже давно принявших христианство евреев и их потомков. Профессор Э. Тревизан-Семи полагает, что немецкие власти не желали ссориться с крымскими татарами, считавшими караимов своими соплеменниками, а сотрудничество с татарами Крыма заметно помогало устойчивости Восточного фронта. Представляется, что такой взгляд показывает свойственное западным исследователям отсутствие доступа к советским архивам и вообще русскоязычным материалам, а главное — непонимание социально-политических реалий советского периода российской истории. Кроме того, у западного читателя может возникнуть впечатление о массовом добровольном пособничестве оккупантам со стороны крымских татар и караимов, что, конечно, не соответствует действительности. Обращения же и петиции караимских представителей нацистским властям вряд ли преследовали другие цели, кроме спасения жизни тысяч людей. Тут следует указать, что некоторые евреи Польши и Литвы пытались спастись, выдавая себя за караимов. Некоторым это удалось — в частности, при помощи известного польско-караимского тюрколога А. Заянчковского. Однако, к несчастью, немцы получили список караимов Польши, и не оказавшиеся в нем погибли. Вместе с тем сохранились печальные воспоминания

выживших узников о пособничестве немцам со стороны отдельных караимов, особенно при уничтожении гетто Луцка и Вильнюса. Эти пособники за свою жестокость получили даже характерное прозвище: «семитские нацисты».

Не вдаваясь в подробности проблемы, рискну все же высказать свое понимание причин спасения караимов. Конечно, сыграла свою роль многолетняя традиция их решительного отмежевания в правовом положении от основной массы еврейства Российской империи. Однако решающим и, надо сказать, спасительным, на наш взгляд, оказался фактор психологического порядка — изощренная педантичность, стремление все тщательно и строго классифицировать, столь свойственная немецкому национальному характеру. Это само по себе нейтральное качество сыграло главную роль в идентификации караимов нацистскими экспертами. Уверовав в расовую теорию, расовую психологию и прочую псевдонауку, они подсознательно нуждались в демонстрации своей якобы «научной объективности» и способности отделять расу, биологическое начало, от религии, культуры, бытовых особенностей. Выделение из многомиллионной массы европейского еврейства крошечной по численности и малоизвестной в Европе этнической группы караимов давало им прекрасную возможность показать свою «компетентность» и «научную квалификацию». Тем не менее, трудно говорить о надежности положения караимов в случае продолжения нацистского господства.

В течение долгих трех лет, с 1941 по 1944 г., Крымский полуостров находился под немецкой оккупацией. Однако программа очищения полуострова от «расово чуждых элементов» начала осуществляться оккупантами немедленно и была закончена уже в 1941 г. Прежде всего это коснулось, конечно, евреев — как восточноевропейских ашкеназов, так и крымчаков (местной этнической группы иудеев раввинистического толка). Представители остальных национальных групп добровольно или вынужденно сотрудничали с оккупантами. В самом сложном положении оказалась община иудеев неталмудического направления — караимов. Как было сказано выше, их лидеры, в частности бывший городской голова Евпатории Дуван, оказавшись после гражданской войны вне России, сумели убедить немецкие власти, что караимы не имеют ничего общего в расовом отношении с евреями, а являются якобы потомками монгольских племен, исповедующими иудаизм. История их спасения изложена

в подробной статье проф. Тревизан-Семи, написанной на основе анализа документов нацистской Германии и правительства Виши во Франции периода Второй мировой войны.[173]

Характерны главные доводы караимских лидеров. Во-первых, они ссылались на отсутствие правовой дискриминации караимов в царской России, в отличие от евреев-раввинистов. Во-вторых, они подчеркивали свой антибольшевизм — в частности, участие офицеров-караимов в боях с Красной армией в составе войск Врангеля. К счастью, нацистскую оккупацию караимы пережили достаточно благополучно, и можно даже видеть на старом караимском кладбище в Евпатории захоронения мирно почивших в 1942 г. людей с вполне узнаваемыми фамилиями Коген и Леви. Однако нацистские власти все время колебались в этом вопросе, и в случае победоносного для Германии продолжения войны судьба караимов представляется незавидной.

Поэтому во время оккупации Крыма караимам приходилось доказывать свою лояльность, что, впрочем, было естественно в их положении. Но, к сожалению, дело не ограничивалось публикацией статей об их «монгольском происхождении».[174] Как указывает Натан Шур в своей «Истории караимов», «примерно 500–600 крымских караимов служило в вермахте и татарском легионе. Они, вероятно, находились в рядах организованных нацистами шести татарских батальонов, которыми командовали немецкие офицеры». Более того, по данным Шура, после отступления немцев из Крыма многие караимы предпочли уйти вместе с ними. В частности, в мае 1944 г. в Вене оказалось более тысячи (!) беженцев из числа крымских караимов.[175]

На первый взгляд цифры, приведенные Шуром, кажутся завышенными, учитывая общую численность караимов (тем более, что немало крымских караимов честно и доблестно сражались в рядах Красной Армии). Однако в недавно изданной книге Земскова[176] сообщается, что при проведении переучета во всех местах спецпоселений в марте 1949 г. было учтено 112 882 спецпоселенца контингента «власовцы», т. е. советских граждан, воевавших на стороне немцев

[173] *Trevisan Semi E.* The Image of the Karaites…

[174] *Вайсер О.* Караимы. Опубликовано в газете «Голос Крыма», Симферополь, 25 июля 1943 г. // Таврические ведомости. Симферополь. 2.07.1993. Любезно предоставлено В. Г. Зарубиным

[175] *Shur N.* History of the Karaites. P. 124.

[176] *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 134.

(только находившихся в наличии, без арестованных и бежавших), и среди них числилось 170 караимов (!). Такое количество караимов среди «власовцев» вполне сопоставимо с данными Шура. Ясно, что у советских властей было достаточно негативного материала в отношении караимов при решении судеб жителей Крыма после окончательного изгнания с полуострова немцев в апреле 1944 г.[177]

Эта судьба зависела не только от поведения отдельного человека, но прежде всего от «нелояльного», с точки зрения властей, поведения в целом его народа. Суровость принимаемых мер усугублялась особым стратегическим положением Крыма и продолжающейся Мировой войной. Как свидетельствуют документы, уже в мае-июне 1944 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял решение о массовой депортации из Крыма крымских татар, крымских греков, болгар, армян (всего 228 392 чел.), а также всех иностранных подданных. О тотальности высылок свидетельствует то, что среди высланных был даже 1 француз.

Однако караимов в общем числе высланных (спецпоселенцев) из Крыма по состоянию на 1 января 1953 г. оказалось всего 30 (!) человек. Учитывая, что депортации подвергся даже такой в целом «лояльный» народ, как немногочисленные крымские армяне (8570 чел. на 1 января 1953 г.), то отсутствие в списке депортированных всех караимов, несомненно вызывает удивление.[178]

Как было указано выше, негативный материал на них у органов безопасности имелся, а руководить депортацией было поручено Сталиным тогдашнему члену Государственного комитета обороны (ГКО) наркому внутренних дел Лаврентию Павловичу Берия. Поэтому можно быть уверенным, что здесь имели место не просто «случайный» недосмотр всевидящего ока НКВД и немыслимая для тогдашних властей гуманность, а счастливое проявление для крымских караимов большой политики. К сожалению, соответствующие архивы пока недоступны, поэтому обратимся к опубликованным материалам.

Прежде всего привлекает внимание то, что специального постановления ГКО относительно караимов не было, что никак не мог-

[177] Автор видел в краеведческом музее г. Евпатории партизанскую листовку с угрозами в адрес немецких прихвостней, фамилия одного из которых явно была караимской — Прик.

[178] *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы из Крыма (1945 –1956) // Крымский музей. Симферополь, 1994. № 1. С. 73, 76. Любезно предоставлено В. Г. Зарубиным.

ло быть случайным. Видимо, как бы предваряя это постановление, 24 марта 1945 г. на свет появляется следующий документ:

«Докладная записка на имя зам. народного комиссара внутренних дел СССР В. В. Чернышова.

Караимы в Крыму поселились в X–XI веках. Это религиозная секта в иудаизме, опиравшаяся на догматические основы Библии, толкуемой отлично от последователей раввинизма.

Затем крымские караимы сложились в особую народность, говорящую на крымско-татарском языке, и по нравам и по обычаям почти ничем не отличаются от крымских татар.

Караимы не ограничиваются в правах.

Всего их по состоянию на 10 июля 1944 г. было учтено в Крыму 6357 человек. Лишь некоторая их часть подвергалась переселению, как подпавшая под действие постановлений Государственного Комитета Обороны.

Было бы целесообразным тех караимов, которые переселены, не возвращать в Крым, оставив их на жительстве в местах поселений.

Караимам, не подвергавшимся переселению, а их немного (! — *В. В.*), разрешить проживать в Крыму.

Очевидно, караимов переселять с крымскими татарами бесполезно. Просим разъяснений.

Нарком внутренних дел Крымской АССР
В. Сергиенко»[179]

Для того времени документ представляется уникальным. Прежде всего, удивляет, хотя и сформулированная в лапидарной форме, довольно точная с научной точки зрения характеристика караимской общины в Крыму.[180]

С другой стороны, это, на наш взгляд, редчайший случай, когда видный представитель карательного органа обращается к своему высокому начальству, причем в разгар кровопролитной Отечественной войны, с заступничеством за какую-то малочисленную общину,

[179] *Бугай Н.* Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: Их надо депортировать. М., 1992. С. 213–214. Любезно предоставлено В. Г. Зарубиным.

[180] *Ankori Zvi.* Karaites in Byzantium. NY, 1959.

на представителей которой у него наверняка имеются компрометирующие материалы. Надо добавить к тому же, что почему-то он считает нужным подчеркнуть малочисленность караимов, в то время как в отношении других национальностей с этим не считались. Нелишне добавить, что в те жестокие времена любые подозрения в «мягкотелости», падавшие на любого чиновника независимо от занимаемого положения, грозили превратить его самого в «лагерную пыль».

Даже поверхностное знакомство с послужным списком наркома Сергиенко достаточно красноречиво и не предполагает у него ни познаний в вопросах иудаики и караимоведения, ни тем более наличия каких-либо либеральных настроений. Список приведен в книге о видном руководителе советской разведки генерале П. А. Судоплатове: «Сергиенко Василий Тимофеевич (1903–?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Член ВКП(б) с 1927. Из рабочих. В органах ОГПУ с 1927 г. В 1939–1940 гг. — начальник Следственной части Главного Управления Государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. В 1940–1941 гг. — заместитель наркома внутренних дел УССР и Начальник УНКВД по Львовской области. В 1941–1943 гг. нарком внутренних дел УССР. В 1943–1946 гг. нарком внутренних дел Крымской АССР». В дальнейшем после руководства управлением министерства внутренних дел Крыма назначается начальником различных исправительно-трудовых лагерей системы ГУЛАГа, а «в 1954 г. уволен по фактической дискредитации. В 1955 г. лишен звания генерал-лейтенанта».[181] Такая карьера типична для руководителя органов безопасности, выдвинувшегося при Лаврентии Берии (кстати, и разжалованного после его расстрела Именно Сергиенко как «надежному кадру» было доверено руководство силовыми операциями на Украине и особенно в Львовской области, а затем депортацией более 200 тыс. человек из Крыма. И вот такой человек, **рискуя репутацией и карьерой** и приводя достоверные научные данные, просит не репрессировать какую-то маленькую общину!

Возможно, правда, запрос отражал социально-психологические реалии того времени. При всех своих прегрешениях чекисты еще полагали себя продолжателями дела революции, и сама Вторая мировая война считалась своего рода продолжением гражданской войны. Более того, еще не была изжита интернационалистская установка

[181] *Судоплатов А.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. М., 1998. Т. 2. С. 536.

первоначального большевизма, когда антисемитизм неразрывно воспринимался как антибольшевизм и антисоветизм. Этому, конечно, способствовала практика и идеологические лозунги немецких оккупантов, объявлявших, что формально они воюют, как писалось в немецких листовках, за «освобождение от рабства жидо-интернационала». Оккупанты объявляли себя борцами со «Сталиным, Берией и их кровавым НКВД».[182] Пропаганда дополнялась и делами массового уничтожения оккупантами евреев и коммунистов, о чем, конечно, Сергиенко было хорошо известно, хотя бы в силу занимаемой должности. Далее, нет оснований сомневаться в отсутствии антисемитских настроений у его непосредственного начальника Лаврентия Берии, как, впрочем, и у предшественника Берии Ежова, а среди коллег Сергиенко в НКВД было достаточно евреев на весьма высоких постах, и еще большее число высокопоставленных чекистов были, подобно генералу П. Судоплатову, женаты на еврейках. В связи с этим не является абсолютно невозможным и то, что узнав от кого-то (весьма интересно, от кого?) о еврейско-иудейском прошлом караимов и не имея прямых указаний насчет них, Сергиенко счел возможным проявить подобную странную для того времени инициативу. Разумеется, приходится признать, что это только предположения.

Но на этом удивительные дела не кончаются. На странное послание Сергиенко последовал не менее странный ответ от заместителя Народного комиссара внутренних дел СССР В. В. Чернышова:

«С Вашим предложением о караимах НКВД СССР согласен. Соответствующие указания по этому вопросу отделу спецпоселений НКВД СССР даны 2 апреля 1944 г. (так в тексте, должно быть 1945. — *В. В.*)».[183]

Как известно, караимы, за некоторым исключением, были оставлены в Крыму. Обратим внимание на то, что докладная записка Сергиенко датируется 24 марта, а в ответе Чернышова упоминается дата указания отделу спецпоселений 2 апреля, то есть практически немедленно. Тут возникает вопрос об уровне принятия столь ответственного решения. Чекист с большим стажем, генерал-полковник Василий Васильевич Чернышов (1896–1952) был с 1942 г. за-

[182] *Басистов Ю. В.* Особый театр военных действий. Листовки на фронтах Второй мировой войны. СПб., 1999. С. 91.

[183] *Бугай Н.* Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: Их надо депортировать. С. 213–214.

местителем Лаврентия Павловича и его ближайшим сотрудником. Достаточно указать, что, согласно опубликованной «Особой папке МВД — Берия», его фамилия встречается там 138 раз (чаще только фамилия начальника секретариата — 143 раза).[184] Нет ни малейшего сомнения в том, что его ответ наркому внутренних дел Крыма Сергиенко согласован с Наркомом СССР. Но, конечно, и Берия не мог решать этот вопрос без согласования с самим И. В. Сталиным. С другой стороны, быстрота положительного ответа может свидетельствовать о том, что высылка караимов из Крыма в тот момент была совершенно неприемлемой для проведения какой-то важной политики Советского руководства. Разумеется, зная характер вождя, соображения простой гуманности можно даже не рассматривать.

К сожалению, повторяем, что разгадку спасения крымских караимов от массовой депортации в 1944–1945 гг. приходится искать не в недоступных пока архивах, а в открытой литературе и мемуарных источниках. Разумеется, за точность раскрытия отдельных аспектов этой проблемы ручаться нельзя, но в общих чертах картина, на наш взгляд, представляется достаточно достоверной. Дело в том, что в конце войны руководство СССР было весьма заинтересовано в продолжении сотрудничества с США, в восстановлении разрушенного народного хозяйства страны. Для подобных расчетов были хорошие основания, поскольку президент Рузвельт очень благожелательно относился к экономическим проблемам СССР. На Ялтинской конференции он даже произнес поразительно звучащие сегодня слова: «Соединенные Штаты не хотят, чтобы в Германии жизненный уровень населения был выше, чем в СССР».[185] В связи с этими обстоятельствами Советское руководство через соответствующие структуры серьезно занималось вопросом привлечения капиталов в обескровленную экономику страны.

Одним из направлений было налаживание связей с американскими еврейскими организациями. Здесь ведущую роль играло ведомство Лаврентия Павловича Берия. Подробно эту тему освещает в своих воспоминаниях вышеупомянутый ведущий руководитель советской внешней разведки генерал-лейтенант государственной безопасности П. А. Судоплатов. Опускаем хорошо известные факты о деятельности Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) под

[184] *Топтыгин А.* Неизвестный Берия. М., 2002. С. 238. См. также: *Судоплатов А.* Тайная жизнь… С. 548.

[185] Тегеран — Ялта — Потсдам. Сб. документов. М., 1971. С. 126.

покровительством всемогущего НКВД. Отметим только, что, как сообщает Судоплатов, при поездке в США в 1943–1944 гг. «Михоэлсу и Феферу, нашему проверенному агенту, было поручено прозондировать реакцию влиятельных зарубежных сионистских организаций на создание еврейской республики в Крыму. Эта задача специального разведывательного зондажа — установление под руководством нашей резидентуры в США контактов с американским сионистским движением в 1943–1944 гг. — была успешно выполнена. *Кстати, в тот же период в советском руководстве действительно подумывали о возможности создания еврейской республики в Крыму на базе существовавших там до войны национальных еврейских районов. По предложению Молотова руководство ЕАК подготовило письмо, адресованное Сталину, с предложением создать в Крыму еврейскую республику*» (выделено нами. — *В.В.*). Более того, как сообщил Судоплатову ответственный сотрудник советской разведки Хейфец, речь шла о предложении переселяться в эту планируемую /будущую еврейскую республику евреям-беженцам из других стран. При этом Судоплатов полагает чистой случайностью то, что вышеуказанное письмо и решение о депортации крымских татар датированы фактически одним и тем же числом (14 и 15 февраля соответственно). Вот еще одно сообщение Судоплатова: «Перед поездкой в Соединенные Штаты Михоэлса вызвал на Лубянку Берия и проинструктировал его, как завязать широкие контакты с американскими евреями. Наш план заключался в том, чтобы заручиться поддержкой американской общественности и получить кредиты, необходимые для развития металлургической и угольной промышленности. Михоэлс и Фефер блестяще справились со своей миссией … Кроме Молотова, Лозовского (зам. Молотова, редактировавшего по его заданию вышеуказанное *Крымское письмо* ЕАК) и нескольких ответственных сотрудников Министерства иностранных дел, Михоэлс был единственным человеком, знавшим о существовании сталинского плана создания еврейского государства в Крыму. Таким путем Сталин рассчитывал получить от Запада *10 миллиардов долларов* на восстановление разрушенной войной экономики».[186].

Судоплатов вспоминает далее сообщение Хейфеца о том, что проектом «крымской Калифорнии» «особенно заинтересовался президент американской торговой палаты Эрик Джонсон, которого

[186] *Судоплатов А.* Тайная жизнь… Т. 2. С. 294–297.

в ***июне 1944 г.*** (! — *В. В.*) с американским послом Авереллом Гарриманом принял Сталин для обсуждения проблем возрождения областей, бывших главными еврейскими поселениями в Белоруссии, и переселения евреев в Крым. Джонсон нарисовал перед Сталиным весьма радужную картину, говоря, что для этой цели Советскому Союзу после войны будут предоставлены большие долгосрочные американские кредиты. До июня 1945 г. казалось, что этот проект оставался в силе и вот-вот будет реализовываться. Во время подготовки Ялтинской конференции Гарриман спрашивал у него (Судоплатова) и помощника Молотова Новикова о том, как идут дела с образованием еврейской республики в связи с будущими американскими кредитами под этот проект.

Сталин сразу же после войны обсуждал с делегацией американских сенаторов план создания еврейской республики в Крыму и возрождение Гомельской области, места компактного проживания евреев в Белоруссии. Он попросил их не ограничивать кредиты и техническую помощь этими двумя регионами, а предоставить ее без привязки к конкретным проектам».[187]

Интересно отметить, что возможность устного обещания долгосрочного американского кредита Рузвельтом Сталину именно в таких размерах полагают вполне правдоподобной и в своем исследовании А. А. Данилов и А. В. Пыжиков.[188].

Чтобы оценить эту сумму, следует указать, что на такую же сумму репараций от побежденной Германии СССР претендовал на Ялтинской конференции.[189] Такова была цена вопроса, и вполне объяснимым поспешный положительный ответ Заместителя Наркома НКВД Чернышова на Докладную записку Сергиенко об оставлении в Крыму караимов. Ведь немецкими оккупантами уничтожены в Крыму евреи и крымчаки, а для начала еврейской республики пригодятся и иудеи караимы.

Воспоминания Судоплатова, несомненно, являются в связи с его тогдашней служебной деятельностью самым интересным источником — хотя, конечно, к ним, как и к другим свидетельствам очевидцев, следует относиться с осторожностью. Однако результаты других исследований этой проблемы в целом не противоречат ут-

[187] Там же. С. 298–299.

[188] *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 19.

[189] Тегеран — Ялта — Потсдам… С. 127.

верждениям Судоплатова. Самым важным в этой связи представляется капитальный труд историка и архивиста Г. В. Костырченко «Тайная политика Сталина».[190]. Его выводы особенно ценны, поскольку опираются на архивные и иные документы. Они в основном не расходятся со свидетельствами Судоплатова. Он только считает, что неправомерно полагать «Крымское письмо» только продуктом деятельности руководителей госбезопасности для последующих репрессий руководителей ЕАК. Этого не могло быть хотя бы потому, что данный документ был обнаружен Костырченко в Центральном партийном архиве в 1991 г., и по пометкам на нем видно, что уже через неделю поле поступления на имя Молотова он был подшит в архивное дело. Оттуда он был извлечен только через четыре года, в 1948 г., —слишком долгий срок для провокации. Можно согласиться с исследователем, что, возможно, руководители ЕАК «под воздействием ужасов войны и спонтанной общественной “микродемократизации” в те годы оступились, пойдя на необдуманный проект». Костырченко далее совершенно справедливо показывает, что сам проект был совершенно нереален при любых американских деньгах, причем по самым разным причинам: хотя бы потому, что более 67 тыс. евреев и крымчаков, в том числе и работники крымских еврейских колхозов в северной степной части полуострова, погибли. Сталин прекрасно это понимал и поэтому, не придавая серьезного значения реализации проекта, мог его использовать в дипломатической игре.

Надо сказать, что в своей последней публикации по этому вопросу[191] Костырченко полагает, что идея создания «Еврейской социалистической республики» в Крыму была навеяна, помимо всего прочего, неправильно понятыми заявлениями, сделанными Михоэлсу и Феферу одним из руководителей Джойнта — Джеймсом Розенбергом. Последний, связанный в свое время с деятельностью Агро-Джойнта, на встрече в Америке в 1943 г. с Михоэлсом и Фефером сказал, согласно показаниям Фефера на процессе ЕАК: «Если

---

[190] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. С. 435–441. К сожалению, надо указать , что в целом прекрасный и очень вдумчивый исследователь Костырченко ошибочно пишет, будто погибли и крымские караимы. Он утверждает даже, что в 1938 г. нацисты приравняли караимов к евреям (С. 439). Надо сказать, что его подвел литературный источник, на который он ссылается (*Захаров В. В., Кулишев В. Д.* Анатомия Холокоста. Начало начал. Германия 1933–1939. М., 2000).

[191] *Костырченко Г.* «Дело Михоэлса»: Новый взгляд // Лехаим. № 11. С. 32–37

советское правительство разрешит заселение Крыма евреями, мы (Джойнт) будем оказывать вам материальную помощь».

Вместе с тем Костырченко в этой публикации высказывает недоверие к сообщениям Судоплатова, утверждая, что они не подтверждаются архивными данными. Однако, по нашему мнению, история спасения крымских караимов от высылки, является пусть и косвенным, но все же свидетельством в пользу того, что воспоминания Судоплатова опираются на реальные факты.

Затрагивает вопрос о проекте создания в Крыму «Еврейской советской социалистической республики» в недавно изданной книге другой видный исследователь — Ж. Медведев[192]. В ней опубликован и текст «Записки о Крыме» (с купюрами; неясно, правда, какими), направленной Молотову. Медведев также полагает, что проект был абсолютно нереален даже на американские деньги, потому что для создания союзной республики требовалось переселение в северные засушливые районы полуострова не менее миллиона евреев. Однако эвакуированные евреи, в основном жители городов, возвращались на прежние места жизни, а иностранные граждане — в свои страны Восточной Европы, откуда затем многие ехали дальше, в Палестину.

Вместе с тем, но нашему мнению, для дипломатической игры с американскими (и не только еврейскими кругами) даже несколько тысяч крымских иудеев, пусть и не раввинистического направления, представляли интерес еще достаточно долгое время. Именно поэтому горькая чаша депортации из родных мест их миновала.

3. НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДЕНЬ 1948 ГОДА (ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА»)

Тот факт, что газета живет только один день, конечно, не подлежит сомнению — но все дело в том, какой это день и что он отражает. В этом отношении случайно сохранившийся в моем архиве пожелтевший от времени номер газеты «Ленинградская правда» («Орган Ленинградского областного и городского комитета ВКП(б), областного и городского советов депутатов трудящихся») от 18 мая 1948 г. зафиксировал известия, воистину судьбоносные для еврейского мира, да и не только для него.

Итак, развернем страницы этой газеты. Передовица озаглавлена, как обычно в советской прессе, и не только того времени, очеред-

[192] *Медведев Ж.* Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003. С. 76–91.

ным призывом. На этот раз — «За процветание нашей передовой науки». Несколько оживляет первую полосу необычный материал: «Ответ И. В. Сталина на открытое письмо г. Уоллеса». Современные историки, анализируя этот документ, полагали, что в условиях начинавшейся тогда «холодной войны» советский вождь, отвечая на письмо кандидата в президенты США от третьей партии Уоллеса по вопросу советско-американских отношений, пытался прощупать настроения американской элиты. Другим интересным для современных читателей материалом было чествование Михаила Ботвинника, завоевавшего звание чемпиона мира по шахматам, которое подается как «Победа советской шахматной школы». Остальные заголовки статей — «Ранние овощи Ленинграду», «Усилить темпы добычи и сушки торфа» и им подобные —характерны для того времени. Нет ничего неожиданного и в письмах трудящихся против «преступлений греческих монархо-фашистов», под которыми понимались противники коммунистов в происходившей тогда гражданской войне в Греции. В общем, рядовой номер газеты того времени.

Однако прежде чем перейти к самому важному событию дня, о котором сообщает газета, попробуем хотя бы кратко вспомнить психологическую обстановку того времени в городе. Надо сказать, что, хотя народ законно гордился победой в самой тяжелой в своей истории войне, тяжесть утрат, особенно от погибших в блокаду Ленинграда и на фронте, была очень свежа. Материальное положение большинства людей было исключительно тяжелым — правда, на фоне массового голода и голодных смертей во время войны, пережившим блокаду оно таковым не казалось. Подавляющее большинство жителей города теснилось в переполненных квартирах и каждый день решало важную проблему — чем накормить детей и как пообедать самому. Немаловажным обстоятельством для психологического климата в городе было буйное поведение на улицах города искалеченных людей, инвалидов войны, которым власти не могли обеспечить достойное лечение и содержание хотя бы потому, что их было слишком много.

Особо надо остановиться на моральном и психологическом самочувствии еврейского населения города. Прежде всего надо указать, что его присутствие в Ленинграде было тогда гораздо заметней, чем в настоящее время.

Об этом можно судить по случайным, но тем более показательным сведениям, приведенным в нашей газете. Например, характер-

ны фамилии членов актива медработников Ленинградской области, поставленные под письмом-протестом против «монархо-фашистов» Греции: Вольфсон, Богорад, Оримович, Фельдман, Гершенфельд. Кроме того, в том же номере газеты под рубрикой «Лекции, доклады» приведены сведения о намечаемых лекциях в партийной и общеобразовательной сети города. Оказалось, что только два лектора обладают русскими фамилиями — Н. И. Иванов и С. С. Федосеев, а пятеро других носят вполне «узнаваемые» еврейские фамилии — М. С. Каган, Д. Н. Прицкер, В. М. Вольпе (вероятно, от Вольпер), Л. А. Плоткин и Л. О. Выгодский.

Могу привести и личные наблюдения — правда начала 1950-х годов. Тогда в моем классе обычной десятилетки ученики-евреи составляли около четверти или даже трети всех учеников; правда, это тогда никого не интересовало. В отличие от мест, долгое время находившихся под немецкой оккупацией, среди населения города антисемитская пропаганда не сумела в полной мере посеять свои тлетворные семена. Кстати сказать, и отношение к пленным немцам, работавшим на восстановлении города, было вполне благодушным и даже жалостливым, хотя большинство ленинградцев потеряли в блокаду своих близких.

Но при всем этом несомненно, что вполне понятный в годы тяжелейшей войны патриотизм нередко проявлялся в восхвалении всего русского, что резко отличало духовную атмосферу в городе от интернациональной довоенной. Нередко можно было услышать особенно от скандаливших инвалидов, что-де евреи «штурмом взяли Ташкент», т. е. скрывались в тылу, пока русские воевали. Известное распространение получили анекдоты насмешливо-антисемитского содержания, где говорилось о «еврее, воюющем с кривым ружьем». Запомнился мне и такой, где говорилось, что на призыв командира идти в атаку — «За мной, орлы!», — оставшиеся в окопе отвечали: «а мы не орлы, мы Львы — Лев Абрамович, Лев Львович и т. д». Надо при этом отметить, что официальная печать ничего о реальном участии евреев на фронтах войны не говорила и явно замалчивала все сведения на эту тему, например, о евреях — героях Советского Союза, которых было более чем достаточно. Полностью прекратились в местной печати какие либо упоминания о евреях, как и о других национальных меньшинствах города, не говоря уже о полном прекращении достаточно успешно проводимой до войны (особенно в 20-х — начале 30-х годов) работы по интернациональному вос-

питанию населения. Объективно получалось так, что власть как бы молчаливо соглашалась с недобросовестными и злостными обвинениями и наветами. Можно еще добавить, что тогда для возвращения в Ленинград из эвакуации требовалось разрешение властей, и ходил считавшийся достоверным и не опровергаемый официально слух, что один известный партийный руководитель города вычеркивал из списков лиц с еврейскими фамилиями, заявляя, что эти, дескать, и сами проберутся. Не слишком помогали улучшению общего настроения и сообщения о безжалостном истреблении евреев немцами. Во-первых, потому, что огромное количество мирных жителей также погибло от голода, болезней и немецких бомб и снарядов. Но самое главное заключалось в том, что евреи в этих сообщениях выглядели слабыми и беззащитными жертвами, в то время как русские как бы героически погибли в ходе победоносной войны и во славу русского оружия. В той обстановке слабых, может быть, и жалели, но не уважали. Еще раз подчеркну, что каких-либо серьезных эксцессов на улицах Ленинграда не было и представить себе нечто похожее на нынешних скинхедов нельзя было даже при самом буйном воображении. Не было пока и ограничений для евреев в части приема на работу и учебу — во всяком случае, в заметном масштабе.

Но глубокое чувство обиды у евреев, несомненно, существовало. Участники войны, как бы стараясь самоутвердиться, носили все заслуженные на фронте ордена. С другой стороны, достаточно много людей, смирясь с неполноценностью и приниженностью своей национальности, пытались изменить запись о ней в паспорте, во всяком случае у детей. Однако многие старались не думать о неприятности своего происхождения и жили, в отличие от своих русских сограждан, лишенными сознания удовлетворенной национальной гордости.

Поэтому сегодня трудно представить себе чувства местного еврея, прочитавшего в номере газеты того знаменательного дня — 18 мая 1948 года следующее сообщение:

Обмен письмами о признании государства Израиль между Министром Иностранных Дел государства Израиль Моше Шерток и Министром Иностранных Дел СССР В. М. Молотовым.

Министру Иностранных Дел.

МОСКВА

Имею честь сообщить Вам и прошу довести до сведения Вашего Правительства, что Национальный Совет Еврейского государства, состоящий из членов избранных представительных организаций евреев Палестины, собрался вчера, 14 мая, в связи с окончанием британского мандата и на основании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. провозгласил создание независимого еврейского государства в Палестине, которое будет называться государство Израиль. Совет решил, что до создания государственных органов, избранных должным образом, согласно конституции, которая будет выработана Учредительным Собранием не позже 1 октября 1948 года, настоящий Совет будет действовать в качестве временного государственного совета и его исполнительный орган будет являться Временным Правительством Государства Израиль. Совет заявил, что государство Израиль будет открыто для иммиграции евреев всех стран, в которых они рассеяны, что оно будет способствовать развитию страны для блага всех ее жителей, что оно будет основываться на принципах свободы, справедливости и мира, что оно будет поддерживать полное социальное и политическое равенство всех граждан без различия расы, религии или пола, что оно будет гарантировать полную свободу совести, религии, образования, культуры и языка, что оно будет охранять священность и неприкосновенность реликвий и святых мест всех религий и оно будет следовать принципам Устава Объединенных наций. Совет также заявил, что государство Израиль готово сотрудничать с органами и представителями Объединенных наций в осуществлении резолюции Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1947 года и что он сделает необходимое для обеспечения эффективности экономического союза для всей Палестины.

Совет обращается с призывом ко всем жителям-арабам государства Израиль вернуться к мирной жизни и способствовать, таким образом, в том, что их касается, развитию этого государ-

ства на основе неотъемлемых и равных прав граждан и надлежащего представительства во временных и постоянных правительственных органах этого государства. Совет также предлагает мир всем соседним странам и их народам и приглашает их сотрудничать с государством Израиль для общего блага.

От имени Временного Правительства Израиль я прошу Правительство Союза Советских Социалистических Республик официально признать государство Израиль и его Временное Правительство. Я смею надеяться, что это признание государства Израиль будет иметь место в ближайшее время, и я уверен, что оно укрепит дружественные отношения между Советским Союзом и его народами, с одной стороны, и еврейским народом Палестины, с другой стороны, и что это признание будет также служить делу мира и справедливости в международных отношениях вообще.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить Вам чувства глубокой благодарности и признательности еврейского народа Палестины, которые разделяют евреи всего мира, за ту твердую позицию, которую заняла делегация СССР в ООН, направленную в пользу установления суверенного и независимого еврейского государства в Палестине, и за ее твердую защиту этого положения, несмотря на все трудности; за выражение искреннего сочувствия страданиям еврейского народа в Европе под пятой его фашистских палачей и за поддержку того принципа, что евреи Палестины являются нацией, имеющей право на суверенитет и независимость.

От имени Временного Правительства Израиля
МОШЕ ШЕРТОК,
Министр Иностранных дел.

Моше Шерток, Министру Иностранных дел
Временного Правительства Израиля.

ТЕЛЬ-АВИВ

Подтверждаю получение Вашей телеграммы от 15 мая, в которой Вы доводите до сведения Правительства СССР о провозглашении на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. о создании в Палестине независимого государства Израиль и обращаетесь с просьбой о признании Союзом Со-

ветских Социалистических Республик государства Израиль и его Временного Правительства.

Настоящим сообщаю, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик приняло решение об официальном признании государства Израиль и его Временного Правительства.

Советское Правительство надеется, что создание еврейским народом своего суверенного государства послужит делу укрепления мира в Палестине и на Ближнем Востоке, и выражает уверенность в успешном развитии дружественных отношений между СССР и государством Израиль.

В. МОЛОТОВ,
Министр Иностранных дел СССР.

На другой полосе той же газеты была напечатана сводка о боях в Палестины между арабами и евреями.

Повторяю, надо было жить в то время, чтобы вполне осознать впечатление, которое эта публикация произвела на еврея — жителя тогдашнего Ленинграда. Во-первых, оказалось, что у евреев есть свое государство, причем не автономная область Биробиджан, а настоящее, со своим министром иностранных дел с несколько странной фамилией Шерток, звучащей не как привычное Рабинович, Хаймович, Коган или Вассерман, и именем Моше, а не Моисей. Из телеграммы министра следовало, что СССР оказывал и оказывает твердую поддержку борьбе евреев Палестины на свое государство. Благодарит **еврейский** министр страну Советов и за горячее сочувствие к страданиям **еврейского** народа в Европе под пятой фашистских палачей. Напомним, что таких слов сочувствия евреи внутри страны давно не слышали.

Но еще более сладкой музыкой для слуха местного еврея звучала ответная телеграмма второго после Великого Сталина лица государства с официальным признанием этого **еврейского** государства и невероятно звучащими словами, что речь идет о создании **еврейским народом своего суверенного государства в Палестине**.

Еще больший восторг вызвала сводка о боях в Палестине. Надо учесть, что в эпоху недавно закончившейся победоносной войны военная доблесть полагалась вершиной добродетели. Тут же из сводок с фронтов в Палестине следовало, что существует **еврейская армия,**

еврейские боевые самолеты, моточасти еврейской армии. Стоит упомянуть, что тогда еще не привилось прилагательное «**израильский**» — понятие все же несколько более широкое в этническом смысле, поскольку гражданами государства Израиль могут являться и фактически являются не только евреи. Исключительно сильно звучало именно прилагательное **еврейский.**

Далее из объективного репортажа следовало, что **еврейская армия** в тяжелых боях противостоит регулярным армиям Египта, Трансиордании (ныне Иордания), Ливана, Ирака. При этом ясно давалось понять, что арабские армии получают реальную поддержку со стороны Англии, которая снабжает их современным оружием вплоть до самолетов и танков, военными инструкторами и даже непосредственно боевыми офицерами. В заявлении **Еврейского** агентства Совету Безопасности ООН, опубликованном в этой же газете ниже, заявляется о тяжелых потерях, «понесенных **евреями**» от действий арабского легиона трансиорданской армии, обученного и руководимого английскими офицерами, и содержится просьба «включить в повестку дня Совета Безопасности вопрос об актах агрессии со стороны Соединенного королевства (Англии) и Трансиордании» против **еврейского** населения Палестины.

Двусмысленной выглядит и позиция нынешнего главного, а часто даже единственного, союзника и защитника Израиля — США. В обзоре военных действий в Палестине сообщается, что Америка тоже признала новое государство Израиль, но в отличие от СССР не официально, «де-юре», а только «де-факто», т. е. в принципе всего лишь считается со свершившимся фактом. Одновременно сообщается, что президентом США Труменом обсуждается (только! — *В. В.*).предложение об отмене эмбарго (запрета) на поставку оружия на Ближний восток, установленного США в декабре 1947 г., при этом «нет указаний, что решение будет принято немедленно». Поскольку резолюция о разделе Палестины на два государства была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 29 ноября 1947 г., то эмбарго было объявлено немедленно после нее. Иначе говоря, в самый трудный для становления нового государства момент, когда ему угрожали обладавшие численным превосходством регулярные армии арабских стран, вооружаемые и фактически руководимые самым близким союзником США — Англией, новосозданная **еврейская армия была практически лишена оружия западных стран, прежде всего тяжелого.** В общем, получается, что будущий главный друг и союзник

в основном довольно безучастно ждал возможного, мягко говоря, неблагоприятного для евреев Палестины развития событий.

Тем не менее из обзора военных событий еврейский читатель видел наличие **еврейских самолетов**, способных сбивать и рассеивать вражеские самолеты, и приятно поражался наступлением **«моточастей еврейской армии»**. Но о причинах такого положения мы постараемся поговорить в следующем очерке.

Отметим только, что чувство восторженного изумления охватило не только какого-нибудь Рабиновича с улицы. Как пишет на с. 404 своего фундаментального исследования «Тайная политика Сталина» Г. В. Костырченко, «Магии ближневосточного чуда оказалась подвластна и вроде бы бесповоротно ассимилированная среда советского привилегированного еврейства с его коммунистическо-интернационалистской ментальностью. Жена маршала К. Е. Ворошилова Екатерина Давидовна (Голда Горбман), фанатичная большевичка, еще в юности отлученная от синагоги, в дни создания Израиля изумила своих родных фразой: «Вот теперь и у нас есть родина».

4. И. В. СТАЛИН И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Пролог. Акт 1. Сионисты и коммунисты

И. В. Сталин

Каждый день, даже самый знаменательный, является каплей в общем потоке времени, и следовательно, события, о которых сообщала «Ленинградская правда» 18 мая 1948 г., только отразили то, что назревало задолго до этого дня. Не вдаваясь подробно в хорошо изученную историю взаимоотношений сионистов и коммунистов, отметим только, что с началом Второй мировой войны всем стало ясно: судьба еврейского населения Европы и, пожалуй, всего Старого Света зависит от исхода борьбы Советского Союза с гитлеровской Германией. Более того, в части истребления еврейского населения Германия находила достаточно поддержки даже среди части антигермански настроенных слоев населения оккупированных стран, особенно в Восточной

Европе. Главные же союзники СССР — Англия, под властью которой находилась Палестина с ее 600-тысячным еврейским населением, и США —не слишком беспокоились тогда о судьбе уничтожаемого европейского еврейства, о чем существует достаточно много литературы. Отметим только, что англичане заботились, прежде всего, об умиротворении населения стран арабского Востока, от Египта до Ирака, находившегося под их господством. Поэтому стремление руководителей сионистского движения установить контакты с Советскими властями вполне понятно и объяснимо.

Как свидетельствует сборник документов «Советско-Израильские отношения (1941 — май 1953)», первым таким контактом была беседа 30 января 1941 г. президента Всемирной сионистской организации, будущего первого президента Израиля Х. Вейцмана с послом СССР в Англии И. М. Майским (кстати сказать, по происхождению евреем). Поводом было предложение о возможной продаже апельсинов СССР в обмен на меха. Но, конечно, приход столь неожиданного гостя — как сказано в донесении Майского, «высокого, немолодого, элегантно одетого господина с бледно-желтым отливом кожи и большой лысиной на голове» — посла удивил. Майский также отмечает: «Прекрасно говорит по-русски, хотя выехал из России 45 лет тому назад». Разумеется, после дежурных слов об апельсинах состоялся откровенный и дружественный разговор. Хотя о Холокосте еще не было ничего слышно, Вейцман выразил глубокое беспокойство о судьбе евреев, оказавшихся под властью гитлеровской Германии, в особенности евреев Польши. Единственным способом их спасения, по его мнению, могло быть переселение в Палестину, но Англия этого не допустит. При этом Вейцман сообщил Майскому, что, хотя ему ассимиляция евреев СССР не нравится, но по крайней мере за их жизнь можно не опасаться. В общем Вейцман был настроен весьма пессимистично.[193]

Но вот началась война, и многое стало меняться. 25 августа 1941 г. в главной газете СССР «Правда» под заголовком «Братья евреи во всем мире» было опубликовано обращение выдающихся деятелей науки и культуры еврейского происхождения. Воззвание носило глубоко эмоциональный характер, было прямо сказано, что «…в отношении еврейского народа кровавый гитлеризм наметил бан-

[193] Советско-израильские отношения. Сб. документов (далее Документы). 1941 — май 1949. Т. 1. Кн. 1. С. 15.

дитскую программу полного и безусловного уничтожения евреев всеми доступными фашистским палачам средствами». Евреи всего мира призывались оказывать всемерную помощь воинам Красной Армии: «Братья евреи во всем мире! Они сражаются и за вас! Они отдают свои молодую жизнь и за ваше благополучие. Ибо коричневая чума, лютая тем более, чем ближе ее конец, пробирается и по ту сторону океана…». И далее: «Ни один еврей не должен умереть, не воздавши фашистским палачам за невинно пролитую кровь!»[194] Среди подписавших, наряду с таким известными именами как Михоэлс и Эренбург, оказались также кинорежиссер С. Эйзенштейн и академик П. Капица, которые евреями не были.

Обращение встретило горячий отклик у еврейской общественности Англии и Америки. Вейцман послал ответ Московскому антифашистскому комитету[195] от Еврейского агентства для Палестины, в котором говорится: «С чувством глубокого прискорбия мы слышим о ваших страданиях, однако мы испытываем чувство гордости в связи с вашей борьбой в составе Советской армии, действия которой заслужили всеобщее восхищение и укрепили уверенность в победе». Заканчивался документ словами: «шлем вам братский привет. Можете заверить всех своих сограждан в том, что евреи всего мира не предадут общее дело».[196]

Контакты стали расширяться и происходили на разном уровне в разных странах. Отметим беседу И. Майского с председателем Еврейского Агентства для Палестины,[197] будущим премьер-министром Израиля Бен-Гурионом 9 октября 1941 г. Указав на то, что у сионистов есть разногласия с коммунистами и другими лидерами рабочего движения, он вместе с тем утверждал: «Мы очень серьезно относимся к нашим социалистическим идеям, и … мы уже создали в Палестине элементы социалистического содружества».[198] еще более определенно об идейных социалистических взглядах сионистов высказался Вейцман в письме И. Майскому от 2 марта 1942 г.:

---

194 Там же. С. 496–498.

195 Еврейский антифашистский комитет — созданная в декабре 1941 г. организация еврейской интеллигенции во главе с С. Михоэлсом для мобилизации всемерной поддержки СССР в войне с нацистами.

196 Документы. С. 22.

197 Еврейское агентство для Палестины (Сохнут) — уполномоченный Всемирной сионистской организацией официальный консультативный орган при британской администрации, управлявшей Палестиной по мандату Лиги Наций.

198 Документы. С. 23.

«Три основополагающих аспекта советской социальной философии воплощаются в государственной структуре, которую создает в Палестине сионистское движение: коллективная собственность (а не корыстолюбие частника) является ведущим принципом и целью экономической системы; общество предоставляет равные права работникам умственного и физического труда и, следовательно, обеспечивает широчайшие возможности для интеллектуальной жизни и труда. Для взаимопонимания нет непреодолимых психологических барьеров, сионистское движение никогда не испытывало антагонизма к советской социальной психологии».[199] Было бы неправильно относить эти заявления к обычным дипломатическим уловкам. Вот, например, запись в дневнике Бен-Гуриона, посетившего в 1923 г. Москву, о Ленине: ««Пророк русской революции, ее вождь и учитель, ее вдохновитель и оратор, ее законодатель и вожак. Как велик этот человек! Взор его проницает в действительность словно сквозь прозрачный кристалл: никакие формулы, катехизисы, лозунги или догмы не препятствуют ему. Этот человек наделен даром встречать жизнь лицом к лицу, мыслить не в категориях понятий и слов, но на основании коренных фактов реальности. Он обладает мужеством, интеллектуальной отвагой, присущей лишь тем, кого не пугает инерция расхожих, общепринятых понятий. Взгляд его, исполненный зоркости, прорывается и пронзает все сложности и трудности жизни, и из глубин действительности черпает он движущие силы будущего. Перед нами человек, являющийся венцом революции, пребывающий в мире с собственной душой, шагающий через все преграды, верный цели, не ведающий, что значит покорность и компромисс. Перед его очами вечно пылает алое пламя единственной неизменной цели — великой революции, революции, меняющей мир, с корнями вырывающей существующую действительность и сотрясающей до основания, до самого фундамента прогнившее и вырождающееся общество».[200]

О близости взглядов на социальные проблемы у коммунистов и сионистов свидетельствует и непоследовательная, по крайней мере в 1920-е гг., политика советских властей в отношении сионистов, считавшихся еврейскими меньшевиками. Характерна в этом отношении позиция самого главы ОГПУ Ф. Э. Дзержинского: «Ведь

---

[199] Там же. С. 38–39.

[200] *Бовин А.* Записки ненастоящего посла. М., 2001. С. 104.

мы принципиально могли быть друзьями сионистов. Надо этот вопрос изучить и поставить в Политбюро. Сионисты имеют большое влияние в Польше и в Америке. Зачем их иметь себе врагами?».[201]

Конечно, такой либерализм на практике носил крайне противоречивый характер. Преследования сионистов, несомненно, имели место. Но тогда к активистам сионистского движения наряду с арестами и административными ссылками применялась и такая довольно странная мера как высылка… в Палестину. Большинство рядовых сионистов, как правило, освобождались «под подписку о прекращении политической деятельности»[202]. Надо отметить, что особое рвение в борьбе с сионизмом в тот период проявили коммунисты — члены так называемых еврейских секций РКП(б), объединенные в Центральное Бюро еврейских секций, среди которых было немало бывших левых сионистов и бундовцев. Именно их руководство добилось полного запрещения преподавания иврита в школах на территории СССР и потребовало в 1920 г. приостановить государственную поддержку ивритского московского театра «Габима». В условиях того голодного времени, когда такая поддержка означала выдачу скудных продуктовых пайков, это было бы катастрофой для работников театра. В поддержку коллектива актеров театра выступили виднейшие представители театрального искусства страны, включая К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, Ф. И. Шаляпина и других. Направленное Ленину прошение попало в конце концов по назначению — главе Народного комиссариата по делам национальностей И. В. Сталину. Будущий вождь написал на нем резолюцию: «Протест еврейского подотдела национальных меньшинств считать отпавшим. Против выдачи субсидий на общих оснований не возражаю». Угроза театру была устранена, но сам наркомнац подвергся нападкам со стороны гонителей Габимы. Сталина обвинили в поддержке театра «еврейских спекулянтов» и «плутократов-сионистов».[203] Конечно, в последующие годы, особенно в конце 1930-х, сионисты были подвергнуты жестоким репрессиям, но все же СССР продолжал оставаться страной интернационализма и социализма, где с антисемитизмом было покончено, а также главным противником гитлеризма. Именно этим можно объяснить тот странный факт, что, как с горечью отмечал один

[201] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. С. 77.
[202] Там же. С. 79.
[203] Там же. С. 73–74.

из подвергшихся репрессиям сионистских деятелей Ю. Марголин, «целое поколение сионистов умерло в советских тюрьмах и в ссылке. … Зарубежные сионисты никогда не могли им помочь — не потому, что это было трудно, а потому, что нам было все равно. Я не помню ни одной статьи о них в предвоенных газетах. Не было затрачено ни малейшего усилия, чтобы мобилизовать общественное мнение и облегчить их судьбу».[204] Таков был общий фон возобновившихся после многолетнего перерыва контактов «еврейских меньшевиков — сионистов» с советскими коммунистами в 1941 г. перед лицом общей смертельной опасности и для евреев, и для СССР.

Судя по документам, начавшиеся в 1941 г. переговоры шли неровно, осторожно, но в целом дружелюбно. Прежде всего, надо отметить явный интерес, с которым советские дипломатические представители выслушивали разъяснения о целях, задачах и политике сионистского движения. Характерный пример содержится в отчете сотрудника политического департамента Еврейского агентства для Палестины Э. Эпштейна о беседах с послом СССР в Турции С. А. Виноградовым 25 января 1942 г. Эпштейн выразил сожаление в связи с тем, что на протяжении всех прошлых лет Россия придерживалась ошибочной политической ориентации в Палестине, а также в других странах региона, и «подчеркнул антидемократический характер различных отрядов арабского национального движения в Палестине и за ее пределами». Ответ был неожиданным. Как пишет Эпштейн, «посол выслушал меня с большим вниманием и лишь после того, как я закончил, сделал такое замечание: “Разве Вы не понимаете, то, что Вы назвали сейчас советской ориентацией, было на самом деле троцкистскими происками!?”»[205] В свою очередь сионистские деятели все время подчеркивали восхищение военными действиями Красной Армии против нацистов и заверяли, что сионистские конгрессы, протестуя против запрета их движения на территории СССР, «никогда не относились враждебно к советскому правительству, к СССР, где проживает почти треть мирового еврейства».[206]

В свою очередь в Сообщении Информбюро НКИД СССР 19 декабря 1942 г. говорилось о массовом истреблении еврейского населения Европы гитлеровцами на оккупированных территориях, причем в конце было сказано: «От возмездия освобожденных народов

[204] *Конквест Р.* Большой террор. Рига, 1991. С. 341.
[205] Документы. С. 33.
[206] Там же. С. 43.

не уйдут ни правящая гитлеровская клика, ни подлые исполнители ее преступных кровавых приказов». Справедливости ради надо отметить, что в этом заявлении — видимо, для уравновешивания — приводились данные о репрессиях против граждан других национальностей, а также излишне оптимистически подчеркивалось повсеместное сочувствие евреям среди местного населения. Насколько велики были надежды сионистских деятелей, свидетельствует обширная «Памятная записка об отношениях между сионистским движением и Советской Россией», приложенная к письму от 27 мая 1943 г. представителя Еврейского агентства для Палестины Н. Гольдмана президенту Чехословакии Э. Бенешу. Она особенно интересна тем, что, как сказано в записке, враждебность России к сионизму «является отголоском внутренней борьбы за доминирующее влияние на евреев в царской России между сионистами, которые видели окончательное решение еврейской проблемы в создании еврейской Палестины, и еврейскими коммунистами, которые утверждали, что единственным решением является мировая революция». Более того, в записке сказано, что именно этим объясняется тот поразительный факт, что «**в прошлом во время бесед с дипломатами из Советской России мы часто находили больше сочувствия и понимания программы сионистского движения среди коммунистов-неевреев, чем среди коммунистов еврейского происхождения**».[207]

Документы подтверждают: сионисты делали все, чтобы заручиться благосклонностью советских властей. В частности, при встрече с послом СССР в США М. М. Литвиновым 24 марта 1943 г. Н. Гольдман сразу же отмежевался от осуждения расстрела советскими властями деятелей польского Бунда (еврейской партии социалистического направления) Альтера и Эрлиха, заявив, что это «проблема отношений между социалистами и коммунистами или поляками и русскими, но … не имеет ничего общего с еврейским народом, так как каковы бы ни были причины их расстрела, это, безусловно произошло не потому, что они евреи. Ни Сионистская организация, ни Всемирный еврейский конгресс не участвовали в какой-либо демонстрации (по данному делу. — *В. В.*), хотя на них оказывается давление… Бунд настроен так же резко антисионистски, как и антикоммунистически».[208]

[207] Там же. С. 78.
[208] Там же. С. 70.

Нет оснований сомневаться также в искренности заявлений Х. Вейцмана на обеде в честь делегации Еврейского антифашистского комитета СССР (в составе Михоэлса и Фефера) 25 июля 1943 г. Отдав должное героизму Красной армии, он сказал: «Мы должны брать с русских пример в том, что касается установленных ими стандартов в области равноправия рас и народов, что отражено в историческом послании Сталина по случаю 24 годовщины Красной армии: “Красная армия свободна от чувства расовой ненависти. Она свободна от унизительного чувства, потому что она воспитана в духе расового равенства и уважения к правам других народов. Не следует, кроме того, забывать, что в нашей стране проявление расовой ненависти карается законом”». Далее Вейцман продолжает: «Мы помогали и будем впредь помогать Советскому Союзу посредством поставок медикаментов, одежды, продовольствия и других предметов первой необходимости. Я горжусь тем, что 600 000 евреев служат в Советской армии и бесчисленное множество других в составе партизанских отрядов сражаются с немцами в тылу врага».[209]

В общем сионистов охотно принимали в дипломатических миссиях СССР и с интересом слушали. Посол И. Майский и его супруга осенью 1943 г. проездом из Лондона в Москву даже побывали в Палестине, где они искренне восхищались успехами еврейских коллективных хозяйств, просили присылать всевозможные справки и статистические материалы. Однако все попытки сионистов добиться разрешения отправить своего представителя в СССР, а также разрешить хотя бы небольшой группе евреев, даже не советских граждан, выехать в Палестину, вежливо, но твердо отклонялись. Но все же эти контакты не были бесполезны, поскольку познакомили советских представителей с существом палестинской проблемы.

В этом отношении очень интересна беседа Н. Гольдмана с известным советским дипломатом, послом СССР в Мексике К. Уманским 15 августа 1944 г. Уманский сразу же сообщил гостю, что он хотел бы выслушать его не как посол, «но как человек, заинтересованный в определенных вопросах и как русский, и как еврей». Далее Уманский, согласно записи Гольдмана, интересовался возможностями поселения миллиона евреев из разных стран мира в Палестине и при этом, видимо, опираясь на свои наблюдения, высказал мнение о ненадежности положения евреев в Латинской Америке. Когда речь

[209] Там же. С. 84.

зашла о границах, то Гольдман был против раздела Палестины, и посол высказал «понимание» этого. На вопрос Уманского о гарантиях безопасности еврейского государства Гольдман осторожно заявил, что наилучшим решением этой проблемы могли быть гарантии трех держав, явно имея в виду США, СССР и Англию. Уманскому идея понравилась, и он высказал мысль, что, возможно, Россия может пожелать стать таким гарантом. В конце беседы обсуждалась, по инициативе посла, возможность участия еврейской делегации из СССР в конференции Всемирного еврейского конгресса в ноябре 1944 г. и посещения СССР самим Гольдманом. В конце беседы Гольдман записал «Встреча продолжалась 1,5 часа и была весьма сердечной».[210] Ясно, что Уманский не мог вести беседы в такой тональности, если бы это было неугодно советскому руководству, а Гольдман наверняка хорошо знал, что в устах дипломата даже тон беседы и ее тематика имеют большое значение. В этом же ключе выдержан отчет Э. Эпштейна о встрече с советником миссии СССР в Египте Солодом 3 сентября 1944 г. В своем отчете Эпштейн отметил: «Солод был отменно вежлив во время всех встреч, которые у нас были в период моего пребывания в Каире. Хотя он не выходил за рамки традиционной осторожности советских официальных представителей, все же его поведение усилило впечатление от того, что он мне сказал в ходе одной из моих предыдущих поездок в Египет: отрицательного отношения к сионизму как к таковому у них никогда не было(!), а сионистов они преследовали за политическую деятельность, запрещенную в СССР; советское правительство проводит реалистическую политику. А его отношение к религии может служить примером того, как власти считаются с факторами, которые прежде игнорировались». Еще больше порадовала Эпштейна, судя по отчету, беседа с представителем АН СССР на Ближнем Востоке, корреспондентом ТАСС М. Коростовцевым, впоследствии выдающимся советским ученым-египтологом. По записи Эпштейна, «Коростовцев рассказал, что нашими проблемами он заинтересовался еще находясь в России, когда читал в иностранной прессе о наших достижениях. … Он рассказал, что адвокат Зарудный, защитник на процессе Бейлиса, был его родным дядей и что у них в доме всегда с симпатией относились к евреям. Вскоре он собирается в Палестину, чтобы познакомиться с обстановкой в стране и установить контакты с научными

[210] Там же. С. 96–99.

организациями. **По завершении напишет доклад в Москву, чтобы осветить вопросы, по которым пока нет ясной картины, и опровергнуть некоторые предубеждения, существующие относительно нас. Он действительно относится к нам с симпатией и готов помочь в улучшении взаимопонимания между нами и Советской Россией** (выделено мной. — *В. В.*)».[211] (Из отчета, кстати, можно сделать вывод, что будущий знаменитый ученый выполнял «спецзадание» на Ближнем Востоке — о чем, Эпштейн наверняка не подозревал.)

Конечно, советские дипломаты вели переговоры и с арабскими представителями, в том числе и с палестинцами. Но Эпштейну явно понравились бы слова из Записки заведующего Ближневосточным отделом НКИД И. В. Самысловского и посланника СССР в Египте А. Д. Щиборина заместителю народного комиссара иностранных дел В. Г. Деканозову от 25 декабря 1944 г. В ней, говоря о позиции СССР в отношении намечаемой тогда первой общеарабской конференции, авторы отмечали, что это подогревается и поддерживается англичанами, поскольку отвечает их планам укрепления своего влияния на Ближнем Востоке и создания барьера против возможного проникновения туда влияния Советского Союза. Правда, там же и указывается, что поскольку в Палестине у СССР имеются большие имущественные интересы, связанные с собственностью царского правительства и Духовной миссии палестинского общества, «не выгодно давать сейчас какие-то обещания о поддержке евреев, которые были бы восприняты как шаг, направленный против них».[212]

Подводя итоги дипломатической активности сионистов в период войны, можно утверждать, что осуществление их надежд на создание еврейского государства в Палестине после окончания Второй мировой войны зависело от столь многих непредсказуемых обстоятельств, что казалось чудом в полном смысле этого слова. Но одну путеводную нить судьбы, которая затем привела их к успеху, они угадали верно — решающей была позиция Советского Союза, а точнее, его вождя.

Акт 2. Дипломатия и оружие

Не вдаваясь в подробности начала холодной войны, приведем только мнение бельгийского историка И. Ванден-Берге: «Отношение

[211] Документы. С. 99–102.
[212] Там же. С. 108–110.

американской администрации к советскому правительству в 1945–1946 гг. (после неожиданной смерти в апреле 1945 г. Рузвельта, когда американским президентом стал Трумэн. — *В. В.*) довольно сильно изменилось. Президент Трумэн и госсекретарь Бирнс не верили в возможность нападения ослабленного войной Советского Союза на Западную Европу. Однако существовала реальная опасность того, что население находящейся в бедственном положении Западной Европы стихийно сделает выбор в пользу коммунистов и таким образом попадет под влияние Сталина». С другой стороны, Сталин « совершенно ясно видел экономическую слабость Советского Союза. Он не понимал, почему США обвиняют его в намерениях, которые он технически не мог осуществить. Он считал, что как раз Трумэн стремился к мировому господству и что США загоняли Советский Союз в угол».[213] К этому надо добавить начавшийся развал старой колониальной системы, прежде всего Британской.

Таков был общий фон начала дипломатической и военной борьбы сионистов за создание еврейского государства в Палестине. Сборник документов «Советско-Израильские отношения (1941–1953)» (далее в тексте ссылки на это издание с указанием только страниц) позволяет отметить большую активность руководителей сионистского движения в обращениях к советскому руководству за содействием. Уже 8 апреля 1945 г. Президент Новой сионистской организации Америки (последователи Жаботинского. — *В. В.*) М. Мендельсон обратился к Председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину с просьбой дать указание советской делегации на конференции в Сан-Франциско, посвященной созданию ООН, **потребовать** (здесь и далее выделено мной. — *В. В.*) немедленной замены подмандатного статуса Палестины на статус еврейского государства» (с. 113). Более умеренные руководители Еврейского агентства для Палестины просили только оказания содействия иммиграции уцелевших евреев Восточной Европы в Палестину, чему решительно противилась Англия.

Следует указать, что в Записке председателя Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства в Палестине зам. министра иностранных дел СССР М. М. Литвинова от 27 июля 1945 г. довольно реалистически оценивалась обстановка

[213] *Ванден Берге И.* Историческое недоразумение. «Холодная война». 1917–1990. М., 1996. С. 96–97.

в стране и делался вывод, что англичане не выполнили условий своего мандата на управление Палестиной, и его необходимо изъять. Вместе с тем указывалось, что «Палестинский вопрос не может быть решен без ущемления прав и желаний либо евреев, либо арабов, а может быть, и тех и других. Английское правительство одновременно подвержено влиянию как арабских государств, так и мирового еврейства»(с. 121). Поскольку с такими же проблемами сталкивается и правительство США, то в Записке высказывалась идея предложить опеку над Палестиной трем державам — Англии, СССР и США.

Характерно, что в то время представители евреев Палестины слышали от советских дипломатов ласкающие слух слова, которых не дождались евреи в самом СССР. Например, при встрече представителя Лиги дружественных связей с СССР Ш. Каплянского с Временным поверенным в делах СССР в Англии К. Кукиным 26 сентября 1945 г. советский дипломат «с удивительной искренностью ответил, что вынужден признать, что даже в некоторые районы СССР, долгое время находившиеся под нацистской оккупацией, проникла зараза фашизма и антисемитизма, которая находит отражение в негативных общественных явлениях … Далее Кукин подчеркнул, что СССР как государство вполне способен обуздать и выкорчевать любые проявления фашизма и антисемитизма. Именно поэтому в Москве придают большое значение продолжению борьбы с фашизмом и антисемитизмом, ведущейся общественными организациями» (с. 124). При этом в конце беседы «Кукин вновь подчеркнул, что в советских кругах не сомневаются в **прогрессивном** характере еврейского движения в Палестине» (с. 128). Еще интереснее прозвучали слова первого секретаря Миссии СССР в Египте А. А. Шведова 12 июня 1946 г.: «…палестинский вопрос интересует советское правительство, и тот факт, что три заместителя министра иностранных дел — евреи (М. М. Литвинов, С. А. Лозовский, И. М. Майский. — *В. В.*), гарантирует, что этому вопросу уделяется должное внимание» (с. 150).

При этом несколько неожиданно для коммуниста выглядит отзыв (от 1 февраля 1946 г.) представителя Советского Союза в Каире, будущего академика-египтолога М. Коростовцева об израильских киббуцах: «Что поразило меня больше всего в киббуце, так это отсутствие личного экономического интереса. … Мне это видится, как готовность к постоянному самопожертвованию. … Должен признаться, я не верю в экономику подобного типа. Это может

продлиться 10–15 лет, возможно, в течение жизни одного поколения, но экономика не может быть построена на чистом идеализме» (с. 141). Разумеется, были в сионистском руководстве и противники политики Советского Союза. В частности, с резкими обвинениями в его адрес выступил 19 ноября 1946 г. директор Института еврейских исследований при Всемирном и американском еврейских конгрессах Я. Робинсон. Но и он не мог убедительно для всей еврейской общественности объяснить тот удивительный факт, что советские власти выпустили из-за «железного занавеса» 150 тыс. евреев, направляющихся в Палестину (с. 175).

Однако приближалось время ухода англичан из Палестины и обсуждения Палестинской проблемы — иначе говоря, приближался решающий день в дипломатической войне. Английское правительство, увязшее в бесконечном конфликте с еврейским населением Палестины, 14 февраля 1947 г. официально передало палестинскую проблему на рассмотрение Организации объединенных наций. Теперь все зависело от позиции двух сверхдержав того времени — Советского Союза и США.

Позиция Советского Союза и его союзников определялась только личной позицией его вождя — И. В. Сталина, к чему мы вернемся позднее. В Соединенных Штатах положение было гораздо сложнее. Дело в том, что президент Трумэн 12 марта 1947 г. сформулировал свою доктрину противодействия «коммунистической угрозе». С этой точки зрения американский истеблишмент рассматривал и палестинскую проблему. Как пишет американский историк П. Джонсон, «ни американский Государственный департамент, ни английский Форин Оффис (министерство иностранных дел Англии) не желали еврейского государства. Они предвидели беды, грозящие Западу в этом регионе в случае его создания. Сильными противниками были и оба министра обороны. Американский министр Дж. Форрестол резко осуждал еврейское лобби: “Никакой группе в нашей стране не следует позволять влиять на нашу политику до такой степени, чтобы это угрожало нашей национальной безопасности”. Английские и американские нефтяные компании еще сильнее противились новому государству. Выступая от их имени, Макс Торнберг из компании Калтекс сказал, что Трумэн (поддерживая Израиль. — *В. В.*) “покончил с моральным престижем Америки и уничтожил веру арабов в ее идеалы”. Невозможно указать ни на одну мощную экономическую силу в Британии или США, которая

содействовала бы созданию Израиля. В обеих странах подавляющее большинство друзей Израиля находилось слева».[214] Характерно в этом отношении признание в своих мемуарах бывшего посла США в СССР Д. Кеннана о том, что в анализе общего международного положения для госсекретаря Маршалла (февраль 1948 г.) американские дипломаты сделали вывод: «Образование государства Израиль (я выступал против оказания ему американской поддержки) … усиливает опасность коммунистической инфильтрации в арабские страны».[215] Надо отметить, что такая позиция вполне соответствовала настроениям американского общества. Согласно вышеупомянутой книге П. Джонсона, «во время войны наблюдалось больше антисемитизма, чем когда-либо в американской истории. Опросы общественного мнения показывали, что в 1938–1945 гг. 35–40 % населения были готовы поддержать антиеврейские законы. В 1942 г., согласно опросам, евреев считали наиболее опасной группой после японцев и немцев».[216]

В целом, надо отметить, что первой важной удачей для дела сионизма была смерть Рузвельта 12 апреля 1945 г. Как вспоминал его советник Давид Найлс, «у меня имеются серьезные сомнения, что Израиль появился бы на свет, если бы Рузвельт еще пожил». Как полагает Джонсон, Г. Трумэн гораздо более эмоционально сочувствовал страданиям европейских евреев, и к тому же **«для приближающихся выборов 1948 г. ему требовались голоса еврейских организаций в таких ключевых штатах как Нью-Йорк, Пенсильвания и Иллинойс»** (выделено мной. — *В. В.*).[217] Поэтому он поддерживал идею создания еврейского государства, часто вопреки мнению многих своих ближайших сотрудников. В связи с этим действия американской дипломатии бывали довольно противоречивы.

Неожиданно для всех дипломатическая инициатива оказалась у советской стороны. 14 мая 1947 г. представитель СССР в ООН А. А. Громыко выступил с известной глубоко эмоциональной речью, в которой он заявил: «Отрицание … права (на создание собственного государства) за еврейским народом нельзя оправдать, особен-

[214] *Джонсон П.* Популярная история евреев. М., 2001. С. 596.

[215] *Кеннан Д.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Дж. Кеннана. М., 2002. С. 275.

[216] *Джонсон П.* Популярная история евреев. С. 572.

[217] Там же. С. 595.

но учитывая все то, что он пережил за Вторую мировую войну».[218] Как следует из документов Сборника, такая позиция вызвала разочарование у арабов, радость у сионистов и некоторое недоумение у США. Директор отдела Объединенных наций Госдепартамента Д. Раск даже **«посоветовал»** сионистам «присмотреться к тому эффекту, который окажет на Соединенные Штаты и западный мир особая связь, которую будут усматривать между сионистами и Советским Союзом».[219] В конце концов ООН все же приняла, при поддержке СССР и его союзников, а также США, резолюцию о разделе Палестины на два государства — еврейское и арабское.

Однако, как бы спохватившись, 19 марта 1948 г. США выступили в Совете Безопасности с предложением установить «Опеку ООН над Палестиной». Это предложение было заблокировано советским представителем С. К. Царапкиным такими словами: «Никто не может оспаривать культурного, социального, политического и экономического развития еврейского народа. Такой народ опекать нельзя. Этот народ имеет все права на свое независимое государство».[220] Показательно, что предложение США вызвало буквально взрыв ярости у членов еврейских подпольных организаций. В частности, «Иргун цвай леуми» заявила: «В том случае, если войска США будут посланы в Палестину для осуществления опеки, мы вступим с ними в ожесточенную борьбу и будем обращаться с американцами так, как обращались с захватчиками» (с. 294).

Но время дипломатов явно кончалось, наступало время войны. Руководство евреев Палестины и арабская сторона готовились к решительной схватке. Всего к концу 1947 г. в распоряжении евреев было 17 600 винтовок, 2700 автоматов, около 1000 пулеметов и от 20 000 до 43 000 человек, в разной степени подготовленных. Бронетехники, артиллерии и авиации практически не было».[221] В такой обстановке превосходство арабов было подавляющим. Ведь кроме откровенной всемерной поддержки арабов англичанами, как сказано в справке Ближневосточного отдела МИД СССР от 13 апреля 1948 г., «Предатели и квислинги со всего мира начали стекаться в Палестину и приняли участие в борьбе на стороне арабов, среди них подонки

[218] Советско-израильские отношения (1941–1953). Сб. документов. Т. 1, кн. 1. С. 216.

[219] Там же. С. 262–263.

[220] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. С. 402.

[221] *Джонсон П.* Популярная история евреев. С. 597.

Андерса (поляки. — *В.В.*), боснийские мусульмане из лагерей перемещенных лиц в Германии, военнопленные немцы, бежавшие из лагерей в Египте, «добровольцы из франкистской Испании» (с. 295). Иначе говоря — люди с серьезным боевым опытом.

Положение ухудшалось еще и тем, что Трумэн, хотя сразу же после 14 мая 1948 г. признал новое государство де-факто (СССР признал его де-юре), еще в ноябре 1947 г. запретил вывоз военных материалов в Палестину и соседние страны. В частности, в вышеупомянутой справке указывается, что «Еврейские организации развернули по всему миру кампанию по сбору средств для Палестины и закупки оружия, но эти усилия натолкнулись на запрет вывозить военные материалы из США (конфискация большого количества взрывчатых веществ в Нью-Йорке) и тщательную блокаду палестинских берегов английским флотом». Более того, по настоянию США Совет Безопасности своим решением от 29 мая 1948 г. установил эмбарго в отношении всех сторон, вовлеченных в конфликт.

Тем не менее в результате первой арабо-израильской войны государство Израиль вышло победителем. Как отмечает Джонсон, к концу 1948 г. хорошо экипированная и располагающая основными родами войск израильская армия насчитывала уже 100 000 человек.[222] Документы красноречиво свидетельствуют об источнике столь быстрой и спасительной поддержки. При этом выясняются некоторые неожиданности.

Вопреки распространенному мнению, осторожный контакт будущего министра иностранных дел Израиля М.Шертока с советским дипломатом, зам. Генерального секретаря ООН А.А.Соболевым, 26 декабря 1947 г. содержал сетования Шертока на то, что «Чехословакия продает оружие арабским правительствам». О том, что жалоба была воспринята серьезно, свидетельствует записка Замминистра иностранных дел В.А.Зорина главе МИДа В.М.Молотову от 22 января 1948 г. В ней сообщается следующее: «По сообщению поверенного в делах СССР в Чехословакии т. Бодрова, чехословацкое правительство продало сирийскому правительству оружие (минометы, мины, патроны). В то же время чехи **отказались продать оружие Еврейскому агентству в Палестине**, которое обратилось с этой просьбой в ноябре 1947 г.». Далее Зорин предлагает «**обратить внимание**» президента Чехословакии Готвальда на недо-

---

[222] Там же. С. 599.

пустимость продажи оружия арабам. Оказывается, правительство еще достаточно демократической тогда Чехословакии, где министром иностранных дел был прозападный Я. Масарик, а президентом популярный правый социалист Э. Бенеш (коммунист Готвальд был только главой коалиционного правительства), пошло в своей антисионистской политике даже дальше США. Последние формально объявили эмбарго на поставки оружия **всем сторонам** Палестинского конфликта, а Чехословакия отказала в этом только еврейской стороне даже **за столь нужные стране наличные доллары**!

Как видно из телеграммы Шертока Бен-Гуриону от 13 февраля 1948 г., соответствующие инстанции в Москве обратили «внимание чехов» в нужном направлении, поскольку Шерток от своего представителя в Чехословакии получил сообщение по телефону, что «груз, предназначавшийся для арабов, возвращен в Прагу».[223] После этого дела пошли совсем по-другому. Массовые поставки оружия будущей еврейской армии начались уже в марте 1948 г., а всего до начала войны с арабами после провозглашения независимости Израиля 14 мая 1948 г. ей было поставлено 24 500 винтовок, 5000 легких пулеметов, 200 средних пулеметов, 54 млн патронов. Самое главное — было поставлено 25 трофейных самолетов «Мессершмитт», позволивших «еврейскому» воздушному флоту успешно отражать налеты самолетов английского производства, принадлежавших арабским армиям.[224]

Принятое под нажимом США решение Совета Безопасности о всеобщем запрещении поставок оружия всем сторонам конфликта не смутило советские власти. В секретной записке Заведующего Ближневосточным отделом МИД СССР И. Бакулина на имя В. А. Зорина от 5 июня 1948 г. предлагалось в ответ на обращение израильских представителей к А. Громыко с просьбой о помощи «Дать понять чехам и югославам, в доверительном порядке через наших послов в Праге и Белграде, о желательности оказания содействия представителям государства Израиль в закупке последними и отправке в Палестину **артиллерии и самолетов (!)**, учитывая, что, несмотря на решение Совета Безопасности о запрещении ввоза вооружения в арабские страны, последние имеют полную возможность получить оружие в необходимом количестве с английских складов

[223] Советско-израильские отношения… С. 280–287.
[224] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. С. 402.

и баз в Трансиордании, Ираке и Египте». Далее сообщается о том, что миссии Израиля разрешено прибыть в СССР для переговоров о закупке самолетов в СССР.[225] Поток оружия был настолько интенсивным, что США даже направили ноту протеста правительству Чехословакии (тогда уже окончательно контролировавшемуся коммунистами), обвиняя его в нарушении условий первого еврейско-арабского перемирия 11 июня 1948 г.

Однако даже самое совершенное оружие не могло бы без людей создать победоносную армию. Здесь также документы открывают удивительную картину. В цитируемом Сборнике приведена запись беседы посла СССР в Чехословакии М. А. Силина с новоназначенным послом Израиля в этой стране Э. Авриэлем, состоявшейся 9 августа 1948 г. Авриэль сообщил советскому дипломату, что «В Палестину **ежемесячно прибывает около 10 000 иммигрантов призывного возраста** (выделено мной. — *В. В.*).[226] Более того, как сообщает в своей книге Ж. Медведев, «вместе с оружием из стран Восточной Европы в Израиль приехало большое количество военных — евреев, имевших опыт участия в войне против Германии. Секретно отправлялись в Израиль и советские военные офицеры … По свидетельству генерала Павла Судоплатова, использование офицеров советской разведки в боевых и диверсионных операциях против британцев в Израиле было начато уже в 1946 г.[227] Позиция правительства США в этом вопросе была совсем другой. В беседе (2 сентября 1948) с первым посланником СССР в Израиле П. И. Ершовым ставший уже Министром иностранным дел Израиля М. Шерток сообщил, что «правительство Израиля вступило в конфликт с США и направило им ноту протеста в связи с тем, что они запретили иммиграцию из американской зоны оккупации Германии» . Подобные слова возмущения содержатся и в беседе первого посла Израиля в СССР Г. Мейерсон (Голды Меир) с Ершовым 14 августа 1948 г., где она заявила, что «Декларацию Трумэна о допуске 100 тыс. эмигрантов в Палестину она считает **нереальной бумажкой**». Кроме того, по ее словам, недавно американский консул в Иерусалиме предложил ей, после двух лет продолжения иммиграции евреев, обсуждать этот вопрос с арабами. В ответ она промолчала, но про себя «подумала:

[225] Советско-израильские отношения… С. 314.
[226] Там же. С. 337.
[227] *Медведев Ж.* Сталин и еврейская проблема. М., 2003. С. 101.

согласились бы США через два года обсуждать с Мексикой и другими американскими странами вопрос об иммиграции в США».[228]

В итоге объективного изучения документов того времени следует отметить, что в конце 1940-х годов произошло несколько совершенно неожиданных событий, исключительно благоприятных для дела сионизма. Первым была неожиданная смерть противника сионистов президента Ф. Рузвельта в апреле 1945 г. Вторым — вступление в должность президента Г. Трумэна, личная позиция которого позволила, хоть и непоследовательно, противостоять антисионистским настроениям американских военных и дипломатов. Повезло сионистам и в отношении времени конфликта. Как пишет П. Джонсон, обострение «холодной войны» между СССР и США постепенно «ликвидировало настроения послевоенного идеализма и заставило Трумэна внимательнее прислушиваться к советам Пентагона и Госдепартамента. Если бы английскую эвакуацию (из Палестины. — *В. В.*) отложили еще на год, то Соединенные Штаты намного меньше волновала бы возможность лицезреть создание Израиля … который умудрился проскочить в узкую историческую щель, открывшуюся на несколько месяцев в 1947–1948 гг.».[229] Однако все же можно смело утверждать, что самыми поразительными были позиция и политика в этом вопросе Советского Союза.

Эпилог. Необходимое послесловие к событиям 1948 г. в Палестине (Размышления о непонятном)

Итак, к концу 1948 г. сионисты одержали победу — в Палестине было создано государство Израиль. Более того, границы этого государства были значительно расширены по сравнению с планом ООН по разделу этой страны. Документы, а не только мемуарная литература, наглядно свидетельствуют о том, что решающую роль в этом сыграла позиция и последовательная политика Советского Союза. Однако в то время эта политика (как и во всех других, даже не самых важных вопросах) определялась исключительно личным мнением вождя Советского Союза генералиссимуса И. В. Сталина, авторитет которого в стране после победы в Великой Отечественной войне был абсолютен и непререкаем. Разумеется, ни у кого нет возможности спросить Сталина о причинах столь неожиданной для

[228] Советско-израильские отношения… С. 354, 347.
[229] *Джонсон П.* Популярная история евреев. С. 597.

самих лидеров сионизма его позиции, поэтому приходится довольствоваться доводами и домыслами многочисленных аналитиков. Но прежде всего стоит привести мнение главного свидетеля — ближайшего сподвижника Сталина, тогдашнего министра иностранных дел В. М. Молотова.

В книге документального характера Ф. Чуева («Молотов. Полудержавный властелин». М., 1999) приведена беседа автора с опальным тогда Молотовым, состоявшаяся 04 октября 1972 г. Чуев задает вопрос: «Вячеслав Михайлович … О создании государства Израиль. … Американцы были против…». Ответ Молотова: «Кроме нас, все были против. Кроме меня и Сталина. Меня некоторые спрашивали: почему мы пошли на это? Мы — сторонники интернациональной свободы, почему мы должны быть против, когда, собственно говоря, отказать — значит повести какую-то враждебную политику в национальном вопросе. В свое время, правда, большевики были и остались против сионизма. И даже против Бунда, хотя тот социалистической остался организацией. Но одно дело против сионизма — это осталось неизменным в политике, против буржуазного направления, а другое дело — против народа еврейского. Мы, правда, предложили два варианта на выбор: либо создать арабско-израильское объединение, поскольку живут та и другая нации вместе, мы поддерживали такой вариант, если об этом будет договоренность. Если нет договоренности, тогда отдельное Израильское государство. Но оставались на позициях антисионистских». Чуев: «Но ведь вы не могли не понимать, что оно будет буржуазным … Почему вы не сделали его социалистическим?» Молотов: «А почему? Ну-у-у! Тогда нам надо было воевать с Англией. И с Америкой… Вы скажете, почему мы в Финляндии не сделали — это более простое дело. Я считаю правильно поступили. Можно перейти определенный рубеж, и мы ввязались бы в новую авантюру … А евреи, они давно боролись за свое государство, под сионистским флагом, и мы, конечно, были против. Но если народу отказать в этом, значит, мы их давим. Теперь это в нехорошее дело вылилось, но господи боже мой!.. А то, что существует американский империализм, — это хорошее дело?»[230]

Как бы во избежание каких-либо сомнений в том, кто определял даже в мелочах советскую дипломатию, Молотов в другой беседе свидетельствует: «Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней реша-

[230] *Чуев Ф.* Полудержавный властелин. М., 1999. С. 128.

ющую роль играл Сталин, а не какой-нибудь дипломат. … я подчеркиваю, что наша дипломатия тридцатых, сороковых, пятидесятых годов была очень централизованной, послы были только исполнителями определенных указаний».[231] Таким образом, все приятные для сионистов слова советских дипломатов были в той или иной форме ретрансляцией мнений советского вождя.

Надо сказать, что такая поддержка дела сионизма, причем не только на словах, но и на деле, удивила самих создателей государства Израиль, не ожидавших ничего подобного от «коммуниста № 1» тогдашнего времени. Начались попытки прощупать причины этого. Однако обратимся к записи конфиденциальной беседы 31 июля 1947 г. представителя палестинских евреев в Вашингтоне Э. Эпштейна с первым секретарем посольства СССР в США М. С. Вавиловым. Советский дипломат сразу же заявил: СССР хорошо сознает, что социальная и экономическая структура еврейской общины Палестины капиталистическая, но Советский Союз не преследует каких-либо эгоистических интересов, поддерживая сионистов. Более того, «он высмеял “вредную пропаганду” некоторых антисоветских кругов в США, включая еврейские, о том, что заявление Громыко (на Генассамблее ООН в пользу еврейского государства. — *В. В.*) не имело целью помочь евреям, а было трамплином для атаки на англичан, что оно было больше нацелено на то, чтобы вызвать дальнейшие неприятности для британского и американского правительств в отношениях с арабами, чем оказать помощь евреям. Если бы это было так, то Громыко не стал бы выступать в поддержку создания еврейской государственности и не налагал бы обязательства на советское правительство проводить определенную политику в этом отношении».[232] Надо напомнить еще раз, что такие заявления не остались пустой фразой.

Не могли понять такую позицию советской дипломатии и американцы. В строго конфиденциальной беседе 5 ноября 1947 г. с высокопоставленным дипломатом США Дином Раском представитель сионистов Л. Гелбер осведомился о его мнении относительно причин политики СССР в палестинском вопросе. В ответ американский дипломат откровенно сказал, что не может предложить официальной точки зрения, но сослался на предположение некоего наблюда-

[231] Там же. С. 134.

[232] Советско-израильские документы 1941–1953. М., 2000. Т. 1. С. 242.

теля. Тот полагал, что «…главная цель России по отношению к Соединенным Штатам — подрыв плана Маршалла (по экономическому восстановлению Европы. — *В. В.*). Если с целью достижения этой цели русские смогли бы привлечь на свою сторону евреев Европы (возможно, также и Америки), то они заручились бы поддержкой мощной влиятельной силы». Понимая полную несообразность такого предположения, но явно обеспокоенный, Гелбер совершенно резонно указал, что «если план Маршалла принесет успех в деле восстановления в Европе определенного благосостояния, то выжившие евреи Европы имели бы дополнительную причину для благодарности Соединенным Штатам. Американцы помогли бы им материально в их нынешнем положении, а также многое бы сделали для помощи им и их братьям, так как позитивная политика в палестинском вопросе могла бы помочь палестинскому и европейскому еврейству в равной степени». Поразительны последние строки записи беседы. Как пишет Гелбер, «рассмотрев другие возможности, он (Дин Раск) не исключил, что **русская политика в сионистском вопросе может заключаться в отсутствии заинтересованности** (выделено мной. — *В. В.*)».[233] Как видим, американский дипломат вынужден невольно подтвердить заявления советского дипломата Вавилова об отсутствии особых интересов советской политики в отношении палестинского вопроса.

Из опубликованных документов Сборника видно, что ряд профессиональных советских дипломатов в то время также не понимали причин просионистской политики Советского Союза и отмечали это в своих донесениях в МИД СССР. В секретном резюме письма Временного поверенного в Делах СССР в Ираке А. Ф. Султанова от 5 ноября 1947 г. последний отмечает, что «демократические и коммунистические партии всегда стояли на платформе непризнания декларации Бальфура как империалистической затеи и борьбы с сионизмом — агентурой британского и американского империализма — и разъясняли, что Советский Союз поддержит арабов. Поэтому друзья несколько растерялись и ожидают разгула внутренней реакции, поощряемой англосаксами». Далее он указывает на явно негативные стороны политики, направленной на создание еврейского государства, для СССР, главной из которых было то, что «сионистское государство может стать базой американцев для

[233] Там же. С. 263.

экспансии в страны Востока». Иначе говоря, дипломат предполагал неизбежность перехода еврейского государства на сторону США в начинавшейся тогда разгораться холодной войне. Правда, зная настроения своего руководства и явно желая перестраховаться, Султанов высказывает в письме совсем фантастическое предположение: «Если еврейское государство отойдет от англо-американских банков и долларовой дипломатии, то может стать фактором, революционизирующим Арабский Восток (!?— *В. В.*)».[234] Но МИД СССР явно не учитывал высказываемых резонных мнений профессионалов.

Поразительно в этой связи читать строки письма-отчета от 12 августа представителя Израиля в ООН А. Эбана министру иностранных дел М. Шертоку о беседе с советским послом при ООН Я. Маликом. В результате беседы будущий министр иностранных дел Израиля А. Эбан приходит к заключению, что «Советская сторона рассматривает свое решение о поддержке еврейского государства в качестве триумфально оправдавшего себя в контексте целей, которые она ставит перед собой на Ближнем Востоке. **Эти цели не подразумевают какую-либо надежду на то, что Израиль станет сателлитом восточного блока. В беседах никогда не выражается недовольства в отношении нашего очевидного интереса к улучшению связей с западными державами** (выделено мной. — *В. В.*). Советская сторона, однако, отдает себе отчет в том, что их позиция заслуживает и, возможно, обеспечивает симпатии в Израиле, а также в определенных кругах американского общества».[235] Представляется, что трудно подобрать более лестных слов по адресу бескорыстия сталинских дипломатии и политики!

Тем не менее, и сегодня пытаются объяснить тогдашнюю политику Советского Союза попыткой создать трудности для Англии и США и желанием привязать Израиль к Советскому блоку. Конечно, в Израиле были коммунисты и близкая к ним лево-социалистическая сионистская партия МАПАМ, тесно связанные с СССР. Однако на первых же выборах в Учредительное собрание, прошедших в начале 1949 г., из 120 мест коммунисты получили лишь 4, а МАПАМ — 19.

Помимо этого, существовали и непреодолимые внешнеполитические ограничения, которые советский вождь отлично понимал, что

[234] Там же. С. 264–265.
[235] Там же. С. 361.

хорошо видно на его политике в отношении Греции. В этой стране в конце войны сложилась исключительно благоприятная для местных коммунистов ситуация. Достаточно только указать, что к моменту освобождения Греции от нацистов руководимая коммунистами антигерманская партизанская армия ЭЛАС контролировала почти 60 % страны, число членов Коммунистической партии Греции доходило до 400 тыс. человек.[236] Под властью поддерживаемых английскими войсками антикоммунистических сил находились только Афины с прилегающей областью Аттика и второй по величине порт — Салоники. В стране развернулась гражданская война, где коммунисты, опираясь на негласную поддержку правительства Тито в Югославии, добились заметных успехов. Дело дошло до того, что Англия, не будучи в силах вести эту войну, подумывала в 1947 г. об отступлении. Но, как свидетельствует в своих воспоминаниях один из главных сподвижников Тито, ставший затем диссидентом- антикоммунистом, М. Джилас, неожиданно советский вождь охладил горячие головы балканских коммунистов. На переговорах в Кремле с югославской делегацией в январе 1948 г., Сталин после острого обсуждения других вопросов перешел «к восстанию в Греции (и) сказал: — “Следует свернуть восстание в Греции”, — он именно так и сказал “свернуть”. “Верите ли вы, — обратился он к Карделю (руководитель югославской делегации. — *В. В.*), — в успех восстания в Греции?”. Кардель отвечает: «Если не усилится иностранная интервенция и если не будут допущены крупные политические и военные ошибки…”. Но Сталин продолжает, не обращая внимания на слова Карделя: “Если, если! Нет у них никаких шансов на успех. Что вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты — Соединенные Штаты, самая мощная держава в мире, — допустят разрыв своих транспортных артерий в Средиземном море! Ерунда. А у нас флота нет. Восстание в Греции надо свернуть как можно скорее”. В ответ на достаточно робкие возражения югославских коммунистов, сославшихся на успехи китайских коммунистов, Сталин решительно ответил: “Да, китайским товарищам удалось. Но в Греции совершенно иное положение. Греция лежит на жизненно важных коммуникационных путях западных государств. Там непосредственно вмешались Соединенные Штаты — самая мощная держава в мире!”». Интересно отметить, что Джилас, близко знакомый с положением

[236] Всемирная история. М., 1977. Т. XI. С. 346–347.

в тогдашней Греции, настолько верил в возможность успеха греческих коммунистов, что в своей книге, написанной спустя десятки лет, приписал решение Сталина опасениям его за свою власть над Восточной Европой.[237] И восстание в Греции действительно вскоре было свернуто, несмотря на недовольство революционно настроенных тогда балканских коммунистов.

Несомненно, советский вождь сознавал при этом, что и в финансовом смысле его возможности в отношении Израиля просто несравнимы с «самой мощной державой мира». Он согласился бы с мнением, которое высказал в письме от 1948 г. Феферу американский журналист и общественный деятель Б. Ц. Гольдберг (зять Шолом-Алейхема), организовавший в 1943 г. поездку Фефера и Михоэлса в Америку: «без американских долларов Государство Израиль — не государство, и страна — не страна. Государство Израиль еще долгое время будет на хлебах у американского еврейства — пару десятков лет, если не больше».[238]

Однако наряду с отсутствием плюсов создание еврейского государства принесло и потенциальные минусы для власти советского вождя. Прежде всего оно стало сильным катализатором в пробуждении национальных чувств евреев — граждан СССР. В Еврейский антифашистский комитет, созданный исключительно в целях пропаганды на заграницу, посыпались письма, приводившие в ужас его руководителей. В Сборнике таких посланий приведено достаточно — как индивидуальных, так и коллективных. В них авторы выражали желание немедленно выехать во вновь созданное еврейское государство. Например, об этом заявили около 500 (!) жителей г. Жмеринка. Многие ветераны войны были готовы немедленно выехать в Палестину для участия в войне с арабами. Если не знать страшной атмосферы той послевоенной эпохи, то некоторые письма нельзя читать сегодня без грустной иронии. Вот строки из письма жителя г. Киева, капитана запаса Абрама Михайловича Серпера: «В сердце Великого Сталина и его друга Вячеслава Михайловича Молотова нашла место забота и о нашем обездоленном народе. Я не могу передать словами чувства глубочайшей признательности гению человечества — родному, дорогому Иосифу Виссарионовичу Сталину за поддержку, оказанную им вновь организованному государству

[237] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 130.
[238] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. С. 418.

Израиль. Гордость за свою родину — СССР и коммунистическую партию, членом которой я состою, заполнили (меня) всего». В конце письма выражено желание вступить добровольцем в «сражающуюся еврейскую армию».[239] В подобных тонах написаны практически все эти обращения. Их копии, кстати сказать, под грифом «секретно» направлялись в ЦК КПСС.

Советские власти сразу же приняли меры. В Сборнике приведено письмо Маленкова от 18 сентября 1948 г. Сталину о том, что он, Маленков, совместно с Кагановичем, Поспеловым и Ильичёвым выполнили его указание и поручили Эренбургу написать статью об Израиле. К письму прилагался на визу вождя текст статьи. В этой статье («По поводу одного письма») Эренбург с присущим ему блеском выполнил поставленную задачу. Он, с одной стороны, поддержал курс Советского Союза на содействие созданию государства Израиль, а с другой — заявлял, что «судьба еврейских тружеников всех стран связана не с судьбой государства Израиль, а с судьбой прогресса, с судьбой социализма…», а советские евреи «смотрят не на Ближний Восток, они смотрят в будущее». На документе есть помета «т. Сталин согласен», и статья была опубликована 21 сентября 1948 г. в главной газете страны — «Правда».[240] Следует признать, что столь высокий уровень подготовки статьи означает понимание того, что появление еврейского государства создает опасность превращения внутренней проблемы в международную. Таким образом, никаких дополнительных преимуществ, даже потенциальных, для советского вождя создание еврейского государства не давало. Правда, тогда его искренне благодарило мировое еврейство. Как писал в вышеуказанном письме Феферу Гольдберг, «у сионистской публики (а в настоящее время все евреи почти повсюду «сионистская публика») престиж Советского Союза чрезвычайно высок». Однако за всю свою долгую, полную борьбы жизнь генералиссимус СССР И. В. Сталин отлично знал цену оказанной услуге. Если в частной жизни она иногда что-то стоит, то в политике почти всегда близка к нулю.

В целом получается, что надо согласиться с приведенным выше мнением американского дипломата Дина Раска: разумных объясне-

[239] Советско-израильские отношения… С. 309.
[240] Там же. С. 375–383.

ний политике СССР (точнее говоря, его вождя) в палестинском вопросе дать невозможно.

Здесь надо остановиться и сказать о бессилии объяснить это с позиций исторической науки. Но поскольку речь идет о решении одного человека, то предоставим слово психологу. Он, конечно, обратится к биографии вождя. Даже из официальной его биографии известно, что в юности Иосиф Сталин, тогда Сосо Джугашвили, получил единственно доступное тогда ему — грузинскому мальчику из бедной семьи — исключительно духовное образование. Обратимся к Свидетельству об окончании Горийского духовного училища, выданному ему в 1894 г., т. е. в 16 лет. Там указано, что «Воспитанник училища Джугашвили Иосиф, родился в г. Гори, сын крестьянина Виссариона … при отличном поведении (5) оказал (так в тексте. — *В. В.*) успехи:

По Священной истории Ветхого Завета (5)
По Священной истории Нового Завета (5)
По Православному Катехизису (5)
По Изъяснению Богослужения с церковным уставом (5)
Церковному пению русскому (5)
Церковному пению грузинскому (5) ».

То есть все религиозные дисциплины ученик Джугашвили «сдал» на отлично! Неплохо Сосо справился и с языками: по русскому с церковно-славянским — 5; грузинскому — 5; по греческому — 4 (очень хорошо). Не церковных дисциплин было всего только три — арифметика, география, чистописание. Из них только по арифметике — 4 (очень хорошо).[241]

По результатам учебы в Духовном училище можно понять, почему мать Сосо жалела, что ее столь способный в духовных науках сын не избрал карьеру священника.

Законы психологии свидетельствуют, что лучше всего и на всю жизнь усваивается то, что вкладывается в детскую душу. Недаром изощренные в воспитании иезуиты говорили: «отдайте нам первые семь лет человека и берите остальные». Разумеется, в дальнейшем Иосиф Джугашвили избрал путь революционера и приверженца марксизма — в его, конечно, собственном понимании. Судьбе было угодно вознести его после долгих и тяжелых испытаний под именем Сталина на вершину власти одной из двух сверхдержав мира. Но кто

[241] *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина. СПб., 2002.

может поручиться, что в конце жизни, когда человек думает о вечности, ему не пришла мысль об увековечении себя в чем-то похожем на дело Мессии (Помазанника Божия), — в содействии созданию еврейского государства? Ведь он вполне мог вспомнить стихи из пророка Исайи о Кире Персидском, освободившем евреев от Вавилонского плена и возвратившем желающих в Иудею и Иерусалим. Эти библейские стихи гласят: «Так говорит Господь помазаннику Своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе все народы. … Ради Иакова, раба Моего, и Израиля, избранника моего, Я назвал тебя по имени, почтил тебя, хотя ты не знал Меня» (Ис. 45:1,4).

Конечно, с точки зрения историка такие доводы не более правомерны, чем свидетельство Молотова. Но верующего человека они наверняка заставят глубоко задуматься.

5. «ДЕЛО ВРАЧЕЙ» ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗРАИЛЬСКОЙ МИССИИ В МОСКВЕ. СВИДЕТЕЛЬСТВО Н. Н. МЕСЯЦЕВА

Самой большой остроты напряженность между государствами, бывшими в 1948 г. друзьями, достигает в январе 1953 г.

13 января 1953 г. в центральных газетах под рубрикой «Хроника» появилось следующее сообщение ТАСС:

«Арест групы врачей-вредителей.

Некоторое время тому назад органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза.

В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М. С., врач-терапевт; профессор Виноградов В. Н., врач-терапевт; профессор Коган Б. Б., врач-терапевт; профессор Егоров П. И., врач-терапевт; профессор Фельдман А. И., врач-отоларинголог: профессор Этингер Я. Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А. М., врач-невропатолог; Майоров Г. И., врач-терапевт.

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных уста-

новлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье.

Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного исследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствовавшие действительному характеру их заболеваний, а затем неправильным лечением губили их.

Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А. А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имеющийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товариа А. А. Жданова. Следствием установлено, что преступники также сократили жтзнь товарища А. С. Щербакова, неправильно применяли при его лечении сильно действующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти.

Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского А. М., маршала Говорова Л. А., маршала Конева И. С., генерала армии Штеменко С. М., адмирала Левченко Г. И. и других, однако арест расстроил их злодейские планы, и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, — состояли в наемных агентах у иностранной разведки.

Большинство участников террористической группы (Вовси М. С., Коган Б. Б., Фельдман А. И., Гринштейн А. М., Этингер Я. Г. и другие были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и Советском Союзе. Арестованный Вовси

заявил следствию, что он получил директиву “об истреблении руководящих кадров СССР” из США от организации “Джойнт” через врача в Москве Шимелиловича и еврейского буржуазного националиста Михоэлса.

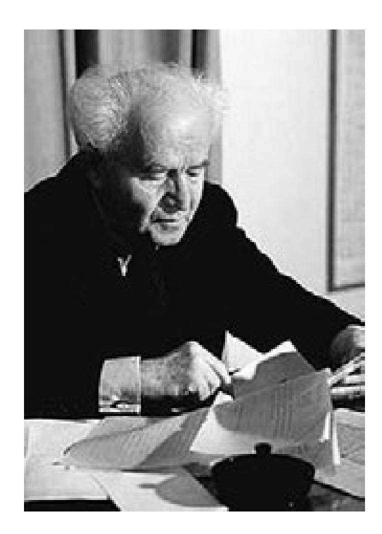
Другие участники террористической группы (Виноградов В. Н., Коган М. Б., Егоров П. И.) оказались давнишними агентами английской разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время».

В январе 1953 г. началась новая волна арестов. Были арестованы профессора В. Ф. Зеленин, Э. М. Гольштейн, Н. А. Шерешевский, Я. Л. Рапопорт, С. Г. Незлин и другие. Среди них был второй личный врач Сталина Б. С. Преображенский.

Но сразу же 13 января глава израильской дипломатической миссии в Москве посланник Эльяшив телеграммой сообщает об аресте группы высокопоставленных врачей во главе с М. С. Вовси, генерал-майором медицинской службы, до 1946 г. — главным врачом Красной армии. Эльяшив также с беспокойством сообщает об осуждении в прессе покойного Михоэлса, урожденного Вовси, хотя и не знает, что он брат арестованного врача.[242] Однако и здесь израильская дипломатия делает все возможное, чтобы удержать конфликт в каких-то рамках. Об этом свидетельствует циркулярное письмо Генерального директора МИД Израиля Эйтана посольствам Израиля в Западных странах и Югославии на следующий день после телеграммы Эльяшива. Прежде всего, он обращает внимание на то, что «Израиль не упоминается в советском заявлении. Пока ни один израильский представитель не должен делать официальных заявлений на этот счет». Но, конечно, по мнению Эйтана, это вполне возможно для различных сионистских и еврейских лидеров, если они попросят совета у израильских дипломатов. Заканчивается телеграмма следующими словами: «Имейте в виду, что Израиль не заинтересован вступать в открытый конфликт с Советской Россией, поскольку для нас жизненно необходимо сохранить в неприкосновенности, насколько это возможно, наши позиции в Москве и в столицах стран-сателлитов».[243]

[242] Советско-израильские отношения. Т. I. Кн. 2. С. 398.
[243] Там же. С. 398–399.

Давид Бен-Гурион

Гораздо более эмоциональной была позиция Бен-Гуриона, направленная против политики сдержанности, особенно в отношении коммунистической партии Израиля (Маки), всегда солидаризовавшейся с СССР. Его буквально привели в бешенство опубликованные в газете Коммунистической партии Израиля 14 января статьи под заголовками: «Банда врачей-убийц на службе англо-американских шпионов», «Террористическая организация, тесно связанная с Джойнтом», «Подлинное лицо этой сионистской шпионской сети маскировалось под личиной благотворительной организации». В своем письме от 20 января 1953 г. он заявляет резкое несогласие с некоторыми коллегами по правительству, опасавшимися, что «борьба с Маки воспринимается как антисоветская акция … Разрешение или запрет деятельности Маки Советского Союза не касается». Далее Бен-Гурион, как ветеран сионистского социализма («еврейский меньшевик», по советской терминологии 20-х годов), так характеризует тогдашние советские порядки: «Я решительно не приемлю большевистский режим. Это никакое не социалистическое государство, а загон для рабов. Это строй, основанный на убийствах, лжи и подавлении человеческого духа, отрицании свободы рабочих и крестьян. Это еще более жестокое и экстремистское продолжение царского империализма. Но против строя и его воздействия вовне можно вести борьбу только средствами идеологической агитации; люди, верящие, что в России — социализм, а СССР — освободитель всего человечества, не преступники, а всего лишь заблуждающиеся. Борьба с ними возможна только как борьба идей».

Обвинения против действий Маки Бен-Гурион перемежает своими соображениями о причинах дела врачей, которые сегодня представляются весьма неожиданными. Он пишет: «У меня нет сомнения в том, что кампания против евреев и Израиля, помимо внутриполитических целей СССР и коммунистического блока, призвана также повлиять на общественное мнение в Германии, в арабских и ислам-

ских странах, а также на антисемитские слои на Западе в целом». Говоря о Германии, Бен-Гурион явно имеет в виду, что, по его мнению, общественное мнение этой недавно побежденной страны остается во власти прежних антиеврейских настроений и, следовательно, Сталин желает привлечь его на свою сторону. В заключение Бен-Гурион пишет буквально следующее: «Советская Россия — не антисемитское государство. Гитлер тоже не был антисемитом (! — *В. В.*). Хадж Амин аль-Хусейни (лидер палестинских арабов. — *В. В.*) — семит не меньше, чем мы с вами — был ближайшим другом и помощником Гитлера… Сталин не антисемит. Какое ему дело вообще против семитов? Просто для достижения определенных политических целей ему понадобилось сегодня навести напраслину на евреев и еврейское государство… Может быть, против него мы ничего не можем сделать, но неужели мы позволим юдофобам в Москве содержать здесь, под защитой наших законов, свою агентуру, коллаборационистов, содействующих распространению юдофобии?»[244] Призыв и возмущение Бен-Гуриона, видимо, не оказали своего действия, поскольку коммунистическая партия Израиля существует в каком-то виде и сегодня.

Это отчасти можно объяснить настроениями в самой партии Бен-Гуриона — Мапай, о чем может свидетельствовать правительственный кризис в мае 1953 г. Тогда ЦК партии поддержал мнение той части фракции в Кнесете, которая считала возможным разрешить школам в определенные дни, в частности 1 Мая, поднимать красный флаг наряду с государственным и исполнять Интернационал (на иврите) наряду с государственным гимном. В знак несогласия четыре министра, представляющие общих сионистов, вышли из состава правительства. В американской печати в этой связи выражалась тревога по поводу возрастающего влияния коммунистических идей». В таких обстоятельствах руководство Мапай отступило и коалиция была восстановлена на основе использования в школах только национальной символики.[245]

Но вернемся к дипломатической истории этого острого кризиса. Вот секретное донесение посланника Эльяшива в МИД Израиля от 22 января 1953 г. Заметно, что он и его сотрудники внимательно изучают все доступные источники информации. По его мнению, нет

[244] Советско-израильские отношения. Т. I. Кн. 2. С. 401–406.
[245] Там же. С. 514–515.

сомнения, что акция направлена «против советских евреев, причем одна из ее целей — полностью разорвать их связи с мировым еврейством». Поэтому к делу припутали Джойнт — международную организацию, действовавшую когда-то на территории СССР, и последнюю еврейскую организацию страны — Еврейский антифашистский комитет. Эльяшив считает эту кампанию частью политики «завинчивания гаек», возможно даже, в связи с усилением «холодной войны» с США, а также с «появлением многих слабых мест в государстве, в частности “многих случаев коррупции”». Не исключает Эльяшив и борьбу возвышающегося Маленкова против соперника Берии, долгое время ведавшего службами безопасности, якобы вовремя не заметившими такой заговор. Вместе с тем он делает акцент на то, что в советских публикациях **«все обвинения выдвигаются в адрес “сионизма”, а не государства Израиль»** (выделено мной. — *В.В.*). Поэтому он полагает, что израильскому государству (и правительству, и Кнесету, и миссии) следует воздерживаться от какой-либо реакции.[246]

Надо сказать, что советские дипломатические службы регулярно и подробно информировали министра иностранных дел СССР Вышинского о «клеветнической», по их словам, реакции западных средств массовой информации на дело врачей. В Израиле, судя по их донесениям, особую активность проявлял бывший «товарищ» Вышинского Шарет, заявивший в кнесете 19 января 1953 г., что «правительство Израиля заклеймит в ООН и с каждой другой трибуны агитацию, ведущуюся в странах коммунистического строя против еврейского народа, и грязь, бросаемую на его организации, и будет сигнализировать об опасности, грозящей благополучию миллионов евреев в этих странах». Аналогичные заявления делал с трибуны ООН и А.Эбан.[247] Однако ведомственная переписка израильской дипломатии носила более деловой характер, чем публичная полемика. Ее беспокоило поведение в этой обстановке арабских стран. Интересно, что в своей аналитической записке от 29 января 1953 г. заместитель генерального директора МИД Израиля А.Левави отмечает: **«Советы не использовали свою антиеврейскую политику в пропаганде на арабов»** (выделено мной. — *В.В.*)[248].

[246] Там же. С.406–408.
[247] Там же.
[248] Там же. С.412.

Последние донесения Ершова в Москву выдержаны в резко обвинительном по отношению к израильскому руководству, особенно Шарета, духе. В его отчете от 31 января 1953 г. есть и такая стандартная для советской пропаганды того времени фраза: целью «антисоветской кампании» в Израиле является использовать подъем националистических настроений в стране для того, чтобы усилить наступление на демократические права трудящихся, прогрессивные организации и в первую очередь на Маки».[249] В свою очередь Шарет в телеграмме Эбану от 2 февраля полагает, что враждебные действия Москвы являются не основной линией политического курса, а порождением общей тенденции укрепления режима, в том числе и в рамках подготовки к войне. Однако «даже если для Москвы ее антиеврейские действия являются второстепенными, для нас они — главные». Далее Шарет предлагает выступить «с инициативой Всемирной еврейской конференции для того, чтобы дать ответ на советский вызов…» При этом «правительство Израиля не будет ни выступать в качестве инициатора, ни участвовать в ходе дискуссий, ограничившись посылкой наблюдателя».[250]

Далее события стали развиваться самым неожиданным образом. Как сообщает Ершов в телеграмме от 9 февраля 1953 г., в этот день в 22 часа 35 минут на территорию миссии была брошена бомба, в результате взрыва которой пострадала его жена и два сотрудника миссии. В конце телеграммы Ершов просит разрешения выразить самый строгий и решительный протест. И далее: «Считаю, что в связи с этим случаем было бы целесообразным прервать дипломатические отношения с данным правительством Израиля».[251] Трудно привести все слова искреннего возмущения израильского правительства и всего общества в связи с этим терактом. Бен-Гурион лично прочитал в парламенте ноту МИД Израиля, где было, в частности сказано: «Хулиганы, которые совершили это подлое преступление, являются больше врагами государства Израиль, чем ненавистниками иностранного государства».[252]

До разрыва дипломатических отношений Эльяшив сумел послать руководству последнее письмо от 10 февраля 1953 г. Он обращает внимание, что прошел месяц со дня ареста врачей, но ничего

[249] Там же. С. 417.
[250] Там же. С. 420
[251] Там же. С. 422.
[252] Там же. С. 424.

нового о ходе расследования пока не было сказано. Внимательный анализ советской прессы показывает, что «дело врачей, Джойнта и сионизма протекает в русле более широкой кампании за всестороннее повышение бдительности и наступательную пропаганду по всем направлениямт … Хотя в последнее время раздавались в основном призывы крепить бдительность по отношению к украинским и литовским националистам, однако в этой связи заодно были упомянуты и "буржуазные еврейские националисты"… Кампания идеологической борьбы против ложных мировоззрений и учений в различных областях ведется очень давно. Однако в последнее время она приобрела совершенно оголтелый характер». Далее Эльяшив отмечает еще один примечательный факт: поражает исключительно большое количество статей о фактах воровства, мошенничества, растратах и приписках. При этом в статьях и фельетонах все чаще фигурируют евреи. Московские газеты ведут себя более взвешенно, но в последнее время и центральная пресса также стала чаще писать о преступниках-евреях. Но на наш взгляд удивительно другое. Эльяшив по-прежнему сообщает, что **«Государство Израиль пока мишенью для нападок не служит. До сих пор не говорилось, что оно вмешивается во внутренние дела СССР, подобно тому, как это заявлено в Чехословакии и Польше. Иногда в статьях проскальзывают упреки в адрес нашего руководства, но это не новость. В то же время истерически пишут о сионизме и сионистах»**.

Сообщения этого внимательного израильского аналитика дают основания полагать, что затеянная советскими властями кампания была проявлением начавшейся хаотической внутренней борьбы среди высшего руководства страны за раздел наследства тяжело больного советского вождя в предчувствии его близкой смерти. Об этом же косвенно свидетельствует ход событий уже после того, как Вышинский объявил вызванному в 1 час ночи 12 февраля Эльяшиву о разрыве дипломатических отношений с Израилем. При этом Вышинский заявил, что «израильский народ — это одно, а правительство Израиля — совсем другое… Правительство Израиля несет всю ответственность за указанное преступление (взрыв в Миссии. — *В. В.*)».

На следующий день после смерти Сталина, 5 марта, Министерство Иностранных дел Израиля через Нидерландский МИД сразу же передало в Москву правительству СССР соболезнования и выражения сочувствия правительства и народа Израиля по случаю

кончины главы СССР генералиссимуса Сталина. А 4 апреля представители МИД Израиля в заявлении для прессы сообщили, что правительство Израиля с большим удовлетворением ознакомилось с опубликованным в Москве официальным заявлением, что обвинения в отношении врачей-евреев были сфабрикованы, а их «признания» получены с помощью недозволенных методов. В конце выражалась надежда, что исправления допущенных извращений увенчаются прекращением антиеврейской кампании и последует восстановление нормальных отношений между СССР и Израилем. Как бы в ответ на это 10 апреля израильский посол в Болгарии с удивительной для израильтянина и вообще для еврея фамилией **Разин**(?) радостно сообщает, что на приеме в венгерском посольстве к нему неожиданно подошел советский посол Бодров, дружески пожал ему руку и в присутствии французского посла спросил, «читал ли я сегодняшнюю "Правду" и известно ли мне об освобождении врачей. Я ответил, что известно, добавив, что сегодня у нас Песах — праздник свободы, поэтому я даже выпил за здоровье советского правительства, за проявленную им смелость и надеюсь, что все проблемы, вызванные этой печальной историей, найдут скоро свое разрешение. Посол поблагодарил и сказал, что он тоже "рад и горд" смелостью своего правительства и что это "характерный пример курса советского правительства"».[253] Прошло всего несколько недель, и в июле 1953 г. состоялся обмен письмами между теми же лицами, что и в мае 1948 г., — Шаретом (тогда он именовал себя Шерток) и Молотовым — о восстановлении дипломатических отношений между Израилем и СССР; вскоре Эльяшив вернулся в Москву.

Приводим строки из его первого отчета в МИД Израиля от 30 декабря 1953 г.: «В начале 1953 г. было тяжелое ощущение и угнетенное состояние, евреи старались держаться вместе, не поднимая головы. Вокруг них была недружественная атмосфера … В Москве евреям приходится выслушивать угрозы, что их всех прогонят из столицы. Один человек передал, что дети в детском саду дали воспитательнице прозвище "еврейская докторша", что близко кличкам "предатель", "фриц" во время войны… Видя, что евреи чувствовали себя плохо, многие неевреи пытались демонстрировать им свою дружественность … Когда были освобождены врачи, последовало облегчение.

[253] Там же. С. 438.

Все ушло как кошмар, и сейчас нет евреев, которые чувствовали бы плохое отношение к себе».[254]

Завершая, отметим некоторые важные, на наш взгляд, обстоятельства этой краткой, но зловещей страницы советско-израильских отношений.

Во-первых, даже в самые острые моменты противостояния, как правильно отметил в своем последнем донесении тонкий и вдумчивый аналитик Эльяшив, советская пропаганда не обвиняет государство Израиль во вмешательстве во внутренние дела СССР. Более того, советская дипломатия отказалась от предложений стран народной демократии порвать отношения с Израилем, как это произошло в 1967 г.; т. е. очевидно стремление ограничить кампанию и придать ей сугубо внутренний характер.

Во-вторых, примечательно, что, сообщая из Москвы о подробностях антиеврейской кампании, Эльяшив ничего не говорит о каких-либо признаках готовящейся массовой депортации миллионов евреев, рассеянных по всей стране. Подготовку такого грандиозного мероприятия, конечно, было бы невозможно скрыть от находящихся в стране дипломатических миссий, а также явных и тайных иностранных агентов.

В-третьих, как было уже указано израильскими дипломатами, разрыв советско-израильских отношений не сопровождался «разыгрыванием» советской стороной арабской карты, хотя арабы горячо приветствовали этот разрыв. Тем большим было их разочарование, когда отношения были восстановлены. По словам посланника Сирии в Пакистане, «если советское правительство восстановит дипломатические отношения с Израилем, то «это серьезно огорчит все население арабских стран».[255]

К вопросу о роли И. В. Сталина в «Деле врачей»

Поскольку советский вождь после решающей и судьбоносной для страны победы в Великой Отечественной войне пользовался абсолютной властью в стране, то, конечно, предполагалось его личное участие во всем важном, что имело место в подвластной ему державе. Поэтому и роли его в пресловутом «деле врачей» посвящена масса печатной продукции — от научных исследований до того,

[254] Там же.
[255] Там же. С. 446.

что можно назвать «публицистической макулатурой». Полагаю, что приведенные выше выводы израильских дипломатов также не слишком проясняют этот вопрос, хотя и отличаются в лучшую сторону от многих распространенных слухов и домыслов. Однако недавно были опубликованы воспоминания юриста, принимавшего непосредственное участие в расследовании этого дела. Его свидетельство оказалось настолько важным и неожиданным, что я решил предложить его вниманию любознательного читателя. При этом сразу надо отметить, что не только исследование, но даже подробное изложение мнений исследователей по пресловутому «делу врачей», далеко выходит за рамки этой книги.

Речь идет о мемуарах видного советского государственного деятеля, юриста и дипломата Николая Николаевича Месяцева.[256]

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Н. Н. Месяцев

3 июля 1920 г. — родился в Вольске.

1941 — Оканчивает Военно-юридическую академию Красной Армии.

1941 — Сентябрь. Младший следователь в 3-м управлении Наркомата ВМФ СССР

1943 — Апрель. Начальник следственного отделения Отдела контрразведки СМЕРШ 5-й гвардейской танковой армии.

1945 — Июнь. Главное управление контрразведки СМЕРШ.

1946 — Июль. Инструктор, ответственный организатор ЦК ВЛКСМ.

1950 — Замзав организационным отделом ЦК ВЛКСМ.

1952 — Сентябрь. Академия общественных наук при ЦК КПСС. Слушатель.

1955 — Июнь. Академия общественных наук при ЦК КПСС. Выпускник.

1955 — Избран секретарем ЦК ВЛКСМ

1959 — Первый заместитель председателя Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

1962 —Посольство СССР в Китае. Советник-посланник.

[256] *Месяцев Н. Н.* Горизонты и лабиринты моей жизни. М., 2005.

1964 — Председатель Государственного Комитета СССР по радиовещанию и телевидению.

1970 — Чрезвычайный и Полномочный посол в Австралийском союзе.

1972 — Старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР.

1989 — Вышел на пенсию.

2011 — Кончина (Москва).

Автор многочисленных статей и публикаций в книгах, газетах и журналах.

В своей последней книге Николай Николаевич главу VII озаглавливает: «“Дело врачей”. Дело В. С. Абакумова». Ниже приведем в сокращении только то, что касается «дела врачей» (страницы указаны в тексте по изданию: *Месяцев Н. Н.* Горизонты и лабиринты моей жизни. М., 2005).

> «В один из зимних вечер середины января 1953 года я, как обычно, после занятий в Академии Общественных наук отправился на каток парка Останкино, где встречался со своими немногими оставшимися в живых школьными товарищами. Погода стояла мягкая, и мы прокатались допоздна. Поехал я трамвайчиком на свое Ярославское шоссе, что теперь зовется проспектом Мира, подошел к дому, известному в округе как «комсомольский», ибо там был построен Управлением делами ЦК ВЛКСМ и заселен работниками Цекомола, и вижу: у подъезда стоит автомашина; в таких ездили тогда самые высокопоставленные в партии и государстве люди — члены Политбюро, правительства, наш первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов.
>
> “Елки-палки, — думаю, — к кому же могло прикатить это диво?”. Поднимаюсь на третий этаж, слышу в моей однокомнатной квартире незнакомые мужские голоса. Открываю.
>
> — Наконец-то… Вас ждут секретари ЦК партии. Надо ехать немедленно. Мы бы и на катке разыскали, если бы знали, на каком.
>
> — Сейчас переоденусь.
>
> — Не надо.
>
> — Переоденусь, в спортивном костюме я не поеду.
>
> — Переодевайтесь

До «Большого дома» на Старой площади домчались мгновенно. Поднялись на секретарский этаж — к Г. М. Маленкову, тогда второму после Сталина лицу в партии. У него находились С. Д. Игнатьев, секретарь ЦК ВКП(б), министр государственной безопасности СССР, А. В. Аристов, секретарь ЦК ВКП(б), и еще кто-то, не помню. Пока я шел по весьма просторному кабинету, они оглядели меня. Их я знал по фотографиям, видел на трибунах Мавзолея Ленина во время праздничных демонстраций на Красной площади. Г. М. Маленков встал, вышел из-за стола мне навстречу, крепко пожал руку, пригласил сесть.

Я впервые видел Г. М. Маленкова так близко, и меня приковал его внимательный твердый взгляд и приятный тембр голоса, хороший московский голос.

— Мы пригласили вас по поручению товарища Сталина, — начал Маленков, — он посмотрел ваше личное дело. Вы ему понравились. Товарищ Сталин сказал, что молодые, красивые, как правило, всегда смелы. Просим вас пойти на работу в следственную часть по Особо важным делам Министерства государственной безопасности. Работающие там люди вводят в заблуждение Центральный комитет партии. — Маленков сделал паузу и с нажимом сказал: ЦК нужна правда. Надо помочь Семену Денисовичу Игнатьеву в установлении истины в следственных делах.

“Как быть? Принять предложение, значит, возвращаться в прошлое?! — проносилось в голове. — Учеба побоку!.. Планы на будущее тоже”.

Однако в сознании все это покрывалось одним — я обязан принять предложение ЦК. Наверное, пауза затянулась. Моего ответа ждали.

— Я согласен, — ответил я. Все мое прошлое не могло породить другого ответа.

— Что касается должности и звания, то все это по-хорошему решит товарищ Игнатьев, продолжал Маленков

— Вы завтра к одиннадцати часам дня можете зайти ко мне? — спросил Игнатьев.

— Конечно, — ответил я.

— Зайдите, и мы все детали вашего перехода из Академии в министерство обсудим и решим. Я прошу вас, товарищ Месяцев, помочь мне разобраться в следственных делах. Вы согласны? — еще раз спросил меня министр.

— Да, согласен, — подтвердил я.

Г. М. Маленков встал из-за стола. Подал руку и, держа в ней мою, сказал:

— Вы можете позвонить мне или зайти в любое время, когда посчитаете необходимым. Дело, поручаемое вам, весьма серьезно. Пожалуйста, имейте это в виду. Так, товарищ Игнатьев? — спростил он министра.

— Да, — ответил Игнатьев, — сказанное Георгием Максимилиановичем относится и ко мне — мы наладим с вами тесное взаимодействие.

Пожелав успехов в работе, Маленков, Игнатьев и Аристов попрощались со мной.

Пока я шел по мягким ковровым дорожкам секретарского этажа, спускался к выходу из первого подъезда “Большого дома” и мчался в правительственном автомобиле до дому, во мне нарастало ощущение, что у Маленкова и у других наличествовала какая-то озабоченность, но также тревога за положение в следчасти — ход следствия по каким-то находящимся там в производстве следственным делам.

Их встревоженность передалась мне — в том смысле, что я должен быть крайне внимателен ко всему, в любой, казалось бы, на первый взгляд, мелочи. Во всяком случае, рассуждал я, уж если положением дел в следчасти заинтересовался сам Сталин и лично подбирает кадры, то дела там наверняка приобрели или приобретают государственную, политическую значимость. Почему он остановил свое внимание на моей персоне — это доверие, или молодым легче крутить, поворачивать в желаемую сторону? Тогда при чем здесь красота и смелость? Смелый на сделку с собственной совестью не пойдет» (с. 249–251).

«На следующий день я был в приемной у министра государственной безопасности СССР. Там же находились Петр Николаевич Колобанов, 1-й секретарь Челябинского обкома комсомола, и Василий Никифорович Зайчиков, секретарь ЦК ВЛКСМ. Из нас троих лишь один имел высшее юридическое образование и опыт следственной и оперативной работы.

Игнатьев довольно подробно ввел нас в положение дел в следственной части по Особо важным делам. В производстве находилось два групповых следственных дела. Одно из них — так

называемое дело врачей, а другое — бывшего министра государственной безопасности Абакумова. …Он подчеркивал, что его путают, следствие продвигается медленно. Мы трое должны внести в работу свежую струю, докопаться до правды, сделать ее — правду — достоянием ЦК партии, Сталина.

Следственная часть по Особо важным делам насчитывала в своем составе около пятидесяти человек, а вместе с прикомандированными из местных органов безопасности и того больше. Министр рассказывал дальше, что многие следователи за нарушение законности отстранены от работы, в том числе и возглавлявший следчасть Рюмин — человек, не отличающися моральными устоями.

— Вы в своих действиях совершенно свободны, — сказал министр, — а двери моего кабинета для вас всегда открыты. Будем советоваться. Я рассчитываю на вашу откровенность. Назначаю Месяцева на должность помощника начальника следственной части по Особо важным делам, а Колобанова — старшим следователем по Особо важным делам МГБ СССР.

Министр предложил, чтобы я ознакомился с обоими групповыми делами … Колобанов — с "делом врачей", и на примере одного последственного, проходящего по этому делу, занимается исследованием истины. …

В следчасти встретили нас настороженно. Сотрудники понимали, что наше появление не какая-то случайность, а действие продуманное, с нежелательными для некоторых из них последствиями.

Несколько следователей меня еще помнили по контрразведке СМЕРШ и в разговорах рассказывали, что в процессе следствия нередко творится беззаконие, арестованных избивают, выколачивая из них нужные показания, в чем мы вскоре убедились сами.

В очередной беседе с министром мы сказали ему о необходимости категорически запретить его властью произвол в отношении подследственных. Он ответил, что указания на этот счет после освобождения Рюмина от работы даны, о чем следственный аппарат знает» (с. 252–253).

«Знакомство с материалами этих двух групповых дел и первые допросы своих подследственных Зайчиковым и Колобовым наталкивали на многие вопросы. Прямо говоря, речь шла о боль-

шой политике, касавшейся как атмосферы, настроя, блаполучия советских людей у себя в стране, так и престижа Родины за рубежом. Становилось ясно, почему эти дела были в поле зрения Сталина. Не потому ли Маленков обращал мое внимание в присутствии министра госбезопасности Игнатьева на большую ответственность поручаемой мне работы, ссылаясь при этом на Сталина, но не говоря ни слова о тех следственных делах, которые его тревожат, вызывают озабоченность или что-то иное, но в этом же роде?

Публикации в печати (13 января 1953 г. — *В. В.*), прокатившиеся в стране в связи с "делом врачей", чему каждый из нас троих был свидетелем еще до прихода в следчасть, отвечали на этот вопрос: "дело врачей", большинство из проходящих по которому были евреями, раскручивало маховик антисемитизма, и усиливало его обороты в связи с проводимой в стране кампанией по борьбе с низкопоклонством перед Западом.

Что же будет, если арестованные врачи действительно виноваты? Вообразить это нетрудно. Начали поступать сообщения с мест, что кое-где под флагом борьбы с космополитизмом пытаются пойти по пути Центра, незаконно арестовывая врачей.

…

"Дело врачей". Некоторые полагают, что толчком к возникновению «дела врачей» явилось высказанное Сталиным (где-то и присутствии кого-то?) подозрение о том, что в кончине бывших членов Политбюро ЦК ВКП(б) Калинина, Щербакова, Жданова повинны лечащие их врачи. В МГБ решили подтвердить догадку «вождя».

Может быть, доля правды в таком ходе мыслей есть, но только доля, да и то сомнительная. Не могу поверить (и к тому нет ни прямых, ни косвенных улик), что Сталин без всяких на то осноываний посягнул на врачей с мировым именем. Он, а вместе с ним и другие тогдашние члены Политбюро ЦК, дали согласие на арест врачей, лишь когда на них разными путями были собраны материалы, свидетельствующие об их «преступной деятельности», материалы сфальсифицированые.

Проследим, хотя бы схематично, за ходом этих роковых действий провокаторов из органов госбезопасности. Из Кремлевской больницы, в которой наблюдаются наряду с другими члены Политбюро ЦК ВКП(б), поступает в МГБ от сотрудника этой

больницы Лидии Тимашук донесение, в котором она пишет "о неправильном лечении" высокопоставленных пациентов. По заявлению создается экспертная комиссия для проверки изложенного Тимашук. Во главе комиссии встает Рюмин, начследчасти, известный как отъявленный карьерист. Экспертная комиссия подтверждает изложенное Тимашук. Ее награждают орденом. Органы госбезопасности разворачивают "оперативную" разработку врачей и арестовывают их. Начинается следствие.

Полагаю, что Сталин и сотоварищи поверили в виновность врачей. В стране, естественно с одобрения Политбюро, развертывается шумная, как я уже писал, пропагандистская кампания против врачей — "убийц в белых халатах", смыкающаяся в некоторой своей части с борьбой против космополитизма.

Среди арестованных в основном евреи (академики медицины), Василенко и Виноградов — русские. В числе арестованных был и главный терапевт Советской армии, генерал-лейтенант медицинской службы Вовси.

Сообщение об аресте врачей было **опубликовано 13 января 1953 года**, после того как дело было сфальсифицированно. Наша троица пришла в следственную часть по Особо важным делам МГБ СССР и **приступила к работе 19 января того же 1953 года** (выделено мной. — *В. В.*).

Знакомясь с материалами "дела врачей", я задавался тремя вопросами: во-первых, мог ли каждый из арестованных врачей по своей гуманистической воспитанности, интеллекту, профессиональной чести, да и просто по образу мыслей пойти — вполне осознанно (прямой умысел) или преполагая опасность своих действий для других (косвенный, или эвентуальный умысел) — на совершение преступных деяний в отношении своих пациентов, т. е. на причинение ущерба их здоровью; во-вторых, имело ли место наличие какого-либо сговора между ними в преступных целях; в-третьих, каким образом они скрывали свои преступные действия приналичии таковых?

На каждый из этих вопросов я не нашел в показаниях арестованных врачей убедительных ответов, свидетельствующих с необходимой достоверностью о совершенных каждым из них и, стало быть, всеми вместе преступных деяниях.

Ознакомление с материалами "дела врачей" позволило вскрыть прием, посредством которого оно фабриковалось. Прием был

весьма прост, даже примитивен. Не надо обладать ни познаниями в медицине, ни особым профессионализмом в следствии, а надо было лишь самым беззастенчивым, бесстыдным образом брать из истории болезни того или иного пациента N или M, имеющиеся у него врожденные или приобретенные с годами недуги и приписывать их происхождение или развитие преступному умыслу лечащих или консультирующих его, N или M, врачей.

Все гениальное просто. Даже в совершении злодеяний.

Петр Иванович Колобанов проверил наши догадки в ходе допросов профессора Преображенского, специалиста в области уха, горла, носа. Преображенский лечил члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) Андреева, страдавшего тяжелым заболеванием уха. Преображенский показал, что Андреев, несмотря на категорические возражения и запреты, пристрастился в целях снятия ушной боли к наркотикам, что и было зафиксировано в истории болезни. Вот это пристрастие Андреева к наркотикам и было вменено в вину Преображенскому — что именно он своим методом лечения превращал Андреева в наркомана.

Можно было бы подобные примеры продолжить. Что касается смерти в 1948 году члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) Жданова, то врачи в ней неповинны. Одной из причин его кончины была сердечная недостаточность. Следователи, занимавшиеся фабрикацией обстоятельств смерти Жданова, очевидно с ведома руководства следственной части и Министерства госбезопасности (вряд ли они взяли на себя ответственность), подложили экспертам для исследования сердце не Жданова, а другого, неизвестного лица, пораженное ядами, приведшими к смерти его обладателя. Надо заметить, что Жданов скончался во время очередного отдыха на даче, расположенной на Валдае. После констатации его кончины вскрытие происходило в небольшой ванной комнате, при свечном освещении, поспешно. Почему именно так — разобраться в этом нам не хватило времени.

После смерти Сталина к руководству органами безопасности пришел Берия. С его приходом наша троица в разное время покинула Лубянку. Надо заметить, что лично я никого по “делу врачей” не допрашивал.

Все наши соображения и выводы о том, что “дело врачей” сфабриковано, мы докладывали министру Игнатьеву, а он, надо полагать, докладывал выше.

Для того, чтобы внести полную ясность в дело, надо было “обработать” вменяемую некоторым врачам в вину связь с сионистской шпионско-террористической организацией “Джойнт” с центром в Лондоне.

Мне представилась такая возможность. Я был включен в состав делегации студентов, выезжающей в Лондон по приглашению Национального союза студентов Англии. И там, на месте, при посредстве наших товарищей из посольства без особых трудностей удалось установить, что никакая это не террористическая, не шпионская организация, а организация благотворительная, хотя и с сионистским душком, это во-первых. Во-вторых, подтвердить наличие каких-либо вражеских и иных связей наших врачей с “Джойнтом” не представлялось возможным, ибо их в природе не существовало.

Таким образом и вторая часть формулы отпала, о чем было доложено министру. Мы верили Семену Денисовичу Игнатьеву, и потому нам не было необходимости докладывать наше мнение по делу врачей непосредственно Маленкову.

О характере наших отношений с подследственными, в частности из числа врачей, может свидетельствовать следующий эпизод. Захожу я как-то часа в два ночи в кабинет к Петру Колобанову. Смотрю, у него сидит подследственный Преображенский, пьет чай с сушками, а Петр говорит по телефону: “Вы не волнуйтесь. У вашего супруга здоровье в норме и настроение сейчас хорошее. Мы сидим с ним и пьем чай”. Я понял, что Петр разговаривает с супругой Преображенского.

Вышел от него и из своего кабинета по “вертушке” позвонил: “Ты допускаешь ошибку. Никто из нас не имеет права при всей нашей убежденности в невиновности врачей раньше времени объявлять об этом”. Конечно, как человек гуманный, Петр Колобанов поступал правильно, но как должностное лицо допускал ошибку, превышал свои полномочия. Во всяком случае, в душе я с ним был согласен. Мне тоже хотелось скорейшего освобождения врачей из-под стражи. Но пройдет еще много дней, прежде чем это произойдет, дней, которые приведут к серьезным изменениям в стране.

Нынче в печати появляются статьи о том, что “дело врачей” было своего рода подготовкой к якобы готовящейся по прямому указанию Сталина массовой депортации евреев. Более того,

обозначаются сроки начала судебного процесса над врачами — 5–7 марта 1953 года, а следом за ним должна начаться акция депортации евреев. Кроме того, кончина Сталина связывалась с тем, что его ближайшее окружение взбунтовалось, потребовав прекращения следствия по "делу врачей" и освобождения их из-под стражи. Надо отметить, что подобные писания основываются не на документальной базе, а на выстраивании домыслов, воспоминаний в желаемую логическую цепочку, естественно, с желаемыми конечными результатами.

Прежде всего указания ЦК партии — Сталина, Маленкова и других — о необходимости проведения тщательной ревизии следствия по "делу врачей" и составления на основе всестороннего анализа всех имеющихся в нем материалов объективных выводов мы — Зайчиков, Колобанов и я — получили в первой половине января 1953 года. К середине февраля наше мнение по "делу врачей" было однозначным — оно сфальсифицировано. Врачи невиновны. Их надлежит освободить из-под ареста, о чем докладывалось в совершенно определенном плане С. Д. Игнатьеву, секретарю ЦК ВКП(б), министру госбезопасности. Несомненно, о наших выводах он информировал Политбюро ЦК.

Никакого обвинительного заключения по следственному "делу врачей" в его многочисленных томах я не видел и о наличии его ничего не слышал. Если внимательно исследовать материалы "дела врачей", то в них не найдется ничего, что наводило бы на раздумья о готовящейся депортации евреев.

Полагаю, что публикация статей на подобные темы, которые не имеют под собой документальной основы, занятиея ненужное, а если учесть еще и нынешний накал страстей в межнациональных отношениях — вредное» (с. 254–261).

Достаточно интересны сообщения автора о деле Абакумова и об отношениях Сталина, которого он характеризует как «старого и немощного человека», с Берией, которого вождь явно опасался и которому не доверял. Характерно в этом смысле его мнение о возможном развитии событий:

«Нельзя исключить как предположение и то, что Сталин намеревался освободить из тюрьмы "убийц в белых халатах" (они, как я уже говорил, были абсолютно невиновны), возложить ответственность за фабрикацию "дела врачей" на Абакумова и его по-

> кровителя Берию, привлечь к уголовной ответственности и тем самым вновь укрепить свой авторитет в глазах нашего народа и мировой общественности.
>
> Но история сыграла свою игру. Распорядилась по-своему…».

Необходимое послесловие

«Распорядилась» история, как известно, своеобразно — 5 марта 1953 г. скончался Иосиф Сталин. Последовали изменения в высшем руководстве страны. Г. М. Маленков возглавил правительство, а изображаемый автором в черных красках Берия стал его первым заместителем и одновременно возглавил Министерство внутренних дел, включившее в свой состав Министерство государственной безопасности. Месяцев характеризует его действия на этом посту отрицательно, но все же вынужден признать:

> «Однако были действия и другого рода, объективно несомненно позитивные, рассчитанные на повышение его, Берии, авторитета. К числу их относится довольно широкая амнистия заключенных и, конечно, прекращение производства “дела врачей” и их освобождение из-под стражи». Далее автор продолжает: «4 апреля 1953 года в газетах было опубликовано “Сообщение МВД СССР. В нем говорилось, что МВД провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении видных деятелей советского государства. В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу были арестованы бывшим Министерством госбезопасности неправильно, без каких-либо законных оснований. Выдвинутые против них обвинения являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего МГБ путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами методов следствия».

Николай Николаевич Месяцев завершает этот текст накими словами: «**Наша троица могла гордиться свершенным — совесть и мужество были положены на алтарь гуманизма** (выделено мной. — *В. В.*)».

Разумеется, при всем уважении к свидетельсту ныне покойного Н. Н. Месяцева, опубликовавшему в почтенном возрасте — 85 лет — книгу воспоминаний, все же нельзя считать проблему исчерпанной. Автору могла изменить память, возможно также влияние предвзятостей и предубеждений. Однако несомненно, что этот важный документ, а также упомянутые им «многие тома следственного дела» должны быть вовлечены в научный оборот ученых исследователей.

Пока что можно отметить известные соответствия сообщений израильских дипломатов воспоминаниям Месяцева, в частности:

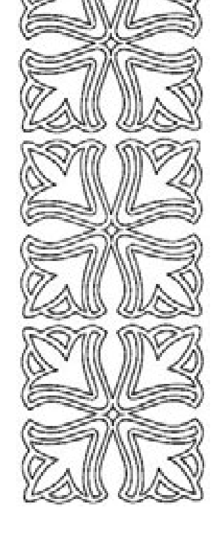
— Возникновение «дела врачей» было вызвано ходом борьбы в советском руководстве за наследие стареющего и немощного вождя.

— Это дело носит сугубо внутренний характер. Как было указано выше, израильский посланник Эльяшив сообщает: «внимательный анализ советской прессы показывает, что “дело врачей”, Джойнта и сионизма протекает в русле более широкой кампании за всестороннее повышение бдительности и наступательную пропаганду по всем направлениям … Хотя в последнее время раздавались в основном призывы крепить бдительность по отношению к украинским и литовским националистам, однако в этой связи заодно были упомянуты и “буржуазные еврейские националисты”».

— При освещении этого дела не было стремления придать ему международный проарабский характер, не было прямых обвинений государства Израиль во вмешательстве во внутренние дела СССР.

— Не было никаких сведений о возможной или подготавливаемой массовой депортации евреев.

— Замечание Эльяшива в письме руководству от 10 февраля 1953 г. — последнем до разрыва дипломатических отношений — о том, что «прошел месяц со дня ареста врачей, но ничего нового о ходе расследования пока не было сказано», можно логично объяснить работой комиссии Месяцева с 19 января.

ГЛАВА 7

РУССКАЯ ЭДА В СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Остается только добавить нечто, на первый взгляд, удивительное. Пришедшие к власти после смерти И. В. Сталина его бывшие приверженцы и проводники его внутренней и внешней политики решительно сворачивают антиеврейскую кампанию, реабилитируют врачей и немедленно восстанавливают отношения с Израилем.

Однако поразительно, что именно после XX съезда КПСС и затем устранения из руководства страной деятелей сталинской эпохи новое «антисталинское» руководство во главе с Н. С. Хрущевым делает решительный поворот в сторону антиизраильского, проарабского курса во внешней политике. Именно тогда и начинаются поставки врагам Израиля самого совершенного оружия в огромном количестве. Но это уже совсем другая история.

И в последующие долгие десятилетия продолжала проводиться политика неофициальной национальной и религиозной дискриминации еврейского населения СССР. Положение усугубилось в результате обострения Ближневосточного кризиса, принявшего после арабо-израильской войны 1967 г. затяжной характер. Проарабская советская пропаганда часто граничила с антисемитской, что вызвало, в свою очередь, оживление и активизацию национальных и религиозных чувств части евреев. В атмосфере холодной войны возникла проблема «отказников» (лиц, которым отказано в эмиграции в Израиль), превратившаяся со временем в международную. Однако именно тогда окончательно сформировался социально-психологический и профессиональный облик еврейского мира исторической России. Согласно представительным данным (1966), среди лиц, официально признающих себя евреями (около 1% населения), 15% были врачами, 8% — журналистами, 10% — судьями и адвокатами, 8% — актерами, музыкантами и артистами. На каждую тысячу

евреев было 22 научных работника. Для сравнения: у русских — 4, у украинцев — 2. С 1941 по 1981 г. десятая часть лауреатов Ленинской премии были евреями.[1] Более того, в 1979 г., согласно статистике, в среднем на каждые 100 советских граждан приходилось 7 членов КПСС, а на каждых 100 евреев — 14.[2]

Подавляющее большинство перешло с языка идиш на русский и практически полностью секуляризировалось. Массовый характер приняли смешанные браки (до 80 %).

Как полагает профессор-этнограф Н. В. Юхнева, «в настоящее время происходит процесс осознания существования новой субэтнической общности “русских евреев”»,[3] по нашим представлениям — «русской эды». Показательно, что результаты социологического исследования, проведенного в 1997–1998 гг. в городах России, подтверждают это положение. Респонденты-евреи «чаще всего определяли себя как “русские евреи” (41,3 %) или даже просто “россияне” (21,6 %), тогда как однозначно евреями назвали себя лишь 18,4 %». При этом просто «русским» себя не идентифицировал никто.[4] В общем, можно, пожалуй, с некоторым основанием говорить об исполнении намерений, высказанных еще императрицей Екатериной II и молодым Александром I, о максимальном сближении их подданных иудейского вероисповедания с «коренным населением».

О перспективах с осторожностью

Массовая эмиграция евреев в последний период существования СССР и после его распада вызывалась главным образом причинами, не имеющими отношения к восстановлению традиционной религиозно-общинной жизни. Достаточно указать, что большинство эмигрировавших по израильской визе стремились попасть в более благополучные США, а в последние годы — в Германию. В Израиль основная волна выехавших (около 700 тыс.) прибыла после введения ограничений на въезд в Америку. О количестве смешанных браков

[1] *Васильев А.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М., 1993. С. 313.

[2] Там же. С. 320.

[3] *Юхнева Н. В.* Русские евреи как субэтническая общность: проблема этнического выживания // Исторические судьбы евреев в России и СССР. М., 1992. С. 45.

[4] *Гительман И., Червяков В. В., Шапиро В. Д.* Национальное самосознание российских евреев // Диаспоры. М., 2000. № 3. С. 67.

свидетельствует тот факт, что евреи составляют только чуть больше половины (53,7 %) иммигрантов, приехавших в Израиль; остальные, в основном русские, как правило, являются членами их семей.[5] В 2000 г. доля неевреев среди иммигрантов, прибывших в Израиль, составила, по официальным данным, более двух третей.[6] Однако и в Израиле, считающимся еврейским национальным государством, судьба «русской алии» (израильская терминология) складывается весьма своеобразно. По данным социологического исследования, «привязанность русскоязычных к родной культуре и языку — характерная черта всех волн русской/советской эмиграции и образуемых ими диаспор. Русские евреи, большинство которых были неотъемлемой частью российской интеллигенции, лелеют и оберегают свою идентичность и культурное наследие, не видя никакого резона от них отказываться. Мало того, многие иммигранты ощущают себя носителями «высокой европейской культуры, якобы превосходящей местную "азиатскую" (т. е. более примитивную, основанную на иврите»).[7]

Сегодня в России (прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге), а также других странах СНГ идет процесс восстановления и развития организационных форм еврейской культурно-национальной автономии. В российской столице, где проживает примерно 200 тысяч лиц еврейского происхождения, размещается Раввинский суд, в компетенции которого находятся вопросы, относящиеся к соблюдению иудейских религиозных законов, синагоги, различные религиозные учебные заведения, еврейские школы и Еврейский университет. В Москве работает недавно созданный Российский еврейский конгресс, организация «ВААД России», стремящаяся объединить все еврейские организации, Конгресс еврейских религиозных общин и организаций России (КЕРООР) и другие объединения; предпринимаются весьма энергичные попытки создать единую общую организационную форму, способную представлять все еврейство России.

---

[5] *Тудоровский Я.* Кто останется в России ? // Аргументы и факты. М., 1997. № 40. С. 7.

[6] Израиль на рубеже нового года: цифры и факты // Народ мой. СПб., 2001. № 21 (266).

[7] *Ременник Д.* Между старой и новой родиной. Русская алия в Израиле // Диаспоры. 2000. № 3. С. 126.

В Санкт-Петербурге, в котором проживает около 100 тысяч человек еврейского происхождения, также имеется Хоральная синагога, Еврейский университет, работает несколько еврейских школ и ряд еврейских благотворительных и культурно-просветительских организаций. Синагоги и школы существуют во многих городах России. Нет никаких препятствий, кроме финансового характера, для связей с зарубежными, прежде всего израильскими и американскими, еврейскими собратьями. Активизировалась культурная жизнь малочисленных этнографических иудейских групп: горских, грузинских, среднеазиатских евреев, караимов.

Сегодня довольно трудно определить количество еврейского населения в России и СНГ, а тем более приверженцев иудаизма, хотя бы ввиду массовых межнациональных браков в течение нескольких поколений, а также господствующего в обществе нерелигиозного сознания. Кроме того, чисто российским явлением остается движение секты «субботников», называемых раньше «жидовствующими». Некоторые источники считают, что число их достаточно велико. Весьма приблизительно можно полагать, что среда, потенциально тяготеющая к иудейской традиции, насчитывает на территории бывшего СССР, т. е. ареала российской цивилизации, около трех миллионов человек. Будущее еврейской цивилизации, в широком смысле этого понятия, трудно прогнозируемо. Р. Рывкина, автор обстоятельного социологического исследования,[8] приводит весьма показательные данные по этому вопросу. Во-первых, оказалось, что население России весьма благосклонно относится к евреям. По долям ответов «с симпатией» они заняли второе место после американцев, занимающих неоспоримо первое место.[9] Более того, оказалось, что только 14 % россиян полагают, что евреи слишком влиятельны, в то время как так считают 21 % американцев, 20 % немцев, 19 % австралийцев и даже 16 % поляков, при том что в Польше евреев практически не осталось. Эти показатели особенно интересны, поскольку на фоне острого экономического кризиса весьма заметна активность бизнесменов еврейского происхождения. Среди 15 % участников опроса, высказавших антиеврейские настроения, исследователи полагают только 5–7 % убежденных антисемитов.[10]

---

[8] *Рывкина Р.* Евреи в постсоветской России — кто они? М., 1996.

[9] Там же. С. 127.

[10] Там же. С. 130.

Недавние исследования, даже при самом осторожном отношении к ним, в целом продолжают эту тенденцию. Комментируя современное положение, авторитетный ученый генеральный секретарь Евроазиатского конгресса профессор М. А. Членов отметил, что уровень антиеврейских настроений в России один из самых низких в Европе. Далее во время обсуждения этой темы в Независимом пресс-центре он подчеркнул: «2010 год был отмечен тенденцией спада антисемитских настроений в России. По данным опроса ВЦИОМ (Всероссийского центра исследования общественного мнения), лишь три процента россиян считает себя антисемитами». Характерно, что такая тенденция имеет место на фоне общего обострения межнациональных отношений в стране. Но за преступления на почве антисемитизма было осуждено 48 человек, что составляет всего восемь процентов от общего числа осужденных за преступления на почве ксенофобии.

Для сравнения Членов на этом обсуждении отметил положение в Западной Европе, где, «наоборот, идет всплеск антисемитских настроений», и далее: «В Западной Европе носителями антисемитских настроений являются исламистские круги, а также разнообразные левые (! — *В. В.*) общественные движения. Именно левые группы рассматривают Израиль как носителя правоконсервативных тенденций». Вместе с тем на обсуждении прозвучали и более осторожные высказывания. В частности, заместитель председателя Московского антифашистского центра Виктор Дашевский, не отрицая современной оценки антисемитских настроений в России, все же замечает: «Ситуация с антисемитизмом в России напоминает тлеющий торфяник. Уровень антиеврейских настроений напрямую зависит от политической стабильности в стране. А она более хрупкая, чем 3–4 года тому назад».[11]

Правда, чтобы представить, что политическая стабильность в России может быть хуже, чем во время развала СССР в 1990-е годы, требуется весьма богатое воображение.

Поэтому особый интерес представляет собой книга Р. Рывкиной «Как живут евреи в России» (М., 2005). В книге показан социологический анализ мнений о переменах их жизни за 10 лет (1995–2004).

[11] *Джанелидзе З.* Три процента россиян открыто объявляет себя антисемитами. // «Народ мой» Санкт-петербург. № 17(501) 15 сентября 2011.

Не вдаваясь в подробности этой насыщенной самыми разными цифрами работы, отметим только наиболее показательные.

На вопрос «Живя в России, чувствуете Вы или нет, что живете в своей стране?» в 2005 г. ответили: «Да, чувствую» 85%, (в 1995 г. — 76 %) (с. 417).

Мотивация отказа евреев от выезда из России за 10 лет изменилась. Главное изменение — б***о***льшая значимость социальной среды, которая окружает респондента в России: друзья, родственники, культура (там же).

Прогнозные оценки в отношении будущего евреев в России к 2004 г. стали «прорусскими». Выезда всех евреев из России не прогнозирует никто. Большинство опрошенных считают, что «все, кто еще не уехал, останутся» (с. 422).

В исследовании «Евреи в постсоветской России — кто они» (1996) Рывкина склонялась к выводу о полном исчезновении еврейского мира России в исторически обозримые сроки. В цитируемой выше книге 2005 года социолог уже полагает это возможным в случае пессимистического прогноза при неблагоприятном политическом развитии ситуации в стране, чего она явно не исключает.[12]

Аналогичное мнение высказывает также известный исследователь русско-еврейской литературы и критик Ш. Маркиш. Однако все-таки в итоге своих рассуждений, он приходит к следующей, на наш взгляд справедливой, мысли:

«…преемственность не обрывалась. В этом залог и суть единства еврейской истории. Но также — источник надежды для современного еврея, определяющего себя не через принадлежность к общине верующих, "хранителей заповедей", а через сопричастность к еврейской цивилизации.

За всем тем гадать о будущем — пустое дело; оно, будущее, способно предложить такие сюрпризы, какие не снились ни оптимистам, ни пессимистам».[13]

В этом аспекте весьма интересны мнения наиболее видных русских религиозных философов. Вообще говоря, еврейской тематике русская общественная мысль и публицистика стала уделять большое внимание с эпохи Великих реформ Александра II. Тогда же наметились три главных направления: общедемократическое и социали-

[12] *Рывкина Р. В.* Как живут евреи в России. М., 2005. С. 404.
[13] *Маркиш Ш.* Бабель и другие. Киев, 1996. С. 193.

стическое, антисемитское и религиозно-философское. Сторонники первого полагали, что с преобразованием России решится и пресловутый еврейский вопрос. Частично ожившая в постсоветское время российская антисемитская публицистика, от весьма утонченной до откровенно погромной, в принципе мало оригинальна в идейном отношении, а чаще всего повторяет идеологию европейского и особенно германского антисемитизма. Поэтому наибольший интерес представляют идеи русской религиозной философии.

Ввиду обширности предмета ограничимся указанием только некоторых характерных идей. В наиболее полном виде они выражены в трудах В. С. Соловьева (1853–1900). Он полагал, что еврейский вопрос — это прежде всего вопрос религиозный. Единство христианства и иудаизма является его глубоким убеждением: «мы потому отделены от иудеев, что мы еще не вполне христиане, и они отделяются от нас, что они не вполне иудеи. Ибо полнота христианства обнимает собой и иудейство, и полнота иудейства есть христианство».[14] Христианство вышло из иудаизма, а Христос по Матери был иудеем. Евреями были пророки и апостолы. Только у евреев религия принимает форму союза или завета между Богом и человеком как между существами, «хотя и неравносильными, но нравственно однородными». Это объясняет, почему еврейство — избранный народ Божий и почему Христос родился в Иудее. Соловьев, будучи основательно знаком с Талмудом, решительно отвергает все клеветнические обвинения в адрес иудаизма и, наоборот, превозносит моральные принципы еврейских вероучителей. Он утверждал, что еврейство прошло через всю историю человечества и в этом смысле составляет центральную ось всей мировой истории, нередко отражая глубинную сущность как отрицательной, так и положительной природы человеческого. Признавая некоторую склонность евреев к «материализму», он все же категорически выступал против стремления антисемитов выхватывать и обобщать отдельные черты и факты. В своем «Протесте против антисемитического движения в печати» Соловьев утверждал, что «несправедливо возлагать ответственность на еврейство за те явления в его жизни, которые вызваны тысячелетними преследованиями евреев в Европе и теми ненормальными условия-

[14] *Соловьев В. С.* Еврейство и христианский вопрос // Тайна Израиля. СПб., 1993. С. 34.

ми, в которые этот народ был поставлен».[15] 5 мая 1891 г. он писал, обращаясь к еврейскому писателю Ф. Б. Гецу: «Я вполне понимаю и разделяю Вашу жалость к частным страданиям Ваших единоверцев в настоящем, но я уверен, любезный друг, что к этому чувству Вы не присоединяете никакого опасения за судьбы Вашего народа. Вы знаете, кто против него и кто за него; Вы знаете также его историю. И неужели возможно хоть на мгновение вообразить, что после всей этой славы и чудес, после стольких подвигов духа и пережитых страданий, после всей этой удивительной сорокавековой жизни Израиля ему следует бояться каких-то антисемитов! Если бы эта злобная и нечистая агитация возбуждала во мне какой-нибудь страх, то, конечно, не за евреев, а за Россию».[16]

В последующие годы идеи Соловьева нашли развитие в трудах Д. Мережковского, Вяч. Иванова, Н. Бердяева, С. Булгакова, Л. Карсавина, В. Зеньковского, Г. Федотова (см. вышеуказанный сборник «Тайна Израиля»). Естественно, что особое негодование у них вызвал расовый антисемитизм германских нацистов. Представление же о будущей судьбе еврейского мира в России можно прочесть в следующих строках Л. Карсавина: «мы полагаем, что русскому еврейству должна быть обеспечена полная свобода религиозно-культурного, скажу даже политического самоопределения, самосохранения и саморазвития среди других народов Евразии, и притом обеспечена самым ясным и точным образом. И это уже его дело, хочет ли он сохранять или видоизменять формы своего культурного бытия, которые, как мне кажется, благодаря ненормальным условиям развития нуждаются во многих изменениях. Еврейский народ должен стать равноправным членом евразийской федерации. Это отнюдь не требует создания для него особой территории»… И далее: «еврейский народ — единое и органическое целое. Но всякое органическое целое не однородно, а расчленено на соборно объединяющиеся частные целые. Так членится и еврейский народ, однако — и в этом его своеобразие и его смысл в истории человечества — сообразно внутреннему сродству между частными его организмами и соответствующими культурами. Есть еврейство, природно родственное миру романской культуры, и есть еврейство, так же родственное миру культуры германской или миру культуры евразийско-рус-

[15] *Соловьев В. С.* Протест против антисемитического движения в печати // Тайна Израиля. С. 94.

[16] *Соловьев В. С.* Письмо В. С. Соловьева к автору // Тайна Израиля. С. 103.

ской. Таким образом и получается, что русское еврейство, будучи индивидуализациею еврейства, является также индивидуализациею культуры евразийской». Это «позволяет подчеркнуть связь русских евреев со всем еврейским народом, т. е. охранить от всяких теоретических и практических посягательств само существо еврейской религиозной идеи».[17]

История в событиях и лицах

1. ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРСКИЙ ТЕЛЬ-АВИВ

Вообще говоря, о евреях, плохо или хорошо, много говорят и пишут уже более двух тысяч лет после Рождества Христова. Существует даже анекдот, который я часто привожу на вводных лекциях:

> Встречаются как-то еврей и китаец. Китаец спрашивает: «Скажи мне, сколько вас в мире?». Еврей отвечает: «Нас около 14 миллионов. А сколько вас?» Китаец гордо: «Миллиарда полтора-два!» Еврей задумывается и произносит: «Интересно. Но говорят почему-то все о нас да о нас».

Но самое интересное то, что такой забавный разговор мог бы произойти, скорее всего, на Дальнем Востоке, где великая река Амур (по-китайски Хэйлунцзян) разделяет и одновременно соединяет одноименную провинцию Китая и конституционный субъект Российской Федерации — Еврейскую автономную область со столицей в Биробиджане. Стоит только удивляться тому, как мало жителей европейской части России представляеют себе сегодня Биробиджан, хотя уже сотни тысяч наших сограждан регулярно посещают Тель-Авив — признанную столицу еврейского государства на Ближнем Востоке.

Стыдно признаться, что даже мне — профессиональному историку и автору ряда книг по истории евреев на территории России и смежных регионов — Биробиджан до сих пор был известен только в связи с кинофильмом «Искатели счастья» (1935) о становлении Еврейской автономной области, в котором играл великий актер Вениамин Зускин. С детства запомнилось, как его бедный герой, едущий

[17] *Карсавин Л. П.* Россия и евреи // Тайна Израиля. С. 427–429.

в Биробиджан из-за границы, комически спрашивал капитана корабля: «Скажите, капитан, сколько стоит этот пароход? Примерно, конечно».

Въезд в Биробиджан. Фото О. Черномаза

Впервые жителей Биробиджана мне довелось увидеть в начале перестройки, в конце 1980-х годов. В ходе либерализации всех сторон общественной жизни, в нашем городе — тогда Ленинграде — стали активно возникать (точнее, возрождаться) различные национально-культурные общества, в том числе и еврейские. Поскольку тогда авиабилеты были по цене вполне доступны, то в качестве гостей в Ленинград приехала группа активистов из столицы удивительной тогда Еврейской автономной области. Рассказы их были полны надежды на лучшее будущее, как и у подавляющего большинства населения СССР на заре перестройки.

В то время я преподавал в незадолго до того открытой еврейской школе предмет, который в дореволюционное время именовался «Священная и еврейская история», и в 1993 г. мне предложили поехать с группой коллег для повышения квалификации в Израиль. В эту делегацию были включены учителя из различных городов Рос-

сии, в том числе из Биробиджана. Из той поездки мне запомнился забавный случай.

В аэропорту русскоязычный израильский служащий спрашивал у каждого из нашей группы, из какого города они едут в Израиль. Когда подошла очередь коллег из Еврейской автономной области, одна учительница ответила: «Биробиджан». Спрашивающий не понял и стал переспрашивать. Тут я не удержался и сказал: «Это же столица второго еврейского государства!» Чиновник с изумлением посмотрел на меня, и в растерянности задал странный вопрос: «А какое же первое?» На что последовал мой ответ: «Да ваш Израиль!».

Любопытно, что через много лет, уже во время визита в Россию премьер-министра Израиля Ариэля Шарона, президент России Владимир Путин в конце переговоров неожиданно озадачил гостя любезным приглашением: «А у нас также есть еврейская страна, Биробиджан. Можете съездить, сами посмотреть!» Эту сцену показывали по телевизору, но ответа явно удивленного Шарона я не услышал…

Надо сказать, что и в Биробиджане мне с гордостью говорили, что как национальное государственное образование Еврейская автономная область постановлением ЦИК СССР была учреждена 7 мая 1934 г., а современное Государство Израиль возникло только в 1948 г. Получается, в 1993-м я должен был ответить израильскому чиновнику, что Биробиджан — это первое еврейское государство, а его Израиль — уж только второе…

Прошло много времени, и в ходе работы в Петербургском институте иудаики и преподавания в Русской христианской гуманитарной академии мной было написано и опубликовано несколько книг по истории еврейской цивилизации в России. И тут мне стало странно, что в Израиле мне удалось побывать с научными целями уже три раза, а познакомиться с реальным опытом возникновения и существования в течение более семидесяти лет конституционного субъекта Российской Федерации Еврейской автономной области я не удосужился до настоящего времени! Важным стимулом для этой поездки послужило случайное знакомство с доктором педагогическим наук, профессором Виктором Николаевичем Никитенко из Биробиджана. В ходе дружеской беседы он много рассказывал о Еврейской автономной области, в частности, высказал заинтересовавшую меня мысль, что область оказалась важным центром еврейской культурно-национальной автономии. Удивительно, что позднее до меня дошло и подобное мнение одной русской женщи-

ны, долго прожившей в Биробиджане. По ее словам, хотя евреев там явное меньшинство, но все исполнено «еврейским духом»…

Воспользовавшись визитной карточкой Виктора Николаевича, я связался с ним по телефону, и он помог мне связаться с руководителем еврейской общины Биробиджана Рахмилем (или, как его чаще называют знакомые, Романом) Исааковичем Ледером. Роман Исаакович сразу же дружески поддержал мое желание посетить Биробиджан, и даже обещал забронировать место в гостинице. Надо сказать, что мне, как обладателю звания «Житель блокадного Ленинграда» предоставлено в течение мая право бесплатного авиаперелета по Российской Федерации. Этим правом я и решил воспользовался в мае 2011 года для путешествия в Биробиджан! Тем самым стало возможно преодолеть главное препятствие путешественников по родной стране «от края и до края» — стоимость авиабилетов. Она составляла не менее 22 тысяч рублей от Петербурга до Хабаровска и обратно. От Хабаровска до Биробиджана расстояние около 200 километров, по сибирским масштабам — рукой подать.

Еще при посадке в самолет я вспоминал изумление моих друзей и коллег по поводу решения поехать в такую даль, где «нет ничего серьезного». Мол, название «Еврейская» может рассматриваться как своего рода вариант одесского анекдота. По господствующему мнению, Биробиджан — обычная «потемкинская деревня», сохраняемая властью как показуха. К этому добавлялись сообщения по телевидению о лесных пожарах в области и опасения радиоактивных осадков, приносимых ветрами из Японии, где произошла катастрофа на атомной электростанции. Однако все сомнения остались позади, когда самолет набрал высоту.

О самом полете сообщать нечего — все прошло благополучно. Отмечу только, что пролетев 9 часов со скоростью около 1000 км/час от Петербурга до Хабаровска, наглядно сознаешь справедливость когда-то вычитанного утверждения, что Россия — это не страна в обычном смысле этого слова, а отдельная часть света, или материк. Невольно удивляешься, что там, на краю этого материка, люди говорят на том же правильном русском языке, хотя иногда, правда, чувствуется характерный приятный сибирский говорок.

Хабаровск встретил сырой и дождливой погодой; это, конечно, сразу настроило на мрачный лад, поскольку предстояло еще добираться до автовокзала и оттуда по федеральной автотрассе «Амур» до Биробиджана. К счастью, все оказалось легко преодолимо, и на

маршрутке примерно через три часа я отправился к цели своего путешествия — столице Еврейской автономной области городу Биробиджану.

Пейзаж по мере движения от Хабаровска (надо отметить, по хорошей дороге) не предвещал ничего интересного. По обеим сторонам дороги тянулись низменные болотистые места, окаймленные в основном березовым редколесьем. Не было ничего похожего на ожидаемую «тайгу», а тем более заметные населенные пункты. Картину усугублял противный холодный дождь. Приходилось утешаться мыслью, что отрицательный результат — тоже результат.

Биробиджан возник среди этой неприглядной картины неожиданно, как бы «из тьмы лесов, из топи блат», как написал Пушкин о Петербурге. Он сразу же показался мне цивилизованным, европейско-прибалтийского типа, городом. Еще больше меня обрадовала хорошая гостиница «Восток», где меня уже ждал забронированный комфортабельный номер. На следующий день и погода улучшилась, стало теплее и светлее, так что все складывалось самым благоприятным образом.

Хочу сразу же уточнить, что моей целью было увидеть и рассказать только то, что **я** увидел и узнал о Биробиджане лично. В связи с этим к историческим, краеведческим источникам я постараюсь обращаться в минимальной степени, хотя, конечно, признаю их ценность и даже необходимость.

Ограничусь только кратким указанием, что Советское правительство в ходе реализации «ленинско-сталинской национальной политики» старалось предоставить каждой национальной общности возможность создать свой «национальный очаг» для сохранения и развития национальной культуры.

Как было показано ранее, евреи в Российской империи подвергались религиозно-правовой дискриминации, и для получения права расселяться по территории страны зачастую им было необходимо отказаться от своей религии и обратиться в одну из христианских конфессий (православие, католичество, протестантизм). Один из дореволюционных еврейских публицистов как-то иронично написал: «Евреи хотели бы жить и в Сибири, но для того, чтобы туда поехать за казенный счет, они должны были совершить что-то противозаконное». Все эти условия способствовали необычайной скученности и бедности в «местах компактного проживания» основной массы еврейского населения. Несправедливость этой политики усу-

гублялась тем, что небольшая часть наиболее богатых и образованных евреев была освобождена от этих ограничений.

В исправление этого положения Советская власть предприняла активные и во многом успешные проекты организации еврейских земледельческих коллективных хозяйств в Белоруссии, на Украине, в северном степном Крыму. Однако это было признано полумерами и последовало решение создать на пустующей территории Еврейский национальный район в составе единой Российской Федерации.

Большую роль в выборе подходящего места сыграл Председатель ВЦИК (Всесоюзный центральный исполнительный комитет — высший орган советской власти), «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин. По его инициативе был создан решением Политбюро от17 июля 1924 г. «Государственный комитет по земельному устройству еврейских трудящихся при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР (КомЗЕТ)». Организованная КомЗЕТом в 1927–1928 гг. экспедиция по исследованию южного Приамурья в районе рек Биры и Биджана под руководством профессора Бориса Брука признала территорию пригодной и перспективной для всестороннего освоения. С одной стороны, это был непривычный для переселенцев с запада и юга страны муссонный климат, с другой, как писал другой ученый, участник экспедиции Брука В. Р. Вильямс, район между Бирой и Биджаном «является наиболее благоприятным для осуществления планомерного переселения. Плодородные почвы, еще не исчерпанные лесные богатства, климат, допускающий беспрепятственное возделывание подтропических культур — риса и масличного боба…».[18]

В результате переселенческой деятельности в этой приамурской полосе Дальневосточного края в 1928 г. возникает Биро-Биджанский национальный район. Дело по заселению края пошло, и уже 7 мая 1934 г. Президиум ЦИК принимает решение о преобразовании района в автономную Еврейскую национальную область, а в 18 декабря 1934 г. 1 съезд Советов Еврейской автономной области оформил создание Еврейской автономной области как самостоятельной административной единицы. Интересно, что первым председателем Облисполкома ЕАО был избран также ученый — профессор Иосиф Израилевич Либерберг, глава Института еврейской пролетарской

[18] *Вильямс В. Р.* Отчет экспедиции КОМЗЕТа 1927 г. по обследованию Бирско-Биджанского района ДВК (Биробиджан). М.: Изд-во «КОМЗЕТа с 1926 года. С. 27.

культуры в Киеве, общественный деятель и энтузиаст создания автономной области.

Тут надо отметить удивительный факт. Во всем мире евреев рассматривали, прежде всего, как религиозную общину. Только в конце XIX в., по примеру европейских национальных движений, возникает в кругах еврейской интеллигенции сионистская идея, заявляющая, что евреи — это такой же народ, как и другие, и потому нуждается в собственной государственности. Однако, согласно религиозной иудейской концепции, восстановление еврейского государства связано с приходом в конце времен Мессии (Машиаха) — Помазанника Божия, царя Израиля, Спасителя евреев и всего мира. Поэтому сионистское движение первоначально встретило возражения как в среде атеистов, так и со стороны ортодоксальных иудейских религиозных кругов. Парадоксально, что именно в СССР «сионистская» идея еврейской национальной государственности получила реальное признание — но в особых, советских формах…

Подробно процессы, связанные с проблемами преобразования быта еврейского населения СССР в период с 1917 по начало 1930-х годов, показаны в книге А. Г. Долгатова.[19]

Прежде всего надо напомнить, что руководство решением сложных вопросов преобразования социального быта еврейского населения страны решительно взяли на себя еврейские отделы («евсекции») Коммунистической партии. Действовали они решительно и бескомпромисно, вполне в духе революционного времени. Уже в октябре 1918 г. Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) принял постановление «О школе национальных меньшинств», декларировав тем самым право всех национальностей обучаться на своем родном языке как в средней школе, так и в ВУЗе. Возник вопрос о том, какой язык можно считать материнским для еврейского населения СССР, основная масса которого тогда проживала в городках и местечках бывшей «черты оседлости». Надо сказать, что сионисты и клерикалы были готовы в случае необходимости обучать детей на русском, но встречали «в штыки» любую попытку перевода процесса на разговорный еврейский (идиш). Напротив, активисты евсекции, утверждая, что преподавание на иврите используется сионистами для усиления национально-клерикального влияния на под-

[19] *Долгатов А. Г.* Правительственная политика по отношению к этноконфессионым меньшинствам. «Еврейский вопрос» в жизни советского общества (окт. 1917 — начало 1930-х годов). СПб., 2002.

растающее поколение, добились своего. Наркопрос принял твердое решение, что иврит не может быть отнесен к к языку национальных меньшинств страны, не является, в отличие от идиша, «материнским» еврейским языком. Поэтому языком обучения национальных еврейских школ мог быть только идиш.[20]

Одновременно в середине 1920-х годов резко обострились социальные проблемы. «Местечко» постепенно утрачивало существовавшие до революции посреднические функции между городом и деревней, что приводило к массовой безработице среди его жителей, особенно сильной (до 90 %) среди молодежи. Долгатов отмечает, что «практически 25 % местечкового населения вынуждены существовать за счет посылок из Америки от родственников, всяческих благотворительных фондов».[21]

Для решения возникших проблем на рубеже 1920-х — 1930-х годов партийно-государственные органы в условиях массовой индустриализации предприняли ряд эффективных мер по борьбе с еврейской безработицей. Были выделены дополнительные средства для обучения новым специальностям и повышения квалификации еврейских трудящихся. Наряду с этим принимались меры для устройства трудящихся евреев на земле. В этом контексте Биробиджанский проект был самым важным, поскольку преполагалось, что он одновременно станет центром развития культуры на языке идиш.

Возвращаюсь к своим личным наблюдениям. Бира и Биджан — притоки Амура, на ряде тунгусо-маньчжурских языков и диалектов (например, по-нанайски) Бира — «большая вода», Биджан — «стойбище людей в далеком месте». (Хотя есть и другая, непопулярная версия: от «би дзян» — «норовистый поток, ручей» по-китайски). Но удивительны такие совпадения — название реки, на которой стоит столица Еврейской автономии город Биробиджан, Бира, означает на языке Библии — иврите — «столица»! И в поселке Бира (кстати, построенном еще до революции) располагался один первых еврейских переселенческих пунктов! А туземное название Биракан, близ замечательных месторождений белого и розового мрамора, на иврите означает «столица здесь»! По еще одному удивительному совпадению, бираканским («столичным») мрамором отделана одна из станций Московского метрополитена — «Белорусская»!

20 Там же. С. 75.
21 Там же. С. 109.

Теперь о самом городе, каким я его увидел. Трудно представить, что этот благоустроенный город представляет собой столицу области с населением всего лишь 170 тыс. жителей. Наоборот, по его хорошо распланированным улицам с красивыми домами может показаться, что находишься в центре небольшого европейского государства. Несколько лет тому назад мне пришлось поездить по малым и средним городам Германии, восстановленным после тотальных бомбардировок Второй мировой войны. Если не считать отсутствия обязательных красивых, но однотипных зданий — собора, ратуши и торговой площади, — по всему остальному Биробиджан им не уступает. А ведь 70 лет тому назад на этом месте существовала только одна станция (скорее даже полустанок) на транссибирском железнодорожном пути — Тихонькая. (Кстати, это имя, считают биробиджанцы, обессмертил популярный кинофильм 30-х годов «Девушка с характером». Его главная героиня, которую играет красавица-актриса Валентина Серова, отправляется в Москву агитировать молодежь за переезд на Дальний Восток именно со станции Тихонькой!) О том, как выглядели первые переселенцы, может дать представление бронзовый памятник у железнодорожного вокзала, изображающий семейную пару на телеге с нехитрым домашним скарбом и рабочим инструментом. Телегу тянет сильный конь (такой здесь и нужен — всем предстоит много работы). А что добра с собой у людей немного — не беда, ведь «Биробиджан — страна больших возможностей». Да-да, без всякой иронии! Был такой реальный лозунг о Биробиджане в 30-х годах, а не об «Америке — стране неограниченных возможностей»!

Сразу следует отметить, что певец и бытописатель жизни евреев России в XIX в. Шолом-Алейхем стал своего рода культовой фигурой этого города. Шолом-Алейхем писал об обитателях бедных еврейских местечек, которые мечтали жить «как люди». Сегодня, выйдя из гостиницы «Восток», расположенной в самом начале главной улицы города им. Шолом-Алейхема, вы прежде всего видите прекрасный бронзовый памятник Шолом-Алейхему, изготовленный по проекту замечательного местного художника Владислава Абрамовича Цапа. Это совершенно справедливо, несмотря на то, что еврейский классик никогда не бывал в здешних местах. Зато здесь, пожалуй, осуществилась его мечта: евреи живут «как люди», равные с соседями и на своей земле…

Памятник Шолом-Алейхему

Биробиджанский Арбат. Фото автора

Железнодорожный вокзал. Фото О. Черномаза

Не вдаваясь в трудные судьбы языка идиш, следует все же вспомнить, что здесь — в Еврейской автономной области — его не отвергали с презрением как недостойный сохранения «жаргон». Кроме того, стоит указать, что сам великий писатель в ходе своей творческой жизни небезуспешно пробовал писать на русском языке, и его произведения адекватней всего передаются как раз на русском. О многом свидетельствуют и специфические местные, так называемые «одесские», говор и юмор, еврейские шутки на идише и даже отдельные словечки на этом языке.

> Например: сходят на станции Тихонькая семья бедных евреев-переселенцев. Видят — навстречу им идет казак. Сарра, вспомнив прежние погромы, пугается, прячась за мужа: «Ай, это же к*о*зак!» Мойша, вежливо, не теряя достоинства, приветствует его: «Шолом, хавер (товарищ) Козак!» Казак по-русски: «Не понимаю». Мойша возмущенно: «Ха! Поглядите! Сапоги надел, и уже не помнит идиш!»

Это напоминает творчество одессита Исаака Бабеля, но весьма своеобразное. Но продолжим наше мысленное путешествие по Биробиджану.

В центре города широкая прогулочная, пешеходная зона, шутливо называемая местными жителями «Арбат». На нем вы видите прекрасно оборудованные фонтаны, цветники, беседки и современные торговые центры. Признаюсь, я плохо запомнил географию Биробиджана, поскольку ходил с провожатыми, но все же в памяти отложились здания особой, лаконичной архитектуры, в которых заметно влияние знаменитой в 1920-х — 1930-х годах швейцарско-немецкой архитектурной школы «Баухауз». Кстати, один из ее директоров, архитектор Ханнес Майер (Мейер) после закрытия школы нацистами (в ней было «непропорционально много» евреев) приехал с группой соратников на работу в Советский Союз, где у него состоялись две длительные командировки в Биробиджан. Ханнес Майер составил в начале 30-х годов первый генеральный план столицы Еврейской автономии! Это было его пощечиной нацизму!

Характерной особенностью Биробиджана является тактичное и ненавязчивое использование в оформлении еврейской — точнее, иудейской — символики, прежде всего семисвечника (по-еврейски «менора»), в частности при оформлении уличных светильников. Особенно красива менора, вписанная в оформление фонтана у железно-

дорожного вокзала. Элегантность и архитектурная своеобразность здания биробиджанского вокзала являются законной гордостью горожан. На его фронтоне приезжающий видит название города на русском и еврейском языках. Кстати сказать, здесь на всех государственных и муниципальных учреждениях надписи приводятся на русском и еврейском. В других местах надписи на русском. Несколько забавно, что над входом на центральный городской рынок красуется большая вывеска на идише: «Шолом». Здесь это особенно уместно, поскольку это многозначное слово означает буквально «мир», но одновременно и приветствие при встрече и прощании, пожелание всего хорошего и счастливого. Продолжая свой путь, видишь великолепное здание областной филармонии, отделанное местным белым мрамором. Архитектура здания довольно необычна, кому-то она напоминает корабль, кому-то — раскрытую книгу. Здание строилось во второй половине 80-х годов по индивидуальному проекту, представленному на всесоюзный конкурс архитекторов, и после постройки было признано лучшим в СССР! И по сей день это очень примечательное сооружение. Биробиджанские журналисты рассказывают: первому секретарю обкома ЕАО Шапиро за его постройку объявили 12 выговоров и 13 благодарностей! Это уже легенда!

Обращают на себя внимание интересные здания мэрии Биробиджана (также в стиле «Биробиджанский Баухауз»), кинотеатра «Родина», правительства области, местного издательства, телерадиокомпании, корпусов нескольких новых школ. По дороге от железнодорожного вокзала — величественный мемориал жителям Биробиджана и области, погибшим в Великой Отечественной войне. На пилонах из черного гранита известные имена погибших, на отдельных стелах — имена пропавших без вести. На том, чтобы сохранить память о последних, настояли их родственники.

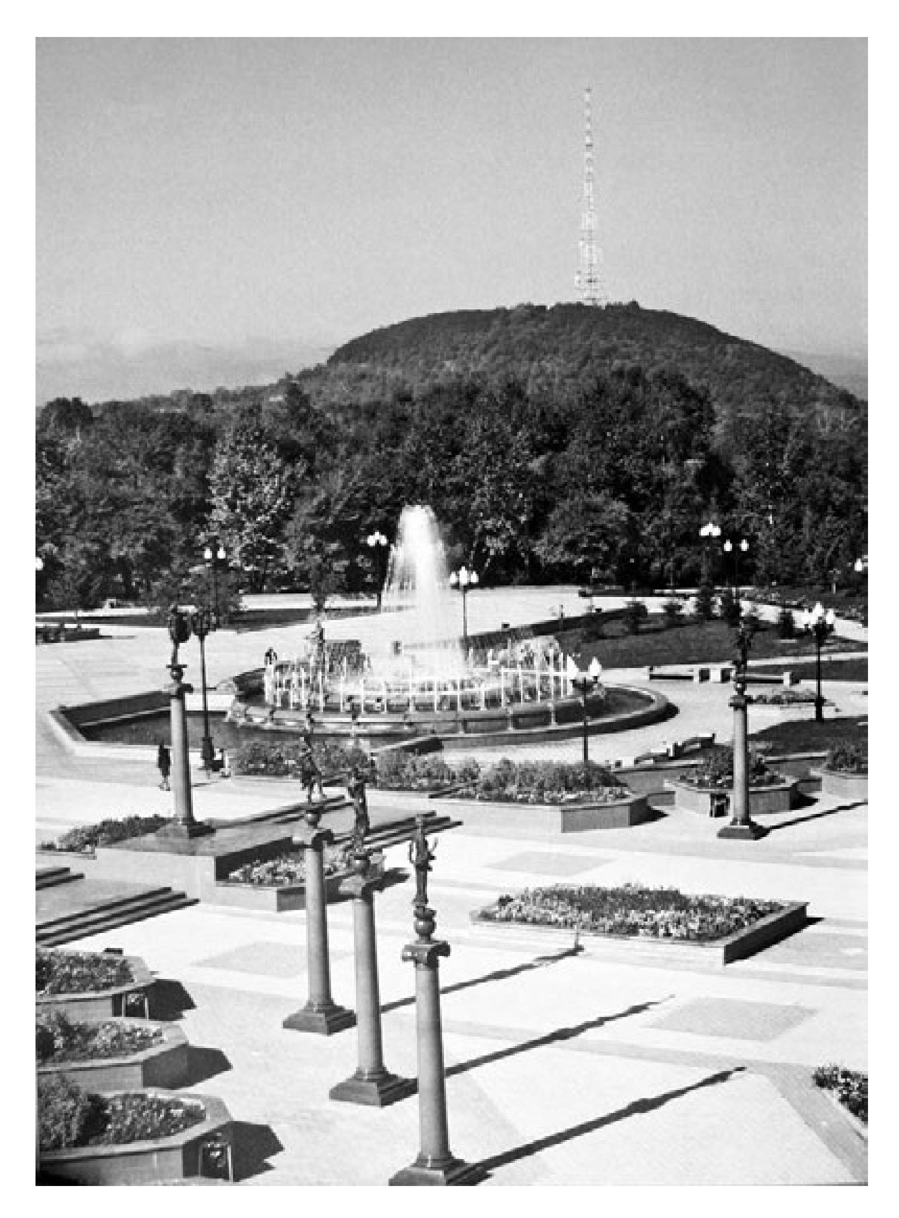
На главной площади города, как повсюду в России, стоит памятник Ленину, работы знаменитого скульптора Льва Кербеля. Он в числе двух культурных объектов в области, имеющих федеральное значение вместе с мемориалом «Волочаевская сопка». Да-да, и «Волочевские дни» из знаменитой партизанской песни времен Гражданской войны — это тоже из истории Еврейской автономной области, только в Смидовичском районе ЕАО, ближе к Хабаровску.

Тут надо заметить, что **следов** борьбы с памятниками и многочисленных переименований улиц здесь — впрочем, как и вообще в Сибири — не заметно. Весьма показательно, что на улице Лени-

на расположены комплекс зданий еврейской религиозной общины и синагоги Биробиджана, а недалеко от него блестят золотые купола с крестами главного православного собора города. Но особо сильное впечатление оставляет прекрасная прогулочная набережная главной реки — Биры, за которой видна живописная горка, густо поросшая лесом, по-сибирски именуемая «сопкой», с установленной на ее вершине телевизионной вышкой. Кстати, сопка с телевышкой — тоже один из символов Биробиджана, часто воспроизводимый как на детских рисунках, так и на сувенирах и запечатленный в гербе областной столицы…

Разумеется, можно было бы продолжить рассказ о мостах через реку Биру, улицах, образовательных и культурных учреждениях, научных центрах. Но напомню, что я пишу только о том, что смог лично увидеть и услышать за краткий период пребывания в этом городе. Отмечу только самое общее поразительное впечатление о Биробиджане. Меня там не покидало чувство, что я нахожусь не в небольшом по российским масштабам городе, скорее, районного значения, что Биробиджан как будто специально построен как столичный центр нормального европейского государства. В нем есть все, что нужно для этого: от внешних символов «столичности» до многопрофильного университета и даже Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской Академии наук. С его очень важной и ответственной работой меня познакомил профессор Виктор Николаевич Никитенко, визитная карточка которого оказалась путеводной нитью, приведшей меня в Биробиджан. В институте он возглавляет близкую мне по тематике лабораторию социально-региональных проблем.

В связи с этим следует особо остановиться на людях, живущих сегодня в этом городе, где первое административное кирпичное здание было построено в 1937 г. для облисполкома и обкома КПСС (сегодня там размещается мэрия Биробиджана). На мой взгляд, население Биробиджана представляет собой уникальный опыт удачной реализации национальной политики, как она была задумана на заре советской власти. Обычно сегодня национальные образования современной Российской Федерации похожи на смесь из крайне плохо смешивающихся жидкостей, таких как вода и керосин. Поэтому не случайно сегодня принято употреблять для межнациональных отношений иностранное слово «толерантность», одно из значений которого «терпимость», т. е. умение сдерживать себя: «пусть не нравится, но надо терпеть».

Вид на сопку и прогулочную набережную реки Бира

Центральная синагога Бейт-Менахем. Фото О. Черномаза

Здание еврейской религиозной общины «Фрейд».
Фото О. Черномаза

В этом смысле характерно житейское замечание из моего личного опыта. Как правило, произнесенная в обществе национальность представителя национального меньшинства, в частности, «еврей», всегда невольно вызывает какую-то знаковую, пусть скрытую и доброжелательную, душевную реакцию у присутствующих. Это совершенно отсутствует в Биробиджане. Там я понял насколько бессмысленно задавать вопрос: «Сколько евреев живет в Биробиджане и Еврейской автономной области?» Вопрос явно имел бы подтекст — ехидно показать, что Еврейская автономия в дальневосточной глуши лишена евреев, которые предпочитают более комфортабельные и цивилизованные места в европейской части бывшего СССР, а весь проект был Сталинской фальсификацией. В связи с этим вспоминаю ответ на этот вопрос прежнего губернатора области Николая Волкова, опубликованный в газете «Известия» несколько лет тому назад: «А сколько вам надо?»

Теперь я понимаю, насколько этот вопрос лишен смысла в Биробиджане. Дело в том, что вместе с первыми еврейскими переселенцами в область прибыли и русские переселенцы из бедствующих в результате коллективизации мест центральной России. В области были и корейские поселения, из принявших русское подданство корейцев, покинувших родину во время жестокого голода в конце XIX в., и много казачьих станиц, жители которых воевали в гражданскую войну как за советскую власть, так и против нее. Новую еврейскую национальную область строили коллективно, понимая: за этим в край идет цивилизация, культура. На Дальнем Востоке практически все жители были «пришлые» — кто чуть раньше, кто чуть позже. Людей в этих местах не хватало, новым людям все были рады. Способствовала единению советская интернациональная идеология, не допускавшая в принципе элементов религиозной розни в едином советском народе. Более того, за десятилетия существования области в ходе многочисленных смешанных браков сложилось единое общество людей, гордящихся своей новой родиной. Приходилось слышать, с каким чувством биробиджанцами исполняется гимн своему городу: «Люблю тебя, Биробиджан. Пою тебя, Биробиджан». Было также трогательно смотреть по телевизору спортивные соревнования между дальневосточными командами, где на майках спортсменов области значилось «ЕАО». При этом в телерепортажах они с гордостью говорили о победах команды, называя себя представителями «Еврейской автономии». Слово «область» явно стара-

лись опустить — «Еврейская автономия» звучит как «Еврейская Республика», по-государственному, что ли…

Если же учесть, что сейчас в Израиль призывают всех, у кого есть в роду бабушка или дедушка евреи, то попробуйте сегодня разобраться, кто в Биробиджане есть еврей. Подводят даже фамилии.

Например, местная поэтесса, автор замечательно радостного и красочного описания в стихах празднования Рош-а-Шана — еврейского Нового года — в Израиле, еврейка по национальности, носит «хорошее еврейское имя» Марина Смирнова. Другая поэтесса, автор трогательного стихотворения о царе Соломона, также еврейка, носит «характерное» имя Марина Русова. Правда третья биробиджанская поэтесса, автор проникновенного стихотворения о царе Соломоне и его возлюбленной Суламифи Виктория Русскова — русская женщина с польскими корнями. Ее предки были сосланы при царе в Сибирь после подавления одного из польских восстаний в XIX в.! Поэтому никого не удивляет, что на местном телевидении редактором программы «Идишкайт», рассказывающей об обычаях и традициях евреев, очень интересно и со знанием дела работает обаятельная русская женщина Татьяна Васильевна Кадинская. С хорошим чувством юмора она рассказывает: «Я сама родом из местных приамурских казаков. Когда собралась замуж за еврея, то мама сначала перепугалась. Но она очень любила певца Иосифа Кобзона. Когда я напомнила ей, что он тоже еврей, то она сразу же успокоилась, и брак был одобрен. Было сказано примерно так: “Ну, раз такой человек как Кобзон — еврей, то и твой также будет хорош”».

Другой пример. Как я уже упоминал, в Биробиджане имеется прекрасное здание филармонии. Меня пригласили туда на концерт детского ансамбля «Сюрприз», которым руководит исключительно талантливый хореограф Елена Александровна Антонова. То, что делают на сцене воспитанники этого педагога и режиссера, просто не поддается описанию. Я просмотрел весь концерт со слезами на глазах! Оказалось, что существует международный союз детских ансамблей, который устраивает международные конкурсы детских коллективов. Так вот, биробиджанский ансамбль «Сюрприз» совсем недавно дважды был удостоен первых премий на выступлениях в Берлине и Париже. Во Франции им после конкурса даже организовали турне еще по пяти городам! Как было объявлено со сцены (концерт был посвящен юбилею Е. Антоновой), в Париже особо высокой оценки удостоился еврейский танец по… библейским мо-

тивам. Настолько высокой, что посол России лично поблагодарил режиссера и актеров за достойное представительство искусства народов Российской Федерации за рубежом. А кто в России знает об этом триумфе российского искусства? Продолжают рассуждать, что Биробиджан — «потемкинская деревня»…

Сразу отмечу, что в репертуаре руководимого Еленой Антоновой ансамбля представлены танцы разных народов и просто свободные композиции. Да простится мне сравнение, это такой своеобразный вариант ансамбля Игоря Моисеева. Но все же еврейские танцы, видимо, хореографу Елене Антоновой удаются особенно хорошо. Во всяком случае, выступавший на чествовании Елены Алексеевны заместитель председателя правительства области Валерий Соломонович Гуревич заявил под общее одобрение зрителей: «Наши соседи в Хабаровске всегда просят нас: “Присылайте еврейские танцы и… вашу сметану”». Зал засмеялся и зааплодировал.

Надо пояснить, что продукция сельского хозяйства из Еврейской области славится на Дальнем Востоке, особенно молочная. В прошлом году в Москве на выставке молочной продукции, соревнуясь с отечественными конкурентами и странами СНГ, Биробиджанский молокозавод привез сразу четыре серебряных медали за качество своей продукции. При этом вся «реклама» предприятия уместилась буквально в четырех ящиках с бутылками молока, ряженки, кефира и упаковками масла. И никакой рекламной «шелухи»: презентаций, роликов, больших выставочных стендов! На это один из обойденных биробиджанцами конкурентов высказался: «Теперь я знаю, что такое Еврейская автономная область. Это приехали, ни копейки не вложили, и забрали все “серебро”».

Правда, к сожалению, мне не удалось попасть на представления Биробиджанского народного еврейского музыкально-драматического театра «Когелет», поставившего в 2009 г. спектакль «Король подтяжек» по мотивам художественного фильма «Искатели счастья». Но в августе его посчастливится увидеть жителям Киева, куда «Когелет» собрался на гастроли.

Надо сказать, что в просторечии соседи области и сами ее жители называют ЕАО дружески-фамильярно: «Еврейка». Например — «поедем в Еврейку, там хорошая рыбалка». Насколько неожиданно может проявляться привязанность жителей области к своей «Еврейке» можно судить по невероятному на первый взгляд эпизоду.

Во время одной из чеченских войн от ЕАО был направлен в Чечню отряд местного ОМОНа. Рядом с ним разместился ОМОН

из Перми, на бронемашинах которого были флаг и герб Пермской области. Своей официальной государственной символики у ЕАО тогда еще не существовало, и ребята решили на броне нарисовать шестиконечную звезду — Щит царя Давида, «Маген Довид», и сделали надпись: «Северный Иерусалим». Увидев знак народа Израиля, чеченцы в изумлении спрашивали: «Это вас ООН направила?», на что биробиджанские омоновцы, продолжая забавляться, отвечали утвердительно: «А что — не видно?» В результате командировка прошла благополучно и никаких инцидентов не произошло. Потом уже использовались принятый в ЕАО флаг — белое полотнище, посередине которого семь продольных разноцветных полос радуги, согласно сказанию о всемирном потопе, установленный Богом на небе в знак Завета между ним и людьми (Быт. 9:13–16), и герб — амурский тигр на аквамариновом французском щите, развернутый вправо, вопреки правилам европейской геральдики! По официальному разъяснению, утвержденному главой российской Герольдии Вилинбаховым, это должно символизировать особенный исторический путь области. Подлинник образца герба, придуманного и изготовленного тогдашней сотрудницей музея современного искусства ЕАО Юлией Бардыш, хранится в Эрмитаже.

Еще более неожиданно, если не сказать забавно, выглядит вот такая ситуация. Дело в том, что на территории, выделенной Еврейской автономной области вдоль Амура, прежде находились станицы амурских казаков. Кстати сказать, по воспоминаниям первых еврейских переселенцев, местное казачество весьма благожелательно отнеслось к ним и всячески помогало в обустройстве на новых, совершенно неведомых местах. Еврейские семьи первую зиму даже жили вместе с ними в больших и добротных казачьих домах, потому что построить свои по разным причинам не успели. Порой получалось, что казаки и еврейские переселенцы отправлялись вместе рыбачить, а затем дружно угощались самогоном, который закусывали традиционным еврейским кушаньем — «гефильте фиш» (фаршированной щукой). Когда в стране стало модным возрождение казачьих традиций, то однажды в Москве на всероссийском казачьем съезде первый казачий атаман области Валерий Пономарев с трибуны обратился к собравшимся: «Разрешите передать вам привет от казаков Еврейской автономной области…». После этого Валерий рассказывал, что в Москве к нему приклеилось прозвище «атаман Иерусалимский».

Более того, когда с подачи «сверху» пошли разговоры об объединении, укрупнении регионов, то относительно предложения из центра объединить ЕАО с обширным Хабаровским краем все население Еврейской автономии решительно выступило против, горячо отстаивая право на свою малую родную «Еврейку». Жители понемногу добиваются успехов на своем нелегком «автономном» пути: например, к 2009 г. до 25 % всей дальневосточной мебели уже производилось в Биробиджане! Это ли не успех для 175-тысячной территории, когда в соседях у нее полутoрамиллионный Хабаровский край, семимиллионный Приморский, почти миллионные Амурские область и «алмазная» Республика Саха (Якутия)? В общем, настроение жителей Еврейской автономной области прекрасно выражают стихи старейшей еврейской поэтессы Любы Вассерман:

Хочу, чтоб знали все, всем рассказать хочу:
Биробиджан — мой дом, душой к нему лечу…
Я среди вас трудилась и жила,
Писала по ночам, костры утрами жгла,
И по ночам опять писала о тебе,
Мой город над Бирой,
Единственный в судьбе!
…И вырос у Биры наш светлый, добрый дом,
В котором мы с тобой счастливые живем.
Пусть юность пронеслась, как бирская вода,
Но город молодым остался навсегда,
Ия хочу друзьям напомнить об одном:
Биробиджан — мой дом.
И песнь моя — о нем.

1974

Характерна биография поэтессы. Люба Шамовна Вассерман родилась в местечко Словатич в Польше, в конце 1920-х уехала в Палестину, находившуюся тогда под английским протекторатом, была арестована английскими властями за участие в национальном еврейском движении, эмигрировала в СССР, а оттуда — из Москвы! — уехала в Биробиджан. Процитированные выше стихи были написаны поэтессой за год до ее смерти. Строки любви к Биробиджану она завещала выбить на своем памятнике, что и было сделано.

Конечно, поэтическое воображение автора не должно создавать впечатление только о радостных сторонах становления Еврейской автономной области, история которой неразрывно связана с исто-

рией всей нашей страны. Естественно, что бедствия и победы непосредственно отражались и на судьбе жителей Еврейской автономии. Обо всем этом рассказывается в прекрасной книге краеведа, кандидата культурологии и депутата городской Думы Биробиджана Иосифа Семеновича Бренера «Лэхаим, Биробиджан!» (Красноярск, 2007). Автору удалось решить весьма сложную задачу — сочетать академическую, научную точность использования архивных документов с удивительными живыми воспоминаниями из реальной жизни и развития родного города Биробиджана, семейными воспоминаниями и документами. Книга написана на русском языке, но в названии использовано словечко на идише — «Лэхаим!», что означает условно «За жизнь! Будем здоровы!», в общем, то, что говорится в ходе дружеского застолья. В тех краях это слово понятно всем, даже китайцам.

О трудностях, с которыми столкнулись первые переселенцы, можно судить по их отзывам. На месте современного города Биробиджана находилась станция Тихонькая, названная по имени казака Василия Никитовича Тихонького, имевшего здесь охотничьи угодья и оказавшего помощь проводника инженерам, прокладывавшим здесь в 1912–1913 гг. линию Транссиба. (Кстати, незадолго до гражданской войны он перебрался с Дальнего Востока на Алтай, а много лет спустя его дальние потомки вернулись в Биробиджан, и живут в городе сейчас!) К началу первого переселения трудящихся евреев в 1928 г. на станции Тихонькой проживали всего 623 человека, в основном железнодорожники, охотники и старатели. Первый поезд с переселенцами прибыл на станцию 20 апреля 1928 г. О впечатлении приехавших свидетельствует запись: «Приехали на место. Знали, что едем отстраивать тайгу. Думали, приедем в город, а оттуда нас отправят в таежные места. Оказалось, что поезд доставил нас в тайгу. Тайга кругом, город надо строить». Среди приехавших впоследствии было много «искателей счастья» из Польши, Литвы, Германии и даже из США, Аргентины и других стран.

Далеко не все прибывшие выдержали испытания суровой природы даже при солидной помощи спонсоров от еврейских организаций Америки. Помогали кредитами и техникой «Агро-Джойнт» и общество Американо-биробиджанской дружбы «Амбиджан». Город строился и развивался. Уже в 1932 г. в рабочем поселке Биробиджан вышел первый сборник стихов на идише. Со временем страна узнала его автора как выдающегося советского писателя — автора знамени-

той повести «Звезда» Эммануила Генриховича Казакевича. Ко времени провозглашения Еврейской автономной области в 1934 г. в Биробиджане проживали уже около восьми тысяч человек. К 1940 г. это был 40-тысячный город с несколькими техникумами и училищами, а также профессиональным еврейским театром, основу труппы которого составили выпускники актерской школы театра Соломона Михоэлса (молодой Казакевич, назначенный первым директором театра, сманил в Биробиджан весь выпуск Михоэлса!)… У области были все основания рассчитывать на лучшее будущее.

Не хотелось бы, но приходится отметить и прискорбные события, обрушивавшиеся на автономию, как и на всю страну, в конце 1930-х годов. По лживым обвинениям было репрессировано все руководство области во главе с первым председателем областного Совета, видным ученым Иосифом Израилевичем Либербергом, а также сотни простых тружеников. После спада репрессивной политики началась Великая Отечественная война, и все было подчинено одному: «Все для фронта, все для победы». На фронт ушли 11 тысяч жителей области, из них 7 тысяч погибли или пропали без вести. Двое — Иосиф Бумагин и Алексей Сосновский — повторили подвиг Матросова. Сержант-разведчик Владимир Пеллер был полным кавалером ордена Славы, а в Сталинграде кроме знаменитого «дома Павлова» защитникам города был ведом и «Дом Пеллера». А сержант Петр Кагыкин был в числе тех, кто установил одно из красных знамен над Рейхстагом — на скульптурной группе «Графиня Рундотт». Знали бы Гитлер и другие ярые нацисты, что это сделает солдат из Еврейской автономии! Я позволю себе привести тут еще одну стихотворную цитату из пророческого произведения Ицика Фефера, созданного в 1943 г. (перевод с идиша):

…Во мне звучат одновременно
Два непохожих языка,
И зов Бар-Кохбы вдохновенный,
И натиск русского штыка,
Благословенный Мойхер-Сфорим
И тишина ржаных полей,
И левитановские зори:
Я — сын Советов, я — еврей!..
…Мой дух несется над снегами
Среди окопов и траншей,
Моя судьба в бою с врагами
Стучится в сердце: я — еврей!

Пусть Гитлер мне могилу роет —
Но я его переживу,
И сказка сбудется со мною
Под красным флагом наяву!
Я буду пахарем победы
И кузнецом судьбы своей,
И на могиле людоеда
Еще станцую! Я — еврей!

После Победы все говорило о том, что снова налаживается жизнь. Более того, в область стали переселяться многие чудом уцелевшие узники нацистских лагерей и гетто, не желавшие возвращаться на места, где погибли их близкие. Политическое руководство области начало требовать преобразования растущей автономной области в Автономную республику… Но не прошло и пяти лет, как в стране началась широкая кампания борьбы с с «безродными космополитами» и «еврейским национализмом». Снова были арестованы руководители области (кстати, входившие в состав Еврейского антифашистского комитета) и ряд видных представителей творческой интеллигенции, в том числе и поэтесса Люба Вассерман, писатель и редактор областной газеты на идише «Биробиджанер штерн» Борис Миллер, поэт, ветеран и инвалид Великой Отечественной Хаим Мальтинский… Были закрыты все еврейские школы, еврейские газеты и литературный альманах «Биробиджан», изъяты многие — старинные и только что вышедшие из печати — еврейские книги из областной библиотеки, из магазинов и издательства. 20 октября 1949 г. закрыт «за нерентабельностью» Государственный еврейский театр имени Л. М. Кагановича. Кстати, это был последний еврейский театр, закрытый при Сталине, — он продержался дольше других.

Тем не менее, область после начала оттепели в 1950-х годах вместе со страной продолжила жить, и мне приходилось слышать о том, что к началу 1980-х в развитии области добились больших успехов. Ограничусь только выпиской из подаренной мне книги о ЕАО.

Тогда она входила в состав огромного Хабаровского края, но именно в Еврейской области было сосредоточено 100 % краевого производства цемента, силикатного кирпича, известковой муки, чулочно-носочных изделий и бельевого трикотажа, валяной обуви, более 40 % бельевого трикотажа. Более того, Биробиджан стал центром легкой промышленности и важным центром машиностроения всего Дальнего Востока. В Биробиджане успешно работали завод

сельскохозяйственного машиностроения «Дальсельмаш», производивший различные уборочные комбайны на гусеничном ходу, которые экспортировались от Ирана до Кубы. Биробиджанский завод силовых трансформаторов остается и сегодня основным поставщиком этой продукции для Сибири и Дальнего Востока.

Область стала важным сельскохозяйственным регионом Дальнего Востока. Не только в области, но и на всю страну был прославлен колхоз в поселке Валдгейм (по-еврейски — «Дом в лесу»).

Памятник «Переселенцы». Фото О. Черномаза

Показательно само возникновение поселка в 1929 г. Тогда две семьи переселенцев — еврея Лейба Гефена и русского Кирилла Масленникова — срубили дом в 10 км от станции Тихонькой и начали обрабатывать землю. С тех пор и началось становление и развитие современного Валдгейма — крупного поселка городского типа. Достаточно сказать, что прибывшими переселенцами было выкорчевано 111 гектаров леса под пашню, после чего началось развитие животноводства. Одним из первых председателей колхоза был все тот же поэт Эммануил Казакевич. Однако наибольшего расцвета колхоз (к тому времени он назывался «Заветы Ильича») добился при знаменитом председателе Владимире Израилевиче Пеллере (1913–1978).

Один из первых домов Биробиджана. Фото А. Клименко

Судьба его сложилось удивительно: участник Сталинградской битвы командир взвода Пеллер за воинские подвиги был награжден тремя орденами Славы. За трудовые заслуги он был удостоен звания Героя социалистического труда, был депутатом Верховного Совета СССР, членом Ревизионной комиссии ЦК КПСС.

Хотелось бы на этом и закончить, однако из песни слова не выкинешь. Рассказывать о событиях, наступивших после реформ 1991 г., не хочется, тем более что содержание будет аналогично любому населенному месту необъятной Российской Федерации. Отмечу только, что общий развал промышленности и сельского хозяйства в крупных промышленных и культурных центрах несколько смягчался неизмеримо большими возможностями найти что-нибудь и где-нибудь заработать, чем в небольших городах и поселках. Приходилось слышать, что в Биробиджане порой зарплату выдавали продукцией производства и даже просто продуктами питания. (Правда, до меня дошли также рассказы о том, что в Воронежской области в начале 1990-х даже детские пособия выдавали… водкой).

Это бедствие (которое, к сожалению, нельзя назвать стихийным) имело для Еврейской автономной области особенно негативные по-

следствия. Дело в том, что область в полной мере была затронута и общей волной еврейской эмиграции в Израиль. Мотивы отъезда, как я узнал из бесед с людьми, имеющими родных и знакомых в Израиле, в подавляющем большинстве случаев были чисто экономическими. Это утверждение подкрепляется и статистикой миграции: после «освоения» Израиля жители ЕАО еще в больших количествах выезжали в… Германию. Судьбы их там сложились по-разному, но, конечно, особое сожаление вызывает эмиграция людей, в большей степени сохранивших элементы идишской культуры.

Надо сказать, что тогда мало кто у нас в стране знал, что в Израиле культура на языке идиш находится в упадке, причем в ранние годы становления этого государства язык идиш старались просто вытеснить. Однако сегодня нельзя отрицать, что установление связей с общественными, политическими и экономическими кругами Израиля может в будущем сыграть положительную роль для обеих сторон и их жителей. Ведь политическое будущее, особенно на Ближнем Востоке, может сложиться непредсказуемо. Во всяком случае, мои беседы в Биробиджане показывают живой интерес местных жителей к проблемам Ближнего Востока, иудаизма и вообще к еврейской истории. Очень многие посещают Израиль; в прошлом году прошли официальные встречи руководства области с руководителями Израиля, с деловыми кругами и деятелями культуры. В свою очередь, в биробиджанских магазинах видны израильские товары: от сувениров до косметики и израильских кошерных лепешек, изготовленных… здесь же в Биробиджане!

Переплетение родственных связей приводит иногда и к неожиданным явлениям. Дело в том, что по российским законам молодые люди, прошедшие военную службу в иностранной армии, освобождаются от призыва в армию российскую. Мне рассказали, что, к сожалению, иногда ребята, напуганные рассказами о дедовщине в наших войсках, предпочитали отслужить три года в израильской армии (которая почти непрерывно воюет!), чем полтора-два года в родной российской…

Чтобы закончить эту тему, отмечу, что на меня тяжелое впечатление произвело посещение Валдгейма, точнее, вид многих запущенных его полей, когда-то с огромным трудом раскорчеванных и расчищенных от деревьев. Водитель машины, которая меня туда подвезла, когда-то работал в этом колхозе. Его семья перед войной проживала на Западной Украине, чудом спаслась во время оккупа-

ции и прибыла в Еврейскую автономную область сразу после войны. Он был неразговорчив, но на вопросы отвечал толково, хотя и немногословно. Многие из его бывших сослуживцев по колхозу оказались в Израиле, возможно, даже его родственники. Он сам довольно часто посещает Израиль, хотя прямых рейсов туда нет и лететь приходится через Москву. Земляков он встречает в Израиле, как он сказал, на «шуке» (на иврите «шук» — базар). Знакомые с израильскими реалиями поймут: это означает, что, как люди скромного достатка, они ищут там продукты подешевле. На мой прямой вопрос — «Имело бы смысл уезжать, если бы колхоз работал нормально?» — последовал решительный ответ: «Нет, трижды — нет!» Продолжая разговор, я спросил о проблемах сурового дальневосточного климата, на что последовал равнодушный ответ: «Ничего особенного. Климат как климат!» И он опять был прав: мне говорили о людях, которые оставили материально более благополучный Израиль только из-за неподходящего климата исторической родины…

Но все же, вопреки всем испытаниям, люди области выстояли, как это ни газетно звучит. Наглядно видно, как магазины и то, что называется малым бизнесом, работают, поддерживаются торговые и экономические связи с соседним Китаем. Об этом следует сказать особо. О том, что китайцы много работают и торгуют в ЕАО, мне много говорили, но лично я их массового присутствия не заметил. Есть китайцы среди постояльцев в гостинице, среди торговцев на рынке, но не в большом количестве. Между прочим, мне сообщили, что качество трикотажных изделий Биробиджанских предприятий настолько высоко, что их охотно покупают… китайские торговцы и члены различных китайских делегаций. В целом, я не заметил там обоснованности распространенных у нас «страшилок» о массовой ползучей китайской иммиграции на Дальнем Востоке.

Поскольку Китай рядом, за Амуром, то жители области могут видеть достижения китайской экономики. Приходилось слышать и такое: «Раньше, в начале перестройки, китайцы на нас смотрели снизу вверх, а теперь наоборот». С горечью также отмечали, что теперь по Амуру пассажирское судоходство осуществляется только на судах китайской постройки, в то время как в Хабаровске был большой судостроительный завод. Поездки внутри Китая, особенно в Харбин, бывший когда-то практически русским городом, удивляют размахом строительства. Иногда я даже слышал о некоторых китайских городах: «Москва может отдыхать!»

Много раздумий вызывает и отношение китайцев к недавней истории. В присутственных местах вывешены портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Мао Цзедуна. На вопрос о Мао, в частности о массовых репрессиях при его правлении, хозяева отвечали: «Мы его ошибки признаем, они исправлены, но и достижения и успехи не отрицаем. В целом мы полагаем у него 30 % плохого, но 70 % хорошего».

Надо отметить, что китайцы проявляют в отношении своих «еврейских» (из ЕАО) соседей исключительное внимание. Дело в том, что в Харбине до и во время Второй мировой войны среди многочисленных выходцев из России проживало до 5 % лиц еврейского происхождения, в основном образованных людей, усвоивших русскую культуру. Даже первый типографский шрифт для газеты на идише, печатный станок и другое полиграфическое оборудование были привезены в Биробиджан… из Китая! Их передал по просьбе секретаря Биробиджанского райкома ВКП(б) Я. Левина владелец Харбинской типографии русских эмигрантов господин Розенцвейг. Еще один биробиджанский феномен!

Сегодня, конечно, Харбин стал чисто китайским городом, но власти провинции создали и поддерживают организацию по изучению культурного наследия еврейской общины Харбина (этим занимается Академия общественных наук), в порядке поддерживается старинное еврейское кладбище. В еврейской общине Биробиджана бывали и лица, считающие себя китайскими евреями. Кстати, китайцы же, гораздо дешевле, чем местные исполнители, выполнили работы по литью больших бронзовых памятников — Шолом-Алейхему и первым переселенцам.

К счастью, есть возможность закончить тему на оптимистической ноте. Оказалось, что Еврейскую автономную область, как и соседние территории, буквально в ближайшие годы ожидает экономический бум. В настоящее время в Приамурье создается мощный металлургической кластер. Первая его очередь основывается на базе крупного Кимкано-Сутарского железорудного месторождения, расположенного на территории Еврейской автономной области. На металлургическом комплексе будет вырабатываться высококачественное железо. Одним из главных потребителей станет Китай, для чего будет использоваться линия Транссиба, проходящая через Биробиджан: город становится крупным логистическим центром. Компания «РЖД» к этому времени должна расширить ответвление железной

дороги к китайской границе, к международному речному порту. С территории ЕАО в 2013–2014 гг. поезда пройдут по новому железнодорожному мосту через Амур непосредственно вглубь Китая, что сделает область важным транспортным звеном, связывающим российский Дальний Восток и северо-восток Китая. Важность этого проекта для страны, Дальнего Востока и ЕАО трудно переоценить. Главное в том, что он уже реализуется и нет оснований сомневаться в его выполнении.

А теперь главное — люди Биробиджана, с которыми я смог встретиться за столь короткое время.

Конечно, люди есть люди, но вспоминая о них, я не могу не произнести самых добрых слов. Порой даже хочется сказать — таких же умных, интеллигентных, по-своему талантливых людей я знал давно и когда-то встречал среди друзей в моем родном Ленинграде — Петербурге, расположенном на другом конце Евразии. Однако в огромном мегаполисе, которым является северная столица России, такие люди как-то растворены в огромном потомке людей и массе приезжих. Здесь же (в Биробиджане) все по-другому, сказывается преимущество небольшого города, где все практически знакомы друг с другом и сама собой создается атмосфера доброжелательного взаимного общения.

Прежде всего повторю имя доктора педагогических наук, профессора Виктора Николаевича Никитенко. Он возглавляет лабораторию региональных социально-гуманитарных исследований Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Может, я не прав, но все же после знакомства с работой всего института и руководимой Виктором Николаевичем лаборатории я подумал, что, может быть, имело бы смысл и в нашем регионе создать подобное учреждение для решения и анализа наших региональных проблем — тем более что их, надо полагать, у нас значительно больше, чем в сравнительно небольшой Еврейской автономии.

Очень интересно для меня как историка было знакомство с ведущим научным сотрудником этого института Иосифом Семеновичем Бренером, автором упомянутой выше прекрасной книги по истории области. К особой заслуге его можно отнести то, что наряду с научными изысканиями ему удается заниматься деятельностью общественной — он депутат городской Думы. Кроме того, он успешно руководит работой коллектива предприятия «Металлопласт», что вообще-то неожиданно для ученого-гуманитария. От него я много

узнал не только о трудном прошлом, но и, что особенно приятно, о хороших перспективах развития экономики ЕАО.

Поскольку область все же — Еврейская автономия, то естественно было познакомиться с председателем еврейской религиозной общины «Фрейд» («Радость») Романом (Рахмилем) Исааковичем Ледером, человеком поразительной энергии. В одном здании с синагогой находятся также детский культурно-образовательный центр и маленький музей иудаизма — кстати, единственный такой музей на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Рядом в таком же красивом здании размещается Еврейский общественный центр, где меня поразила обширная библиотека, а также различные клубы по интересам. Именно этот комплекс посетил в 2010 году президент России Д. А. Медведев. На большой фотографии на стене показано, как Дмитрий Анатольевич внимательно слушает объяснения помощницы председателя общины — Альбины Михайловны Сергеевой. Кстати, президенту здесь подарили «Алефбейс» — еврейскую «Азбуку» 1989 года издания. Надо сказать, к сожалению, что с тех пор еврейские учебники централизованно в нашей стране не издавались…

Получилось так, что вышеупомянутый памятник Шолом-Алейхему находился прямо напротив моего окна моего номера в гостинице, и я много фотографировал своих новых друзей около него. Сфотографировал и его создателя — талантливого скульптора, художника, иллюстратора Владислава Цапа, члена Союза художников России. Осмелюсь утверждать, что такого прекрасного памятника классику еврейской литературы нет ни Америке, ни в Москве, ни, как это ни странно, в Израиле — хотя это государство основали люди, выросшие в основном в среде евреев Восточной Европы, у которых идиш был родным языком. Мне пришлось слышать о том трогательным впечатлении, которое произвел вид этого памятника на внучку Шолом-Алейхема, американскую писательницу Бел Кауфман. Владислав Цап также автор памятника первым еврейским переселенцам в Биробиджан. У памятника есть секрет: лицо женщины-переселенки художник лепил… со своей бабушки, вернее, с ее фотографий в молодости…

Надо сказать, что в Биробиджане каждый четвертый житель — учащийся школы или студент. Там есть все формы обучения, вплоть до высшего образования. Ведущим вузом ЕАО считается Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия (с 16 июня 2011 г. — университет), в состав которого вошли также

два колледжа — легкой промышленности и промышленно-гуманитарный). Также действуют филиалы Амурского университета, Хабаровской академии экономики и права, Современного гуманитарного университета, Благовещенского аграрного университета. Заметьте, это в 75-тысячном городе!

Поскольку у меня также имеется некоторый педагогический опыт, то, по моему мнению, самым трудным и важным для дела образования и просвещения является образование в школе. Что касается Биробиджана, мне удалось провести продолжительную беседу с директором школы с многолетним стажем преподавания — Лилией Вольфовной Комиссаренко. Она директор школы с изучением культуры, языков и Традиции еврейского народа. Проблемы, как и везде, в области школьного образования имеются, особенно ввиду того, что Еврейская автономная область выбрана одной из площадок для проведения эксперимента преподавания основ религии в школах. У меня сложилось убеждение, что такие педагоги как моя собеседница способны справиться с самыми трудными проблемами школьного обучения, хотя они, конечно, неотделимы от проблем общества.

Из беседы я также узнал, что у школы есть трудности в получении научной и методической литературы, издаваемой в Москве и Петербурге. Конечно, существует Интернет, но высокая стоимость авиабилетов является часто непреодолимым препятствием для встреч, обмена опытом и просто для общения дальневосточных педагогов с коллегами из научных центров нашей страны. Вместе с тем я не мог не отметить хорошего впечатления от зданий школ, недавно построенных в Биробиджане.

Получилось так, что с подачи Виктора Николаевича Никитенко моей скромной особой заинтересовались местные средства массовой информации. Мне пришлось даже отшучиваться в том смысле, что я, хоть и «гость из Петербурга», но отнюдь не чиновник с секретным предписанием. Тем не менее, с большим удовольствием я познакомился с представителями печатных и электронных СМИ.

Прежде всего со мной встретился Виктор Иванович Антонов, член Союза журналистов России, и. о. заместителя главного редактора ведущей и старейшей общественно-политической газеты области «Биробиджанская звезда». Очень показательно, что Виктор Иванович оказался потомком первых русских, приехавших вместе с первыми еврейскими переселенцами строить новую Еврейскую автономную область в середине 30-х годов прошлого века. Он не

только горячо преданный своему делу журналист, но и талантливый поэт и переводчик с идиша, а также составитель краткой антологии «Биробиджанская лира», где представлены стихи писавших на идише поэтов (в подлиннике и в переводе на русский). В работе над этой книгой также приняли участие прекрасные переводчики и литераторы Алла Николаевна Акименко — заведующая сектором еврейской литературы областной библиотеки им. Шолом-Алейхема, Елена Ивановна Сарашевская — редактор отдела еврейской жизни газеты «Биробиджанер штерн», Оксана Юрьевна Соколова — тогда корреспондент и переводчик «Биробиджанер штерн», Валерий Петрович Фоменко — бывший зам. главного редактора «Биробиджанер штерн», в настоящее время — литературный редактор областного Института усовершенствования учителей, а также художник издательского дома «Биробиджан» Владислав Абрамович Цап. В краткой антологии представлено поколение идишистских поэтов 1930-х —1950-х годов, начиная с зачинателя идишистской поэзии в Биробиджане Эммануила Казакевича, оставившего свой след и в русской советской прозе. В предисловии к изданию Виктор Иванович хорошо и трогательно отметил неразрывную связь старого «Идиш-ленда и молодого Биро-Биджана», провозгласив, что «Биробиджанская лира звучит везде, звучит до сих пор». Должен сказать, что издание двуязычной книги на русском (или каком-либо другом языке) и идише — чрезвычайная редкость даже в мире.

Что до сугубо личных впечатлений о биробиджанской литературе, то скажу так: по-моему, земля Биробиджана обладает какой-то особой, удивительной поэтической силой и энергетикой. Виктор Иванович передал мне электронную запись новейшей «Антологии поэзии ЕАО», где собраны лучшие произведения почти 50 поэтов Биробиджана и области, творивших в разные годы и творящих сегодня литературу на этой далекой дальневосточной земле (в бумажном варианте книга издана тиражом всего 500 экз.). Все они хороши и значительны, но особенно сильное впечатление проникновенностью смысла и нежностью чувств на меня произвели поэтессы антологии. Невольно возникает мысль: жаль, что нигде в социальной статистике не фигурирует такой показатель как количество хороших поэтов к общей численности населения! Почему-то убежден, что Биробиджан не уступит ни одному из городов России.

Боюсь, что мне уже не хватит положительных, если не сказать хвалебных эпитетов, если возьмусь рассказывать о встречах с работ-

никами радио и телевидения Биробиджана (Всероссийская государственная телерадиокомпания. Государственная телерадиокомпания «Бира») — с радиожурналистом Сергеем Аркадьевичем Корнилевским и редактором программы «Идишкайт» на телевидении Татьяной Васильевной Кадинской.

Сергей Аркадьевич сразу производит впечатление огромного сгустка энергии и любви к профессии. Мне он показался как бы живым олицетворением военного корреспондента из стихов Константина Симонова: «с “лейкой” и блокнотом, а то и с пулеметом». Однако это нисколько не снижает его интереса к глубоким историческим и философским вопросам бытия. Он посетил Израиль и его глубоко интересовали проблемы столь далекого от Дальнего Востока Востока Ближнего, а также положение родной Еврейской автономии в контексте судеб евреев на территории исторической России. У меня сложилось убеждение в большом профессиональном потенциале этого журналиста.

О благородной деятельности Татьяны Васильевны, урожденной амурской казачки, я упомянул раньше. Хочется особо подчеркнуть, что интеллигентная, скромная Татьяна Васильевна может гордиться своими трудами в деле сохранения мировой идишистской культуры, состояние которой вызывает глубокое беспокойство в силу различных причин. Ее верный помощник в съемках передачи — Олег Векслер, которого коллеги шутя называют «кошерный оператор». В еврейских передачах никто его заменить не может — у него тут свой стиль.

Суммируя свои впечатления о встречах и беседах с замечательными людьми прекрасного города Биробиджана, столицы Еврейской автономной области, повторю еще раз: здесь не имеет смысла задавать вопрос о национальном происхождении каждого — все эти люди прежде всего «биробиджанцы»! В этом я лишний раз убедился, увидев в классном помещении для занятий детей в синагоге плакат с русским текстом тесни: «Люблю тебя, Биробиджан!» У этих людей, у этих детей на родной земле нет комплексов по поводу «сложности» своего происхождения.

Уникальность Биробиджана интересна не только как наглядная реконструкция ситуации, похожей на ту, что сложилась в Древней Руси тысячу лет тому назад. Важнейшим его (Биробиджана) последствием для мировой культуры может стать его возможная миссия как одного из центров сохранения традиционной идишистской культу-

ры, иначе говоря «Идиш-ленда», о котором писал Антонов, хотя во многом это сохранение еврейского сегодня может происходить и на русском языке! Надо напомнить, что после монгольского нашествия западная часть Древней Руси (земли будущих Украины, Белоруссии и частично России) на сотни лет попала под власть Польско-литовского государства. Это не прошло бесследно и для еврейского мира Восточной Европы, и со временем возникший на западе язык идиш становится доминирующим у евреев Восточной Европы и возникает Ашкеназская эда. Однако показательно, что в восточном диалекте идиша филологи выделили сильное славянское влияние. Более того, профессор факультета лингвистики Тель-Авивского университета Пол Векслер выдвинул теорию, относящую идиш к группе славянских, а не германских языков! Теория маститого ученого, основанная на изучении многочисленных источников филологического, этнографического, а также исторического характера, вызвала бурную дискуссию среди его коллег. Но профессор пошел дальше, утверждая, что ашкеназские евреи в своей массе не пришлый, а коренной местный народ (!), возможно, принявший в свою среду небольшое количество выходцев с Ближнего Востока.

В XX в. история круто и жестоко обошлась с носителями языка идиш. Самым страшным было уничтожение миллионов его носителей руками гитлеровских нацистов и их пособников. В этой связи нет никаких сомнений, что без героической борьбы советского народа и его Красной Армии против агрессоров, по крайней мере в Старом Свете, не осталось бы вообще ни одного еврея, а не только носителя языка идиш.

Сегодня общепризнано, что сохранение любого языка мира является необходимым для сохранения полноты мировой культуры, а знание любого языка, кроме родного, обогащает человека. В этом смысле Биробиджан сегодня может выполнить важную культурную задачу одного из последних оплотов сохранения идиша, чему способствуют, конечно, удивительные исторические, хотя и не всегда заметные, духовные связи идиша с русским. Ведь творчество писателя определяется не только его языком, но и его духом.

Сегодня мало известно, что Шолом-Алейхем написал несколько новелл на русском языке, а его любимым писателем был Н. Гоголь. В качестве другого примера связи идишистской и русской культур можно привести пример Эммануила Казакевича. Талантливый идишистский поэт со временем стал также выдающимся русским писа-

телем, а его повесть «Звезда» признана шедевром русской советской литературы. А недавно коллеги мне сообщили, что русский текст «Звезды» представляет собой… авторизированный перевод с идиша!

Здесь надо отметить два обстоятельства. Сионисты — создатели государства Израиль — решительно отвергали язык своих отцов, идиш, для использования в новом государстве. В свою очередь, основатели Еврейской автономии в СССР негативно относились к изучению иврита, считая его «реакционным». Однако отказ от идишской культуры и для Израиля, и для постсоветского пространства означает отказ от огромного пласта мировой культуры, прежде всего письменной, накопленной за 700 лет его существования. О значении языка идиш лучше всего сказал в своей нобелевской лекции лауреат Нобелевской премии по литературе, младший современник Шолом-Алейхема, родившийся еще в 1904 г. в Российской империи, в Варшаве писатель Исаак Башевич Зингер:

> «Высшая честь, дарованная мне Шведской академией, — это признание языка идиш, языка изгнания, языка без страны и границ, не имеющего поддержки ни одного правительства в мире, языка, в котором нет слов для обозначения какого бы то ни было оружия, военной амуниции, военных маневров, нет слов и терминов для тактики ведения войны. Этот язык равно презираем как неевреями, так и эмансипированными евреями. Но никто не может отрицать: те нравственные и моральные принципы, которые многие религии только провозглашали, для евреев, живших в гетто, были нормой жизни. Именно на идиш говорили в гетто. Те, кто говорил на этом языке, — они и есть народ Книги в истинном смысле этого слова. Они не ведали большей радости, чем познание человека и взаимоотношений между людьми, называть ли это Торой, Талмудом или Каббалой. В средневековой Европе гетто служило прибежищем для гонимого меньшинства — и оно же учило самодисциплине, проявлению человечности. В переносном смысле оно еще существует и не собирается сдавать свои позиции».

И далее:

> «Некоторые считают, что идиш — мертвый язык. Но то же самое говорили про иврит две тысячи лет подряд. Его возрождение в настоящее время — просто чудо. Арамейский — мертвый язык. Но он донес до нас свет “Зогара”, на нем творили и писали наши

мистики. … Идиш еще не сказал своего последнего слова. Он таит в себе сокровища, доселе еще неведомые миру. Это язык мучеников и святых, мечтателей и каббалистов. Язык, полный юмора. Язык, который многое помнит — то, что человечество никогда не сможет забыть. Можно сказать еще: идиш — язык мудрости и смирения, способный выразить и страхи, и упования человечества» (из нобелевской лекции Зингера 8 декабря 1978 г.).

Хочется разделять оптимизм и предвидение этого достойного наследника Шолом-Алейхема, хотя сегодня реальность неутешительна.

Мне, конечно, известна судьба идиша в Еврейской автономной области и далеко не блестящее положение его сегодня. Однако массовый интерес к еврейским танцам и песням, прекрасные издания великолепного альбома еврейской азбуки от «Алеф до Тав», созданного биробиджанцами — филологом, преподавателем идиша и иврита, русской женщиной Еленой Беляевой, художником — киргизкой Розой Строковой и дизайнером —украинкой Викторией Демиховой, внушают надежду.

Известно также, что в Биробиджане каждые два года проводятся крупные фестивали еврейской культуры и искусства, в которых принимают участие творческие коллективы из России, стран СНГ и дальнего зарубежья — США, Израиля, Австрии и… Китая. Мне представляется, что последнее очень знаменательно. Великая китайская культура возникла четыре тысячи лет тому назад, и, возможно, в Китае хорошо понимают значение возникшей примерно одновременно с ней еврейской цивилизации. И вполне может быть, что это только начало.

На мой взгляд, ЕАО и Биробиджан самой судьбой предназначены стать одним из мировых центров изучения огромного массива всех аспектов цивилизации идиша, от фольклора до мистической каббалы. Очень перспективной была бы организация изучения идиша в биробиджанской Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии в контексте Центра германистики (английский, идиш, немецкий). Также возможно создать центр по изучению культуры идиша международного значения. Это конечно необычно, но для развития российского Дальнего Востока требуются нестандартные решения даже в области культуры, а это далеко не самое дорогое, но, возможно, самое важное для мира! Перефразируя известное изречение, можно утверждать: мир спасется красотой и культурой!

Надежду подает и то, что во время посещения Биробиджана президент Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев, как мне сообщили, обещал поддержать изучение культуры идиша и истории евреев на Дальнем Востоке.

В конце хочу позабавить читателя чисто биробиджанским анекдотом:

> Группа туристов в лесу неожиданно встречает огромного тигра. Все оцепенели от ужаса. Ведущий группы призывает людей держаться спокойно, а потом вдруг говорит: «Спокойно, тигр сытый. Я вспомнил, что Рабиновича с нами нет уже полчаса!»

В поезде, который увозил меня в Хабаровск, я мысленно попрощался с гостеприимным и ставшим близким мне городом словами: «Лэхаим, Биробиджан!»

Важное послесловие о судьбе идиша:
Идиш — европейский язык, имеющий право на поддержку и защиту

11 сентября в болгарском городе Хисар недалеко от Пловдива состоялась встреча главы Дальневосточного центра по изучению еврейской культуры и идиша Бера (Бориса) Котлермана и Пьера-Поля Зондага, представителя Генерального директората по информации при Евросоюзе (ИНФСО), штаб-квартира которого располагается в Люксембурге. На встрече, в рамках международного форума по использованию мультилингвистических компьютерных технологий для устранения языковых барьеров, обсуждались перспективы поддержки и сохранения языка идиш, наряду с другими исчезающими языками Европы. Г-н Зондаг проявил особый интерес к этой проблеме, поскольку его родной язык — эльзасский диалект немецкого, близкий по словарному составу к идишу — также подвержен опасности исчезновения. Один из обсуждавшихся вариантов — это создание рабочей группы с участием представителей Швеции и Еврейской автономии РФ. На сегодняшний день только в этих двух государственных образованиях идиш имеет официальный статус: в Швеции как один из семи официальных языков национальных меньшинств, а в ЕАО как учредительный язык. В соответствии с европейским законодательством о национальных языках, шведское правительство уже инициировало перевод на идиш ряда важных государственных документов. Последним проектом стал перевод Кон-

венции ООН о правах ребенка, выполненный профессором Котлерманом по заказу шведского Омбудсмена по делам детей. Текст перевода помещен на правительственном интернет-сайте:
http://www.bo.se/files/publikationer,%20pdf/bk%20pa%20jiddisch.pdf

Продолжение такого сотрудничества предполагает поддержку идиша с использованием самых современных компьютерных технологий на всех уровнях — государственном, образовательном, культурном, туристическом и экономическом. По словам г-на Зондага, такая политика ведется сегодня по отношению к 23 официальным языкам Евросоюза (по числу стран-участниц), а в будущем она распространится и на остальные европейские языки, что не только поможет сохранению уникальных национальных культур, но и обогатит человечество всем лучшим, что эти культуры в себе несут.

2. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛИИ КЛАВДИЯ БОРИСОВНА СТАРКОВА — ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ (1915–2000)

Долгое общение с замечательным человеком является роскошью, которую судьба нечасто дарует людям. Дар судьбы будет еще значительнее, если этот человек— еще и выдающийся ученый, знаток еврейского, арабского и других семитских языков, Библии, рукописей Кумрана, творчества средневековых еврейских и арабских поэтов, блестящий эрудит в вопросах мировой истории и литературы. У Клавдии Борисовны это сочеталось с удивительными ныне чертами характера, свойственными вымершему племени русского (точнее, петербургского) интеллигента в самом полном и глубоком смысле этого слова.

К. Б. Старкова

Я и сегодня хорошо помню обстоятельства нашего знакомства. Во время очередного отпуска с сыном где-то в конце 1970-х годов на крымском курорте Алушта в одной краеведческой книжке я прочитал о караимах Крыма и самобытном караимском собирателе рукописей Аврааме Фирковиче. Меня заинтересовала как личность самого собирателя, так и сами крымские ка-

раимы, своеобразный удивительный синтез иудеев и тюрок. (Много лет спустя мой интерес вылился в книгу «Караим Авраам Фиркович. История. Еврейские рукописи. Путешествия», СПб., 1997, переизд.: СПб., 2012). Но тогда, узнав из той книжки, что коллекции Фирковича находятся в Ленинградской Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская Национальная библиотека), я по возвращении в Ленинград отправился в отдел рукописей, где и познакомился с хранителем Фонда Фирковича научным сотрудником Библиотеки Виктором Владимировичем Лебедевым. Он как раз занимался изучением некоторых листов этой коллекции и в разговоре упомянул статью Клавдии Борисовны Старковой о коллекциях Фирковича. Мне удалось достать эту работу, и из нее я узнал, между прочим, о московском инженере Г. М. Маневиче, собравшем большую библиографию о караимском собирателе. Отклоняясь от основной темы, отмечу только, что позднее я познакомился и с ним. Он оказался моим близким свойственником, и без его советов и наставлений моя книга вряд ли была бы написана. От него я также услышал многочисленные уважительные отзывы о Клавдии Борисовне. Мне запомнилось его высказывание, что в ее творчестве сочетаются строгая научность раскрытия темы и художественный, даже поэтический дар изложения. В этом я в дальнейшем убедился сам.

Надо сказать, что тогда в Институте Востоковедения, где работала Клавдия Борисовна, читались публичные лекции по различным историческим сюжетам. Я часто посещал их и однажды попал на лекцию Клавдии Борисовны, посвященную Библии как историческому памятнику. Надо напомнить, что это были времена яростной антисионистской кампании, когда все темы, связанные с еврейской проблематикой, были весьма рискованными. Кроме того, сохраняла силу и официальная атеистическая идеологическая доктрина. Конечно, времена Гулага прошли, но неприятности для сотрудника, работающего в том же Институте Востоковедения, могли быть достаточно серьезными.

Тем не менее во время лекции ясно звучала тема огромного культурного значения этой Книги Книг для духовного развития человечества. Уважительно и с полным пониманием рассказывалось о персонажах Библии, царях и пророках, их трудах и проповедях. Помню, как все это слушалось с глубоким вниманием и сопровождалось аплодисментами. Во время выступления ее лицо с исключительно толстыми очками, которое никак нельзя было назвать красивым,

преображалось и становилось одухотворенным, как бы отражая все то прекрасное, о чем она говорила. Сразу же отмечу: я высказываю только то, что мне запомнилось.

Спустя некоторое время — приблизительно через неделю — я неожиданно встретил ее в коридоре того же института Востоковедения. К тому времени я уже знал, что главным предметом ее научных интересов было изучение и перевод рукописей, найденных в Кумране. Представившись, я спросил каковы перспективы издания ее книги. В ответ она с грустью сказала, что издание задерживается, и надолго. Тогда, не зная всей подоплеки этого, я довольно неудачно пошутил, сказав, что, если рукописи лежали две тысячи лет, то могут подождать публикации еще некоторое время. В ответ она с обидой возразила: «Да! Они-то ждать могут, но как быть исследователю, которому исполнилось уже 62 года». Поскольку она родилась в 1915 г., отсюда следует, что разговор происходил в 1977 г. Позднее выяснилось, что книга была закончена десять лет назад и готовилась к печати. Однако, по ее словам, внезапно разразилась Шестидневная война 1967 г., когда Израиль разгромил армии союзных с СССР арабских государств. Были разорваны советско-израильские дипломатические отношения, а в СССР развернулась жестокая и грубая антисионистская кампания, зачастую граничившая с прямым антисемитизмом. Книга была признана несвоевременной и отложена в долгий ящик. Она была опубликована только в 1996 г., и Клавдия Борисовна подарила ее мне с трогательной дарственной надписью. Но и тут произошло досадное недоразумение. В дополнение к переведенным и прокомментированным ею девяти большим документам издатели добавили один документ, подготовленный А. М. Газовым-Гинзбургом, и один — М. М. Елизаровой. Однако в подзаголовке авторы публикации помещены в алфавитном порядке, поэтому ее фамилия — Старкова — оказалась на третьем месте, так что в библиотечных каталогах она может не всегда указываться!

Однако тогда, узнав о моем интересе к личности и трудам Фирковича, она пригласила меня в гости, с некоторой гордостью указав, что живет в отдельной однокомнатной квартире на Торжковской улице. При первом визите в ее скромную по нынешним временам, заполненную книгами квартиру, она, убедившись в моих достаточно скромных познаниях, подарила мне грамматику еврейского языка и один из томиков еврейского историка Г. Греца. О Фирковиче она говорила с большим уважением, указав, что не может быть и речи

о подделке им целых документов. Просто Фиркович, будучи последним историком средневекового типа, не имел представления о научном обращении с источником и мог приписать ему то, что полагал правильным. После уважительных слов о работе Маневича она пожелала мне успехов в этом интересном деле, хотя не совсем представляла мои весьма скромные возможности. С тех пор в течение многих лет, вплоть до ее кончины в 2000 г., я имел удовольствие часто навещать ее и подолгу беседовать на самые разнообразные темы.

К сожалению, тогда мне не приходила мысль хотя бы кратко фиксировать содержание этих бесед. Идея убедить ее записывать свои воспоминания на магнитофонную ленту пришла значительно позднее, и уговаривать Клавдию Борисовну пришлось довольно долго. Это привело к тому, что потом жестокая болезнь помешала ей закончить воспоминания, и они были доведены только до начала войны. Поэтому постараюсь вспомнить то, что сохранила моя память.

Прежде всего, хочу отметить, что Клавдии Борисовне были свойственны безупречное бескорыстие, искренняя честность и связанная с этим глубокая вера в честные намерения других людей, доходящая иногда до детской наивности. Вообще о человеке, рассказывающем о своей долгой жизни, можно судить по тому, как он отзывается о людях , которые встречались ему на жизненном пути. Справедливо замечено, что если он стремится, пусть и невольно, отметить у каждого человека что-то порочащее, даже в малом, то прежде всего он тем самым характеризует и себя. За долгое время довольно близкого общения с Клавдией Борисовной мне почти не довелось слышать плохого о большинстве людей, встречавшихся ей за всю ее долгую жизнь. Даже для тех, кто действительно причинил ей зло, в частности по службе, она старалась найти что-то извиняющее.

Она никогда не завидовала своим более удачливым коллегам, хотя поводы для этого, конечно, были. Несмотря на очень плохое зрение, она никогда не отказывалась помочь своим коллегам, хотя это требовало от нее большого напряжения уже больных глаз и даже работы с лупой. Примером этого является работа с рукописью Г. М. Глускиной, о чем можно прочесть в воспоминаниях последней. Она охотно обучала, давала уроки еврейского языка всем желающим — естественно, абсолютно бескорыстно. Мне самому довелось достаточно продолжительное время заниматься у нее вместе с А. Л. Воссоевичем. Нас поражало, каким образом Клавдия Бори-

совна могла по памяти подсказывать нам правописание еврейских слов с исключительно сложной системой огласовки в виде системы точек под буквами в слове. Все грамматические правила она, конечно, помнила наизусть, поскольку состояние ее зрения мешало ей часто заглядывать в справочник.

За долгие годы знакомства она, обладая хорошей памятью, много рассказывала различных историй, которые я, рассчитывая на будущую полную запись ее воспоминаний, не всегда записывал. Эти планы удалось осуществить только частично. Состояние здоровья позволили довести ей рассказ примерно до 1940 г. Поэтому приходится обратиться к тому, что запомнил.

Жизнь ее сложилась таким образом, что своей семьи в узком смысле у нее не было. Но она все время очень трогательно вспоминала о родителях и всячески заботилась о племяннице и ее детях. Она часто, с глубокой душевной болью, вспоминала о безвременно ушедших из жизни коллегах, особенно молодых. Мне запомнились ее трогательные горестные слова о рано умершей талантливой исследовательнице М. Елизаровой. Помню как очень огорчила ее неожиданная кончина ее давнего друга, видного ученого-семитолога А. Г. Лундина. Она хорошо знала его семью и с благодарностью вспоминала, что он часто приходил ей на помощь в разных житейских обстоятельствах. Она очень уважала его и за присущую ему принципиальность и чувство чести.

Здесь мне хотелось бы привести записанный мной рассказ Клавдии Борисовны о кончине ведущего советского арабиста академика И. Ю. Крачковского, где упоминается и Лундин. «В 1948 г. состоялось заседание по делу Крачковского. Против него с обвинениями выступил Климович, лжеученый. В частности, он требовал привлечь к ответственности Игнатия Юлиановича за работу его ученика Барабанова и его переводы с арабского документов Шамиля. Однако Барабанов погиб в начале войны в 1941 году, и все свои обвинения К. обратил против академика. Председательствовал тогдашний директор института Востоковедения Исаак Натанович Винников, и я помню как он в адрес докладчика кричал с сильным еврейским акцентом: “Позор, позор!”. Я сидела в зале, а студенты стояли вдоль стен (дело было в Ленинградском университете) и поддерживали Винникова. Но громче всех кричал “позор” именно Лундин. Когда все уходили, я громко сказала «Климович — подлец». Он все отлично слышал, но никак не реагировал. Пострадал прежде всего

Винников. Его уволили под предлогом создания научного центра в Москве, все материалы переслали в Москву. Хотели даже перевести в Москву Библиотеку Академии наук. Крачковский поехал в Москву и убедил восстановить Винникова. Ему это обещали. Однако в 1951 г. в Ленинград приехал С. П. Толстов (кстати сказать, сын казачьего атамана, расстрелянного красными; однако это ему не повредило, поскольку он воспитывался в детском доме). В Академии Наук он был весьма важным лицом. Когда Крачковский заговорил с ним о Винникове, Толстов решительно развеял его надежды. Игнатий Юлианович убеждал его почти 7 часов, с 2 до 9. После разговора заметили, что его обычно бледное лицо очень покраснело. Домой на Васильевский остров он пошел пешком. Дома попросил жену поиграть любимую музыку и, расположившись на кресле, стал слушать. Вдруг жена увидела, что он как-то обмяк. Она спросила: "Игнаша, тебе плохо?" Он ответил, что колет в сердце. Вызвали неотложную, но через 15 минут он скончался». Хочется добавить, что таковы были нравы в науке уже в послевоенные годы.

Война застала Клавдию Борисовну в Ленинграде. Она участвовала в гражданской обороне и дежурила на крышах. Самые тяжелые воспоминания у нее сохранились о голоде в блокадном городе. Тогда же от голода и болезни скончался горячо ею любимый отец. Очень переживала она до конца жизни трагическую судьбу близкого ей человека — выдающегося семитолога Андрея Яковлевича Борисова, которого она любила совершенно романтической любовью до конца своей жизни. Он участвовал в эвакуации хранилищ Эрмитажа и скончался в 1942 г., сразу же после эвакуации по «дороге жизни».

В связи с этим она была не согласна с частыми тогда (1996) выступлениями академика Д. С. Лихачева. В частности, по ее мнению, они были весьма предвзятыми и не точно передающими ужасы блокады. Главное — это беспощадный голод, а не бомбежки. Последние были весьма редки зимой, поскольку при сильных морозах немецкий синтетический бензин замерзал. Многое из спорных высказываний академика она объясняла его личной трагедией — его дочь погибла, попав под трамвай. Но, тем не менее, она любила рассказывать, как после уже возвращения из эвакуации в достаточно трудные годы она и мама подкармливали голодных немецких пленных, работавших на восстановлении Ленинграда. Более того ее мать, врач по профессии, оказывала пленным, часто страдавшим фурункулезом, медицинскую помощь.

Надо сказать, что Клавдия Борисовна очень любила читать, но из-за плохого зрения она имела обыкновение внимательно слушать радио и просила не беспокоить ее во время литературных передач. В девяностые годы, на заре перестройки, широким потоком в эфир, во всяком случае ленинградский, хлынули чтения казавшихся тогда откровением книг Льва Николаевича Гумилева. Она хорошо знала его еще студентом и, как читатель увидит из ее воспоминаний, горячо сочувствовала его участи. Вместе с тем она возмущалась многими положениями его гипотез, полагая их необоснованными и противоречащими историческим фактам. Помню ее слова: «Что касается Библии, тут я сама могу судить. Но я спрашивала китаистов и тюркологов: может быть, он специалист в их области. В ответ слышала отрицательные ответы». На вопрос, почему же они молчат и не возражают ему, ей отвечали, что никому не хочется публично обвинять в невежестве сына двух таких знаменитых поэтов да и к тому же проведшего по ложному обвинению много лет в тюрьмах и лагерях и прошедшего через всю войну на фронте.

Гуманизм Клавдии Борисовны распространялся и на животных. Она очень любила и жалела домашних кошек, трогательно рассказывала о своей заботе о бездомных собаках. Она очень любила читать книги про животных, и особенно сочувствовала тем, кто страдал от человеческой жестокости. Помню забавный случай. Однажды я посетил ее вместе с профессором-семитологом из Чехословакии. Во время гражданской войны она с матерью находилась в Сибири и помнила движение эшелонов чешских легионеров на Восток. И в конце беседы на научные темы она неожиданно спросила профессора: «А куда же делись медведи, которых чехословаки везли с собой в каждом вагоне?».

Я давно заметил, что те, кто изучает культуру и язык какого-либо народа, совершенно бессознательно влюбляются в него и его героев. Показательно, что монголоведы стараются найти смягчающие объяснения даже для Чингис-хана. Клавдия Борисовна не была в этом исключением. Конечно, она любовно относилась с историческому и культурному наследию евреев, как древних, так и современных. Но, хотя она выросла в семье свободомыслящих русских интеллигентов, все же ей оставалась близка традиция Русской православной церкви. Например, обсуждая работы одного талантливого исследователя библеиста, она отмечала: «Сущности Евангелия он не понимает !». Мне запомнились ее рассказы, связанные с евреями. Один,

о том как ее отец предотвратил еврейский погром около Белостока, содержится в основном тексте ее воспоминаний.

В 1948 г. она по договору с энциклопедическим изданием «Народы мира» писала статью «Евреи Восточной Европы». Для изучения предмета она посещала Ленинградскую синагогу во время религиозных праздников. Ее тогда поразила огромная толпа молящихся и особенно вид одного, истово молившегося. Это был полковник, грудь которого была украшена боевыми орденами. Кстати, за эту статью, а также другую — «Евреи Западной Европы» — ей был выдан аванс, но в стране вдруг резко изменилась обстановка, и издательства печатать эти статьи отказались. Правда, аванс обратно не потребовали. Так и вышло издание «Народы мира» без упоминания евреев.

Запомнилась также мне удивительная история, которую поведал ей случайный попутчик. Однажды в междугороднем автобусе она разговорилась со случайным соседом. Узнав о ее занятиях, он спросил, не еврейка ли она? Клавдия Борисовна, естественно, ответила: разве для того, чтобы заниматься изучением Китая, надо быть китайцем ?. Тогда попутчик спросил, знает ли она, что такое не то сионийские, не то синские мудрецы. После ее ответа он сообщил ей странную историю. Сам он по профессии электромонтер и проживал тогда, в конце сороковых годов, в Москве. Внезапно вечером его вызвали по срочному делу и на машине доставили в Кремль. Долго вели коридорами и привели в кабинет какого-то важного лица. Приведший его офицер указал ему на погасшую настольную лампу и приказал ее исправить. В ходе работы офицер ослабил внимание, и рассказчик, продолжая работу, невольно обратил внимание на лежащие на столе книги, которые вышедший хозяин явно изучал. И тут его поразило странное название одной книги — Протоколы этих самых мудрецов, названия которых он никогда не встречал. Только после того, как он закончил работу, он понял, что работал в кабинете самого И. В. Сталина. Сообщая мне этот, по старым понятиям, исторический анекдот, Клавдия Борисовна сказала, что уверена в правдивости рассказчика.

Вместе с тем, как было уже сказано, православная традиция никогда не угасала в ее душе. Она отмечала основные христианские праздники, особенно Пасху с ее атрибутами — куличами и крашеными яйцами. Впрочем, с радостью она принимала от меня в подарок и мацу. Отпевали ее также в церкви по православному обряду.

Политические взгляды ее также были своеобразны, т. е. характерны для русского интеллигента начала века. Она, по семейной традиции, сочувствовала социалистическим идеям. Мать ее, будучи в Париже, слушала выступления русских эмигрантов, чаще всего социал-демократов разного направления, в том числе и самого В. И. Ленина. Более того, как читатель увидит, ее мать во время событий 1905 года спасла Ленина от ареста. Имея представление по рассказам матери о личности и идеях Ленина, она зачастую возмущалась антиленинскими выступлениями публицистов перестроечного времени. Отец также сочувствовал новым идеям. Помню ее рассказы о том, как ее родители принимали участие в оборонительных работах во время наступления Юденича на Петроград. Очень хорошие воспоминания оставил у нее период НЭПа. Однако репрессии тридцатых и последующих годов, конечно, вызывали у нее возмущение и негодование. Она горестно рассказывала мне, что А. Я. Борисов даже зимой не закрывал окон. Он говорил ей, что когда придут его арестовывать, то он выпрыгнет (этаж был высокий) и скорее разобьется насмерть, чем попадет в НКВД. Но в целом она полагала идейные основы Советской власти справедливыми, хотя и считала, что они были сильно искажены на практике.

Вообще она очень сильно переживала несправедливости со стороны властей. Во время преследований поэта Иосифа Бродского ей принесли на рецензию переводы еврейского средневекового поэта мусульманской Испании Ибн Габироля. Она нашла их превосходными, хотя Бродский не знал ни одного еврейского или арабского слова. Более того, она была готова высказать это открыто, но по неизвестным причинам к ней не обратились.

Во время войны Клавдия Борисовна с матерью находилась в эвакуации, сначала в Мордовии, где преподавала русский язык в сельской школе. Затем она перебралась в Ташкент, где в июле 1944 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Ленинградские фрагменты “дивана” Йехуды Халеви». Вернувшись из эвакуации преподавала на Восточном факультете Ленинградского Государственного университета на кафедре «Ассириология и гебраистика». Одновременно она сотрудничала в Институте Востоковедения и работала над докторской диссертацией под руководством академика И. Ю. Крачковского. Она была посвящена творчеству еврейского средневекового поэта Соломона Ибн Габироля. После смены руководства факультета в мрачный период борьбы с «безродными космополитами» кафедра

была закрыта и сотрудники уволены. Клавдии Борисовне с трудом удалось устроиться в Библиотеку Академии наук, где она проработала, фактически не по специальности, 4 года. Подробности этого периода жизни Клавдии Борисовны описаны в воспоминаниях ее ученицы Г. М. Глускиной, способности которой Клавдия Борисовна очень высоко ценила.

К сожалению, я не записывал тогда подробностей ее рассказов о работе в Библиотеке, рассчитывая, что она все расскажет сама при записи ее биографического рассказа. Отмечу только, что она находила много интересного и в этой работе не по специальности.

После начала оттепели она в 1954 г. поступает на работу в Ленинградский филиал Института Востоковедения АН СССР и работает там до ухода на пенсию в 1979 г. Помнится, она говорила мне, что именно тогда ей пришлось отказаться от избранной и любимой ею темы «Средневековая еврейская поэзия» и заняться изучением документов Кумрана, найденных в 1947 г. в пещерах на берегу Мертвого моря в Иудейской пустыне. Первая публикация на эту тему в нашей стране, появившаяся в журнале «Вестник древней истории» (1958, № 1), принадлежала перу Клавдии Борисовны.

В дальнейшем ее оригинальные исследования в области кумрановедения получили признание самых видных гебраистов мира. Она подготовила научные переводы большого числа кумранских документов на русский язык. Не ограничиваясь только филологической стороной вопроса, исследовательница сумела показать идеологию кумранской общины в контексте социальной и политической ситуации в Иудее в период возникновения христианской цивилизации. Клавдию Борисовну приглашали участвовать в различных научных встречах ученых за рубежом, но ей удалось тогда встретиться с иностранными коллегами только на XXV Конгрессе востоковедов в Москве.

Особо яркую страницу в ее творческой биографии составляет работа с крупнейшим собранием еврейских рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Практически сразу после окончания университета она много работает в ее всемирно знаменитых коллекциях, а со временем становится научным консультантом библиотеки по всем вопросам, связанным с еврейским рукописным фондом. Она оказала неоценимую помощь библиотеке после возвращения из эвакуации в 1946 г. ценнейшей коллекции рукописей, собранных Авраамом Фирковичем. Тогда в Отделе рукописей не оказалось сотрудников, знавших еврейский алфавит.

Клавдия Борисовна не только помогла вернуть еврейские рукописи на места их хранения, но также систематизировала их расстановку, создав своеобразный «ключ», благодаря которому библиотекарь, даже не владея еврейским языком, мог самостоятельно и сравнительно быстро найти нужную рукопись.

Интерес к изучению собрания Фирковича сохранился у нее и в последующие годы. В 1964 г. она разработала программу публикации памятников еврейской и еврейско-арабской литературы, где почетное место занимают рукописи этого собрания, еще через 10 лет опубликовала обзор рукописей, его составлявших. Эти работы заинтересовали специалистов многих стран и были переведены на французский язык.

Я помню, каким потрясением было для нее известие о краже части рукописей из коллекций Фирковича, совершенное при содействии их хранителя В. В. Лебедева уже в 90-х годах. Правда, познакомившись со списком украденного, она пришла к выводу, что похищены манускрипты, представляющие интерес только с эстетической точки зрения, а не с научной. Надо сказать, что она весьма ценила квалификацию Лебедева в качестве семитолога. Я регулярно читал ей газетные известия о суде над ним и приговоре. Тут она смягчилась и сказала: «Надо дать ему возможность работать, но не с подлинниками рукописей, но только с их ксерокопиями».

В шестидесятые годы Клавдия Борисовна много и очень плодотворно работала над переводом и научным комментированием документов Кумрана. Ее трудами были переведены, прокомментированы и подготовлены к изданию многие тексты Кумрана, общим объемом более 20 печ. л. Как было указано выше, начавшаяся в стране после 1967 г. «антисионистская» кампания задержала публикацию результатов ее трудов по кумрановедению на тридцать лет, и книга нашла своего читателя только в 1996 г. (Тексты Кумрана. СПб., 1996). Более того, в 1979 г. плодотворно работавшую исследовательницу вообще отправили на пенсию.

Однако, даже несмотря на серьезную болезнь глаз, Клавдия Борисовна продолжала заниматься научной работой. Она много внимания уделяла библеистике, публикации творческого наследия своего учителя, блестящего семитолога Андрея Яковлевича Борисова, биографическим работам о выдающихся востоковедах и т. д. Ее публичные лекции по библеистике всегда вызывали огромный интерес у слушателей. Конечно, этому способствовали, кроме научной эрудиции лектора, также блестящая литературная форма изложения

и принципиальность оценок фактов, не зависящая от каких-либо конъюнктурных обстоятельств.

Вообще искренность, правдивость и доброта — отличительные черты характера Клавдии Борисовны. Можно даже с глубоким прискорбием сказать, что в ее лице из жизни ушел один из последних представителей старой русской интеллигенции в самом высоком смысле этого слова. В этом согласны все ее многочисленные друзья и ученики. Стоит добавить, что во всех трудах Клавдии Борисовны чувствуется искренняя любовь к народу, изучению языка, истории и культуры которого она посвятила весь свой большой талант исследователя.

В последние годы ее жизни после очередного сеанса записей ее воспоминаний я много читал ей вслух. Клавдия Борисовна любила слушать воспоминания, а также исследования о трагических событиях нашей истории 1930–1940 гг.. Подобная литература, в том числе и не слишком достоверная, потоком хлынула в начале 1990-х годов. Сама она читать из-за ухудшения зрения уже не могла. К сожалению, силы ее постепенно покидали, и она уже не смогла наговаривать воспоминания.

Прискорбно, что, несмотря на мировое признание, ей только в 1991 г. удалось побывать на научном конгрессе в Польше. Больше всего, конечно, ее влекла Святая земля, плодотворному изучению духовного наследия которой она посвятила свою жизнь. И, конечно, именно поэтому меня глубоко тронули и запомнились на всю жизнь ее слова, сказанные ею мне во время одного из последних посещений: «Вы знаете, мне сегодня приснился сон, как будто я, Вы и какой-то израильтянин идем из Иерусалима в Иерихон».

Ушла из жизни Клавдия Борисовна 27 июня 2000 года.

Во время записи воспоминаний удалось опубликовать отрывок из них, посвященный судьбе безвременно погибшего в годы репрессий гебраиста Ильи Гринберга («Вестник еврейского университета в Москве». М., 1997. № 3).

Большое научное наследие Клавдии Борисовны еще предстоит собрать и издать. Из неопубликованного мне удалось напечатать набело с трудно читаемого черновика Клавдии Борисовны комментированный перевод важного документа Кумранской общины «Война сынов света с сынами тьмы», к сожалению, также частично незаконченный.

Далеко не полный список основных ее научных трудов включает следующие:

Письмо Йехуды Халеви к Хабибу-ал-Махдеви: (Публикация и комментарии) // Советское Востоковедение. Т. 3. М.; Л., 1946. С. 423–437.

Панегирик в средневековой еврейской поэзии // Советское востоковедение. Т. 4. М.; Л., 1947. С. 134–156.

Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении // Вестник древней истории. 1955. № 2. С. 161–174 (совместно с И. М. Дьяконовым).

Рукописи из окрестностей Мертвого моря // Вестник древней истории. 1956. № 1. С. 87–102.

Рукопись «Канона по медицине» Ибн Сины (Авиценны) из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Труды ГПБ. Вып. 2 (5). Л., 1957. С. 39–58.

«Устав для всего общества Израиля в конечные дни»: (С приложением текста) // Палестинский сборник. Вып. 4. М.; Л., 1959. С. 17–72.

Дополнения к «Уставу» кумранской общины // Палестинский сборник. Вып. 8. М.; Л., 1960. С. 22–31.

Семитология в СССР за сорок лет // Уч. Зап. Института востоковедения (АН СССР). Т. 25. С. 267–277.

К вопросу о происхождении названия “Сыны Садока” в кумранских текстах // Краткие сообщения Института народов Азии (АН СССР) № 86. История и филология Ближнего Востока. Семитология. М., 1965. С. 67–71.

О публикации и исследовании памятников еврейско-арабской литературы // Семитские языки. Вып. 2, ч. 1. М., 1965. С. 205–215.

Рукописи коллекции Фирковича Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1970. М., 1974. С. 165–195.

Памятники кумранской литературы (К исследованию идеологии кумранской общины): дис. … д-ра филол. наук. М., 1971. 445 л. (АН СССР. Ин-т востоковедения.)

Les plus anciens manuscrits de la Bible dans la collection de L’Institut des études orientales de l’Académie des sciences de l’URSS // La paléographie hébraique mediévale. Paris, 11–13 Septembre 1972. Paris: Centre nationale de la recherche scientifique, 1974. P. 37–40.

Les manuscrits de la collection Firkovic conservés á la Bibliothèque publique d’Etat Saltykov-Scedrin // Revue des études juives. T. 134. Paris, 1975. 3–4. P. 101–117.

Шифрованные астрологические документы из окрестностей Хирбет-Кумрана (4Q Cript.) // Палестинский сборник. Вып. 26. М.; Л., 1978. С. 124–132.

Фрагменты «Плача» из 4-й пещеры Хирбет-Кумрана (4Q 179) // Палестинский сборник. Вып. 27. М.; Л. 1981. С. 57–62.

«Странствие Авраама» (1Q Gen Ap XXI, 8–20) // Палестинский сборник. Вып. 28. Л., 1985. С. 10–13.

Слова светильные (4Q Dib Ham) // Палестинский сборник. Вып. 29 (92). История и филология. Л., 1987. С. 13–21.

Тексты Кумрана / при участии А. М. Газова-Гинзберга и М. М. Елизаровой. СПб., 1996.

Всеволод Львович Вихнович

2000 ЛЕТ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ РОССИИ
(От начала новой эры до современности)

Редактор *Е. А. Пережогина*
Верстка *Ю. Ю. Тауриной*
Обложка *Е. Владимирова*

Подписано в печать 17.07.2012

Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38 + 0,5 печ. л. вкл.
Тираж 1000.

ООО «Академия Исследования Культуры»
Санкт-Петербург, Чапыгина, д. 6
Тел. (812) 956-77-85
e-mail: smolu@yandex.ru

ИЗ ЖИЗНИ В ЧЕРТЕ ОСЕДЛОСТИ
(По материалам коллекций почтовых открыток центра «Петербургская иудаика»)

ТРУД

Ковель. Еврейские лавки
Евреи Ковеля, уездного города Волынской губернии, так же, как и многие евреи — жители «черты оседлости», жили торговлей.

Еврейская «фура».
Евреи контролировали извоз в губерниях «черты оседлости». Балагула, еврей-извозчик, — типичная фигура Западного края Российской империи.

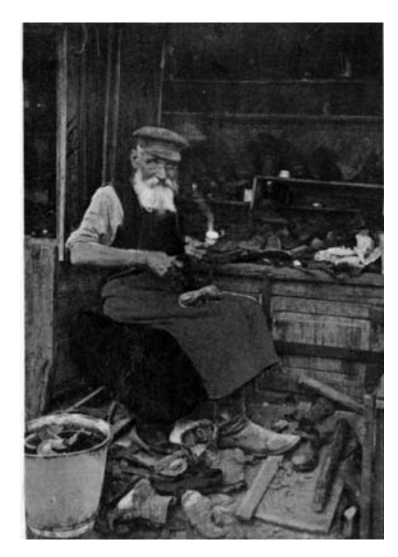
Плотники

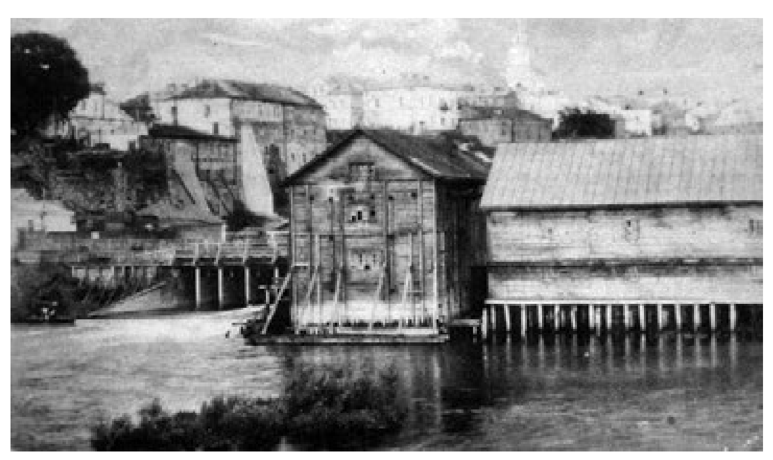
Водоносы

Клезмеры
Рисунок Л. Пастернака
Поздравительная открытка
к Новолетию (Рош га-Шана).
Клезмеры — народные музыканты,
игравшие в основном на свадьбах.

Старый сапожник

Вид г. Бердичева

В XIX в. Бердичев, уездный город Киевской губернии, стал крупным ярмарочным центром. В начале XX в. здесь проживала 41 тысяча евреев (78% населения). Бердичев считался самым «еврейским» городом черты оседлости. Его образ нашел свое отражение в творчестве многих еврейских писателей.

Посещение раввина

С картины И. Кауфмана

Мальчика привели в начальную религиозную школу, хедер, к будущему учителю. Традиционно мальчиков отдавали в хедер с четырех лет; там их обучали чтению и давали начальное религиозное образование. Все еврейские мальчики были обязаны посещать хедер.

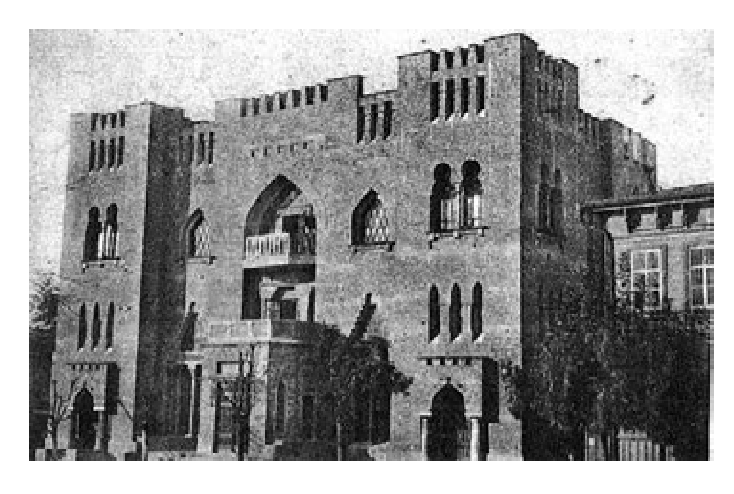

Еврейская свадьба
С картины А. Транковского
Жениха и невесту ведут в синагогу для венчания по улицам местечка.
Свадебную процессию сопровождают народные музыканты-клезмеры.

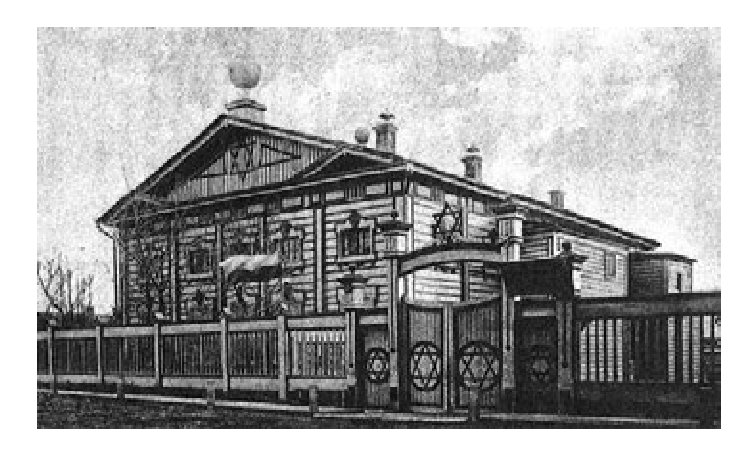
СИНАГОГИ

Вильнюсская хоральная синагога «Тагарот Гакодаш»
Здание построено в начале XX в.
в неомавританском стиле,
продолжает функционировать
и сейчас

Синагога Смоленска
Здание синагоги не сохранилось.
Еврейская община существовала в Смоленске с начала XVII в.
В начале XX в., несмотря на запретительные меры местной администрации,
в Смоленске проживало 4600 евреев, около 10% населения города.

Синагога Красноярска
Деревянное здание, характерное для синагог Сибири, не сохранилось.
Еврейская община в Красноярске существует с 1822 г.
В начале XX в. евреи (1200 человек) составляли 5% населения Красноярска.

Талмуд
С картины Л. Крестина
На картине изображена группа мужчин, занятых изучением Талмуда в синагоге. Синагога предназначалась не только для молитвенных, собраний, но и для учебы, а также служила помещением для общинной библиотеки.

Спор галицийских талмудистов
С картины Шлейхера

«Благословен дающий Тору»
Благословение, произносимое перед и после прочтения отрывка из Торы (Пятикнижия) тем, кого вызвали к Торе. Важнейшая часть субботнего богослужения — публичное чтение недельного раздела Пятикнижия по свитку. Эту почетную обязанность исполняют несколько прихожан, которых вызывают одного за другим к Торе.

«Трубление в шофар»
Поздравительная открытка к Новолетию (Рош га-Шана). Центральный обряд праздника Рош га-Шана — ритуальное трубление в бараний рог, шофар.